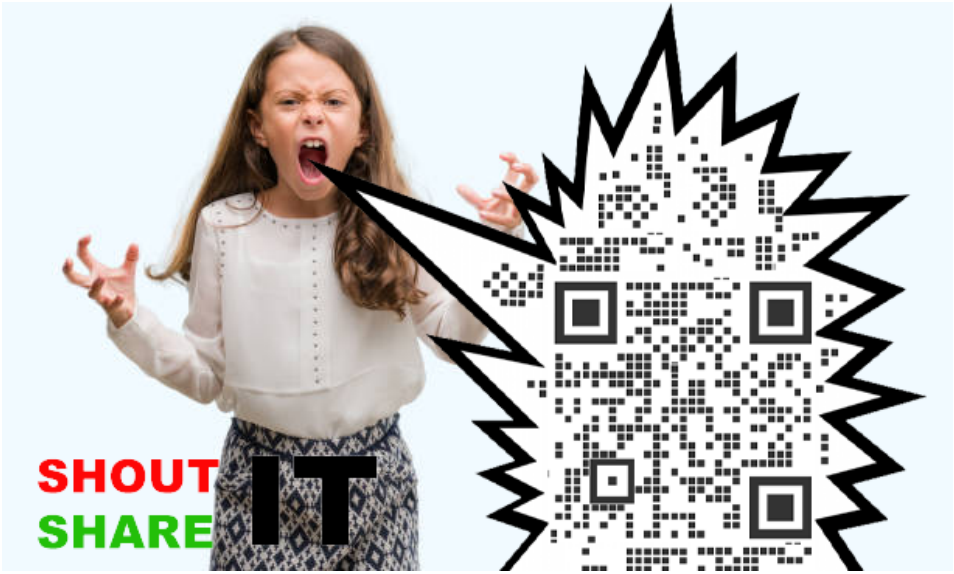
А был ли мальчик (част 1-6)

Convallaria Majalis


SHOUT
SHARE
IT

•

Аннотация: Почему все решили, что "Гарри" -- это мужское имя?

ЧАСТЬ 1

Глава 1

Наблюдать за тем, как медленно багровеет лицо дяди Вернона, было весело. В самом деле, что может быть лучше: любимый родственник с самого утречка метко и ловко обстрелян совиным пометом - а поделать он ничего не может. Я на минуту-вторую даже позабыла о том, что этот говнюк не отдает мне мое письмо, за что и получил. Нет, ради такого зрелища я даже согласилась бы добровольно отказаться от обеда. Хотя, судя по всему, меня его и так лишат...

-- Гарриэт Поттер! Иди сюда и прибери тут все! Пока не уберешь, еды не получишь.

Упс... накаркала.

-- Э-э... дядя Вернон, но ведь они прилетают снова и снова, какой смысл убирать?

В самом деле, ради чего я буду мучаться и отмывать птичье дерьмо, если полчаса спустя все приобретет первоначальный вид?

Слава богу, тетя Петуния пока не впала в маразм:

-- Вернон! Пусть подавится своим письмом! Они так просто не сдадутся.

-- Я сказал, что эта уродка не получит письмо - и она его не получит! Мы сегодня же уедем туда, где они нас не достанут. Пакуй чемодан, Петуния, возьми только самое необходимое. Дадли, собирайся, живо!

Свин (то бишь кузен) был ужас до чего недоволен. Как же, ему не позволили взять с собой компьютер, и пришлось довольствоваться несчастным тетрисом! Рассевшись на заднем сидении машины, он жрал чипсы и норовил вытереть о мою футболку жирные пальцы, но я старалась не обращать внимания, чтобы не навлекать на себя новых неприятностей. Мне за эти три дня и так досталось - больше некуда. А все началось с того, что в утренней почте обнаружилось письмо, адресованное мне. "Гарри Поттер, чулан под лестницей, улица Тисовая..." Первой мыслью было, что кто-то пошутил. Ну не станет нормальный человек указывать такой адрес! К тому же, никто, кроме Дурслей, не знал, что я живу в чулане... Дадли, в принципе, способен на любую подлянку, но я сомневаюсь, что он - и любой из его дружков - в состоянии написать два слова без ошибок.

Дурсли-старшие тоже отпадали - вряд ли они резко впали в детство. Так что я с огромным любопытством уставилась на

конверт, рассматривая сургучную печать: кабанья голова на щите и сверху надпись "Хогвартс". Стильненько.

-- Эй, смотрите, ей кто-то написал! - мой идиот-кузен выхватил письмо у меня из рук и передал папаше.

-- Это мое письмо! - "ты, жирная тупая скотина!", как всегда, мысленно, добавила я. Дурсль-старший перекривил меня:

-- Мое письмо! Да кто тебе напишет! Ну-ка, ну-ка... -- он глянул на печать и позеленел, как ненавистный мне латук. -- Пе-петуния!

Тетка глянула ему через плечо - и побелела. Кузен, запыхавшись, покраснел, так что глазам моим предстало довольно забавное зрелище. Ну, и что такого с моим письмом?

-- Они. Это все они. Твоя чокнутая сестра с придурком-муженьком, и после смерти не оставят нас в покое! -- взвизгнул Вернон. Если и есть болезненная для меня тема, то это мои родители. Плевать, как называют меня, как высмеивают, но при упоминании моих родителей мне хочется броситься на дражайших родственников и повыцарапывать их поросячьи глазки - а лучше вообще перегрызть им глотки. В семь лет мне сказали, что мама и папа погибли а автокатастрофе. Что мать моя была безработной, а папа - алкоголиком. Что излюбленное их занятие было - попрошайничать и докучать Дурслям.

Я проплакала всю ночь, пока не устала. А потом подумала: какого черта? Откуда машина у безработных? И каким чудом выжила в аварии я, если мне был всего год?

Утром кузен стал насмехаться, придумав замечательную шутку: дуру-Гарриэт выбросило из машины, потому она теперь на голову ушибленная. Потом выдал другой перл: дескать, столкнулись мы с "Опелем", потому у меня и остался такой чудной шрам на лбу. Ага, зигзагообразный. Сейчас даже челкой не прикрытый - тетка остригла меня как мальчишку, чтобы я не использовала много шампуня. Наверное, я дико смешно выгляжу - вон, кузен все время ржет, и как только не лопнет...

Когда Дурсли скормили мне столь явную ложь, я даже решила было, что мои родители живы, и долго надеялась, что меня найдут и заберут отсюда. Моим надеждам сбыться было не дано, и я окончательно уверилась: чудес не бывает. Но это так, лирическое отступление.

Дурсль-старший порвал мое письмо и ничего не объяснил, только вылил ушат грязи на моих покойных родителей, оставил меня без завтрака и сослал полоть клумбы. Петуния весь день косилась на меня, как на тикающую бомбу, и даже кузен проникся общим настроением и ни разу не толкнул и не обозвал меня. А на следующее утро в почтовом ящике лежало десять одинаковых

писем, адресованных мне.

Письма отправились в камин, ящик Дурсль отвинтил.

На третий день весь аккуратный дурслевский участочек (который, между прочим, был таким исключительно моими стараниями!) был загажен великим множеством сов, рассевшихся на антеннах, карнизах, водосточных трубах, крыше и даже новеньком ярком автомобильчике Вернона. Повсюду летали перья, на пороге кучей лежали письма, коих было не меньше пары сотен. Сперва Вернон споткнулся об эту живописную кучу, затем сосчитал лбом ступеньки, приземлился внизу и тут же был атакован пернатыми, скинувшими ему на пузо еще пяток конвертов и выразивших свое негодование единственно доступным им способом.

Вот потому-то мы и ехали теперь хрен знает куда, даже не позавтракав.

Глава 2

Дурсль привез нас к морю, нанял лодку и поздней ночью мы оказались в домике смотрителя, под неработающим маяком. Мне достался продавленный сырой диван у незажженного камина и пакетик чипсов на ужин - вот уж спасибо. Дурсли ушли наверх - там были кровати и пара почти не погрызенных мышами одеял. Логично донельзя - сорваться хрен знает куда, ехать весь день не жравши и ночевать в какой-то норе, лишь бы не отдать племяннице письмо. Надеюсь, к утру у него хоть радикулит разыграется.

Одеяла мне, естественно, не досталось. Я уселась в уголке дивана и попыталась натянуть футболку на поджатые к груди коленки, но это мало помогло - сырой воздух проникал во все щели. Я встала и заходила по комнате.

А у меня ведь сегодня день рождения. Одиннадцать лет. Помнится, Дадли получил тридцать восемь подарков... а обо мне просто забыли. Не то, чтобы я на что-то рассчитывала, но все-таки... Словно меня и не существует.

Опустившись на колени у камина, я пальцем вывела в пыли: "С днем рождения" и нарисовала кривобокий торт. Дождалась, пока электронные часы на руке Дадли, спящего наверху, пропищат полночь, сдула пыльные свечки с рисунка и поздравила сама себя.

Вот и отпраздновала... Я снова уселась в уголке дивана и постаралась сжаться в наиболее компактный комочек.

Бам! Бам!

Я аж подпрыгнула. Вверху кто-то с грохотом свалился с кровати, и часть меня позлорадствовала. Но большая часть все-таки перепугалась до смерти - кому понадобилось выламывать

дверь?

Шмыгнув в самый темный угол, я стала ждать развития событий.

Дверь упала на пол, и в проеме показался самый огромный человек из всех, кого я видела раньше. Росту в нем было метра два с половиной, а ширины - полтора. Окладистая спутанная борода едва ли не до самих глаз, и растрепанные густые длинные волосы придавали ему сходства с каким-нибудь негативным персонажем сказки. "Робин-Бобин-Барабек", подумала я, сдерживая рвущийся наружу нервный смешок.

Дурсль скатился сверху с ружьем наперевес, за ним семенила Петуния в бигуди и кузен в полосатой пижаме.

-- Это самое, я извиняюсь, -- загудел великан. -- Я тут вам немножко дверь сломал...

Фигасе! А что ж тогда "множко"?

-- Что вам нужно здесь? - тетка - несгибаемая женщина, даже голос не дрожит.

-- Дык это, письмо я принес. Кто тут Гарри Поттер будет? Ты, что ли? -- великан шагнул и, отодвинув в сторонку дядю, принялся разглядывать кузена. Странно, что тот со страху не описался - лицо у Дадли было несчастное донельзя.

-- Вообще-то Гарри - это я, -- шагнула я из-за камина. Великан больше не казался мне таким страшным, и уж во всяком случае, желай он причинить мне вред - причинит, и дядино ружье его не остановит.

-- Я представлял тебя немного иначе, - прогудел великан. -- Позволь представиться: Рубеус Хагрид, хранитель ключей школы Хогвартс. Это твое, -- он выудил из кармана слегка помятое письмо, а следом за ним - коробку с тортом, здорово расплющенную. -- С днем рождения, Гарри!

-- О, - я не знала, что и сказать. -- Спасибо. Значит, Хогвартс - это школа?

-- Ну да. А что, ты ничего о ней не знаешь? Разве твои дядя и тетя ничего не рассказывали?

Я пожала плечами, аккуратно открывая коробку. Ядовито-розовая глазурь не внушила мне особого доверия, потому я постаралась незаметно пристроить торт на тумбочку.

-- Никакого Хогвартса! - вмешалась Петуния. -- Я никогда на это не соглашусь! Хватит того, что моя сестра была ненормальной! И связалась с таким же ненормальным, чтобы умереть и подбросить мне ненормального ребенка!

-- Гарри внесли в список с момента рождения, -- заявил Хагрид. -- Поверить не могу, что вы молчали! Разве Дамблдор не оставлял на этот счет никаких распоряжений?

Вернон возмутился:

-- Это дьявольское отродье получило крышу над головой и кусок хлеба, о каких инструкциях может идти речь? Ты не поедешь в эту дурацкую школу, -- категорически заявил он. Петуния добавила:

-- Мы не станем покупать тебе учебники и школьную форму.

-- Гарри не... ах ты, свиненыш! -- я обернулась и увидела, что мой кузен подобрался к торту и успел сожрать почти половину. Еще бы, весь день на одних чипсах и коле!

Хагрид достал розовый зонтик с оборочками и наставил его на Дадли, пробормотал что-то себе в бороду и из кончика зонта вылетела синяя искорка. Угодив точно в оттопыренный кузенов зад, она заставила его подпрыгнуть и взвизгнуть, а Дурслей - так и завопить в голос. А в следующую секунду я не смогла сдержать счастливый хохот: из жирной дадлиной задницы рос поросячий хвостик!

Между тем великан крякнул и тем же способом разжег огонь в камине, окончательно испугав Дурслей. Не обращая более внимания на паникующее семейство, он обратился ко мне:

-- Хогвартс - это не простая школа. Там учатся только колдуны и ведьмы, а директор ее, Альбус Дамблдор - величайший колдун со времен Мерлина, не побоюсь этого слова.

-- Но я же не... не умею колдовать... - разочарованно промямлила я.

Хагрид хмыкнул:

-- Разве? Когда ты злишься, или боишься, или очень хочешь чего-то - разве вокруг не происходят странные вещи?

Мне вспомнилось, как я однажды заставила исчезнуть стекло в серпентарии и Дадли свалился к боа-констриктору. Вообще-то я надеялась, что удав его покусает, но, к моему глубочайшему сожалению, змея оказалась неядовитой. А еще однажды тетка постригла меня совсем уж коротко, почти под корень, и я переживала, как покажусь в школе с такой-то прической, но к утру волосы отросли.

-- Происходят, -- призналась я. Хагрид удовлетворенно засопел:

-- Вот видишь. Завтра мы с тобой отправимся за покупками, там в письме все написано. К первому сентября тебе понадобится уйма всяких вещей. О деньгах не беспокойся, ложись лучше спать.

Дурсли тем временем сбежали наверх и сидели тихо, как мыши под веником. Я села на диван поближе к камину и распечатала наконец письмо. Ничего нового - уведомление о том, что меня зачислили в школу чародейства Хогвартс и что мне надлежит явиться первого сентября на вокзал Кингс-Кросс, чтобы

сесть на Хогвартс-экспресс. На втором листе был список необходимых вещей, которые надлежало купить к новому учебному году. "Котел стандартного размера... Мантии школьные черного цвета... Шляпа остроконечная... "

Н-да. Да здравствует средневековье. Интересно, мне дадут стипендию? Что-то вроде помощи неимущим? Дурсли ведь ради меня не расстанутся ни с центом - по доброй воле, во всяко случае.

Хагрид устроился на полу, опершись спиной о диван. Поглядев, что у меня нет одеяла, он дал мне свой плащ, предупредив:

-- Ежели там что пищать станет, не пугайся. Кажись, в одном из карманов спит парочка садовых сонь.

Глава 3

Спалось мне хорошо, как никогда. В одном из карманов и правда что-то попискивало, но я не обращала внимания. Утром мы переплыли обратно и добрались до ближайшей железнодорожной станции, откуда отправились в Лондон. Хагрид один занимал целую скамейку пригородного поезда, и люди косились на его странный пищащий плащ. Великан, впрочем, не обращал внимания и преспокойно вязал нечто канареечно-желтое, пока я перечитывала письмо и предавалась мечтам.

В Хогвартсе не будет Дадли - это главное. Мне не придется возвращаться к Дурслям после школы или на выходные - только на каникулы, как во всех пансионах. Может, мне даже разрешат провести в школе Рождество и Пасху... Интересно, а что изучают в колдовской школе? Воображение рисовало темный подвал, котлы с бурлящим зельем и непременно крючконосого колдуна в черной хламиде, помешивающего зелье. А на метлах они летают? Ух, скорее бы сентябрь наступил! Еще целый месяц ждать...

Может, у меня даже друзья появятся... Сейчас со мной никто не дружил - не потому, что не хотели, а потому, что боялись Дадли. Он и компания таких же мелких придурков верховодили в нашей школе, нещадно третируя младших и лебезя перед старшими. Я была уверена, что в будущем из них получится очаровательная компания распивающих пиво и грабящих прохожих придурков.

-- Хагрид... Получается, мои родители были колдунами?

-- Конечно! Лили и Джеймс, я их знал. Я уже был лесничим, когда они учились в Хогвартсе. Лили - лучшая ученица на курсе, хоть и магглокровка...

-- Магглокровка? - перебила я его.

-- Ага. Это значит, что ее родители не были колдунами. Магглы, по-нашему. А Джеймс - тот из старинного рода, потомок

самого Годрика Гриффиндора!

-- А это кто?

-- Один из основателей школы, великий колдун! Лили была самой красивой девочкой, которую я знал: рыжая, что одуванчик, и глаза зеленые. А уж добрая - жуть. Никогда мимо не пройдет, если кому помочь надо. За ней полшколы бегало. Ну, а Джеймс - тот был первый хулиган и заводила, но тоже доброе сердце. Шалопай, одним словом. Они после школы поженились, потом сразу тебя родили, а там... Погибли они. Ну, ты знаешь.

Я осторожно заметила:

-- Мне сказали, они разбились на машине.

-- На машине! Поттеры - на машине! Ты что, совсем ничего не знаешь?

Я помотала головой. Хагрид пожевал губами.

-- Ну ладно, слушай. Темные это были времена, нехорошие. Война шла, и в маггловском мире, и в колдовском. Сильный темный колдун, имя которого и сейчас никто не произносит вслух, собрал армию Пожирателей Смерти - чтобы захватить власть в стране. Он хотел уничтожить всех магглокровок, говорил, что только чистокровные достойны править. Что, дескать, остальные - это второй сорт, вроде животных. Много колдунов погибло, много пропало без вести. Едва твои родители закончили школу, как они стали помогать бороться с Ты-Знаешь-Кем. Вот он-то их и убил, а тебя не сумел - проклятье как-то отразилось и попало в него. В газетах тебя назвали Ребенком-который-выжил...

-- Так что, он умер?

-- Умер, - подтвердил Хагрид. -- И оставил тебе шрам на память.

-- У всех такие?

Великан странно на меня посмотрел:

-- Нет. Только у тебя. Остальных проклятие убило на месте - на то оно и смертельное, чтоб после него никто не выживал.

В Лондоне он привел меня в паб "Дырявый котел". Публика там собралась, скажем так, разношерстная. Карлики, седая растрепанная старуха, какой-то тип в тюрбане, при виде меня чуть не сверзившийся с табурета...

-- Гарри Поттер? К-какая честь, - залепетал он. Хагрид хлопнул его по спине:

-- А, Квиррел! Гарри, знакомься: профессор Квиррел, он будет вести у тебя ЗОТИ в этом году.

Ладонь, протянутая мне для пожатия, оказалась вялой и потной, пожимала я ее с гадливостью. Я вообще не люблю, когда ко мне прикасаются, если у на то пошло...

Поздоровавшись с барменом, Хагрид потащил меня на задний двор. Постучал зонтом по кирпичной стенке, преграждающей проход между домами, и кирпичи стали разъезжаться в стороны. открывая широкий арочный проем, шагнув через который, мы оказались совсем не в Лондоне.

-- Добро пожаловать на Диагональную аллею!

Во-первых, все люди были одеты более чем странно. Мантии, хламиды, плащи, остроконечные шляпы, ермолки, колпаки...

Во-вторых, везде сновали живые предметы, судя по всему, рекламировавшие ту или иную лавку. Ножницы на вывеске щелкали, зазывая в парикмахерскую, мячи прыгали, завлекая в магазин игрушек, разорялся попугай в витрине зоомагазина, практически прилипая носом к стеклу, мальчишки рассматривали метлу - снабженную чем-то вроде педалек и с вызолоченными прутьями.

В-третьих... Словом, место это явно было волшебным.

Хагрид повел меня в банк - как оказалось, мои родители вовсе не бедствовали и оставили мне приличную сумму денег. К тому же, ему надо было выполнить поручение Дамблдора, забрав кое-что из сейфа в Хогвартс.

Над дверью висела надпись, весьма недвусмысленно предупреждающая, что с банкирами лучше не связываться - в случае покушения на чужое имущество незадачливого вора обещали наказать в средневековом духе. Сами банкиры оказались гоблинами - уже виденными мною карликами с длинными тонкими пальцами и большим тонкогубым ртом, неприветливые с виду и, на поверку, весьма своеобразными. Эдакая помесь бюрократа и цербера, если это возможно. Помнится, как-то Петуния оформляла кредит и на все заставки ругала клерков... Так вот гоблины были еще хуже.

Служащий долго и нудно просматривал бумаги, какой-то толстый гроссбух, а потом соизволил взглянуть на меня и заявил:

-- Да, вы действительно по праву наследуете Поттерам, - и так гаденько ухмыльнулся, будто знал что-то такое, о чем я и не подозревала. Ключ от моего сейфа почему-то оказался у Хагрида, и гоблин с удовольствием зацапал его. Потом мы уселись в типичную тележку рудокопа из мультика про Белоснежку и покатились по извилистым коридорам, как на русских горках. Когда мы добрались до сейфа, Хагрид уже малость позеленел. Гоблин хихикнул, глядя на него, и отпер дверь моим ключом. Я глянула внутрь - и ахнула. Даже на мой неискушенный взгляд, денег было много. Аккуратными столбиками были составлены золотые, серебряные и медные монеты, чуть вдали лежали шкатулки. Гоблин пояснил:

-- Здесь драгоценности и ценные бумаги.

Открыв наугад пару шкатулок, я увидела украшения из золота, серебра, с камнями и без, практически на все случаи жизни. И бумаги - с водяными знаками, как на банкнотах, печатями и золотыми уголками, выглядящие внушительно даже для меня-дилетантки. О, а это что? Я вытянула из шкатулки плотный зеленый конверт, запечатанный сургучом. "Северусу Снейпу лично в руки".

-- Что это? - спросила я. Гоблин пожал плечами:

-- Это осталось после смерти вашей матушки. Мы не вскрывали письмо, а кому оно адресовано, неизвестно.

-- Как это неизвестно? Тут же написано: Северусу Снейпу. Кто это?

-- Вот как? Стало быть, миссис Поттер заколдовала письмо. Хотите переслать его?

-- Хочу. Так кто такой Северус Снейп?

-- Ась? -- вмешался Хагрид. -- Снейп? Дык он в Хогвартсе зелья преподает. Угрюмый - жуть, неприятный тип.

Гоблин снова спросил:

-- Так вы хотите переслать письмо?

-- Нет, - решила я. -- Отдам лично в руки. Лежало десять лет, полежит еще месяц.

Я купила у гоблина безразмерный кошелек, который невозможно украсть, и набила его деньгами: золотыми галлеонами, серебряными сиклями и медными кнатами. Из шкатулки с драгоценностями достала простую цепочку, на которую повесила ключ, и с чувством удовлетворения уселась в тележку, предвкушая, как буду тратить деньги. Хагрид с несчастным видом залез следом, и мы покатились к следующему сейфу. Там оказался всего лишь маленький сверточек, который немедленно был засунут великаном в карман.

Выйдя из банка, мы отправились в ближайшую лавку за чернилами, пергаментом и перьями. Интересно, как я буду ими писать? У меня и так почерк корявый...

Потом мы купили котел (Хагрид, кстати, отговорил меня покупать золотой - а жаль, мне понравился) и набор ингредиентов для зельеварения. Сундук, окованный железными полосами с выгравированными листьями винограда, как оказалось, был местным аналогом чемодана - туда мы и складывали покупки. В лавке "Флориш и Блоттс" я приобрела комплект учебников, а потом Хагрид показал мне магазин мадам Малкин, которая шила мантии, а сам отправился пропустить стаканчик в "Дырявый котел", пока я буду примерять одежду.

В магазине я оказалась не единственной клиенткой -

капризная девчонка моего возраста со стрижкой каре мерила мантии, придираясь то к цвету, то к ткани. И то ей было не так, и то не этак...

-- Что тоже в Хогвартс? - она явно скучала и была не прочь побеседовать хоть с кем-то. Я кивнула.

-- Я обязательно попаду на Слизерин - это лучший факультет в школе! А ты?

-- Не знаю, я над этим не задумывалась...

Девчонка хмыкнула и задрала и без того короткий нос, делающий ее похожей на мопса, но тут же вскрикнула, когда зачарованная иголка ткнула ее в ногу.

-- Аккуратнее, вы!

Пожилая модистка поджала губы и нахмурилась за спиной капризули. Кивнула мне на диван:

-- Посидите немного, пять минут - и я вами займусь.

Девчонка больше со мной не заговаривала, предпочитая выводить из себя модистку, а я подумала, что не хотела бы оказаться на одном факультете с такой неприятной личностью. Хагрид ничего не говорил про факультеты, но их явно больше двух - так что выбор у меня будет. Наконец девчонку забрали родители, а я встала на табурет и максимально сжато выразила свои требования:

-- Итак, мне нужны школьные мантии, юбки, блузки, а также повседневная одежда - что-нибудь на ваш вкус, но не ультрамодное.

-- Вы магглокровка? - понятливо кивнула мадам Малкин. Я покачала головой:

-- Нет, но я жила с магглами. Здесь одеваются совсем по-другому...

Я не привередничала, не различала сто оттенков розового, как моя предшественница, и довольно быстро обзавелась гардеробом на все случаи жизни, попросив доставить часть прямо в школу первого сентября - с собой я собиралась взять только комплект формы, а то как бы Петуния не отобрала в порыве жадности и вредности.

Я старалась выбирать одежду неярких цветов, с минимумом отделки, позволив себе единственную роскошь - изумрудную пижаму с движущимися серебряными пчелами.

Мадам Малкин как раз закончила упаковывать покупки, когда снаружи показался Хагрид. Он яростно жестикулировал и улыбался, держа клетку с огромной белой полярной совой и рожок мороженого.

-- Это тебе на день рождения, - вручил он мне клетку. Здоровский подарок! В письме говорилось, что ученик может

привезти кошку, жабу или сову - и, по-моему, сова - самое полезное животное. Здесь оно исполняет роль почтальона, к тому же жить будет в школьной совятне, так что мне и ухаживать за ней не придется.

-- Спасибо! Хагрид, мне еще палочку купить надо, -- сообщила я. Он поскреб бороду и кивнул:

-- Пойдем. Это к Олливандеру.

Лавка Олливандера, очевидно, в рекламе не нуждалась. В витрине была только одна палочка на запылившейся бархатной подушке, а внутри - ряды стеллажей с узкими коробками. Чудной старик долго разглагольствовал о палочках, вспомнил, какие палочки были у моих родителей, а потом подобрал мне мою. С пером феникса, ага, родную сестру палочки, оставившей мне шрам. Вот ведь блин... Совпаденьице... Хагрид смотрел на меня, как на неведому зверушку, Олливандер - как на муху под микроскопом. Если кто-нибудь еще узнает - как пить дать, станут пальцами тыкать.

Наконец все было куплено, упаковано, и Хагрид вернул меня на Тисовую, вручив на прощание билет до Хогвартса.

Глава 4

К моему огромному удивлению, сундук с покупками у меня не отобрали. Правда, места в чулане совсем не стало, так что я себе все коленки отбила то о сундук, то о стенки - зато могла читать учебники в свое удовольствие. Петуния предпочитала сама выполнять домашнюю работу - лишь бы меня не видеть, и я с удовольствием сидела в чулане, читая историю Хогвартса и "Зельеварение для начинающих". Мне упорно виделся крючконосый маг с шумовкой...

Первого сентября дядя отвез меня на вокзал и оставил, снабдив напутственным "глаза б мои тебя не видели". Ладно, дядя, я учту...

Я достала билет... и чуть не села. На нем значилось: "платформа 9 и 3/4". Это как же? Три четверти? Да не бывает таких платформ!

Паника-паника-паника... Стоп. Я - вряд ли единственная учащаяся Хогвартса, так что мне надо найти странно одетых людей и расспросить их. Все просто.

Подойдя к платформе номер девять, я остановилась и огляделась. О, то, что надо! Пухлая рыжая женщина вела за собой пятерых не менее рыжих детишек, четверо из которых толкали тележки. На тележках стояли сундуки, клетка с совой и крысой, еще какие-то свертки. Если они не колдуны - я сожру носки дяди Вернона без соли!

-- Э-э, прошу прощения, как мне попасть на платформу...

-- Первоклашка? - осведомился рыжий парень и посмотрел на мня оценивающе. Он мне не понравился - смотрел, словно ворона на червяка, размышляющая: склюнуть - не склюнуть...

-- Да, а что?

-- Персик, прекрати! - двое совершенно одинаковых парней помоложе дружно отвесили ему по оплеухе. Мать прикрикнула:

-- Ну-ка, тихо! Перси, покажи.

Надутый Перси просто шагнул сквозь барьер между платформами девять и десять и исчез.

-- Вот так. Ничего сложного, просто шагни и все. Если боишься, можешь разбежаться.

Ага, и налететь на кого-то по ту сторону.

-- Спасибо.

Зажмурившись, я шагнула сквозь барьер и оказалась среди шумной толпы. Совы, кошки, жабы, сундуки на тележках, куча народу в мантиях и плащах, остроконечных шляпах, красный паровоз и аккуратные, словно кукольные, вагончики на колесах с покрашенными белым ободами...

Шагнувшие следом близнецы помогли мне занести сундук в багажный вагон и я пошла искать свободное купе. Пока поезд не дал гудок, большинство учеников толпились на перроне, прощаясь с родными. Я смотрела на них - и слезы подступали к глазам, тяжелый горький комок подкатывал к горлу.

У меня тоже были мама и папа. Они могли бы сейчас провожать меня в школу и обнимать на прощание, говорить какие-то глупости, да хоть нос вытирать платком - как пухлая мама тех рыжих терла нос младшему сыну.

Но у меня никого нет, кроме злобных родственничков, мечтающих о том, чтобы я не возвращалась.

Нет! Я не буду плакать! Я уже давно не плачу, и сегодня не буду! Обойдетесь. Но больше я никого не потеряю, никого. И у меня будут друзья, и однажды я влюблюсь и выйду замуж, и буду счастлива, и больше не буду одна. Ни-ког-да!

Стукнув кулаком по откидному столику, я утерла выкатившуюся все-таки из правого глаза слезу.

Поезд тронулся.

И почти сразу же в мое купе заглянул пухлощекий мальчик с глазами сенбернара.

-- М-можно?

-- Садись, -- пригласила я. Он просто такой робкий или действительно заикается?

-- Я Невилл, - представился он.

-- Гарриэт, можно Гарри. Ты же первокурсник? - я постаралась придать себе как можно более дружелюбный вид, даже стала

болтать ногами. Невилл заметно расслабился.

-- Ага. Знаешь, у меня первый всплеск магии был только год назад. Бабушка так обрадовалась! Она уже думала, что я сквиб, и очень переживала, но дядя Август вывесил меня за ногу из окна второго этажа, а я с перепугу полетел, - Невилл смущенно улыбнулся. Хорошо, что я прочитала пару учебников, иначе почти ничего не поняла бы из его слов. Сквибы - это я знала - были неспособными колдовать детьми волшебников. Стихийная магия - это детское колдовство без палочки, считается, что чем раньше оно проявится, тем сильнее будет колдун. У большинства магия проявлялась едва ли не в три года. Что ж, тут я недалеко ушла от бедняги Невилла...

-- У меня тоже. Тетка так коротко меня обстригла, что я боялась идти в школу, но к утру волосы отросли.

-- В школу? Так ты магглокровка? -- во все глаза уставился на меня Невилл. -- Ух, я никогда не встречал магглокровок! Расскажи что-нибудь о вашем мире, а?

Пришлось немного его разочаровать:

-- Нет, я полукровка. Мой папа - колдун. Был... -- я увидела, как скривилось лицо Невилла и постаралась перевести разговор на другое:

-- А ты знаешь, что такое автомобиль? - у колдунов я видела только метлы и кареты, даже велосипеды тут явно не пользовались популярностью. Как я и ожидала, мальчик тут же оживился:

-- А что это?

И я долго рассказывала ему, что такое автомобиль, супермаркет, что у нас совсем не такая одежда и не бывает книжек-перевертышей. Невилл слушал, разинув рот, и казался таким милым и добродушным, что у меня самой настроение повысилось в десятки раз.

Отворилась дверь и к нам заглянула кудрявая темноглазая девочка, уже одетая в школьную форму. Я-то тоже сразу переоделась, чтобы не позориться в дадлиной растянутой футболке и подвернутых широких джинсах, а вот Невилл еще сидел в домашнем коричневом свитерке с ромбиками.

-- Можно я пересяду к вам? - спросила девочка. -- А то у меня в купе трое мальчишек пытаются колдовать, и довольно-таки неудачно: у одного уже уши удлинились. Не хочется напороться на дилетантское заклятье, знаете ли.

Я подумала, что неправильно исполненное проклятье - штука действительно серьезная, и похлопала по сидению рядом с собой. Невилл поежился:

-- Как-то мой дядя Август пытался колдовать после

рождественской вечеринки, так ему потом пришлось ехать в Мунго спиливать рога. Представляете - растут и растут, такие большие, ветвистые...

-- Мунго - это что? - о таком в моих книжках не писали. Невилл пояснил:

-- Госпиталь Святого Мунго - там лечат почти от всего... - при упоминании госпиталя он помрачнел, и я подумала, что у него явно кто-то болеет. Гермиона ничего не заметила:

-- Так ты тоже магглокровка? Ой, я же не представилась! Я Гермиона.

-- Гарри, Невилл - представились мы.

-- Нет, я полукровка, но жила в маггловском мире. Так что я почти ничего не знаю, мне все в новинку. Я вон даже на платформу с трудом попала, - рассказала я о своем знакомстве с рыжим семейством. Гермиона хихикнула:

-- А, так это с ними я и ехала! Близнецы, Фред и Джордж, и младший - Рон, он тоже первокурсник. Хулиганы, по-моему. С ними еще старший был, Перси, но он староста и почти сразу ушел.

-- Староста?

-- Ну да. Ты читала историю Хогвартса? Главу об управлении?

-- Нет, вообще-то.

Невилл вмешался:

-- На каждом факультете есть двое старост, мальчик и девочка, они следят за порядком и помогают решать организационные вопросы. Есть двое старост школы -- их выбирают из бывших факультетских старост. Потом есть еще деканы факультетов, заместитель директора и директор, а еще завхоз и лесник.

-- А лесника я знаю, - похвасталась я. -- Он такой огромный, и весь зарос бородой, как сказочный людоед, но на самом деле добрый. И немного бестолковый - он даже не подумал, что я могу не знать, где платформа 9 и 3/4.

Гермиона фыркнула, а Невилл и вовсе засмеялся в голос.

-- На какой факультет ты хочешь попасть? - спросила она у Невилла. Тот смущенно признался:

-- Бабушка считает, что я попаду на Хаффлпафф, потому что я не... неконфликтный, вот. А ты?

Я вычитала, что факультетов четыре, но так до сих пор и не определилась, куда хочу. В книге только сообщалось, что четыре основателя школы придерживались разных критериев при отборе учеников, и это стало традицией. На Рейвенкло учились те, кто больше всего ценил знания, Гриффиндор стал домом храбрецов, Слизерин принимал честолюбивых - и только чистокровных. А вот

Хаффлпафф не делал различий, одинаково радуясь всем.

Гермиона покраснела:

-- Наверное, я буду на Рейвенкло. Я... была лучшей в классе, и учительница всегда говорила, что я не умею не учиться. А ты, Гарри?

-- Знаете, мне все равно, куда меня распределят, - я вдруг поняла, что мне действительно наплевать. -- Занятия ведь у всех одинаковые, и профессора те же. Какая разница тогда?

Гермиона задумалась, Невилл тоже.

-- Ну, - неуверенно начала Гермиона. -- Дело ведь и в репутации... Например, все темные волшебники учились на Слизерине.

-- Так уж и все? Значит, если я туда попаду, мне уготовлена судьба злой колдуньи? Три ха-ха!

Невилл просиял:

-- Знаете, в чем разница? В цвете галстука! Я так бабушке и напишу, если что: мол, мне желтый цвет понравился!

Мы дружно расхохотались, и в этот момент как раз подъехала тележка со сладостями. Гермионины родители оказались стоматологами, и следующие полчаса девочка пугала сладкоежку Невилла всякими ужасами. Тот пыхтел, но орехи в меду грыз. Мне же больше всего понравились бобы "Берти Ботс" - надо отобрать самых гадких и подсунуть Дадли, и мятно-лимонные конфетки, от которых пощипывало язык и дыхание начинало пахнуть свежестью.

Дверь купе снова отъехала в сторону. За ней обнаружилась та самая мопсовидная девочка из магазина мадам Малкин и еще одна, высокая, толстая, с грубым плоским лицом.

-- Вы не видели Гарри Поттера? Он едет в этом поезде, - осведомилась она. Я ехидно ответила:

-- Нет, ЕГО мы не видели.

Мопсиха задрала нос и громыхнула дверью. Гермиона спросила:

-- А кто такой этот Гарри Поттер? Почему она его искала?

-- Посмотреть хотела, или познакомиться, -- пожал плечами Невилл. -- А, вы же не знаете...

-- Я-то знаю, - буркнула я. Какого черта все решили, что я мальчишка? Хотелось бы мне знать... Невилл тем временем объяснил Гермионе, что случилось одиннадцать лет назад, она поахала и тоже загорелась желанием познакомиться с Ребенком-который-выжил, чтобы воочию увидеть знаменитый шрам от смертельного проклятия.

Невилл заметил, что я надулась, и спросил:

-- Гарри, что не так?

-- Да все так... Вот только объясни мне, Нев, почему все решили, будто у Поттеров был мальчишка?

-- Ну, Гарри - это же мужское имя, -- пожал тот плечами. Я убрала челку со лба, открывая шрам:

-- Гарри - это сокращение от Гарриэт, и, по-моему, сегодня всех ждет сюрприз. Большой сюрприз.

Наверное, мы с Невиллом представляли весьма комичное зрелище, поскольку Гермиона едва не сползла на пол. Она тыкала в меня пальцем и хихикала, приговаривая:

-- Ох, не могу! Мальчик! Девочка-мальчик!

Мне пришлось ее слегка встряхнуть, прежде чем девочка пришла в себя. Все еще похихикивая, она заявила:

-- Немедленно отпусти волосы. Иначе тебя будут продолжать путать с мальчиком. И проколи уши.

-- Обязательно, -- буркнула я.

Больше в наше купе никто не заглядывал, и мы ехали спокойно до самой станции "Хогсмид". Невилл набросил школьную мантию поверх свитера, объяснив, что мерзнет, прихватил банку с жабой Тревором и мы вышли. На перроне всех первокурсников собрал Хагрид, повел по темной тропинке к огромному озеру и усадил в лодочки. Вместе с нами сел тощий беловолосый мальчик со странным именем Драко - он шмыгал носом и хотел поскорее пройти распределение, чтобы попросить у школьной медсестры Перечное зелье - колдовской аналог противопростудного.

Драко сразу заявил, что будет учиться на Слизерине, и что тамошний декан - его крестный, а факультета лучше не сыскать. Мол, рейвенкловцы - зубрилы, гриффиндорцы - идиоты, а Хаффлпафф - сборище слюнтяев. А потом признался, что ему немного страшно - ведь против Слизерина дружат три остальных факультета.

Невилл хотел было что-то сказать, но тут лодочки выплыли из-за деревьев и перед нами на холме возник замок. Даже не так - ЗАМОК, с большой буквы, чернильно-черный в синеве сентябрьского вечера, с призывно желтеющими окошками остроконечных башен, галереями, переходами и флагами.

-- Ух ты! - совершенно по-детски округлил глаза Невилл. Драко покровительственно улыбнулся:

-- Здорово, да? Я уже был тут летом, мы с отцом навещали крестного. Так что я немного знаю Хогвартс.

Гермиона было принялась рассказывать что-то из истории, но тут мы вплыли в зияющую пасть пещеры в отвесном берегу озера (кстати, зовется оно Большим - неоригинально). С пола и потолка вырастали сталактиты и сталлагмиты, стены светились тусклым

сине-зеленым цветом (приглядевшись, я заметила, что это фосфоресцируют лишайники, которыми поросли влажные камни), где-то капала вода, шуршали под потолком летучие мыши. Гермиона шепнула мне:

-- Хогвартс стоит на карстовых пещерах, укрепленных магией. Земля под ним похожа на швейцарский сыр, но все ходы, кроме этого, запечатаны. Говорят, в пещерах водятся монстры...

-- Так, детвора, все сюда! - звучный голос Хагрида эхом отразился от высоких сводов. Мы вышли из лодочек, причаливших на песчаном берегу, и подошли к широкой лестнице без перил, уводящей куда-то в темноту. Невилл рядом со мной поежился, и я сжала его руку, ободряя:

-- Если мы попадем на разные факультеты, я буду ходить к тебе в гости, можно?

Он несмело улыбнулся:

-- Правда будешь?

-- Обязательно, - обрадовала я его. Он мне понравился: простой, милый, совершенно непохожий на мальчишек из моего класса, думающих только о том, как бы подстроить тебе пакость.

Хагрид тем временем подошел к огромной двери, окованной полосами железа, как мой сундук, и широко распахнул ее. На порог вышла строгая колдунья в клетчатой мантии и остроконечной шляпе.

-- Вот, значит, первоклашек привел, - прогудел великан. Колдунья кивнула и пригласила всех следовать за ней. Нас провели по коридору в большой холл, и оставили стоять перед второй такой же дверью, попросив подождать несколько минут. Колдунья быстро ушла, а мы остались гадать, в чем же заключается церемония распределения. Рыжий вихрастый мальчик, ссылаясь на старших братьев, говорил, что нам предложат сразиться с троллем, Гермиона лихорадочно вспоминала выученные летом заклинания, а Невилл выразил мое опасение:

-- Вдруг они решат, что я ни на что не годен? И отправят домой...

Сглотнув, я попыталась его утешить:

-- Раз тебе пришло письмо, значит, ты им подходишь.

Визг какой-то первокурсницы заставил нас всех обернуться. Я едва не подпрыгнула: из стен величаво выплывали привидения. Переговаривались, будто нас тут и нету вообще, хихикали, прогуливались под ручку.

От смертельного испуга нас спасла та самая строгая колдунья.

-- Итак, молодые люди, мое имя - профессор МакГоннагал.

Сейчас вам предстоит пройти церемонию распределения. Как вам уже, должно быть, известно, у нас есть четыре факультета: Гриффиндор, Хаффлпафф, Рейвенкло и Слизерин. Каждый факультет имеет свою историю, и своих героев - почти все известные колдуны были выпускниками Хогвартса. Распределение очень важно - оно определит вашу судьбу на ближайшие семь лет, поскольку в школе вы будете проводить десять месяцев в году. Факультет станет вам второй семьей, определяя не только место, где вы станете спать и выполнять домашние задания, но и круг ваших друзей - ведь именно с товарищами по факультету вы будете проводить большую часть времени. Итак, сейчас мы вместе войдем в Большой зал и я стану оглашать ваши имена по списку. Тот, кого я назову, выйдет вперед, сядет на табурет и я надену ему на голову Распределительную Шляпу, которая и огласит свой вердикт.

Дверь перед нами распахнулась, и мы попарно вошли в действительно БОЛЬШОЙ зал. Во-первых, он был размером с футбольное поле в моей предыдущей школе. Во-вторых, потолки тут были, как в соборе, да еще и отображали небо снаружи, заколдованные еще основателями - я читала в истории Хогвартса. Невилл рядом со мной только ахал, вертя головой по сторонам.

Четыре длинных стола стояли по обе стороны широкого прохода, и еще один стол поменьше несколько возвышался над остальными - за ним сидели профессора. Хагрид улыбнулся и приветственно помахал мне.

Все стены были увешаны флагами с символикой факультетов, ярко горели парящие над столами свечи, вполголоса переговаривались сидящие за столами студенты.

Профессор МакГоннагал вынесла на середину пространства между студенческими столами и профессорским столом трехногий табурет с лежащей на нем старой шляпой. Кривой рот открылся над полями, и Шляпа запела скрипучим голосом об истории создания школы, ее основателях и своем предназначении. Я подумала, что ей, должно быть, скучно в течение всего года лежать где-нибудь на полке, вот она и занимается стихосложением.

-- Аббот, Ханна! - назвала профессор первое имя.

Я не особо следила за церемонией, рассматривала зал, и повернулась к преподавательскому столу только тогда, когда назвали имя Невилла. Фамилия у него оказалась смешная - Лонгботтом, но уж получше, чем фамилия той толстухи, что приходила с мопсихой - Буллстроуд.

Невилл, трясясь, уселся на табурет, и Шляпа закрыла его лицо аж до носа. Пожевала тряпичными губами и заявила:

-- Хаффлпафф!

Хаффлпаффский стол взорвался аплодисментами - я вообще заметила, что хаффлпаффцы дружнее и радостнее всех приветствовали своих первокурсников. Невилл так спешил занять место за столом, что даже Шляпу не снял - МакГоннагал пришлось вернуть его с полпути.

Наконец она дошла до буквы "П".

-- Поттер, Гарри!

Зал замер, а у меня мурашки пошли по коже. Сейчас они все будут смотреть на меня... Жуть просто...

Шляпа опустилась на мою голову, и свет погас. Скрипучий голос забормотал:

-- Что тут у нас? О, вижу острый ум, и честолюбие, и храбрость, достойную героев... Куда же мне тебя отправить?

Я поправила сползшие на нос поля и глянула на замерший в предвкушении зал, а уже в следующую минуту Шляпа орала:

-- Хаффлпафф!

Зал умер. МакГоннагал раскрыла от удивления рот, студенты казались соляными статуями. И только Невилл за хаффлпаффским столом встал и зааплодировал. Секунду спустя к нему присоединились остальные хаффлы, а я, сунув Шляпу в руки профессору, бегом побежала к столу теперь уже своего факультета.

Глава 5

Еще сидя первого сентября на пиру, я заприметила за учительским столом худого крючконосого колдуна в черной мантии, злобно глядевшего на галдящих студентов. Казалось, будь его воля, он превратил бы самых шумных в бифштекс, а остальных - в столовые приборы, и с удовольствием отобедал бы ими.

Я спросила у своего старосты Эммета Блейка, кто это такой, и получила исчерпывающий ответ:

-- Это Снейп, самый гадкий преподаватель в школе. Обожает назначать отработки и снимать баллы, и просто ненавидит Гриффиндор. Хуже него только Филч, завхоз. Кстати, если увидишь в коридоре ободранную полосатую кошку, ни в коем случае не обижай ее - это филчева.

И вот этому "самому гадкому преподавателю" я должна была отдать письмо, найденное в сейфе...

Сперва я собиралась разыскать его после пира, но Эммет и вторая староста, Лина Лэм, увели нас прямо в гостиную - было довольно поздно. Гостиная, кстати, располагалась совсем рядом с кухней, так что мы с Невиллом почти сразу свели знакомство со смешными ушастыми созданиями - домовыми эльфами. Те жутко

радовались, когда кто-нибудь появлялся на кухне, и норовили насовать в карманы пирожков и котлет. Вообще эльфы выполняли в замке всю хозяйственную работу, но их было много, а работали они быстро, так что неудивительно, что хогвартские домовики порядком скучали.

Наш декан, профессор гербалогии Помона Спраут, оказалась пухленькой улыбчивой женщиной средних лет, эдакой всеобщей мамочкой, и я снова поздравила себя с удачным выбором факультета. Она сразу же усадила всех кружком вокруг камина и устроила вечер знакомства: каждый должен был встать и рассказать что-нибудь о себе, и тогда кто-нибудь из старшекурсников вызывался взять над ним шефство. Мне досталась серьезная высокая семикурсница Бриджит, а Невиллу - шестикурсник Джейк, сразу увлекший его рассказом о свойствах мимбулус мимблетонии. Хоть убейте, не знаю, что это такое, но Невилл был в восторге.

Потом нам выдали расписание и развели по спальням, пообещав, что завтра кто-нибудь сопроводит нас в кабинет трансфигурации - именно этот предмет стоял первым. Я порадовалась, что некоторые занятия идут у нас совместно с Рейвенкло, ведь Гермиона попала на этот факультет, но также и огорчилась немного - также нашим партнером оказался Слизерин, а мне была неприятна мопсиха Паркинсон и ее подруга Буллстроуд.

Спальня, как и гостиная, оказалась декорирована в теплых желтых и охряных тонах, напоминавших мне осенние листья. Все двери были круглыми, коридоры имитировали подземные ходы, вырытые барсуком - символом факультета. Моими соседками были Ханна Аббот, тихая, со смешными тоненькими пепельными косичками, и Бесси Миллер, похожая на добродушную лягушку - ее тонкогубый рот по малейшему поводу расплывался в улыбке от уха до уха.

На следующий день мы занимались уроками и долго беседовали с Бри и Джейком об устройстве магического и маггловского мира - Джейк оказался магглокровкой, а Бри, как и Невилл, происходила из старинной колдовской семьи. Мне показалось, что Бри и Джейк - парочка, хотя при нас они не очень-то откровенничали.

И только на следующий день, увидев в расписании сдвоенные с Рейвенкло зелья, я вспомнила о письме - уже на полпути к подземельям, так что я галопом поскакала в спальню, цапнула конверт и полетела на урок, едва не сшибив по пути какого-то гриффа.

Естественно, я опоздала. Мало того - я влетела в класс

кувырком, запнувшись о едва заметный порожек. Нафига вообще нужен порог высотой в дюйм? Приземлилась, больно приложившись коленкой, мигом вскочила и попыталась просочиться на свободное место рядом с Гермионой.

-- Пять баллов с Хаффлпаффа, - довольно-ядовито прошипел профессор. Я уже знала, как про себя его зовут студенты, и едва сдержала смешок: в развевающейся черной мантии он и правда здорово смахивал на летучую мышь - или на ворону, как поглядеть.

-- Проститесэр, - пробормотала я и все-таки просочилась к Гермионе. Профессор отвернулся к доске и принялся что-то писать, но меня больше занимала коленка, которую жгло огнем. Потихоньку опустив руки под парту, я принялась расстегивать мантию, собираясь оценить ущерб.

-- Я вижу, некоторые студенты считают себя умнее других, - прошипел вдруг профессор прямо у меня над ухом. Оп-па, а я и не заметила. Срочно сделать невинно-тупое лицо:

-- Проститесэр... -- и голову повесить, уткнувшись взглядом в парту.

-- Может, вы скажете нам, в чем разница между Волчьей отравой и Клобуком монаха?

А что, и скажу!

-- Это два названия одного растения.

Профессор помрачнел.

-- А где вы станете искать безоар?

-- В желудке козы, сэр.

Снейп будто лимон сжевал.

-- Садитесь. И впредь будьте внимательнее.

Ага-ага, обязательно. Буду следить, чтоб вы ко мне не подкрались, дорогой профессор. Вам, кстати говоря, проще - вы явно ловчее Дадли, а тот любил подкрадываться, сопя, как паровоз.

Гермиона толкнула меня в бок, сердито кивнув на доску. Пишу-пишу... как же жжется-то!

Наконец мне удалось незаметно расстегнуть мантию и выставить пострадавшую коленку в проход. Ой, как некрасиво... лоскут кожи содрала, между прочим, на вашем каменном полу, профессор! Болит, как сволочь, придется к медсестре идти.

-- Поттер! - от окрика профессора я машинально подпрыгнула, зашипев от боли - успевшая засохнуть кровь стянула рану.

-- Это что на вас такое? - он стремительно шел ко мне по проходу. Чего это о... о, ясно! Еще один сейчас жестоко разочаруется в моей половой принадлежности.

-- Гольфы, профессор Снейп, - и лицо попроще, только не ржать, не ржать! Ой, Герми, ты была права! Гольфы, профессор, а еще юбка и блузка, да-да.

-- Как ваше полное имя? - уже тише и спокойнее спросил профессор, сдувшись, точно шарик.

-- Гарриэт Джейн Поттер, сэр.

Он молча махнул палочкой над моей коленкой и рана затянулась без следа, развернулся и пошел на свое место. Остаток урока прошел на диво спокойно, только я время от времени ловила на себе странные испытующие взгляды зельевара, да Гермиона улыбалась, раскусив комизм ситуации.

Зелья были последними, и я, дождавшись, пока все покинут класс, направилась к учительскому столу. Профессор Снейп неприязненно уставился на меня угольно-черными глазами, в которых радужку нельзя было отличить от зрачка.

-- Чего вам, Поттер? Я разве назначил вам отработку?

-- Нет, сэр. Во-первых, спасибо за коленку. А во-вторых... вот, - я достала из кармана письмо и протянула ему. -- Я нашла это письмо в сейфе моих родителей. Оно адресовано вам, сэр.

Он долго медлил, но все же взял письмо и вскрыл печать с оттиском лилии - на лице его при этом было совершенно нечитаемое выражение. Он погрузился в чтение, а я тем временем рассматривала таблицы и спектральные диаграммы, развешанные по стенам кабинета.

Профессор, дочитав письмо, вдруг сделался совершенно невменяемым. Бросил мне:

-- За мной! - и понесся в подсобное помещение, оказавшееся еще одной лабораторией, но куда лучше оборудованной, чем ученическая. Он с молниеносной скоростью разжег огонь под котелком, нарезал ингредиенты и, то и дело поглядывая на меня как на чудище лесное, принялся варить зелье. Варка заняла примерно полчаса, за которые я успела заподозрить своих родителей в самых страшных грехах, а заодно и саму себя - иначе с чего бы ему так зыркать?

-- Руку!

Я послушно протянула левую руку - ее не так жалко, и профессор больно ткнул длинной (и надеюсь, стерильной) иголкой в мой палец, сцедив полновесную каплю крови в колбочку. Затем проколол палец себе, добавил к моей крови свою и капнул сверху зелья. Кровь немедленно пожелтела, как пух на цыпленке. Снейп же, наоборот, побледнел - хотя куда уж больше, казалось бы? Цапнул мою руку, ткнул иголкой. Повторил эксперимент с тем же результатом. Опустился на кресло и протянул мне письмо:

-- Читай.

"Милый Северус..."

Это он-то - милый?

"Милый Северус, я совершила ужасную ошибку. Не знаю, простишь ли ты меня? Я обнаружила, что примерно год назад моя память была изменена. Все чары мне пока снять не удалось, но я вспомнила если не все, то многое - и теперь я ужасно боюсь. Из моей памяти безжалостно вымарали два года - и тебя, Северус. Помнишь, ты назвал меня мутнокровкой на седьмом курсе? Так вот этого не было. Кому-то понадобилось разлучить меня с тобой, и, не будь Джеймс полным профаном в магии разума, я решила бы, что это он. На самом деле для подобного вмешательства требуется настолько сильное колдовство и тонкое мастерство, что специалистов такого уровня можно пересчитать по пальцам одной руки. И от этого мне еще страшнее, Северус. Не хочу делиться догадками и строить предположения - сперва мне нужно все вспомнить. Но самое главное: Гарри - не дочь Джеймса. Я вспомнила, как ждала тебя дома, чтобы отпраздновать годовщину, и собиралась обрадовать тебя новостью о беременности, а потом кто-то постучал в дверь и, едва я открыла, оглушил меня. Собственно, именно беременность и помогла мне избежать действия всей силы заклятья, малышка Гарриэт с первых дней жизни оказалась достаточно сильной, чтобы частично защитить свою маму. Правда, неизвестно, как это отразится на ней самой, но я надеюсь на лучшее.

Северус, я не знаю, где ты сейчас и с кем, поэтому накладываю заклятье на пергамент - письмо и адрес сможет прочитать только тот, в ком течет твоя кровь. Завтра я собираюсь провести обряд для возвращения памяти. Пожелай мне удачи.

Всегда твоя, Лили."

Я не знала, что сказать, и едва не скомкала письмо нервным жестом. Это что же получается, профессор Снейп - мой отец?

Словно услышав мои мысли, он поднял голову и севшим голосом пояснил:

-- Это зелье выявляет родство. Согласно шкале Флякуса, ты - либо моя единоутробная сестра, либо дочь. Поскольку моя мать мертва вот уже двадцать пять лет...

-- Но почему она не отправила вам письмо?

-- Не успела. Посмотри на дату.

Я посмотрела

-- Тридцать первое октября тысяча девятьсот...

-- Тридцать первое октября, - перебил меня Снейп. - В полночь тридцать первого их убили. Гарриэт, я... я все равно ничего не помню. Я должен провести ритуал и вернуть себе

память - а потом я тебя позову сам. Хорошо?

-- Х-хорошо...

В свою гостиную я возвращалась в совершенно растрепанных чувствах. Едва увидев меня, Невилл потащил меня в укромный уголок за портьерой, усадил на широкий подоконник:

-- Гарри, что случилось?

-- Нев, ты умеешь хранить секреты?

Лонгботтом с готовностью кивнул.

-- Вообще-то это не совсем секрет, и, наверное, скоро совсем не будет секретом... В общем, мой папа - не мой папа, а совершенно посторонний человек.

Невилл округлил глаза:

-- Как это так?

-- Маму заколдовали, и моего настоящего папу она забыла, а он забыл ее. А потом она вышла за Джеймса Поттера. А я летом нашла в сейфе неотправленное письмо к моему настоящему папе, и оказалось... В общем, оказалось, что мой папа - наш профессор Снейп.

Невилл прикрыл рот руками, чтобы не охнуть во весь голос. Он был настолько шокирован, что я на секунду пожалела о своем импульсивном решении рассказать ему все.

-- Нет, - помотал он головой. - Я никому не скажу. Даже Джейку - раз ты просишь.

-- Спасибо, Нев, ты настоящий друг, - поблагодарила я. Он секунду посмотрел на меня и с оттенком зависти сказал:

-- У тебя теперь есть папа... Но ведь он ничего не помнит, так?

-- Так. Он собирается вернуть себе память, и тогда уже позовет меня к себе для серьезного разговора... Представляешь - целых два года просто вытерли и заменили ложными воспоминаниями! И, может, маму убили потому, что она вспомнила...

Неожиданно для себя я всхлипнула, и Невилл неловко положил мне руку на плечо:

-- Ну, теперь у тебя есть папа... Пусть он и не помнит. Это лучше, чем ничего, верно?

Внезапная догадка пронзила меня:

-- Нев, ты ведь сирота? Прости. я не знала...

Мальчик нахмурился и поспешно отвел взгляд:

-- Я не сирота. Мои родители, они в Мунго. Тяжело больны.

-- Ох, Нев...

-- У меня только бабушка. Мама и папа были аврорами, и однажды попались Пожирателям. Их... В общем, они сейчас вообще никого не узнают и не разговаривают, даже меня и бабушку. Они давно такие, с тех пор, как мне год исполнился, так

что я их и не знал никогда.

-- Нев... -- непрошеные слезы полились у меня из глаз, и Невилл заплакал тоже. Я порывисто обняла меня, и мы ревели вдвоем, хлюпая носами, пока какой-то третьекурсник не выудил нас из-за занавески и не позвал Бри и Джейка. Те не стали расспрашивать, удовлетворившись моим путанным обьяснением о том, что я вспомнила гибель родителей, а Невилл меня утешал.

Потом уже, когда мы шли каждый в свою спальню, Невилл поблагодарил меня:

-- Я не хочу, чтобы меня жалели, как сироту. Они живые, и я верю, что они поправятся.

-- Я никому не скажу, - пообещала я.

Глава 6

На следующем уроке зелий профессор подбросил мне в котел мушиные крылышки и испортил зелье, тут же назначив мне отработку в пятницу. Подмигнул и отошел, даже не снял баллы. Невилл, с которым я оказалась в паре на этот раз, удивленно глянул на меня:

-- Чего это он?

-- Сама не знаю, - пожала я плечами. А потом сообразила: да он же хочет поговорить! Будь я слизеринкой, устроить это было бы проще простого, но было бы довольно странно, пожелай слизеринский декан побеседовать по душам с хаффлпаффкой.

Стоит ли говорить, что я едва дотерпела до пятницы? Я так плохо спала ночью, что уже подумывала попросить у мадам Помфри снотворного зелья - мне постоянно снился Снейп, то зло шипящий и говорящий, что письмо подделано, то фыркающий и заявляющий, что наше родство ничего не меняет - поскольку он не собирается взваливать на себя такую обузу.

Днем было легче: уроки и Невилл с Гермионой занимали все свободное время. Гермионе все заклинания давались настолько легко, что она никак не могла понять, почему Невилл никак не может уловить правильный взмах или интонацию. У меня была другая проблема: без палочки у меня все получалось превосходно, а вот с палочкой... Упрямая деревяшка не слушалась и норовила плюнуть огнем - МакГоннагал уже дважды тушила учебные пособия, а у Флитвика я сожгла половину перьев, используемых для "Вингардиум Левиосы". Я подозревала, что палочка не совсем мне подходит, но ведь у Олливандера не оказалось ничего получше, так что придется приноравливаться.

Гермиона вычитала, что беспалочковая и невербальная магия - это высшее колдовское умение, и мне не очень-то хотелось этим хвастаться, так что я подумывала над тем, чтобы отломить себе в лесу прутик и притвориться, что я колдую с его помощью - вот

только прутик мало похож на палочку. Может, получится слегка обрезать его ножом и изобразить нечто вроде орнамента?

В пятницу после пар я зашла к профессору Снейпу. Он был не в лаборатории, а в своем кабинете на первом этаже, куда мне еще не доводилось попадать. Почему-то все считали, что он обитает в лаборатории, в подземелье, но мне упорно не верилось, что кто-то может добровольно поселиться в насквозь пропахших зельями и ингредиентами - вроде тухлых флобберчервей - комнатах.

Честно говоря, кабинет выглядел устрашающе. Тяжелый черный стол на ножках-змеях, заспиртованные уродцы в банках на многочисленных полках у стены, перед огромным камином из темного камня - вытертый зеленый ковер и два кресла с подголовниками - ни за какие коврижки не села бы в кресло, выглядящее так, словно намеревается тебя сожрать. С потолка на цепи свисала оплетенная паутиной люстра - подозреваю, когда-то она была бронзовой, в пыльных портьерах кто-то шебуршился...

Профессор Снейп в подобном окружении выглядел еще внушительнее и устрашающе, как никогда.

-- Поттер, - приветствовал он меня. Я едва удержалась, чтобы в шутку не сделать реверанс.

-- Профессор Снейп, сэр?

-- Пойдите в лабораторию и подождите меня там. Пароль - "атропа беладонна".

Я послушно спустилась и произнесла пароль. Дубовая дверь с недовольным скрипом распахнулась, и, только я собралась сделать шаг, как споткнулась о злосчастный порожек и кубарем влетела в класс, сшибив ближайшую ко мне скамейку. Инстинктивно вскинув руки в попытке защитить голову, я нечаянно взмахнула палочкой, и эта деревяшка не преминула плюнуть целым снопом искр. По закону подлости, ближайший шкаф с ингредиентами начал тлеть, а мое "Агуаменти" вызвало маленький водопад. В итоге подошедшему профессору открылась занимательная картина: сидящая на полу я, мокрая, как мышь, слегка обугленный шкаф, перевернутая скамья и, в довершение всего, моя несчастная разбитая коленка. Да-да, я дико везучая, знаю!

"Ну все, мне конец..." - подумала я. Выражение лица у зельевара было непередаваемым: тревога, возмущение, ярость поочередно сменяли друг друга, пока их не победило непонимание.

-- И что же тут случилось? - вопреки моим ожиданиям, спокойно осведомился Снейп. Бьюсь об заклад, с любого другого студента он бы уже три шкуры содрал.

-- Ну, началось с того, что я опять споткнулась о порог, сэр, -

постаралась я объяснить как можно детальнее. - В падении опрокинула скамейку, машинально вскинула руку, а моя палочка вдруг выбросила сноп искр. Шкаф стал тлеть, и я наколдовала воду...

-- Ага... Допустим, так все и было. А с какой стати ваша палочка взбесилась?

-- Понятия не имею, профессор, - честно призналась я. - Она меня вообще не слушается - я постоянно что-нибудь поджигаю. Без нее мне колдовать намного проще, если честно.

Профессорские брови решили обосноваться на лбу.

-- Без палочки?

-- Ну да. Вот, смотрите, - я сунула палочку в карман и просто повела рукой в воздухе, желая увидеть шкаф в его первоначальном облике. Тот повиновался и отрастил заново сожженную полку.

-- О... - профессор хотел было что-то сказать, но огляделся и закрыл рот. Помолчал с полминуты и заявил:

-- Немедленно к директору.

Директорский кабинет охраняли две гаргульи, при виде Снейпа скорчившие недовольные рожи. Тот, однако, не обратил на них никакого внимания и назвал пароль - "сахарные перья". Я подумала, что у директора явно сдвиг на почве сладкого, раз он не придумал ничего лучше.

Одна из гаргулий отьехала в сторону, открывая проход на винтовую лестницу. Едва мы встали на нижнюю ступеньку, как лестница стала вращаться, словно штопор в пробке, пока мы не оказались на пороге самого странного кабинета из всех, что я видела. На многочисленных полках вперемешку стояли книги, хрустальные шары, всякие безделушки, названия которых я не знала - и все это похрустывало, жужжало, шелестело и позвякивало. Две стены занимали портреты пожилых людей - предыдущих директоров Хогвартса. "Лавка старьевщика", - подумалось мне вдруг. Да, точно, именно лавка старьевщика. Склад странных вещей.

Мелодичная трель откуда-то слева заставила меня приглядеться внимательнее: на жердочке сидела алая птица с хохолком, размером с крупную курицу. Длинный хвост и крылья не меньше трех метров в размахе, на ногах - внушительные когти. Не хотелось бы мне вызвать недовольство такой птички...

-- Северус, мальчик мой, что привело тебя ко мне?

Назвать Снейпа мальчиком? Бэ-э... Он что, совсем его не уважает? Я опасливо выступила из-за спины профессора и взглянула в синие директорские очи, не скрытые очками. Вообще не могу понять, какого черта он таскает очки - для имиджа, что

ли?

Директор поперхнулся и принял подобающе-суровый вид:

-- Мисс Поттер? Профессор Снейп, что случилось?

-- Мисс Поттер только что едва не сожгла мне шкаф, а потом залила весь кабинет зельеварения водой. Ее палочка непроизвольно выпускает снопы искр - и я настаиваю на замене. Прежде чем мисс Поттер подожжет кого-нибудь из студентов, директор, - ехидно добавил он. На сей раз его голос был полон злости и праведного негодования. -- Кроме того, кто-то из студентов заколдовал порог в кабинете, несомненно, надеясь, что я споткнусь. К моему сожалению, пострадала мисс Поттер, - он указал на мою коленку.

Директор задумчиво бросил в рот что-то ярко-желтое, прожевал и меланхолично предложил:

-- Почему бы вам, профессор, не сводить мисс Поттер к Олливандеру? Насколько мне известно, вы все равно собирались лично отобрать ингредиенты в аптеке... Кстати, а почему вы пришли ко мне, а не к профессору Спраут?

-- Насколько мне известно, опекуны мисс Поттер - магглы, а деканы не обладают полномочиями для того, чтобы решать подобные проблемы. Хотя я не понимаю, почему именно мне выпала сомнительная честь возиться с ребенком.

-- Гм-м... что ж, все верно... Видите ли, профессор Снейп, профессор Спраут занята завтра - рассада пурпурной горечавки, знаете ли, очень нежная и требует внимания.

Я рискнула вмешаться:

-- Директор Дамблдор, может... если я буду мешать профессору Снейпу, может, можно Бри сходить со мной? Она уже на седьмом курсе и...

Дамблдор перебил меня:

-- Нет-нет, не станем отвлекать вашу старшую подругу. Профессор Снейп?

-- Хорошо, - бросил зельевар. - Поттер, завтра в восемь часов в холле. В ваших же интересах будет не опаздывать.

Глава 7

Утром я с огромным удовольствием надела новую одежду - у меня еще не было случая ее примерить. На вокзал я приехала в дадлином старье, а в школе носила форму, и теперь мне было немного странно смотреть на себя в зеркало: зеленое платье до колена, перепоясанное черной атласной лентой, клетчатые черно-зеленые гольфы и лакированные ботиночки на шнуровке преобразили меня до неузнаваемости. Поглядев в окно, я увидела росу на траве и прихватила черный бархатный плащ с капюшоном - не хватало еще простыть и начать шмыгать носом.

Видя, как я собираюсь, Ханна спросила:

-- Куда ты так рано, Гарри?

-- Помнишь, я говорила, что моя палочка плюется искрами? -- она покивала. -- Так вот вчера у меня была отработка со Снейпом.

-- Ой, - прикрыла она рот. - Ты что, подожгла профессора?

-- Нет, всего лишь его шкаф. Он отвел меня к директору, а тот попросил его проводить меня к Олливандеру.

-- День со Снейпом, жуть! -- прокомментировала Бесси и широко усмехнулась:

-- Может, тебе еще удастся поджечь его до того, как тебе сменят палочку.

Я попрощалась, пообещала привезти сластей - если мне будет позволено зайти в кондитерскую - и пошла в холл. Невилл еще спал, и я решила его не будить - расскажу все потом.

Профессор Снейп поднялся из лаборатории одновременно с моим появлением в холле, и довольно усмехнулся: оба мы пришли ровно в восемь. Мой наряд, кажется, тоже полностью удовлетворил его требования. Ограничившись приветственным кивком, он вышел из школы и отправился к границе аппарационного барьера. Аппарировать мне еще не приходилось, и я немного напряглась, но потом сказала себе, что тысячи волшебников делают это каждый день, и успокоилась. В конце-концов, профессор не позволит мне добраться до Лондона по кусочкам - вон у него сегодня какое хорошее настроение, едва ли не напевает себе под нос.

Аппарировать оказалось не так уж и плохо - разве что голова кружится. Мы оказались на уже знакомой мне Диагон-аллее, и направились к "Гринготтсу" - гоблинскому банку, где я уже однажды побывала с Хагридом. Снейп на ходу заговорил:

-- Гарриэт, как тебе живется у тетки?

-- Честно? Письмо из Хогвартса было подписано: "Гарри Поттер, чулан под лестницей".

-- Что? - Снейп остановился, как вкопанный. Развернулся и потянул меня в неприметное кафе, только-только открывшееся и почти пустое. Мы заняли самый дальний столик, профессор заказал чего-то официанту и махнул палочкой:

-- Вот, здесь нас никто не услышит. Рассказывай все.

И я начала рассказывать, прервавшись только однажды - когда официант принес нам потрясные шоколадные пирожные и по чашке горячего кофе. Я блаженно зажмурилась и поблагодарила Мерлина - Снейп явно не считал, что кофе вреден для детей.

Чем больше я рассказывала, тем больше он мрачнел.

-- Значит, магия, по их мнению, это уродство? И таким, как

мы, самое место в психушке? -- уточнил он. Я кивнула.

-- Гарри, я вернул себе память. Сегодня я собирался добиться равноправного опекунства - поскольку Дамблдор уверяет, что тебе необходимо жить у Петунии, как сестры твоей матери.

-- Почему?

-- Что ты знаешь о том, как погибли твои родители?

-- Я знаю, что был могучий злой колдун, имя которого никто не произносит. Родители... Мама и Джеймс боролись против него и его слуг, и за это их убили, а я выжила. Все.

Снейп нахмурился, словно то, что он собирался сказать, было неприятно для него.

-- Да, все верно. Видишь ли, считается, что самопожертва твоей матери, закрывшей тебя своим телом, дала тебе мощную кровную защиту. Пока ты считаешь своим домом дом ее сестры, ты недосягаема для сторонников Темного Лорда, оставшихся на свободе после его падения.

-- Но я никогда не считала дом Дурслей своим! Разве что в сопливом детстве, лет до четырех, пока не поняла, насколько мне не рады.

-- Вот именно. Так что... Нет, прежде я расскажу тебе все.

Он надолго замолчал и рассеянно позвякивал ложечкой о блюдце, словно не зная, с чего начать.

-- Видишь ли, Гарри, после того, как мне изменили память, я был уверен, что мы с твоей мамой поругались еще до выпускного, и что она оставила меня ради Поттера... Джеймса. Я был настолько подавлен и обозлен, ощущал себя ненужным до такой степени, что совершил величайшую ошибку в своей жизни. Я присоединился к Темному Лорду.

Он выжидательно посмотрел на меня, но я никак не отреагировала на это заявление. Я слишком хорошо видела, как профессору не хочется признавать свою ошибку, и как он страдает от ее последствий, чтобы осуждать.

-- Я был - и являюсь - одним из лучших Мастеров Зелий в Англии. Лорд был счастлив заполучить меня и превосходно сыграл на моей слабости. Я почти два года варил и изобретал для него зелья, пока однажды не подслушал разговор в одном из пабов. Это был разговор между Дамблдором и Сибил Трелони, хогвартской преподавательницей прорицаний. Вообще-то Сибил бездарна, как гадалка, но у нее иногда случаются настоящие видения - и это, по-видимому, было одно из них. Она напророчила, что ребенок, рожденный в конце июля у наиболее непримиримых врагов Лорда, послужит причиной его падения.

-- И вы передали ему пророчество, - закончила я. Снейп уставился в столешницу. Я продолжила:

-- Это пророчество было обо мне? Лорд поверил и пришел в наш дом на Хэллоуин, чтобы убить меня - а убил маму и Джеймса.

-- Да.

Это "да" упало, как камень, полное горечи и бессильной злости. За время моей жизни у Дурслей если я чему и научилась - так это распознавать малейшие оттенки голоса, мимику, жесты и даже выражение глаз, чтобы знать, в каком настроении мои дражайшие родственнички, одноклассники или учителя. Я превосходно распознавала правду и ложь, и это неоднократно спасало мне если не жизнь, то здоровье - например в тот раз, когда кузен подлил мне уксус в квас.

Снейпу было безумно больно оттого, что именно он стал невольной причиной гибели мамы. Что мне было делать - добить его словами "мерзкий предатель"? Вместо этого я спросила:

-- Так вы говорите, что изменили свое решение? Ну, насчет опекунства?

Снейп явно был рад моему вопросу.

-- Да, если только ты согласишься. Я хотел бы провести ритуал определения родства, и официально признать тебя своей дочерью. В таком случае тебе не нужно будет возвращаться к Дурслям на каникулы и на лето - вообще никогда.

-- Да! - победно воскликнула я, и тут же села:

-- Ой... прошу прощения, сэр... -- ну вот, сейчас он передумает...

-- Гарри, я только что сказал тебе, что твоя мать погибла из-за меня, - напомнил Снейп. Я опустила голову, потом посмотрела прямо на него и заявила:

-- Можно мы обсудим это как-нибудь в другой раз? Сэр? Только не подумайте, будто я делаю это лишь затем, чтобы не возвращаться к тетке. Я... мне кажется, что... Мне кажется, что у нас могло бы получиться.

Он просветлел:

-- Да, Гарри. Именно так. Я, конечно, слабо представляю себе, что значит быть отцом, но я постараюсь.

Я покусала губы:

-- Я тоже не умею быть дочерью. Но я постараюсь.

Я сперва недоумевала, почему мы идем именно в банк - у магглов установлением родства занимаются совсем другие службы. Снейп объяснил мне, что гоблины используют магию крови для определения наследников, и это наиболее быстрый способ признания родства - и наиболее конфиденциальный. Мы пока не решили, стоит ли афишировать открывшийся факт отцовства, и в Министерство явно идти не стоило - профессор

очень сомневался в способности тамошних клерков хранить молчание.

Тот самый гоблин, который провожал меня к моему сейфу, хитро усмехнулся, увидев меня рядом со Снейпом. Бьюсь об заклад, он знал, что я - не дочь Джеймса Поттера. Потеребив Снейпа за рукав, я спросила:

-- А кого убили первым - маму или Джеймса?

Он вздрогнул, но все же ответил:

-- Джеймса. Он был внизу, а вы - на втором этаже, в детской...

-- Вот что он имел ввиду!

-- Кто?

-- Гоблин! Грипхук, кажется. Он заявил, что я по праву наследую Поттерам, и так гаденько ухмылялся, что я уверена - он знал, что я не Джеймсова дочь.

Гоблин тем временем вылез из-за конторки:

-- Мистер Снейп, я вас ждал со дня на день... Прошу сюда, - он провел нас в маленький кабинетик.

-- Мне бы хотелось официально установить факт родства, - сказал профессор.

-- Разумеется, - ухмыльнулся гоблин. -- Я был уверен, что скоро вас увижу - с тех пор, как юная мисс-пока-еще-Поттер нашла письмо в своем сейфе.

Он пригласил нас сесть, и мы устроились на низеньком диванчике, в то время как он предпочел кресло напротив.

-- Вы знали, что Джеймс Поттер - не мой отец, - обвиняюще ткнула я в него пальцем. Гоблин хихикнул:

-- Разумеется. Видите ли, юная мисс, - он прищелкнул пальцами, и на столик между нами шлепнулся пыльный гроссбух. - У нас ведутся учетные книги, где отображены все родственные связи. Поттер, Поттер, - он полистал страницы длинным крючковатым пальцем и, перевернув книгу, пододвинул ее к нам с профессором.

На пожелтевшем пергаменте было изображено родословное древо Поттеров. В самом низу страницы обнаружились имена Джеймса и Лили, а еще ниже - мое имя. Большинство имен были написаны алыми чернилами, чуть меньше - черными, и только два имени - зелеными. Мое и дальнего предка Джеймса, некоего Генри.

Снейп побарабанил пальцами по столу:

-- Понятно.

-- Что?

-- Алым написаны имена всех истинных Поттеров - по крови, так сказать. Черным - имена тех, кто вошел в род путем женитьбы или усыновления. И зеленым - тех, кто не был признан Поттером

по крови. Ты не была удочерена - поэтому твое имя книга вписала зеленым, независимо от того, что Джеймс считал тебя дочерью.

-- Именно так, - подтвердил гоблин. -- Именно так. Прошу вас минуточку подождать - я принесу все необходимое.

Едва он покинул комнату, как Снейп спросил:

-- Так что ты там говорила о наследстве?

-- Ну, гоблин, наверное, думал, что сможет отказать мне в получении наследства - поскольку я не дочь Джеймса, но ведь он умер первым, и моя мать пусть на несколько минут, но стала его наследницей - а я ее. Так что все законно...

-- Вот как...

Гоблин вернулся с двумя чашами и колбой уже знакомого мне зелья. Спросил:

-- Вам как, торжественно или по-простому?

-- Как быстрее, - сказала я, и профессор едва сдержал ухмылку. Гоблин быстро и резко кольнул наши пальцы, капнул крови в каждую чашку и в одну из них добаил зелья. Осмотрел полученный результат, наколдовал перо и пергамент и выписал новое свидетельство о рождении - обмакивая перо вместо чернильницы во вторую чашку. Извлек из кармана печать, подышал на нее и аккуратно оттиснул в уголке знак Гринготтса. Вручил Снейпу:

-- Вот и все. Записи в остальных документах изменятся автоматически спустя двадцать четыре часа - если вы не пожелаете скрыть эти сведения.

-- Мы подумаем, - Снейп уплатил положенную сумму и мы вышли на улицу. Первым делом мы зашли в аптеку, где профессор долго и дотошно изучал ассортимент, отбирал нужное и торговался с аптекарем - по-моему, больше из вредности, чем из жадности. Потом он проследил, как его покупки упаковывают и не преминул трижды напомнить, что доставить их должны не позднее, чем к завтрашнему утру - и не приведи Мерлин использовать уменьшающие чары!

-- Ну? Теперь - к Олливандеру?

Я решилась высказать свои опасения:

-- Боюсь, он ничего не подберет. Все остальные палочки были еще хуже.

-- Да? - нахмурился Снейп... отец. -- А ты знаешь, что беспалочковое волшебство...

-- Знаю, и не хочу показывать, что я умею обходиться без палочки. Я подумала, что, может, можно взять обычный прутик и придать ему вид палочки?

Он немного поразмышлял и одобрил:

-- Звучит разумно. Давай попробуем.

Мы прогулялись до парка, где отец так же дотошно, как отбирал в аптеке ингредиенты, осмотрел все кусты и деревья, прежде чем отломить сучок от какого-то странного засохшего растения с здоровущими колючками. Обломил колючки и протянул мне:

-- Пробуй. В этой деревящке нет ни унции магии.

Я попробовала простейшие заклинания, которые раньше мне не давались совершенно, и тут только ощутила пресловутое гермионино "единение" - словно палочка стала продолжением моей руки. Энергия просто проходила сквозь палочку - не преломляясь и не концентрируясь.

-- Здорово! - призналась я и попробовала трансфигурировать носовой платок в шарфик - как описано в последней главе учебника. Шарфик вышел вполне ничего, под цвет платья, и я обрадовалась еще больше.

-- Спасибо огромное! - с чувством произнесла я, глядя на профессора. Тот только кивнул слегка и наколдовал ножик:

-- Дай-ка...

В считанные секунды он подровнял мою палочку и заокруглил кончики, вырезал какие-то символы и протянул мне обратно со словами:

-- Можно сказать, что эта палочка принадлежала кому-то из твоих предков - палочки частенько передают по наследству. Моя, например, досталась мне от матери...

Кивнув, я вытащила свою старую палочку и спросила:

-- А с этой что делать?

-- Оставь себе. Вдруг пригодится?

Я сунула обе палочки в карман и отец недовольно поморщился:

-- Вообще-то палочки в кармане носить не рекомендуется, можно ненароком ногу повредить - так и передай своим друзьям. Но ты - исключение, хотя я бы рекомендовал все-таки научиться носить ножны - просто для удобства.

-- А где их можно купить? У Олливандера?

-- Пойдем, покажу.

Глава 8

По-моему, мы оба старались всеми силами оттянуть предстоящий разговор. Я - потому, что не знала, о чем спрашивать, профессор - потому, что слабо представлял, что отвечать.

Так что мы сперва долго выбирали ножны для палочек - я соблазнилась богатым выбором и купила сразу три штуки, себе, Гермионе и Невиллу, потом зашли в книжный магазин, потом - в кондитерскую...

-- Профессор, - наконец решилась я. -- Вы уже решили, стоит ли мне брать вашу фамилию?

По-моему, он ожидал другого вопроса.

-- Думаю, стоит. Гарри, ты произвела на меня впечатление весьма здравомыслящей и непредвзятой особы... Так что я, пожалуй, рискну поделиться с тобой моими соображениями и догадками. Давай-ка найдем место, где нас не смогут подслушать.

Мы снова пришли в парк, уселись на скамейку и профессор навел заглушающие чары.

-- Наверное, стоит рассказать все с самого начала... Гарри, мы с твоей мамой были знакомы с детства. Наши родители жили по соседству, и мы частенько сталкивались, гуляя на улице. Скажу сразу: кроме Лили со мной никто не дружил. Я... мне было неинтересно играть в прятки или качаться на качелях, куда больше меня занимали книги. Помню, как я обрадовался, когда Лили взлетела в воздух - я уже знал, что я - колдун, и что в одиннадцать лет получу письмо из Хогвартса. Оказалось, что моя единственная приятельница тоже будет учиться со мной. Я рассказал Лили все, что знал о волшебном мире, и дал почитать кое-что из своих книг. Моя мать обьяснила ее родителям, что происходит с их младшей дочерью, и мы вместе ходили за покупками на Диагон-аллею, когда получили наконец письма из школы.

В школе нас постигло первое разочарование - мы попали на разные факультеты. Я - на Слизерин, Лили - на Гриффиндор. Вторым потрясением оказалось то, что другие представители наших факультетов не обрадовались нашей дружбе. Я - полукровка, на меня и так смотрели косо, ведь Слизерин испокон веков был вотчиной чистокровных. А уж дружба с магглокровной гриффиндоркой тем паче не добавила мне популярности. Ее тоже шпыняли - как же, я змееныш и вообще мало приятный тип, как с таким можно водиться? Нам пришлось скрывать свою дружбу вплоть до пятого курса, покуда Лили не взбунтовалась и не вынудила меня прийти с ней на рождественский бал. Это был славный плевок в сторону гриффской четверки, достававшей меня с первого курса. Сириус Блэк, его закадычный дружок Джеймс Поттер, подлиза Питер Петтигрю и Римус Люпин - он никогда не брал участия в забавах своих дружков, но и не пытался их остановить. Не стану перечислять их проделки, скажу только, что они весьма изобретательно отравляли мне жизнь. Когда они увидели меня с Лили, их ненависть возросла в сотни раз. Поттер был влюблен в нее чуть ли не с третьего курса, за ним бегала половина девчонок школы, но он упорно добивался Лили. Он

словно с катушек съехал - тот бал обошелся мне сломанной рукой, помятыми ребрами и расплющенным носом - видишь, как он неровно сросся? А с Гриффиндора сняли сотню баллов - взбешенная Лили раскидала Поттера и Блэка по разным углам гостиной, а Петтигрю лишился половины волос. Мы с Лили стали встречаться открыто и не расставались до выпускного, а потом сняли мансарду у старушки и стали жить вместе. Она пошла на курсы колдомедиков при госпитале Святого Мунго, а я поступил в ученики к Лемму, покойному главе Ассоциации зельеваров. Два года пролетели, как один день. Мы даже ни разу не поссорились, представляешь? На нашу очередную годовщину я собрался сделать Лили предложение. С кольцом в кармане я шел домой, когда на меня напали сзади и оглушили. Очнулся я с уже измененной памятью. По всему выходило, что не было никакого рождественского бала, а гриффы избили меня за то, что я назвал Лили грязнокровкой - это худшее оскорбление для магглокровных колдунов, чтобы ты знала... Лили стала встречаться с Джеймсом, с ним же она и жила после школы, и собиралась в скором времени выйти за него замуж. Можешь представить себе, в какую пучину безумия я погрузился. У меня не было никого, кроме Лили - а у меня ее отобрали, заставив думать, будто я сам виноват в случившемся. Я встретил своего бывшего старосту Люциуса Малфоя, и он предложил мне познакомиться с человеком, который сможет оценить мои достоинства как никто другой.

-- Темный Лорд, - кивнула я.

-- Да. Только не называй его так - это прозвание было популярно только среди Пожирателей смерти, его последователей. Тот-Кого-Нельзя-Называть или Сам-Знаешь-Кто, так его зовут все колдуны.

-- А почему не по имени?

-- Имя его в свое время было неким указателем - так его звали лишь враги, и он мог определить, где только что было произнесено его имя.

-- И нагрянуть в гости.

-- Совершенно верно. Два года я работал на него, пока однажды не подслушал пророчество и не пересказал. Под пророчество подходили две семьи - Поттеры и Лонгботтомы, родители твоего друга Невилла. Когда выбор пал на Лили, я осознал, что натворил и пришел к Дамблдору - все знали, что именно он возглавляет сопротивление. Я умолял его спасти Лили, каялся во всех грехах и обещал стать его вечным рабом, и он предложил мне шпионить для него. Я согласился и стал членом Ордена Феникса - к тому времени в него входили и

Поттеры, и Лонгботтомы, и еще чертова куча народу. На дом Поттеров были наложены чары Фиделиус - никто не мог увидеть или магически обнаружить его, если хозяева не давали специального разрешения. Тайнохранителем выбрали Сириуса Блэка, лучшего друга Поттера и твоего, между прочим, крестного. Но Блэк предал Поттеров и стакнулся с Пожирателями, выдав тайну охранных чар - уж не знаю, что там ему посулили, может, родительское прощение... Как бы там ни было, но в ночь на Хэллоуин Поттеров убили. На следующий день Питер Петтигрю попытался задержать предателя, но был убит - и вместе с ним больше десятка случайных прохожих. Блэка посадили в Азкабан, тебя отдали родственникам. После развоплощения Темного Лорда - тело его не нашли, только пустую одежду - его последователям пришлось несладко. Почти весь Ближний круг посадили в Азкабан, немногим удалось уйти от правосудия. За меня поручился Дамблдор - и взял на работу в Хогвартс. Вот уже десять лет я работаю на него.

Я сидела молча, обдумывая услышанное. Неясная догадка уже начала оформляться в моем мозгу, из серии невероятных и скандальных, но я не спешила ее высказывать.

-- Дамблдор - великий колдун, - уточнила я. Отец кивнул:

-- В свое время он победил Гриндевальда, предшественника Темного Лорда.

-- Гриндевальд был сильнее Темного Лорда? - поинтересовалась я.

-- Судя по его деяниям - они были примерно сопоставимы по силе.

-- Ага, - кивнула я. -- Профессор, давайте пока отложим этот разговор. Я хотела бы покопаться в библиотеке и прояснить для себя некоторые вещи.

-- Конечно, - согласился Снейп. -- И, Гарри... Наедине, я думаю, ты вполне можешь звать меня по имени.

-- Хорошо, Се... Северус, - произносить его имя было очень непривычно. -- Я бы хотела пока не признаваться, что вы - мой отец. Сперва нужно во всем разобраться и прикинуть возможные последствия - ведь тот, кто изменил вам с мамой память, вряд ли сильно обрадуется.

Снейп улыбнулся, недоверчиво-восторженно глядя на меня:

-- Гарри, ты уверена, что попала на тот факультет? Меня очень удивляет такое здравомыслие и прозорливость в хаффлпаффке - в одиннадцатилетней хаффлпаффке.

Я насупилась: то, что случилось на церемонии распределения, до сих пор вызывало во мне бурю эмоций. Не то, чтобы я была недовольна, но...

-- Эта глупая шляпа совершенно не понимает шуток, - буркнула я.

-- Шуток? Ты разговаривала со Шляпой?

-- Ага. Она заявила, что во мне, мол, достаточно и храбрости, и ума, и хитрости, так что она предоставляет мне право выбора, а я возьми да и скажи: "Поближе к кухне, подальше от начальства". И в следующую секунду она уже орет "Хаффлпафф" и гаденько так хихикает.

Если бы нас в этот момент увидел кто-то из знакомых - точно побежал бы сдаваться в Мунго, потому что профессор заржал в голос, вытирая рукавом слезы.

-- Ну и не смешно, - пробурчала я. -- Зато у меня самая уютная гостиная в школе: у гриффов тесно, у ворон дует, а у змей сыро.

-- Это точно, -- признал профессор. -- Расскажи, с кем ты уже успела подружиться?

-- Ну, во-первых, с Невиллом и Гермионой - это вы уже знаете. Я живу с Ханной Аббот и Бесси Миллер, правда, они больше парочкой ходят, но мы неплохо общаемся. И, конечно, моя старшая подруга Бри - у нас на факультете принято устанавливать негласную опеку над первокурсниками, помогать обустроиться. И еще я познакомилась с Драко - он со Слизерина, такой белесый и невзрачный, он мне показался неплохим. Только у нас мало общих занятий - одни зелья, а в остальное время мы не сталкиваемся.

Профессор заинтересованно выгнул бровь:

-- С Драко, говоришь? Он мой крестник, так что у вас будет возможность познакомиться поближе. А есть такие ученики, которые тебе неприятны?

-- Есть, - скривилась я. -- Паркинсон и Буллстроуд. Не то, чтобы мы сильно цапались, но это опять же потому, что мы почти не видимся. Я на зельях всегда сажусь так, чтобы быть подальше от них.

Снейп предложил вернуться, и мы уже было направились к открытой для аппарации территории, когда я вспомнила одну вещь.

-- А у магов существуют заклинания или зелья, способные ускорить рост волос?

-- Да, а почему ты спрашиваешь?

-- Гермиона советовала мне отпустить волосы и проколоть уши, - я слегка покраснела. - Ну, чтобы быть похожей на девчонку, а не на мальчишку. Меня и так все почему-то принимают за мальчика.

Профессор расхохотался второй раз за день и повел меня в

салон красоты, где милая ведьма очень быстро нарастила мне волосы - если бы не Паркинсон, я попросила бы каре. С длинными волосами я справляться пока не умела, и ограничилась длиной чуть пониже плечей. Густая челка полностью скрыла знаменитый шрам, а приятным бонусом стали очки - ведьма подправила их форму так, чтобы я не смахивала на Леннона. Отец пообещал сварить мне зелье для коррекции зрения, так что со временем я вообще надеялась от них отказаться. Уши мне прокололи тут же, и сразу заживили заклинанием - кажется, у магглов они пухнут с месяц. Сережки я выбрала едва заметные, золотые шарики-гвоздики.

Глава 9

Невиллу я сразу же рассказала все без утайки. Он вызвался помочь мне с моими поисками, и он же предложил привлечь к делу Гермиону - как квалифицированного специалиста по рытью в книжных завалах. Вооружившись пером и пергаментом, я все свободное время проводила в библиотеке, и, чем дольше я вчитывалась в хроники магической гражданской войны, тем выше ползли мои брови и поднимались дыбом волосы - благо, теперь было чему подниматься. На восьмой день нашего мозгового штурма Невилл, заикаясь, спросил:

-- Э-это то, что я думаю?

Мы с Герми мрачно кивнули. На следующем уроке зельеварения мы, не сговариваясь, взорвали свои котлы. Профессор Снейп безропотно назначил взыскание всем троим.

Герми и Нев, впервые увидев кабинет профессора, были сражены наповал, хотя впечатлили их совершенно разные вещи: Гермиона откровенно пускала слюни на пухлые книги, а Невилл впал в ступор при виде заспиртованных уродцев.

-- Ну? - профессор нахмурился. -- Поттер, объясните, зачем вы притащили с собой товарищей?

-- Сэр, они помогали мне разобраться, - я подмигнула профессору и кивнула в сторону окна, где виднелся кусок Запретного леса и озеро. Профессор нахмурился, но почти сразу же его лицо прояснилось:

-- Видимо, плохо помогали, раз вы все трое провалили урок. В качестве наказания поможете мне собрать пыльцу страстоцвета, так что кышьте!

Он, гоня нас перед собой, словно гусят, резво потопал к выходу из замка. Только на берегу Черного озера он снова заговорил:

-- Что это за фокусы, Гарри? Мы не оговаривали участие в твоих изысканиях мисс Грейнджер и мистера Лонгботтома.

-- Сэр, они здорово помогли мне.

-- Что вы успели узнать?

Гермиона робко ответила:

-- Гарри рассказала нам все и прочитала письмо матери - не все, но большую часть, но, сэр, мы никому не рассказали и не расскажем, правда, Невилл?

-- П-правда, - хоть профессор и оказался моим отцом, он не стал от этого более приятным или терпимым, так что бедняжка Невилл продолжал его бояться.

-- Лонгботтом, не мямлите. Я вас не съем, коль скоро Гарри взбрело в голову называть вас другом.

-- Сэр, мы покопались в библиотеке и прочли все исторические хроники, что там есть, - начала я. Снейп поморщился:

-- Вряд ли там можно найти много достоверных фактов.

-- Того, что есть, более чем достаточно.

Мы успели углубиться в лес и выйти на полянку, заросшую жухлой осенней травой. Профессор уселся по-турецки прямо на землю, приглашающе поманив нас к себе. Я, аккуратно расправив мантию, села напротив, ребята - по обе стороны от меня. Гермиона достала из кармана обычный маггловский блокнот, куда я записывала удивившие меня факты и обнаруженные нестыковки.

-- Сэр, давайте я сперва выскажу свои соображения, а вы меня потом поправите, если что, - предложила я. Снейп устроил подбородок на кулаке и пробормотал:

-- Говорят, устами младенца... Давай, Гарри, рассказывай.

-- Помните, мама писала, что немного найдется колдунов, способных так ловко изменять воспоминания? Мы не исключаем, что нашелся некий неизвестный маг, который по неведомым причинам решил позабавиться, но первое правило сыщика гласит: ищи, кому выгодно. Вот от этого мы и плясали, собственно... Итак, мы имеем: сильный темный маг, набирающий армию сторонников и довольно успешно завоевывающий позиции в магическом мире. Ему противостоит горстка энтузиастов - так называемый Орден Феникса, возглавляемый самым могущественным светлым колдуном со времен Мерлина. Этому самому светлячку позарез нужен шпион в тылу темного - и шпион должен отвечать определенным требованиям. Во-первых, он должен быть чистокровным и, желательно, слизеринцем - ведь Слизерин испокон веков считается лояльным ко всяким темным лордам и черным властелинам. Он должен суметь стать если не правой, то хотя бы левой рукой темного - и быть в курсе его коварных планов, потому кандидат должен обладать гибким умом, хитростью, изворотливостью - и талантом в какой-нибудь

редкой области знаний. А еще он должен быть обижен и угнетен светлыми - иначе чем его привлечет темная сторона? Таким образом, в поле зрения светлячка попал некто Северус Снейп, слизеринец, правда, полукровка - но зато самый молодой зельевар Англии, получивший "Золотой котел" после окончания школы за изобретение зелья орлиного зрения (кто-то мне, между прочим, обещал его сварить, но это уже частности...). Он не имел друзей, был ненавидим сокурсниками-гриффиндорцами (почти в полном составе входящими в Орден-несгораемого-куренка) и не попал в лапы темного по одной-единственной причине: для счастья ему достаточно интересного наставника и любимой девушки. Кандидат идеален - и светляк недрогнувшей рукой отбирает у него любимую, да не просто отбирает, а сводит со злейшим врагом кандидата. Тот с горя запродает душу и тело темным и быстро выбивается в приближенные благодаря своему таланту - а как же, ведь его уже ничто не отвлекает от научных изысканий. Полдела сделано - осталось только заставить подопытного раскаяться и броситься светляку в ноги искупать вину. А давай-ка подбросим ему фальшивое пророчество, под которое попадает его бывшая возлюбленная, которую он так кстати не забыл? Он безо всякой задней мысли расскажет хозяину об услышанном, тот сделает нужные выводы и даст команду "фас!". Наш будущий шпион узнает, что подставил под удар все еще любимую женщину, перед которой он чувствует себя жутко виноватым (а чувство вины подчас куда сильнее любви), и прибегает к светлячку. Все, дело сделано! Осталось только закрепить успех, сдав любимую шпиона темному - пусть всю жизнь мучается угрызениями совести. Он станет передавать информацию Ордену, и в решающий момент светлячок, как рыцарь в сверкающих доспехах, бросится грудью на защиту магического мира - естественно, победив, ведь у него уже есть опыт, успел в молодости потренироваться. Ну как, профессор, я последовательна?

Снейп задумчиво покивал:

-- Я пришел к тем же выводам, Гарри. Но ты говорила о каких-то нестыковках...

-- Да, говорила. Ну, во-первых, это натолкнувшие меня на мысль о том, что светлячок не так-то прост. Светлячок имеет орден за победу над Гриндевальдом - но в юности он с этим самым Гриндевальдом дружил и искал, между прочим, секрет бессмертия, для чего переписывался с Фламелем, создателем философского камня. Интересно, почему это светлячок вдруг раскаялся и пошел против друга? Не потому ли, что к тому времени философский камень был ими у Фламеля изъят, а

делиться не хотелось? Кстати, камень-то сейчас в школе... -- я полюбовалась на вытянувшееся лицо отца и обьяснила:

-- Хагрид забрал из Гринготтса сверток по поручению светлячка и сболтнул, что его содержимое - дело только светлячка и Фламеля. Узнать, кто такой Фламель и чем он знаменит - пара пустяков, об этом даже в детских книгах пишут. Коридор на третьем этаже закрыт для студентов, в самом его конце - запертая дверка, которую, кстати, проще простого отпереть Аллохоморой, а за дверкой трехглавая псинка. Интересно, что за люк она охраняет?

Снейп нахмурился:

-- Когда это вы успели побывать на третьем этаже?

Невилл пожал плечами:

-- Это из-за меня, сэр. Мы замешкались на лестнице и она внезапно сменила направление. А меня укачало и пришлось сойти в коридор, но там была кошка Филча, которая привела и самого Филча... В общем, мы прятались от завхоза.

-- Дуракам везет... Да, трехглавый пес охраняет философский камень, - признал профессор. -- Но предполагается, что об этом известно лишь, м-м... светлячку, как ты его окрестила. Я и сам узнал случайно... Но охраняет его не только пес - каждый из профессоров поставил на пути к нему свою ловушку, так что, пока незваный гость преодолеет полосу препятствий, успеют сработать оповещающие чары.

-- Тогда ладно, - махнула я рукой. - Не то, чтобы меня волновал камень - разве что было бы любопытно посмотреть, но обидно, если его сворują. Фламель старался... Так вот о нестыковках. Вторая нестыковка - темный. Если светлячок - такой великий маг, как он проворонил у себя под носом студента с манией мирового господства? Мне почему-то кажется, что светлячок специально взрастил себе нового соперника. Ну, а последнее несовпадение касается моего крестного.

-- Блэк, - скривился Снейп. Вообще, мимика его не отличалась разнообразием - он либо кривился, либо усмехался, либо делал морду кирпичом. Мне вдруг страшно захотелось вызвать на его лице улыбку - самую настоящую широкую улыбку, как у Миллер. И чтобы морщинки в углах глаз собрались - вот ведь он тогда преобразится! Если они с мамой одногодки, то ему сейчас тридцать один - а выглядит на десять лет старше. За одно это мне захотелось выдергать светлячку всю бороду по волоску...

-- Да, Блэк. Я не думаю, что это он предал маму и Джеймса. Крайне нелогично, будучи изгнанным из семьи по полному обряду, вдруг воспылать сыновней любовью. Он получил, что хотел: друзей, интересное занятие (а ловить Пожирателей ему

нравилось, я уверена), и явно не думал о грядущей старости, чтобы вдруг начинать беспокоиться о наследстве. Прощения же матери он тоже не ждал - если уж он ушел из дома в шестнадцать, слабо верится, что за четыре года Блэк разочаровался в вольной жизни.

-- В твоих словах есть резон, - кивнул профессор. - Я сам никак не мог поверить, что Блэк - предатель. Он ведь из тех, кто никогда не меняет свое мнение, даже если оно в корне неверно - с чего бы ему вдруг отказываться от орденцев? Подозреваю, что в последний момент Поттеры сменили тайнохранителя - на Петтигрю, самого неприметного из компании. Когда арестовали Блэка, его не допрашивали с помощью сыворотки правды, а сразу заточили в Азкабан. Подозреваю, таким образом просто реализовывался экстренно сочиненный план - ведь ты разрушила предыдущий, развоплотив темного.

Гермиона поежилась:

-- У меня мурашки по коже от всего этого. Оказывается, светлячок - вовсе не добрый маг, и его стоит опасаться, но что мы можем поделать?

-- Дискредитировать его, - подсказал Невилл, и мы недоуменно воззрились на мальчика. Профессор поаплодировал:

-- Браво, Лонгботтом. Мне стоит пересмотреть свое мнение о вас. И что же, у вас есть конкретные предложения?

-- Есть, - просто ответил Невилл. - Обратимся к Рите Скитер.

-- Кто это? - дружно спросили мы с Герми. Невилл смущенно покраснел:

-- Бабушкина внучатая племянница, журналистка.

-- Самая беспринципная писака из всех писак, - добавил профессор и побарабанил пальцами по колену, обтянутому черной мантией. -- А знаете, Лонгботтом, вы правы. Я думал о журналистах, но я не думал о Скитер - а ведь она в своем деле лучшая. Начнем с... пожалуй, с Блэка и начнем. Он в Азкабане десять лет, а это отнюдь не курорт - я сам провел там незабвенных три месяца, пока светлячок за меня не поручился. Между прочим, заставил пойти преподавателем, а учитель из меня как из Хагрида балерина. И зарплата у меня в два раза ниже макгогоннагалской, - мстительно добавил он. Мы расхохотались, разом сбросив нервное напряжение, и даже профессор слегка улыбнулся.

-- Если бы мы смогли найти Петтигрю, - мечтательно подняла глаза к небу Гермиона. - Мы бы разом решили проблему. Я уверена, он жив - ведь нашли только палец, а отрезать себе палец ради спасения проще простого.

-- И одежду, - поправил Снейп. - Ходили слухи, что

гриффиндорская четверка обладала анимагическими способностями, и я не удивлюсь, если трусишка Петтигрю сейчас забился в какую-нибудь кроличью нору.

-- Отец, тебе стоит посетить Азкабан, - заявила я. Он настолько удивился моему обращению, что даже рот слегка приоткрыл - и вовсе у него не острые зубы, как утверждают некоторые студенты. Самые обыкновенные, человеческие.

-- Посвятить Блэка в нашу маленькую тайну, - не сомневаюсь, его сейчас терзали противоречивые чувства. С одной стороны - добровольно помириться с давнишним врагом, а с другой - этого самого врага больно щелкнуть по носу заявлением: "твоя крестница - моя дочь!".

-- Посвятить, - кивнула я. Он призадумался:

-- Так просто меня к нему никто не пустит, придется пробираться хитростью.

-- Ну, вы же шпион, вам ли не знать, как обмануть азкабанских охранников, - похлопала глазками Гермиона. Не знала, что она умеет... Вон, отец аж опешил:

-- Мисс Грейнджер! Так, на сегодня достаточно. Гарри, я сообщу о следующей встрече прежним способом.

Невилл кисло пробурчал:

-- Ага, и снова влепите нам "Тролль".

-- Мистер Лонгботтом, открою вам страшную тайну: ваши текущие оценки всего лишь должны поощрять или подстегивать вас. На результаты СОВ и ЖАБА они никак не влияют.

-- Но бабушка все равно будет ругаться, - вздохнул Невилл, и профессор сдался:

-- Вашу бабушку я возьму на себя.

-- Что, правда?! - обрадованный Невилл, похоже, совершенно перестал бояться профессора, и я спросила себя, далек ли тот час, когда Гермиона попросит у него какую-нибудь книжку: "почитать на недельку". Между тем Снейп поднялся с земли, отряхнулся и повел нас к замку. Разговор занял с час, но солнце уже клонилось к закату и не следовало привлекать внимания завхоза или директора. Мы разошлись в разные стороны, и я остро пожалела, что нужно хранить наш секрет - мне вдруг так захотелось обнять отца на прощание...

Никогда не страдала излишней сентиментальностью, а тут вдруг это. И что теперь, пускать сопли в подушку? Соберись, Гарри, ты же не слабачка...

Глава 10

Неизвестностью я мучалась недолго. Уже в понедельник Хедвиг сбросила мне в руки бомбу: "Ежедневный Пророк" с колдографией яростно орущего брюнета на первой странице и

объявлением о побеге из Азкабана особо опасного преступника Сириуса Блэка.

Бздын-нь! Бзды-ынь!

Светлячок еще пару раз звякнул ложечкой о кубок и поднялся, сейчас толкнет речь...

-- Студенты! Прошу внимания! Министерство посоветовало удвоить меры безопасности - вчера из магической тюрьмы бежал особо опасный преступник. В связи с этим отменены походы в Хогсмид. Прогулки возобновятся, как только преступник будет пойман.

Обалдеть, как логично. Блэку больше делать нечего, кроме как за школьниками охотиться... впрочем, мне-то что? Первокурсников в Хогсмид все равно не пускают.

По бесстрастному лицу отца было невозможно что-либо прочитать, поэтому я терпеливо дождалась отбоя и вышла прогуляться, не особо стараясь спрятаться от Филча. Тот, естественно, сцапал меня и, сияя, передал с рук на руки профессору Снейпу, высматривающему нарушителей в коридорах. Тот для вида поорал и назначил взыскания - дважды в неделю до конца месяца, чтоб не мелочиться.

На следующий день мы снова были на той же полянке в Запретном лесу.

-- Хотите шоколадную лягушку? - спросила я, усаживаясь на наколдованный табурет (только что на трансфигурации проходили).

-- Хочу.

Он не трансфигурировал себе табуреточку, а сел напротив прямо на землю, задумчиво изучая протянутую ему коробочку с лакомством.

-- Никогда бы не подумал, что буду строить заговор против начальства со своей одиннадцатилетней дочерью. Звучит несколько абсурдно.

Я подобрала прутик и стала ковырять им опавшую листву.

-- Что именно вас смущает? Мой возраст? Мне пришлось научиться хитрить, изворачиваться и просчитывать свои действия на три хода вперед. Кушать хотелось каждый день, и не только кушать... Даром мне ничего не доставалось.

Снейп глянул на меня взглядом побитой собаки:

-- Если бы я вспомнил, если бы я мог...

-- А вот чьей вины тут нет, так это вашей, - перебила я его и, встав, порывисто обняла. Слезы посыпались, как горох:

-- Мне так страшно было в темноте, одной, а они смеялись и говорили, что только младенцы боятся темноты, хотя Дадли до сих пор спит со светом, а я пряталась под одеяло и мечтала,

чтобы кто-нибудь забрал меня оттуда, пусть даже в приют, только забрал, и представляла, как было бы здорово иметь настоящую маму и настоящего папу, или хотя бы кого то одного, чтобы кто-то любил меня хоть вполовину так же, как Дурсли любят своего Дадли, хоть он и полное дерьмо и совсем не заслужил такой любви и заботы, и делает пакости даже родителям, но они его прощают и называют милым Дадличкой, а меня уродиной и дармоедкой, и...

Профессор вдруг сжал меня так крепко, что я испугалась, не треснут ли ребра, и срывающимся голосом пообещал:

-- Больше никто не посмеет причинить тебе вред. А если посмеет, то это будет последнее, что он сделает в своей жизни.

И мне вдруг стало так легко-легко, и совсем не страшно. Наверное, так и должно быть, если родной человек тебя поддерживает и защищает - я не знаю, у меня такого ни разу не бывало. Может, со временем я пойму, как это - иметь родных. Отец, крестный - не может же крестный оказаться совсем уж безнадежным. Они наверняка помирятся с профессором - он узнает, какой Северус умный и замечательный, и еще пожалеет, что не подружился с ним раньше...

-- Я совсем расклеилась, - пожаловалась я. -- Сто лет не плакала. Знаете, профессор, я запуталась. Мысленно называю вас то по имени, то по фамилии, то профессором...

-- Ничего, это ничего, - Северус погладил меня по спине. -- Ты разберешься с этим. А теперь послушай новости о своем беспутном крестном.

Я быстро отстранилась и вытерла слезы:

-- Давай. объясняй, что стряслось. Мы вроде побег не планировали...

-- Эй, блохастый, - профессор свистнул и кусты на дальнем краю полянки зашевелились. Из них осторожно вылез черный, как чернила, громадный пес, потрусивший прямо ко мне.

-- Оч-чень мило, - прокомментировала я, когда собаченция встала на задние лапы и положила передние мне на плечи, глядя на меня сверху вниз лукавыми синими глазами.

-- Знакомься, Гарри: Сириус Блэк, твой крестный.

Псинка завиляла хвостом и высунула язык, по-моему, с трудом удерживаясь, чтобы не облизать меня.

-- Что за шутки? - обиделась я. -- Ты что, хочешь сказать, что... О, Мерлин ! - у псинки были синие человеческие глаза.

-- Да, Блэк вполне оправдывает свое школьное прозвище, - ехидно ухмыльнулся профессор. Псина глухо заворчала и угрожающе оскалилась.

-- Фу, блохастый! Иначе сдам аврорам. Гарри, он, по-

видимому, стесняется.

Пес виновато потупился.

-- Чего стесняется? - не поняла я. -- Оборачиваться стесняется? М-м... мистер Блэк, если вы не окажетесь голым, то все остальное я как-нибудь переживу.

Он аккуратно снял лапы с моих плеч и отошел на пару шагов. Раз - и вместо собаки передо мной тощий брюнет с почти хагридовской бородой и волосами по пояс, одетый в великоватую черную мантию.

-- Достойная дочь своего отца, - хрипло проговорил он. -- Если бы раньше не поверил, то поверил бы сейчас.

Снейп довольно улыбнулся и предложил:

-- А теперь расскажи крестнице, как тебе в голову пришло увязаться следом за мной.

Блэк сел так, чтобы видеть меня и пожал плечами:

-- Это не я увязался. Это Бродяга. Ну, пес, в смысле. У нас прозвища такие были в школе: Бродяга, Сохатый - это Джеймс, Луни - Римус, и Хвост. Петтигрю, - последнее имя он выплюнул с такой ненавистью, что Снейп поморщился:

-- Как только я упомянул о Петтигрю, он словно с цепи сорвался...

-- Стоп-стоп, - подняла я руку. -- Ты-то сам как туда попал? Неужели разрешение достал? Странно, что ты еще не в аврорате.

-- Обижаешь, - оскорбился профессор. -- Неужели я глупее собственной дочери? Нет, я пробрался туда тайком. Как ни странно, из Азкабана куда сложнее выйти, чем войти...

-- Он прилетел, - перебил Блэк. -- И ему очень повезло, что я не был в тот момент псом - иначе Хогвартсу срочно понадобился бы новый зельевар.

-- Вот уж не думал, что тебя соблазнит ворона, блохастик!

-- Ну перестаньте, - взмолилась я. -- Как дети, честное слово. Отец, так ты тоже анимаг?

Он только кивнул.

-- Здорово, - восхитилась я. -- Значит, я... Рассказывайте дальше. Мистер Блэк, вас же отец предупредил, что судебные разбирательства займут от силы две недели?

-- Предупредил. Но, понимаешь ли, Гарри, единственное, благодаря чему я не свихнулся в Азкабане - это мое второе "я", Бродяга. Дементоры заставляют тебя снова и снова переживать самые худшие моменты твоей жизни, высасывая до капли положительные эмоции. Как пес я мог прятать свои воспоминания, потому большую часть времени и проводил мохнатым, страдая только от холода и недоедания.

-- В общем, это чудо природы сперва попыталось меня

задушить - но не учло, что исхудало, словно мощи, и попросту упало мне в ноги. Не то, чтобы мне не понравилось - Блэк валяется у меня в ногах, едва ли не лучшее зрелище в моей жизни, м-м-м... Впрочем, это существенно облегчило задачу. Я его обездвижил и выдал все имеющиеся факты. А потом заговорил о Петтигрю...

-- Этой мерзкой, облезлой, паршивой крысе!

-- ... и он выдал мне его анимагическую форму. Тогда я пообещал вернуться за ним в сопровождении извиняющихся чиновников и компенсации за моральный ущерб - всего через неделю-две! - и вспорхнул на подоконник. А эта глупая псина кинулась за мной (и как только между прутьями пролез?), выдрала два прекрасных пера из хвоста и едва не потонула. Я его, конечно, вытащил и отлевитировал на сушу - а колдовать палочкой, зажатой в клюве, удовольствие сомнительное. Так что Блэк мне теперь должен по гроб жизни.

Блэк только нос сморщил. Он, не отрываясь, смотрел на меня, будто старался запечатлеть мое лицо в своей памяти до мельчайшей черточки. Я, в свою очередь, рассмотрела его и решила, что в молодости он был настоящим красавчиком и прозвище, на которое намекал мой отец, было явно не "Бродяга" - скорее неким образом намекало на его сродство с анимагическим обликом.

-- В принципе, ничего страшного не произошло, - подытожила я. -- Только где теперь его спрятать? Может, в Хогвартсе в анимагической форме?

-- У меня есть дом в Манчестере. Он, правда, здорово запущен, зато о нем никто не знает.

-- Даже светлячок?

-- Вообще-то в личном деле есть этот адрес, - сознался отец. - Но я там не был лет пятнадцать, и все слишком свыклись с мыслью, что я живу в Хогвартсе.

-- Мне сейчас и халупа раем покажется, - тихо сказал Блэк. - После Азкабана-то... А что дальше-то делать будем? - спросил он. -- Признаете родство? Если он узнает, что Снейп вспомнил все, то запаникует и может попытаться надавить на него - или устранить.

-- Мы думали об этом. Отец, я не знаю, как поступить, так что тебе решать. У нас есть еще один вариант: опеки надо мной станет добиваться мистер Блэк, но вряд ли он выиграет суд - пресловутая защита крови...

-- Которой не существует на самом деле, - подхватил отец. -- Гарри, я не думаю, что он запаникует и станет принимать поспешные решения. Он просто начнет планировать заново - и наверняка постарается максимально повлиять на тебя, завоевать

твое доверие. Я начну учить тебя окклюменции - защите разума от вторжения, чтобы он не смог околдовать тебя, как околдовал в свое время меня.

-- Если ты такой замечательный окклюмент, как он вообще смог тебя околдовать? - насмешливо спросил Блэк. Снейп зашипел:

-- Потому, что тогда я еще не интересовался магией разума, блохастый! Зато у Темного Лорда весь ближний круг имеет ту или иную защиту, чтобы в случае чего суметь запереть опасные воспоминания и информацию.

-- Отец! - я постаралась отвлечь его. -- Будет неплохо, если ты станешь учить и моих друзей - ты же знаешь, у меня нет от них секретов.

-- Лонгботтом и Грейнджер? -- он явно был не в восторге от моего предложения. -- Хорошо, но пусть учтут, что никаких оправданий я не потерплю.

-- Другого я и не ожидала, - улыбнулась я. Жизнь налаживается! -- Кстати, Невилл связался со Скитер. Она ждет тебя в субботу, в полдень, в кафе над лавкой букиниста. Я, конечно, тоже с удовольствием поприсутствовала бы, но первокурсников в Хогсмид, к сожалению, не пускают.

Крестный вдруг лукаво улыбнулся:

-- А вот этому горю можно помочь. Из Хогвартса есть три тайных прохода в Хогсмид, о которых неизвестно ни Филчу, ни директору.

-- А, так вот оно что, - буркнул отец. -- А я-то думал, каким образом у вас оказывается сливочное пиво - это посреди недели!

-- Вот-вот, - обрадовался Блэк. -- Именно. Слушай секрет Мародеров, Нюнчик: первый ход начинается в горбе одноглазой ведьмы на третьем этаже и выводит прямо в "Сладкое королевство" - если, конечно, за десять лет в Хогсмиде ничего не изменилось. Нужно постучать палочкой по статуе и сказать: "Диссендиум". Второй ход начинается за зеркалом на пятом этаже, но он опасен - там потолок вот-вот обвалится. И третий ход - под Дракучей ивой, он заканчивается в Визжащей Хижине, - Блэк опасливо взглянул на отца, но лицо у того было непроницаемое.

-- Что вы натворили? - инквизиторским тоном поинтересовалась я. У отца такое выражение лица только тогда, когда он изо всех сил пытается скрыть свои эмоции. Блэк виновато потупился, но ответил мне Северус:

-- Об этом в другой раз. Я лично проверю безопасность ходов и сообщу, сможешь ли ты покинуть школу, Гарри. Надеюсь, статья Скитер выйдет уже в понедельник, и нам не придется устраивать

свидания в Запретном лесу. Блэк, тебе пора. Портус! - отец подобрал с земли камешек и запустил им в крестного. Тот машинально поймал его - и с тихим хлопком исчез. Северус довольно рассмеялся:

-- Всегда мечтал это сделать. Разве что в моих мечтах пунктом назначения было болото.

Я поинтересовалась:

-- А что это было?

-- Портключ. Любой предмет можно заколдовать так, что в назначенное время он перенесет сколько угодно человек в определенное место, если только оно не защищено соответствующими чарами. Например, в Хогвартсе портключи не сработают - он накрыт непроницаемым магическим куполом. Пойдем, Гарри, как бы нас не хватились.

Глава 11

Размышляя над взрослыми проблемами, я совершенно забыла о детских. А вот они обо мне, к моему глубочайшему сожалению, не забыли. И имя им было Паркинсон и Буллстроуд.

Никогда бы не подумала, что на свете может существовать создание гаже Дадли: ничего, с чем можно было бы пойти к декану, мопсиха не совершала, но по части мелких пакостей была асом. Буллстроуд обеспечивала тыл - стояла на стреме или загоняла жертву, а уж Паркинсон выполняла непосредственную задачу: в основном, насылала мелкие порчи или сглазы.

Когда у меня в сумке разлилась чернильница и испортила свиток с домашним заданием по трансфигурации, я все списала на собственную небрежность. Всякое бывает, особенно если накануне засидеться над уроками до часу ночи...

Когда у меня отлетели разом обе подметки на любимых туфлях, я грешила на нерадивого сапожника и собиралась ткнуть его носом в "гарантированно нервущиеся кожаные лодочки с непротираемой подошвой", как только снова попаду на Диагон-аллею.

Когда мой галстук запропастился невесть куда, я поссорилась с Бесси - она держала крысу, которая периодически таскала у всех носки и обустраивала гнездо за диваном в гостиной.

А когда я застукала свои вторые туфли, целеустремленно уползающие под покровом ночи вон из спальни, я заподозрила недруга.

Наложить на туфли обездвиживающее заклятие было парой пустяков - хоть они и порывались разбежаться в разные стороны. Сев на диван, я призадумалась. Как обнаружить шалуна? Можно выпустить туфли - но кто даст гарантию, что им приказали прийти не в заброшенную кладовку? Можно наложить следилку -

но я пока не умею, и придется просить кого-нибудь постарше.

Так ни до чего и не додумавшись, я легла спать, заперев взбунтовавшуюся обувь в сундук. На следующий день я повторно обездвижила туфли и пошла на занятия, снова поражаясь мудрости поговорки, утверждающей, что путная мысль может прийти в голову только с утра. Идея была проста, как все гениальное: самой проклясть все свои вещи, чтобы те при попытке постороннего наложить на них заклятье реагировали нагреванием.

Мои усилия увенчались успехом за завтраком: левая туфля вдруг стала заметно теплее правой. Осторожно оглядевшись, я заметила, что палочка Паркинсон под столом направлена в мою сторону, а губы что-то шепчут.

-- Ну, гадюка слизеринская, теперь держись, - посулила я. Невилл переспросил:

-- Чего-чего?

-- Паркинсон видишь? Пытается заклясть мои туфли.

-- Думаешь, это она? -- он склонил голову набок, выписывая вилкой узоры в подливе. -- А ведь у меня куда-то все перья запропастились... И учебник по гербалогии.

-- Сейчас я ей покажу, - пообещала я. Недавно в библиотеке я откопала подшивку "Ведьмополитена", познакомилась с модными тенденциями восьмидесятых и обогатила свой арсенал десятком занятных заклинаний. Мне даже палочку не пришлось доставать - достаточно было просто глянуть на мопсиху, и ее аккуратное, геометрически правильное каре превратилось в не менее аккуратные африканские косички с цветными бусинами на концах.

Невилл поперхнулся, тыквенный сок полился у него через нос.

-- Ну ты.. кхе-кхе, д... кха-кха, даешь!

Я постучала его по спине.

-- Спасибо. И надолго это?

-- До вечера точно продержится, - пожала я плечами. -- А там можно еще что-то придумать.

Мило улыбнувшись Паркинсон, чтобы та могла быть уверенной в авторстве шутки, я продолжила завтракать.

-- Надо Гермиону предупредить, - решила я. -- Вдруг она захочет на моих друзьях отыграться.

Невилл согласно кивнул и ткнул пальцем в потолок:

-- Смотри, почта!

Совы влетели в зал и начали сбрасывать посылки и письма, газеты и журналы в подставленные руки студентов, и я сразу нашла взглядом свою белоснежную Хедвиг - та каждое утро

приносила мне из Хогсмида свежий номер "Пророка". Невилл рядом со мной поймал маленький сверточек, в котором оказался прозрачный шарик, тут же заполнившийся алой дымкой:

-- Смотри, Гарри, бабушка мне напоминайку прислала!

-- И что она делает? - я развернула газету. Ничего нового: Блэка ищут, призывают к осторожности и обещают за поимку тысячу галлеонов.

-- Когда шар краснеет, это значит, что я что-то забыл. Вот только я не помню, что я забыл в этот раз, - грустно протянул Невилл. Я хихикнула:

-- Ты забыл свое перо вчера в библиотеке. На, держи - я забрала, но не успела вчера отдать.

Невилл покраснел:

-- Гарри, честное слово, ты лучше всякой напоминайки!

-- Жду не дождусь урока полетов, - сменила я тему. Жутко смущаюсь, когда меня благодарят...

-- Полеты... - Невилл побледнел. -- Я боюсь высоты. Не думаю, что у меня получится.

-- Брось! Ты еще в квиддич играть будешь, - шутливо толкнула я его локтем. Невилл помотал головой:

-- Нет, это вряд ли. Дядя Август как-то прокатил меня на своей метле, так я потом полгода спать не мог - кошмары снились.

В который раз поразившись дяде Августу (это же надо, все, чего боялся Невилл, было так или иначе связано с любимым дядюшкой), я попробовала утешить друга:

-- Ну и подумаешь, метлы! Можно ведь аппарировать или пользоваться каминной сетью, взрослые вообще почти никогда на метлу не садятся.

-- Ага, - кисло согласился Невилл. -- Только бабушка опять огорчится. Она всегда говорит, что я умный и ловкий, самый лучший в мире внук, а я ее разочаровываю.

-- Дурак ты, - я поднялась из-за стола. -- Вон, глянь на Паркинсон - спорю на домашнее задание по чарам, летать она умеет - но такой внучкой твоя бабушка точно не гордилась бы.

Невилл немного просветлел лицом, но урока полетов все равно бояться меньше не стал.

На квиддичном поле собрался весь первый курс. Седоволосая колдунья с ястребиными глазами построила нас в две шеренги лицом к лицу и выдала метлы - школьные "Чистометы", с погрызенными мышами ручками и ободранными прутьями. Многие недовольно морщились, но что делать: первокурсникам запрещено иметь собственные метлы. Невилл старался совладать с собой, и пока у него получалось, хотя рыжий гриффиндорец напротив

все время кривлялся и пугал его, имитируя падение с метлы. Напротив меня оказался Драко Малфой, папин крестный - молчаливый слизеринец, за которым хвостиком таскались двое здоровенных приятелей, кажется, Крэбб и Гойл. Панси все пыталась подружиться с ним, но сколь-нибудь заметных успехов не добилась.

-- Итак, класс! Мое имя - мадам Хуч, и я здесь для того, чтобы научить вас держаться в воздухе. Уверена, среди вас есть настоящие таланты, которые со временем станут играть за квиддичную команду своего факультета - и тогда мы снова увидимся с вами на поле.

Некоторые из моих одноклассников гордо задрали носы - это так смешно смотрелось! - очевидно, полагая, что именно им предстоит эта честь.

-- Вытяните правую руку над метлой и скомандуйте: "Вверх!", - продолжила мадам Хуч. Я сделала, как было сказано, и метла послушно прыгнула мне в руку. Кроме меня, школьный инвентарь послушался только Малфоя, Паркинсон и Забини, а гермионина метелка слабо шевельнулась.

-- Увереннее, - посоветовала я ей. -- А ты, Бесс, протяни левую руку - ты же левша.

-- Пять баллов Хаффлпаффу и пятнадцать Слизерину, - заметила наши успехи мадам Хуч. -- И еще десять баллов Хаффлпаффу за прекрасные подсказки товарищам. Я забыла упомянуть, что нужно использовать ведущую руку.

-- Откуда ты знала? - прошептал Невилл.

-- "Квиддич сквозь века", - ответила я. -- Пыталась понять, что все находят в этом виде спорта.

С грехом пополам все совладали со своими метлами и мадам Хуч продолжила урок:

-- Сядьте на свою метлу, зажмите ее ногами крепко-накрепко и оттолкнитесь от земли. Зависните и плавно опустив древко вниз, спуститесь.

Я мысленно повторила алгоритм и проделала все манипуляции. Ух, круто!

-- Лонгботтом! - пока я висела в воздухе, болтая ногами, мой товарищ взлетал, задрав древко "Чистомета" в облака.

-- Немедленно спускайтесь!

-- Я не могу! - заорал Невилл, уносясь ввысь.

-- Всем спуститься, - скомандовала мадам Хуч, следя глазами за Невиллом. Тот, пытаясь укротить метлу, направил ее к замку и только что с трудом разминулся с Астрономической башней. Впрочем, повезло ему условно: уворачиваясь, он зацепился мантией за флагшток и повис, не удержав метлу. Мадам Хуч уже

бежала к предполагаемому месту падения, а мы - на некотором расстоянии - бежали следом. Глаза у Невилла были совсем как у Тревора:

-- Ма-мадам Ху-уч!

-- Сейчас-сейчас, только не дергайся!

Конечно, он дернулся. Мантия с жалобным треском разорвалась и Невилл стал падать. Похолодев, я малодушно закрыла глаза и открыла их только тогда, когда Гермиона осторожно потянула меня за рукав:

-- Все хорошо, он не разбился.

Мадам Хуч увела баюкающего руку Невилла в Больничное крыло, строго-настрого приказав всем оставаться на земле - под страхом исключения.

-- О, глядите! Этот тюфяк напоминайку уронил! - визгливый голос Паркинсон я узнала бы среди тысяч других. -- Лучше бы ему из дому запасные мозги прислали!

-- Верни, - потребовала я и протолкалась сквозь толпу, протягивая руку. Паркинсон заржала, косички мелко затряслись:

-- По вторникам не подаю!

-- Отдай, Паркинсон, - лениво протянул Драко. Та заартачилась:

-- Нет! Хочешь - отбери! - и живо взмыла вверх.

-- Паркинсон, не глупи! - в один голос закричали я, Драко и Гермиона. Мопсиха только фыркнула:

-- Что, Поттер, кишка тонка? Ты слабачка, и твой дружок - слабак! Хаффлы сопливые!

-- Панси, спускайся, пока Хуч не вернулась! - похоже, Драко здорово разволновался. -- Она же с факультета все очки поснимает!

-- Слабачка, слабачка! - дразнилась Панси с высоты. Я, кстати, оказалась права: летать она явно умела.

-- Дура, - взвыл Драко. Я сделала вид, будто сажусь на метлу, и обрадованная Паркинсон резко вильнула в сторону - оказавшись прямо у замка, перед окнами Больничного крыла. Точно, дура...

-- Гарри! - охнула Гермиона. Ехидненько улыбаясь, я направила на Паркинсон палочку:

-- Акцио напоминалка.

Напоминалка попала прямиком в мои руки, а злая Паркинсон - в руки не менее злой мадам Хуч, сгребшей слизеринку за шкирку:

-- Я что, неясно выразилась? Мисс Паркинсон, после урока - со мной к директору, и сто баллов со Слизерина за вопиющее нарушение техники безопасности. Я запрещаю вам появляться на

полетных уроках до конца месяца - если вас раньше не отчислят.

Панси побледнела, и мне на долю секунды стало ее жаль - слишком уж яростно сверлили ее глазами товарищи по факультету. Буллстроуд вполне успешно пряталась за спинами Гойла и Крэбба, делая вид, будто они с Паркинсон незнакомы.

Замечательно! Теперь мопсихе будет не до гадостей...

Урок закончился вполне мирно: присмиревшие студенты прилежно отрабатывали наклоны и повороты, опасаясь лишний раз сердить преподавателя, а та хищным взором наблюдала за нами, высматривая нарушителей.

-- Здорово ты с ней, - сказал, поравнявшись со мной, Драко, когда мы шли к замку. -- Жаль баллов, конечно, но поделом ей - в следующий раз будет думать головой.

-- Если там есть чем думать, - пробурчала я. Драко улыбнулся:

-- Это точно. Мои Крэбб и Гойл хотя бы самодеятельностью не занимаются, а эта... - он махнул рукой. -- Ладно, увидимся.

Гермиона недоверчиво переспросила:

-- Это что, слизень хаффлу похвалил?

-- Ну, по-видимому, не все в Хоге повернуты на престиже факультета, - пожав плечами, я свернула на лестницу, ведущую в класс ЗОТИ - я собиралась спросить профессора Квиррела, нужно ли нам в эссе об истории развития темных искусств включать светлые аналоги темных заклинаний (вроде Заклятья Доверия, эквивалента Империо).

Профессора в классе не оказалось, равно как и в кабинете, зато из подсобки раздавались невнятные голоса.

-- Профессор, - позвала я. -- Профессор Квиррел!

Шрам как огнем обожгло. Я упала на колени, справляясь с приступом жутчайшей боли, которую я когда-либо испытывала, и как сквозь толстый слой ваты услышала Квиррела:

-- Мисс Поттер, что вы тут делаете? Мисс, вам плохо?

Очнулась я в Больничном крыле, по соседству с Невиллом.

-- Привет, Гарри, - помахал он мне загипсованной рукой. -- Что случилось?

-- Голова заболела. Так странно, шрам словно обожгло чем-то... - я села на кровати и нащупала на тумбочке очки.

-- Твой отец заходил. Сделал вид, что принес новую порцию Костероста - а мадам Помфри так удивилась, говорит, вы ведь только три дня назад приносили, а он говорит, что перепутал. По-моему, он за тебя волновался.

-- Давно я валяюсь?

-- Уже ужин был.

Я открыла тумбочку - моя сумка была там. На спинке стула

висела мантия. Достав из кармана напоминайку, я протянула шарик Невиллу.

-- Спасибо, - обрадовался тот.

-- Тебе спасибо, - отозвалась я. - Благодаря твоей напоминайке Слизерин лишился сотни баллов, а Паркинсон сильно влетит от декана, - и я рассказала другу, как прошел остаток урока полетов.

Невилл задумчиво подытожил:

-- Нет худа без добра. А знаешь, теперь я смогу научиться летать: раньше я боялся упасть, но теперь-то что уж... Интересно, Паркинсон исключат?

-- Нет, конечно! Ее отец в попечительском совете, - я была очень удивлена, что он этого не знает.

-- Да? - удивился Невилл. Я кивнула и добавила:

-- Кроме него туда входит также отец Пенелопы Кристал - она рейвенкловка, по-моему, с третьего или четвертого курса, и отец Драко Малфоя - он председатель совета. Странно, что ты не в курсе.

-- Я не очень-то интересуюсь политикой, - извиняющимся тоном пробормотал Невилл. Я махнула рукой:

-- Ладно. В конце-концов, у тебя ведь есть я!

Тут в палату вошла мадам Помфри, неся поднос с бутылью Костероста и стаканом. Невилл скривился:

-- Опять?

-- А вы как думали, молодой человек? Вам нужно хорошенько срастить кости, если вы рассчитываете выписаться отсюда к утру, - погрозила ему пальцем ведьма. Напоив Невилла лекарством, она повернулась ко мне:

-- Ну, а вы чем похвастаетесь, юная леди?

Я захлопала глазами:

-- Мне уже намного лучше, мадам Помфри! Наверное, я просто переутомилась, слишком много читала. Я только отдохну немножко, и все.

Медиковедьма покачала головой:

-- Смотрите мне, мисс, не переусердствуйте.

Глава 12

В Больничном крыле мы провели ночь, а наутро мадам Помфри нас выписала, приказав пить укрепляющее зелье (Невиллу) и не корпеть над уроками до полуночи (мне). Забежав к себе за учебниками, мы поспешили на Чары, где профессор Флитвик, предупрежденный Гермионой, даже не спрашивал нас о домашнем задании. И очень хорошо - написание эссе в этот раз мы отложили на последний день. Я все ломала голову, отчего же не так резко поплохело - не от учебы же, на самом деле. По всему

выходило, что, чем ближе я находилась к профессору Квиррелу, тем хуже мне было. Я вспомнила, как страдала от мигрени во время уроков и насколько сложно мне было сконцентрироваться. Иногда даже в Большом зале я чувствовала покалывание в шраме, стоило мне посмотреть в сторону преподавательского стола. Мысленно отметив, что надо бы обсудить эту странность с отцом, я подмигнула Невиллу. Тот озадаченно поднял брови.

-- Смотри, - шепнула я одними губами и неотрывно уставилась в затылок Буллстроуд. Спустя минуту она занервничала, а спустя еще полминуты - обернулась. Я злобно ухмыльнулась и забормотала себе под нос какую-то бессмыслицу. Буллстроуд вздрогнула и опрокинула чернильницу.

-- Профессор Флитвик! Поттер меня только что сглазила!

-- Не говорите ерунды, мисс Буллстроуд, - поджал губы малютка-профессор. -- Неужели вы думаете, что я не уловил бы злонаправленной магии на моем уроке? Пять баллов со Слизерина за клевету.

Лонгботтом фыркнул, зажимая рот ладошками, а сидящий прямо позади нас Малфой тихо хихикнул. Пожав плечами, я вернулась к теме сегодняшнего урока. Кстати, Паркинсон почему-то отсутствовала, хотя за завтраком я ее видела.

Следующей парой была гербалогия, один из моих любимых предметов, а уж Невилл только ею и бредил. Вместе с нами занимались рейвенкловцы, и Гермиона уже караулила нас под теплицей.

-- Ну? Что с тобой случилось, Гарри? Я так волновалась!

Пришлось ее успокаивать, на закуску рассказав свежую шутку - подруга расслабилась и даже поулыбалась, не преминув, однако, заметить, что это была чистой воды провокация, а поступать так нехорошо. Невилл признал:

-- Да, не совсем честно вышло, но ведь она и сама Гарри неоднократно задевала. Постоянно то толкнет, то на ногу наступит... И вообще, Гермиона, с таким обостренным чувством справедливости тебе надо было идти на Гриффиндор.

Девочка потупилась:

-- А Шляпа хотела... Но я упросила ее...

-- Да ладно тебе! Мне она вообще сказала самой выбирать.

Невилл округлил глаза (когда он так делал, то становился особенно милым) и переспросил:

-- Самой? И ты выбрала наш?

-- Вообще-то я не думала конкретно о Хаффлпафе, просто пожелала оказаться на самом мирном и тихом факультете, а Шляпа уже сама решила.

Друзья переглянулись и, не сговариваясь, протянули мне

руки. Сложив свои ладони на их, я улыбнулась:

-- Какая разница, Хаффлпафф или Рейвенкло? Главное, что мы - друзья.

-- Один за всех и все за одного! - пафосно воскликнула Гермиона, и мы, подгоняемые профессором Спраут, последними вошли в теплицу.

Только на следующий день я решила все же поговорить с Гермионой. Зная ее склонность к преувеличению, я постаралась рассказать все максимально сжато, но та все же побледнела:

-- Гарри! Какой ужас! Это же шрам от Непростительного, что, если он так реагирует на слуг Того-кого-нельзя-называть? Все знают, что многие из Пожирателей остались на свободе!

-- И мой отец - один из них. Почему тогда шрам реагирует только на Квиррела? К тому же, будь Квиррел Пожирателем, папа бы сказал, - в этом я была убеждена на все сто. Гермиона покачала головой:

-- Я не знаю... Вряд ли в библиотеке есть что-нибудь об этом. Хотя бы потому, что до тебя никто не выживал после Авады Кедавры.

-- И все-таки стоит поискать, - упрямо возразила я. -- Насколько проще было бы нам, имея пропуск в Запретную секцию! Ну ничего, думаю, папа сможет достать мне книжки, которые я попрошу.

Услыхав магическое слово "книги", Гериона сделала стойку почище охотничьей собаки.

-- Какие книги?

-- О той стороне магии, которой так интересовался Вол... Ну, ты поняла. Я так и не смогла уловить существенной разницы между светлой и темной магией. Например, вся магия крови считается темной - хотя к ней относятся и защитные заклинания вроде охранных чар на старинных поместьях.

Гермиона и сама недоумевала по этому поводу после первого же занятия по ЗОТИ. Действительно, почему использовать кровь животного можно, а кровь человека - нельзя? А если это моя собственная кровь? Или чья-то, но отданная добровольно? Если меня укусит оборотень, папа может приготовить мне зелье на собственной крови, которое полностью ликвидирует ядовитую слюну. Но при этом загремит в Азкабан до конца своих дней - за использование наиболее "гадкой" разновидности "темной" магии.

Я надеялась, что папа сможет хоть что-то прояснить, и с нетерпением ждала субботы. Надо будет после интервью утащить его в книжную лавку, и заодно спросить о крестном - ведь они как-то связываются, разве нет? Заметив мое нетерпение, друзья спросили, в чем дело. Пришлось сознаваться:

-- Помните, писали, что Блэк сбежал? Папа помог ему спрятаться. Если все пройдет, как мы задумали, то в понедельник выйдет сразу две статьи - о нашем родстве и о несправедливом приговоре.

-- Ты уже придумала, как выбраться в Хогсмид?

-- А разве я не говорила? - к моему вящему стыду, я вспомнила, что рассказала о потайных ходах только Невиллу, а Герми - забыла. Пришлось срочно реабилитироваться.

С трудом дотерпев до вечера, я пошла на взыскание к папе. Он сосредоточенно проверял свитки второкурсников-рейвенкловцев, но, увидев меня, отвлекся - и не без удовольствия. Пробормотал, словно разговаривая сам с собой:

-- Почему Рейвенкло так любит заниматься словоблудием? Вместо "мелко нашинковать" через одного пишут "разделить на частицы не больше ногтя путем рассечения с помощью острого предмета..." Между прочим, не только нож можно считать острым предметом, а ногти бывают разного размера - тролльи, например, никак нельзя назвать маленькими.

-- Добрый вечер, профессор, я пришла на отработку, - отрапортовала я. Снейп улыбнулся краешком рта:

-- Да-да, Поттер, я помню. Не стоит подозревать у меня склероз. Спуститесь в лабораторию, вымойте все котлы и можете быть свободны. Надеюсь, до отбоя справитесь.

Я улыбнулась, вежливо попрощалась и спустилась в подземелья - мне же не запрещали пользоваться магией, правда?

С ненавистью глянув на злополучный порожек, я произнесла пароль и вошла в класс. Грязные котлы устрашающе громоздились на одной из парт, подпертые огромной колбой с чем-то мутным. Справедливо рассудив, что нужные ингредиенты папа прячет в шкаф, я взмахнула палочкой и произнесла: "Эванеско!"

-- Поттер? - я обернулась, выставив палочку перед собой. В открытую дверь просунулась белобрысая малфоевская башка.

-- А, это ты, - я опустила палочку, но в кобуру не убрала. Кто их знает, этих слизеринцев?

-- А я думаю, почему это класс открыт? Дай зайду, гляну...

-- Может, что-нибудь любопытное найду, - подхватила я. Драко рассмеялся:

-- Само собой. Слушай, как вышло, что профессор тебя одну тут оставил?

-- Видимо, понадеялся на хаффлпаффскую честность, - невинно потупилась я.

-- Брось, - уверенно произнес Драко, входя и садясь на стол. - Этой самой честности в тебе ни на грош. Вернее, хаффлпаффской - ни на грош. Я бы даже сказал, что честность у тебя наша, слизеринская.

Я села напротив:

-- Да? Это что, комплимент?

-- Это факт. Вот если бы я сказал, что у тебя красивая прическа - это был бы комплимент, поскольку в действительности твоя прическа мне ни капельки не нравится.

-- Почему это? - оскорбилась я. Драко пояснил:

-- Ты уж либо стригись коротко, либо отпусти длинные волосы, как у тех близняшек, как-бишь-их... А, Патил. То, что у тебя сейчас - тебе совершенно не идет.

-- Ладно, - согласилась я, болтая ногой. -- Но ты ведь вовсе не о прическе зашел поболтать, правда?

-- Правда. Ты поверишь, если я скажу, что пришел предложить дружбу?

Ну почему же, поверю... Только вот просто так ты ничего не предложишь, правда? С Паркинсон-то ты не захотел подружиться, да, Драко? Что же тебе нужно? Так, стоп. Я что-то увлеклась. Может, я слишком подозрительна и он правда пришел без камня за пазухой?

-- Допустим. Почему?

Драко расхохотался:

-- Ты уверена, что Шляпа тебя правильно распределила? Тебе бы к нам...

-- Я нечистокровная, - напомнила я. Малфой отмахнулся:

-- Наш декан тоже нечистокровный, и что? В общем, так: ты мне нравишься, Поттер. И друзей ты выбрала правильных - Грейнджер умная, жаль только, что магглокровка, Лонгботтом вроде моих Крэбба и Гойла - верный, как собачонка. Мне будет жалко, если мы станем врагами, так что давай лучше дружить.

-- Почему это мы вдруг станем врагами?

Малфой серьезно глянул на меня и пояснил:

-- Это сейчас мы первокурсники сопливые. Но мы ведь вырастем когда-нибудь, да? На каждом курсе есть свои лидеры, и лет в шестнадцать-семнадцать именно они задают тон в

отношениях между факультетами. Не знаю, обращала ли ты внимание на нынешних лидеров... - Драко выжидательно замолк. Так вот почему он был так молчалив и тих до сих пор! Выяснял обстановку, строил почти маккиавеллиевские планы...

-- Нет. У меня были собственные заботы и проблемы, не менее важные, поверь мне.

-- Ситуация на данный момент такова: гриффов представляет Оливер Вуд, капитан их квиддичной команды. Простой и прямой, как доска. Влюблен в лидера Рейвенкло Мэнди Броклехарст, и поэтому гриффы с воронами неплохо общаются. У вас на Хаффлпаффе лидер - семикурсник Энди Харриссон, он одинаково дружелюбен со всеми, и потому к вам у всех ровное отношение. А вот наш Маркус Флинт - чистая сила, ни грамма хитрости. На Харриссона ему начхать, а вот Оливера он ненавидит лютой ненавистью, потому гриффы с нами на ножах. Жаль, ты ни разу нас на зельях не видела - война почище гриндевальдовской. Вороны тоже на нас смотрят косо - как же, мы гриффов обижаем!

-- И к чему ты клонишь?

-- К тому, что у вас уже готов будущий тесный союз Хаффлпафф-Рейвенкло. Грейнджер девчонка башковитая и энтузиазма ей хоть отбавляй, а вороны всегда ценили такое сочетание. Своих я со временем подобью под себя, и, если мы сейчас договоримся, нас будет уже трое против одного. Проблема только с гриффами - я в упор не вижу, кто мог бы стать их лидером. Этот их рыжий, Перси Уизли - он не потянет, хотя и жуткий карьерист, а остальные вроде как и не стремятся...

-- Значит, ты предлагаешь нечто вроде союза и называешь это дружбой, - подытожила я. Драко поморщился:

-- Вроде того. Но я думаю, со временем у нас может и дружба получиться, как считаешь?

Вместо ответа я встала со стола и, подойдя к Малфою, протянула ему руку. Тот с совершенно серьезным лицом пожал ее и спросил:

-- А что твои друзья, против не будут? - и склонил голову набок, как птичка. Я ехидно улыбнулась:

-- Они поймут данную политическую необходимость.

Драко расхохотался и спросил:

-- Тебе помочь? Наверняка профессор запретил тебе пользоваться магией.

-- Вообще-то не запрещал. А что не запрещено...

-- ... то разрешено. Надо же! Тогда... Что за проблемы у тебя были?

-- Совершенно бескорыстно предлагаешь помочь? Спасибо, но с этими проблемами могу справиться только я. Кстати, в

понедельник внимательно понаблюдай за директором во время завтрака - будет любопытно.

-- За директором?! - ошалело раскрыл рот Малфой. -- Поттер, ты чего?

-- Гарри. Зови меня Гарри, Малфой.

-- Ладно, тогда - Драко. И... нет, я ничего не хочу знать. Лучше я потом тебя расспрошу.

Мы распрощались, и я вернулась к уборке - котлы надо было еще разложить по номерам, а на преподавательском стуле я заметила какую-то книгу...

Когда я за час до отбоя вернулась в гостиную, на меня тут же накинулись Невилл и Гермиона:

-- Ну, как дела?

-- Полный порядок, - я продемонстрировала клочок пергамента с цифрой "3", ранее бывший закладкой в "Превращениях" Квинтуса. Вряд ли папа так просто оставил книгу в классе - скорее, это подсказка. Хотя сама книга тоже была интересной...

-- И что это значит? - спросила Герми. Невилл догадался:

-- Ход на третьем этаже!

Я кивнула:

-- Да. А теперь слушайте новость дня: Малфой предложил мне дружбу! И я согласилась.

Гермиона нахмурилась, а Невилл недоуменно возразил:

-- Но ведь его отец был Пожирателем...

Я так выразительно на них посмотрела, что они тут же присмирели - мой папа тоже некогда получил Метку, так что мне ли попрекать Драко?

-- Его предложение действительно разумно, - сказала я. -- Вы никогда не задумывались, что факультетские лидеры во многом задают тон отношениям в школе?..

После моих объяснений друзья согласились, что я поступила разумно. Втроем мы еще немного поразмышляли, кто бы мог стать достойным представителем кошачьих, но так ни до чего и не додумались. Проводив Гермиону до ее гостиной, мы возвращались к себе, когда нас снес рыжий вихрь. Двое совершенно одинаковых мальчишек синхронным движением подняли нас на ноги, отряхнули мантии, в один голос извинились и побежали дальше. Мы с Невиллом переглянулись и я сказала:

-- Уизли.

-- Ну да, - недоуменно уставился на меня друг. - Близнецы Уизли. Их вся школа знает.

-- Да нет же, - помотала я головой. - Не они. Их младший брат Рон Уизли, наш сокурсник. Он - будущий лидер, если только мы

его немного подтолкнем.

-- Ро-он? - недоверчиво протянул Невилл. Глянув на часы, я поспешила утащить его в гостиную и уже там принялась объяснять:

-- Именно он. Я часто видела его за шахматами - значит, он вовсе не тупица, каким его считают. В шахматах важна стратегия - значит, мы можем ему все объяснить и он поймет. Вряд ли он откажется - будь ты младшим в семье, разве ты отказался бы утереть нос старшим братьям?

-- Наверное, нет, - вздохнул Невилл. -- И все равно он мне не нравится. Только и умеет, что дразниться.

Пожелав друг другу спокойной ночи, мы разошлись по спальням. Не знаю, как Невиллу, а мне снился Драко, с выражением крайнего недоумения пожимающий руку младшему Уизли. Славная выйдет шутка!

Глава 13

На встречу со Скитер я нарядилась в цвета своего факультета: ярко-желтое платье с черной отделкой, черный плащ с желтой отделкой, трогательные низкие хвостики завязаны желтыми лентами. Повертелась перед зеркалом, помечтала, как со временем отпущу длинные косы - сейчас мне, честно говоря, было трудно справляться и с тем, что есть. Посетовала, что среди одногодков я одна из самых низеньких и тощих, и платье сидит на мне, как на вешалке, но тут же одернула себя: для моего нынешнего имиджа бедной сиротки самое то.

Пока Невилл и Гермиона следили за коридором, я постучала палочкой по горбу одноглазой ведьмы: "Диссендио!"

-- Ух! - Невилл поспешно выглянул за угол. - Никого! Давай.

Я влезла в открывшееся отверстие и, проехав несколько метров по пологому желобу, оказалась в тоннеле. Оглянувшись, я увидела, как закрывается за мной дыра.

Шла я минут двадцать-тридцать, пока не оказалась под большим дубовым люком, из-за которого отчетливо пахло сладостями. Осторожно сдвинув его вверх, я оказалась в подвале, уставленном ящиками, мешками и коробками, пахнущими до того умопомрачительно, что Дадли, не сомневаюсь, счел бы это место раем земным. Я сладкое любила не до такой степени, потому спокойно прошла в магазин, смешавшись с толпой студентов - если накинуть капюшон, кто узнает, что я первокурсница?

Профессор уже топтался под магазином, распугивая студентов.

-- Папа! - позвала я вполголоса, чтобы никто чужой не услышал. Он вздрогнул и обернулся с таким перевернутым

лицом, что я испугалась.

-- Что случилось?

-- Ты назвала меня папой, - осторожно сказал он. Я созналась:

-- Я все время так тебя называю, и мысленно, и при друзьях.

Несмелая улыбка несказанно меня обрадовала:

-- Ты не против? Ой, я на "ты"...

-- Это радует, Гарри. Это радует...

Рита Скитер оказалась яркой почти до вульгарности, и я порадовалась - со своим платьем я попала прямо в яблочко. По-акульи улыбнувшись большим алым ртом, она пожала руку сперва папе, потом мне:

-- Мистер Снейп, Августа Лонгботтом передала мне ваше приглашение, чем заинтриговала до невозможности! Кто эта юная леди? Ваша студентка? - любопытные густо подведенные синим глаза уставились на меня в упор.

-- Юная мисс - моя дочь.

Скитер потерла руки:

-- Ух, как интересно! Почему же мы не слышали о миссис Снейп?

-- Давайте закажем что-нибудь и продолжим нашу беседу в более удобной обстановке, - предложила я. Скитер заулыбалась:

-- Конечно-конечно! Я так понимаю, именно об этом и пойдет речь?

-- И не только, - заверила я ее. -- Первая страница вам обеспечена.

Папа кивнул, Скитер улыбнулась и мы, сделав заказ, заняли один из кабинетиков. Дождавшись, когда нам все принесут, папа навел заглушающие чары, а я молча подняла челку. Рита, успевшая пригубить свой клубничный коктейль, поперхнулась:

-- Ребенок-который-выжил -- девочка? И-и ва-ваша дочь?

-- Именно, - подтвердила я, а папа достал мое свидетельство о рождении.

-- Но это не все. Мой крестный - Сириус Блэк, сбежавший из Азкабана - на самом деле невинно осужден. Ну что, мисс Скитер, вы беретесь писать о нас?

-- "Пророк" оторвет такой материал с руками!

-- Тридцать процентов мне, - быстро сориентировался папа.

-- А еще двадцать - мне.

Скитер задумалась всего на пару секунд:

-- По рукам! Но за мной право на эксклюзивные фото и все последующие интервью вы станете давать только мне!

-- С отчислением пятидесяти процентов гонорара, - напомнила я. Рита кивнула, и мы пожали руки.

Мы делали заказ еще дважды - пока не обсудили каждое

слово в будущей статье. Скитер была поражена и клятвенно обещала сесть на голову Фаджу и не слезать до тех пор, пока он не признает: Блэка не допрашивали и не судили. Рита обязалась добиться для крестного неприкосновенности на время допроса и - в качестве бонуса - так очернить Министерство, чтобы сумма компенсации обросла многими нулями.

Распрощавшись с Ритой, мы переглянулись.

-- Не хотела бы я оказаться с Ритой по разные стороны баррикад.

-- Полностью тебя поддерживаю. Счастье, что Лонгботтому пришла в голову светлая мысль обратиться именно к этой акуле пера - она от фаджевой репутации камня на камне не оставит. И, кстати, можно будет использовать ее потом для расправы со светлячком - уж Скитер-то не откажется.

-- Как там Блэк? - спросила я. Папа скривился:

-- А что ему сделается? Отъедается, отсыпается, нудит, что ему скучно. Просит починить телевизор.

-- У тебя есть телевизор?!! Я думала...

-- Я наполовину маггл, - признание явно не доставило папе приятности, и я поспешила извиниться.

-- Просто почти никто из студентов не знает, что такое электричество и зачем нужен телефон.

Он махнул рукой:

-- Я понял. Нет, маги действительно очень неохотно контактируют с магглами. Они считают, что два мира могут жить, не соприкасаясь - и однажды жестоко поплатятся за это. Я не сторонник отмены Статуса секретности, но считаю, что нам необходимо лучше изучать магглов - хотя бы для того, чтобы в случае чего суметь защититься.

Я представила, как дюжина авроров пытается остановить авиабомбу. Да уж, немного сведений о магглах - или об их оружии - магам бы не помешало. Ну, пока это не мое дело - я ведь не могу ничего изменить. Вот когда Малфой-младший станет Министром магии... Стоп, это я размечталась.

-- Пап, а мы с твоим крестником заключили союз, - невинно захлопала я глазами.

-- Какой еще союз? - он насторожился.

-- Союз будущих лидеров факультетов, - фыркнула я и обьяснила папе, что произошло. Тот выслушал и заметил:

-- Люциус прекрасно обучил сына. Я-то думал, почему он такой тихий... Оказывается, юный стратег вынашивал планы завоевания студентов. Что ж, далеко пойдет...

-- Ты как будто не рад.

-- Малфои прежде всего блюдут собственную выгоду, - пожал

плечами папа. - Я до сих пор не уверен, что испытывает по отношению ко мне Малфой-старший. Хочется верить, что не из корысти он попросил меня крестить его сына - хоть я и был тогда "левой" рукой Лорда, но он-то был "правой"...

-- Пока Драко еще мал, на него можно повлиять. И именно этим я и собираюсь заняться, - призналась я. -- Сведу его с Невиллом, а сама займусь Уизли-самым-младшим.

-- Ну, Лонгботтома я еще могу понять - рядом с Драко он избавится от чрезмерной скромности, а сам Драко увидит, что бывают на свете бескорыстные и бесхитростные люди. Но Уизли-то зачем тебе сдался?

-- Буду делать из него лидера Гриффиндора, - я уже предвкушала, как подшучу над Драко. -- Я думаю, у человека, который так играет в шахматы, не могут быть в голове опилки.

-- Не знаю, как там мистер Уизли играет в шахматы, но на моих уроках он неотличим от кипящего котла: шуму много, толку мало. Но сейчас не о нем. Гарри, на этой неделе ты провела ночь в Больничном крыле, - черные глаза озабоченно всматривались в меня.

-- Да, - призналась я. -- Папа, мне всегда становится плохо, стоит только появиться рядом профессору Квиррелу. У меня болит шрам, прямо горит, и никакие обезболивающие не помогают - только оказаться как можно дальше от кабинета ЗОТИ.

Папа нахмурился и надолго замолчал. Я рассеянно крошила печенье, ожидая ответа.

-- Квиррел не входил в Ближний круг. Если он и был Пожирателем, то рядовым - таким Лорд никогда не поручал ничего важного, и не обучал никаким штучкам из своего арсенала. Я не понимаю, почему твой шрам болит.

Я разочарованно вздохнула. Конечно, папа не может знать всего, но я надеялась, что у него хотя бы будут жизнеспособные версии. Может, к Дамблдору обратиться?

Я сразу отмела этот вариант. Если уж он при собеседовании не обнаружил в Квирреле угрозы, то вряд ли станет выслушивать невнятные подозрения первоклассницы.

-- Мадам Помфри я ничего не говорила и не скажу. И директору жаловаться не стану, -- упрямо посмотрела я на отца. Тот согласился:

-- От них будет мало толку. Я стану следить за Квиррелом, чем-нибудь он себя рано или поздно выдаст.

На этой веселой ноте мы и закончили. Мне удалось-таки затянуть папу в книжную лавку, хоть тот и бурчал, что в школе книг предостаточно, читай - не хочу.

Кивнув на прощание, я смешалась с толпой студентов у входа

в кондитерскую, а папа быстрым шагом направился в сторону Запретного леса - там, оказывается, была короткая дорога к школе, хотя студентам о ней, конечно, никто не рассказывал.

В понедельник я проснулась в пять утра. Мои соседки, естественно, сладко спали, так что я тихохонько оделась и вышла, прихватив сумку. В гостиной было прохладно и неуютно, камин к утру уже прогорел и только слабо тлели угли, так что я, недолго думая, направилась к домовикам.

Бри и Джейк на второй день нашего пребывания в Хогвартсе повели нас на кухню и познакомили с тамошними обитателями, маленькими смешными домовиками, выполнявшими в школе всю работу: готовили, стирали, убирали...

-- Мисс Снейп! - ко мне бросился Лэнни, мой знакомец. Я опешила:

-- Откуда тебе известно, что я - Снейп?

-- Нам все известно! - радостно улыбался домовик. -- Мы знаем обо всем, что случается в замке.

-- И рассказываете директору? - у меня закрадывалось нехорошее подозрение...

-- Нет, - помотал головой Лэнни. -- Только если он спросит - и если мы захотим.

А вот это уже интересно. Что значит "если захотим" ?

-- Вы что, не обязаны подчиняться Дамблдору?

Лэнни гордо выпятил грудь:

-- Нет! Сама Хельга Хаффлпафф брала на работу дедушку дедушки дедушки Лэнни! Ни Лэнни, ни кто-то другой из нас не подвластен директору - он не может нас прогнать из замка. Он не хозяин.

А я-то думала, что у домовиков обязательно должен быть хозяин! Кому же тогда они подчинены? Совету Попечителей? Ответ Лэнни поверг меня в шок:

-- Наш хозяин - сам замок, мисс!

-- Как неживое может быть чьим-то хозяином?

Лэнни хитро усмехнулся и уцепился за мою сумку:

-- Может, мисс желает чашку какао? И пирожное?

-- Желает, - к чему отказываться? Тем более, что для домовиков в радость накормить забредшего сюда студента - без пирожков в карманах еще никто не уходил. Наши вообще частенько пропускали ужин или завтрак, предпочитая забежать к гостеприимным созданиям.

Спустя минуту я уже сидела на низенькой скамеечке у камина и сжимала в одной руке восхитительно горячую кружку, а во второй - кусок творожного пирога. Лэнни устроился у моих ног, буквально заглядывая мне в рот - по-моему, пирог пекла его

жена Линни. Честно говоря, я так и не поняла, как различить домовика и домовиху - разница чисто символическая и надежно прячется под наволочкой или кухонным полотенцем. Линни и Лэнни были похожи, как две капли воды, и, кроме всего прочего, приходились друг дружке дальними родственниками. Помнится, Лэнни говорил, что у домовиков принято жениться "в семье" - поскольку одна эльфячья семья зачастую служила одной колдовской семье и не переходила из рук в руки.

-- Очень вкусно, спасибо, - прошамкала я с набитым ртом. Домовик просиял.

-- Так что там с замком?

-- Каждое здание, построенное колдунами, со временем обретает сознание, - с важным видом начал Лэнни. -- Дом может помогать или вредить хозяину, перестраивать себя и даже нанимать домовиков. Хогвартс построили четверо величайших магов, и он - словно ребенок четырех родителей. Он их часть, часть их сознания, памяти, души - как вы это называете. Он не подчиняется никому, кроме потомков этих самых волшебников, вернее, теперь уже не подчиняется совсем никому - ведь среди живых нет никого, в ком текла бы кровь создателей.

-- Совсем-совсем никого? - уточнила я. Лэнни заговорщицким шепотом произнес:

-- По правде говоря, я думаю, что они просто не знают о своем происхождении. Ну не могли исчезнуть потомки таких славных родителей! Только вот... - Лэнни замялся, но все же закончил:

-- Только я надеюсь, что у Салазара Слизерина больше не осталось никого. Последний его потомок натворил много плохого, - домовик картинно закатил глаза.

-- Это не Волдеморт, случайно?

Лэнни нахмурился:

-- Волдеморт? Нет. Того мальчика звали Том, Том Реддл. Он учился здесь лет пятьдесят назад, на Слизерине, конечно же.

-- Ты знал его?

-- Не я, мой кузен Лонни. Он отвечает за слизеринскую гостиную.

Мы еще долго болтали, Лэнни с удовольствием рассказывал мне последние хогвартские сплетни, а я слушала - вдруг пригодится? Наконец я отставила пустую чашку, распрощалась с эльфом, помахала остальным работникам половника и скалки, и направилась в Большой Зал. По дороге поймала Невилла и Аббот, радушно приветствовавших меня:

-- Гарри! Ты из кухни?

-- Ага. Не спалось что-то.

-- Поттер! - меня перехватил Малфой и настойчиво оттеснил к подоконнику, успокаивающе кивнув моим друзьям. Крэбб и Гойл отгоняли любопытных.

-- Проблемы? - я оглянулась. Рыжий парень-гриффиндорец, кажется, Перси Уизли, пытался пробиться ко мне. Я как можно беспечнее махнула рукой:

-- Мы с Драко просто болтаем!

Драко сладко улыбнулся:

-- Именно. Так вот, Гарри, - он оглянулся. Перси ушел, и он продолжил:

-- Сегодня утром я беседовал с крестным, - Драко многозначительно подвигал бровками. Мне подумалось, что у него очень выразительное лицо, как у обезьянки.

-- В общем и целом - просто хотел выразить свои соболезнования. Крестный - отнюдь не сахар, но ты, по-моему, справишься.

Крэбб было захихикал, но тут же принял серьезный вид, а Гойл протянул:

-- В общем, это... Ты теперь наша. Обращайся, если чё.

-- Спасибо, Грэгори, - искренне поблагодарила я. Говорят, слизеринцы - не факультет, а клан, так что я действительно была рада такому заявлению. Итак, автоматически "своими" для змей становятся и все мои друзья... Надо срочно обрадовать ребят.

-- Грэг абсолютно точно выразился. Ты наша безо всяких договоренностей.

Мы с Драко пожали друг другу руки разошлись, вполне довольные друг другом.

Едва я подошла к нашему столу, как Невилл спросил:

-- Что, уговор?

-- Лучше, Нев, гораздо лучше. Потом объясню.

Гермиона уже была предупреждена, так что сегодня утренней газеты с нетерпением ждали пятеро: я, мои друзья, папа и Драко.

Стоило первым совам влететь в распахнутое окошко, как я отложила столовые приборы и приготовилась наслаждаться шоу. Краем глаза я заметила, что Драко достал какую-то похожую на глазное яблоко штуковину и развернулся к преподавательскому столу.

До сих пор в моем списке самых занимательных зрелищ на первом месте уверенно пребывал обгаженный совами дядя Вернон. Но феерично оплевавший компотом гриффиндорскую деканессу Дамблдор с застрявшими в белоснежной бороде вишенками потеснил Дурсля-старшего с пьедестала. Пока директор давился и перхал, пытаясь откашляться, остальные преподаватели пребывали в глубочайшем шоке (не считая

наслаждающегося зрелищем папы). Я уж было решила, что старику пришел конец, но добросердечный Хагрид с грацией пьяного слона подскочил к Дамблдору и "постучал" его по спине. Надеюсь, вам было так же приятно, как и мне, господин директор...

Оправившись от шока, все без исключения стали переводить взгляд с меня на папу и обратно. Я мигом приняла соответствующий вид: ошарашенно-испуганный и неверящий. Папа, как обычно, зыркал исподлобья.

Ну, теперь держись, Гарри. Не позднее чем в обед тебя ждет доверительная беседа с директором...

Я как в воду глядела. Сразу после трансфигурации Макгоннагал лично проводила меня до гаргулий (наверное, опасалась, как бы я не свалилась в обморок от шока по дороге).

Глубоко вздохнув, я надела маску бедной сиротки и с приличествующей случаю трагической миной шагнула в кабинет.

Глава 14

Феникс на жердочке выглядел, прямо скажем, паршиво. Как старое, основательно побитое молью чучело, которое зачем-то поднял недоучка-некромант. Посочувствовав болезной птичке (видать, до самосожжения недалеко), я пошла было дальше, как эта рухлядь жалобно тренькнула и сгорела.

-- Этонеяэтонея, - запричитав, я поспешно откочила от кучки пепла, недавно бывшей директорским любимцем. Надо же отыгрывать роль почти безмозглой пугливой хаффлы...

-- Ну что ты, девочка моя. Я знаю, что это не ты. Фоуксу давно пришло время сгореть - на него было жалко смотреть последние две недели.

-- Директор, - взмолилась я. - Как это может быть правдой? Я имею ввиду, профессор Снейп - как он может быть моим... моим отцом?!

-- Я отправлял запрос гоблинам. Они подтвердили, что твое имя проявилось на семейном древе профессора, а их свидетельство невозможно оспорить. Я понимаю, Гарри, тебе нелегко... Давай-ка присядем. Чаю?

-- Да, спасибо.

Жу-жу-жу... бла-бла-бла... Спустя полтора часа, пять чашек чаю и вазочку конфет я наконец вышла из директорского кабинета. Хорошо магам - они невосприимчивы к девяноста девяти процентам маггловских болезней. Иначе Дамблдор давно скончался бы от сахарного диабета, предварительно растеряв последние кариозные зубы. Как можно сожрать СТОЛЬКО сладкого в один присест? Никогда не смогу спокойно смотреть на конфеты.

Весь разговор сводился к следующему: меня всячески заверяли, что профессор Снейп - в глубине души очень хороший человек, и выражали надежду на то, что мы найдем с ним общий язык. Что самое интересное, директор считал, будто врет - тогда как говорил чистую правду. Папа и правда замечательный - только надо, чтобы он позволил узнать себя с хорошей стороны. И мы прекрасно ладим - я приложу все усилия, чтобы так было и впредь.

Невилл уже поджидал меня в гостиной вместе с Гермионой.

-- Ну как? - налетели они на меня, увлекая к нашему подоконнику - широкому, задернутому тяжелой портьерой цвета шоколада. Мы прекрасно помещались на нем втроем с ногами, вот только сегодня мне было трудновато усесться в позу лотоса, в чем я и созналась.

-- У меня в животе чай плещется, - пожаловалась я. -- Сейчас лопну.

Друзья сочувствующе покачали головами, в четыре руки втянули меня на подконник и уложили - головой на гермионины колени, а Невилл обхватил мои голени. Так было существовать куда как полегче, и я вкратце ввела их в курс нашей беседы с директором, а заодно и утреннего разговора со слизеринцами.

Потом мне вспомнился разговор с папой о магглах, и мы довольно долго обсуждали плюсы и минусы обособленности магов. Сойдясь во мнении, что без перемен в обозримом будущем не обойтись, мы наконец вспомнили о домашних заданиях и спешно направились в библиотеку.

До самого Хэллоуина больше ничего не случалось. Мы с папой вполне легально встречались, а если Дамблдор и знал, что порой я беру с собой в гости друзей, то приписывал это хаффлпаффской боязливости, тогда как в действительности профессор начал обучать нас окклюменции - и небезуспешно. К сожалению, выяснилось, что Гермионе это искусство недоступно, зато Невилл с моей помощью весьма в нем преуспел.

Я училась, развлекалась с друзьями (плюй-камни, шахматы, домино), строила далекоидущие планы по свержению директора и возлагала большие надежды на рождественские каникулы - много места в моих планах отводилось родителям Драко, с которыми я непременно должна была познакомиться.

Однако события развивались не совсем так, как я рассчитывала.

С самого утра в Хэллоуин у меня было дурное предчувствие. Вроде и день выдался неплохой, а предчувствие все не желало меня покидать. Но не считать же серьезной неприятностью засилье тыквы? Хотя, кажется, к седьмому курсу я возненавижу

сей славный овощ. Ну почему, почему нас усердно пичкают тыквенным соком? За завтраком, обедом и ужином нам подают либо черный чай, либо тыквенный сок. Спасибо хоть в гостиной стоит графин с обычной водой. Нет, я ничего не имею против тыквы - крайне благотворно влияет на пищеварительную систему, препятствует образованию холестериновых бляшек и все такое, но... Но! Не в таких количествах, друзья! Не удивлюсь, если Дамблдору (или кто там утверждает школьное меню?) принадлежат громадные плантации сей славной бахчевой культуры, и он огребает нехилые денежки со школьного бюджета.

Сегодня тыквы были везде. Они караулили меня на каждом подоконнике, щербато улыбались с уголков зеркал в женском туалете, подмигивали огоньками зажженных в их порожних головах свечей, вися над столами в Большом зале. На трансфигурации мы демонстрировали превращение мыши в тыкву. И - та-да-да-дам! - мы ее не только пили, но и ели. Тыквенная запеканка, тыквенный пирог, тыквенное рагу, тыквенное варенье (мамочки!) и конфеты в виде тыковок. Даже печенье, и то было выпечено в маленькими коричневыми плоскими тыковками.

Уныло ковыряя тыквенное что-то на своей тарелке, я пропустила появление в Большом Зале профессора Квиррела. Только когда он завопил о тролле в подземельях Хогвартса, я оживилась. Так вот оно что!

Квиррел между тем красиво упал в оборок, а студенты ударились в панику. К чести родного факультета, хаффлы вполне цивилизованно спасали малышей (сиречь нас), ухватив каждый своего подопечного.

-- Тихо! - усиленный "Сонорусом" голос директора эхом отразился от стен. -- Всем старостам собрать студентов и увести в гостиные. Преподавателям - искать и обезвреживать тролля.

Дикая мысль молнией пронеслась с моем мозгу.

-- Прикрой меня, - шепнула я Невиллу и пробралась сквозь толпу к Гермионе. Дернув ее за рукав, заговорила прямо ей в ухо:

-- Как только я уйду, найди Рона Уизли и пару раз спроси, не видел ли он меня. Дескать, я ушла в туалет и не знаю о тролле. Сама потом пойдешь к себе.

Гермиона понятливо кивнула. Махнув Невиллу, я устремилась прочь из зала. Расчет был простой: Рон, должно быть, мечтает о подвиге. Предупредить девочку о тролле - чем не подвиг? Как результат, здорово возрастает самооценка и делается большой шаг на пути к вершине (в данном случае, лидерству).

Будучи мелкой и юркой, я без проблем затерялась в толпе, а потом и свернула в сторону. Зашла в туалет и стала ждать

спасителя, покручивая пальцами палочку от нервного перевозбуждения. Кстати говоря, эта палочка была просто здоровской и еще ни разу меня не подвела. Директору я в свое время соврала, что это терн и сердечная жила дракона, хотя, разумеется, никакой сердцевиной там и не пахло.

Пять минут, десять... Я уж было решила, что мой план провалился, когда на пол упала тень. "Что-то крупновата для Уизли", - подумала я, а в следующий момент увидела ЕГО. Он был могуч и вонюч, дышал хрипло и страстно жаждал отведать свежего мяса. Он тянул за собой по полу шипастую дубинку, неторопливо передвигая тумбообразными ногами, и невесть с чего твердо решил, будто в женском туалете его ждет пиршество. Признаюсь честно: я оторопела. Лихорадочно припоминая, что мне известно о троллях, я секунду взирала на его здоровое пупырчатое брюхо, куда без труда поместилось бы двое Хагридов, а потом... Потом оно меня заметило. Издало торжествующий возглас:

-- Ы-ы-ы!

И замахнулось дубиной. Я рыбкой нырнула под ближайшую кабинку.

Тролль этот явно не был отягощен ни единой мозговой извилиной. Попади он по мне своей палицей - и в лучшем случае сможет слизать меня с кафеля. С логикой у его вонючести было плохо, потому он снова замахнулся, и мне на спину посыпались щепки от деревянных перегородок.

Тролли почти невосприимчивы к магии - факт. Тролли неповоротливы и тупы - факт. Но если он помахает дубиной еще чуть-чуть, то возьмет не качеством, а количеством - тоже факт.

Потому я высунулась из-под досок и заорала первое, что пришло в голову:

-- Гляциус!

Ноги мерзкого существа разъехались, и он плюхнулся на объемистую задницу так, что аж зубы клацнули.

-- Ы-ы-ы?

И тут позади озадаченного тролля появилась знакомая рыжая башка, а не менее знакомый срывающийся голос заорал:

-- Вингардиум Левиосса!

Дубинка выплыла из руки владельца и смачно хряпнула его по бугристой лысой черепушке, потом еще раз и еще. Тролльи глазки съехались в кучку и закатились, туша грохнулась на пол. Прорвало трубу с холодной водой, а сверху посыпалась штукатурка.

-- Гарри! Ты жива?

-- Жива, - я выползла из-под остатков кабинки и попыталась

отряхнуть мантию. -- Рон! Если бы не ты... -- я бы обрушила на тролля кусок потолка, но тебе об этом знать совсем необязательно.

-- Мистер Уизли! Мисс... Снейп!

А вот и кавалерия. То бишь славные преподаватели, Макгоннагал, Флитвик и лесник Хагрид. Следом ноздря в ноздрю прибежали папа и Квиррел, наш славный защитник от темных сил.

-- Что тут произошло?! - в своих лучших традициях рявкнул папа. -- Потрудитесь объяснить!

-- Профессор Снейп, я услышал от Грейнджер, что Снейп пошла в туалет и не знает о тролле, и решил ее предупредить, - единым духом выпалил Рон, красный, как свекла. Я покаянно кивнула. Папа, разумеется, ни на йоту не поверил: а то он не видел, что я до последнего была в зале! Но Макгоннагал и остальные купились.

-- Пятьдесят баллов с Гриффиндора за безрассудство! - рявкнул папа. -- И пятьдесят баллов Гриффиндору за спасение студентки. Мисс Снейп, шагом марш за мной!

Осторожно обойдя поверженного тролля, я поспешила догнать отчего-то прихрамывающего папу, попутно послав Рону взгляд, полный обожания.

Мы пришли в папин кабинет, и только тут он на меня накинулся:

-- Гарри! Что, мать твою, это было?

В ответ я рванула полу его мантии и, указывая на рваную рану на ноге, проорала не хуже:

-- А это что было, ТВОЮ мать?

-- Моя мать мертва, оставь ее в покое и отвечай на вопрос!

-- Моя мать мертва не менее! Отвечаю: это была импровизация, которая основывалась на ложных предпосылках! Где туалет, а где подземелья! Какого пикси тролль делал на первом этаже? Какого пикси Квиррел послал преподавателей в подземелья? -- вместо "пикси" мне отчаянно хотелось сказать кое-что другое, но я пока сдерживалась.

Профессор устало упал в кресло и глухо сказал:

-- Гарри, ты понимаешь, что у меня теперь будет полголовы седых волос? Когда я увидел тебя рядом с троллем... И что там делал Уизли? Объясни по порядку.

-- Нет. Сначала займись ногой и переоденься, а то светлячок заглянет на огонек, а тут ты такой красивый.

-- И то правда.

Пока папа промывал и перевязывал рану, вкратце успел сообщить:

-- Квиррел специально направил нас по ложному следу. Пока все искали тролля в подземелье, я пошел за ним. Квиррел поскакал на третий этаж, к песику, опередил меня на десяток шагов и успел соскочить в люк - когда я открыл дверь, его там не было, зато было злое животное. Оно же меня и тяпнуло. Я бросился искать коллег, у самого туалета ко мне присоединился Квиррел. Все.

-- Я хотела, чтобы Рон отправился сообщить мне о тролле - это здорово подняло бы ему самооценку. Так надо для дела. А это животное прибрело прямо ко мне. Я шлепнула его на пол "Гляциусом", и собиралась обрушить на него кусок потолка, но Рон слевитировал дубинку прямо на его тупую башку.

Папа внимательно на меня посмотрел, ушел в спальню и, вернувшись (в целой мантии, между прочим), протянул мне пузыречек.

-- Успокоительное.

-- Спасибо. Минут через пять понадобится, - я глотнула разом полфлакона, поморщилась. -- Ну, все хорошо, что хорошо кончается.

Отставив бутылочку, я шагнула к папе и обняла его, уткнувшись носом в пропахшую зельями мантию:

-- Прости, что заставила нервничать.

Он молча погладил меня по растрепанным волосам, коротко чмокнул в макушку и отстранился:

-- Тебе пора. Приходи завтра, поговорим.

Я послушно направилась к двери, на полпути обернулась и ослепительно улыбнулась:

-- Кстати, пап! Я бы на твоем месте подала в суд на руководство школы, допустившее подобное безобразие и подвергшее жизнь твоего единственного ребенка непосредственной опасности.

-- Невыносимый ребенок, - покачал он головой, допивая успокоительное.

После происшествия с троллем Рон стал героем школы. Папа, кстати, последовал моему совету - и отсудил у школы шесть с половиной тысяч галлеонов. Как же, обидели сиротку, да еще и Девочку-которая-выжила! Общественность была в шоке, Скитер - в восторге: ей опять представился случай как следует потоптаться грязными туфельками по белоснежной дамблдорской репутации. Другие родители тоже было попытались судиться со школой, но повезло только Уизли - его иск удовлетворили, правда, компенсацию урезали до трех тысяч. Но, по-моему, для их немаленького семейства и три тысячи были огромной суммой.

Мы решили, что Квиррел все же имеет какое-то отношение к

Волдеморту, более того - ищет способ его воскресить, для чего собирается использовать философский камень. Правда, доказательств у нас не было, так что приходилось ждать развития событий.

Перед самым Рождеством наконец закончилась эпопея с признанием блэковой невиновности. Конечно, останься он в Азкабане, это произошло бы намного раньше, а так пришлось сперва добиться отсрочки приговора (беглые заключенные автоматически приговаривались к Поцелую дементора), а потом уже проводить допрос под Веритасерумом и судебное заседание. Блэка ожидаемо признали невиновным, принесли глубочайшие извинения и выплатили компенсацию (по десять тысяч за каждый год в тюрьме). Двадцатого декабря вышел "Пророк" с оправдательной статьей, что мы и отметили на праздничном пиру, а на следующий день я уже ехала в "Хогвартс-экспрессе" в Лондон, где меня должен был встретить крестный. Каникулы намечались превосходные.

Глава 15

Крестный снял меня прямо с поезда. Сначала я не узнала в шикарном улыбающемся мужчине того изможденного беглеца, виденного мной однажды в Запретном лесу. Прежними остались только глаза: синие-синие, лукавые и задорные.

-- Гарри! Кошмар, до чего ты похожа на своего папашу! Этот жуткий тип заставил меня следить за ремонтом в его доме, представляешь, какая наглость?

Я рассмеялась:

-- Папа рассказывал мне о тебе достаточно. Спорю на десять галлеонов, что ты покрасил его спальню в гриффиндорские цвета.

Сириус ухмыльнулся:

-- А то!

-- Как ребенок, - покачав головой, я вручила крестному чемодан (не вижу смысла переть ради двух недель дома весь сундук).

-- Знакомься, Сириус: мои друзья, Невилл, Гермиона, - я поочередно указывала на каждого, оставив Драко напоследок. Было любопытно, как Блэк отреагирует на родственника.

-- ... Рон, Ханна, и, наконец, Драко.

Драко церемонно поклонился:

-- Рад встрече, дядя.

-- Дя... Ты сын Нарциссы? Похож, похож... -- крестный словно призрака увидел. Я знала, что тетка Нарциссы, Вальбурга, в свое время выжгла имя Сириуса из родового древа на фамильном гобелене, но как к этому отнеслись остальные его родственники? Судя по реакции крестного, с Нарциссой у него были как

минимум нейтральные отношения. Это хорошо...

Распрощавшись со всеми, кроме Гермионы, мы пошли к барьеру между платформами и прошли на маггловскую сторону вокзала.

-- Гермиона! - респектабельная супружеская пара помахала ей руками, и мы отправились знакомиться.

-- Мам, пап, это моя подруга Гарри и ее крестный мистер Блэк, - представила нас подруга.

-- Алан, - протянул руку крестному гермионин папа.

-- Джейн, - ее мама мило покраснела, когда Блэк куртуазно чмокнул ей ручку.

-- Тогда - Сириус.

Он прямо излучал обаяние, и я подергала крестного за рукав, призывая сбавить обороты: я, конечно, понимаю, что в Азкабане с противоположным полом туго, но не надо обольщать маму моей подруги.

Пока мы искали такси, родители Гермионы успели пригласить нас в гости, а Сириус успел согласиться. Придется вставить в расписание каникул еще и этот визит. Причем согласился он и за папу - вот скандал-то будет... Хорошо хоть не удосужился позвать их к нам, не посоветовавшись...

Усадив семью Грейнджеров в такси, мы трансгрессировали домой - к нам с папой, разумеется, поскольку Сириус, хоть и унаследовал от родителей дом на площади Гриммо, переезжать не спешил. Я подумала, что наверняка и тот дом нуждается в ремонте, а Сириусу просто лень этим заниматься.

Спиннерс-энд оказался довольно-таки готичным местом. Сыро (где-то неподалеку речушка), огромные деревья с темной густой листвой, образующие шатер над улицей, и вороны каркают. Чем не декорация для фильма ужасов?

А вот дом был окрашен белой краской, так что я осталась в приятном удивлении. Конечно, судя по папиным рассказам, раньше это была руина - но теперь стараниями бригады гоблинов дом стал вполне симпатичным. Строгий, аскетичный, застегнутый на все пуговицы: ни единая веточка не нарушала гармонию подстриженной зеленой изгороди, ни единая травинка не пробивалась сквозь брусчатку перед крыльцом, ни единая занавеска на окне не отдернута. Единственным исключением был плющ - он буйно обвивал стены, норовя оплести весь дом.

-- Видела бы ты, где мне попервах пришлось обитать... - крестный многозначительно закатил глаза, затаскивая мой чемодан в прихожую.

Внутри дом оказался таким же строгим, как и снаружи: минимум отделки, максимум функциональности. Стены белые,

окна-двери-мебель из темного дерева, коричнево-зеленые льняные портьеры, зеленый ковер на опять-же таки темном деревянном полу. Первый этаж вмещал прихожую, гостиную с огромным камином и кухню. Под лестницей на второй этаж я заметила тяжелую дверь, запертую на амбарный замок.

-- Лаборатория, - скривился Сириус. -- Этот упырь носит ключ с собой, боится, как бы я не съел драконью печень из его закромов.

-- Драконья печень на восьмом месте в списке ядовитых ингредиентов животного происхождения, - машинально заметила я. Сириус захихикал:

-- Копия, копия Нюнчика!

-- Почему Нюнчик? - я отвлеклась от разглядывания старинных фото на стене .

-- В первом классе, когда мы задирали Снейпа, он ревел, как девчонка. Потом научился давать сдачи, - признался крестный.

-- Ну вы и придурки были, не в обиду будь сказано!

-- Были... Пойдем, покажу твою комнату.

На втором этаже помещались хозяйская и гостевая спальни, соединенные ванной комнатой. Мне же был отдан весь чердак, где была и спальня, и ванная, и кабинет - в целом около шестидесяти квадратных метров только моей площади. То же темное дерево, беленый потолок, светлые занавеси, только ковер на полу не зеленый, а солнечно-желтый.

-- Здорово! - искренне восхитилась я. Сириус просиял:

-- Спасибо! Нюнчик настоял, чтобы я удержался от использования в интерьере факультетской символики - любой символики. Но я не удержался - ковер уж больно хорош.

Я потрогала мягкий упругий ворс - действительно замечательный.

-- Сейчас это полностью другой дом. После Рождества возьмусь за свой - Нюнчик, боюсь, скоро меня прогонит.

-- Ты плохого мнения обо мне, блохастый.

-- Папа! - я прыгнула и повисла на нем. Крякнув от неожиданности, Северус поймал меня:

-- Чем это я заслужил?

-- Тем, что ты есть.

Отпускать его мне совершенно не хотелось, да и сам он вроде был не против, так что я обняла отца покрепче и зарылась лицом в жесткий воротник его плаща. Сириус позади хмыкнул. Я отозвалась:

-- Ты мне тоже дорог, крестный, но тебя я еще плохо знаю. За каникулы познакомимся получше, а?

-- Обязательно, - ответил он почему-то хриплым голосом.

Домовика у папы не было, потому крестный еще в самом начале призвал с Гриммо своего Кикимера - старое, ворчливое создание. При всех своих недостатках домовик великолепно готовил, так что Сириус смирился с его вечным брюзжанием и даже почти не пинал - разве что пару раз, когда Кикимер назвал меня паршивой почти-грязнокровкой, а его предателем крови.

Поужинав восхитительным рагу и мясным пирогом, я сразу отправилась спать. Завтра рано крестный обещал аппарировать со мной на Диагон-аллею за подарками, а потом я собиралась навестить Дурслей. Долги надо отдавать, правда?

На новом месте спалось просто замечательно. Наконец-то комната, принадлежащая только мне, которую ни с кем не надо делить и которая не захламлена чужими игрушками... Подушка пахла мелиссой, пушистое одеяло магко обнимало за плечи. Я глянула в окно, и луна подмигнула мне большим желтым глазом. Теперь-то все будет замечательно. И все у меня получится. И никому больше не удастся навредить МОИМ родным, не будь я Гарриэт Снейп!

...

Двое мужчин на кухне пили глинтвейн, задумчиво глядя на пламя в очаге. Старый домовик натирал паркет, ворча себе под нос невнятные жалобы и с тоской вспоминая покойную хозяйку - уж она-то нипочем не потерпела бы такого непотребства! Предатель крови, полукровка и четвертькровка: вот кому приходится служить, чтоб их! Тьфу, гадость!

-- Она меня пугает. Нельзя в одиннадцать лет быть такой циничной и расчетливой.

-- Ты плохо ее знаешь, блохастый. Гарри - замечательный ребенок с огромным добрым сердцем, совсем как Лили в ее возрасте.

-- Ум у нее недетский, Нюнчик. Она говорит совсем как ты, разве что блохастым меня не зовет.

Мужчина, похожий на нахохленную ворону, поморщился:

-- Не утрируй, Блэк. Гарри не умнее среднестатистического ребенка. Просто она не ленится использовать свои мозги по назначению, интересуясь не пакостями, как ты в свое время, а взрослыми играми. Закулисные интриги, то, что так любит Люциус...

-- Она дружит с младшим Малфоем.

-- Твоим племянником и моим крестником, между прочим. Малфои имеют влияние в магическом мире, и нам полезно иметь таких друзей. Не союзников, не соратников, а именно друзей, Блэк. Советую помириться с Нарциссой, если ты еще этого не сделал.

-- Ей не мешает подружиться с кем-нибудь менее расчетливым, Снейп.

-- Надо же, ты помнишь мою фамилию! Разве она не представила тебе своих друзей на перроне?

Мужчина в бархатном алом халате насмешливо фыркнул:

-- Представила. Малфой их прожует и выплюнет.

-- Сын Лонгботтомов, младший из отпрысков Уизли, внучка Фионы Аббот - она все еще служит в Невыразимцах. Лохматую зубастую магглокровку заметил? Рекомендую. Гермиона Грейнджер, редкостная зануда и заучка с шилом в заднице - если возможно такое сочетание. Друзей себе Гарри подобрала достойных.

Мужчина в алом отставил кружку:

-- Говоришь, не прогоняешь меня, Нюнчик?

-- Я все равно почти всегда нахожусь в школе. Единственная просьба: всех баб води в гостиницу.

-- Сам-то что монахом заделался? -- лающе хохотнул "блохастый".

-- Почему монахом? Просто не считаю нужным размениваться на случайные связи. Порог моего дома переступит только моя жена - если мне попадется достойная женщина.

-- А Гарри? Что ты планируешь насчет нее?

-- Почему ты спрашиваешь? Гарри для меня сейчас приоритет. Я собираюсь поддерживать ее и направлять, сколько смогу и сколько потребуется.

-- Не задави авторитетом, Нюнчик.

-- Ее задавишь, блохастый, - засмеялся мужчина в черном. -- Иди ложись, ты обещал девочке поход по магазинам.

-- О! - картинно схватился за голову его визави. -- Поход по магазинам! Кошмар! Иду-иду, Нюнчик...

Глава 16

Итак, каникулы, день первый.

Рано утром аппарировали в Лондон, и крестный покорно таскался за мной по магазинам (даже честно пытался помочь в выборе подарков). Я воспользовалась случаем и нагрузила его целой стопкой книг из "Флориш и Блоттс", а спустя полчаса сжалилась над бедным родственником и уменьшила покупки. Блэк так забавно смущался... А потом меня бросило в жар: черт, он ведь не из рассеянности забыл о том, что можно уменьшить книги! Он попросту отвык пользоваться палочкой за прошедшие десять лет, и... как я вообще могла над этим смеяться?

Я не подумала. Вот в чем проблема. Я. Не. Подумала.

Может, это прозвучит самонадеянно, но я не имею права на ошибку. Не сейчас. Когда будет поставлена точка во всей этой

истории, я смогу жить обычной жизнью, а до тех пор я не имею права на ошибку.

Я должна продумывать все до мелочей. Я должна учитывать все детали, даже самые незначительные. Кропотливо собирать сведения, систематизировать и делать правильные выводы. Бить врага его же оружием. Скидки на возраст не будет - если мной пожертвовали десять лет назад, то теперь и подавно нечего рассчитывать на сочувствие.

-- Прости, Сириус.

-- За что, малышка?

-- За насмешку. О, пойдем-ка сюда! - и, не дав крестному опомниться и задуматься, я потащила его в магазин приколов.

Кажется, я его раскусила. Блэк с таким увлечением рассматривал всевозможные заколдованные сласти, наборы для шалостей, смешные игрушки и прочую чепуху, что я невольно умилилась. Большой ребенок! Считая, что я не замечу, он украдкой сунул в карман фальшивое перо и расплатился. Интересно, кому оно предназначено?

А потом мы пошли к мадам Малкин. Мерлин! Как он придирался к фасону и отделке своих парадных мантий! Нет, я не спорю, выглядит он потрясно - теперь, когда набрал вес и посетил салон красоты. Но лучше бы я посидела эти два с половиной часа у Фортескью, а то он даже не дал мне спокойно почитать книгу на диванчике, то и дело обращаясь за советом: "Гарри, как тебе этот цвет?", "Малышка, как тебе это кружево?"... Жуть. Никогда больше не пойду с крестным по магазинам.

Уже собравшись уходить, мы наткнулись на семью Уизли - те как раз выходили из "Дырявого котла". Кажется, пятеро. Или шестеро? Рон гордо представил меня отцу:

-- Это Гарри, я спас ее из лап тролля!

Я мигом сделала восторженное лицо, и началось:

-- О, мистер Уизли, я так рада с вами познакомиться! Вы отец настоящего героя! Миссис Уизли, у вас замечательный сын!

-- Сириус Блэк, к вашим услугам...

-- Нет, мэм, я живу с крестным и папой...

-- Да, мы очень стараемся найти общий язык, но вы же сами понимаете: это в новинку и для меня, и для него... -- нужно создать верное впечатление у старших Уизли, верных воинов Света и Дамблдора.

-- О, я весьма польщен вашим предложением, но боюсь, не смогу его принять: столько дел в связи с оправданием... Наследство, компенсация -- ну, вы понимаете...

-- Обязательно, как только появится возможность, уведомим совой...

-- Да, спасибо, и вам счастливого Рождества!

Распрощавшись с рыжим семейством, Блэк утянул меня в неприметное кафе и плюхнулся за свободный столик, картинно утирая пот со лба:

-- Молли зачастую бывает слишком много.

Я осторожно согласилась:

-- Она кажется чересчур заботливой.

-- Брось! Трясется над всеми, как наседка! Она была такой и в молодости, -- Сириус поманил летающее меню и сделал карандашом пометку. Я отмахнулась: скоро дома будем, а кикимерова стряпня не идет ни в какое сравнение со здешней.

-- Представляешь, перед боевой операцией тревожилась, тепло ли мы одеты! -- крестный фыркнул. Я не разделяла его веселья:

-- Знаешь, по-своему она была права. Если лечить воспаление легких вкупе с ранами от заклятий, можно свихнуться, подбирая зелья. Ты в курсе, что такой невинный компонент Перечного зелья, как шалфей лекарственный, совместно с кирказоном обыкновенным, собранным в последней четверти растущей луны -- а это обязательный компонент ранозаживляющего зелья, между прочим! -- дают эффект слабительного? И это еще не худший результат смешения зелий. Можно и отравить пациента, знаешь ли!

Крестный расхохотался так, что чуть со стула не слетел.

-- Тебя что, Нюнчик покусал? -- вытерев слезы смеха, он сел ровно и, опершись локтями о стол, устроил подбородок на кулаке. -- Извини. Очень странно слышать от маленькой девочки лекцию по зельеварению.

Я мигом перестроилась:

-- Ладно. Тогда послушай сагу о том, как я отомстила вредной Панси Паркинсон, которая заколдовала мои любимые туфли, и как Слизерин лишился сотни баллов в одночасье.

К концу моего рассказа крестный хохотал, как дитя. Эта часть моей жизни была понятна бывшему Мародеру, ее я и стану показывать впредь своему крестному. И незачем ему знать об остальном... надо будет и папу предупредить, чтобы поменьше ему рассказывал -- хотя папа и сам будет рад. Не слишком-то он готов откровенничать с Сириусом.

Мне придется о многом умалчивать. Хоть записную книжку заводи: кому, когда и что говорить.

Сириус, жестикулируя и отрывисто смеясь, рассказывал что-то из своих проделок, дирижировал ложкой и показывал пантомиму, я вполуха слушала и думала о своем. Интересно, куда запропастился четвертый член их банды, Ремус Люпин?

Население магической Англии не такое уж и большое - всего около трех тысяч взрослых, так что бывшему члену Ордена Феникса затеряться довольно сложно. Люпин... В Книге Родов, позаимствованной у Драко, такой фамилии точно не было. Значит, он либо полукровка, либо магглокровка - и мог уйти в маггловский мир. Интересно, почему он не остался здесь? Дамблдор старается держать всех своих солдат в поле зрения - так почему он отпустил Люпина и не подыскал ему тепленькое местечко где-нибудь поблизости от себя?

Одно из двух. Либо Люпин мертв - но об этом не знает никто из Ордена. Либо он знал что-то такое, что могло помешать осуществлению глобальных планов нашего стратега, и посему был отстранен от жизни магического сообщества. Версию о бесполезности Люпина я не рассматривала: судя по кабинету уважаемого директора, тот, как хомяк, тащит в нору все нужное и ненужное. Авось да пригодится.

-- ... и тут Луни мне и говорит...

-- Стоп! -- перебила я крестного. -- Луни?

-- Ну да, -- сморгнул крестный. -- Разве я не говорил?

-- Говорил. Ты сказал, что кличка соответствовала анимагической форме: Хвост - крыса, Бродяга - пес, Сохатый - очевидно, олень или лось... А Луни? Волк? И имя у него такое говорящее: Ремус Люпин. Люпин - "волчий" с латыни, если я не напутала с окончаниями, а Ремус - один из братьев-близнецов, вскормленных волчицей...

-- Оу, я и не знал... -- протянул Сириус. -- Значит, в обличье Грейбека Луни настигла судьба...

Стоп-стоп-стоп! Грейбек -- это случайно не оборотень ли на службе у Волдеморта? Ага...

Сириус продолжал вещать о делах давно минувших дней, а я понемножку разматывала ассоциативную цепочку. Стало быть, Грейбек и Люпин. Что могло их связывать? Оборотень покусал Ремуса? Но почему тогда он учился в Хогвартсе, ведь община оборотней имеет собственную школу где-то в резервации в Сибири? Неужели Дамблдору захотелось иметь собственного ручного волчка? Ух...

-- Крестный...

-- Зови меня Сириусом, малышка.

-- Сириус, а ведь Ремус был оборотнем, -- я пристально смотрела в синие глаза Блэка. Тот поморщился:

-- Догадалась? Умница. Да, был. И есть - надеюсь, Луни сейчас бегает где-то в Запретном лесу, -- крестный взглянул за окно на все еще безлунное вечернее небо. А, ну да - что-то такое Хагрид говорил, когда мы пили чай с каменными плюшками. В

Запретном лесу живет стая оборотней, около двадцати взрослых особей.

-- А как Дамблдор принял его в школу? Разве бывают оборотни-маги?

-- Луни покусали на следующий день после того, как он получил письмо из школы. Он магглорожденный - и Дамблдор решил, что будет лучше самому присматривать за ним, чем отдавать ребенка стае. Луни уезжал домой только на летние каникулы, и то первые два курса. В тринадцать от него отказались родители, и он перешел под опеку тогдашнего вожака стаи, к которой раньше принадлежал Грейбек. В обмен на разрешение жить в Запретном лесу вожак обещал позволить Ремусу учиться в Хогвартсе.

-- Все это хорошо и замечательно, но как подобное допустил опекунский совет? -- если аккуратно нажать нужный рычажок, можно узнать, сколько и кому заплатил Дамблдор за разрешение.

-- Они ничего не знали. У Ремуса якобы болела мать - и каждое полнолуние он отсутствовал в школе. Видела Дракучую иву? Ее посадили специально, чтобы непосвященный не забрался в тоннель, ведущий в Воющую Хижину. Там Ремус пересиживал полнолуния. Собственно, мы однажды выследили его и заставили во всем сознаться, а потом стали анимагами, чтобы иметь возможность присоединяться к другу.

Оп-па-па! Еще один гвоздь в крышку гроба Светоносного. Да опекунский совет взвоет не хуже Люпина, когда уважаемые господа узнают, что мимо их глаз прошло ТАКОЕ! Так-так-так... Волчьелычным зельем нельзя поить оборотней моложе пятнадцати - иначе те не смогут перекинуться обратно и мы получим волколака, получеловека-полуживотное. Ergo, в непосредственной близости от учеников -- да тех же Мародеров! -- скакал молодой заразный оборотень. А если бы он ненароком оцарапал кого-то из них? Ладно Петтигрю, его не жалко. Но Поттер и Блэк, имя которого тогда еще не выжгли с родового древа!.. Вопиющая небрежность и беспечность!

Можно, чем черт не шутит, обвинить Дамблдора в попытке превратить в оборотней наследников двух древних и уважаемых семейств... Но сперва найти Люпина и побеседовать с ним. Если он окажется неадекватным -- обезвредим его, предав историю огласке, а заодно и подложим свинью Дамблдору.

Глава 17

Второй день каникул был посвящен написанию писем и поздравительных открыток: адресатов оказалось неожиданно много. Повинуясь непонятному порыву, я даже купила подарок Дамблдору -- белые пушистые тапки. Пусть примеряет...

Сириусу предназначался винного цвета бархатный пиджак, папе -- альбом фотографий. Еще два месяца назад я перерыла школьный архив и разослала с Хедвиг просьбы орденцам найти и передать мне фото Лили, маггловские и колдовские. Их оказалось неожиданно много -- тридцать четыре, и детские, и взрослые. Одна, найденная Хагридом, нравилась мне больше всего: черно-белая колдография изображала родителей совсем юными, судя по надписи на обороте -- четырнадцатилетними. Лили сидела на берегу Черного озера -- мне показалось, что я узнала иву позади нее -- а папа лежал, положив голову ей на колени. Рядом валялась позабытая книга, страницы которой то и дело переворачивал ветер. Лица их были настолько умиротворенными и счастливыми, что я не сразу узнала Северуса, а, узнав, засомневалась, стоит ли включать ее в альбом. Не хотелось расстраивать папу, напоминая о прошлом.

Фотографию я все-таки вклеила. На первую страницу. Рассудила: нужно не жалеть о несбывшемся, а радоваться случившемуся.

Невиллу предназначалась кашемировый свитер теплого кофейного цвета -- он постоянно зяб и жаловался на сквозняки в коридорах школы. Гермионе -- зачарованный ночник, начинающий напевать колыбельные, если владелец слишком долго читает в постели. Драко предназначалась чисто маггловская вещица -- обсидиановые четки. Я заметила, что он любит теребить что-нибудь в руках, когда размышляет, а обточенные черно-бело-серые бусины с причудливыми разводами подходили для этого как нельзя лучше. Дежурные подарки были закуплены и для не столь близких ко мне людей: Ханны Аббот, Бесси Миллер, Бри, Рона, еще нескольких одноклассников, с которыми у меня были наиболее теплые отношения. Всем им я выбрала приятные мелочи вроде пера с посеребренными краями или блокнота с оттиснутым именем владельца.

Я долго думала, что же презентовать Люпину, пока Сириус не обмолвился за завтраком, что Луни всегда обожал шоколад. Упаковав коробку шоколадных конфет с ликером в темно-синюю оберточную бумагу с серебряными полумесяцами, я подписала открытку: "Счастливого Рождества. Гарри Снейп. P.S. Надеюсь, вы не откажетесь присоединиться к нам за обедом двадцать седьмого января". Надо папу предупредить... И Кикимера -- пусть приготовит побольше мяса.

Закончив, я пошла искать Сириуса. Тот обнаружился в гостиной с каталогом на коленях и пером в руке: очевидно, решил, не мудрствуя лукаво, заказать подарки совиной почтой.

-- Сириус.

-- Гарри?

-- Ты обещал Грейнджерам, что мы обязательно заглянем к ним в гости.

-- Обещал, -- осторожно подтвердил Сириус, ожидая подвоха. И не зря:

-- А папу ты предупредил?

Крестный скуксился:

-- Может, ты сама?

-- Бродяга, да ты, никак, боишься Нюнчика!

-- Гарри, коробка лучшего шоколада из Диагон-аллеи -- только сделай так, чтобы он меня не убил!

-- По рукам. Кстати, я уже ему сказала.

-- Гарри!

-- Что? -- я невинно захлопала ресницами. Блэк махнул рукой:

-- Что с тобой поделаешь... Когда идем?

-- Завтра. Папа послал сову -- Грейнджеры подтвердили и ждут нас к обеду. Одень что-нибудь маггловское, но необычное, чтобы сразу было видно, кто ты.

-- А что, Нюнчик тоже оденется по-маггловски? -- заинтересованно навострил уши Сириус.

-- Непременно, -- заверила я его. Сириус захихикал:

-- Я думал, что у Нюнчика одна мантия на все случаи жизни. Он так с ней сроднился, что и спит в мантии...

-- Мужчине необязательно проводить в примерочной по пять часов каждый раз, когда он собирается купить себе одежду, -- мне не понравилось, как Сириус отозвался о папиных вкусах. Он не придал значения моему замечанию:

-- Ну конечно, он ведь носит черную мантию как монах свою рясу.

-- Зато не ищет дешевой популярности. Сириус, перестань так говорить омоем отце, иначе мы поссоримся. Я знаю, вы не ладили в юности, но теперь-то вы умнее, взрослее, и можете наконец наладить отношения. Мне и без того есть о чем думать, честное слово!

Крестный выглядел виновато:

-- Прости, Гарри. Ты... все время забываю, что он -- твой настоящий отец, не Джеймс. Так странно: ну почему я не понял сразу, что неспроста Лили пришла к нему? Не могла она ни с того ни с сего так кардинально изменить свое решение!

Сириус надолго замолчал, а потом признался:

-- Знаешь, мы ведь все были по-своему в нее влюблены. Мерзкий крысюк обожал ее яркость, живость, Джеймс -- легкий нрав, я -- красоту, Ремус всегда считал ее самой умной студенткой. И, Мерлин свидетель, вокруг нее всегда было

предостаточно достойных парней, но выбрала-то она Снейпа, а, значит, было за что. Лили была не из тех глупых романтичных девочек, которые так любят жалеть обиженных и угнетенных. Я не так давно сказал Снейпу, что ты вся в него: циничная и расчетливая... -- я присела на подлокотник его кресла и положила руку крестному на плечо. Кажется, только что кто-то признал свою неправоту...

-- ... я забыл, какой разумной и практичной всегда была Лили. Мы все помним только ее отзывчивость и добродушие... Считаем мягкой и хрупкой. Конечно, она, как и всякая девушка, хотела такой казаться -- но на самом деле это был танк под розами. И теперь я готов признать перед самим собой, что настоящую Лили знал, пожалуй, только Северус...

-- А она знала его -- настоящего, - закончила я. -- Все еще впереди. Брось вышучивать папины привычки, и все получится, вот увидишь.

-- Маленький миротворец, -- Сириус засмеялся и самым бессовестным образом растрепал мне волосы. Вот и замечательно: с признаниями покончено, начало пониманию положено, можно перейти ко второй части плана. Поболтав еще немного с Сириусом, я спустилась в папину лабораторию.

Он и правда заколдовал дверь так, чтобы крестный не смог пройти -- поставил защиту на крови. Зато я проходила совершенно спокойно, и уже успела оценить, насколько уютную нору оборудовал себе папа. Иногда мне казалось, что на самом деле его анимагической формой должен быть как минимум барсук -- до такой степени он любил работать в плохо освещенных закрытых комнатушках. Если бы я не видела огромное окно в его спальне, то подумала бы, что у него агорафобия...

Спустившись в подвал, я осторожно постучала во вторую дверь, ведущую собственно в лабораторию.

-- Заходи, только медленно.

Папа варил что-то прозрачное в большом котле и изумрудное в маленьком. Вспомнилось настойчивое видение, посещавшее меня до приезда в школу: высокий тощий крючконосый колдун в черном с шумовкой в руке, стоящий над бурлящим котлом. Никогда бы не подумала, что с этит самым колдуном я буду состоять в ближайшем родстве.

Колдун между тем прокомментировал:

-- Лекарства для госпиталя Святого Мунго. В большом котле жидкий аналог "Фините Инкантатем", в маленьком... догадайся.

Раз мне позволено посмотреть, это что-то невзрывоопасное, не источающее вредных испарений и, самое главное, рецепт его

был в одной из книг, которые подкинул мне Северус для внеклассного чтения.

-- "Вода Леты"?

-- Именно. Достало слушать, как твой блохастый крестный стонет во сне.

"Вода Леты" использовалась в медицине для лечения нервных больных, переживших какое-то потрясение. Недельный прием делал воспоминания о пережитом смутными, размытыми, а месячный был способен заставить человека думать, будто и не было ничего вовсе.

-- Я не знала, что он видит кошмары.

-- Блэк никому не жаловался, -- папа сел на стол, не спуская глаз с маленького котелка. -- Он всегда хотел, чтобы его считали веселым лидером, душой компании, и прилагал массу усилий для этого. Привык добиваться желаемого, привык к свободе... И тут его заперли в тесной сырой каморке за преступление, которого он не совершал. От него все отвернулись, а потом и вовсе забыли. Я думал, он сможет справиться сам, но ошибся... -- Северус встал, чтобы добавить в большой котел щепотку какой-то пыльцы. Содержимое враз побурело и стало загустевать.

-- Если бы я раньше узнал, что ему снятся кошмары... Но мы же гордые, мы никогда не признаемся и не попросим у вредного зануды зелье сна-без-сновидений! -- он стукнул кулаком по столу. Я приблизилась и обняла его сзади, прижавшись щекой к пояснице.

-- Мы только что разговаривали. Сириус сказал, что постарается наладить ваши отношения и пообещал больше не дразниться.

-- Надо было взять с него Нерушимую клятву, -- буркнул папа, обернулся и подхватил меня на руки, как маленькую. Я не протестовала: может, это и выглядит по-дурацки, но зато как приятно...

-- Взяла бы, да побоялась остаться без крестного. Что мы, зря его из Азкабана вытаскивали? И... мне кажется, не будь этих ночных кошмаров, он стал бы прежним Мародером, и ему в голову не пришло бы пересматривать свое к тебе отношение.

-- Маленький миротворец, -- папа обошел стол и уселся в кресло, не спуская меня с рук. -- Вся в мать.

-- Нельзя вступать в бой, не уладив отношений между союзниками, -- я поболтала ногами и устроила затылок на папином плече, уютно свернувшись в клубочек. Сразу накатила сонливость и я почти промурлыкала следующую фразу:

-- Нужно свести к минимуму фактор неожиданности. Я хочу быть уверенной, что в ответственный момент Сириусу не попадет

вожжа под хвост и он не взбунтуется, услышав приказ от "Нюнчика".

Сухая твердая ладонь пригладила мои разлохмаченные крестным волосы.

-- Почему ты так уверена, что приказы буду отдавать я, а не он?

-- Потому, что ты трезво мыслишь, а крестный -- настоящий ребенок.

-- Вот спасибо, -- пробурчал папа. -- Наконец-то меня хоть кто-то оценил по достоинству. Да, между прочим, что там принято приносить магглам, когда идешь в гости?

-- Не знаю, -- пожала я печами. -- Может, вино или конфеты... Я помню, Дурслям гости приносили...

-- Вино так вино, --кивнул папа.

Глава 18

День третий.

Утром я стала экспериментировать с заклинаниями из "Ведьмополитена". Замечания Драко по поводу моей прически были здравыми, и я собиралась исправить ситуацию: я уже привыкла ухаживать за волосами до лопаток, значит, справлюсь и с шевелюрой до пояса.

Не желая становиться жертвой непроверенных заклятий, я сперва поэкспериментировала на соседском бульдоге и бездомной кошке. Все, как и предполагалось: шерсть стала ровно в три раза длиннее, чем была.

Пробормотав "Реверсо", я вернула зверям первоначальный облик (здорово, что тут не действует "Фините Инкантатем" -- в школе любят баловаться с этим заклятием, много интересного получается...) и встала перед зеркалом, сняв заколку. Пара пассов -- и у меня прическа не хуже чем у сестер Патил, разве что мои черные пряди отливают алым в солнечном свете, а не синевой. Я быстро заплела сбоку косу и стала одеваться -- не стоит заставлять взрослых ждать. Синее платье из столь любимого мною бархата прекрасно соответствовало случаю и, надеюсь, представлениям Грейнджеров о подходящем наряде для девочки из консервативной семьи.

Сириус надел нечто фиолетовое и приталенное, могущее называться длинным пиджаком или коротким фраком, расшитое золотом и, в целом, производящее приятное впечатление. Далее были какие-то черные брюки и сапоги до середины лодыжки из кого-то черного и чешуйчатого. Смотрелся Сириус экзотично, но здорово.

Папа не изменил своему излюбленному черному, выбрав классический костюм и рубашку с запонками (тоже черными, как

же иначе?). О стрелки на его брюках можно было порезаться, а в мыски начищенных туфель смотреться, как в зеркало.

-- Выглядите потрясающе, -- призналась я. -- Грейнджеры будут в восторге. Только упаси Мерлин вас назвать друг дружку блохастым или Нюнчиком -- перестану разговаривать с вами до конца каникул.

Они переглянулись и усмехнулись.

-- Сможешь, блохастый?

-- Смогу, Нюнчик.

Я тяжко вздохнула и вслед за ними вышла из дому -- папа окружил антиаппарационным куполом весь участок, и теперь нам нужно было выйти за ворота. Сириус предложил было отправиться маггловским транспортом, но я доступно обьяснила, сколько времени это займет, а папа просто поглядел на него многозначительно, и крестный замолк. Я взяла за руки взрослых, и Северус нас аппарировал прямо к двери гермиониной квартиры. Утопив пальцем кнопку звонка, я услышала мелодичную трель.

-- Вы так пунктуальны! Редкое качество в наше время, -- мама Гермионы впустила нас в коридор.

-- Профессор Снейп! Добрый день! -- сама Гермиона выглянула из комнаты, безуспешно пытаясь защелкнуть замочек на заколке. Рассердилась и бросила ее куда-то за плечо.

-- Профессор? -- удивился гермионин папа, подавая руку поочередно Сириусу и Северусу. -- Так вы тот преподаватель из Хогвартса, который никогда не начисляет баллы Гриффиндору?

-- Неправда, -- возмутилась я. -- Однажды папа начислил Гриффиндору целых пятьдесят баллов! Здравствуйте, мистер Грейнджер.

-- Только затем, чтобы тут же их и снять, -- фыркнул Сириус, а папа ехидно усмехнулся.

Взрослые ушли в гостиную, а Гермиона утащила меня в свою комнату.

-- Ну надо же! Профессор такой странный в этом костюме, никогда бы не подумала, что он согласится сменить мантию на что-то другое. А мистер Блэк похож на сказочного героя! Родители в восторге.

Она усадила меня на диван и выжидательно уставилась в упор, сверля карими глазищами.

-- Ну?

-- Что -- ну?

-- Что ты придумала для Паркинсон? Никогда не поверю, что ты не запаковала для нее какую-нибудь дрянь.

Я захихикала:

-- Запаковала. Невилл достал для меня пару семечек

гигантской красавки, и я вставила их в серебряную оправу.

-- Когда они прорастут? -- живо поинтересовалась Гермиона.

-- Третьего января, утром. Если повезет -- то за завтраком.

-- Ну ты даешь, -- восхищенно протянула Гермиона. -- Никогда бы не додумалась.

-- Просто у тебя нет деструктивных наклонностей, -- успокоила я ее. -- Разве это плохо?

-- Может, и не плохо. Но и не хорошо.

-- Попроси Драко, пусть поучит тебя коварству, -- посоветовала я. А что, пусть дает уроки, а я буду брать комиссионные за рекламу...

Подруга хихикнула:

-- А что? И попрошу! Я ему такой подарок на Рождество купила -- закачаешься! Последнее издание "Государя" Николо Макиавелли.

Н-да, Герми в своем репертуаре... Интересно, что она припасла для меня? Справочник по редким ядам?

Пока наши взрослые беседовали в гостиной, мы развлекались, как могли: пересмотрели гермионины фотографии, обсудили последние статьи из "Ежедневного Пророка" (Министр заверил, что в будущем году зарплату аврорам поднимут в два раза -- интересно, откуда деньги?) и даже разобрали пару трансфигурационных формул. Ровно в три пополудни нас позвали за стол, и доктор Грейнджер стала прицельно обстреливать меня вопросами, несомненно для того, чтобы выяснить, подходящая ли я компания для ее единственной дочери. Я привычно играла милую девочку и жалела, что у меня нет ямочек на щеках -- для полноты картины. Впоследствии Гермиона призналась, что едва удержалась от искушения пнуть меня под столом, а Сириус -- что всерьез подумывал, не подменили ли меня: такое очаровательно пустоголовое существо не могло быть дочерью Лили Эванс.

Грейнджеры были бесполезны для меня: дантисты не обладали какой-либо властью в маггловском мире, в колдовском же они были беспомощнее слепых котят. Будет намного безопаснее и проще, если они останутся в стороне от наших планов и станут считать меня простодушной, милой девочкой, каких тысячи...

Скажу честно: когда мы оказались дома, я вздохнула с облегчением. Не знаю, что тому виной: незаурядность ли окружавших меня до сих пор взрослых, мое ли собственное восприятие мира, но Грейнджеры-старшие показались мне невыносимо нормальными. Обыкновенные среднестатистические магглы, предсказуемые до мелочей, разговаривающие о дежурных вещах, воспитанные сообществом потребителей для потребления,

простите за тавтологию. Такие бывают беспроблемными детьми и вырастают в сознательных молодых людей, а затем в мам-глав родительских комитетов и пап-членов шахматных клубов, вовремя возвращающихся домой с работы и каждое лето вывозящих детишек куда-нибудь в теплые края. Они ко всем вопросам подходят ответственно и серьезно, будь то знакомство с предполагаемым зятем или выбор моющего средства в супермаркете. Я не говорю, что это плохо -- просто подобное для меня неприемлемо. Не могу представить себя в роли миссис Грейнджер, как ни старайся: не для меня все это. Может, с возрастом у меня произойдет переоценка ценностей и мне захочется предсказуемости -- не знаю, не знаю... Пока эта стабильность, если честно, показалась мне застоявшимся болотом.

Вдохнув вечерний воздух Спиннерс-энд, я попросила:

-- Пап, пообещай, что не позволишь мне выйти замуж за такого же благонадежного мужчину, как мистер Грейнджер. Иначе я буду каждые выходные приходить в гости, и тебе придется играть с ним в покер.

Глава 19

Утром двадцать четвертого декабря мы втроем отбыли в Малфой-мэнор, оставив Кикимера приглядывать за домом. Уж не знаю, чем он там собирался заняться: плеванием в хозяйские чашки или рассматриванием "Плейведьмы", но выпроваживал он нас радостно и едва ли не пританцовывал.

Поместье Малфоев оказалось именно таким, как я его и представляла: воздушное белое строение с милыми маленькими башенками, по стенам которого вился дикий виноград (алые и бордовые листья занятно смотрелись на белом). Вокруг был разбит типично английский парк с его геометрической четкостью форм, где каждый цветок имел свое место, а живая изгородь была подстрижена поистине безупречно. Кованая ажурная ограда ощутимо пульсировала древней родовой магией -- я почувствовала ее даже не прикасаясь.

-- Красивое место, -- решила я. Сириус хмыкнул:

-- Подходящая оправа для Нарси, если она не слишком изменилась за последние десять лет.

-- Совсем не изменилась, -- папа постучал палочкой по кованым прутьям ворот и за ними тут же с характерным хлопком возник домовик, на манер древнеримской тоги облаченный в ослепительно-белую наволочку.

-- Элли к вашим услугам, почтенные господа и госпожа. Лорд и леди Малфой ждут вас, -- ворота распахнулись и домовик исчез, забрав наши чемоданы (хоть и предполагалось, что мы прогостим

не больше двух-трех дней, пришлось упаковать кучу платьев -- не выйдешь же к обеду в том, в чем была за завтраком...).

Мы неторопливо пошли по прямой дорожке к парадному входу. Под ногами похрустывал гравий, по газону важно шествовал белый павлин, воздух неуловимо пах розами -- очевидно, за мэнором была оранжерея.

Внутри мэнор был темным и роскошным -- это если в двух словах. Тяжелые драпировки, старинная изящная мебель, портреты предков на стенах, ковры, глушившие звук шагов.

-- Добро пожаловать! -- по широкой лестнице к нам спускалась сама хозяйка особняка. Тоненькая, воздушная, Нарцисса Малфой казалась старшей сестрой Драко, но никак не матерью. Свободная бирюзовая мантия, больше похожая на платье, перехваченная под грудью темно-синей лентой, уложенные в искусную прическу серебристые волосы, небесно-голубые глаза в пол-лица...

-- Так вот как выглядят феи! -- я сделала реверанс. -- Рада знакомству, леди Малфой.

-- Юная Гарриэт... -- мечтательные глаза обежали меня с ног до головы. -- И я рада нашему знакомству. Зови меня просто Нарциссой. Северус, -- папа церемонно поклонился и поцеловал ей руку. -- Сириус, -- крестный неловко шагнул вперед, а Нарцисса встала на цыпочки, притянула к себе его голову и поцеловала в щеку.

-- Нарси...

-- Рада видеть тебя, кузен.

Потом был завтрак в малой столовой, которая была больше всего нашего дома в Спиннерс-энд, и экскурсия по мэнору, и мой восторг при виде оранжереи -- наверное, здесь были все сорта орхидей, что только есть в мире.

А потом меня пригласили в кабинет хозяина поместья.

Я сидела в глубоком кресле и смотрела прямо в серые глаза Люциуса Малфоя, отстраненно размышляя о том, что всем Драко пошел в мать -- такой же тонкий и фееподобный -- а вот глаза отцовские, стальные. И характер, надо полагать, тоже.

Аристократ до кончков наманикюренных ногтей, Люциус производил впечатление коллекционного клинка: вроде и украшений на эфесе масса, и гравировка на лезвии, а обрезаться можно здорово.

-- Я много слышал о вас от своего сына, -- тон Люциуса был вкрадчивым, словно у Мефистофеля. Я, однако, на роль Фауста не гожусь совершенно, так что смело собезьянничала:

-- Я тоже много о вас слыхала -- от своего друга. Лорд Малфой, у меня к вам предложение, от которого вы не сможете

отказаться.

Тонкие белые брови дернулись было вверх, но Люциус совладал с собой и спросил подчеркнуто безразлично:

-- Надо же! Что может предложить мне первокурсница?

-- Министерское кресло.

Малфой расхохотался. Я молча сидела в кресле, ожидая, пока мужчина успокоится.

-- Простите, -- сказал он, отсмеявшись. -- С чего вы взяли, что меня оно интересует?

-- Хм... -- я сделала вид, будто раздумываю. -- Знаете ли, лорд Малфой, я всегда следую принципу: "Хочешь, чтобы дело было сделано хорошо -- сделай сам". И у меня сложилось стойкое впечатление, что и вы им не пренебрегаете... А еще я выписываю "Ежедневный Пророк", и умею делать правильные выводы. Не так давно вышла статья, в которой черным по белому написано: "Гоблины заявляют, будто камни в драгоценностях, которые были даны ими напрокат миссис Бернс, подменены на фальшивые".

-- И какие же любопытные выводы вы сделали, юная мисс? -- изобразил интерес лорд Малфой, поглаживая змеиную голову, венчавшую его трость из черного дерева -- красивая, между прочим, вещица...

-- Мистер Бернс, торговец зельями, обратится к ассоциации гемологов за независимой экспертизой, и окажется, что обвинения гоблинов абсолютно справедливы. Мало того, что мистер Бернс окажется скомпрометирован и многие партнеры откажутся иметь с ним дело (что сыграет на руку мистеру Адамсу -- этот предприимчивый магглокровка из семьи аптекарей недавно решил обратить внимание и на магический рынок). После продолжительных судебных тяжб мистер Бернс будет объявлен банкротом -- еще никто не уходил из цепких гоблинских лап, не оставив в них последние штаны. Но оставим Бернса -- он нам более не интересен. Уже после экспертизы министр Фадж лишится солидного потока денежных вливаний, а в мае перевыборы. Фадж будет вынужден искать спонсоров, таковых не окажется (наш дальновидный министр успел наступить на мозоль всем мало-мальски влиятельным и богатым людям), и в результате примерно к середине марта будет готов продать душу дьяволу по сходной цене. Тут-то вы и возьмете его тепленьким, обязав как минимум весть третий срок плясать под вашу дудку.

-- Звучит неплохо, -- пальцы лорда Малфоя продолжали играть с набалдашником трости. -- А почему вы так уверены, что я предложу Фаджу свою поддержку? Ведь он, как вы выражаетесь, успел наступить на мозоль всем влиятельным людям -- и, кстати, чем же, по вашему мнению, он задел меня?

-- Пф-ф! Сделать зависимым недруга -- это так по-малфоевски! А что до мозоли: шесть лет назад в бытность свою замминистра Фадж не дал вам разрешения на постройку в Ланкашире гиппогрифьего питомника. Разрешение вы, конечно, получили, но я подозреваю, что для этого вам пришлось потратить не меньше десяти тысяч галлеонов -- чтобы перебить предложение отставного невыразимца Энджелла. Между прочим, лорд Малфой, вы не в курсе, сколько платят невыразимцам? Любопытно, на какие деньги Энджелл собирался открывать питомник?..

Люциус сжал набалдашник так, что костяшки пальцев побелели:

-- А с чего вы взяли, будто независимая экспертиза установит факт подмены?

-- У ассоциации гемологов три эксперта, занимающихся именно гоблинскими украшениями: старик Жослен и двое его учеников, девушка с неудобопроизносимым эстонским именем и некто Санди. Вот он-то нас и интересует в первую очередь. Старик Жослен и в самом деле старик: он, если мне не изменяет память, на девять лет старше Дамблдора, и в последний раз делал оценку лично в тысяча девятьсот восьмидесятом... "Борджин против Симмонса", дело о подмененных бирюзовых ножнах, но это так, к сведению. Девица в учениках второй год -- ей оценку никто не доверит. Стало быть, все зависит от Санди. А у Санди невеста неизлечимо больна... если только им не посчастливится отыскать такой редкий ингредиент для зелья, как шкурка новорожденного тура, -- я многозначительно посмотрела на лорда Малфоя. Выражение лица у того было совершенно нечитаемое. Я продолжила:

-- Еще в начале семестра Драко похвастался, что в ваших кладовых есть все, что только может присниться зельевару. Я переспросила у папы, так ли это. Он подтвердил, и я допускаю, что у вас и шкурка тура найдется, хотя этот представитель парнокопытных вымер еще в прошлом веке. Подытожим: оценка экспертов у вас есть, гоблины никогда не прочь поживиться за чужой счет -- так что судьба Бернса решена. Как и судьба Фаджа -- под вашим чутким руководством он будет принимать верные решения и продвигать нужные законопроэкты... Уверена, не будь ваша репутация так подмочена симпатичным рисуночком на предплечье и членством в организации крайне левого толка, вы уже давно любовались бы видом из окна министерского кабинета.

Малфой-старший долго молчал, а потом вдруг неожиданно ухмыльнулся:

-- И ведь какая красивая комбинация получилась,

согласитесь!

Я поддакнула:

-- И до чего кстати пришлась любовь миссис Бернс к красивым украшениям... Не надо было ему жениться на молоденькой. Зря вы обратили его внимание на достойную дочь миссис Забини -- та семерых мужей пережила, и юная Хейл явно пойдет по ее стопам...

-- Вам и это известно? -- поразился Люциус. Я самодовольно усмехнулась:

-- Чего только не наслушаешься в слизеринской гостиной... Главное -- уметь делать правильные выводы. Так я могу перейти к сути своего предложения?

-- Можете. Я убедился в вашем умении разгадывать планы, теперь мне любопытно, как вы умеете планировать.

Устроившись поудобней, я начала:

-- Итак, ровно одиннадцать лет назад ваш хозяин развоплотился. Я никоим образом вас не осуждаю, -- добавила я, увидев, как поморщился Люциус после слова "хозяин". -- Вы были слишком молоды и амбициозны, ваш отец был жив и наверняка указывал вам, что делать... Так вот, ваш хозяин развоплотился. Не умер, замечу -- и я уверена, что сейчас как минимум один его верный последователь ищет способ вернуть Волдеморта к жизни. Рано или поздно он вернется и призовет вас с остальными Пожирателями под свои знамена. И станет вовсю пользоваться вашими кровно нажитыми галлеончиками, держа вас самих на побегушках. А что уготовано вашему единственному сыну? У вас хотя бы был выбор. Итак, лорд Малфой, у нас с вами общая цель: спокойная, размеренная жизнь, которой никто не управляет. И идти к этой цели мне бы хотелось вместе. Не скрою, я очень рассчитываю на ваши связи и советы: мне будет крайне сложно справиться своими силами. В случае согласия я, повторюсь, гарантирую вам министерское кресло -- после полного и торжественного уничтожения Волдеморта. Если же вы несогласны -- то я прошу вас оставаться в стороне, пока это вообще будет возможно, и не мешать. Тогда я обещаю вам полную амнистию -- а у меня нет никаких сомнений, что моя поддержка вам, как известному бывшему (и, возможно, будущему) Пожирателю, понадобится. Ну и, в конце-концов, если вы решите пойти против меня... -- я многозначительно замолчала. Люциус завороженно наблюдал за мной, и немедленно отреагировал:

-- Что же тогда?

-- Драко обидится, если я вас убью, так что самая комфортная камера в Азкабане -- ваша. Вы какое крыло предпочитаете: западное, восточное? Может, подземелья? Сириус говорит, из его

окошка был чудный вид на побережье...

Малфой-старший встал и заходил по кабинету.

-- Почему вы так уверены в воскрешении Лорда и в своей над ним победе? -- спросил он.

-- Если бы Волдеморт умер, не имела бы смысла попытка превращения меня в орудие Ордена Феникса. Если рассуждать логически... Полагаю, Лорд воскреснет лет через пять, плюс-минус годик. -- Дамблдор наверняка подождет, когда я достаточно подрасту и примелькаюсь прессе, а потом уж позволит последователям воскресить Волдеморта. -- А что до моей победы... Скажем так: я очень, очень постараюсь.

-- Не сомневаюсь в этом. Мисс Снейп, мне нужно подумать.

-- Я понимаю. Вы деловой человек, лорд Малфой, и вы хотите доказательств. Сделаем так: когда у меня будут неопровержимые доказательства, а не голословные заявления -- пусть даже правдивые и обоснованные -- тогда я и приду к вам за ответом.

-- Договорились, -- мужчина серьезно мне кивнул, и я увидела, что ему не терпится остаться наедине и хорошенько просчитать все варианты. Не сомневаясь, что в итоге он сделает единственно верный выбор (в мою, естественно, пользу), я встала и расправила юбку.

-- Мне пора, лорд Малфой. Я обещала Драко партию в шахматы.

У самого порога меня догнал голос Люциуса:

-- Что мешает мне избавиться от вас, юная мисс, и тем самым избежать многих хлопот в будущем?

-- Родственные чувства, лорд Малфой. Я все-таки крестница вашего шурина и дочь крестного Драко -- по магическим меркам, близкая родня. Вы же помогаете мистеру Аддамсу -- значит, и мной просто так не пожертвуете.

-- А причем тут мистер Аддамс? -- холеные руки крепко сжали трость.

-- Ну как же, -- я посмотрела прямо в холодные серые глаза. -- Мне напомнить вам о покойном Абрахасе Малфое, не гнушавшемся курортными романами с симпатичными магглокровочками?

Глава 20

По-моему, мне удалось произвести впечатление на Люциуса. Я то и дело ловила на себе его настороженно-изучающий взгляд, хотя хозяин поместья больше и не захотел со мной поговорить. Зато он разговаривал с папой -- и тот потом спрашивал, что такого я сказала старине Люциусу. Дескать, аристократ был поражен до глубины души и сокрушался, что успел магически обручить Драко с Асторией Гринграсс (кстати, надо бы выяснить,

что за Астория такая -- так, на будущее. Вроде бы в Хогвартсе такой нет...). Подробно пересказав отцу наш разговор, я вызвала у Северуса приступ гомерического хохота и довольное восклицание: "Горжусь!" Приятно, пикси меня задери!

А в остальном визит протекал спокойно: Нарцисса заграбастала Сириуса и заставила его выслушивать все сплетни за последние десять лет (надо признать, что он и не особо сопротивлялся), Люциус молчаливым привидением бродил по дому, пребывая в глубоких размышлениях. Папа на правах друга семьи оккупировал библиотеку: там имелся удобный кожаный диванчик и "Молот Ведьм" (любопытное, доложу вам, зрелище: суровый слизеринский декан, возлежащий на диване с пухлым томом, и хихикающий над описанием признаков, по которым должно выявлять ведьму). Ну, а мы с Драко сидели в его комнате и играли в шахматы, досадуя, что мерзкий мокрый снег, крупными хлопьями падающий с неба, не позволяет взять метлы и полетать: мы оба слишком ценили тепло и комфорт, чтобы выходить на улицу в такую мерзопакостную холодину. Драко бухтел, что папа вредный и никак не желает накрыть погодным куполом еще и сад -- только сам дом по периметру и подъездную аллею. "Он, понимаешь, хочет наблюдать из окна естественную погоду!"

В этом году Малфои перенесли традиционный рождественский бал и решили устроить его уже после окончания каникул, так что праздничный ужин прошел в приятной, почти семейной обстановке. С молчаливого разрешения родителей мы с Драко устроились на ковре у камина и почти до часу ночи слушали разные истории: воспоминания о школьных годах, анекдоты, сплетни... Задремав, я вдруг почувствовала, как меня осторожно подхватывают на руки и несут куда-то, а потом кладут

на мягкую кровать.

-- Папа, -- пробормотала я сквозь сон.

-- Это я, Гарри. Ложись, уже поздно.

-- Сейчас, -- я прошептала заклинание, неопределенно махнула рукой, не открывая глаз, и на мне оказалась моя пижамка, а мантия шлепнулась где-то а углу комнаты.

-- Лентяйка, -- усмехнулся папа. Я покладисто согласилась:

-- Угу. Спок ночи, пап. Я люблю тебя.

Моего лба коснулись сухие губы, и заботливые руки укрыли меня одеялом. Шорох и едва слышный скрип возвестили, что Северус ушел.

Я провалилась в сон...

Бесцеремонный стук в дверь выдернул меня из объятий сновидения. Я накрыла голову подушкой и твердо вознамерилась

не поддаваться на провокацию. Бесполезно -- стук повторился.

-- Кыш!

-- Гарри, уже утро, пора смотреть подарки! Пойдем!

-- Сам смотри.

-- Не могу сам, ты гостья, мне потом будет очень-очень стыдно.

-- Разве у Малфоев совесть не атрофирована за ненадобностью?

-- Нет, конечно! -- возмущенный голос заставил меня проснуться окончательно. -- Она у нас есть, передается от отца сыну и хранится в Гринготтсе, как одно из величайших сокровищ. Правда, пользуемся мы ею нечасто: как же, такой раритет!

Вот зараза белобрысая!

-- Встаю! Заходи, что ли.

-- Визжать не будешь?

-- Так я вроде не голая. И потом, в нашем возрасте разница между мальчиком и девочкой чисто символическая.

Захихикав, Драко вошел, а я, позевывая, сползла с кровати прямо на пол.

-- Нелл! Тащи наши подарки сюда, -- скомандовал Драко, и перед нами оказалась немаленькая кучка, которую мы немедленно бросились разбирать. Рассортировав подарки на две почти одинаковых кучки, мы обозрели получившееся. Кучка Драко, конечно, была больше -- зато в моей были два многообещающих свертка, замотанных один в драконью кожу, а второй -- в синюю со звездами бумагу. В очертаниях первого угадывалась метла (и я догадывалась, кто мне ее купил -- очень уж крестный допытывался, нравится ли мне летать), а второй был неподписан.

-- Ну, приступим, -- сказал Драко, надрывая обертку на первом подарке. Я последовала его примеру.

Оказалось, что Молли Уизли печет умопомрачительное печенье -- и совершенно не умеет вязать. Присланный ею алый с золотом (!) свитер оказался велик минимум на три размера и спереди длиннее, чем сзади.

Невилл прислал нанизанные на нитку семена софоры буролистной -- они до того напоминали жемчуг, что некоторые колдуны неоднократно надували магглов, продавая им поддельные драгоценности, пока ими не заинтересовывался Аврорат.

Гермиона прислала большую, с меня, мягкую игрушку -- зеленую толстую змею с желтым пузом. Ее вполне можно было использовать вместо подушки.

Рон прислал пять шоколадных лягушек и брелок-нетеряйку

(потерянные ключи сами возвращались к владельцу), Бесси прислала копилку-жука, Бри -- книжку со сказками, прочие ребята -- всякую дребедень и сладости.

Папа подарил мне маленькое золотое колечко с искоркой-рубином, при виде которого я чуть не расплакалась -- это было то самое, которое он так и не успел подарить маме.

Родители Драко презентовали два красивых гребешка из драконьей кости -- довольно дорогое украшение, оберегающее владелицу от мигреней...

-- Ух, замечательно! -- восхитился Драко, распаковав мой подарок. Еще бы -- на каждой бусинке его инициалы, а Драко не чуждо самолюбование...

-- Да на здоровье, -- отозвалась я, разворачивая метлу от Сириуса. Чего и стоило ожидать: самая последняя модель, жалко, в Хогвартс нельзя привезти.

-- А это от кого?

-- Не знаю, -- последним остался сине-звездный сверток.

-- Чар на нем нет -- иначе в поместье он бы попросту не попал, -- Драко решительно рванул обертку и вытащил нечто серое, искристое, словно иней под солнцем.

-- Мантия, -- разочарованно пробурчал он. -- Вроде ничего, только здоровая-а... На взрослого мужика. Хороший подарочек, -- он набросил ее на меня, чтобы в следующий момент завопить:

-- Гарри, где ты?!

-- Дурацкие у тебя шуточки, -- я сняла тонкую ткань с головы и Драко округлил глаза.

-- Ну нифига ж себе! Иди сюда, -- он подтащил меня к зеркалу, и ахнула уже я. Видно было только мою голову, а остального тела не было, словно я вдруг стала частично прозрачной.

-- Мантия-невидимка! Ты представляешь, сколько это стоит? Ну-ка, ну-ка, кто у нас колдопортной? -- Драко полез осматривать подкладку на предмет монограммы: здесь одежду метили не ярлычками, а вышитыми снизу на поле одеяния инициалами или личным знаком портного. Например, у мадам Малкин это были серебряные ножницы, а ее лондонская конкурентка фрау Шнайдер везде ставила вычурную букву "Ш".

-- Метки нет, -- развел руками Драко. Я сунула руки в карманы и нащупала сложенный листок.

-- "Когда-то твой приемный отец отдал мне эту мантию на хранение. Так что это не подарок."

-- Подпись есть? -- живо заинтересовался Драко, выхватывая у меня листок. -- "АБВПД". Это что за абракадабра?

-- Альбус Брайан Вульфрик Персиваль Дамблдор.

-- Вот это имечко! За что его так невзлюбили папа с мамой? -- пробормотал мой друг. Я полностью разделяла его мнение: у самого Драко имя было хоть и необычное, но красивое и не грузное. Кажется, есть такая традиция у Блэков: называть детей именами созвездий, или же цветочными именами...

-- Значит, мантия принадлежала Поттеру? Знаешь, мне кажется, что это семейная реликвия. Я читала, что великие мастера не помечали свои работы -- им было незачем, а раз сейчас нет ни одного колдопортного, который не ставит метку...

-- Их и раньше не было, -- перебил меня Драко. -- Метку могли не ставить оружейники, ювелиры, но не портные. Разве что это... Ох! -- я думала, Драко не умеет бледнеть. Куда уж бледнее, если его кожа и так наводит на мысль о фарфоре. Оказалось, бледность в исполнении Малфоя-младшего -- это прозрачность, довольно-таки устрашающее зрелище для моего детского воображения... Конечно, я не увидела сквозь Драко противоположную стену -- зато увидела синие венки на висках, лихорадочно бьющиеся под тонкой кожей.

-- Отомри, -- попросила я.

-- Ты знаешь, что такое Дары Смерти?

-- Нет... А должна?

-- Это сказка. Детская сказка -- или, по крайней мере, эту историю таковой считают. -- Драко взял в руки книжку, так удачно подаренную мне Бри, полистал и развернул на нужной странице. Ткнул пальцем:

-- Читай.

-- " Жили-были трое братьев, и вот однажды отправились они путешествовать. Шли они в сумерках дальней дорогой и пришли к реке. Была она глубокая — вброд не перейти, и такая быстрая, что вплавь не перебраться. Но братья были сведущи в магических искусствах. Взмахнули они волшебными палочками — и вырос над рекою мост. Братья были уже на середине моста, как вдруг смотрят — стоит у них на пути кто-то, закутанный в плащ.

И Смерть заговорила с ними. Она очень рассердилась, что три жертвы ускользнули от нее, ведь обычно путники тонули в реке. Но Смерть была хитра. Она притворилась, будто восхищена мастерством троих братьев, и предложила каждому выбрать себе награду за то, что они ее перехитрили.

И вот старший брат, человек воинственный, попросил волшебную палочку, самую могущественную на свете, чтобы ее хозяин всегда побеждал в поединке. Такая волшебная палочка достойна человека, одолевшего саму Смерть! Тогда Смерть отломила ветку с куста бузины, что рос неподалеку, сделала из нее волшебную палочку и дала ее старшему брату.

Второй брат был гордец. Он захотел еще больше унизить Смерть и потребовал у нее силу вызывать умерших. Смерть подняла камешек, что лежал на берегу, и дала его среднему брату. Этот камень, сказала она, владеет силой возвращать мертвых.

Спросила Смерть младшего брата, чего он желает. Младший был самый скромный и самый мудрый из троих и не доверял он Смерти, а потому попросил дать ему такую вещь, чтобы он смог уйти оттуда и Смерть не догнала бы его. Недовольна была Смерть, но ничего не поделаешь — отдала ему свою мантию-невидимку ».

Тогда отступила Смерть и пропустила троих братьев через мост. Пошли они дальше своею дорогой, и всё толковали промеж собой об этом приключении да восхищались чудесными вещицами, что подарила им Смерть.

Долго ли, коротко ли, разошлись братья каждый в свою сторону.

Первый брат странствовал неделю, а может, больше, и пришел в одну далекую деревню. Отыскал он там волшебника, с которым был в ссоре. Вышел у них поединок, и, ясное дело, победил старший брат — да и как могло быть иначе, когда у него в руках Бузинная палочка? Противник остался лежать мертвым на земле, а старший брат пошел на постоялый двор и там давай хвастаться, какую чудо-палочку он добыл у самой Смерти, — с нею никто не победит его в бою.

В ту же ночь один волшебник пробрался к старшему брату, когда он лежал и храпел, пьяный вдрызг, на своей постели. Вор унес волшебную палочку, а заодно перерезал старшему брату горло.

Так Смерть забрала первого брата.

Тем временем средний брат вернулся к себе домой, а жил он один-одинешенек. Взял он Камень, что мог вызывать мертвых, и три раза повернул в руке. Что за чудо — стоит перед ним девушка, на которой он мечтал жениться, да только умерла она раннею смертью.

Но была она печальна и холодна, словно какая-то занавесь отделяла ее от среднего брата. Хоть она и вернулась в подлунный мир, не было ей здесь места и горько страдала она. В конце концов средний брат сошел с ума от безнадежной тоски и убил себя, чтобы только быть вместе с любимой.

Так Смерть забрала и второго брата.

Третьего же брата искала Смерть много лет, да так и не нашла. А когда младший брат состарился, то сам снял мантию-невидимку и отдал ее своему сыну. Встретил он Смерть как

давнего друга, и своей охотой с нею пошел, и как равные ушли они из этого мира", -- внезапно охрипшим голосом закончила я. -- Думаешь, это правда? Насчет Даров?

-- Сказка сказкой, но она ведь не на пустом месте возникла. Нужно покопаться в библиотеке -- вдруг что-то найдется. Нелл!

-- Слушаю, хозяин Дракo, -- с легким хлопком у двери материализовался его личный домовик.

-- Дуй в библиотеку и сложи отдельной стопочкой все книжки, в которых упоминается о Дарах Смерти. Принесешь ко мне в комнату.

-- Сию минуту, -- домовик смешно поклонился и исчез.

Сразу после завтрака мы засели в спальне Драко и принялись просматривать литературу. Книг оказалось неожиданно мало: всего с десяток, и ничего конкретного там не было написано. Так, голословные рассуждения, пересказы легенды и множественные рисунки, изображающие Дары Смерти, правда, все разные.

-- Подытожим, -- предложил друг. -- Палочка сделана из бузины и приносит несчастье своему владельцу: никто из них не умирал своей смертью. Воскрешающий камень, судя по всему, представляет из себя обыкновенный булыжник, и на самом деле никого не воскрешает, а делает высококачественных инфери. Самый невинный из Даров -- мантия, никакого подвоха и проклятия, и достался он тебе... Отцу расскажешь?

-- Расскажу. И Невиллу с Герми, -- я уже определила для себя круг лиц, которым я доверяла больше всего и собиралась доверять впредь. Так сказать, мой собственный Ближний круг, хе-хе...

-- Я, пожалуй, информацией делиться не стану, -- протянул Драко. -- Папа выжидает, так что докладывать ему нет смысла.

-- А ты? Что решил ты?

-- Я? Я буду поддерживать тебя до конца, -- серьезно заявил мне друг. -- Я... сон видел.

-- Какой сон? -- заинтересовалась я. Он помотал головой:

-- Не скажу. Не могу -- иначе он не сбудется, а я хочу, чтобы сбылся. Все мои сны сбываются.

-- Ну и ладно, -- не буду настаивать. Захочет -- расскажет, нет -- ну и не надо. Да и не столь важно, что там ему приснилось -- лишь бы он в это верил и был с нами.

Глава 21

Утром двадцать седьмого прилетела помятая сова и сбросила прямо в мою овсянку письмо от Ремуса Люпина.

-- "Доброго времени суток", -- зачитала я вслух. -- "Спасибо за поздравления и подарок, прости, что не смог ответить сразу же. Я с радостью принимаю ваше предложение и загляну к вам в обед.

Ремус Люпин."

-- Ну надо же, -- Сириус с удивлением рассматривал вяло трепыхавшуюся на полу сову. -- Не думал, что Луни стал настолько необязательным...

-- А когда он мог отписать? Я отправила ему посылку в канун Рождества. Очевидно, сова искала нас здесь -- хотя мы были у Малфоев, потом отправилась в мэнор и снова вернулась к нам. Бедняжка...

-- Теперь у меня в доме будет двое блохастых, -- проворчал папа -- оказывается, он знал о том, что Люпин оборотень, так что мое признание не стало для него неожиданностью.

-- Кикимер!

-- Да, госпожа, -- старый домовик неторопливо пришаркал из кухни, хотя все мои знакомые эльфы предпочитали аппарировать. Наверное, таким образом он хотел подчеркнуть свою дряхлость и заодно досадить мне медлительностью.

-- Приготовь к обеду шоколадный десерт и накроешь на четверых -- у нас гость.

-- Что предпочитает гость?

-- Пожалуй, что-то сытное. И когда-то бывшее как минимум четвероногим, -- заявил папа. Сириус лающе хохотнул:

-- Бифштекс с кровью -- Луни не откажется.

Домовик проскрипел:

-- С кровью -- одна порция?

Северус хмыкнул:

-- Я предпочитаю птицу или рыбу.

-- А я буду мясо, только зажаренное намертво, -- вряд ли полусырое мясо способно вызвать у моего желудка восторженный отклик. Крестный подытожил:

-- Выходит, что одна... но двойная.

Эльф недовольно скривился и пошаркал обратно в кухню. Надо же, какие мы нежные -- не желаем приготовить несчастный обед для четырех человек! Можно подумать, что он все будет руками делать. Я-то знаю, как хогвартские домовики готовят: щелкнул пальцами -- и ножи-сковородки сами по кухне прыгают, как живые.

Наверное, Сириус думал так же, потому что заявил:

-- Отправлю его на Гриммо, как только каникулы закончатся -- пусть ремонтом занимается. Лучше закажу себе маггловскую пиццу или в забегаловку схожу, чем буду на его мерзкую постную рожу глядеть.

После завтрака я камином отправилась к Драко -- мы условились испытать мою новую метлу, как только снегопад прекратится, и замечательно провела время до обеда. Потом я

вернулась домой и успела только снять зимнюю мантию.

Камин полыхнул зеленым и выплюнул на ковер полуседого тощего мужчину в покрытой заплатками одежде.

-- Мистер Люпин, -- обрадовалась я. -- Добро пожаловать!

-- Гарриэт, -- он выглядел потрясенным, и буквально не сводил с меня глаз. -- Ты так на нее похожа... О, прости, тебе, наверное, все это говорят...

-- Вообще-то чаще упоминают, что у меня мамины глаза, а о внешнем сходстве я слышу впервые.

-- Чем старше ты становишься, тем больше напоминаешь мне Лили, -- вмешался папа, входя в гостиную. -- Здравствуй, Люпин. Как здоровье? Что-то ты бледноват...

-- Я чувствую себя, как всегда в такое время, Снейп. Спасибо за приглашение, -- хотя в тоне Люпина я не заметила особой теплоты, но и никакого признака ненависти или злости не обнаружила. Скорее, уважение и ровное отношение. Впрочем, папа сам говорил, что Люпин никогда не принимал участия в забавах Мародеров...

-- Приглашала тебя моя дочь, так что не стоит благодарить меня, -- мужчины обменялись рукопожатиями. Я сбегала за Сириусом, и тот с порога бросился обнимать Люпина:

-- Луни! Рад тебя видеть! Сколько лет, сколько зим!

-- Десять, Бродяга.

-- Да уж, -- хохотнул Сириус. -- И они не прошли для тебя даром, -- он красноречиво окинул взглядом его фигуру.

-- Помнится, в школе ты не был таким тощим, Люпин, -- Северус не страдал излишком деликатности и предпочитал говорить прямо. Да уж, если у папы просто худощавое телосложение и узкие плечи, то Ремус явно постоянно недоедал. Интересно, чем зарабатывают на жизнь оборотни? Ой, я что, сказала это вслух? Я случайно... ну ладно, не случайно. Люпин застыл.

-- Сириус! Или это был ты, Снейп?

-- Да ладно вам! У меня что, не хватит ума сложить два и два? Крестный просто оговорился, а я сделала выводы. Послушайте, мистер Люпин, я ведь не просто так вас позвала, у меня к вам серьезный разговор и деловое предложение... Но сперва пообедаем: я только что с прогулки и зверски проголодалась.

Я все рассчитала верно: сытый Люпин был намного благодушнее и расслабленее Люпина голодного. А что он был голодным, так об этом явственно свидетельствовали съеденные им два бифштекса, две порции пудинга и полторта. Сириус, по-моему, специально заговаривал ему зубы, чтобы тот не стеснялся,

а Кикимер исправно подкладывал Люпину на тарелку добавку. Наверное, надеялся, что гость лопнет и хозяева огорчатся... Впрочем, Люпин не лопнул, и даже выдул две чашки чаю. Еще бы -- недавно было полнолуние, и он должен испытывать адский голод, истратив на трансформацию уйму энергии.

Перейдя в гостиную, мы наконец заговорили о делах. Первым стал спрашивать Ремус.

-- Сири, я безмерно удивлен: ты под одной крышей со Снейпом, и оба до сих пор невредимы. Как вам удалось?

-- Я пересмотрел свои взгляды на некоторые вещи, скажем так. Луни, вы там у себя газеты читаете?

Люпин удивился:

-- Мы -- это кто?

-- А разве ты не в Запретном лесу живешь? -- в свою очередь удивился Сириус.

-- Жил. Теперь я живу в Румынии, один, подрабатываю в драконьем заповеднике сторожем. Тамошние работодатели не столь привередливы -- им все равно, в кого я оборачиваюсь раз в месяц, лишь бы дело свое делал. Хотя платят не то, чтобы много... А газеты я читаю, один из наших выписывает "Придиру" и "Пророк".

-- Значит, представляешь, с каким скандалом меня оправдали и насколько пошатнулся престиж Министерства и Дамблдора, как главы Уизенгамота.

-- Представляю, -- осторожно сказал Люпин. Его глаза настороженно изучали нас троих, мужчина, видимо, пытался понять, что от него хотят и на что намекают.

-- А если бы тебе сказали, что в скором времени Дамблдор вообще будет свергнут с пьедестала?

-- То я, пожалуй, сказал бы, что очень этому рад. И могу посодействовать.

Тогда я рассказала Люпину все наши предположения и догадки, заодно упомянув о своей роли в Большом Заговоре. Люпин слушал внимательно, глупых вопросов, как в свое время крестный, не задавал, чем произвел на меня приятное впечатление. Теперь я верю, что в школьные годы у Мародеров был всего один на четверых мозг, и тот находился в тогда еще русой люпиновской голове (так папа любит говорить).

После моего рассказа настала очередь самого Ремуса.

-- Десять лет назад, когда стало известно о гибели Поттеров и исчезновении Волдеморта, я сразу бросился искать Сириуса. Квартира, которую он снимал тогда, была пуста, никто из друзей и знакомых не смог мне ничего объяснить. На следующий день вышел "Пророк", в котором говорилось об убийстве магглов и

Петтигрю, и о заключении Сириуса. Я сразу пошел к Дамблдору. Тот успокоил меня, пообещав разобраться, и вскоре прислал письмо. Мол, ошибка исключена, и Сири действительно виновен... Но я-то знал Сири как облупленного! Он даже Пожирателя ни одного не убил -- всегда целился по рукам и опутывал "Инкарцеро". Когда я пришел в Министерство и прпросил показать мне протокол судебного заседания, мне рассмеялись в лицо. Какой еще протокол, какое заседание? Глава Уизенгамота лично выносил приговор, убийцу и предателя сразу отправили в Азкабан -- как только схватили. Вот эта нестыковка меня и насторожила: зачем Дамблдор обещал разобраться, если он выносил приговор лично? Мог бы сразу сказать... Я тогда не решился требовать объяснений от Дамблдора. Аппарировал в Годрикову Лощину, поспрашивал соседей, орденцев... По всему выходило, что Сириус был здесь после гибели Поттеров, смотрел на разрушенный дом и клялся отомстить кому-то, а потом улетел на своем мотоцикле. С чего бы предателю клясться отомстить? К сожалению, близилось полнолуние, и я не мог ничего предпринять, так что я успел только посмотреть на предполагаемых опекунов Гарри. Информация о ее местонахождении, между прочим, досталась мне нелегко: никто ничего не знал. Молли упомянула, что девочку отправили к тетке, и мне пришлось перелопатить груды старых писем, пока я нашел то, в котором Лили упоминала о скором замужестве ее сестры. Знаете, сколько Петуний Дурсль было в Англии десять лет назад? Ровным счетом тысяча девятьсот девяносто. Из них девятьсот -- подходящего возраста (я не знал точно, сколько лет Петунии -- только то, что она старше Лили не больше чем на два года). А уже из этих девяти сотен четырнадцать были замужем за Верноном Дурслем. На шестой семье мне повезло -- я их нашел. Впечатление они производили крайне тягостное, и я решил, что после полнолуния попробую добиться хотя бы судебного разрешения регулярно навещать Гарри -- на правах старинного друга семьи. Я рассчитывал на помощь орденцев... впрочем, неважно. Едва я выздоровел, как мне пришлось срочно бежать из Англии -- меня разыскивали авроры как возможного пособника Сириуса. Где уж мне было заниматься опекунством! Тут смотри, чтобы собственая шкура цела осталась -- прошел слух, что меня разрешили брать в любом виде... Я сбежал во Францию, пожил с месяц в тамошней общине и был вынужден уйти -- меня все еще искали. Тогда я аппарировал в Македонию, потом в Албанию, Грецию... наконец, осел в Румынии. Тамошний драконозаводчик -- наш бывший сокурсник, Эйб МакКинли, помните такого? Он дал мне работу, правда, нелегально... У меня было достаточно

времени, чтобы подумать, так что я все раскладывал и так, и эдак, и выходило одно: директор играет в какую-то свою игру, и устранил нас с Сириусом, чтобы иметь возможность влиять на Гарри. Мне оставалось только выжидать, а потом, когда Гарри пойдет в школу, ползти на брюхе к Дамблдору и вымаливать прощение, всячески доказывая свою лояльность -- чтобы иметь возможность хоть издали наблюдать за ребенком Поттеров... А потом завертелась вся эта катавасия с признанием отцовства, и я уже мог не торопиться -- Снейпа я знаю достаточно хорошо, чтобы быть уверенным: за свою дочь он кому угодно горло перегрызет. Дальше был побег Сириуса, и я порадовался, что остался в Румынии: иначе и меня под шумок могли загрести. Когда Сири признали невиновным, я ликовал и собирал вещи -- сразу после полнолуния я собирался вернуться в Англию. Так что, как видите, я полностью разделяю ваши взгляды.

Сириус пытливо глянул на Ремуса:

-- Луни, где твои чемоданы? Я тут домик унаследовал, поможешь мне привести его в порядок?

Глава 22

На платформе 9 и 3/4 я радостно распрощалась сразу с двумя новообретенными родственниками -- крестным и Ремусом. Оборотень к концу каникул как-то незаметно стал из союзника дядюшкой -- если не родным, то уж двоюродным точно.

Сидя в вагоне и глядя на перрон, я вспоминала первое сентября и свою зависть к тем студентам, которых провожали родители -- кто бы мог подумать, что скоро мне повезет больше, чем им всем вместе взятым?

Папа предлагал аппарировать или воспользоваться хогсмидским камином, но я отказалась -- мне было интересней проехаться в "Хогвартс-экспрессе", поболтать с друзьями и полюбоваться пейзажами за окном.

Ко мне сразу же подсели Невилл и Гермиона, а минут через пять после того, как поезд тронулся, и Драко почтил нас своим присутствием. Пояснил:

-- Надо было проследить за Крэббом и Гойлом. Эти двое повстречались с Паркинсон, и теперь та щеголяет изумительным рогом во лбу -- на каникулах Гойл почти выучил олений сглаз... Ребятам понравилось, и они порывались колдануть еще чего-то, но я запретил. Зачем портить крестному первый послепраздничный день?

-- Да, они наколдуют -- что Паркинсон можно будет за деньги в цирке показывать, -- фыркнула Гермиона. Я не согласилась:

-- Они, конечно, ленивые и простодушные, но не криворукие. Их просто нужно правильно мотивировать -- и ребята еще

покажут, на что они способны.

Драко фыркнул:

-- Ничего подобного!

-- Спорим?

-- Спорим! На десять галлеонов.

-- Ладно, -- пожала я плечами. -- Десять так десять.

Мы пожали руки, Невилл разбил и сказал:

-- Зря ты с Гарри спорил, плакали твои денежки.

-- А вот и не зря, -- запальчиво возразил Драко. -- Я Крэбба с Гойлом всю свою жизнь знаю!

Что ж, Драко, значит, тебя ждет урок: лучше переоценить, чем недооценить...

Злая, как сотня корнуольских пикси, Панси Паркинсон встретилась нам только на перроне в Хогсмиде -- Буллстроуд отгоняла от нее любопытных, а сама Панси пыталась закрыться мантией. Выходило не очень -- развесистый олений рог рос прямо между глаз, и, закрывшись, девчонка автоматически переставала видеть дорогу перед собой. Похихикав над невезучей сокурсницей, Драко возглавил нашу компанию и повел к каретам -- ему раньше уже приходилось ездить в Хогвартс таким путем.

Кареты были как кареты: с хогвартским гербом на дверце, рассчитаны на четырех взрослых студентов, или шестерых таких мелких, как мы. Но вот скакуны, которыми они были запряжены...

Казалось, что этих "лошадок" не кормили никогда. Принципиально. Видели когда-нибудь мумию? Высохшую, сморщенную... но при этом глядящую на тебя живыми печальными глазами? Вот примерно такими и были лошадки, только в качестве бонуса шла пара крыльев, сложенных на спине на манер плаща. Как по заказу, один из впряженных в ближайшую карету скакунов расправил их и снова сложил -- крылья оказались нетопыриные. А что, логично -- сдует ветер такую коняшку, а она крылышки расправит, да и полетит, куда глаза глядят... Стая перелетных непарнокопытных. Сюрреализм -- Дали и не снилось.

-- А они не надорвутся?

-- Кто? -- недоуменно обернулся Драко.

-- Лошадки наши.

Теперь на меня таращились еще и Невилл с Гермионой.

-- К-какие лошадки? Кареты не запряжены, -- осторожненько подергал меня за рукав Невилл. Я изумилась:

-- Вы что, не видите? Тощие крылатые лошади с выпирающими ребрами! Да потрогайте же!

Решительно схватив за руку Невилла, я направилась к ближайшей упряжке и храбро потянулась к морде лошадки. Та оказалась бархатистой и теплой, вопреки моим опасениям, и я

заставила Невилла положить рядом со своей и его руку. Лошадка стояла смирно, только косила на меня печальным глазом.

-- Ой... И правда, невидимые... А почему ты их видишь, а мы не видим? -- Гермиона и Драко подошли следом и осторожно поглаживали невидимые бока. Невилл вытащил из кармана конфету, и животное аккуратно взяло ее губами.

-- Здорово, -- восхитился друг. -- Надо будет спросить кого-то из преподавателей или Хагрида -- наверняка запрягать лошадей входит в его обязанности.

Мы уселись в карету и всю дорогу всматривались в темнеющий за окошком лес, пытаясь увидеть тех страшных зверей, из-за которых нам было запрещено уходить дальше опушки. К сожалению, ни волков, ни даже лис нам не попалось, я уже не говорю об оборотнях или мантикорах.

Без приключений доехав до замка, мы оставили багаж в комнатах и поспешили в Большой зал. Спасибо Мерлину, обошлось без вступительной речи -- нас просто накормили ужином и раздали расписание: в этом семестре больше не было полетов, зато появилось несколько спецкурсов. Нам предлагали изучать геральдику, этикет и танцы (в скобках было указано, что занятия рассчитаны на четыре семестра). Я, не колеблясь, решила пойти на все три спецкурса, а Невилл буркнул, что и без геральдики проживет замечательно. Хорошо Драко -- он-то в этих занятиях не нуждается, у него до школы были гувернеры, успевшие научить его не только кушать правильной вилкой, но и еще целой куче того, что положено знать юному аристократу.

После ужина я зашла к папе, обсудила с ним расписание и договорилась о наших занятиях -- мы с Невиллом изучали окклюменцию, и хотели в свободное время помогать с приготовлением зелий для Больничного крыла.

Уже засыпая, я услышала тихий шорох. Выглянули из-за балдахина и ухмыльнулась: туфли крались к выходу. Как же хорошо в Хогвартсе!

Январь, февраль и март пролетели незаметно. Мы много учились, однажды мобилизовали второй и первый курсы, устроив битву снежками, следили за Квиррелом и приручали Пушка. Оказалось, псина любит яблоки и млеет, когда крайнюю правую голову чешут за ухом, а среднюю гладят по носу. Мы заводили знакомства с самыми различными студентами, и вскоре нас не знал только ленивый. Мы постепенно приучали Рона Уизли к мысли, что он сможет не только обыграть в шахматы любого хогвартского студента и оглушить тролля, но и сумеет стать самым авторитетным младшекурсником на Гриффиндоре. Рыжему явно нравились почет и внимание, так что он смирился с

необходимостью помогать и советовать, и вскоре был вознагражден -- папа лично дал Гриффиндору двадцать баллов за "достойную дрессуру". Рон сумел добиться дисциплины на уроках зелий, несмотря на подначки слизеринской компании, в которую входили Паркинсон, Буллстроуд и несколько подпевал (подозреваю, пообещал отвесить каждому по щелбану, но тем не менее...). Теперь гриффская половина класса сидела тихо и с каменными лицами крошила ингредиенты, пока Паркинсон сотоварищи изощрялась в словесных оскорблениях. К моему огромному сожалению, совсем заткнуть Панси не получалось никак -- ее папаша занимал одну из высоких должностей в Министерстве, и сковырнуть его можно было только с помощью Люциуса. Приходилось терпеть и выжидать, когда аристократ присоединится к нашей дружной команде, и тогда уже вершить свою маленькую месть.

В апреле Хагрид снова пожаловался, что кто-то убил единорога и выпил всю кровь. Мы пришли посмотреть на детенышей фестралов -- тех самых невидимых лошадей, что так поразили нас в первый день семестра. Оказалось, что фестралов могут видеть только те, кто своими глазами видел смерть -- а мне довелось видеть смерть матери, хоть я этого и не помнила. Несмотря на устрашающую внешность, животные оказались на редкость дружелюбными и флегматичными, обожали сладкое и Невилла -- потому, что у него сладкого всегда были полные карманы. Хагрид всегда охотно принимал нас у себя, поил чаем из огромных кружек и угощал кексами собственного приготовления: страшненькими, но вкусными. Гермиона однажды пошутила, что хагридова выпечка похожа на самого лесничего -- "на лицо ужасная, добрая внутри".

-- Вы эта, извиняйте, только я сегодня малость занят, -- сказал нам с порога полугигант. -- Мне в лес надобно, приглядеть...

-- Что-то случилось? -- Гермиона сегодня была настроена благодушно и, кажется, собиралась предложить свою помощь. Ну да, так и есть:

-- Может, мы чем-то поможем?

-- Это вряд ли. Кровопивец какой-то объявился, единорогов убивает. Такое чистое, доброе создание, у кого только рука поднялась!

-- Кровопивец? -- вампир, что ли?

-- Ну да. Всю кровь высасывает. Единорожья кровь, она ото всех болезней спасти могет -- да только лучше умереть, чем так спасаться. Это же проклятие страшное -- убить единорога, м-да...

Хагрид скоро ушел, а я поняла, что развязка не за горами. Если Квиррел добывает для своего хозяина единорожью кровь,

значит, тот страстно желает возродиться и воспользуется любой возможностью, чтобы заполучить философский камень.

А месяц спустя все это и произошло.

Хагрид выиграл в карты яйцо дракона. Сперва я не обратила внимания на сей интересный факт: ну выиграл и выиграл, но Люпин как раз прислал письмо, в котором упоминалось, что их питомник как-то купил яйцо Китайского Огненного Шара за три тысячи галлеонов, и я задумалась. Какова вероятность того, что незнакомец с драконьим яйцом в кармане сядет играть с Хагридом в карты? Какова вероятность того, что он решит поставить яйцо на кон? И проиграет?

Я отправилась за объяснениями. Хагрид грел яйцо в камине, поминутно переворачивая его большими щипцами.

-- А, Гарри! Хорошо, что ты зашла. Скоро вылупится, представляешь?

Не хотелось разочаровывать лесника, но...

-- А ты знаешь, что не сможешь оставить дракона себе? Придется переправить его в питомник -- иначе рано или поздно кто-то донесет и министерские отправят тебя в Азкабан.

Лесник погрустнел:

-- Знаю я, знаю. Я уже написал Чарли Уизли, он заберет драконеныша сразу, как тот вылупится.

-- Хагрид... а как выглядел тот человек, что проиграл тебе яйцо?

-- Ну... В капюшоне, в черной мантии... Так хорошо встретить человека, который любит зверушек! Посидели, поговорили... Я ему: "Любую зверушку можно приручить, ежели найти верный подход", а он: "Особенно ежели знаешь, чего она любит". Я ему и сказал, мол, уж на что злой мой Пушок, а поиграй ему на дудочке -- и уснет, что твой ребенок.

Мое сердце пропустило один удар. Я почему-то не сомневалась, что тем незнакомцем был Квиррел, и теперь ему известно, как пройти мимо цербера. Следя за преподавателем ЗОТИ, мы выяснили, что он все время терся рядом то с одним, то с другим профессором, а потом вдруг резко переставал -- несомненно, выяснив, как обойти его ловушку. Оставалось только найти способ миновать папину и хагридову -- и взять камень.

Ужаснувшись своей догадке, я молнией полетела к папе. Значит, остается только его препятствие -- и один шаг до камня!

Папы в кабинете не оказалось. Равно как и в лаборатории, в Большом зале и слизеринской гостиной. Зато я нашла Драко, сообщившего, что видел, как профессор Снейп направлялся к границе антиаппарационной зоны...

Рассказав о своей догадке друзьям, я попросила совета: мне

не хотелось идти к кому-нибудь из преподавателей или директору, ведь никаких доказательств мы не имели, а кто поверит на слово ребенку?

-- М-можно сидеть под мантией у комнаты с Пушком и следить, -- предложил, волнуясь, Невилл. -- А когда о-он придет, шарахнуть его чем-то по башке.

-- Лонгботом, ты, никак, с Крэббом и Гойлом переобщался, -- хихикнул Драко. Невилл покраснел:

-- Что, есть идеи получше?

Идей получше ни у кого не оказалось. Взяв мантию, мы направились к церберу, намереваясь проверить, все ли в порядке.

-- ...куда вы так торопитесь, мисс Брокльхерст? -- и как у нее так выходит? Макгоннагал никогда не орет, но слышно ее в соседнем коридоре. Магия, не иначе.

-- К директору, профессор. Мне нужно согласовать...

-- Согласуете завтра. Директора нет.

Я повернулась к друзьям:

-- Дамблдора нет! Вы понимаете, что это означает?

-- Что сейчас идеальный момент для кражи камня!

Мы сорвались с места и побежали, не скрываясь, затормозив только у лестницы на третий этаж. Проследив, чтобы нас никто не увидел, накинули мантию и свернули в запретный коридор.

-- Слышите музыку? -- Драко навострил уши. -- Арфа.

-- Пушка усыпляет музыка, -- я похолодела. -- Быстро!

Пес действительно спал, положив среднюю голову на вытянутые лапы. Крайним головам достался каменный пол, и спали они не так глубоко: левая открыла один глаз, увидела снявшего мантию Невилла и заснула опять, узнав мальчика. Я свернула мантию и сунула за пазуху:

-- Люк открыт!

Действительно, люк, охраняемый цербером, был открыт, а рядом с ним стояла зачарованная арфа, исполняющая нечто на редкость заунывное.

-- "Элегия" Рахманинова, -- узнал Драко. -- Интересно, вообще-то это для фортепиано, но...

-- Потом, -- перебила его Гермиона. -- Прыгайте!

Мы друг за дружкой попрыгали в открытый люк и угодили прямо в объятия Дьявольских силков -- как любезно сообщил нам Невилл, с восторгом рассматривая сей дивный образчик флоры. Флора пыталась обнять нас покрепче, как давно не виденных родственников, и я спросила как можно спокойнее:

-- Невилл, дружище, что нам делать с этим растеньицем?

-- А, да все просто... -- к моему ужасу, лианы-щупальца утянули Невилла куда-то вглубь, и его голос донесся уже снизу:

-- Расслабьтесь, и они вас не тронут.

Бледный до зелени Драко потерял сознание и был немедленно утянут вслед за Лонгботтомом, третьей нырнула Гермиона, бормоча что-то про третий закон Ньютона, и я услышала ее радостный возглас:

-- Гарри, это не страшно!

Зачем-то глубоко вдохнув, я постаралась не двигаться, и в следующую секунду стояла рядом с друзьями. Герми приводила в чувство Драко, Невилл с любовью рассматривал растение, шепча: "... семейство крестоцветных... ". Дурдом на выезде. И ведь никому не сказали, где мы, и папе записку не оставили... Голову мне оторвать мало за такое -- и оторвут ведь, как пить дать оторвут. Вот вернется папа -- и оторвет, а если не оторвет, то Люциус постарается, за то, что подвергла опасности его единственного наследника.

Единственный наследник застонал и сел, пытаясь сфокусировать мутный взгляд.

-- Драко, ты идешь обратно и ждешь профессора Снейпа, -- решительно сказала я. Тот хотел было возмутиться, но глянул вверх, прикинул, какие ужасы могут нас ожидать в дальнейшем, и согласился.

-- Я пошлю ему сову. И Дамблдору, пожалуй, тоже.

Гермиона наколдовала луч света, Дьявольские силки с недовольным шипением расползлись в стороны и я смогла с помощью Вингардиум Левиосы поднять Драко к люку. Он помахал нам рукой:

-- Нормально! Я побежал.

Две минуты бега по темному коридору -- и мы в высоченном зале с арками, где летает и жужжит нечто, весьма похожее на огромных пчел.

-- Ключи! -- восклицает Гермиона. Действительно, ключи. На стрекозиных крылышках, разнокалиберные такие... Невилл указал в дальний угол:

-- Там дверь. Нам что, придется искать ключ? Да на это куча времени уйдет...

Попробовав "Аллохомору", Гермиона пожала плечами:

-- Не выходит. Ну-ка, глядите, ключ должен быть старым, как и замок.

Мы задрали головы к потолку и принялись высматривать эту маленькую летающую пакость. Ключ, с трудом удерживающийся в воздухе на покрученных крылышках, заметила я. Этот инвалид старался забиться в угол и отнюдь не желал, чтобы его ловили -- от моей протянутой руки он улизнул с грацией пьяной балерины. Я попробовала "Акцио" -- безрезультатно.

-- Вот! -- Герми с торжественным лицом вручила мне вынутую неизвестно из какого пыльного угла метлу. Прутья в ней держались на честном слове, на древко намоталась паутина -- словом, не метла, а мечта квиддичиста. Невилл скривился:

-- Фу, как на таком летать можно? Этой метлой даже двор подметать стыдно!

-- Квиррел взлетел -- и у нас выйдет. Давай, Гарри, действуй.

Ну да, кто же еще... Я вздохнула, села на это допотопное средство передвижения и оттолкнулась. Мои ожидания не оправдались -- метла летела хоть и медленно, но уверенно, и косокрылый паралитик становился все ближе...

-- Ловите! -- я поймала ключ и перебросила друзьям. Гермиона кинулась отпирать, а я заложила крутой вираж, уходя от роя разъяренных ключиков -- тем очень не понравилось, что я сцапала их собрата. Едва я влетела в раскрытую настежь дверь, как Невилл захлопнул ее -- и хорошо сделал: в обратную сторону двери часто и дробно застучали, словно дротики втыкались в дартс. Я передернула плечами: еще немножко, и в роли мишени выступила бы моя спина...

-- Ну и гадость, -- выразилась Гермиона.

-- Полностью согласна. Выдумать такое препятствие -- надо быть больным на всю голову. Интересно, кто это потрудился?

-- Да я не о том, -- подруга ткнула пальцем в сторону, и Невилл, проследив за направлением, поспешно зажал нос: на полу валялся дохлый тролль.

-- Это точно было квиррелово препятствие, -- сказал он. Я пригляделась и узнала старого знакомца:

-- Ребята, да это же тот самый, что напал на меня на Хэллоуин!

-- Еще скажи, что он здесь с Хэллоуина и лежит, -- фыркнула Гермиона. Невилл пожал плечами:

-- Может, и лежит. Откуда нам знать, как положено разлагаться троллю?

Миновав вонючую гору мяса, мы попали в следующий зал, уставленный исполинскими фигурами, в которых мы с удивлением узнали знакомых по шахматной доске пешек, ферзей, слонов... Пол был раскрашен черно-белыми квадратами, позади черного воинства виднелась дверь. Попытавшись прошмыгнуть между фигурами, мы потерпели поражение: ближайшая пешка вынула меч и недвусмысленно дала нам понять, что проход воспрещен.

-- Кажется, нам придется сыграть, -- обреченно сказала Гермиона. -- Нам бы сюда Уизли...

-- Ничего, у нас есть Невилл. Он даже Рона обыграл --

дважды.

Мы во все глаза уставились на беднягу Невилла, чем окончательно того смутили.

-- Ну, я... Я попробую.

Странная это была партия: я вместо пешки, Гермиона -- ладья, сам Невилл забрался на спину коню, чтобы обозревать поле битвы подобно полководцу. Не знаю, кто зачаровал черные фигуры, но играли они здорово -- меньше чем за четверть часа сожрали половину наших, допустив при этом только одну ошибку. Я заметила, что Невилл бережет меня и Гермиону, и сердито крикнула ему со своего края доски:

-- Если ты ничего не сделаешь, мы не пройдем! Сделай ход ферзем, а потом жертвуй ладью! Прости, Гермиона.

-- Гарри права, -- присоединилась ко мне подруга. -- Нам надо выиграть! Мне ведь ничего не грозит на самом деле!

Невилл побледнел, но сделал, как я ему сказала, и вражеский ферзь взмахнул мечом, метя по Гермионе. Та пригнулась и кубарем скатилась с доски. Невилл хотел было броситься за ней, но я остановила его:

-- Стоп! Партия не окончена.

Сделав один шаг, я оказалась на последней линии -- и объявила черному королю шах и мат. Меч выпал, громко лязгнув, из одетых в рыцарские перчатки рук, и Невилл слетел со своего коня, бросившись к Гермионе. Та застонала и села, ощупывая лодыжку.

-- Ничего страшного, просто ударилась о кусок разбитой ладьи, -- улыбнулась она вымученно. Я наложила обезболивающее заклятье, как учил папа, и заявила:

-- Дальше я пойду одна. Хватит вам рисковать.

Невилл упрямо помотал головой:

-- Нет. Гермиона останется, но я пойду с тобой до конца. Мы же вместе, правда?

-- Один за всех, и все за одного, -- Гермиона была серьезна, как никогда. Я уже знала, откуда эта фраза, и подтвердила:

-- Именно так. Хоть мы и не мушкетеры, но девиз мне нравится.

Устроив подругу поудобнее и дав ей свои мантии, чтобы не замерзла на холодном полу, мы направились к двери. Тонкая блузка и жилетка почти не грели, и я позволила себе немножко помечтать о теплом пламени камина... Ох ты ж, Модред тебя раздери! Правду говорят, бойтесь своих желаний...

За дверью бушевал огонь. Три квадратных метра свободного пространства, посреди которого помещается столик, а дальше -- огненная стена.

-- Это волшебное пламя, -- Невилл поежился. -- Может, подождем профессора Снейпа?

Он хотел выйти за дверь, но та вдруг тоже вспыхнула огнем.

-- Ну вот... Мы застряли...

Я тем временем рассматривала выстроенные в ряд на столе разнокалиберные бутылочки, прикидывая, что же придумал папа. Под столом валялся пергамент, достав который, я прочла:

-- "Дано: семь бутылок в ряд,
В двух из них вино, в трех -- сильнейший яд.
Одна вперед отправит, еще одна -- назад,
И слева от вина в фиалах налит яд.
В крайних бутылках налито не одно и то ж,
Но если вперед ты хочешь, то зелья не найдешь.
Ни в большой, ни в малой яду не найти:
Надеюсь, удалось мне сбить тебя с пути?
Из второй слева или второй справа глотнешь --
Эффект выйдет одинаков, но лучше их не трожь.
Один лишь шанс вернуться, проще пойти вперед.
Глотай лишь аккуратно -- в бутылках жидкий лед."

Невилл прошелся вдоль стола и потрогал пальцем бутылочки:

-- Гарри, у волшебников с логикой плохо. Тут я тебе не помощник.

-- Ну, папа, я тебе припомню твою задачку... Значит, в левых -- яд, в крайних -- разные жидкости, но вперед не отправят... А, поняла! Смотри, самая маленькая бутылочка даст возможность вернуться, а самая большая -- пройти вперед, но из нее явно отпили, так что хватит лишь одному.

Я схватила маленькую бутылочку и сунула в руки Невиллу:

-- Пей и возвращайся. Позаботься о Гермионе, а я не пропаду.

Невилл не стал спорить, только обнял меня и шепнул:

-- У тебя все получится.

Мы одновременно глотнули и сказали враз осипшими голосами:

-- Точно лед!

Рассмеялись и шагнули каждый к своей двери.

За моей дверью был озадаченный Квиррел. Он стоял перед огромным зеркалом в бронзовой раме и что-то бормотал под нос, простукивая стекло.

-- А, малышка Гарри, -- обернулся он. -- Добро пожаловать!

-- Дамблдор предупрежден, -- сказала я. Квиррел рассмеялся:

-- К тому времени, как он вернется, камень уже будет у меня... ты ведь знаешь, что я ищу, верно?

-- Знаю, -- я решила потянуть время. -- Зачем вы помогаете

этому бесплотному неудачнику?

-- Дерзкая девчонка! Свяжи ее!

Шипящий голос словно тронул невидимую струну у меня в голове, и шрам запульсировал неслыханной до того болью.

-- Инкарцеро!

Веревки опутали меня, как диковинный кокон.

-- Мой господин... Я прошел все испытания, осталось одно -- но я не понимаю. Что мне делать? Разбить зеркало?

Шипящий голос был здорово раздражен:

-- Это зеркало показывает желания! Что ты видишь?

-- Я протягиваю вам камень, мой господин...

-- Девчонка! Используй девчонку!

Меня подтащили к зеркалу и приказали смотреть. Что, логично: я не хотела использовать камень, я хотела только его найти -- значит, смогу увидеть, где он спрятан.

В зеркале отразилась только я, не связанная веревками, изрядно взъерошенная и запыленная. Квиррел за моей спиной нетерпеливо спросил:

-- Что ты видишь?

-- Себя... -- тут мое отражение сунуло руку в карман юбки, достало неправильной формы алый кристалл и перекинуло с руки на руку. Усмехнулось и снова сунуло в карман, подмигнув напоследок. Черт, черт...

-- Я на выпускном балу, меня называют лучшей ученицей школы, -- быстро затараторила я, но шипящий голос насмешливо прервал меня:

-- Ложь. Мой верный слуга, дай мне увидеть ее.

Квиррел медленно размотал свой дурацкий тюрбан и я увидела у него на затылке второе лицо: бледное, безносое, тонкогубое и красноглазое.

-- Плохо выглядишь, Волди, -- ляпнула я. Волдеморт перешел на ультразвук:

-- Из-за тебя я вынужден влачить жалкое существование! Мерзкое животное, грязнокровка!

-- Четвертькровка, -- поправила я его. -- Что тебе так чистокровность покоя не дает? Небось, сам-то -- бастард?

-- Ты-ы-ы! -- взвыл Его Темнейшество. -- Фините инкантатем! Экспеллиармус!

Веревки упали, моя палочка вылетела из кобуры и приземлилась где-то в углу.

-- Что теперь? Поиграем в догонялки? -- я живо кинулась за зеркало, а двуликий Квиррел принялся обстреливать меня заклятьями.

-- Стой! Она нужна мне! Хватай ее!

Логика -- как у флобберчервя. Зачем тогда было развязывать?

Впрочем, схватить себя я позволила -- только затем, чтобы представить, будто мои ладони раскаляются до огромной температуры, и охватить ими голову профессора ЗОТИ. Тот дико завыл и рассыпался прахом, а из кучки праха вылетел прозрачный Волдеморт в чем-то вроде савана, раззявил рот, будто глотнуть меня вздумал, и прошел сквозь, истаяв в воздухе. Кажется, это становится традицией для меня -- развоплощать Волдеморта.

И тут я оступилась на выщербленном полу, больно приземлившись на попу и подвернув ногу. Доползла до палочки, трансфигурировала платок в табурет и стала ждать спасения, перекидывая с руки на руку философский камень. Занятная штучка, между прочим, красивая: мутное основание, и прозрачная верхушка, середка проросла матовыми иглами... Куда его теперь? Дамблдору отдать? А вот фига!

Я оторвала пуговицу, придала ей вид алого кристалла и сняла туфельку с пострадавшей ноги. Размахнулась посильнее -- и хряснула стальной набойкой прямо по камешку, добросовестно растерев его в пыль. Теперь последний штрих: трансфигурировать из огрызка карандаша палочку, похожую на профессорскую, и сломать ее.

-- А вот и кавалерия, -- пробурчала я себе под нос, услышав топот ног за дверью. Мигом уничтожила табурет, легла на пол в живописной позе морской звезды, картинно разбросав руки-ноги, и, послюнявив палец, нарисовала себе дорожки от слез на закопченной физии. Откашлялась и зарыдала, словно подбитая из рогатки чайка.

-- Девочка моя! -- сразу включился в игру подбежавший папа. Он-то прекрасно знал, как я тренировала перед зеркалом "правдоподобный" плач. Подхватил меня на руки и осторожно ощупал на предмет переломов, одновременно шипя:

-- Я вам говорил, что не стоит прятать камень в Хогвартсе, а вы меня не слушали! Говорил, что Квиррел не внушает мне доверия, а вы отмахивались! Девочка моя, ты цела?

-- Нога-а... Я сломала ногу-у-у! Он хотел меня у-убить! А-а-а! -- моей истерике позавидовал бы и Дадли. Дамблдор тем временем обозрел поле битвы и невозмутимо спросил:

-- А где профессор Квиррел?

-- Та-ам! -- ткнула я пальцем в кучку пепла. -- Он дотронулся до меня и обжегся, а потом р-раз! И нету-у... И камень ваш испортился -- он в него заклятьем каким-то попал!

-- Мы узнаем, что это было за проклятье, -- Дамблдор поискал взглядом квирреловскую палочку. Папа показал ему обломки:

-- Боюсь, "Приор Инкантатем" не сработает. Моей дочери нужна срочная медицинская помощь, я, с вашего позволения,

удалюсь.

Оставив Дамблдора и не проронившую ни единого слова Макгоннагал рассматривать останки Квиррела, мы удалились. Только в зале с шахматами папа спросил:

-- Как ты?

-- Подвернула ногу. Будем теперь вместе с Гермионой хромать. А где ты был?

-- Помфри срочно понадобилась полынная настойка, а у меня закончился сушеный драконий помет.

-- Фу-у... Ну и гадость... Северус, ты на меня сердишься?

-- Нет, конечно, нет, ребенок! Я слишком хорошо тебя знаю. Должен сказать, что ты молодец -- если бы не Драко, я бы не вернулся так быстро. Хотя седых волос у меня прибавится, это точно...

-- Прости меня, -- покаянно зашептала я. Мне действительно было жаль, что я заставила папу нервничать. Если бы был другой способ остановить Квиррела, я обязательно им воспользовалась бы. Вспомнив о камне, я сунула руку сперва в карман юбки, а потом в карман папиной мантии.

-- Это тебе -- трофей. Может, на декокт какой сгодится...

Папа молча прижал меня к себе и поцеловал в макушку. Я довольно улыбнулась: Квиррел мертв, камень у нас, и папа на меня совсем не злится. Жизнь прекрасна

ЧАСТЬ 2

Глава 1

Жизнь действительно прекрасна -- особенно если лето ты провела не попой кверху на дурслевской клумбе, а в уютном летнем домике четы Малфоев на морском побережье.

Учебный год закончился без приключений, на прощальном пиру Хаффлпаффу начислили кучу призовых баллов, так что Большой Зал украсился символикой нашего факультета, а Паркинсон скривилась, словно съела по меньшей мере десяток лимонов. На ее арбузно-полосатой роже такое выражение смотрелось вдвое смешней -- ровно третьего января новенькие сережки Панси пустили корни ей в уши, и слизеринке пришлось весь семестр вместо тыквенного сока пить гербицид (хотя еще неизвестно, что вкуснее...). Зелье действовало верно, но медленно, так что чудная зелено-желтая кожа и реденькие листики украшали голову моей "подколодной" подруги аж до середины следующего сентября...

Распрощавшись с друзьями, я сперва отправилась погостить к крестному -- он наконец-то закончил ремонт на Гриммо, 12 и теперь жаждал похвастаться. Вышло вполне ничего, уютненько, только вряд ли стоило вешать над камином огромное

гриффиндорское знамя -- но это дело вкуса. Висит же у папы в кабинете чье-то костлявое чучело...

Домик у крестного оказался большой и закоулистый, я целый день бродила по комнатам и пыталась сообразить, сколько в него гостей поместится: каждый раз выходило новое число. Не удивлюсь, если окажется, что дом обладает собственным сознанием и может отращивать комнаты по своему желанию. По крайней мере, библиотек я видела две, хотя Сириус божился, что "выкинул к чертям собачьим все эти гримуары в телячьей коже". Кстати говоря, мне показалось, что отнюдь не все книги в фамильной блэковской библиотеке были обиты именно телячьей кожей...

Ремус с позволения друга-Мародера оборудовал себе уютненький подвальчик с мягкими стенами и тюфячком, и поселился вместе с крестным -- чтобы, как он выразился, приглядывать за ним. Ну и отлично: теперь не придется беспокоиться, что Люпин умрет с голоду, а крестный влипнет в какую-нибудь историю. Судя по тому, что мне рассказывал сам крестный, влипать в истории он был мастер, и не свернул себе шею только потому, что его вовремя вытаскивал Люпин.

Сириусу бы жениться, да только я слабо представляла себе, что за женщина согласится терпеть моего взбалмошного родственника, рожденного с шилом в... гм, просто с шилом.

После того, как папа закончил все свои дела, мы вчетвером отправились к Малфоям, и оставались у них до конца июля, наслаждаясь ничегонеделаньем и дуракаваляньем. Лорд Малфой ничего конкретного мне так и не ответил, но поглядывать стал куда благосклонней. По-моему, он что-то задумал, но вот что...

Решив не портить себе отдых, я забросила все планы и заговоры и целыми днями валялась на солнышке, купалась или летала наперегонки с Драко. Мы решили в следующем году попробоваться в свои квиддичные команды, я -- ловцом, а он -- загонщиком.

Свой двенадцатый день рождения я встречала в Спиннерс-энд, с родными и друзьями, а потом снова отправилась в гости к крестному -- под предлогом подготовки домашних заданий я собиралась запустить лапки в его библиотеку. И не разочаровалась: там оказалась масса любопытнейших заклинаний, правда, большей частью откровенно черномагических. Разучив с полсотни мелких, но крайне неприятных сглазов, которые не квалифицировались как запретные (по-моему, только ввиду их древности и нераспространенности), я сагитировала Сириуса и наконец-то наведалась к Дурслям. Ничего серьезного, просто семь лет

невезений -- кому придет в голову, что их проклял ребенок? Зато теперь Дурслям гарантированы веселые деньки: банановая кожура сама будет попадаться под ноги, автобусы -- уезжать перед самым носом, краны -- ломаться, душ -- поливать кипятком, а продукты -- портиться с невообразимой скоростью.

В общем, лето прошло замечательно: я подросла на семь сантиметров, загорела почти до черноты и чувствовала себя так хорошо, как никогда.

Казалось, ничто не предвещает беды, но...

В примерочную маггловского магазина, где я мерила юбку, трансгрессировал незнакомый мне домовой эльф. Я взвизгнула от неожиданности и сцапала его за шкирку.

-- Мисс Поттер, Гарри!

Так... Кто-то тут не в курсе прошлогодних новостей.

-- Мисс Снейп, вообще-то.

Эльф не сводил с меня влюбленных глаз:

-- Мисс Снейп должна пообещать Добби, что не поедет в школу!

-- Это с какой стати?

-- Там будут твориться ужасные дела! -- и без того огромные эльфячьи глаза грозили вывалиться из орбит.

-- Хорошо, Добби, я не поеду, если ты мне обьяснишь, что за ужасные дела там будут твориться.

-- Добби не может! -- само мое предположение вызвало у домовика сверхъестественный ужас. -- Пусть мисс обещает, что не поедет! Ужасные, ужасные дела!

Он выпучил глаза еще больше и исчез, оставив у меня в руке обрывок грязной наволочки, заменявшей ему одежду.

-- Сири! -- заорала я из примерочной. Крестный тут же подскочил ко мне с дюжиной вешалок:

-- Что, не нравится? -- крестный неожиданно обнаружил особую прелесть в походах по магазинам. Не знаю только, что больше его привлекало: маггловская одежда невиданных им доселе расцветок и фасонов, или же молоденькие улыбчивые консультантки...

-- Тут только что был какой-то чокнутый домовик, который пытался убедить меня не ехать в Хогвартс.

-- Домовик? Чокнутый? -- Сириус явно пребывал в замешательстве. Я поспешила его успокоить:

-- Ладно, не бери в голову. Он же все равно не может причинить мне вред, разве нет? -- домовые эльфы были физически неспособны действовать во вред волшебникам, это было против их природы. Сириус скептически посмотрел на меня и кивнул:

-- Как скажешь.

После маггловских магазинов мы отправились на аллею Диагон, заказывать мне новые школьные мантии. Сириус ворчал, что я пошла в Нюнчика, и если буду продолжать расти такими же темпами, то годам к семнадцати вытянусь в настоящую жердь.

Заказав мантии, я решила заглянуть во "Флориш и Блоттс", купить учебники и посмотреть новинки, а то скоро не протолкнешься от студентов и их родителей. Однако моим надеждам не суждено было сбыться: огромный плакат в витрине и длиннющая очередь свидетельствовали о том, что в лавке происходит нечто эпохальное. Заметив знакомое лицо, я сцапала крестного за руку и потащила за собой.

-- Миссис Уизли! Мы так рады вас видеть!

-- Гарри, детка, и ты здесь! Сириус, здравствуй! Вы тоже пришли посмотреть на душку Гилдероя Локхарта? Он сегодня раздает автографы! -- тут только я заметила, что миссис Уизли была непривычно разряженной, и даже благоухала духами.

-- Какого еще Локхарта? -- где-то я видела эту фамилию, только где?

-- Как? Это же самый знаменитый писатель современности! Он лучший боевой маг Британии, -- миссис Уизли мечтательно закатила глаза. Откуда-то сбоку прилетел рыжий вихрь и едва не сбил ее с ног.

-- Ма! Вот ты где! А мы такую штуку видели! -- наперебой затарахтели близнецы. -- О, Гарри, здорово!

-- Фред, Джордж, никаких штук. Нам нужно купить книги, а они в этом году дорогие, -- поджала губы Молли. Близнецы скорчили рожи:

-- Это все дурацкие книги твоего дурацкого Локхарта! Четыре комплекта по пять книг каждая, между прочим!

Тут только до меня дошло, где я видела фамилию Локхарта. Он был автором почти половины учебников из списка, присланного мне в середине августа. Не знаю, каким он был магом, но писатель из него был явно неважнецкий: это же надо было дать своей книге название "Беседы с баньши"!

Глянув на плакат, я поняла, почему в очереди так много домохозяек. Локхартовская улыбка ослепляла, тщательно завитые золотые кудри обрамляли румяное личико, голубые широко распахнутые глаза сияли обещанием неземной любви... В общем, классический принц на белом коне.

К нам подошли остальные Уизли с главой семейства в арьергарде. Мистер Уизли отдал жене мешочек с деньгами, только что взятыми из хранилища, та скорбно взвесила его в руке и нахмурилась. Кажется, рядовым служащим министерства

платят не так уж и много...

Поздоровавшись с Роном, я обернулась к самой младшей представительнице рыжего семейства. Девочка была, в отличие от своих братьев, темноглазой и светло-рыжей, с почти лишенной веснушек белой кожей.

-- Я Гарри, -- протянула я ей руку. Она забавно покраснела и поспешно пожала ее:

-- Джинни. Я тоже еду в Хогвартс в этом году.

-- Гриффиндор? -- спросила я, подмигнув. Рон засмеялся:

-- Она целое лето только о тебе и говорит! Наверняка станет умолять Шляпу отправить ее на Хаффлпафф!

-- Ну, это ты зря, -- обратилась я к смутившейся Джинни. -- Для того, чтобы с нами дружить, вовсе необязательно поступать на Хаффлпафф. Рон учится на Гриффиндоре, моя лучшая подруга Гермиона -- рейвенкловка, а Драко и вовсе слизеринец.

Джинни благодарно на меня посмотрела и, обернувшись, показала брату язык. Рон только хмыкнул в ответ.

Наконец двери лавки распахнулись, и человеческий поток повлек нас внутрь. Сам Локхарт помещался на некоем подобии трибуны, рядышком увивалась Скитер и фотограф из "Ежедневного Пророка" -- он приходил к нам с папой делать эксклюзивные снимки, обещанные Рите. В жизни Локхарт выглядел еще ослепительнее -- в белоснежной мантии с обильной золотой вышивкой, надушенный так, что мне хотелось чихать, хотя я и стояла за добрый десяток метров, Гилдерой щедро расточал улыбки всем и каждому.

Его небесно-голубые очи обежали толпу и -- о, несчастливый случай! -- остановились на мне.

-- Гарри! -- вскричало сие великолепное недоразумение. -- Гарри, милая, как хорошо, что вы зашли! Друзья, -- обратился он к поклонникам, резво сбегая с трибуны и не хуже клеща вцепляясь в мою мантию. -- Когда Гарри пришла сюда в надежде купить автобиографию самого очаровательного волшебника Британии, -- он жеманно потупил глазки, раздались восторженные аплодисменты. -- То она и не думала, что получит гораздо больше, чем книга! Открою маленький секрет.

Меня мягко, но настойчиво повлекли к трибуне.

-- Так вот, совсем скоро Гарри и ее друзья получат намного больше, чем мои книги. Они получат меня! -- Локхарт возвел очи горе, толпа радостно взревела. -- Да-да, я принял предложение директора школы Хогвартс и с первого сентября буду преподавать ЗОТИ!

-- Гарри, один снимочек, -- Рита щелкнула пальцами, подзывая фотографа.

-- Тридцать процентов.

-- Двадцать.

-- Тридцать пять.

-- Три... Черт с тобой, тридцать пять, -- Рита вымученно улыбнулась напомаженным ртом. А нечего было торговаться!

Я состроила восторженную рожицу, фотограф торопливо защелкал своим агрегатом. Гилдерой сунул мне в руки полное собрание своих сочинений и отечески обнял за плечи (вот папа разозлится...), а потом все так же мягко, но настойчиво спихнул с трибуны.

Сбросив все книги в котел Джинни, я нашла Сириуса и хотела было покинуть магазин, как в дверях нарисовалась печально знакомая личность.

-- Ба, да это же наша героиня! -- протянула Паркинсон. -- А это новая фанатка? -- с любопытством уставилась она на Джинни. Девочка покраснела, чем вызвала бурный восторг со стороны Панси.

-- О, книги! -- она выудила из котла потрепанное "Зельеварение для начинающих". -- Ты, должно быть, Уизли-самая-младшая... ну конечно! Заштопанная мантия, подержанные книги...

-- Паркинсон, ты нарываешься, -- тихо сказала я. Панси фыркнула и, взмахнув над котлом Джинни модно-широким рукавом, бросила туда "Зельеварение". Следовавший за ней напыщенный брюнет в сиреневом надменно процедил:

-- Пойдем, Панси, не стоит общаться с плебеями.

-- Плебеи... Можно подумать, Паркинсоны -- старинный род, -- зло процедил крестный, глядя ему вслед. -- Обыкновенные нувориши, а спеси хоть отбавляй.

-- Ничего, -- жизнерадостно заверила я Джинни. -- Будет задевать -- дай мне знать, я тут столько новых сглазов выучила!

Глава 2

Я снова отказалась добираться до школы каминной сетью и крестный проводил меня на поезд. Стоит ли лишать себя удовольствия поболтать с друзьями, посглаживать врагов...

По-моему, Сириус торопился на свидание, так что он распрощался со мной прямо у входа в вокзал, чмокнул в макушку и убежал, сияя от предвкушения. Я посмотрела ему вслед и, глянув на часы, заторопилась к своей платформе - оставалось всего пять минут до отправления. На полном ходу собираясь нырнуть в барьер, я... Й-я-ау! Как больно!

Тележка перевернулась, я растянулась на перроне и больно приложилась лбом. Проходивший мимо носильщик обругал меня косорукой дурой и посоветовал смотреть под ноги. Спасибо, дядя,

что б я делала без твоих советов...

-- Гарри!

-- Рон, ты откуда? -- браво, глупее вопроса не придумаешь. Рыжий посмотрел на часы и ужаснулся:

-- Мы опоздали! "Хогвартс-экспресс" отправился!

-- Меня больше смущает то, что я не смогла пройти сквозь барьер.

Уизли потрогал рукой каменную кладку:

-- Точно, не проходит... Что же нам делать?

-- А твои не хватятся? Может, миссис Уизли пройдет сюда, когда станет возвращаться?

Рон уныло помотал головой:

-- Все родители аппарируют, и мама не исключение. Те более что она провожает Джинни, и наверняка забудет обо всем, кроме нее. А твои?

-- Крестный уже ушел, а папа думает, что я с крестным. Он обнаружит мое отсутствие только вечером на пиру.

-- Что же нам делать? -- Рон потихоньку впадал в панику. Я оглянулась по сторонам, уменьшила наш багаж и взяла в руки клетку с Хедвиг. Рассовав по карманам чемоданы, я скомандовала:

-- Не хнычь. Что-нибудь придумаем.

Рыжий уныло плелся следом за мной, а я прикидывала, как отсюда добраться до "Дырявого котла", чтобы по каминной сети переправиться в Хогсмид, а уже оттуда -- в Хогвартс. Плохо было то, что я совершенно не знала Лондона, и даже примерно не могла представить, в какую сторону от нас Диагон-аллея.

-- Хедвиг! Ну конечно!

Рон просиял:

-- Да! Отправь ее кому-нибудь, пусть заберут нас.

Я черкнула пару строк крестному и выпустила птицу из клетки, а Уизли завистливо пробормотал:

-- Хорошо иметь сову... Не то что моя Короста -- только спит и ест, -- он зло покосился на спящую в клетке крысу. -- А у родителей не допросишься: "Зачем тебе сова, пользуйся школьными..."

Мы уселись в ближайшем кафе и принялись ждать крестного, от нечего делать, пробуя все пирожные подряд. Рон был счастлив, когда я сказала, что угощаю, и отрывался по полной, даже Коросте кусочек сунул.

Через полчаса пришел хмурый крестный и покаянно забормотал:

-- Извини, Гарри, надо было мне тебя прямо на поезд посадить, не бросать у вокзала, ты только не сердись, ага?

-- Сири, ничего страшного, ты не виноват. Кто-то заколдовал барьер между маггловской и колдовской частью вокзала, потому мы и опоздали. Перед папой я тебя отмажу, -- добавила я и хмурое блэково лицо прояснилось. Он, судя по всему, уже забыл о неудавшемся свидании и, ничтоже сумняшеся слопав мое пирожное, заявил:

-- Выбирайте: аппарируем или добираемся каминной сетью?

-- Каминная сеть, -- быстро сказал Рон. -- Меня как-то мама аппарировала, так меня стошнило.

Прикинув, сколько пирожных рыжий успел умять, я согласилась:

-- Каминная сеть.

Вместе с Сириусом мы доехали до "Дырявого котла", а потом вышли в Хогсмиде в "Трех метлах". Поулыбавшись полнотелой румяной трактирщице, Сириус повел нас знакомой тропинкой к школе.

Как ни странно, но по пути мы не встретили никого из обитателей замка, и беспрепятственно спустились в лабораторию. Сказать, что папа был удивлен -- значит, ничего не сказать.

-- Блохастый?

Я выступила из-за спины крестного, пихнув локтем захихикавшего Рона:

-- Па, представляешь, кто-то заколдовал проход на платформу, и мы опоздали на поезд!

-- Заколдовал?

-- Ага. Я чуть лоб не расшибла. Знаешь, мне кажется, что это тот сумасшедший эльф, который приставал ко мне в примерочной, помнишь, я рассказывала?

-- Помню. Тот, что убеждал тебя не ехать в Хогвартс, поскольку здесь зреет ужасный заговор против всех учеников в целом -- и тебя в частности.

-- Он самый.

Рон, тем временем, заинтересованно рассматривал что-то розовое и пузырящееся в котле. Как бы ни вздумал палец сунуть...

Очевидно, папа думал о том же, потому что немедленно оттеснил рыжего от зелья и скомандовал:

-- Ну-ка, кыш отсюда! Сорвете мне опыт. Идите, полетайте, что ли -- погода замечательная, -- и немедленно повернулся к нам спиной. Сириус облегченно вздохнул и тихонько, вдоль стеночки, выбрался наружу, пока Нюнчику не пришло в голову расспросить, почему он просто не аппарировал нас с Роном на платформу и какого пикси мы опоздали.

Погода и в самом деле была неплохой, так что мы воспользовались советом и пошли на квиддичное поле, где

выяснилось, что Сириус обожает лихачить в воздухе и, красуясь, совершенно забывает о мяче (вместо квоффла он заколдовал теннисный мячик). Рон предположил, что ему частенько доставалось от остальных членов квиддичной команды -- за рассеянность. Сириус отшутился:

-- Ловцом у нас был Джеймс, и он всегда успевал спасти положение. Один-единственный проигрыш за все время нашей учебы случился, когда твоя мама пришла болеть за Слизерин и всю игру целовалась с Нюнчиком.

-- Кто такой Нюнчик? -- Рон недоуменно глянул на Сириуса. У того аж уши покраснели: еще бы, дойдет до папы, что тот сделал его школьное прозвище достоянием общественности -- и тот ему голову отвинтит.

-- Н-ну, это...

-- Так Сириус звал папу, когда они враждовали в школе.

Рон проявил чудеса толерантности и понимания: покраснел, побледнел и пообещал, что станет молчать. Сириус облегченно вздохнул и зацапал мячик, ехидно улыбнувшись:

-- Ну, и кто теперь зевает?

Сириус задержался до вечера, пожелав отобедать в Большом зале и пройтись по местам боевой славы Мародеров. Он не сел за преподавательский стол, а предпочел умоститься рядом со мной и бессовестно подмигивать старшекурсницам. Те пунцовели и неумело кокетничали, здорово развлекая нас весь вечер.

-- Гарри! Ты -- Гарри Снейп! -- идя в Большой зал, мы столкнулись с первокурсниками, только что доставленными лесником. Светленький курчавый мальчик улыбался во весь рот, напоминая виляющую хвостом дворняжку.

-- Я Колин Криви, мне прислали письмо и я узнал, что волшебник, а родители понятия не имели о магии и магическом мире, ведь мой папа -- простой молочник. Когда мы пошли на Диагон-аллею, я купил книгу и прочел о тебе все-все, и я так восхищаюсь тобой, а тут так здорово, прямо чудеса какие-то... -- Колин лопотал, как заведенный, и мне до жути захотелось стукнуть его чем-то тяжелым, чтобы выключить звук. Сириус только посмеивался, а Рон от удивления выпучил глаза и смотрел на ребенка, как на восьмое чудо света.

-- Гарри! -- Гермиона подбежала к нам и порывисто меня обняла. -- Я так рада тебя видеть! Рон, тебя тоже, -- рыжему достались улыбка и рукопожатие.

-- Где вы были? Рон, тебя братья обыскались, и миссис Уизли едва не умерла с перепугу!

-- Потом, Гермиона, -- я оборвала ее на полуслове. -- Сириус сам скажет роновой маме, что с ним все в порядке, правда,

крестный?

-- Похоже на то, -- ответил он без энтузиазма и мы ушли в зал, пообещав Колину, что все станем держать за него кулаки -- чтобы Шляпа отправила его на Гриффиндор.

Уже за столом я заметила в толпе первокурсников светло-рыжую макушку Джинни. Почувствовав мой взгляд, девочка обернулась, и я помахала ей рукой, ободряюще улыбаясь -- я прекрасно помнила, как жутко нервничала сама год назад, стоя на ее месте.

Шестой на табурет опустилась бледная девочка, белесая и невзрачная, поименованная Гринграсс, Асторией. "Невеста Драко", -- вспомнила я. Может, пару лет спустя она и станет хорошенькой, но сейчас я только посочувствовала другу. "Невеста" звучало предельно нелепо по отношению к этой маленькой блеклой девочке. Асторию распределили в Рейвенкло, и Гермиона с улыбкой предложила ей сесть рядом. Девочка как-то безэмоционально кивнула и заняла свое место.

"Криви, Колин" был отправлен на Гриффиндор -- слава Мерлину! "Уизли, Джинни" тоже пополнила ряды ало-золотых, завершив церемонию. Она так мило краснела, когда ей аплодировали все четыре стола, включая слизеринский, что я от души порадовалась: Джинни показалась мне совершенно неизбалованной домашней девочкой, вполне заслуживавшей маленького приятного сюрприза.

После пира, на котором, кроме прочего, был представлен студентам новый преподаватель ЗОТИ (струящийся голубой шифон и два баллончика лака для волос), мы мирно разбрелись по спальням, договорившись поболтать завтра утром.

Точнее, попытались мирно разойтись -- в коридоре меня перехватила разъяренная Паркинсон, все еще арбузно-полосатая.

-- Ты! Это ты прислала сережки!

-- Паркинсон, ты спятила, -- спокойно сказала я. Панси зашипела не хуже разъяренной кошки:

-- Ты-ы... Слагулус Эрукто! -- я упала на пол, пропустив бледный луч заклинания над собой.

-- Гляциус! -- первое светлое заклятье, пришедшее мне в голову, заставило Паркинсон сесть на шпагат и заорать дурным голосом.

-- Что тут происходит? -- на шум приковылял Филч. О-балдеть...

Глава 3

В общем, нам назначили по взысканию каждой. Паркинсон -- у Филча, мне -- у Локхарта. Честно говоря, я предпочла бы Филча -- он хотя бы не вызывает непроизвольной рвотной реакции.

Локхарт увешал все стены кабинета плакатами с изображениями себя любимого, и это удручающее великолепие мигало, улыбалось, царственно подбоченивалось, махало холеной ручкой... В первую секунду мне захотелось сбежать как можно дальше из этого царства нарциссизма.

-- Гарри! Милое дитя, ты пришла помочь мне! Садись сюда, и начинай надписывать конверты -- это письма моим поклонницам, весьма утомительное занятие, должен признаться... Но за все нужно платить, не так ли?

Он весело болтал и жестикулировал, как обезьянка в зоопарке, которой вручили новую игрушку, расписывал мне прелести славы и, по-моему, старался всячески произвести на меня впечатление. Н-да, заполучить в поклонницы Девочку-которая-выжила -- это было бы сильно.

Спустя четыре часа и сто восемь запечатанных писем Локхарт глянул на часы и спохватился:

-- Ох! Я совсем тебя заболтал! Ну, это не страшно -- давненько у меня не было такого внимательного слушателя.

Это я-то внимательный слушатель? Да я вообще трансфигурацию повторяла, у меня завтра первым уроком...

-- Так я пойду, профессор Локхарт?

-- Иди-иди.

Ну, я и пошла-пошла... Даже не предложил меня проводить, а уже отбой, между прочим... Нарвусь на Филча -- и опять отработка. Не приведи Мерлин, у Локхарта... И опять на Филча нарваться, и на отр... Стоп. Не каркать, только не каркать.

До гостиной я пошла через второй этаж, стараясь сократить путь, и только-только добралась до заброшенного женского туалета, как услышала голос:

-- Убивать... Свободен... Убивать... Еда...

Какого пикси? Пивз балуется, что ли? В пустынном коридоре было решительно негде притаиться даже полтергейсту, так что я просто решила, что пора спать и продолжила свой путь.

-- Почему так долго? -- в кресле у камина меня поджидал Невилл.

-- Локхарт увлекся рассказами о своих подвигах.

-- И каков он? Лучше Квиррела... Ой, прости!

-- Да ладно, ничего страшного, -- на самом деле я почему-то совершенно не переживала из-за недавних событий. -- Мне кажется, особой разницы между болваном напыщенным и болваном трусливым нету, так что папе придется давать нам не только уроки окклюменции, но и ЗОТИ.

-- Да-а? -- недоверчиво протянул Невилл. -- А он не будет против? Ну, я имею ввиду, что у него наверняка куча других дел,

и вообще...

-- Не будет. Поворчит немного, позлится на светлячка, и сам предложит, вот увидишь.

Мы поболтали еще немного и разошлись по спальням, и я совершенно забыла о странном голосе в коридоре.

Певый урок Локхарта оказался примерно таким, каким я его себе и представляла. Разве что в моем воображении он все-таки довольствовался болтовней, а не давал нам тест с вопросами вроде "Какой любимый цвет Гилдероя Локхарта?". Девчонки были в восторге, мальчишки недоумевали, сам Локхарт цвел и пах, как роза -- и в прямом, и в переносном смысле. Не задумываясь, я быстро вписывала ответы, размышляя, как это Локхарту раз за разом удается находить совершенно паскудный приторный парфюм, которым только мольфеек травить, и прикидывала, получится ли выставить его достаточно некомпетентным для того, чтобы сиятельного болвана с треском уволили. Выходило, что пока не получится -- нужно коллективное письмо не меньше чем от полусотни родителей, а все они пока были в полном восторге от победителя полчищ нечисти.

Сразу после занятий я направилась в папин кабинет, намереваясь поговорить с ним о Локхарте.

-- Северус, ты занят? -- я все еще называла его попеременно то по имени, то папой, и он не возражал. Слава Мерлину, за каникулы отвыкла обращаться к папе на "вы" и "профессор" -- это ему было неприятно, я прекрасно видела.

-- Не слишком. Эссе, Гриффиндор, пятый курс... Говори, что хотела.

Я устроилась в кресле и пожаловалась:

-- Он полное ничтожество. Он благоухает пошлыми духами, как кокетка, и флиртует с второкурсницами, и совершенно не собирается учить нас защите.

-- Чего и следовало ожидать. -- ответил Северус, не поднимая головы от пергаментов и резко что-то чиркая в них. -- Список нужных книг я тебе составлю, по субботам в десять часов... И друзей своих приводи, что ли...

Второе занятие по ЗОТИ было ничем не лучше первого: сначала Локхарт долго распинался, перечисляя свои заслуги, а потом с жутко таинственным лицом левитировал на стол клетку, накрытую черным платком.

-- Итак, встречайте: хитрые, злобные, дьявольски коварные... Корнуэльские пикси! -- жестом фокусника сдернув с клетки платок, он явил классу с дюжину маленьких синекожих мохнатых существ с похожими на стрекозиные крыльями, которые громко и пискляво возмущались своим заточением. Существа трясли

прутья клетки похожими на человеческие руки лапками и страстно желали выбраться. Стоило только мне об этом подумать, как Локхарт открыл дверцу, и эта гадость, радостно стрекоча, выпорхнула наружу.

Какой переполох начался в классе! Пикси действительно оказались дьявольски коварными и изобретательными -- в масштабе мелких пакостей. Они с упоением делали "дождик" из чернил, драли учебники, портили конспекты, вытряхивали за окно сумки, путали девочкам длинные волосы, при этом дико визжа, царапаясь и плюясь не хуже верблюдов. Локхарт пытался применить к ним какие-то невразумительные малоэффективные заклятья, не преуспел и поспешно ретировался, бросив напоследок гениальное:

-- Ну, вы и без меня справитесь.

Ага, еще как справимся! Все ученики, кроме меня, Невилла, Гермионы и беспомощно повисшего на люстре хаффлпаффца Эрни МакМиллана, подвешенного туда вредными созданиями, поспешно ретировались.

Я залезла под парту, друзья последовали моему примеру и стали сшибать вьющихся вокруг Эрни пикси прицельными Петрификус Тоталусами, пока не сбили всех. Побросав недвижимые тельца в клетку, Гермиона сняла Вингардиум Левиосой белого от страха Эрни и недоуменно произнесла:

-- Я думала, мы изучаем защиту от темных искусств... А это домашние вредители!

-- Ага... совсем-совсем домашние, -- я украдкой сунула одну пикси в карман, собираясь отправить маггловским родственникам анонимную посылочку.

Невилл только горестно вздохнул и принялся чинить Репаро свои книги и конспекты. Нам и вернувшимся в класс студентам осталось только последовать его примеру.

Выходя из кабинета, я снова услышала голос:

-- Убить... Смерть... Кровь...

-- Что это было? -- Гермиона удивленно оглянулась на меня:

-- Что?

-- Голос. Вы что, не слышали?

Гермиона и Невилл покачали головами, а Невилл участливо спросил:

-- Ты хорошо себя чувствуешь? Может, к мадам Помфри?

-- Нет, все нормально. Просто послышалось, -- я что, с ума схожу? Похоже на то...

-- Гарри, слышать голоса -- это ненормально даже по магическим меркам, -- назидательно сказала Гермиона. Я замахала руками:

-- Я с папой посоветуюсь. Идемте скорее, а то МакГоннагал нас живьем съест!

Глава 4

В отличие от Локхарта, папа учил нас действительно интересным и действенным вещам. Наконец-то мы разобрались в том, чем черная магия отличается от белой (действительно черная, я имею ввиду). Оказывается, вовсе не своим действием на предмет колдовства, а последствиями применения заклинания или ритуала для самого колдуна. Мы все осуществляем колдовские действия, направляя собственную магию волевым усилием, желанием, коль угодно. И, в зависимости от того, какими эмоциями подпитывается желание, каждое совершенное действие накладывает отпечаток на душу, сущность самого мага по принципу "что посеешь -- то пожнешь". Таким образом, чем больше и дольше ты применяешь темные заклятья, тем меньше в тебе остается способности к светлому колдовству -- и наоборот.

-- Выходит, нельзя полностью отказаться от той или иной части магии, -- сделала я вывод. Все удивленно вытаращили на меня глаза.

-- Ну, я имею ввиду, что глупо выбирать что-то одно, если можно взять сразу два, -- папа справился с удивлением и подтвердил:

-- Все по-настоящему сильные волшебники не были ни светлыми, ни темными. Тот же Мерлин, или Основатели -- сейчас совершенно напрасно говорят о Слизерине, как о черном маге, и остальных -- как о белых. Есть неопровержимые доказательства того, что лично Ровена Рейвенкло замуровала в подвалах Хогвартса восемь оборотней -- для крепости фундамента, Хельга Хаффлпафф связала клятвой несколько семей домовых эльфов, изменив сознание несчастных настолько, что сейчас они являются теми, кем являются -- безропотными слугами. А рыцарь без страха и упрека Годрик Гриффиндор в свое время не гнушался запустить Авадой в спину -- раз его знаменитый меч не доставал.

-- Так эльфы изначально были свободными? -- по-моему, из всех папиных объяснений Гермиона вынесла только этот факт. Северус досадливо поморщился:

-- Да. Первые эльфы стали работать в Хогвартсе, связанные клятвой с Хельгой Хаффлпафф. После этого все достаточно богатые семьи стали выкупать у нее секрет привязки, чтобы заполучить хотя бы одного, и Хельга неплохо на этом заработала. Как-никак, на стройке Хогвартса поиздержались... Сознание домовиков было необратимо изменено, им внушили беззаветную преданность хозяину и сейчас самым страшным наказанием для них является освобождение -- несчастный домовик и часа не

проживет, не будучи связан с кем-то. Как правило, все домовики подчиняются главе семейства -- или, в его отсутствие, наследнику, -- я вспомнила свой разговор с хогвартским домовиком, но не стала говорить о нем.

-- Как правило? -- переспросил Невилл.

-- Из каждого правила есть исключения, Лонгботтом. Если наследников двое, домовики станут слушаться обоих в равной степени или же поделятся на две половины. И еще одно -- домовик никогда не станет слушаться сквиба, будь тот потомком хоть самой Хаффлпафф. А теперь вернемся к теме урока.

Оказалось, что опасно не столько само желание применить темное колдовство, а эмоции, которые ты испытаешь, его применив. Если ты колдуешь Круциатус, но при этом не станешь упиваться беспомощностью и страданием своей жертвы, то никакого отпечатка на твою душу это не наложит -- разве что на совесть. А если станешь смаковать и питаться страхом пополам с болью, то эффект будет, как от наркотика -- эйфория, затем привыкание и ломка. Вот что держало Пожирателей -- ломка, желание причинять боль другому существу и наслаждаться его страданием... Меня передернуло. Я прекрасно понимала, более того, сама испытывала подобные ощущения -- когда представляла, как на голову Петуньи падает кирпич, а Дадли сбивает грузовик. Мне хотелось видеть их униженными, воющими о пощаде -- и только потому я выждала так долго, прежде чем навестить их. Просто чтобы в порыве ярости не выйти за рамки и не нанести им непоправимый ущерб...

Значит, я потенциально -- темная... И мне придется сдерживать себя изо всех сил, балансируя на грани между светом и тьмой, чтобы не превратиться в хохочущую маньячку, подобие Волдеморта...

Подобная перспектива показалась мне не слишком радужной. Ну да ладно, все проблемы станем решать по мере их поступления...

Рассказав вкратце о различиях между темной и светлой магией, папа выдал нам список книг, которые лучше всего освещали эту тему, и показал парочку наиболее простых и в то же время действенных заклинаний. Петрификус Тоталус, Ступефай, Инкарцеро -- я их знала, но Невиллу и Гермионе они были в новинку. Все эти заклинания неплохо действовали на людей и волшебных тварюшек до третьего уровня опасности включительно, но против, скажем, тролля или великана были бессильны, не говоря уже о драконе. Даже полукровке Хагриду Ступефаи были, что слону комар.

-- Папа... А что значит, если слышишь голоса? -- я вдруг

вспомнила, что так и не спросила его об этом. Северус нахмурился:

-- Обычно голоса слышат люди, что наделены даром видеть мертвых, или проклятые, те, которым осталось жить не больше месяца. Ты слышишь голоса, Гарри?

-- Да. Один голос, он все время повторяет одно и то же: "Смерть... Кровь... Убить..."

Папа нахмурился еще больше и палочкой очертил вокруг меня сложную сеть, вспыхнувшую ярким белым светом.

-- Тебя никто не проклинал. Ты только слышала или видела что-то странное?

-- Только слышала. Такое впечатление, будто это стены говорили... Ладно, пап, не бери в голову. Рано или поздно объяснение найдется. Может, это вообще кто-то так остроумно шутит.

-- Может... Может, и шутит... -- Северус явно не верил в подобный вариант.

И буквально через полчаса мне довелось убедиться, что вариант с шуткой действительно отпадает...

Мы с Невиллом возвращались к себе в гостиную, проводив Гермиону до башни Рейвенкло. Оставалось всего четверть часа до отбоя, и мы спешили, как могли, разве что не бежали.

-- Надо купить себе часы, -- пропыхтела я на ходу.

-- Часы? Хорошая идея. У нас вообще-то не принято, чтобы несовершеннолетний колдун носил часы, это традиционный подарок на... Ай! -- интересно, кому это пришло в голову оставить открытым кран в женском туалете? Мы дружно поскользнулись на мокром мраморе и шлепнулись в лужу, оказавшись мокрыми с ног до головы. Чудесно! Только этого нам и не хватало!

Шипя сквозь зубы ругательства, Невилл поднялся, подал мне руку и заинтересованно заглянул в приоткрытую дверь.

-- Ого!

Действительно, ого -- все краны были открыты на полную мощность, вода хлестала под диким напором, переливаясь через невысокий порожек в коридор.

-- Это туалет Плаксы Миртл, -- вспомнила я рассказы Бри. -- Им никто не пользуется потому, что тут обитает вредное привидение, которое любит баловаться с водой.

-- Заметно, -- Невилл закрутил ближайший к нему кран и перешел к следующему умывальнику, я стала помогать. Когда со всем было покончено, мы осторожно выглянули в коридор -- ни Филча, ни его кошки нигде не было видно.

-- Идем скорее, пока ни на кого не наткнулись! Уже отбой, -- я тихонько пошла вслед за Невиллом, стараясь не плескать водой

под ногами, и, засмотревшись вниз, уткнулась носом в спину застывшего друга.

-- Ты чего?

Вместо ответа он ткнул пальцем в сторону стены: там, на факелодержателе, за хвост была привязана странно неподвижная Миссис Норрис. Я решила, что кто-то пульнул в нее Петрификусом, и подняла палочку:

-- Фините Инкантатем!

Ничего не произошло. Невилл подергал меня за рукав:

-- Пойдем отсюда, а то Филч нам голов отвинтит и разбираться не станет.

Предложение хорошее, жаль, запоздалое.

-- Миссис Норрис! -- горестно возопил завхоз, шлепая к нам по луже. -- Вы, маленькие паршивцы! Вы что-то сделали с Миссис Норрис!

Тут он доковылял до кошки и заорал еще громче:

-- Вы убили ее! Мерзкие маленькие негодяи!

Бежать не имело смысла. Филч беспрепятственно сгреб нас за шкирки и встряхнул:

-- Вы ее убили!

Слава Мерлину, что папа имеет дурную привычку шастать по школе по ночам. Ему достаточно четырех-пяти часов для сна, так что он вполне может позволить себе развлечься, охотясь на нарушителей.

-- Что тут происходит? -- по-моему, Филч боится папу больше, чем МакГоннагал и Дамблдора вместе взятых -- впрочем, как и остальные студенты. Помнится, папа переживал, не пошатнется ли его авторитет среди студентов, если он не будет орать на меня и моих друзей. Ничего подобного: его невзлюбили еще больше, но, как ни странно, на нас эта нелюбовь не распространилась.

Завхоз мигом отпустил нас, но глазами сверкал так злобно, что я невольно порадовалась: хорошо, что Филч -- сквиб.

-- Эти маленькие паршивцы убили Миссис Норрис!

На шум прибежали директор и гриффиндорская деканесса -- а им-то чего не спится? Филч с удовольствием повторил свои обвинения, а я возмутилась:

-- А как же презумпция невиновности?

-- Действительно. Давайте выслушаем студентов, -- предложил папа. -- Итак, что вы делали в коридоре после отбоя?

-- У меня, Лонгботтома и Грейнджер было дополнительное занятие с профессором Снейпом, -- стала я объяснять, обращаясь к МакГоннагал. Директор в это время рассматривал кошку, как нечто доселе невиданное. Папа кивнул, подтверждая мои слова.

-- Мы закончили за полчаса до отбоя, проводили Гермиону до

ее башни и пошли к себе. Возле туалета Плаксы Миртл упали в воду и вымокли, -- я продемонстрировала свою мантию. Папа взмахнул палочкой и высушил нас, МакГоннагал нахмурилась.

-- Спасибо, -- хором произнесли мы и Невилл продолжил:

-- Мы увидели, что вода течет из открытых кранов и закрыли их, а потом пошли к своей гостиной. Увидели на факелодержателе кошку, остановились. Гарри попробовала "Фините Инкантатем", но не подействовало.

-- Я думала, она под Петрификусом.

Директор тем временем успел испробовать на кошке с полдесятка различных заклинаний, и развел руками:

-- Миссис Норрис жива, Аргус, но сейчас я не могу ее расколдовать. У профессора Спраут подрастают мандрагоры, нужно будет сварить зелье на их основе...

-- Это все они! -- с пеной у рта доказывал завхоз.

-- Достаточно, Филч! Неужели вы считаете, что двое второкурсников смогли заколдовать вашу кошку настолько сильно, что директор не в состоянии снять заклятье? -- папа явно веселился.

-- С вашего позволения, я отведу студентов в их гостиную.

Удаляясь от места происшествия, я снова услышала: "Смерть... Убивать..."

На этот раз я никому ничего не стала говорить. Очевидно, что слуховыми галлюцинациями страдаю только я одна.

Глава 5

Еще летом мы с Драко решили, что попробуем пройти отборочные испытания в свои квиддичные команды. Капитаны обычно проводили их ежегодно, чтобы набрать не только основной состав, но и запасных игроков. В этом году первым проводил испытание Гриффиндор, и Рон позорно свалился с метлы, когда Фред и Джордж стали корчить ему рожи. Оливер Вуд, гриффиндорский капитан, посоветовал ему потренироваться самостоятельно и приходить тогда, когда рыжий научится не обращать внимания на внешние раздражители -- иначе что за игрок из него получится?

Вторым пригласил на квиддичное поле всех желающих наш капитан Эдмонд Пауэлл. Все места в команде были уже заняты, но я рассчитывала на место во втором составе -- в конце-концов, я только второкурсница.

Погода была просто замечательной, и все соискатели в количестве шестнадцати человек пребывали в самом радужном настроении. Мои друзья уселись на трибунах, а Герми так и вообще развернула плакат: "Гарри -- лучшая!". Посмеявшись, я заняла свое место в строю с метлой наперевес.

-- Итак, сперва я хотел бы посмотреть, как вы держитесь в воздухе, -- скомандовал Эдмонд. Мы взлетели и по его просьбе выполняли различные петли и финты, пока он не забраковал восьмерых из нас -- "за плохую координацию и неуверенное владение метлой". Затем Пауэлл выпустил один бладжер -- посмотреть, насколько хорошо мы сумеем от него уворачиваться. Во время игры сей зловредный мяч должен был сбивать с метлы неловких и невнимательных игроков, мешая им забрасывать квоффл или ловить снитч. Конечно, в команде было двое отбивал -- по одному на бладжер, но они не могли гарантировать безопасность всех игроков сразу.

Бешеный мяч немедленно сшиб хрупкую пятикурсницу, и та, держась за нос, ушла в медпункт. Остальные были вознаграждены еще одним бладжером, и уже два тяжелых шара летали за нами над полем. Мне посчастливилось увернуться от обоих, несколько раз, правда, пришлось для этого повиснуть вниз головой, но настроения мне это не испортило: я сегодня предусмотрительно надела маггловские джинсы и футболку. А вот двум девочкам, которые пришли покрасоваться перед Пауэллом, не повезло еще в самом начале -- они так переживали, чтобы их юбки оставались на месте, что были забракованы на первом этапе.

Трое из нас не выдержали соревнования с двумя бладжерами и отправились обратно в школу, а остальным четырем Эдмонд бросил квоффл. Через пять минут выяснилось, что на загонщиков никто из нас не годится: я -- поскольку слабая и тощая, а остальные -- поскольку никак не могли отобрать друг у дружки мяч. Вратарей из нас тоже не вышло, так что осталось только испытать нас как возможных ловцов или отбивал. Я и худенький мальчик-третьекурсник снизились -- махать битой явно было не для нас, а вот двое рослых шестикурсников остались. Пауэлл выдал им по бите и быстро убедился, что именно отбивалы из них неплохие.

-- Ну, малыши, ваша очередь, -- улыбнулся он нам, выпуская снитч. Не знаю, как мой оппонент, а я летом настолько напрактиковалась, что сейчас золотой мячик просто-таки лип к моим рукам.

-- Отлично, Снейп! Тебя я беру. Расписание тренировок я выдам вам на следующей неделе, когда договорюсь с остальными капитанами.

Раскрасневшиеся и возбужденные мы примчались на очередное занятие с папой.

-- Тебя можно поздравить? -- спросил он. Я радостно кивнула:

-- Меня взяли запасным ловцом.

-- Неплохо. В свое время я тоже прошел отбор, но от места в

команде отказался, чтобы было больше времени на зелья.

Я пожала плечами:

-- Ну, я пока не такая фанатка зелий, как ты. В случае чего, я всегда могу выйти из команды.

-- Естественно. Ну, а теперь поведайте мне об эффекте соединения различных заклятий в одной или различных точках данного объекта...

Мы стали вспоминать пройденное на прошлом занятии, и я даже ни разу не вспомнила о загадочном голосе -- хотя частенько слышала его, особенно по вечерам, и ломала голову над тем, что бы это могло быть.

Тренировки заключались в выполнении физических упражнений на земле и разнообразных фигур в воздухе -- для ловцов, отбивалы гонялись за бладжерами, а охотники обсуждали с капитаном стратегию. Хотя в ближайшем будущем выйти на поле мне не светило (разве что наш ловец Седрик Диггори окажется неспособен играть), я не пропускала ни одной тренировки, и завязала дружеские отношения со всей квиддичной командой. Я была в ней единственной девочкой, к тому же второкурсницей, и здоровенные сильные парни покровительственно прозвали меня "Кнопкой". Прозвище необидное, и я с удовольствием на него откликалась. Интересно только, что они придумают потом, когда я вырасту -- а, судя по папе, наследственность у меня в этом отношении неплохая.

Я была бесконечно рада, что папа все-таки удосужился сварить мне зелье Орлиного зрения -- как бы я летала в очках?

-- Гарри, скоро матч с Рейвенкло, -- капитан подлетел ко мне и уставился с непередаваемо серьезным выражением лица.

-- И?

-- И Седрик готов уступить тебе место в сборной на этот матч.

-- Почему? -- от удивления я чуть с метлы не свалилась.

-- Ты здорово летаешь, и ловишь снитч не хуже Седрика. К тому же Рейвенкло -- самая слабая команда, и мы вполне можем позволить себе ловца-новенького.

-- Эдмонд, ты считаешь, это разумно?

-- Вполне, -- пожал плечами Пауэлл.

Это было непередаваемо! Драко обзавидуется -- его-то вряд ли выпустят на поле просто так, хотя и взяли (ха-ха!) запасным ловцом. Только Рона жалко -- будет ходить как в воду опущенный.

-- Гарри, Гарри! -- Колин Криви выпросил себе разрешение присутствовать на тренировках нашей команды и исправно высиживал на трибунах от их начала до конца. -- Я поздравляю тебя! Это так здорово!

И, не сомневаюсь, к завтрашнему дню об этом будет знать вся

школа.

-- Ты станешь самым молодым ловцом за всю историю Хогвартса!

-- А как же Драко Малфой? Он тоже второкурсник и запасной ловец Слизерина, если в этом году он выйдет на поле...

-- Нет! -- торжествующе помотал головой Колин. -- Он родился почти на два месяца раньше, чем ты!

Да. Действительно. Но... подобная осведомленность пугала. Интересно, какие еще подробности успел узнать Криви?

-- А ты знаешь, что Джеймс Поттер тоже был ловцом? -- глаза Колина фанатично сияли.

-- Здорово. Только причем тут это? Мой папа -- профессор Снейп.

-- И он прошел испытания на ловца, но не захотел остаться в команде!

Кошмар какой-то. Откуда он берет информацию? Я поспешно распрощалась и, признаюсь, позорно сбежала в свою гостиную.

Через две недели состоялась игра.

Вот уж не знаю, что больше интересовало сегодня зрителей: моя ли скромная персона на метле, второкурсник ли слизеринец на хаффлпаффской трибуне (догадайтесь, кто такой белобрысый и ехидный эпатировал публику), или же профессор зельеварения в черно-желтом шарфе, с непроницаемым лицом созерцавший поле.

Никакого мандража у меня не было, я была спокойна и собрана, как на тренировке. С какой стати мне нервничать? Капитан сам предложил мне попробовать, так что злиться не станет при любом раскладе.

Мадам Хуч свистнула, матч начался.

Я взлетела выше остальных игроков и сразу зашарила глазами по небу, ища снитч. Маленький негодяй запропастился куда-то, и рейвенкловский ловец тоже беспомощно озирался, зависнув метрах в ста от меня. Я еще раз огляделась и с удивлением заметила бладжер, несущийся прямо на меня. Увернувшись, я махнула нашему отбивале Хопкинсу, и тот немедленно отогнал от меня зловредный мяч.

Бладжер описал круг почета над гриффиндорской трибуной и вернулся ко мне -- я едва успела перекувырнуться. Вися вниз головой, я заметила золотой отблеск над головой рейвенкловского ловца, и бросилась к нему. В карих глазах отразился настоящий ужас, и я с недоумением обернулась -- я неслась на рейвенкловца, а бладжер несся за мной. К сожалению, второй бладжер не делал различий между игроками, и оба наших отбивалы были заняты, а рейвенкловские в силу известных

причин не горели желанием помочь.

Вильнув вниз, чужой ловец скрылся из виду, оставив меня наедине со взбесившимся бладжером и незамеченным им снитчем.

Я рыбкой нырнула под ближайшую трибуну. Бладжер полетел за мной, норовя сбросить меня с метлы. Целился злобный кусок каучука преимущественно в корпус и голову, так что маневрировать было сложно, но возможно. Ломая опоры, мяч летел напрямую, не трудясь обходить препятствия.

Вылетев из-под трибун, я погналась за снитчем, не обращая больше внимания на бладжер. Если я сейчас его поймаю, то игра автоматически прекратится, и мяч усмирят, а если нет -- мне придется убегать от него еще долго.

Золотые крылышки трепетали в каком-то метре от меня. Я свечкой взмыла вверх, вытянув вперед правую руку. Полметра... Снитч ушел вниз, и я резко вильнула, чудом разминувшись с бладжером. Интересно, можно ли заколдовать мяч, чтобы тот гонялся за определенным игроком? Паркинсон вполне могла это сделать -- если нашла соответствующие чары.

Весь стадион, затаив дыхание, смотрел на нашего вратаря Дэниэлса -- Рэйвенкло собирались бить пенальти, только непонятно, почему... Хотя я не следила за игрой -- мне и бладжера хватало.

И тут я, можно сказать, упала с неба: в десяти сантиметрах от руки снитч, на пятки наступает бладжер... Зрелище еще то. Ну-ну-ну... Черт!

Бладжер внезапно сменил тактику и со всей дури шарахнул по прутьям моей метлы. Та с жалобным треском переломилась и я, выпустив бесполезное древко из рук, стала падать, крича от ужаса и беспорядочно размахивая руками. Сволочной бладжер, видимо, не счел свою миссию выполненной, потому, что умудрился пребольно ударить меня по правой голени и... милосердная темнота накрыла меня. Последнее, что я запомнила -- стремительно приближающийся белый песок. "Как в Колизее", -- подумала я и потеряла сознание еще до того, как упала.

Просыпаться оказалось очень больно и мутно.

-- Поппи! -- папа сидел рядом со мной и немедленно позвал медсестру.

-- Бедняжечка! -- тут же отозвалась школьная медиведьма мадам Помфри. -- На-ка, выпей!

У зелья был пакостный горько-соленый вкус и знакомый запах мяты и дегтя.

-- Так вот ты каков, Костерост, -- прошелестела я не своим языком. Нёбо и язык, кстати, тоже болели -- интересно, с чего бы

это?

-- Да, милочка, это Костерост, и тебе еще очень повезло, что дело ограничилось только им... К сожалению, я не могу предложить тебе обезболивающее, поскольку...

-- Поскольку перечная мята, входящая в состав Костероста, все равно его нейтрализует, -- закончила я и папа улыбнулся:

-- Рад, что твоя умненькая не по годам голова не пострадала. Рука и нога -- это чепуха.

-- Я бы так не сказала, -- сотни, нет, тысячи раскаленных мурашек поселились в правой голени и правом запястье. Я попыталась пошевелить ими: нога слушалась, а руку я не чувствовала вообще. Заметив мои усилия, папа нахмурился, а мадам Помфри недовольно процедила сквозь зубы:

-- Вот что бывает, если неверно оказать медицинскую помощь!

-- Не беспокойтесь, директор обещал с этим разобраться, -- хмуро сказал папа, и медиведьма удалилась в подсобку.

-- Можно воды?

Папа тут же налил мне восхитительно холодной водички из графина и осторожно выпоил ее мне -- левая рука понадобилась мне, чтобы опереться, а правая не шевелилась.

-- Что случилось? Где ребята?

Поставив стакан на столик, Северус ответил, начав со второго вопроса:

-- Отбой был полчаса назад, так что визитеров жди с утра. Тебе тут не меньше трех дней валяться... А случилось следующее: когда ты падала с метлы, бладжер сломал тебе ногу, а я успел остановить твое падение буквально в сантиметре от земли. Попутно ты поймала ртом снитч -- кстати, Хаффлпафф выиграл всухую, сто девяносто -- ноль. Бладжер явно кто-то заколдовал -- он бросался на тебя даже когда ты упала, и сломал тебе запястье. К несчастью, этот выскочка, эта дутая знаменитость Локхарт сидел на три ряда ниже меня и первым успел подбежать... -- папа скрипнул зубами и что-то бормотнул. По-моему, кого-то ждет сюрприз...

-- Он хотел заклинанием срастить тебе кости -- и, как видишь, преуспел.

Северус поднял мою руку и согнул ее как резиновую:

-- В данный момент кости до локтя отсутствуют. Будь они сломаны -- ты бы вышла отсюда уже утром, а так придется пить Костерост еще три дня как минимум.

Я подумала, что Локхарта ждет сюрприз не только от папы. В Сириусовой библиотеке я нашла превосходные паучьи чары -- жертве все время кажется, что в ее тарелке, на одежде, в волосах

ползают пауки. Надеюсь, Гилдерой не из пугливых...

-- Значит, ртом? Оригинально, -- и как только зубы целы остались?

-- Тут подарки от твоих поклонников, -- папа открыл дверцу тумбочки, и я увидела целую кучу сладостей, от шоколадных лягушек до Всевкусных драже.

-- Но мне их нельзя, поскольку глюкоза нейтрализует действие горечавки, входящей в состав Костероста, -- кисло проговорила я. Папа захихикал:

-- Именно. Так что я это все конфискую. Потом отдам.

-- Может быть, -- съязвила я. Кто бы мог подумать, что мой папа, грозный слизеринский декан, любит сладкое? А вот любит же! И готов есть в любых количествах, особенно занимаясь каким-нибудь увлекательным делом вроде чтения или опытов. Выкладывает конфеты горкой на столе и цапает по одной, а потом так изумляется: "Это что, все я съел?"

-- Может быть, -- согласился он. Я махнула рукой:

-- Ешь на здоровье. Только мятные леденцы оставь -- я их люблю, -- конфеты я не слишком жаловала, предпочитая пирожные с фруктовым кремом и булочки с начинкой.

Папа пожелал мне спокойной ночи (с сомнением покосившись при этом на Костерост), сгреб добычу в охапку и удалился обдумывать свою месть мистеру "Улыбка года".

Я, в принципе, занялась тем же -- разве что настроение мне портили огненные мурашки в поврежденных конечностях.

Как можно было принять на работу такое ничтожество? Не озаботиться простейшим тестом на профпригодность? Да даже заика Квиррел и тот был лучше! Он хотя бы не мешал учиться, следуя учебной программе и не заставляя писать дурацкие эссе о себе, любимом. Неужели директорские мозги настолько стухли, что он поверил балаганному шуту? Или это какой-то ужасно хитрый план? Нич-чего не понимаю.

Резкий хлопок в ногах кровати заставил меня вскинуться и выставить вперед левую руку. Ну и что, что моя палочка в тумбочке? Я и без нее превосходно обойдусь.

-- Добби! -- я узнала это несуразное существо, с тихим всхлипом кинувшееся обнимать мои ноги. Поклонение -- это ничего, вот только не надо стискивать так сильно...

-- Пусти, мне больно!

Эльф немедленно отпустил несчастные конечности и стукнулся лбом о спинку кровати:

-- Добби сделал больно мисс Снейп! Добби плохой, плохой!

-- Прекрати! Что ты тут делаешь? -- сейчас еще разбудит мадам Помфри.

-- Добби просил мисс не ехать в Хогвартс! Добби заколдовал проход на платформу, но мисс аппарировала с мистером Блэком! Добби заколдовал бладжер, чтобы он напугал мисс, может, теперь мисс поедет домой?

--Что? Так это ты подстроил? Меня же могло не на шутку покалечить! Я сломала руку и ногу!

-- Лучше мисс уехать домой покалеченной, чем умереть! -- воскликнул эльф и, взвыв, принялся биться головой о пол. Я его не останавливала: узнав, что это он едва меня не угробил, я и сама захотела хорошенько его стукнуть. Пошатываясь, домовик встал и сфокусировал на мне мутный взгляд:

-- Мисс уедет?

-- Лэнни! -- позвала я вместо ответа.

-- Мисс Снейп? -- хогвартский домовик возник рядом с моей кроватью, настороженно разглядывая Добби.

-- Лэнни, ты и другие домовики могли бы проследить, чтобы этот эльф не мог колдовать в замке и вообще ко мне не приближался? Он едва не убил меня сегодня, -- пожаловалась я. Лэнни воинственно встопорщил уши и двинулся на Добби:

-- А ну-ка, кыш отсюда! Иначе... -- Добби жалобно пискнул и исчез. Еще бы, по сравнению с ним хогвартский домовик выглядел куда крепче и здоровее. Интересно, кто хозяин Добби? Неужели ему приятно видеть подобного заморыша в веками нестиранном полотенце?

-- Больше я его к вам не подпущу, -- пообещал Лэнни и спросил,-- Может, мисс хочет чего-то?

Я призналась:

-- Ужасно хочу какао, но мне нельзя сладкого. Принеси мне кофе, если можно, -- вообще-то студентам кофе не подавали, но домовики иногда угощали нас им на кухне. Лэнни исчез с тихим хлопком, чтобы пару секунд спустя появиться снова с подносом. На нем стоял кофейник, чашка и тарелка с бутербродами. Тут только я поняла, что проголодалась, и с урчанием вгрызлась в еду.

-- Спасибо тебе огромное, -- надо будет подарить ему чего-то на Рождество. Лэнни заверил меня, что ему только в радость подобная забота, и аппарировал по своим домовячьим делам, оставив меня в компании кофе, бутербродов и -- б-р-р! -- Костероста.

Глава 6

На следующий день ко мне по очереди прибегала половина Хаффлпаффа, весь второй курс Гриффиндора, пятеро слизеринцев и трое рейвенкловцев: Гермиона, Астория Гринграсс и Луна Лавгуд. Все они поздравляли меня с победой, сочувствовали и

возмущались поведением Локхарта (только некоторые его оправдывали, хотя и не слишком громко). Астория, пришедшая с Драко, Невиллом и Гермионой, и ее соседка по комнате Луна были до странного похожи -- и в то же время очень отличались. Обе очень светлые блондинки, синеглазые и белокожие, обе тоненькие и хрупкие -- но при этом Астория напоминала мне ландыш, а Луна ассоциировалась с ромашкой.

-- Ну, как ты здесь? -- Гермиона сочувственно посмотрела на гордо возвышающуюся на тумбочке бутылку Костероста.

-- Паскудно, -- призналась я. -- Скучно.

-- Держи, -- заговорщицки подмигнув, она достала из сумки "Тысячу зелий на основе вытяжки из левзеи сафлоровидной", а Невилл протянул мне "Сто один сглаз":

-- Вдруг ты придумаешь, как покрасить локхартову мантию в черный или превратить пряжки на его ботинках в лягушек.

После визита друзей мне стало намного лучше. Почитывая "Тысячу зелий", я благосклонно принимала подношения и складывала в тумбочку, безропотно пила противное зелье и почти свыклась с огненными мурашками. Вечером зашел папа, обрадованно выгреб сладости, принес мне "Защитные чары для начинающих", поцеловал меня в лоб и ушел.

Он был моим последним визитером. Почитав еще с полчаса, я решила ложиться спать и спустила ноги на пол, намереваясь напоследок посетить туалет.

"Смерть... Убивать..."

Я вскочила с кровати и на цыпочках прокралась к выходу из палаты -- голос удалялся куда-то туда. Если бы на стене были портреты, я бы поклялась, что это они разговаривали -- но стены Больничного крыла были девственно пусты, только в приемном покое висел портрет Дилис Дервент, бывшей хогвартской директрисы и известного колдомедика.

В коридоре я обнаружила лежащего на полу Колина Криви, сжимавшего в руках маггловский фотоаппарат -- за день до матча родители прислали ему подарок на день рождения, и он достал меня вконец, подстерегая чуть ли не на каждом шагу. Нет, я, конечно, желала ему всех благ... Но не всерьез же!

-- Мадам Помфри! -- я подняла шум, и сонная медиведьма прибежала, поправляя сбившийся чепец.

-- Что, милочка? О, Мерлин! Дилис, позовите директора!

На шум прибежал Филч, злорадно потерший руки при виде недвижного Колина и хлопотавшей вокруг него мадам Помфри.

-- Ага, попалась!

Пока Филч изощрялся в оскорблениях, а мадам Помфри пыталась расколдовать Криви, я молча подпирала стенку, ожидая развития событий.

Примчался директор, вызванный Дилис Дервент, МакГоннагал (Опять? Они что, тайком встречаются?) и непонятно кем извещенный Северус. Папа тут же приказал Филчу прекратить пороть чепуху:

-- Чем она его заколдовала? Пальцем? Да у Гарри даже палочки нет! К тому же правая рука у нее сломана, а такие сложные чары окаменения левой не наложишь.

-- Аргус, Северус совершенно прав. Криви заколдовал кто-то посильнее Гарри... Боюсь... -- Дамблдор оборвал себя на полуслове, то ли не желая высказывать вслух свои догадки, то ли скрывая многозначительной таинственной паузой собственное непонимание.

Папа левитировал Криви на ближайшую свободную кровать, а директор увел завхоза и МакГоннагал. Я шмыгнула носом:

-- Ну вот, даже в туалет спокойно сходить нельзя. Па, это правда не я...

-- Знаю, Гарри, знаю. Директор явно видел подобное прежде, а МакГоннагал догадывается -- но ни за что не поделится догадкой. Я попробую что-то узнать, но...

-- Я снова слышала голос, -- тихо сказала я, оглянувшись на мадам Помфри. Та нас не слышала, хлопоча вокруг Колина.

-- Тот же?

-- Да. А еще раньше я его слышала, когда нашла филчеву кошку. Я не понимаю, почему больше никто его не слышит!

-- Успокойся, Гарри. Ты сама сказала, что всему есть разумное объяснение.

Ага. Только найти его чрезвычайно сложно.

Я так и не поняла, кто разнес слух об окаменевшем Криви, и почему все поспешили обвинить меня. По-моему, это рейвенкловцы постарались, мстя за проигранный с разгромным счетом матч. Как бы там ни было, когда я вышла из Больничного крыла, то обнаружила, что почти вся школа при виде меня начинает перешептываться и едва ли пальцами не тыкает.

Неприятно, между прочим.

Особо впечатлительные при виде меня впадали в ступор, а Паркинсон каждый раз, как идиотка закатывала глаза и шлепалась на руки Буллстроуд с воплем: "Меня окаменили!"

На второй день после моего выздоровления на стене в коридоре нашли сделанную кровью надпись: "Тайная комната вновь открыта." В коридоре у хаффлпаффской гостиной. За-ши-

бись. Можно подумать, что я оставила бы надпись рядом с собственной гостиной!

Слухи и предположения нарастали снежной лавиной, грозя похоронить меня под собой. К примеру, Ханна Аббот нервно вздрагивала, увидев меня утром, а Пауэлл, по-моему, всерьез размышлял, за что бы такое исключить меня из команды.

На ближайшем уроке Трансфигурации я подняла руку и попросила МакГоннагал:

-- Профессор, расскажите нам, пожалуйста, о Тайной комнате.

Гриффиндорская деканесса недовольно поджала губы, но потом согласилась:

-- Ладно. Чтобы не плодить пустых догадок... Все вы знаете о том, что Хогвартс построили четыре величайших колдуна своего времени: Годрик Гриффиндор, Хельга Хаффлпафф, Ровена Рейвенкло и Салазар Слизерин. Трое основателей жили в ладу друг с другом, но один не разделял их образ мышления...

-- Догадайся, кто, -- шепнул мне Невилл.

-- Салазар Слизерин был категорически против того, чтобы обучать магии магглорожденных и полукровных колдунов. Легенда утверждает, что где-то в Хогвартсе есть вход в Тайную комнату, где Слизерин поселил страшное чудовище. Когда разногласия с другими основателями достигли апогея, он ушел из Хогвартса, запечатав Тайную комнату, но предрек, что настанет день и его потомок откроет ее. Этот день должен стать последним для всех магглорожденных, пребывающих в школе.

-- Криви был магглорожденным! -- выкрикнул какой-то рейвенкловец с задней парты.

-- Не "был", мистер Каттнер, а "есть". Криви расколдуют не позже мая. Тайная комната -- не более, чем миф, поскольку школу неоднократно обыскивали и проверяли как сами преподаватели, так и специалисты из Министерства. Никаких Тайных комнат, Секретных гардеробных, Неведомых гостиных, Загадочных чердаков и прочей подобной чепухи в Хогвартсе не существует. А теперь вернемся к теме урока: сегодня вы научитесь превращать живое в неживое. Перепишите эту формулу и повторите за мной движение палочкой...

Объяснение МакГоннагал возымело эффект, прямо противоположный тому, на который я рассчитывала. Теперь меня называли Наследницей и совершенно не желали обращать внимания на тот факт, что логичнее было бы обвинить в открытии комнаты папу -- как колдуна более сильного и к тому же маггла только наполовину, а не на три четверти. Бред, в общем. Полный бред.

Раздраженно плюхнув сумку в угол, я уселась в кресло

напротив папы и спросила:

-- А ты точно не потомок кого-нибудь из Основателей? Слизерина, например? Вот здорово было бы: найти Тайную комнату и науськать монстра сперва на того, кто разнес сплетню по школе, а потом на директора, Локхарта и Паркинсон.

-- Любопытный список, -- резюмировал папа. -- Раз уж тебе приспичило послушать лекцию о собсвенной родословной... Папаша мой, Тобиас Снейп, был потомственным магглом и ни капли колдовской крови не имел. Мама, Эйлин Принц, происходила из чистокровного рода, но обнищавшего еще до гоблинских войн. В магическом мире она не могла рассчитывать на удачное замужество, поскольку не имела ни приданого, ни влиятельных родственников, ни выдающихся способностей, ни блестящей внешности -- я весь в нее, между прочим. Бабушка моя по матери -- испанка, а это не считается хорошим происхождением здесь, в Англии. С ее стороны -- несколько поколений сельских знахарок, никаких Основателей. Дед -- англичанин, но тоже не имеет никакого отношения к Основателям.

-- А мамины родители? -- упрямо спросила я. Папа засмеялся:

-- Лилины родители были магглами. Весьма занятными, но все же магглами. Так что если ты рассчитывала на длинную и развесистую родословную, то у тебя ее нет. Правда, дед мой приходился каким-то дальним родственником Блэкам, но это родство слишком уж дальнее, чтобы о нем вспоминать -- даже по магическим меркам.

-- Н-да... -- вздохнула я. Не то, чтобы меня это расстроило -- я всегда знала, что могу рассчитывать только на собственные силы. Но было как-то... досадно, что ли. Выходит, я совсем чужая тут -- как тот же Криви или Бесси Миллер.

-- Интересно, кого они назначат Наследником, если я окаменею?

Глава 7

Папа меня тогда, конечно, отругал, и попросил прекратить молоть чепуху. Но теперь после всех наших с ним занятий Северус провожал меня и моих друзей до гостиных, намереваясь уберечь от неведомого монстра. По-моему, зря: раз уж этот монстр так быстр и ловок, ему ничего не стоит окаменить сразу троих студентов и одного преподавателя.

Студенты продолжали коситься на меня и перешептываться, но с этим я ничего поделать не могла. Помощь пришла, откуда не ждали: близнецы Уизли, шалопаи и сорвиголовы, взяли за моду везде следовать за мной и орать: "Расступитесь! Наследница и ее свита!" Сперва я обижалась и злилась, а потом заметила, что при

моем появлении никто больше не шарахается, а наоборот - все начинают улыбаться. Спустя месяц после происшествия с Криви, о несчастном гриффиндорском первокурснике никто и не вспоминал. Вот уж воистину - толпа глупа!

Локхарт, между прочим, немного подрастерял свой лоск и все чаще появлялся в Большом Зале не при параде: еще бы, попробуй повертеться перед зеркалом, если в нем вместо собственного личика отражается троллья харя, корчащая рожи и распевающая похабные песенки! Рожу папа мне продемонстрировал, но озвучить текст песенок отказался, дескать, мне еще рано о таком знать. Ну и подумаешь... Насколько нам было известно, ни к кому из хогвартского штата Локхарт не обращался - видимо, стеснялся расписаться в собственной несостоятельности как мастера по снятию проклятий. Свое паучье проклятье, кстати, я наложила, но сняла спустя четыре дня: Гилдерой перестал есть, а смерть этого болвана от голода не входила в мои планы.

Паркинсон тоже притихла, как потом оказалось, нашла себе жертву поплоше - Джинни Уизли. Но тогда я еще не знала об этом и наслаждалась затишьем по полной: с головой зарывалась в книги, до звона в ушах летала, бегала по выходным к Хагриду посмотреть на занятных зверушек (зачастую относящихся к третьей и выше категории) и вовсю наслаждалась жизнью. Незаметно подошел к концу первый семестр, и мы разъехались на каникулы, причем Невилл поехал к нам с папой - его бабушка перемудрила с заклятьями для уборки и слегла в Мунго с вениками вместо рук. Разве могла я позволить другу ехать на каникулы к странному дядюшке Августу, вывешивавшего племянника за ногу из окошка? Папа, кстати, не возражал: он считал Невилла разумным и воспитанным мальчиком, никуда не лезущим без спросу (одно из главных, по папиному мнению, качеств). Получив обязательное приглашение от Малфоев мы, не мудруя лукаво, взяли с собой и Лонгботтома. Невилл пришел в совершеннейший восторг от нарциссиной оранжереи, так что все четыре дня, что мы у них гостили, леди Малфой провела в беседах с "юным гербологом". Сириус с Ремусом к нам не присоединились, по-моему, крестный, почуяв вкус свободы, просто пустился во все тяжкие, так как даже на письма отвечал с огромным опозданием и то, подозреваю, после многократных люпиновских напоминаний. Впрочем, о подарках он не забыл, и я получила от него шикарнейший "Нимбус 2000" - кажется, кто-то принял слишком близко к сердцу мою потерю старой метлы. Впрочем, подарку я была рада и немедленно опробовала его на малфоевском квиддичном поле, тем более что Драко выцыганил-таки у отца защитный купол и теперь ни снег, ни дождь были нам

не страшны. Невилла же больше заинтересовала газонная травка необычной слизеринской расцветки: сверху травинка, как положено, была зеленой, а снизу - серебристой.

Остаток каникул мы провели, экспериментируя с подаренной мной другу Мимбулус Мимблетонией - растеньицем довольно неказистым, но занятным. Оно смахивало на лысый кактус и мандрагору одновременно, имело зубастый рот и меланхоличный характер, ело все подряд и за пару дней приобрело скверную привычку - по ночам вылезать из горшка, ковылять на кухню и горестно вздыхать перед дверью кладовки. Одолженный Сириусом Кикимер имитировал нервный срыв, и нам пришлось покупать растеньицу клетку для попугаев - с кормушкой и поилкой, и, что самое главное, с крепкими прутьями. Невилл от подарка был в полном восторге и все прикидывал, что будет, если перевести Мимбулус Мимблетонию на мясную диету вместо вегетарианской. Чуя подвох, я строго-настрого запретила ему это делать. По крайней мере, в нашем доме... Хотя эксперимент вышел бы интересный.

Сразу после каникул мое везение закончилось. В первый же день после ужина студенты наткнулись на окаменевшего полукровку Джастина Финч-Флетчли и гриффиндорское привидение Почти-Безголового Ника, неподвижно зависшего в воздухе. Вот уж любопытно, каким заклятьем можно окаменить привидение, если на них не действует ничего, кроме экзорцизма? В общем, угадайте, кто оказался виноват...

Меня снова боялись и сторонились. Паркинсон ликовала столь явно, что я заподозрила ее в принадлежности к славному роду Салазара Слизерина. Открыла Тайную комнату и потешается, разнося мою репутацию в пух и прах. Папа ходил мрачнее тучи. Мое робкое предположение насчет Панси было встречено со скептицизмом, и меня тотчас отослали к Драко - за полной паркинсоновской родословной. Тот разочаровал меня и посоветовал не искать зря: среди ныне живущих потомков основателей нет.

Вздохнув, я побрела было к себе в гостиную, но по пути меня едва не сбила с ног Джинни Уизли. Она с такой скоростью выскочила из туалета Плаксы Миртл, что даже не заметила меня у себя на пути. Я заглянула посмотреть, что же ее так испугало, но не обнаружила ничего кроме злобно взвизгнувшей при моем появлении и нырнувшей в унитаз самой Миртл. Да еще краны опять были отвернуты на полную мощность.

- Прекрати баловаться с водой! - крикнула я, обращаясь к привидению. - Иначе директор не выдержит и изгонит тебя.

Закрыв краны, я на всякий случай проверила кабинки - там

было пусто, в одной только обнаружилась плавающая в бачке тетрадка. Думая, что вещь принадлежит Джинни, я выловила и высушила ее. Простая маггловская вещица в дермантиновой обложке и с закладкой-ленточкой - может, это мистер Уизли подарил ей? Он увлекается собиранием маггловских штучек... Раскрыв тетрадку, я обнаружила, что та пуста. Никаких записей, только даты в верхнем углу почти каждой страницы, да надпись на первом листе: "Том Марволо Риддл, 1950". Что за любопытный дневник? Такой старый и превосходно сохранился...

Решив при случае расспросить Джинни, я забрала тетрадку и ушла к себе, писать эссе для профессора Флитвика.

Только поздней ночью, закончив делать уроки и прочитав пару глав из сегодня взятой в библиотеке книги по гербологии, я вспомнила о дневнике.

Открыв его на первой странице, я собиралась нарисовать в нем рожицу, но капля чернил, упавшая с кончика пера, впиталась без следа. Ничего себе! О таком я еще не слышала...

"Здравствуй, дорогой дневник! Меня зовут Персефона Паркинсон, и я хочу пожаловаться тебе на Гарри Снейп", - кажется, так принято писать в девчачьих дневниках? Сама я никогда не совершу подобной глупости и не стану доверять свои мысли и чувства бумаге.

Чернила впитались и вдруг на желтоватой страничке проступили совершенно другие слова: "Здравствуй, Персефона! Меня зовут Том Риддл. Что у тебя стряслось?"

Это что, мыслящий дневник? Ух, как любопытно...

"Дорогой Том, меня уже достала эта грязнокровная выскочка! Все ее обожают, будто лучше нее никого нет, и не видят, какая она на самом деле."

"Какая же?"

"Жадная до славы подхалимка. Ненавижу ее! Пусть бы и ее окаменили!"

"Окаменили? Что ты имеешь в виду, Персефона?"

"Ну... осенью в коридоре нашли окаменевшую кошку, а потом гриффского первокурсника. Недавно окаменили еще одного хаффла. Все считают, что это работа Снейп, но я не верю. Она только хвастается, а на самом деле - ноль без палочки."

"А почему все решили, что это сделала она?"

"Она всегда оказывалась рядом. И потом, возле их гостиной кто-то написал кровью: "Тайная комната открыта вновь." Все решили, что она - Наследница Слизерина."

"Какая чепуха! Настоящего Наследника в свое время нашел я, но директор за него заступился и тот отделался лишь изъятием палочки. Мне вручили красивую блестящую медаль, а смерть

девочки так и осталась безнаказанной."

"Значит, Тайную комнату уже открывали?" - я навострила уши и во все глаза уставилась на страницу.

"Да, в то время как я учился в Хогвартсе. Я могу показать тебе."

"Покажи."

Вспышка - и я оказалась в черно-белом коридоре, рядом с красивым шести- или семикурсником-слизеринцем. Мимо нас пронесли тело на носилках, накрытое простыней, прошествовали трое министерских работников и прошел Дамблдор. "Да, если виновного не найдут, школу придется закрыть..." Моя рука прошла сквозь слизеринца, как сквозь привидение, когда я хотела привлечь его внимание и спросить, что происходит. Вдруг тот сорвался с места и побежал, и я молча последовала за юношей. Тот куда-то торопился, и все оглядывался, не идет ли за ним кто-то. Добежав до какого-то заброшенного коридора, юноша стал красться к одной из дверей, пока не распахнул ее рывком. Кто-то высоченный и широкий закрыл собой фанерный ящик, в котором мелькнуло нечто многолапое и мохнатое, с множеством глаз. "Я нашел тебя! Теперь тебе не отвертеться!" - и следующая вспышка перенесла меня в кабинет директора. Еще не седой и безбородый Дамблдор скорбно взирал на совсем юного Хагрида. Чиновник в министерской мантии сворачивал пергамент, а второй взял со стола волшебную палочку. Сухой треск ломающегося дерева заставил Хагрида вздрогнуть. "Рубеус Хагрид, вам запрещено покупать новую палочку. Если о подобном нарушении станет известно Министерству, условным сроком вы не отделаетесь." И снова вспышка: красивому слизеринцу вручают медаль, Хагрид сидит, сжавшись, за преподавательским столом и тщетно пытается спрятаться за спину какого-то профессора. Видимо, сразу после этого происшествия Дамблдор взял его лесником.

Вернувшись в свое время, я захлопнула дневник и задумалась. Хагрид - Наследник Слизерина? Да не смешите мои тапочки! Риддл врал, как сивый мерин. Интересно только, знал ли он об этом? Зачем Риддл мог соврать? Не хотел возвращаться домой и назначил виновным Хагрида, державшего в школе какую-то опасную тварюшку? Очень похоже на правду. Надо будет расспросить завтра лесника поподробнее.

Глава 8

Первого урока у нас не было, и я, пожертвовав завтраком, побежала к Хагриду. Неудовлетворенное любопытство куда хуже чувства голода...

- Гарри! Здорово!

- Хагрид, мне нужно тебя кое о чем спросить. О личном.

- Спрашивай, - полувеликан обернулся к камину и подвесил чайник над огнем.

- За что у тебя отняли палочку?

Хагрид вздрогнул и чуть не сел мимо стула.

- А тебе зачем?

- Меня считают Наследницей Слизерина и обвиняют в том, будто я открыла Тайную комнату, и тебя обвиняли в том же. Расскажи, что на самом деле произошло?

Хагрид долго молчал, прежде чем решился рассказать мне о том, что знал. Наверняка ему было тяжело вспоминать, как его несправедливо обвинили и едва не засадили в Азкабан, но желание помочь возобладало.

- Я тогда на третьем курсе учился, ну и нашел его в лесу. Арагога, стало быть, паука. Я держал его в ящике, никогда не выпускал, а ежели б и выпустил, так от него никакого вреда не могло бы приключиться, разве, что испугал бы кого... Арагог просто зверушка, и не умеет убивать...

- Она окаменела? Девочка, в смерти которой тебя обвинили?

- Ну да, в камень превратилась. Первоклашка какая-то, магглокровка. Министерство хотело закрыть школу, но слизеринский староста Риддл выследил меня и нашел Арагога. Сказал, будто это он убил девочку. Дамблдор за меня заступился, но меня судили... осудили условно, на пять лет, вот. И палочку сломали. Тогда больше никого не убили, и все решили, что я взаправду Наследник. Только я совсем не Наследник, вот. Ты, ежели тебя подозревают, лучше нигде одна не ходи, а то министерские разбираться не станут...

- Значит, ты держал паука, - уточнила я. Хагрид кивнул.

- Ну да. Большого такого. Их еще акромантулами называют по-ученому. Он говорить умеет...

- Умеет? Так его не убили?

- Я успел выпустить его обратно в лес, - довольно улыбнулся Хагрид. - Арагог жуть как боялся того, кто девочку убил, говорил, что это очень древнее чудовище. Но имя не назвал.

- Спасибо тебе, Хагрид. Постараюсь быть осторожнее...

Попив чаю с кексами, я собралась уходить. Хагрид вызвался проводить меня до школы - его не на шутку обеспокоило то, что меня подозревают в случившемся. Он искренне верил, что Дамблдор во всем разберется, но считал нелишним перестраховаться.

Выйдя из хижины, я заметила Клыка, увлеченно раздирающего какую-то птицу.

- Хагрид! Что это у него?

- Клык! Негодник, чего ты натворил?

Половина кур, которых держал Хагрид, чтобы подкармливать мясом и яйцами разнообразное зверье, лежали с перегрызенными шеями. Пух и перья летали в курятнике...

Кое-что показалось мне странным. Осторожно ступая, чтобы не запачкаться, я подошла к ближайшей птице и пошевелила кончиком палочки:

- Хагрид, гляди!

- Гарри, не трогай, испачкаешься!

- Не испачкаюсь. Смотри сюда: их не грызли, им перерезали шеи, чтобы было похоже на Клыка. И еще одно: здесь нет ни единой курицы, только петухи.

- И правда... Ладно, пойдем, я потом уберусь тут.

Выходя из разграбленного курятника, я подняла красивое иссиня-зеленое петушиное перо и, вертя его в руке, рассеянно подумала, что будет совсем нелишним узнать, чего боятся пауки.

Перо я подарила Луне. В ее светлых волосах оно смотрелось весьма своеобразно, но красиво. Луна, Астория, близнецы и Рон Уизли, Невилл и Гермиона, да еще Драко - только они не шарахались от меня и не верили в сплетни. Вот так и узнаешь, кто действительно друг тебе, а кто просто приятель. Даже Джинни шарахалась от меня, как черт от ладана, и мне не выпадало случая расспросить ее о дневнике Риддла. Сам дневник я носила с собой постоянно, но больше не открывала - врунишка Риддл вызывал у меня стойкое отвращение.

Пятнадцатого января в холле висело новое объявление, гласившее, что в школе открывается дуэльный клуб, записаться в который могут все желающие. Вспомнив слова папы о том, что профессор Флитвик превосходный дуэлянт, я решила, что это он возглавит клуб, и немедленно записалась. Увы, судьба была ко мне жестока...

Посреди огромной аудитории стоял длинный широкий помост около метра в высоту. Мы все столпились вокруг него, и с нетерпением ждали профессора... Нет, не Флитвика. В класс танцующей походкой вошел Сиятельный-и-Великолепный, явно избавившийся от наших с папой проклятий Локхарт. Поклонницы взревели, запищали и засвистели (кто во что горазд), Мистер Улыбка сбросил им в руки синий на белой подкладке плащ, расшитый золотом, и изящно взбежал на помост. Пшеничные кудри были тщательно напомажены и уложены, глаза (по-моему) подведены, улыбка во все тридцать два... Не хватало Криви с фотоаппаратом.

Он обратился к нам с речью, содержание которой сводилось к воспеванию себя, любимого и смысловой нагрузки, в общем-то, не несло. Я откровенно скучала и лениво прикидывала, кому он на

сей раз размягчит кости/удлинит уши/вырастит рога и прочее, прочее...

- Профессор Снейп любезно согласился мне помочь. Сейчас мы продемонстрируем вам основные приемы дуэли, - Локхарт ослепительно улыбнулся папе, забравшемуся на помост. - Не волнуйтесь, вы получите своего зельевара обратно целым и невредимым.

Я закашлялась, скрывая смех. Па-апа... Интересно, что ты задумал?

Студенты явно надеялись на обратное. Около сотни восторженных взглядов уставились на Локхарта, тогда как папе достались явные пожелания быть раскатанным по помосту слоем в одну молекулу. Ну-ну...

Профессора сошлись ровно посередине, поклонились, развернулись и сделали по пять шагов. Развернулись снова и встали в позицию.

- Петрифи...

- Экспеллиармус! - папа оказался первым. Локхарта снесло и хорошенько приложило о пол, палочка же его оказалась в руке у папы.

- Итак, перед вами пример типичнейшей ошибки любого дилетанта, - прокомментировал Северус. - Начинать следует с коротких заклинаний, иначе ваш противник может успеть достать вас первым.

- Именно! Именно так я и задумывал! - Локхарт, кряхтя, взобрался на помост. - Пожалуй, можно перейти к вам, дороге мои. Профессор Снейп, порекомендуйте нам кого-то из учеников.

- Гм... Мисс Буллстроуд, например.

- Превосходно, тогда - мистер Лонгботтом.

Невилл вышел против Буллстроуд, подмигнув мне напоследок. Помнится, вчера она едва не сбила его с ног и выбила из рук сумку с конспектами, так что мы собирали разлетевшиеся свитки по всему коридору.

Противники поклонились, разошлись, повернулись...

- Экспеллиармус! - Буллстроуд не была оригинальной.

- Протего! Слагулус Эрукто! - о, сейчас узнаем, что хотела наслать на меня Паркинсон. Буллстроуд плюхнулась на объемистый зад и схватилась за горло. Натужно кашляя, выплюнула на пол слизняка, потом еще и еще...

- Фините Инкантатем! - замахала палочкой Паркинсон.

- Мисс Паркинсон, данное заклятье не имеет обратного действия, - ехидно прокомментировал папа. - Что, кстати, дает неоспоримое преимущество наславшему его. Ваш противник выведен из строя, мистер Лонгботтом. Замечательно. Пожалуй...

пять баллов Хаффлпаффу.

Невилл довольно улыбнулся и спрыгнул с помоста. Кашляющую слизняками Буллстроуд увели в Больничное крыло, и Локхарт вызвал следующую пару:

- Мисс Паркинсон, раз уж вы на помосте, и мисс Снейп.

Панси нехорошо ухмыльнулась и встала напротив. Поклонившись, она шепнула:

- Ты покойница, - и развернулась ко мне спиной.

Небрежно взмахнув палочкой, она выкрикнула:

- Серпенсортия!

- Протего! - среагировала я, но защищаться было не от чего. Из воздуха соткалась огромная кобра, шлепнувшаяся прямо передо мной, и угрожающе раздувшая капюшон. Мне вспомнился боа-констриктор в зоопарке, и бледный Дадли в террариуме...

- Привет.

- Привет, Говорящая, - прошипела змея, мгновенно успокаиваясь. Я присела и протянула к ней руку:

- Иди сюда, пока никого не напугала.

- С-слушаюс-сь.

Кобра поползла ко мне и обвила мою руку.

- Паркинсон, заберешь свою зверушку? - кобра вопросительно посмотрела на Панси. Та отчего-то побелела и упала в обморок.

- Гарри, не шевелись, - попросил папа, взмахивая палочкой.

- Анималум ревелло!

Змея исчезла, как и не бывало. Тишина в аудитории стояла гробовая. Что опять не так? Я же их, идиотов, спасала...

У меня все не как у людей, чесслово. Оказывается, разговаривать на парселтанге - языке змей - могли только единицы из всех колдунов. Например, Волдеморт... или Салазар Слизерин, ага. Вот и докажи после этого, что ты не верблюд...

Выяснилось, что я натравливала змею на Панси - это когда я сказала, не желает ли та вернуть себе кобру. Я, оказывается, обратилась к ней на парселтанге, сама того не заметив.

Да, я злая и ужасная, я разговариваю со змеями и ем на ужин маленьких детей...

Глава 9

Друзья на меня тогда здорово рассердились за то, что я не сказала им о способности беседовать со змеями. Герми даже разговаривать со мной три дня не хотела, и сменила гнев на милость только когда я нарочито громко пожаловалась, будто не могу перевести текст с арамейского, а там идет речь об очень любопытном сглазе. Она тут же отобрала у меня словарь, книгу и спустя два часа радостно махала палочкой, переворачивая Пивза кверху тормашками. Полтергейст визжал и грозился

пожаловаться Дамблдору, а Гермиона хихикала и припоминала, как первого сентября Пивз встретил ее дождиком из чернил, в результате чего погибла ее любимая шелковая блузка.

Единственный, кто на меня не обижался, был Невилл. Мы с ним частенько полуночничали, беседуя обо всем на свете, и знали друг о друге мельчайшие подробности вроде того, когда выпал первый зуб и как уничтожалась совершенно несъедобная овсянка (Невилл скармливал собаке, а я прятала в карман и долго потом отстирывала пятна). Не знаю, почему так вышло, но именно Невилл стал моим лучшим другом, хотя я познакомилась с ним не раньше, чем с Драко и Гермионой. Возможно, мне пришлось по душе то, как искренне он меня любил - а то, что он именно любил меня, не вызывало сомнений. Я слишком хорошо разбиралась в людях, чтобы спутать любовь с симпатией или приязнью. Совершенно точно я могла сейчас сказать, что папа любил меня как дочь, к его любви примешивалась изрядная доля гордости, восхищения и уважения. Сириус воспринимал меня скорее как младшую сестренку, наверное, потому, что сам в душе оставался сущим мальчишкой: безрассудным, шаловливым и несколько эгоистичным. Ремус был всепонимающим дядюшкой, в любое время дня и ночи готовым выслушать и посоветовать - таким хотел казаться Дамблдор, но получалось не очень. На самом деле в ясных глазах старика я никогда не замечала и сотой доли той теплоты, что была у Люпина. Как ни трепала его жизнь, оборотень все равно относится к ней, словно хиппи: всех прощает и любит. Даже с папой быстро подружился, хотя тот не самый приятный в общении человек. Скорее наоборот, по застарелой привычке вечно пытается уязвить и поддеть собеседника, чем не очень-то располагает к себе. Думается мне, что, не обнаружь я письмо, мы с ним стали бы злейшими врагами - с нашим-то фамильным упрямством и нелюбовью к компромиссам...

Гермиона и Драко видели во мне товарища: умного, веселого, изобретательного и нескучного. А вот для Невилла я, сама того не заметив, стала средоточием его мира, неким центром, осью вращения. Не то, чтобы он слепо мне верил и никогда не подвергал мои слова сомнению - и это здорово, потому что такой власти над ним я не желала и даже побаивалась. В чем-то он был похож на Люпина, только его доверие распространялось не на всех, а на меня лично. Может, все дело в том, что я была первой, кто разговаривал с ним как с равным и не считал неразумным ребенком, не знаю... Причину данного феномена мне только предстояло раскрыть. В одном я была уверена: Невилл всегда будет рядом, даже если я сама стану отталкивать его.

Вот только я вовсе не собиралась так поступать. Если я была

для Невилла центром, то он стал для меня спасательным кругом, не дающем утонуть в океане подозрений, боязни и ненависти, в который превратился январский Хогвартс. Сириус и Ремус были далеко, папа не мог уделять мне много времени, поскольку у него и так было предостаточно обязанностей, зато Невилл был со мной почти шестнадцать часов в сутки - и этого мне хватало, чтобы сохранить самообладание.

Помирившись с друзьями, я вздохнула свободнее, хотя в целом ситуация была такова, что хоть вешайся. Всё, абсолютно всё свидетельствовало против меня, и только слава Девочки-которая-выжила спасала меня от исключения. Если бы не это, министерские работники уже сломали бы мою палочку - и наплевать, что она мне не нужна.

Способность говорить со змеями, как сказал Дамблдор, позвав меня на чай с мармеладками, передалась мне от Волдеморта. Якобы, пытаясь убить меня, он нечаянно вложил в мою многострадальную голову частицу своих знаний. Я покивала головой, поохала, похлопала ресницами и была отпущена с миром.

Не ве-рю! И папа тоже заявил, что это полнейшая чушь: каким образом можно вложить в чью-то голову свои знания? Парселтанг невозможно выучить, это дар, врожденная способность, не обязательно передающаяся по наследству. Будь иначе, неужели никто не пожелал бы изучить язык змей? Хотя бы те, кто имеет дело с этими холоднокровными - работники зверинцев, охотники и просто любители держать змей в домашних террариумах.

Что-то Дамблдор темнит. Между мной и Волдемортом явно есть какая-то связь, и он прекрасно осведомлен о ее природе, но, то ли он не хочет раскрывать карты раньше времени, то ли вообще намерен держать меня в неведении. Неужели он действительно считает, будто сможет оказывать на меня влияние? Что я стану слепо повиноваться его указам, и не заинтересуюсь, зачем, собственно, мне делать то или иное? Пожалуй, вырасти я в любящей семье, так бы и было - но я не привыкла доверять просто так.

Первого февраля министерские работники арестовали Хагрида. Оказалось, что отец Паркинсон настолько напугал членов попечительского совета, что полувеликан, так и не оправданный пятьдесят лет назад, был посажен в Азкабан - в качестве превентивной меры. Дескать, пока настоящего виновника не найдут, он посидит в камере, отдохнет от трудов праведных, а потом его выпустят... возможно. Дамблдор использовал все свое влияние, чтобы скандал никак не отразился на его карьере, но совет попечителей потребовал его отстранения,

и в качестве временного директора был назначен лорд Малфой. Паркинсон, наверное, локти грыз - как же, ведь ему не удалось захватить такую лакомую должность! Малфой никаких кардинальных изменений в школьную жизнь не внес, ему было не до того: слишком уж увлекся раскапыванием дамблдоровой рухляди, за долгие годы скопившейся в кабинете. Мы с Драко усердно ему помогали и под шумок утащили для опытов пару фоуксовых перьев - феникс почему-то остался в Хогвартсе, не улетел вместе с директором. После детального изучения директорских полок оказалось, что всё это барахло проходило по статье "непредвиденные расходы" и было куплено на деньги попечительского совета, но почему-то не имело инвентарного номера. Дотошный Малфой всё пронумеровал, описал и упрятал в Гринготтс. В сейф, принадлежащий школе. После долгих поисков в Распределяющей шляпе была совершенно случайно обнаружена приходно-расходная книга, при виде которой лорд Малфой воспылал прямо-таки нездоровым энтузиазмом и немедленно утащил домой. Получается, Дамблдор вел двойную бухгалтерию? Интересно... Такой удар по репутации!

Наступило долгожданное затишье, продолжавшееся ни много ни мало две недели. Малфой изучал найденный гроссбух, Хагрид "отдыхал" в Азкабане, монстр не показывался и все решили, будто настоящий виновник всё-таки был найден и нейтрализован. Я так не считала и все свободное время проводила в библиотеке, ища чары, которыми можно было бы привести в порядок Криви и Финч-Флетчли.

А потом Локхарт затеял празднование Дня Святого Валентина...

Выйдя поутру в коридор, я решила, что попала в свой персональный ад.

Не знаю, как это ему удалось, но каждый свободный сантиметр хогвартских стен был покрыт бумажными рюшами отвратительно-розового цвета, мишурой, огромными алыми розами и белыми толстопузыми крылатыми младенцами, сжимающими в пухлых ручонках кукольные луки. Младенцы были нарисованы на стенах, высечены из мрамора, вырезаны из бумаги и плавали в воздухе в виде прозрачных фантомов. Удушающе пахло ванилью и корицей, а попадающиеся навстречу студенты как-то подозрительно хихикали и сверкали глазами.

Бочком пробравшись в Большой зал (оказалось, что некоторые мраморные купидоны при приближении человека начинают пискляво исполнять любовные песни), я увидела, что большинство студентов совершенно обалдевшими глазами уставились на облаченного в розовые шелка Локхарта,

произносящего Речь. Он так увлеченно рассуждал о любви в разных ее проявлениях, что широкие рукава его мантии, порхающие туда-сюда при жестикуляции, живо напомнили мне купидонские крылышки. И сам Локхарт до противного был похож на пухлощекого младенца, которыми наводнил школу: очаровательно пустоголовый и улыбающийся. Только лука для полноты картины недоставало.

- ... И потому, дорогие друзья, я решил в столь трудный для школы час поддержать всех, устроив праздник! Мои очаровательные помощники доставят ваши валентинки тому, к кому вы питаете пристрастие, и я уверен, что сегодня никто не останется обойден вниманием! - в зал, печатая шаг, вошло с дюжину хмурых гномов, обряженных купидонами: хитон с оборочками, золоченые крылышки, игрушечный лук...

- Давайте же все вместе создадим атмосферу настоящего праздника! Наш дорогой профессор Флитвик, уверен, знает неплохие любовные чары, а профессор Снейп не откажется научить вас варить Амортенцию...

Папа от неожиданности чуть не подавился тостом и расплескал кофе, который только что услужливо поднес ему домовик.

- Ну, знаете ли...

Локхарт ослепительно улыбнулся и фамильярно похлопал папу по плечу:

- Да-да, милый Северус, полагаю, слабенькая Амортенция - именно то, что всем нам нужно! Только представьте, сколько счастья принесет... О, а вот и первая ласточка! - уродливый гном подлетел к Локхарту, осыпал его розовыми лепестками и загнусавил нечто, несомненно, бывшее поздравлением. Профессор ЗОТИ первых пять минут радостно улыбался, потом заскучал, а потом не на шутку обеспокоился. Гном все пел и пел, рассыпая лепестки, и зачинщик всего этого безобразия попытался было деликатно прогнать "купидончика", но тот был неумолим. Папа сначала злился, а потом явно призадумался. С не обещающей ничего хорошего ухмылочкой он глянул на гнома, потом на Локхарта, и в завершение - на десяток "купидончиков", смирно стоящих возле преподавательского стола. По-моему, я уже знаю, что будет...

Весь день студентов преследовали переодетые гномы. Бородатые кривые рожи, старательно выводящие серенады – это было то еще зрелище... Спасибо Мерлину, что меня таким оригинальным образом решил поздравить только один воздыхатель, и я отделалась прослушиванием самопального стихотворения, несомненно, претендующего на звание сонета.

Цвет моих глаз в нем сравнивали с лягушкой, а волос - с ваксой, но в целом всё было довольно мило. В ответ я послала Невиллу (а в том, что это было именно его поздравление, я не сомневалась) коробку шоколадных эклеров. А вот остальным досталось гораздо больше. Симпатичных старшеклассниц буквально преследовали сразу по нескольку гномов, наперебой распевавших и декламировавших всякую чепуху, а те всеми силами старались отвязаться от них. Несчастных гномов обезвреживали Петрификусом, Ступефаями, Силенцио, но те быстро приноровились и работали командой, загоняя несчастного/несчастную в угол, отбирая палочку и цепко ухватив за руки-ноги. Правда, во второй половине дня гномы почему-то прекратили принимать заказы на поздравления и полным составом переключились на Локхарта. Теперь они повсюду следовали за ним, осыпая цветами, мишурой и конфетти, и пели, пели... А спустя два часа случилось худшее - гномы в открытую пытались поцеловать возлюбленного профессора, загоняя его с этой целью в различные укромные уголки.

Вызванный МакГоннагал для консультации папа заявил, что это, несомненно, Амортенция, но поскольку антидот варить долго, то имеет смысл подождать, пока зелье выветрится само. Несчастный Локхарт заикнулся было о поиске виновного, но Северус выразительно вздернул бровь:

- Какие виновные? Вы просили научить студентов варить Амортенцию - и я учил, весь седьмой и шестой курс Гриффиндора и Слизерина. Итого: сорок с лишним человек. Какие тут поиски?

Локхарт приуныл:

- А может, всё-таки можно... По качеству зелья или...

- Студенты, которых учу я, не могут не справиться с таким элементарным в приготовлении зельем, - задрал нос папа и покинул кабинет замдиректора, сославшись на неотложные дела.

В общем, можно считать, что праздник прошел без особых потерь, если только не брать во внимание доведенного до отчаяния Локхарта и парочки опоенных Амортенцией старшекурсников. Правда, для них у папы антидот отыскался. Ночью эльфы убрали все украшения, и только неистребимый запах ванили и корицы еще два дня держался в коридорах.

История в дуэльном клубе подзабылась, и я снова стала ходить на занятия: одно удовольствие смотреть, как папа, раз за разом, устраивает сиятельному профессору мелкие пакости. На помост я теперь выходила только в паре с кем-то из своих, чтобы избежать неприятных сюрпризов, и это мне удавалось: больше никто не шарахался от меня, стоило только поднять палочку.

В один прекрасный день на помост вышли Крэбб и Гойл.

Драко удивленно открыл рот и хотел было что-то ляпнуть, но я ткнула его локтем в бок:

- Помнишь наше пари? Гони десятку!

Дуэлянты между тем успели обменяться парой заклятий, и увлеченно скакали по помосту, пуляя друг в дружку Ступефаями и Петрификусами.

- Как тебе удалось? - Драко был поражен до глубины души. Невилл хихикнул:

- Гарри брала их с собой на квиддичную тренировку, а потом гоняла до седьмого пота.

- Как квиддич может помочь с ЗОТИ? - Драко явно ничего не понимал. Я объяснила:

- Элементарно. Ловкость, планирование, предугадывание действий противника - все это необходимо и для хорошего дуэлянта, и для спортсмена. Неужели ты никогда не замечал?

- Замечал, - пробурчал Малфой и полез в карман. Достал кошелёк, отсчитал десять блестящих галлеонов и пересыпал в мою руку.

- Ты что, таскаешь кошелёк с собой? - удивился Невилл. - Да ещё и столько денег носишь...

- Всего-то полсотни, - махнул рукой Драко. - Кошелек заколдован, почему бы и не носить?

Н-да, кого-то тут явно избаловали...

- Ну как? - с помоста соскочил запыхавшийся Гойл. Он достал-таки Крэбба Инкарцеро, хотя и щеголял в два раза увеличившимися зубами.

- Здорово, Грег! - искренне ответила я. - Я вами горжусь!

Польщенный Грег несколько невнятно загнусавил, постукивая себя ногтем по зубам:

- А клёвое проклятье вычитал Винс! Гля, какие зубки! Самое любопытное то, что чем ближе жертва, тем длиннее зубы отрастают! Во, глядите. Дентис! - и направил палочку на Паркинсон, немедленно отрастив ей поистине монструозные клыки.

- Саблезубая Панси, спасайся, кто может! - дурашливо завопил кто-то из Рейвенкло, а взбешенная Паркинсон обернулась к нам.

- Фто? Фто эфо фделал? Ты? Дентифф! - синий луч ударил Гермиону в лицо, и бедняжка упала, закрыв глаза руками.

- Экспеллиармус! Ты сдурела, Паркинсон? Это не Гермиона! - к нам уже спешили папа и Локхарт.

- Что здесь произошло? - рявкнул Северус в своей традиционной манере. Я коротко рассказала, как было дело, Невилл и Драко подтвердили. Гойл смущенно шаркнул ножкой.

- Пятнадцать баллов со Слизерина за неосторожность, мистер Гойл. И отработка у Филча за несдержанность и нежелание разобраться в ситуации, мисс Паркинсон, - мягко проговорил зельевар. Локхарт вмешался:

- Ну, ну, полноте! Мне кажется, это не совсем адекватное наказание, профессор...

- Да? Тогда две отработки, мисс Паркинсон. Занятие окончено. Пострадавших прошу пройти в лазарет.

Кипя, словно чайник, Паркинсон выбежала из класса. Гойл, ведя под руку Гермиону, устремился следом, а я напутствовала подругу, проводя их до двери:

- Ничего, Гермиона, все ведь поправимо. В конце-концов, везде нужно искать плюсы...

-- Да? И какой плюс в нынешней ситуации? - всхлипнула девочка, прикрывая рукавом лицо. Её верхние резцы удлинились примерно на пять сантиметров.

- Ну, ты же умница, сама догадаешься, - подмигнула я.

Как в воду глядела. Полчаса спустя Герми влетела в нашу гостиную и горячо зашептала мне на ухо:

- Спасибо! Я и не думала, что такое возможно!

- Чего это она? - Невилл озадаченно смотрел вслед вылетевшей за дверь со скоростью пули Гермионой.

- Я подсказала ей воспользоваться ситуацией и уменьшить зубы до желаемого размера. Ты же помнишь, какие зубы у нее были?

- Ну... Большие, да?

- Вот именно. Гермиона ужасно стеснялась, хотя и виду не показывала. А сейчас все в порядке. Так что Гойла, пожалуй, еще поблагодарить стоит.

Глава 10

Наступил сырой и слякотный март. Монстр по-прежнему не давал о себе знать, равно как и исчезнувший после отстранения Дамблдор. Малфой-старший самозабвенно менял установленные в школе порядки, вплоть до того, что вместо тыквенного сока постановил подавать к столу апельсиновый (у Малфоев небольшие апельсиновые плантации в Испании, но вряд ли это имеет отношение к делу, правда?) и в качестве униформы выдал всем хогвартским эльфам по новой наволочке с вышитым школьным гербом. Неиспользуемые помещения в кои-то веки прибрали, выкинули весь хлам и заперли - чтобы студентам неповадно было лазать где не надо. Многие портреты забрали на реставрацию, начистили доспехи, для оранжерей закупили крупную партию саженцев и семян - профессор Спраут не могла нарадоваться.

Малфой - младший утверждал, что папе просто скучно и он "играет в директора", я же не без оснований считала, что таким образом лорд Малфой убивает двух зайцев сразу: зарабатывает дополнительные очки для будущей предвыборной кампании, и только во вторую очередь развлекается.

В середине апреля у мадам Спраут подросли мандрагоры, и папа начал готовить сложнейшее зелье для Криви и Финч-Флетчли. Попечительский совет с нетерпением ждал пробуждения окаменевших, чтобы допросить их с пристрастием и поставить, наконец, точку во всей этой истории. Я была обеими руками "за", надеясь раз и навсегда отделаться от подозрений, но... Видно, судьба у меня такая - влипать в неприятности.

До конца приготовления зелья оставалось двенадцать с лишним часов, было около восьми вечера. Я как раз шла к папе, размышляя, стоит ли поделиться с ним своими догадками насчет видовой принадлежности древнего монстра, как увидела в коридоре неподвижно застывших МакГоннагал, Флитвика и Филча. Они стояли рядом с каким-то темным предметом и вполголоса переговаривались. Благодаря Мерлина за привычку везде таскать с собой мантию-невидимку, я накинула легкую ткань и поспешила подобраться поближе.

- ... Не представляю, что будет, когда попечительский совет узнает о произошедшем, - говорила МакГоннагал.

- Боюсь, что школу придется закрыть. Очевидно, что наихудшие наши опасения сбылись, и Тайная Комната действительно открыта, - покачал головой Флитвик. - И почему нам так не повезло? Единственный человек, который мог справиться с монстром, окаменел, а нам остался только павлин Локхарт! Никогда не понимал, почему директор не хочет взять на должность преподавателя ЗОТИ Северуса - кандидатура более чем подходящая.

- Что теперь говорить, - махнула рукой МакГоннагал. - Нужно сообщить совету и родителям девочки.

- Бедняжка. Как ее имя? Джинни?

- Джинни Уизли, Филиус. Я не понимаю, почему пострадала именно Джинни - она ведь чистокровная.

- А Северус - полукровка, если не ошибаюсь? Как считаете, Минерва, стоит ли сейчас ставить в известность Гарри?

- Пожалуй, лучше утром. Конечно, он не самый приятный человек, но она явно успела к нему привязаться. Локомотор! - повинуясь взмаху палочки грифффской деканессы, в воздух взмыло чье-то длинное худое тело. Я изо всех сил зажала себе рот руками, чтобы не закричать. Монстр окаменил папу! И что-то сделал с Джинни Уизли!

Когда печальная процессия удалилась по направлению к Больничному крылу, я, наконец, заметила кровавую надпись на стене: "Её скелет будет лежать в Тайной комнате вечно."

Есть люди, которые в критических ситуациях впадают в ступор и не могут ничего с собой поделать, а есть те, кто молниеносно реагирует и соображает, не теряя самоконтроля. К счастью, я принадлежу ко второй группе, так что немедленно прекратила себя жалеть и составила план действий. Во-первых, рассказать все друзьям и оставить Гермиону с Драко доваривать зелье - если сейчас его запороть, придется ждать еще две недели, пока приготовят новое. Во-вторых, расспросить Миртл, как та умерла - вдруг она и есть та убитая девочка? По крайней мере, одежда на ней здорово старомодная, совсем как в сороковые... В-третьих, совершить самую ужасную глупость и войти в Тайную комнату, имея при себе только решительность, энтузиазм и палочку. Как-то по-гриффски получается, не правда ли? Но вряд ли МакГоннагал вот так сходу поверит мне и не станет задавать вопросов, а время будет потеряно...

Друзья сходу согласились мне помочь. Узнав, что его любимого крестного отправили в лазарет, Драко только злобно посулил заавадить виновника, а Гермиона потащила его к зелью - от греха подальше. Вряд ли Драко решился бы исполнить свою угрозу, но лучше для виновника не попадаться ему на глаза - кроме Непростительных, Малфой знает уйму других неприятных проклятий. Рона в гостиной не оказалось - его и остальных братьев Уизли вызвала МакГоннагал, так что нас осталось двое: я и Невилл. Отбросив сомнения, мы решительно зашагали к туалету Плаксы Миртл - я предполагала, что именно там и случилось нападение пятидесятилетней давности.

- Миртл!

- Вы снова пришли обижать бедняжку Миртл?! - взвыло привидение, вылетая из унитаза. - То блокнотами швыряются, то оскорбляют! Ну конечно, я же мертвая, что мне сделается! У-у-у! Негодные, злые, злые!

- Миртл, мы пришли спросить, как ты умерла, - мягко сказал Невилл, а я покивала головой, делая максимально участливое выражение лица. Миртл немедленно оживилась:

- О, это было так ужасно! Я сбежала сюда, потому что меня опять дразнили девчонки, и рыдала, размышляя о смерти... - выражение призрачного лица стало мечтательным. - И тут я услышала шаги в коридоре. Решила, что гадкие девчонки вернулись, чтобы подразнить меня, и спряталась в кабинке - вот, вторая слева. Но вошел мальчишка - я ясно видела его туфли. Он стал шипеть, и раздался скрежет, а я немедленно открыла дверцу

кабинки, чтобы отругать его - что мальчишке делать в женском туалете? Но на меня глянули два страшных кошачьих глаза, и я умерла.

- Кошачьих? - неуверенно уточнил Невилл. Миртл кивнула, а я получила подтверждение своим догадкам: желтые змеиные глаза с вертикальным зрачком легко спутать с кошачьими. Василиск - вот что убило Миртл и окаменило остальных. Кошка Филча увидела василиска, отражавшегося в воде на полу, Криви - через объектив фотокамеры, Финч-Флетчли - сквозь Почти-Безголового Ника. Смертельный взгляд утратил часть своей силы, им колоссально повезло. Бьюсь об заклад, у папы тоже было что-нибудь, отразившее смертельный взгляд. А у бедняжки Джинни шансы почти нулевые - если она еще жива...

- Где находился тот мальчик, который странно шипел? - спросила я у привидения. Миртл указала на умывальники, кругом расположенные в центре туалета.

- Здесь. Точно не помню, я видела только его ноги, а потом кошачьи глаза - и умерла, - привидение патетично вздохнуло и величаво уплыло сквозь стену.

- Ищи что-то, похожее на змею, - приказала я, бросаясь осматривать злополучные умывальники. Спустя пару минут Невилл радостно воскликнул:

- Нашел! Смотри, здесь, и здесь тоже! - один из кранов был украшен снизу малюсенькой змейкой с изумрудными глазками, и такая же змейка была выгравирована на вентиле.

- И что мне делать? Скомандовать: "Открывайся"?

- Скомандуй. На парселтанге, - уточнил он. Я сосредоточилась и произнесла:

- Откройся!

- Английский, - прокомментировал Невилл. Я уставилась в изумрудные змеиные глазки, и снова произнесла:

- Откройся!

- А вот теперь в точку, - выдохнул Невилл. Скрип давно не смазываемых петель возвестил, что я все сделала верно: умывальники раздвинулись в стороны, мы едва успели отскочить, и оказалось, что в центре между ними находится круглое отверстие, забранное решеткой. На нас пахнуло тиной и еще Мерлин весть какой гадостью, как из болота.

- И что, теперь нам надо прыгать туда? - неуверенно протянул Невилл.

- Боюсь, что так.

- Так-так, и что тут у нас? - мы вздрогнули и обернулись. На пороге стоял Локхарт, сжимающий в руке палочку. - Мисс Снейп, так это всё-таки ваших рук дело? Никогда бы не поверил!

Бедняжка Уизли... Ну, я выведу вас на чистую воду!

- Экспеллиармус! - выкрикнула я и поймала левой рукой локхартовскую палочку.

- Петрификус Тоталус! - Невилл довершил начатое. Обездвиженный профессор ЗОТИ с выпученными глазами застыл у двери.

- И что нам с ним делать? Так и оставить?

- У меня есть идея получше, - Невилл приблизился к Локхарту и потыкал того палочкой в живот. - Пустим его вперед, пусть дорогу разведает. Вдруг там внизу сидит василиск и только и ждет, когда кто-нибудь свалится к нему в пасть? Ну-ка, ну-ка... Локомотор!

Затянутое в сверкающую парчу тело поплыло к люку. Я поспешно отодвинула решетку, и вертикально зависший Локхарт оказался прямо над зловонным отверстием.

- Фините Инкантатем! - мгновенно оживший профессор с диким визгом рухнул вниз. Никаких устрашающих звуков из колодца не донеслось, и я ехидно крикнула:

- Живы, профессор?

-- Вам это с рук не сойдет! Я буду жаловаться! Вы испортили мою мантию! - раз печётся о мантии, значит, жив-здоров. Я, не раздумывая, прыгнула следом, за мной соскочил Невилл.

Лететь по темной вонючей трубе - удовольствие не из великих. А приземляться на ковер мелких косточек - и того меньше. Утешало то, что среди этих косточек и черепов не было ни единого человеческого. От удара я упустила палочку, которую немедленно подхватил Локхарт и торжествующе возопил:

- Ага! Теперь-то тебе не уйти! Обливиате!

Честно говоря, не думала, что у него хоть что-то получится. Я читала книгу о свойствах различных материалов, используемых в производстве волшебных палочек, и по всему выходило, что моей палочкой не мог колдовать никто. Сделанная из засохшего, "мёртвого" терна, без сердцевины, она было абсолютно лишена магии - но, видать, у Локхарта было особое сродство с ней: такие же засохшие и пустые мозги. Но то ли он палочку ухватил не тем концом, то ли моя вещь не захотела причинять вред хозяйке, но тонкий луч, вырвавшийся из ее кончика, поразил самого Локхарта. Невилл, оказавшийся внизу в этот самый момент, удивленно спросил:

- Что ты сделала?

- Я - ничего. Он сам себя заобливейтил.

- Ой, а вы кто? Вы тут живете? А кто я? - растерянный профессор хлопал ресницами, переводя взгляд с меня на Невилла. Я махнула рукой:

- Теперь он вообще бесполезен. Сидите тут и никуда не ходите, - обратилась я к Локхарту. - Мы скоро вернемся и все расскажем.

- Хорошо, - покладисто согласился Локхарт и уселся прямо на пол, прислонившись к стенке. - Я вас подожду.

Из усыпанной костями камеры было два прохода: один пах сыростью и вел вниз, второй был посуше и шёл без уклона. Я выбрала второй и решительно зашагала вперед, крепко держась за руку Невилла. Тот был на удивление спокоен, и его спокойствие передавалось и мне, так что я почти не боялась. Глупо, конечно: идти по освещаемому Люмосом тоннелю навстречу василиску и не бояться, но так оно и было.

По пути нам попалось несколько сброшенных шкур, и меня передернуло: выходило, что тварь была около пятнадцати метров в длину. Неужели в школе такие широкие трубы? Или он каким-то образом сумел остаться незамеченным, проползая по коридору?

Дорогу нам преградила тяжелая круглая металлическая дверь, от центра которой лучеобразно отходили змеи.

- Откройся!

Змеи пришли в движение и свернулись клубком в центре двери, а сама дверь со скрипом отошла в сторону. Невилл рядом со мной охнул, и было от чего: нашим глазам предстало помещение, по сравнению с которым Большой зал казался каморкой. Достаточно сказать, что в нем помещалось целое озерцо с водопадом, вытекающим из огромного рта похожей на обезьянью головы, очевидно, изображающей самого Салазара Слизерина. Если сходство портретное, то я понимаю, отчего никому неизвестно о потомках Слизерина - выйти замуж за такую образину согласится только слепая.

Мы стояли в начале широкой дороги, ведущей к центру зала и подковообразно огибающей озеро в его противоположном конце. По бокам от дороги была вода, пахнущая все тем же болотом и довольно мутная. Если здесь когда-либо и была какая-нибудь очистительная система, то она давно перестала действовать, а жаль... Множество круглых отверстий в стенах, некоторые забраны проржавевшими решетками, колонны в виде гигантских змей, поддерживающие потолок и расположенные довольно хаотично - кажется, у кого-то был либо комплекс неполноценности, либо клаустрофобия. Тусклый свет лился откуда-то сверху, с потолка, разглядеть который не представлялось возможным.

Но уже в следующий момент я отвлеклась от рассматривания зала - за одной из колонн я заметила ногу, обутую в черную

туфельку. Её обладательница неподвижно лежала прямо на покрытом лужами полу, и это было нехорошо... Стараясь не шуметь, мы с Невиллом приблизились к ней, и я немедленно пощупала пульс: слабый, нитевидный, но он был. Рядом с мертвенно-бледной Джинни валялся раскрытый дневник Тома Риддла.

- Так-так, кого я вижу! Гарриэт Снейп и Невилл Лонгботтом, ее верная тень! - из-за колонны вышел сам Том Риддл, такой, каким я видела его в воспоминании. Лэнни... А ведь он говорил мне в прошлом году о Риддле! Упоминал, что тот совершил нечто ужасное, и намекал на его родство со Слизерином! Я наставила на него палочку:

- Как тебе это удалось?

- Я ожившее воспоминание. С первого сентября я питался жизненной силой этой девочки, и она же посвятила меня во все подробности школьной жизни. Как ее дразнят за потрепанные учебники, как знаменитая Гарри не обращает на нее ни малейшего внимания, а старшие братья постоянно подшучивают...

- Чего ты хочешь? - подал голос Невилл, безуспешно пытающийся привести Джинни в чувство.

- Жить, - просто ответил Риддл. - Как только умрет эта девочка, я обрету новую жизнь. Так весело было управлять ее рассудком, заставляя выпускать василиска, писать собственной кровью надписи на стенах и перерезать петухов у глупого лесничего...

- Ты обвинил Хагрида в преступлении, которого он не совершал. И сейчас, и тогда - это был ты. Ты - наследник Слизерина.

- Я. Мне так хотелось, чтобы василиск настиг тебя в темном коридоре, Гарриэт... Но увы - мечты, мечты...

- Почему Гарри? - Невилл оставил Джинни и встал рядом со мной, направив палочку на Тома.

- Потому, что двенадцать лет назад именно Гарриэт стала причиной моего падения. Как, - Том перешел на вкрадчивый шепот. - Каким образом младенцу удалось победить величайшего волшебника столетия? Я - Том Марволо Риддл, Лорд Волдеморт, каким образом я мог не совладать с ребенком? - повинуясь движению палочки Тома, в воздухе возникли огненные буквы его полного имени, перестроившиеся в псевдоним. Вот оно что...

- Сильнейшим волшебником столетия был Дамблдор, победивший Гриндевальда! Экспеллиармус! - заклинание прошло сквозь Риддла, и тот захохотал:

- Я - воспоминание! Вы не в состоянии причинить мне вред!

Обернувшись лицом к статуе Салазара, он зашипел на парселтанге:

- Говори со мной, Слизерин, величайший из хогвартской четверки!

Каким-то шестым чувством угадав, что сейчас произойдет, я толкнула Невилла за колонну и краем глаза успела увидеть, как огромный змей выползает изо рта Слизерина. Тут же послышалось хлопанье крыльев и звонкая трель: дамблдоров Фоукс, неизвестно каким образом отыскавший нас, принес в когтистых лапах Распределяющую шляпу и сбросил ее под ноги Невиллу. Риддл захохотал:

- Вот что посылает на помощь своим Дамблдор! Старую Шляпу и птицу! Возьми их! - последние слова, произнесенные на парселтанге, предназначались василиску. Фоукс ринулся к змею, и мы увидели, как огромная черная тень клюет еще большую, а та старается увернуться.

Риддл зло зашипел:

- Ты чуешь их! Возьми их!

Безглазый, но оттого не менее опасный василиск ринулся на нас, сшибая по пути колонны. Мы бросились в разные стороны, лихорадочно соображая, что делать: против василиска бесполезны заклятья, а слушать меня он не станет - во мне ни капли крови Слизерина.

- Шляпа! - Невилл вдруг бросился обратно, шлепнувшись на живот прямо под носом у василиска, ухватившего пастью только воздух. Мое сердце пропустило удар, но целый и невредимый Невилл уже поднимался, сжимая в руке украшенный драгоценными камнями эфес ритуального меча. Такое оружие было распространено среди чистокровных магов прошлых веков - намного легче обычного, усиленное вплетенной при изготовлении магией, оно использовалось больше как магический артефакт, нежели как оружие. Легендарный меч Годрика Гриффиндора - а я не сомневалась, что это был именно он - разил с одного удара и мог уничтожать даже самые мощные темные артефакты и амулеты, попросту впитывая их магию или яд.

- Н-на! - Невилл замахнулся было мечом на василиска, но лезвие плашмя скользнуло по жесткой чешуе, и меч вырвался из его рук. Мощный удар хвоста отправил Невилла в нокаут, а я бросилась к отлетевшему оружию, едва сдерживаясь, чтобы не завыть от ужаса: что, если Невилл умер? Риддл зло зарычал и, командой направляя василиска в нужную сторону, заставил меня петлять между колоннами. Пробравшись к мечу, я крепко-накрепко ухватилась за эфес и обернулась, поджидая василиска. Огромная змея приготовилась к броску, нависая надо мной, и я в

последний момент выставила перед собой меч, держа его обеими руками и закрыв от ужаса глаза...

- Не-ет! - взвыл Риддл, а я почувствовала сильнейший толчок, порыв воздуха, пахнущего тиной, и что-то холодное закапало мне на лицо. Осторожно открыв глаза, я прямо перед собой увидела огромные налитые ядом клыки, всего на сантиметр-другой отстоявшие от моих рук, по-прежнему сжимавших меч. Я выпустила его, и вовремя: обезумевший от боли василиск забился в конвульсиях, пытаясь вытряхнуть застрявший в нёбе меч.

- Ты-ы! - не обращая внимания на вопль воспоминания-Риддла, я бросилась к Невиллу. Тот, к моему огромному облегчению, уже пришел в себя и, увидев меня, торопливо заговорил:

- Гарри, я понял! Надо уничтожить дневник!

Схватив насквозь промокший блокнот, я кинулась к лежащему без движения василиску. Не знаю, что двигало мною в тот момент, но я с размаху надела книжонку на один из острейших клыков, и тот немедленно скорчился, оплывая чернилами. Литры и литры чернил, словно кровь, вытекали из дневника, а в паре шагов о нас корчился Риддл. Он вопил и вопил, становясь все прозрачнее, словно испытывал сильнейшую боль - хотя кто знает, может, так и было?

Он таял в воздухе, пока не исчез с легким хлопком, и я, наконец, выдохнула: оказалось, что я все это время попросту не дышала.

- Невилл! Как ты? Где болит?

- Везде, - пожаловался Невилл, пытаясь встать. Он закашлялся и сплюнул кровь, наполнившую его рот:

- Тебе придется самой выбираться. Приведешь кого-нибудь на помощь...

Я только собиралась возразить, как мне на плечо спикировал феникс и заплакал, капая прозрачными слезами на лицо моего друга. Отстраненно удивившись тому факту, что огромные когти птицы не причиняют мне вреда, я наблюдала, как на глазах розовеет бледное невиллово лицо. Феникс курлыкнул и перепорхнул на тело Джинни, продолжив плакать над ней, но девочка интересовала меня куда меньше, чем друг.

- Что? - я с тревогой уставилась в его глаза. Невилл улыбнулся и, кряхтя, сел:

- Он вылечил меня, представляешь?

Глава 11

Если бы не пришедшая в себя Джинни, я, пожалуй, задушила бы бедняжку Невилла в объятиях и свела на нет все фоуксовы усилия.

- Гарри! Где мы?

- Все хорошо, - успокоил ее Невилл. - Сейчас мы уйдем отсюда и все тебе объясним.

Девочка пребывала в полнейшей прострации и даже не повернула головы в мою сторону, когда я прошла мимо нее к поверженному василиску. Сняв с клыка покореженные остатки дневника, я выдернула из нёба застрявший меч. Он вышел легко, словно того и ждал. Взмахнув мечом, я с одного удара отсекла уродливую голову: будет мне трофей. Прошептав парочку консервирующих заклинаний, я уменьшила ее и спрятала в карман. Меч, словно почувствовав, что больше не нужен, выскользнул из моей руки и исчез в Шляпе, которую немедленно унес курлыкнувший на прощание феникс.

Забрав с собой Джинни и разыскав свои палочки, мы вернулись к оставленному Локхарту, не забыв запереть за собой дверь - не хватало еще, чтобы кто-то вроде Дамблдора лазал в Тайной комнате. Локхарт умилился и всплеснул руками:

- Какая хорошенькая девочка! Она с вами живет? А куда мы пойдем?

- Петрификус Тоталус, - вздохнула я, направив палочку на бывшего профессора. - Вингардиум Левиоса!

С помощью все того же левитирующего заклятья мы подняли наверх Джинни и поднялись сами. Скомандовав умывальникам "Закройся!", я произнесла парочку чистящих и разглаживающих заклинаний, приводя в порядок перепачканную всякой дрянью одежду. И тут-то меня прорвало...

Я ревела и хлюпала носом, уткнувшись в невиллово плечо, сидя прямо посреди туалета, а Невилл только молча поглаживал меня по спине, позволяя выплакаться. Самые страшные картины проносились в моем воображении: что, если бы Локхарт наложил на меня Обливейт и мы не спасли бы Джинни? Если бы Невилл расшибся насмерть? Если бы Фоукс не вылечил его и Уизли? Если бы вовремя не принес Шляпу, если бы Невилл не вытащил из нее меч, если бы, если бы... Произошедшее можно было объяснить только везением и ничем иным.

Устав от слезоизлияний, я, наконец, затихла и успокоилась. Эх, папиного бы успокоительного сейчас...

- Идем. Там уже, наверное, миссис Уизли с ума сходит.

Как потом оказалось, мы не пробыли в Тайной комнате и часа. Было без чего-то девять, когда мы ввалились в директорский кабинет и предстали перед всем семейством Уизли, четырьмя аврорами в форменных мантиях и МакГоннагал.

- Джинни! - вскрикнула миссис Уизли и бросилась обнимать дочь, а остальные наперебой засыпали нас вопросами...

Только глубокой ночью нам удалось отбиться от авроров и отправиться отдыхать, сопровождаемым самой МакГоннагал и мадам Помфри, вызванной из Больничного крыла.

Стоит ли говорить, что я немедленно надела мантию-невидимку и вместе с Невиллом пробралась в лабораторию, где Драко и Гермиона по очереди следили за приготовлением зелья? Вызванный из кухни домовик притащил нам полный поднос всяких вкусностей и кувшин апельсинового сока, который здорово помог нам скоротать время до утра. Если аврорам мы наплели с три короба, так и не указав ни месторасположение Тайной комнаты, ни способ, которым мы одолели Риддла и василиска, то Гермионе и Драко достался подробный и полный рассказ. Драко настоял, чтобы мы извлекли и поместили свои воспоминания во флаконы - иначе назавтра, когда все придут в себя и захотят расспросить нас с пристрастием, мы можем не совладать с опытными легилиментами. В его словах был резон: воспоминание о воспоминании спрятать несложно, несложно и подделать - даже начинающим окклюментам, как мы с Невиллом. Мои воспоминания поместили в трансфигурированный из пробирки непрозрачный фиолетовый флакон, Невиллу достался такой же, но ярко-синий.

Утром мы торжественно потащили готовое зелье мадам Помфри.

- Вы? Его готовили вы? - поразилась она.

- Нет, профессор Снейп, мы только следили за ним последние несколько часов, - призналась Гермиона. Медиведьма дотошно проверила густоту, прозрачность, цвет и запах, и решила:

- Ядовитым оно оказаться не может. В худшем случае просто не подействует.

Зельем полагалось орошать кожные покровы, и мадам Помфри немедленно испробовала его на папе, попросту обрызгав его из бутылочки.

- Действует, - довольно-удивленно констатировала она, заметив движение грудной клетки. Мы остались сидеть у Северусовой койки, а мадам Помфри поспешила к остальным пациентам.

- Гарри? Кхе-кхе, - папа резко сел и вытер рукавом зелье с лица. Принюхался и удивился:

- Это же мое зелье! Какого пикси?

- Тебя немножечко окаменили, но ты не переживай, все хорошо. Мы с Невиллом убили василиска, а Драко и Гермиона доварили зелье, так что все в порядке, - невинно потупила я глаза.

Папа опустился обратно на кровать:

- Ты ведь шутишь, да?

Я порылась в карманах и достала уменьшенную консервированную голову василиска:

- Вот, можешь повесить в кабинете над камином, только расколдуй.

Двумя пальцами взяв предложенное, папа попросил:

- Просто помолчи, хорошо? Я немножко приду в себя, и тогда ты мне все-все расскажешь.

Друзья, понукаемые Невиллом, незаметно удалились, оставив меня наедине с отцом. Ширма, которой была огорожена кровать, обеспечивала видимость уединения, и я с облегчением прижалась лбом к папиной руке.

- Ну что ты? Ведь все уже закончилось, и я жива, и Джинни мы спасли...

- Какую Джинни? - его голос был непривычно хриплым.

- Джинни Уизли. Она, оказывается, нашла где-то дневник Тома Риддла, впоследствии известного как Темный Лорд, и попала под его влияние. Это она писала на стенах, она выпускала василиска... Риддл пил ее жизненную силу и почти воплотился, если бы мы не успели вовремя, то молодой Волдеморт уже был бы далеко...

Северус погладил меня по лохматой после бессонной ночи голове и пораженно шепнул:

- У тебя седые волосы.

Я ничуть не удивилась:

- Сперва я увидела, как МакГоннагал левитирует тебя в Больничное крыло. А потом Невилл едва не погиб, если бы не феникс - вполне вероятно, что помощь не успела бы вовремя. Я страшно перепугалась за вас вчера.

- Пообещай, что не станешь больше так собой рисковать. Что станет со мной, если ты покалечишься или погибнешь?

Как бы мне хотелось пообещать, но я не могла врать папе. Только не ему.

Покачав головой, я серьезно посмотрела в его полные боли глаза:

- Я могу пообещать быть осторожной, но не могу поклясться, что в следующий раз поставлю жизнь близких мне людей ниже своей собственной.

- Гарри, мне наплевать на остальных, я не хочу, чтобы пострадала ты!

- Тогда поклянись, что сам не станешь рисковать жизнью ради меня! Ну! Клянись, что станешь спасаться сам, если в беду попадет Драко!

Он сразу как-то сник и съежился:

- Не могу, ты же знаешь.

- Вот и я не могу.

Мадам Помфри заглянула было за ширму, но махнула рукой и оставила нас в покое. Я немедленно воспользовалась случаем и устроилась на краешке папиной кровати, радуясь, что перед визитом в Больничное крыло успела не только выплакаться на плече у Невилла, но и принять слоновью дозу успокоительного. Смотреть на Северуса без слез было просто невозможно: сейчас он, похоже, представлял себе всякие ужасы, которые могли случиться, но не случились, и казнил себя за то, что мне пришлось спускаться в Тайную комнату. Поэтому я просто молчала и обнимала его, ожидая, пока папа успокоится, а затем тихонько пересказала всю историю. В конце-концов Северус оттаял и даже позволил себе пару ехидных замечаний в адрес Локхарта:

- Я всегда знал, что он болван, но чтобы настолько... Интересно, что за сердцевина в его палочке? Павлинье перо, не иначе.

- У тебя есть шанс это узнать: я забрала его палочку в качестве трофея.

- Продолжаешь собирать сувениры? - прищурился папа. Я пожала плечами:

- А почему бы и нет?

- Действительно, почему нет? - пробормотал папа. - Мне вообще грех жаловаться,- он покосился на уменьшенную голову василиска. - Интересно, какого цвета были его глаза?

- Жёлтые, полагаю - Миртл говорила, что видела кошачьи глаза перед тем как умереть. Знатное чучело получится... Кстати, там еще целая туша лежит и куча сброшенной кожи...

- Есть несколько старинных рецептов, - папины глаза зажглись опасным блеском. По-моему, я уже знаю, с чем он будет экспериментировать все следующее лето...

- Не раньше, чем мадам Помфри тебя выпишет, - дурашливо погрозила я ему пальцем.

Глава 12

Криви и Финч-Флетчли остались в лазарете еще на несколько дней, папа же попросту сбежал от вездесущей мадам Помфри, пару раз громогласно рявкнув, что с ним все просто прекрасно, и в медицинской помощи он не нуждается.

Авроры приходили снова, ожидая от меня подробного рассказа, но папа, оперируя мудреными терминами, как медицинскими, так и юридическими, сумел убедить их, что ни я, ни Невилл не в состоянии сейчас вспоминать страшные события того вечера. И что мы вообще не обязаны давать какие-либо

объяснения, а спрашивать лучше руководство школы, допустившее провоз такого опасного артефакта, как дневник самого Волдеморта. Руководство в лице спешно вернувшегося Дамблдора (вот уж любитель ловить рыбку в мутной водице!) сверкало очами и только улыбалось в ответ на многочисленные вопросы, обещая разобраться. По-моему, все понимали, что виновного не найдут и не назначат, но пошатнувшийся было авторитет Дамблдора колдовским образом восстановился: оказалось, что большинство проголосовавших за отставку членов попечительского совета были околдованы, а остальные либо подкуплены, либо запуганы мистером Паркинсоном. Тут уже вступил в игру Люциус и, припрятав до поры до времени компромат на светоносного, с энтузиазмом взялся добить конкурента. В итоге после серии атак Паркинсон был смещен с поста главы попечительского совета, и сие почетное место занял сам Люциус, довольный донельзя. По-моему, в подобном экстазе он не бывал с прошлого Рождества, когда Драко подарил ему запись с памятного завтрака в Хоге, когда Дамблдор узнал о нашем с папой родстве (тот странный глаз, как выяснилось, был колдовским аналогом видеокамеры). В ближайшие выходные лорд Малфой поспешил пригласить меня на обед и уведомил о полной и безоговорочной поддержке, но его ждало жесточайшее разочарование. К тому времени я уже успела узнать от того самого домовика Добби подлинную историю риддловского дневника, и оказалось, что именно Люциус поспособствовал тому, чтобы Паркинсон через дочь подбросил опасный артефакт Джинни. Причем провернул это дело так ловко, что Паркинсон и сейчас считает, будто это была его идея... Нет, Люциус, конечно, великий комбинатор, но и я ведь не лыком шита - пришлось ему не просто пообещать мне свою поддержку, а еще и доказывать лояльность делом. Во-первых, брать на работу Ремуса Люпина - он никогда не признался бы, но проживание в доме Сириуса изрядно его тяготило. Ну не умеет человек принимать дружескую поддержку, считает себя приживалкой, и все тут! Люциус, конечно, долго юлил и выкручивался, но в конце-концов согласился - а как же, я ведь пригрозила все папе рассказать... По-моему, папу лорд Малфой боится куда больше чем возрождения Темного Лорда и визита налогового инспектора вместе взятых. Честно говоря, я его понимаю: Северус не то чтобы скор на расправу, но изобретателен и памятлив. Кому захочется всю жизнь жить в страхе и ожидании мести? А в том, что месть состоялась бы, никто из нас не сомневался - папа никогда не простил бы Малфою того, что он подверг опасности мою жизнь. На остальных студентов Северусу, правда, плевать с

Астрономической башни, но я-то не остальные... Думаю, сломай я в подземелье ноготь - и он уже посчитал бы это ущербом для моего здоровья. Он и о той осенней истории с бладжером не забыл: как только выяснилось, чей домовик все это устроил, потребовал от Паркинсона компенсацию. И ведь не сразу потребовал, а когда тот подрастерял свои позиции и просто не в состоянии был судиться. Представив, должно быть, заголовки в газетах: "Домовик бывшего главы попечительского комитета Хогвартса нападает на Девочку-которая-выжила", Паркинсон попросту дал Добби дырявый носок, принес Нерушимую клятву никогда не вредить мне и моим близким и заплатил сверху отступного. По-моему, последнее его разозлило больше всего, и он даже попытался обвинить папу в меркантильности, но Нерушимая клятва быстренько заткнула ему рот. Провалявшись два дня с жесточайшей мигренью, Паркинсон уяснил: под понятием "вред" подразумевается не только физическое воздействие, а еще и словесное, как, например, клевета. И никакой папа не меркантильный - просто мстить надо так, чтобы доставить максимальные неприятности виновнику торжества.

Добби, между прочим, сразу же пришел проситься к нам на работу - а как же, ведь для домовика просто жизненно необходимо быть связанным клятвой с семьей волшебников. Северус предлагал отправить его на все четыре стороны, но я пожалела несчастное создание: с такими хозяевами неудивительно, что эльф спятил. Я разрешила ему принести мне клятву верности, только включила в нее два дополнительных пункта: отныне и навеки домовику запрещалось наказывать себя, а еще он не имел права допустить своим действием или бездействием вред мне или моим близким. Что хорошо для бывшего хозяина, то неплохо и для домовика, не так ли?

За героическое спасение Джинни меня и Невилла наградили красивыми блестящими медальками, которые мы, не сговариваясь, зашвырнули в Черное озеро сразу после церемонии вручения. Противно было даже видеть эту мерзость, которой в свое время так же торжественно наградили Риддла за потрясающую клевету.

Когда Хагрида выпустили из Азкабана, Скитер раздула целую эпопею с признанием Министерством своей чудовищной ошибки, извинениями и последующим разрешением

полувеликану сдавать СОВУ и ТРИТОНы экстерном. На радостях Хагрид сразу же озадачил Олливандера просьбой починить его старую палочку, обломки которой он упрятал в тот самый розовый зонт с оборочками, посредством которого некогда наколдовал Дадли хвостик. Олливандер палочку починил, и

Хагрид с упорством, достойным лучшего применения, стал вовсю экспериментировать со своими тварюшками, желая вывести ни много ни мало - идеальное домашнее животное. Послушав, как ворчат и бьются о стенки коробки пока еще малюсенькие плоды его экспериментов, я сделала две вещи: предупредила всех своих под страхом смерти не соглашаться помочь Хагриду с экспериментами и купила полувеликану с десяток книг по маггенетике. Оказывается, здесь ее тоже изучали, причем с куда большим успехом, чем у магглов. Чего стоит одно только заклятье примерно середины четырнадцатого века, изобретенное предком Драко, сумасшедшим эстетом, пожелавшим иметь исключительно беловолосых потомков... А остальные заклятья, относящиеся в большинстве своем к магии крови? Только путем сложнейших расчетов и исследований можно было добиться того, чего добились маги древности. Клонирование, зачатие in vitro - всё, о чем мечтали магглы, маги уже умели, и многое сверх того. Пожалуй, единственное, над чем не проводили эксперименты колдуны - то, за что магглы грозились дать Нобелевскую премию: мужская беременность. Магическому обществу, патриархальному по сути своей, такое просто в голову прийти не могло, и слава Мерлину... Нет, маги вовсе не были пуританами, для них обычным явлением были и однополые пары, и разнообразные множественные семейные союзы, как, например, у гоблинов, и межрасовые браки - откуда бы иначе взяться полугоблину Флитвику и полувеликану Хагриду? Но само собой считалось, что рожать детей - святая женская обязанность, и вот с этим-то не спорил никто, даже самые заядлые реформаторы. Самым большим потрясением для нас с Гермионой, как живших в маггловском мире, стал тот факт, что маги умеют менять пол ребенка в утробе матери. На наш наивный вопрос, зачем такое нужно, папа, смутившись, ответил, что бывают случаи, когда мужское сознание по нелепой случайности помещается в женское тело, и наоборот. И рожденный не в своем теле человек страдает потом много лет, если не всю жизнь, от этого ужасного несоответствия. Потому маги, проводя раннюю диагностику плода, обязательно выясняют соотношение мужской и женской энергий, и соответственно корректируют пол. Гермиона уточнила тогда, возможно ли менять пол будущего ребенка без медицинских на то показаний. Северус ответил, что возможно - но до определенной черты. Если соотношение инь и ян, мужской и женской энергий, примерно равно единице - то почему бы и нет? А вот чем больше отклонение от единицы, тем больше противопоказаний. В лучшем случае мы получим девочку с мужским характером, а в худшем - того самого несчастного

мальчика в женском теле. Как пример нам привели историю Молли Уизли, страстно желавшей родить девчонку, но имеющей достаточно мозгов для того, чтобы не менять пол тогда еще будущих сыновей. Оказалось, что Джинни тоже суждено было родиться мальчиком, но у нее как раз прогноз для подобной операции был благоприятен, и Молли получила наконец дочку, а Артур - долгожданный покой. Я задумалась тогда, проводила ли мама в свое время подобную диагностику и если проводила, то каково оказалось соотношение? Совершенно точно, что мне в своем теле комфортно, но вдруг мне было предначертано родиться мальчиком? Из чистого любопытства я подбила друзей на эксперимент, и в туалете Плаксы Миртл мы сварили зелье энергий. Зелье оказалось совершенно безвкусным и прозрачным, и я в который раз поразилась, как ингредиенты вроде мышиных лапок, волчьей шерсти, глаз тритона, гадючьей чешуи и прочей гадости может дать подобный результат. Выпив его, я почувствовала покалывание во всем теле, и перевела взгляд на друзей. Слитный вздох заставил Миртл высунуть из бачка любопытный нос.

- Да вы светитесь! Что такое вы варили?

Действительно, мы все светились приглушенным мягким светом. Драко почти весь светился ярко-алым (только кисти рук, макушка и грудная клетка слева слабо мерцали зеленым), и, глянув на себя в зеркало, немедленно зашипел:

- Я им что, гриффиндорец?

- Не гриффиндорец. Алый - мужской цвет, - назидательно произнесла Гермиона, сама почти зеленая. Алое в ее ауре мерцало на уровне макушки, а вот я и Невилл были вовсе полосатыми, словно зебры.

- Я зеленая в алую полоску или алая в зеленую? - задумчиво проговорила я, уставившись в зеркало. Невилл дотошно сосчитал сперва свои, потом мои полоски и сообщил:

- Зеленая в алую. А я - алый в зеленую.

Свечение мигнуло пару раз и погасло, а Гермиона спросила:

- Почему пятна и полосы располагались так неравномерно?

- Видимо, указывали не просто на количество, но и на способ распределения энергии - Драко аккуратно перелил остатки зелья в бутылочку и закупорил пробкой. - Ты, Гермиона, думаешь как мужчина. Неудивительно, что ты совершенно не обращаешь внимания на свой внешний вид, - он красноречиво окинул ее взглядом. Я фыркнула: действительно, теперь все становилось ясно! Гермиона и вправду больше обращала внимание на личную гигиену, нежели собственно на красоту - считала, что это несущественно.

- А ты тогда думаешь, как женщина!

- Ну и что? - Драко ни капельки не обиделся. - Зато недругам не понять моей логики!

Шутка разрядила накалившуюся было атмосферу, и Драко вполне серьезно предложил Гермионе заглянуть к ним в гости и познакомиться с его мамой - дескать, та всегда хотела дочку и с удовольствием займется нашей подругой. Гермиона обещала подумать.

Глава 13

Время до каникул пролетело незаметно - всего-то два месяца... Папа довольно сносно выучился говорить "Откройся!" на парселтанге и без ведома Дамблдора оборудовал себе в Тайной комнате лабораторию - чтобы не перетаскивать василискову тушу. Кажется, скоро в "Вестнике зельеварения" появится парочка статей, содержащих кокетливые фразы вроде "возьмите полфунта печени василиска"... Коллеги обзавидуются.

Перво-наперво он соорудил винтовую лестницу наподобие той, что вела в кабинет директора. Другого входа из школы мы не обнаружили и долго задавались вопросом, как же сам Слизерин спускался в Тайную комнату - неужели съезжая по трубе, словно мальчишка?

Эльфы, привлеченные к работе, живо вычистили тоннели и починили очистительную систему подземного озера, заодно трансфигурировав кошмарные змееколонны в обыкновенные коринфские, а голову основателя - в группу резвящихся дельфинов. Как оказалось, в одной из стен был скрыт проход в кабинет Слизерина, где оказалась неплохая библиотечка, правда, не идущая ни в какое сравнение с блэковской. Кажется, слухи о тёмности Салазара были сильно преувеличены, а фамилия Сириуса не с потолка взялась.

Мне пришло в голову, что неплохо было бы оживить мрачную здешнюю атмосферу чем-нибудь зеленым, и Невилл, с энтузиазмом поддержавший мою идею, немедленно приволок уйму выпрошенных у профессора Спраут саженцев. Вот уж не знаю, чем она думала, когда давала второкурснику Дьявольские Силки и Ползучую Герань... Не хочется никого обижать, но штат Дамблдор подобрал своеобразный: осталось только услышать о назначении Хагрида преподавателем Ухода за магическими животными и включить в учебную программу недавно выведенных им соплохвостов. Я-то их пока не видела, но особым желанием познакомиться не горю - если уж сам Хагрид признает, что они чудные...

Слава Мерлину, что на растения оказалось возможным наложить распознавающее заклятье, и они больше не стремились подзакусить ни мной, ни папой. Невилл же, найдя прекрасный

полигон для исследований, немедленно перетащил сюда Мимбулус Мимблетонию и накормил ее бифштексами с кровью...

Скажем так: почти все мои наихудшие предположения оправдались. Растение выросло в добрый десяток раз, выпустило около тридцати бутонов, которые очень любили под покровом ночи выбираться в Запретный лес ловить мышей. Своего владельца бутоны находили не иначе как по нюху, и неоднократно притаскивали ему мышиные трупики в обмен на бифштексы (сразившись однажды с хогвартскими эльфами, растеньице предпочитало на кухню больше не соваться).

Остальные невилловы питомцы оказались вполне мирными, но я была уверена: недалек тот час, когда они попадут под дурное влияние соседей и решат отрастить себе парочку-другую ложноножек - просто из любопытства.

Гермиона, однажды спустившись в новую папину лабораторию, отказалась делать это наотрез - слишком уж впечатлила ее теперь уже местная флора. А вот Драко там пришлось по душе, и он немедленно преподнес папе в подарочек пираний - чтобы, как он выразился, "посмотреть, кто кого". К его жесточайшему разочарованию, рыбки и растеньица поладили.

Но больше всего меня занимал дневник Риддла. Не без оснований полагая, что Люциусу о нем должно быть известно больше, чем кому бы то ни было, я послала ему совой просьбу встретиться. В ответ он лично явился за мной на опушку Запретного леса - один из тоннелей Тайной комнаты очень удачно выходил прямо туда, минуя антиаппарационный барьер. Кстати, вот вам и недостаток хогвартской защиты, установленной Дамблдором: любой мог обнаружить этот ход и без проблем попасть внутрь, а если еще прибавить ход под Дракучей ивой и внутри горба одноглазой колдуньи, да и завал в коридоре за зеркалом можно разобрать... Но это не моя печаль, а сообщать Дамблдору я не стану ни за что: вдруг мне самой пригодится?

- Лорд Малфой, - я сделала реверанс. Люциус серьезно поклонился мне, как равной.

- Гарриэт. Я получил ваше письмо и искренне недоумеваю, какое дело может быть у вас ко мне - я ведь удовлетворил вашу просьбу и заставил попечительский совет принять на работу Люпина.

Прогуливаясь, мы дошли до берега озера, который не был виден из замка. Достав из кармана покорёженный дневник Риддла, я протянула его Люциусу. Тот брезгливо взял его двумя пальцами:

- Это и есть злополучный дневник?

- Именно. Таким образом на него подействовал яд василиска,

которого сейчас с неподдельным энтузиазмом препарирует папа. Мне хотелось бы знать, во-первых, что это такое. Подоспей мы на полчаса позже - Риддл был бы жив сейчас, он уже мог держать палочку и оставлял следы, хотя наши заклятья проходили сквозь него, а сам он не мог причинить вреда нам. И, во-вторых, сколько подобных вещей может быть еще?

Ожидая рассказа Люциуса, я принялась пускать по воде блинчики.

- Не в бровь, а в глаз... - тихо пробормотал аристократ, наверное, рассчитывая, что я не услышу.

- Вряд ли я смогу ответить на второй ваш вопрос, Гарри. Лорд никогда не откровенничал с нами. Мне доподлинно известно, что он оставил что-то на хранение Лестранжам, но мне неизвестно, что за вещь это может быть и где она хранится. Могу только предположить, что в Гринготтсе. А что до первого... Вы слышали о хоркруксах? Хотя, что я говорю, откуда вам...

- На самом деле я встречала упоминания о хокруксах в нескольких книгах из библиотеки Блэков, но там только говорилось, что ничего темнее и страшнее их не придумали черные маги, - я заинтересованно обернулась к Люциусу. Аристократ был чрезвычайно взволнован и нервным жестом постукивал себя дневником по бедру.

- Чистая правда, Гарри. Хоркрукс - это предмет, в который заключена частица души колдуна. После смерти владельца хоркрукса возможно провести ритуал и возродить колдуна в новом теле. Это почти бессмертие, Гарри, но я и врагу не пожелал бы такого бессмертия... Скажите, как выглядел Лорд... Риддл в Тайной комнате? - Люциус резко сменил тему и, кажется, был не на шутку напуган каким-то внезапно возникшим предположением.

- Он выглядел обыкновенным семикурсником, - пожала я плечами. - Довольно красивым, должна признать.

- Никаких... уродств?

- Нет. Абсолютно.

Лорд Малфой вытащил из трости свою палочку (оказывается, он носил ее вложенной в трость - стильно!) и начертил пару линий в воздухе. Прямо между нами возникло лицо, хорошо запомнившееся мне по первому курсу: лысый продолговатый череп, зеленая чешуйчатая кожа, ноздри-щели, алые глаза с вертикальными зрачками, безгубый рот...

- Так выглядел Лорд, когда я видел его в последний раз. Как считаете, Гарри, сколько хоркруксов нужно было сделать красивому юноше, чтобы превратить себя в такое?

- Гораздо больше двух, - протянула я. - А как он выглядел,

когда вы встретились впервые?

Повинуясь движению палочки, образ изменился, явив моему взору лицо средних лет мужчины с алыми глазами и продолговатым черепом, облизывающего губы раздвоенным языком.

- Сколько раз и как на вашей памяти менялась внешность Риддла?

Люциус напряг память и поочередно вызвал образы сперва безносого и бледного, а затем зеленокожего и чешуйчатого Волдеморта. Я подытожила:

- Выходит, что он понемножку менял свой облик с каждым созданным хоркруксом. Можно предположить, что после вашего знакомства он создал два хоркрукса, и три - до. Итого пять... Есть предположения, что бы это могло быть?

Люциус покачал головой:

- Понятия не имею. Зная Лорда, можно предположить, что это были памятные для него вещи - он очень любил коллекционировать трофеи.

Меня передернуло: неужели я становлюсь похожей на Риддла?

- Вообще-то, любой волшебник коллекционирует что-нибудь, - продолжил Люциус, и мне полегчало. - Нарси обожает орхидеи, я - холодное оружие, а Лорд... даже не знаю. Простите, но в этом я вам не помощник.

- Ладно. Но вернемся к созданию хоркруксов: чем они так опасны?

- Помимо того, что для его создания необходимо убить человека? - хмыкнул Люциус. - Создающий хоркрукс помещает в него частицу самого себя - соответственно, теряя ее и становясь все безумней. Поверьте, Гарри, логика Лорда не была логикой обыкновенного человека, и уже довольно скоро все мы пожалели, что связались с ним - кроме, может быть, отдельных личностей. Он был гением, но безумным гением, куда там Дамблдору... Во всех источниках мне попадались упоминания о том, что волшебники, создавшие хоркрукс, сходили с ума - а представьте, что случилось с разумом Лорда, создавшим пять хоркруксов.

- Если не больше, - тихо проговорила я. Безумная догадка молнией сверкнула в моей голове... Не это ли умолчал Дамблдор?

- Люциус... Возможно ли сделать хоркрукс из живого существа?

- Возможно, - подтвердил Малфой. - А...

- Я просто подумала, что раз Риддл был так помешан на Слизерине, то мог в качестве хоркрукса выбрать змею, - и такое

объяснение сойдет. Аристократ купился:

- Ну, вообще-то он держал ручную змею, просто гигантскую. Нагини, - с содроганием припомнил Люциус. - И имел обыкновение скармливать ей людей.

- И куда же потом подевалась змея?

- А вот этого никто не знает, - протянул Люциус. - Уползла себе в нору, залегла в спячку...

Распрощавшись с Люциусом, я пошла прямиком к папе и поделилась ужасной догадкой: тогда, двенадцать лет назад, Риддл, сам того не желая, сделал из меня хоркрукс, убив мою мать. Этим объяснялась и неудавшаяся Авада, и боль в шраме.

Папа был потрясен не меньше моего - ведь если я права, то невозможно окончательно покончить с Риддлом, не убив заодно и меня. Только создатель может извлечь осколок души из хоркрукса, не разрушив его, а вряд ли Риддл окажет мне подобную любезность...

- Мы найдем другой выход, - твердо заявил папа. - Не может быть, чтобы не было другого выхода.

- Ну конечно, - вымученно усмехнулась я, косясь на голову василиска над камином в бывшем кабинете Слизерина. Папа не стал вешать мой подарочек в своем кабинете на втором этаже, резонно опасаясь дамблдоровского любопытства.

- Можно ткнуть меня клыком василиска, как проклятый дневник, - предложение мое вызвало у папы сперва негодование, а потом заставило всерьез призадуматься:

- Это выход, Гарри... если сначала изобрести противоядие. И этим я займусь немедленно.

- У тебя еще есть время, - я немного успокоилась. Раз папа пообещал - значит, сделает. - Вряд ли мне предстоит сойтись в поединке с Волдемортом уже в следующем году.

ЧАСТЬ 3

Глава 1

Больше никогда не буду даже в шутку строить предположения! Хагрид станет преподавать Уход за магическими созданиями! Из нашей компании только Гермионе хватило ума не записываться на него, а вот меня в скором времени ждет самое что ни на есть тесное знакомство с соплохвостами. Хорошо, что Северус - преподаватель. У меня есть время свыкнуться с этой мыслью, а вот остальным ученикам будет огромнейший сюрприз...

Если бы не эта новость, подпортившая мне конец июля и август, то лето вполне могло бы заслужить статус самого счастливого в моей жизни. И не только потому, что я провела его, перемещаясь по каминной сети между домами моих друзей, нашим домом и площадью Гриммо, а потому, что в кои-то веки меня ничто не тревожило. Даже раскрывшаяся тайна с хоркруксами, как ни странно: лучше горькая правда, чем неизвестность. Я была уверена, что мы с Северусом что-нибудь придумаем, и на время выбросила эту проблему из головы.

Мой тринадцатый день рождения я отмечала совместно с Невиллом - он тоже родился тридцать первого июня, и Августа Лонгботтом, донельзя счастливая от мысли, что у его внука появились друзья, сама нам это предложила. Могу только представить, как праздновали невиллов день рождения раньше: куча пожилых родственников, щиплющих за щечки, чаепитие со свежими сплетнями...

Вспомнив, что я росла у неправильных магглов, которые совершенно меня не баловали и уж точно никогда не водили в парк аттракционов, Сириус достал нам портключ до Соединенных Штатов, и даже неизвестно каким образом уговорил папу присоединиться. Наша веселая компания состояла в тот день из оравы детишек (помимо обычной компании пригласили

близнецов Уизли, Крэбба с Гойлом и Луну с Асторией), жизнерадостного крестного, меланхоличного Люпина и хмурого папы. Тот был вовсе не рад, что его вытащили в столь оживленное место, но к концу дня развеселился и даже принял участие в забавах: с нескрываемым удовольствием обстрелял и крестного, и Люпина разноцветными шариками с краской. Пейнтбол, если не ошибаюсь... Правда, последние долго потом препирались, доказывая, что применение Протего в игре - это чистой воды жульничество.

Вернувшись домой, я стала разбирать подарки и наткнулась на нечто, завернутое в зеленую бумагу и подписанное корявым хагридовским почерком. Это совершенно точно не был торт или другая выпечка, и я осторожно потянула за ленточку: мало ли что взбрело в голову лесничему. Опасалась я не зря: в свертке оказалась книга, немедленно щелкнувшая зубастой челюстью и попытавшаяся откусить мне руку. Ну или палец, на худой конец. Да, тогда я еще не знала, что предвещает мне "Чудовищная книга о чудовищах" - новость о Хагридовом назначении папа рассказал две недели спустя. Книга немедленно упала на пол, забилась под кровать и только тридцать первого августа совместными усилиями Кикимера и Добби была перетянута толстой цепью и водворена в мой школьный сундук.

Тридцатого июля, покупая новую школьную мантию, я с удивлением заметила, что вытянулась еще на добрый десяток сантиметров. Да уж, папины гены... Во "Флориш и Блоттс" я с огромным удивлением уставилась на клетку, в которой бесновались уже знакомые мне зубастые книжки. Они рвали друг дружку на части, хищно клацая зубами, и пытались грызть прутья. Хмурый продавец, увидев мой список книг, мученически скривился и принялся натягивать толстые перчатки, но я поспешно остановила его:

- Такая книга у меня уже есть.

- Правда? - обрадовался продавец и просветлел лицом. - Замечательно! Эта книга еще хуже "Невидимой книги о невидимках" - недавно закупили целую партию и теперь не можем найти.

На "Растуманивании будущего" Кассандры Ваблатски был нарисован пес, как две капли воды походивший на анимагическую форму крестного. Купив учебник по зельям и трансфигурации, я немножко поторчала у магазина "Все для квиддича", рассматривая новую модель метлы - "Молнию". Зная крестного, уже скоро она будет красоваться у меня в комнате...

- Гарри! - Гермиона визжала так, будто мы сто лет не виделись. - Ты одна?

- Ага. А ты с родителями? - я заозиралась в поисках Грейнджеров-старших.

- Нет, я тоже одна. Представляешь, они решили купить нам тур во Францию! А Рон... О, ты еще не в курсе? Рон едет в Египет, его семья выиграла главный приз "Ежедневного Пророка"! - что-то я совсем отстала от жизни, газет не читаю...

- Ты не слишком занята? Пойдем со мной, родители дали мне немного денег в счет будущего дня рождения и я хочу купить сову, - Гермиона потащила меня в ближайший зоомагазин.

Магазин был небольшим, и клетками оказались уставлены не только все свободные поверхности, но и увешаны стены. Галдеж стоял невообразимый: казалось, каждый обитатель старается перекричать соседа. Кого тут только не было: от обыкновенных крыс до совершенно непонятных существ вроде мохнатых шариков на тонких ножках. Были и совы - целый вольерчик самых разнообразных сипух, филинов, сычей и неясытей. Гермиона стала выбирать птицу, а я рассматривала прочих обитателей магазина. Те вовсю выделывались, наверное, старались понравиться потенциальному покупателю...

- Ой! - прямо на выбранного Гермионой крупного филина спикировал со шкафа огромный рыжий котище.

- Фу! Фу, Косолапус! - хозяйка магазина, пожилая ведьма, чуть не плакала, оттаскивая кота от грозно ухающего филина. - Простите его, он такой невоспитанный! Никто не покупает, вот и характер испортился.

- А почему не покупают? - я с нескрываемым интересом рассматривала утробно воющего монстра. Ведьма пояснила:

- Он полукниззл, а всем подавай чистокровок. Да и мордой не вышел... - действительно, кошачья морда была плоской, словно блин, левое ухо драное, а лапы кривые. Все, что было красивого в Косолапусе - это апельсиново-рыжая пушистая шерсть. Я решительно взяла кота из рук продавщицы и, держа на вытянутых руках, глянула в зеленые глазищи - совсем как мои, честное слово!

- Непорядок, - решила я. - Такой замечательный котик - и никому не нравится. Пойдешь со мной?

Котяра с интересом обнюхал мою руку и по-собачьи вильнул хвостом. Ведьма умилилась:

- Вы ему понравились! Купите?

- Непременно.

Гермиона с одобрением смотрела, как я расстаюсь с десятью галлеонами и щелчком подзываю кота к себе. Тот потрусил у ноги, словно собака - в холке он был добрых шестьдесят сантиметров ростом, и напоминал скорее маленького тигра.

Мои домашние полукниззлу понравились (честно говоря, дома, открыв "Занимательную монстрологию", я осталась в недоумении: чем именно Косолапус пошел в своего чистокровного папашу, оставалось неясным - ни львиного хвоста, ни больших ушей не наблюдалось, да и мех отнюдь не был пятнистым), и он благосклонно разрешил всем себя погладить, а после с деловитым видом обошел весь дом и приволок двух мольфеек. Увидев их, Добби издал истошный визг и, не запрети я ему себя наказывать, несомненно побежал бы прижигать себе пальцы утюгом. Пожалуй, от книззла у моего котика только способность находить опасность да своеобразный характер...

Позже оказалось, что у кота не только своеобразный характер, но и странные повадки. Казалось, что собачье сознание по ошибке досталось коту - настолько он любил бегать наперегонки с Бродягой и нападать на соседей-магглов из-за угла, с диким мявом гонясь за велосипедом. А когда я взяла его в гости к Малфоям, еще и с превеликим удовольствием искупался в пруду, к восторгу Драко выловив и сожрав пиранью. По-моему, я получила не просто домашнего питомца, а еще и замечательного охранника в одном лице (а точнее, плоской морде).

Глава 2

На вокзал меня аппарировал Люпин, решивший вспомнить школьные годы и прокатиться в Хогвартс-экспрессе. Пройдя сквозь барьер, я почти сразу столкнулась с Роном и остальным рыжим семейством.

- Гарри! - друг явно был рад меня видеть. Он здорово загорел в Египте и еще больше покрылся веснушками.

- Как дела? А у нас новость: Перси назначили старостой и выбрали лучшим учеником, так что он теперь еще выше нос задерет! - я глянула на действительно задравшего нос Персиваля. Из всех Уизли он был мне наименее симпатичен, поскольку всегда старался втереться в доверие к сильным мира сего. На его груди сиял серебром значок "Лучший ученик". Прямо на моих глазах надпись мигнула и сменилась на "ЗабЛуДший ученик". Хрюкнув от сдерживаемого хохота, я глянула в сторону близнецов - те подбоченились, всем видом указывая на авторство шутки. Показав им большой палец, я пошла искать купе, которое занял для нас Ремус. Оборотень успел встретить Невилла, занести наши чемоданы и достать из кармана еще не прочитанный "Пророк". Сейчас он с нескрываемым изумлением уставился на первую страницу.

- Что такое, Ремус?

- Грейбек сбежал, - потухшим голосом возвестил Люпин. Впервые я увидела оборотня настолько... испуганным?

- Тот самый Грейбек?

- Да. Не понимаю, как ему удалось сбежать из Азкабана. Дементоры, авроры...

Я только хмыкнула: как же, Сириуса они устерегли! Кажется, Невилл подумал о том же:

- М-может он перекинулся? Как Сириус?

- Перед каждым полнолунием оборотней заковывают в цепи. Разве что он... научился перекидываться вне зависимости от фазы Луны.

- Такое возможно? - я впервые об этом слышала. Люпин кивнул:

- Некоторые умеют. Но для этого нужно полностью стать зверем, потерять разум...

Кажется, теперь я понимаю, что именно так пугает Люпина, почему он ненавидит свою волчью половину. Он боится потерять контроль над ней, боится однажды не вернуться и навеки остаться в серой шкуре. Бедный Ремус... Каково жить с подобной тяжестью на душе?

- Смотри, здесь написано, что Министерство вводит патрулирование из... дементоров? Ого! Когда сбежал Сириус, они так не суетились!

- Грейбек заразил половину из ныне живущих оборотней, - покачал головой Люпин. - Неудивительно, что они так перепугались. Интересно, почему именно сейчас?

Я рассматривала колдографию Грейбека, помещенную на первой странице: печально известный оборотень был похож скорее на медведя, чем на волка. Огромный, бородатый, с глубоко посаженными черными глазками, он казался неуклюжим и малоподвижным. Интересно, каков он в волчьем обличье?

- Вполне вероятно, что теперь Хогсмид накроется медным тазом, - вздохнул Невилл. Да уж, пожалуй: даже если нам не запретят туда ходить, гулять под надзором дементоров будет небольшим удовольствием. А ведь третьекурсники уже имеют полное право посещать Хогсмид по выходным, и в сундуке у меня лежит подписанное папой разрешение...

- Ну почему же? Вряд ли руководство пойдет на такие крайние меры, вероятнее всего, студентов будет сопровождать дежурный преподаватель, - возразил Люпин. До того мерный стук колес вдруг замедлился, и поезд остановился.

- Что такое? Мы едва миновали пригород, - Невилл прильнул было к окну, но стекло внезапно покрылось изморозью и он отпрянул. Пространство за окном быстро затягивал седой туман.

- Какого черта? - голос Люпина донесся до меня как сквозь слой ваты. Почему-то захотелось свернуться в клубочек, заползти

в укромный уголок... Погас свет, и поезд погрузился в темноту.

- Пойду побеседую с машинистом, - Ремус зажег на ладони волшебный огонь и, держа полную пригоршню пламени, вышел, оставив нас одних. Невилл, похоже, испытывающий то же, что и я, придвинулся поближе. В коридоре раздавались взволнованные голоса, никто не понимал, что происходит, но в темноте не рисковал покидать свое купе. Спустя минут пять дверь купе медленно поползла в сторону.

- Люмос, - шепнул Невилл, зажигая огонек на кончике волшебной палочки.

- Ремус, это ты? - я не узнала собственный голос, до того слабым и тонким он оказался. Но это был не Ремус. В купе заглянуло нечто до того пугающее, что все мои инстинкты немедленно завопили в голос, а Косолапус злобно взвыл и бросился ко мне на колени, встопорщив шерсть. Незнакомец был похож на полуматериального призрака, одетого в черные лохмотья тумана, которые могли с натяжкой сойти за драную мантию. Его необычайно длинные костлявые пальцы были покрыты ужасными нарывами, грязные желтые ногти скрежетнули по двери, когда он отодвинул ее до конца. Капюшон закрывал лицо, и мне почему-то совсем не хотелось знать, что именно под ним скрывается.

- Ступе... - начал было Невилл, но осекся, когда костлявая рука вытянулась в его сторону. Неуловимым движением незнакомец скользнул к нам, и вой Косолапуса перешел в ультразвук. Мир поблёк...

... Рыжеволосая женщина бросается к детской кроватке под зеленым балдахином, каркающий смех и небрежное движение палочкой:

- Отойди, женщина, и я не причиню тебе вреда!

- Нет! - она хватает на руки ребенка и успевает только повернуться спиной к незваному гостю, когда зеленый луч ударяет ее в спину и зеленые глаза закрываются навеки, пока помертвевшие губы шепчут: "Северус"...

- Так это ты - ребенок из пророчества? - насмешливый голос пугает ребенка, и тот захлебывается в плаче, не понимая, почему мама не встает. Страшный человек все ближе, и он снова поднимает палочку:

- Авада Кедавра!

Зеленый луч ослепляет ребенка, и все тонет в зеленой, зеленой вспышке...

- Гарри! Да очнись же ты, ну пожалуйста!

Из небытия меня вывел голос Невилла. Мир снова обрел краски, мерно стучали колеса поезда. Я попыталась было сесть,

но упала, и меня заботливо поддержали, помогая принять нужное положение. "Ремус", - машинально отметила я.

- Вот, умничка, потихоньку, - мне в руки сунули стакан воды и шоколадку. - Съешь, это помогает.

- Что случилось?

- На тебя напали дементоры.

Я, наконец, села ровно, подпираемая сбоку невилловым плечом, и неловко развернула предложенный шоколад.

- Стражники Азкабана? Какого... какого пикси они забыли в поезде?

Ремус нахмурился:

- Искали Грейбека. Министерство отдало приказ устроить обыски во всех многолюдных местах. Если ты не против, я сразу по прибытию отправлю жалобу - нельзя позволять им пугать студентов.

- Лучше Скитер напиши, больше толку выйдет, - у меня было такое впечатление, будто все мои мозги хорошенько перемешали большой ложкой, и шевелить ими удавалось с трудом.

- Тоже верно. Гарри, я даже не знаю, почему они вызвали у тебя столь сильную реакцию, - пожал плечами оборотень.

- Зато я знаю, - подал голос непривычно тихий Невилл. - Она вспомнила маму, я слышал, как она шептала...

Я вспомнила то видение, которое совсем недавно пронеслось у меня перед глазами, и осознала, что я была сразу тремя людьми: сторонним наблюдателем, испуганным ребенком и безжалостным убийцей, собирающимся праздновать победу. Вспомнив опыт с извлечением воспоминаний, я трансфигурировала из стакана флакон и вытянула из виска тонкую серебристую струйку. Сразу стало намного легче, меня словно отпустило: воспоминание о воспоминании не причиняло и сотой доли той боли, что я только что испытывала.

- Здесь мамина смерть, - объяснила я Люпину. Тот кивнул:

- Хорошее решение. Я надеюсь, что больше ты не столкнешься с дементорами, но предосторожности не помешают.

- Чем вы их отогнали, Ремус? - поинтересовался Невилл. - Представляешь, Гарри, он наколдовал светящийся шар, который словно вымел дементоров из поезда!

- Заклинание Патронуса. Относится к высшей светлой магии, - принялся рассказывать Люпин. - Вызывая Патронус, нужно вспомнить о самом светлом воспоминании в твоей жизни, и тогда он способен отогнать даже самые темные порождения магии, таких, как дементоры. Обычно патронус принимает вид животного или птицы, в зависимости от личности волшебника.

- В смысле? - не понял Невилл. Ремус объяснил:

-- Например, он может отображать действительную или потенциальную анимагическую форму, как у Сириуса: его патронус - Грим. Помнится, мы в свое время немало хохотали над тем, что его защищает вестник смерти. У Джеймса Поттера патронусом был олень - и он превращался в оленя.

- А у мамы? - спросила я.

- Ворон. Ее патронусом был ворон, но я не знаю, почему - Лили не была анимагом.

- Я знаю, - у меня перехватило дух, и пришлось выпить воды прежде чем я смогла продолжать. - Папина анимагическая форма - ворон.

Ремус молча кивнул, ожидая, когда я успокоюсь, а я всеми силами постаралась отогнать от себя видение падающей рыжей женщины.

- Теперь понятно. Да, патронус также может служить индикатором истинных чувств. Порой он даже принимает человеческий облик, - вздохнул Люпин, и я спросила:

- А твой патронус? Что это?

- Мой патронус не имеет формы. Я вообще думаю, что оборотням патронусы не положены, ведь мы в какой-то степени тоже порождения тьмы.

- Чепуху несешь, - решительно заявила я. Ремус только скептически хмыкнул.

Глава 3

Въезжая в ворота Хогвартса, мы увидели две тощие фигуры, парящие в воздухе по обе стороны дороги.

- И тут они, - недовольно буркнул Невилл, а Косолапус согласно зашипел.

В холле нас встретил папа, встревоженный и рассерженный одновременно.

- Вы видели? Дементоры будут патрулировать территорию школы!

- Мы уже имели удовольствие познакомиться с ними поближе, когда они устроили обыск в поезде, - ответила я.

- Как ты? - тут же спросил папа, обращая внимание на мой потрепанный вид.

- Не слишком. Один из доблестных стражей напал на меня, и Ремусу пришлось вызвать патронуса.

- А где он сам? - поинтересовался Северус.

- Пишет письмо Скитер, - фыркнул Невилл. - Завтра будет сенсация: дементоры едва не убили героиню.

- Вот, - я протянула папе флакон с воспоминаниями. - Это о маме, после ужина посмотришь.

- Как - о маме? - не понял папа.

- Когда дементор напал на меня, я вспомнила маму и Волдеморта, - меня все еще потряхивало, и пришлось обхватить себя руками. - Я вытащила воспоминание, чтобы не прокручивать его в голове снова и снова. Думаю, ты имеешь право знать.

Папа спрятал флакон в карман и молча проводил нас до Большого зала. Церемония распределения успела закончиться, пока мы разговаривали, и теперь Дамблдор собирался сказать речь.

— Приветствую всех! — сказал директор. — Приветствую и поздравляю с началом нового учебного года в Школе чародейства и волшебства «Хогвартс»! Мне надо многое вам сказать. Начнем с самого важного и серьезного, чтобы уж больше к этому не возвращаться. Это не самое приятное известие, но зато нас сегодня ждет отменное пиршество. — Дамблдор кашлянул и продолжал: — Как вам уже хорошо известно, в нашу школу прислали на время несколько стражей Азкабана — дементоров, которые находятся здесь по поручению Министерства магии. Сегодня вечером они производили обыск в «Хогвартс–Экспрессе». Они будут стоять у всех выходов с территории школы, — продолжал директор. — И пока они здесь, — запомните хорошенько! — никто не должен даже пытаться покинуть Хогвартс без разрешения. Дементоров не проведешь ни переодеванием, ни какими-либо еще фокусами. Дементоров тщетно умолять, тщетно просить прощения. Поэтому я вас очень прошу, всех и каждого, не давайте им повода причинить вам вред. Я уже говорил со старостами факультетов и двумя нашими новыми старостами школы, они будут следить, чтобы никто никогда не затевал с дементорами опасной игры. Закончу на более приятной ноте, — продолжил он. — Счастлив представить двух наших новых преподавателей. Во-первых, профессор Люпин, который любезно согласился занять должность преподавателя ЗОТИ! - раздались громкие овации и польщенный таким вниманием Ремус слегка привстал и поклонился.

- Ну и что касается второго назначения... Профессор Мольюбит, преподававший УЗМС, решил, наконец, выйти на пенсию, чтобы насладиться жизнью, пока у него еще остались для этого конечности. Так что теперь Уход за магическими существами будет вести Рубеус Хагрид!

Лесничий встал, поклонился и от полноты чувств трубно высморкался в платок размером со скатерть.

- Логично, - прокомментировал Невилл. - Только Хагриду могло прийти в голову рекомендовать нам кусачий учебник.

Я едва сдержалась, чтобы не напомнить Невиллу о Мимбулус Мимблетонии.

По-моему, до Паркинсон каким-то образом дошли слухи о моем обмороке в поезде, поскольку она опять по-идиотски закатывала глаза и, как в прошлом году, шлепалась на руки Буллстроуд. С той только разницей, что теперь вместо "Окаменили!" восклицала "Дементоры!"

Я не обращала внимания на подначки: нравится строить из себя дуру - пусть развлекается.

После ужина к нам подошел Пауэлл и уведомил, что завтра в восемь утра состоится первая квиддичная тренировка. Хотя я и не выходила больше на поле, но тренировки посещала исправно, и со временем рассчитывала занять место Диггори - в следующем году тот заканчивал школу. Старосты раздали расписание, и я поспешила согласовать с папой время наших индивидуальных занятий.

Он обнаружился в кабинете, перед Омутом Памяти. Мне еще никогда не приходилось пользоваться этим приспособлением, но я подозревала, что не стоит сейчас окликать Северуса. Впрочем, долго ждать мне не пришлось - он поднял голову спустя минуту после того, как я вошла.

- Я просматривал твое воспоминание, - пояснил он. Я немедленно подошла к нему и обняла:

- Все уже случилось, Северус, ничего нельзя изменить. Это не твоя и не моя вина. Мама не хотела бы, чтобы ты снова начал себя винить.

- Не буду, - пообещал он, крепко прижимая меня к себе. Я отстраненно подумала, что уже достаю ему макушкой до плеча. - Как ты, ребенок?

- Это ужасно. Если я и впредь при виде дементоров буду испытывать то, что испытала в поезде...

- Ты извлекла воспоминание, - напомнил он. - Такого точно не будет.

- Надеюсь.

Согласовав расписание, я ушла в свою гостиную. Там обнаружились все мои друзья, поджидающие меня и жаждущие объяснений. Подавив вздох, я попросила Невилла рассказать все вместо меня, я ушла спать. Голова почему-то дико разболелась, и я достала из сундука пузырек Зелья сна-без-снов.

Утро долгожданного облегчения не принесло: первым уроком в расписании стоял УЗМС. За завтраком мы видели Хагрида, украшенного ожерельем из дохлых сусликов, и нехорошее предчувствие закралось в мою душу. Словно подтверждая его, в сумке зашебуршилась "Чудовищная книга о чудовищах".

Все студенты собирались у хижины лесничего, и я без особого удовольствия лицезрела мопсовидную рожу Паркинсон - урок был

совместно со Слизерином. Зато до отвратительного жизнерадостный Драко сразу поднял мне настроение:

- Слышали? Сегодня с утра "Чудовищная книга" сожрала туфли Паркинсон и погрызла мантию Буллстроуд! Они полчаса не могли выйти из спальни, пока Гойл не сжалился и не позвал крестного!

А я-то думала, почему этих двух нет в Большом зале... Они, оказывается, были слегка заняты.

Хагрид повел нас вдоль опушки к огороженному загону, в котором никого не наблюдалось. Мы что, невидимок изучаем?

- Это фестралы? - спросил Винс, обращаясь ко мне.

- Что? А, нет, - я вспомнила, что из нашей компании фестралов могла видеть только я. - Там никого нет.

- Встаньте так, чтобы всем было видно, - скомандовал Хагрид. - Окройте свои книги на тридцатой странице...

- Как? - пискнула возмущенная Паркинсон.

- Чего?

- Как их открыть? - повторила она. Все достали из сумок обезвреженные с помощью подручных средств книги: кто-то перевязал ее веревкой, кто-то скотчем или магической липкой лентой, многие просто перетянули вытащенным из собственных брюк ремнем.

- Что, никто не сумел открыть? - искренне удивился полувеликан. - Их же только погладить надо!

Он взял у меня книгу, размотал цепь и погладил указательным пальцем по корешку прежде, чем она успела укусить его. Ворча, остальные студенты проделали эту же операцию.

- Погла-адить, - собезьянничала Панси. - Да мой отец... - начала было она, но глянула на меня и прикусила губу. То-то же!

- Ну, пойду зверушек приведу, - почесал макушку Хагрид.

- Офигеть, - Драко проводил глазами высокую фигуру. - Только Хагриду могло прийти в голову, что мы догадаемся погладить этих монстров в обложке.

- Да уж... Ну ничего себе! - невиллов возглас был вполне понятен: к нам галопом приближались самые странные животные из всех, что мне доводилось видеть. Туловище и задние ноги лошади, орлиная голова и передние ноги, огромные крылья, сложенные на спине...

- Гиппогрифы! - еще бы, Драко сразу узнал этих зверей - его отец владел гиппогриффьим питомником и пару раз даже брал наследника с собой на экскурсию. - Им надо поклониться, и тогда они не причинят тебе вреда.

- Это, сталбыть, гиппогриффы, - прогудел Хагрид. - Очень

гордые и церемонию любят. Если подойти хотите, надо сперва поклониться им вот так, - великан согнулся в церемонном поклоне. - И ждать, чтобы он в ответ поклонился. Если не захочет - тогда быстро отходить, иначе он и клюнуть может, и оцарапать.

Гиппогрифф между тем поклонился полувеликану, и тот отцепил от своего ожерелья одного суслика.

- На, мой хороший! Правда, они прелесть?

- Чудовищно прекрасны, - пробормотал Невилл, косясь на страшные когти зверептицы.

- Ну, кто желает познакомиться?

Драко сразу выскочил вперед и бесстрашно пошел к гиппогриффу. Остановился в десятке шагов, изящно поклонился и стал ждать ответа. Похоже, аристократичный поклон пришелся тварюшке по душе, поскольку тот ответил и приглашающе курлыкнул, распуская крыло. Драко приглашением воспользовался и, подсаженный Хагридом, гордо взирал на одноклассников с гиппогриффьей шеи. Птицезверь заклокотал и взмыл в воздух, заложив крутой вираж. Ученики заулюлюкали и захлопали, а Драко вдруг стукнул своего скакуна пятками и направил его к Черному озеру. Облетев его почти по периметру, гиппогрифф пошел на посадку.

- Ух, здорово! - глаза Драко сияли. - Гарри, Нев, ребята! Это так круто!

- И ничего ты не страшный! - заявила Паркинсон и полезла к гиппогриффу. - Ты просто курица-переросток! Огромная, тупая курица!

Никто не успел ее остановить, и слизеринка приблизилась к зверю на опасно близкое расстояние, продолжая его оскорблять.

- Назад! - заорал Хагрид, но было поздно: гиппогрифф взвился на дыбы.

- Акцио Панси! - выкрикнула я и заклинание, к моему удивлению, подействовало: противная девчонка разлеглась на мне, как на перине.

- Он меня убил! - завыла она.

- Кто - он? - я раздраженно спихнула ее с себя. - Он к тебе и пером не притронулся, дура!

Бледный как полотно Хагрид рвал и метал.

- Сто баллов со Слизерина! Я сообщу вашему декану! Я же говорил: нельзя так с ним, он уважение любит!

Поуспокоившись, он вытер пот со лба и уже спокойнее произнес:

- Гарри, ты просто умничка! А ты, как тебя там... да у тебя теперь Долг Жизни перед Гарри! Если бы не она, от тебя только мокрое место осталось бы!

- А баллы Хаффлпаффу? - поинтересовался Драко. Хагрид усмехнулся:

- Ну, и сто баллов Хаффлпаффу за спасение одноклассницы.

- Да! - возликовали мои сокурсники, даже слизеринцы. Похоже, я популярна... Где же Локхарт, некому даже локти кусать от зависти - разве что Паркинсон.

Глава 4

Естественно, ушедшие в глубокий минус изумруды и резко увеличившееся количество топазов не могли остаться незамеченными, и к вечеру вся школа, включая преподавателей, знала о случившемся. В сторону Паркинсон никто не смотрел, да и сама она старалась поменьше высовываться. Папа здорово накрутил ей хвост, и назначил до конца месяца отработки с Филчем - может, меньше времени на глупости останется.

Хагрид здорово переживал и обещал на следующий урок принести флобберчервей. Вот уж не знаю, что лучше: иметь дело с опасными тварями или рисковать помереть от скуки?

Не оправдали надежд и уроки по прорицаниям. Мало того, что в закрытом помещении удушающе пахло благовониями, так еще и преподавательница попалась более чем странная. Сибил Трелони, та самая, что сделала пророчество про меня и Волдеморта, была закутана в десяток шалей, носила огромные стрекозиные очки и никогда не расчесывалась - сивые волосы стояли торчком, как наэлектризованные. По паре дюжин браслетов звякало на ее руках, гремели увесистые бусы - пожалуй, я больше никогда не скажу, что у Луны нет вкуса. А еще, как оказалось, Трелони обожает предрекать скорую смерть ученикам. Что бы те ни увидели в чаинках на дне чашки или в тумане внутри хрустального шара, толкование было одно: "О, мой милый/милая, мне неловко об этом говорить, но тебя подстерегает смертельная опасность!"

На первом же уроке она напророчила скорую смерть мне, Невиллу и, до кучи, Финч-Флетчли, а потом с завидным постоянством повторяла свои предсказания. Получить у нее баллы оказалось до противного легко - надо было только замогильным голосом заявить: "О, горе мне! Я не доживу до апреля! Меня отравят (сбросят с астрономической башни/отдадут на съедение Гигантскому кальмару/трансфигурируют в чернильницу)!". Обрадованная Трелони тут же начисляла десять баллов и радовалась незамутненному и прозорливому внутреннему оку студента.

А вот ЗОТИ с Ремусом - это было здорово! На первое же занятие он приволок боггарта - я читала о них в учебнике по ЗОТС

Все с опаской приблизились к гардеробу, в котором что-то грохотало и стучало.

- Сегодня мы с вами познакомимся с боггартом, - начал Люпин. - Кто скажет, что собой представляет боггарт?

Гермиона подняла руку и зачастила:

- Это привидение, принимающее вид того, чего человек боится больше всего, профессор!

- Пять баллов Рейвенкло. Совершенно верно, Гермиона. Для того чтобы обезвредить боггарта, достаточно представить на его месте что-нибудь смешное, взмахнуть палочкой - вот так! - и сказать: "Ридиккулус!"

Мы повторили движение и заклинание.

- Никто не знает, как выглядит боггарт наедине с самим собой. Они любят прятаться в темных местах: в шкафу, под кроватью, да где угодно. Сейчас у нас есть перед ним огромное преимущество. Невилл, догадаешься?

- Ну... Нас много, и он не сумеет напугать всех сразу.

- Именно! Поэтому иметь дело с боггартом лучше всего вдвоем, а то и втроем. Мисс Грейнджер, мистер Финч-Флетчли!

Ребята вышли вперед и встали перед гардеробом. Люпин произнес:

- Аллохомора! - и из шкафа вывалилась мумия, вместо нижней половины у которой была почему-то гиппогрифья голова.

- Ну вот, - удовлетворенно сказал Ремус, загоняя боггарта обратно в шкаф. - Типичная ошибка привидения. Значит, ты, Джастин, боишься гиппогриффов? Гермиона, встань на место, пожалуйста.

Подруга присоединилась к нам. Люпин попросил:

- Джастин, представь себе гиппогриффа, но... скажем, с коньками на ногах. Знаешь, что такое коньки?

Финч-Флетчли кивнул.

- Аллохомора!

Гиппогрифф выпрыгнул из шкафа, но не совладал с разъезжающимися на роликах ногами и рухнул на пол. Тут же сдувшись, он упорхнул в свой схрон, не забыв захлопнуть дверь.

- Кто еще хочет попробовать?

Одноклассники наперебой вызывались сразиться со своими страхами, и только я стояла в стороне. Оставалось совсем мало времени до звонка, когда Люпин неслышно подошел ко мне. Я даже вздрогнула, почувствовав его руку на своем плече.

- Не хочешь попробовать?

- Я знаю, кем окажется мой боггарт, - покачала я головой. - Можно я потом? Когда все уйдут...

- Хорошо. Все свободны! - повысив голос, объявил Люпин. -

Всем к понедельнику сдать сочинение о боггартах на двадцать дюймов.

Галдя и обсуждая интересный урок, ученики повалили из класса. Остались только я и профессор, даже Гермиона и Невилл ушли в библиотеку.

- Ну, - обратился ко мне Ремус. - Ты считаешь, что твой боггарт превратится в Волдеморта?

- Что? Нет, конечно! Выпусти его, - попросила я. На самом деле я опасалась совершенно иного...

- Аллохомора! - скомандовал Люпин, и уродливая черная фигура медленно стала приближаться ко мне. Уши знакомо заложило ватой, мир стал терять краски...

... Темный школьный коридор, освещаемый только факелами, худая фигура МакГоннагал, левитирующая перед собой неподвижное тело колдуна в черной мантии...

- Гарри! Очнись! - Люпин брызгал мне в лицо водой. Я, стараясь не делать резких движений, села.

- Почему ты не сказала?

- Я не была уверена. Ремус, что мне делать? Дементоры охраняют периметр, а я не могу даже спокойно смотреть на боггарта!

- Спокойно, Гарри. Спокойно. Вот что я могу предложить: ты станешь практиковаться в вызове патронуса. Конечно, я не рассчитываю, что ты сумеешь вызвать телесного патронуса, но даже пара искр или туманное облачко из палочки значительно улучшат ситуацию.

- Спасибо, Ремус... профессор Люпин, - улыбнулась я ему. Ремус мягко улыбнулся в ответ и проводил меня до библиотеки, где сдал с рук на руки друзьям и напоследок угостил шоколадкой.

После боггартов мы изучали Красных колпаков, а после - гриндилоу. Все люпиновские уроки вызывали у студентов восторг, он, как никто другой, умел найти подход к каждому ученику и преподавал материал как бы между делом, успевая рассказывать занятные истории, анекдоты и разнообразные байки. Мне уже неоднократно думалось, что из него вышел бы не только замечательный учитель, но и отец, но Люпин почему-то совершенно махнул рукой на свою личную жизнь, что было более чем странно для его неполных тридцати трех. Я превосходно понимала, почему не женится папа - мало кто сумеет ужиться с ним, да и память о маме была слишком свежа. Крестный - тот вообще из породы вечных холостяков, и я лично поставлю памятник той, что сумеет добиться от него брачной клятвы. Но вот Люпин - симпатичный, нестарый, добрый... да мало ли

эпитетов можно придумать? Но он почему-то боится новых знакомств как огня, а уж тем более женщин. Хотя внешне Ремус выглядел намного лучше, чем в первую нашу встречу, но чувствовался в нем какой-то внутренний надлом, застарелая травма. Мучаясь угрызениями совести (как же, лезу в чужую жизнь немытыми лапами!), я написала письмо Сириусу, рассудив, что если кто и знает причины, то только он. Сириус не стал медлить и ответил на следующий же день.

"Милая моя крестница," - писал он. "Я рад, что ты решила взяться за этого мнительного болвана! Если кто его и расшевелит, то это ты, ибо, как сам нередко утверждал Луни, устами ребенка глаголет истина. Может, хоть от тебя он не откажется ее услышать.

Дело в том, Гарри, что Луни ужасно стесняется своей маленькой пушистой проблемы. Лично мне никогда не понять, почему он так страдает - он ведь бегает хвостатым всего три дня в месяц. Ты бы видела его в школе! Он даже нам, своим лучшим друзьям, четыре года не сознавался. А уж когда сознался... Корчило его жутко. Считал, мы сразу же станем его презирать и отвернемся, как же - он ведь почти животное! Потому он и не заводит близких знакомств. Думает, что не имеет права. Мы его, конечно, убеждали по-всякому, да только он не верил, а уж после того случая с Нюнчиком и вовсе на себе крест поставил. Луни боится, что животное в нем рано или поздно возьмет верх над человеческим, и он попросту не превратится обратно. Не знаю, как его разубедить, может, ты найдешь аргументы - ты ведь у нас такая умная, как две библиотеки сразу.

Всегда твой, Сириус"

Маленькая пушистая проблема. Вот в чем дело... да только вряд ли Люпин примет слова утешения от того, кто сам не бывал в его шкуре.

Я решила начать с другого конца и пошла выспрашивать у папы, что такого ужасного сделали Мародеры много лет тому назад.

- Зачем тебе это? - спросил он, стоило мне только заикнуться о той истории. Я объяснила.

- Боюсь, мое суждение будет несколько однобоким.

- Ты всегда так говоришь, - попеняла ему я. - Рассказывай.

- Ты уже знаешь, что Люпин бегал превращаться в Воющую хижину, а остальные Мародеры присоединялись к нему, - начал папа, поморщившись. - Я был молодым ревнивым идиотом, и только начал встречаться с Лили. Естественно, я не мог поверить своему счастью и все время ожидал подвоха. Однажды Блэк сказал мне, смеясь, что у Лили свидание с Поттером в Воющей

хижине. Я, как дурак, купился и полез проверять, но вместо Лили и Поттера нашел там Петтигрю и голодного оборотня. Джеймс вытащил меня тогда, я здорово перепугался, но был цел и невредим. Сейчас, честно говоря, я не думаю, что Люпин действительно мог причинить мне осознанный вред, но ведь у страха глаза велики...

- Ты боишься его?

- Люпина? С чего ты взяла? У Лорда на службе я видел такое, в сравнении с чем Люпин - пушистый зайчонок.

- Тогда поговори с ним. Мне кажется, он слишком много напридумывал себе всяких ужасов. Это его личный боггарт, - добавила я, вспомнив, как на одном из наших индивидуальных занятий боггарт Ремуса превратился в полную луну.

Мои успехи шли ни шатко, ни валко - мне ни разу не удалось вызвать по-настоящему радостное и светлое воспоминание. Нет, конечно, в моей жизни было много радостных моментов, но ни один из них не был настолько ярок, чтобы питать хотя бы бестелесного патронуса. Люпин не унывал и говорил, что жалкие искры, которые мне удалось извлечь из палочки - тоже достижение. "Это ведь даже не уровень ТРИТОН, Гарри"... Утешало, честно говоря, мало.

Глава 5

Погода была мерзопакостная (мелкий дождик моросил вторую неделю), и идти на тренировку совсем не хотелось, но я пересилила себя: как известно, в здоровом теле - здоровый дух, к тому же, ловкость и скорость реакции здорово помогают в дуэли. После позорного отбытия Локхарта дуэльный клуб возглавил Флитвик, и мне нравилось ходить на его занятия.

Пауэлл отчего-то был мрачен, как туча. Дождавшись, пока все соберутся, он заявил:

- Я перевожусь на домашнее обучение. Мать больна, отец в разъездах, и некому присматривать за мелкими, - у него было двое маленьких сестер, кажется, трех и пяти лет.

- А эльфы? - заикнулся кто-то из команды. Эдмонд зыркнул исподлобья:

- У нас нет домовых эльфов. Так что выбирайте нового капитана.

Посовещавшись, мы выбрали ловца Седрика Диггори, и встали перед новой проблемой: у нас не было запасного охотника. Брать новенького в команду и обучать его не имело смысла - через неделю был назначен первый матч со Слизерином. Пауэлл не мог остаться - ему срочно надо было уезжать, и Седрик предложил другое решение.

- Пусть Гарри играет за ловца, а я сыграю за охотника.

Я запротестовала:

- Ты же всегда был ловцом!

- Это в школе, кнопка, - подмигнул он мне. - Дома с друзьями я всегда играю за охотника.

На том и порешили. Всю неделю мы перестраивали стратегию игры, и я радовалась, что мне одной не приходится подстраиваться: я-то все равно должна была следить за снитчем. Зато Диггори нервничал и все время донимал меня наставлениями, да так, что я пару раз, даже, опаздывала на урок по его милости.

В день матча погода испортилась вконец: выл ветер, то и дело меняя направление, и лил проливной дождь. Я всерьез опасалась, что меня попросту сдует с метлы, и прикидывала, не привязаться ли мне веревочкой. Утешало только, что вражеский ловец был не в лучшем положении - Драко, который в этом году перешел в основной состав, был не тяжелее меня.

Поле превратилось в настоящее болото, и Седрик вяло пошутил:

- Зато падать будет мягко.

- Ага, - отозвалась я, с трудом отвоевывая ногу у липкой жижи. - Засосет - и на помощь позвать не успеешь.

Сквозь плотную пелену дождя я с трудом различала трибуны и зеленых слизеринских игроков напротив, куда уж тут поймать снитч? Но в квиддич почему-то принято играть в любую погоду, и мадам Хуч отдала команду взлетать.

Чвакнув напоследок грязью, я оторвалась от земли и стала облетать поле. Малфой приветливо помахал мне рукой и скорчил грозную рожу. Ну уж нет, обойдешься! Тем более что ты мечтал играть за вратаря...

Спустя пять минут я вымокла до нитки и обругала себя идиоткой. Что, нельзя было наложить водоотталкивающие чары? А теперь мерзни, дура...

Игра шла уже более получаса, а мне никак не удавалось заметить снитч. Вода заливала глаза, и было довольно проблематично держать их открытыми, а ветер словно взбесился и ожесточенно рвал древко метлы у меня из озябших рук. Как нашим удавалось что-то видеть в такую погоду - оставалось для меня загадкой. Между тем, бессменный комментатор гриффиндорец Ли Джордан восторженно распинался, что команда Хаффлпаффа сегодня играет хорошо, как никогда, и уже умудрилась забросить семь мячей. Кажется, Диггори на высоте... Или это слизеринский вратарь лажает?

Я едва не пропустила момент, когда мимо пронесся Драко, гонясь за крошечной золотой искоркой. Вот глазастый! Я тут же

задрала древко метлы и понеслась вверх, пытаясь его обогнать. Малфой был все ближе и ближе, когда я зачем-то глянула в сторону и кровь застыла у меня в жилах: на нас неслось около десятка дементоров.

Какого черта? Они ведь охраняют периметр, их не должно быть на стадионе!

... Невилл, сбитый ударом длинного хвоста, отлетает к колонне и застывает сломанной куклой...

- Гарри! Ты меня слышишь? - приходить в себя, слыша голос Невилла - это становится привычкой.

- Слышу. Что случилось? - голова болела, так что глаза я пока решила не открывать.

- Дементоры напали на тебя, и ты свалилась с метлы.

- А матч?

- Драко поймал снитч, он даже не видел, что ты упала. Требовал переиграть, но все было честно. Извини.

- Ну, ты-то здесь ни при чем, - вздохнула я.

- Профессор Снейп рвал и метал: дементорам строго-настрого приказано не трогать студентов. Он замедлил твое падение каким-то заклятьем, а директор и профессор Люпин разогнали дементоров. Представляешь, патронус директора - феникс!

- Ага, - говорить о дементорах мне совершенно не хотелось. - С каким счетом мы проиграли?

- Сто восемьдесят - девяносто. Наши успели закинуть девять мячей. Если Слизерин продует Гриффиндору, у нас есть шансы заполучить кубок.

- Отлично. У них неплохой ловец, так что есть все шансы... А где моя метла?

Невилл заметно скис:

- Понимаешь, ее отнесло ветром, и...

- Что?

- Дракучая ива, она...

- Можешь не обьяснять. Прощай, метелка, ты служила верой и правдой...

После Невилла ко мне приходили поочередно раскаивающийся Драко, оптимистичный Диггори, возмущенный папа, перепуганный Люпин и, наконец, жизнерадостная Гермиона. Она притащила мне книгу о патронусах и порекомендовала изучать на досуге, поскольку "теория практике еще никогда не мешала".

С Люпином я беседовала дольше всего. Он понимающе вздыхал, но ничем помочь не мог в принципе - он ведь не виноват, что плохих воспоминаний у меня куда больше, чем хороших.

Сразу после того, как меня выписали, я пришла к нему и потребовала выпустить боггарта. Но чуда не случилось, и из палочки снова вылетели жалкие искры. Походы в Хогсмид отменили, и теперь на выходных я приходила снова и снова сражаться с собственным страхом.

- Гарри, не расстраивайся так, все у тебя получится, - утешал меня Ремус. - Что за воспоминание ты выбрала? Может, оно просто недостаточно счастливое?

- Ремус, - рассмеялась я. - Думаешь, у меня так уж много счастливых воспоминаний? Вряд ли посещение Диснейлэнда можно противопоставить дементорам, или воспоминание о первом купании в море...

Я видела, что Ремусу жаль меня до слез, но больше оборотень не решился ничего говорить. И правильно - мне его утешение было сейчас нужно меньше всего.

Наше занятие прервали самым возмутительнейшим образом.

- Люпин! - папа ворвался в его кабинет без стука. - Гарри, ты тут, слава Мерлину!

- Что случилось?

- Портреты клянутся, что видели в замке Грейбека, он подрал изображение Толстой Дамы, привратницы Гриффиндора!

- Грейбек? - Ремус сидел, словно громом пораженный.

- Не тупи, Люпин! Как он мог пройти мимо дементоров? Кто еще знает о потайных ходах?

- Только я, ты, Сириус и Гарри. Кому ты рассказывала? - обратился Ремус ко мне.

- Моим друзьям, - прошептала я. Неужели кто-то мог помочь Грейбеку проникнуть в замок? Но зачем? И... кто?

- Я ручаюсь за них головой, - заявила я. - Никто из них не стал бы болтать с посторонними или помогать преступнику.

- Даже под страхом смерти? - прищурился папа. Ремус одернул его:

- Северус, не мели чепуху! Как Грейбек мог проконтролировать выполнение приказа?

- Нерушимая клятва, - буркнул папа без особой уверенности. Оборотень вымученно рассмеялся:

- Ты прекрасно знаешь, что Нерушимую клятву невозможно дать магглу, а Грейбек - бывший маггл. Оттого, что его покусали, в нем не прибавилось ни капли магии.

- Хорошо, убедил. Но я не понимаю, как тогда он оказался здесь. Дамблдор рвет и мечет, всем студентам велено собраться в Большом зале, а преподавателям - обыскать школу.

- Ерунда какая, - заявила я. - Грейбеку делать больше нечего - только прятаться в школе, где его легко можно обнаружить!

Линни!

Эльф аппарировал в кабинет со звонким хлопком.

- Мисс Гарри! Линни приятно оказаться полезным!

- Это что, хогвартский эльф? - недоуменно воззрился на меня папа. Я пожала плечами:

- Ну да. Мы еще на первом курсе познакомились. Линни, ты знаешь, кто такие оборотни?

Домовик кивнул:

- О, один совсем недавно ушел, а второй остался.

- Какой-такой второй?

Люпин фыркнул:

- Северус, ты сегодня явно не в форме. Я, конечно! Так, Линни?

- Именно, профессор Люпин, сэр! Второй, тот, что приходил, он был злой, он испортил портрет и ушел, очень недовольный.

- Ремус! - из камина показалась голова Дамблдора. - О, и Северус у тебя! Вы нужны мне, необходимо обыскать замок.

- Домовой эльф утверждает, что посторонних в замке нет, сэр, - я решила вмешаться.

- Гарри, ты должна спуститься в Большой зал, - Дамблдор пропустил мои слова мимо ушей. - Проводите девочку и присоединяйтесь к нам, мальчики.

Едва его голова исчезла, папа скривился:

- Мальчики... Необходимо соблюдать хоть какую-то субординацию. Макгоннагал моложе его лет на пятьдесят, но он ведь не зовет ее девочкой.

- Полно, Северус, - вздохнул Люпин. - Пойдем, нас ждет замечательная прогулка по темным коридорам Хогвартса. Совсем как в старые времена...

- Я не бродил по ночам, Люпин.

- Ну да, ну да... Это ты Гарри расскажи, а не мне. Помнится, однажды я едва успел увести парней от пустого класса, где ты целовался с Лили.

Большой зал был полон народу. Столов не наблюдалось, зато весь пол был устлан фиолетовыми спальными мешками, в которых или на которых сидели и лежали студенты.

- О, наконец-то! - Драко уволок меня в уголок, где собралась вся компания. - Что это за дурацкие слухи?

- Не знаю, что вам сказали, но факты таковы: Грейбек пробрался в Хогвартс и подрал холст Толстой Дамы. Сейчас его здесь нет, но директор приказал обыскать весь замок от подземелий до Астрономической башни.

- Откуда ты знаешь, что он ушел? - поинтересовалась Гермиона.

- От домовика, конечно. Помните Линни?

Перси Уизли, который с назначением на пост старосты стал еще противнее и пытался выслужиться еще усерднее, приказал нам замолчать и ложиться спать. Не желая попусту пререкаться с ним, мы залезли в свои мешки. Вот логика: согнать всех сюда вместо того, чтобы развести по гостиным. Или директор подозревает, что Грейбек притаился в чьем-то сундуке? Он же не маг, и не мог взломать дверь, а привратники его ни за что не пропустили бы.

- Как занятие? - шепотом спросил лежащий справа Невилл.

- Никак. У меня не получается. То ли воспоминания не подходят, то ли стимула не хватает.

Невилл только вздохнул. У него даже искр из палочки не сыпалось, и, попытавшись несколько раз, он отказался от занятий с Люпином, как и все остальные. На данный момент у меня были лучшие результаты, но сама я была недовольна. Перевернувшись на спину, я уставилась в темный потолок с едва заметными звездами, и в который раз принялась ворошить свою память в поисках счастливого воспоминания. Звезды прятались за облаками, я рассеянно искала среди созвездий Большую Медведицу и незаметно для себя уснула.

Глава 6

Видимо, Дамблдор здорово напугал дементоров - больше они не приближались ни к школе, ни к квиддичному полю. Седрик немного отпустил вожжи и не гонял команду до седьмого пота, как раньше, что не могло не радовать - появилось больше свободного времени. Папа по-прежнему исследовал яд василиска, буквально разложил на составные, но к разгадке противоядия не приблизился ни на йоту. Естественно, это не могло не сказаться на его настроении: он лютовал больше обычного и так придирался к студентам, что сам Дамблдор уже просил его быть помягче. Он совсем бросил нас учить чему-то сверх или вперед программы, но Люпин с удовольствием взял эту заботу на себя. Кажется, он оттаивал в обществе моих друзей, забывал о своей "мохнатой проблеме" и становился просто человеком. Чем дальше, тем больше я убеждалась, что эта самая проблема в большей степени надуманная, но так и не могла сообразить, что с этим делать. Из Северуса, само собой, помощник был никакой, а друзья могли только делать то, что и делали: зная о его оборотничестве, спокойно и дружелюбно с ним общаться.

Как и следовало ожидать, Грейбека не нашли. Министерство предлагало удвоить количество дементоров возле Хогвартса и в Хогсмиде, но Дамблдор уперся рогом и добился компромисса: охрану удваивают, но пополнение будет состоять из курсантов-

авроров. Теперь под моросящим дождичком стояли хмурые фигуры в форменных мантиях винного цвета, а вокруг них носились серебристые призрачные патронусы, сводя к минимуму влияние дементоров. Авроры не жили в Хогвартсе, и студенты-младшекурсники, страстно желающие поглядеть на них хоть одним глазком, были страшно разочарованы: на боевом посту стражи правопорядка были молчаливы и неприветливы, а после дежурства немедленно аппарировали домой, отогреваться чаем (ну, или что там кому по душе...).

Папа с Люпином лично запечатали все потайные ходы, кроме ведущего в Тайную комнату, сведя к нулю возможность повторного проникновения Грейбека. Каким образом он забрался в школу, так и не выяснили - эльфы не видели его лично, только чувствовали присутствие.

Гнетущая обстановка напрягала: все ходили взвинченные и недовольные, приходилось тщательно обдумывать слова прежде чем обратиться к кому-то, иначе был риск нарваться на грубость. Даже всегда веселый Драко стал непривычно меланхоличным, а Гермиона так попросту с головой закопалась в книги. Папа выдал ей пропуск в Запретную секцию, и Астории приходилось насильно вытаскивать ее в Большой зал, иначе девчонка попросту уморила бы себя голодом. Вообще Гринграсс зарекомендовала себя хорошей подругой, несмотря на первое впечатление. Я больше не сочувствовала Драко, только недоумевала, почему он не хочет узнать ее поближе - мне, например, было бы любопытно подружиться с тем, с кем меня обручили с детства. Астория была нежной и трогательной, но вместе с тем обладала недюжинной стойкостью и твердостью, совсем как Нарцисса. По-моему, в свое время Люциус принял верное решение, выбрав сыну в жены именно ее, а не старшую Дафну - та была пустоголовой безобидной болтушкой, интересующейся только тряпками и взахлеб читающей "Ведьмополитен". Она дружила с Паркинсон и во всем старалась ей подражать, хотя, слава Мерлину и всем основателям, никогда не занималась самодеятельностью - с ее куриными мозгами результат мог получиться сногсшибательным. Астория же не слишком любила старшую сестру-слизеринку и дружила с Гермионой и Луной Лавгуд, своей одногодкой-рейвенкловкой. Луна была весьма странным, но безобидным созданием, живущим в собственном мире по законам собственной странной логики. Она верила, что в омеле водятся нарглы, а на многих преподавателях и студентах паразитируют мозгошмыги, мешающие им мыслить непредвзято. Она умела и любила читать вверх ногами, и частенько ходила босой - уверяла, будто ее обувь воруют какие-то домашние вредители. По-моему, обувь воровали

ее соседки по спальне - для смеха, но Луну было не переубедить. Ее отец выпускал "Придиру" - странную газетенку, в которой на полном серьезе описывались исследования морщерогих кизляков и прочих несуществующих тварей, но, как ни странно, ее даже кто-то покупал. Неизвестно только, читал ли - может, в "Придиру" было удобно заворачивать сандвичи...

Как бы там ни было, даже в такой обстановке Луна умудрялась сохранять спокойствие и присутствие духа - казалось, ее вообще невозможно выбить из колеи. Равно как и Невилла - он все свободное время проводил с Мимбулус Мимблетонией и прочими растеньицами, ни капельки не тревожась о Грейбеке. А вот Рон Уизли не только был взбешен невозможностью попасть в "Сладкое королевство" и прочие хогсмидские лавочки, но и всерьез обеспокоен болезненным состоянием своей крысы Коросты (вот имечко, а?). Она почти ничего не ела, резко похудев почти в два раза, шерсть лезла из нее клочьями и вообще, по моему скромному мнению, гораздо гуманнее было бы попросту усыпить несчастную тварюшку. Мне, правда, хватило такта не предлагать такого Рону, а вот Драко предложил и немедленно получил кулаком в живот. Завязалась безобразная драка (хорошо хоть за палочку никто не схватился), и Филч был просто счастлив заполучить обоих забияк в свое распоряжение на две недели. После этого Рон с Драко не разговаривал и вообще делал вид, что друг друга не существует. Сколько там живут крысы, года три? А его Коросте уже около двенадцати, так что мог бы и смириться. В последнее время он даже стал уверять, будто мой Косолапус выслеживает это несчастное животное - хотя от нашей гостиной до гриффиндорской пять коридоров, три движущихся лестницы и четыре этажа. Скорее я поверю, что мой кот заделал Миссис Норрис котят, чем в то, что он соблазнился облезлым хвостом Коросты. Но Рон был упрям, и в своей непрошибаемости и логичности перестал разговаривать и со мной тоже.

В общем, дела шли гаже некуда, да еще Дамблдор повадился зазывать меня на чай с мармеладками и разглагольствовать о жизни, то ли прощупывая почву, то ли просто вешая лапшу на уши. Он болтал о моей избранности и о предназначении, о силе любви и добра, и о том, что я должна спасти весь магический мир. Хотя интересно, с чего бы - неужели во всей Англии не найдется колдуна, способного взять на себя этот труд, что приходится надеяться на тринадцатилетнюю соплю? Взять того же Дамблдора, к примеру... Я кивала, как китайский болванчик, и окольными путями пыталась выведать что-нибудь о хоркруксах, но светлячок держался стойко и ловко обходил в разговорах все подводные камни.

Ближе к Хэллоуину дела испортились вконец. Началось с того, что один из авроров, патрулирующих Хогсмид, (а точнее - странная аврорша с розовыми волосами) приволокла за шкирку алого от стыда Рона. На счастье, я встретила их первой и немедленно повела к папе - уж лучше он, чем МакГоннагал.

- Тонкс, - папа узнал авроршу и скорчил кислое лицо. - Тебя все-таки приняли в академию.

- Профессор Снейп, - аврорша явно забавлялась. - Моей карьере не помешало даже "Выше ожидаемого" по зельям, которое вы столь любезно мне поставили.

- Аврору стыдно не уметь варить Костерост, - вздернул бровь Северус. - Но перейдем к делу. Что натворил мистер Уизли?

- Я отловила его в "Сладком королевстве".

- Что? - в один голос вскрикнули мы с папой.

- Ты что, совсем идиот? Где-то там шастает Грейбек, а ты готов рискнуть жизнью за пару конфет? Убить тебя мало!

Рон готов был сквозь землю провалиться от стыда.

- Полностью согласен с Гарри, - зло бросил папа. - Мистер Уизли, я немедленно извещу ваших родителей. Выверните-ка карманы.

Рыжий неохотно выложил на стол пачку "Берти Боттс" и сложенный вчетверо пустой пергамент, сразу показавшийся мне подозрительным. Папе, впрочем, тоже.

- Что это? - вкрадчиво спросил он.

- Просто пергамент, - пролепетал Рон.

- Просто пергамент. Значит, вы не слишком расстроитесь, если я... - папа сделал вид, будто бросает его в камин, и Рон против своей воли вскрикнул:

- Нет!

- Ага, - протянул папа. - Значит, это не просто пергамент. Открой свой секрет!

Пергамент никак не отреагировал. Аврорша заинтересовалась и тоже занесла над ним свою палочку:

- Откройся!

Ничего.

- Может, это действительно пустой пергамент? - неуверенно предположила девушка.

- Не может! Я, профессор Северус Снейп, декан факультета Слизерин, приказываю тебе поведать мне свой секрет! - папа зло ткнул палочкой в пергамент и на нем медленно стали проявляться буквы.

"М-р Луни приветствует профессора Снейпа и нижайше просит не совать длинного носа не в свои дела."

Папа остолбенел. Рон так и вовсе смотрел на послание как

громом пораженный, но пергамент на этом не остановился.

"М-р Сохатый присоединяется к м-ру Лунатику и хотел бы только прибавить, что профессор Снейп урод и кретин."

- Со смеху умрешь, будь ситуация не столь серьезной, - Тонкс едва сдерживалась. А пергамент между тем строчил свое:

"М-р Бродяга расписывается в своем изумлении, что такой идиот вообще стал профессором."

Рон в ужасе зажмурился и сжался, пытаясь стать как можно меньше. Когда он открыл глаза, на пергаменте успела появиться еще одна надпись:

"М-р Хвост кланяется профессору Снейпу и советует ему, чертовому неряхе, вымыть, наконец, голову."

Рон замер в ожидании грозы, которая вот-вот должна была разразиться. Первой не выдержала я, и бросилась к камину:

- Покои профессора Люпина!

Сунув голову в зеленое пламя, я увидела удивленного Ремуса, спокойно пьющего чай.

- Ремус, ты нам срочно нужен! Иди в папин кабинет!

Когда Ремус вышел из камина, папа, сжав пальцы до побелевших костяшек, сидел в кресле, Рон стоял у самого порога, словно надеясь сбежать, а Тонкс расположилась на подоконнике.

- Что случилось?

Я сунула ему под нос пергамент, на котором все еще были глумливые строки:

- Это ты нам объясни, Луни!

- Луни? - вскинулась Тонкс. Ремус смутился:

- Это мое школьное прозвище. Рад видеть тебя, Нимфадора. С нашей последней встречи ты несколько... м-м-м, выросла.

- Прошло пять лет, Люпин. Это естественно.

- Гхм, - напомнил папа. - Пергамент.

- А, да-да. Ну, я вас оставлю, - Тонкс поспешила откланяться. Минуя меня, она вгляделась:

- Так ты - та самая Гарри.

- Единственная и неповторимая, - хмуро подтвердила я. Если бы не Рон, я бы с удовольствием с ней познакомилась, но сейчас меня куда больше занимал провинившийся друг.

Тонкс фыркнула и ушла. Люпин проводил ее взглядом и вздохнул:

- Северус, эту штуку мы сделали на пятом курсе. Ты же понимаешь, какими идиотами мы тогда были.

- Вы-ы? - удивленно протянул Рон. Ремус кивнул:

- Мы. Где ты нашел эту карту?

- У Филча, - шмыгнул носом Рон.

- И как оказался в Хогсмиде?

- Разобрал завал на пятом этаже, за зеркалом.

Папа что-то сердито буркнул себе под нос и объявил:

- Будете мыть котлы до конца учебного года. Без магии. И Молли я все-таки напишу. Свободны.

Рона как ветром сдуло. Я была полностью согласна с Северусом: это же надо было додуматься до такого! Не пожалеть времени и сил, разобрать завал, рискнуть жизнью - и все ради пакетика "Берти Боттс"! Иногда я просто не понимаю мотивов чужих поступков.

Оставшись втроем, мы некоторое время помолчали, а потом Ремус пояснил:

- Эта карта показывает всех, кто в данную минуту находится в школе. Смотрите, - он прикоснулся палочкой к пергаменту и произнес:

- Торжественно клянусь, что замышляю шалость!

На пергаменте проступил подробный план Хогвартса со всеми коридорами и закоулками, флажками с именами были отмечены студенты и преподаватели. В комнате с пометкой "Кабинет Северуса Снейпа" находились три точки, чье положение полностью соответствовало нашему. Глядя на точку, подписанную "Гарриэтт Снейп", я спросила:

- Она показывает настоящие имена? Если бы я все еще называлась Поттер, как бы отразила меня карта?

- Думаю, как Снейп, - пожал плечами Ремус. - Ладно, раз мы все выяснили и я вам больше не нужен, то я, пожалуй, заберу карту себе.

- Ну уж нет, - фыркнул папа. - Карту я возьму себе.

- На здоровье, - пожал плечами Люпин. - И прости за насмешку: ты же прекрасно понимаешь, что сейчас я вовсе не имел в виду ничего такого.

- Понимаю, - буркнул папа. - Иди, Люпин, пока я добрый.

- Шалость удалась, - оборотень коснулся палочкой карты и вышел из кабинета.

- Вот уж действительно, шалость удалась, - буркнул папа, пряча карту в карман.

Глава 7

С Роном теперь не разговаривал никто из нашей компании. Мы решили, что небольшой бойкот пойдет ему на пользу, и даже старались не смотреть в его сторону на общих уроках.

Тонкс оказалась двоюродной племянницей Сириуса, дочерью изгнанной из семьи Андромеды Блэк - та вышла замуж за магглокровку, отчего и была предана анафеме. Нимфадора (ну и имечко!) закончила Хогвартс в том же году, в котором я сюда

поступила, и, по словам папы, была сущим стихийным

бедствием. Все время что-нибудь ломала, взрывала, а уж с мадам Помфри познакомилась уже на второй день своего здесь пребывания. Ремус знал Тонкс в сопливом детстве, пока Сириус еще был на свободе, а потом некоторое время жил по соседству с Тонксами, прежде чем устроиться на работу в Румынию. Со смущением Ремус признался, что пятнадцатилетняя Нимфадора отчего-то избрала его объектом своих первых чувств, а он однажды в достаточно резкой форме выразил свой отказ, мотивировав его не только несовершеннолетием девушки, но и довольно невнятно объяснив, что вообще не может позволить себе близких отношений. По-моему, у Нимфадоры создалось впечатление, будто он попросту над ней посмеялся: она ведь не знала о "мохнатой проблеме".

После того случая Тонкс пару раз заглядывала к нам с папой на чашку чаю, и, по-моему, смотрела на него довольно заинтересованно. Кажется, если папа соблаговолит проявить к ней хоть каплю внимания, у меня есть все шансы обзавестись мачехой-метаморфом (девушка могла по собственному желанию менять свое лицо и цвет волос). Однажды, отведя Тонкс в темный уголок, я посоветовала ей сменить цвет волос с раздражающего розового на какой-нибудь более темный оттенок, и перестать упоминать при папе, какой негодяй Люпин. Может, он и согласен с ее мнением, но вовсе необязательно говорить о другом мужчине. Пусть лучше говорит о самом Северусе: повспоминает случаи на зельях, спросит что-нибудь из своей, аврорской программы - ему будет приятно.

На следующее чаепитие Тонкс заявилась с темно-фиолетовой шевелюрой и пухлым томом подмышкой - оказалось, это стандартный задачник для третьего курса академии. Тонкс больше ни разу не заговорила о Люпине, зато много спрашивала о зельях на основе асфоделей, и к концу вечера папа смотрел на нее куда благосклонней, чем за все время нашего знакомства. Лёд тронулся, господа...

Спокойно и без происшествий мы дожили до Рождества. Тонкс, я уже знала, напросилась в гости к двоюродному дядюшке, и я в свою очередь решила, во что бы то ни стало вытянуть Северуса в гости, может, даже удастся уговорить его пожить у Сириуса. Нимфадора мне нравилась - она, даже еще не зная меня, не относилась ко мне как к ребенку и не пыталась опекать/учить/наставлять, что так раздражало меня в большинстве взрослых. Самой Доре (единственное имя, кроме Тонкс, на которое она откликалась) было всего двадцать полных лет, и я скорее воспринимала ее как подругу-ровесницу, нежели как потенциальную "мамочку".

С Роном мы так и не помирились: он не желал признавать свою вину, а мы - идти на уступки. Кажется, в этом году свитера от Молли мне не видать...

С Тонкс оказалось здорово проводить время - она охотно рассказывала об учебе в академии и учила меня специфическим аврорским заклинаниям. Не то, чтобы я представляла себя в будущем доблестным стражем порядка, просто считала, что учиться следует всему и везде, где только можно. Наверное, не зря Шляпа предлагала мне Рейвенкло...

Благодаря Тонкс я даже продвинулась немного в создании патронуса - теперь мне удавалось наколдовать мутное серебристое облачко. Тонкс на личном примере объяснила, что воспоминание для патронуса не обязательно должно быть именно радостным и светлым - сама она вызывала его, вспоминая об истории двухлетней давности, когда ее близкая подруга чудом выжила. На одном из практических занятий по ЗОТИ взбесилась мантикора, которой по небрежности не купировали жало, и та напала на студентку. В последнюю секунду Нимфадора успела бросить заклинание, и заморозить чудовище буквально в сантиметре от сокурсницы. Не самое счастливое воспоминание, но вот Доре оно придавало дополнительную силу, уверенность в себе, и вызывало патронуса - пересмешника, маленькую, похожую на воробья птичку.

Я вспомнила слова папы еще на первом курсе: "Больше никто не посмеет причинить тебе вред. А если посмеет, то это будет последнее, что он сделает в своей жизни", и вызвала к жизни то чувство защищенности и силы, которое испытала тогда. С первого же раза мне удалось наколдовать серебристое плотное облачко, вполне, по дориным словам, способное отогнать дементоров и держать на расстоянии до тех пор, пока мне не придут на помощь более сильные колдуны.

Папа зашел в тупик в своих исследованиях и решил, по его словам, взять тайм-аут: встряхнуться, сменить обстановку. Кажется, именно так он объяснял свои свидания с Нимфадорой. Да-да, мой папа, грозный слизеринский декан, настолько очаровался авроршей, что сам трижды приглашал ее на свидания, ради такого случая даже вытащив из гардероба парадную мантию самого черного оттенка черного, какой мне только доводилось видеть. Не знаю, как Дора, а Сириус был сражен наповал, и долго еще бормотал, что всегда подозревал, что выбор племянницы будет странным, но чтобы настолько...

Между прочим, к концу каникул патронус Доры изменился: вместо пересмешника в один прекрасный день на ее плечо сел ворон. Я никак не прокомментировала это происшествие, хотя

искренне порадовалась за папу. Впрочем, тот не откровенничал со мной на эту тему, так что я просто наблюдала за развитием их отношений со стороны. И то сказать - разве я могла что-нибудь советовать двум взрослым людям?

После возвращения в школу стало ясно, что каникулы не только не улучшили, а даже усугубили ситуацию. То ли домашние напугали студентов догадками на тему "Что нужно Грейбеку в Хогвартсе и кто ему помогает", то ли строгий режим после относительной свободы не понравился отдохнувшим студентам, но страсти в школе кипели вовсю. Вновь обострилась старая борьба Гриффиндора и Слизерина, причем благодаря нам расстановка сил была довольно странной: младшие курсы Слизерина, Рейвенкло и Хаффлпаффа против Гриффиндора, а старшие курсы Хаффлпаффа, Рейвенкло и Гриффиндора - против Слизерина. Так что противостояние оказалось не только межфакультетским, а еще и внутрифакультетским. Старосты придирались по поводу и без, снимали баллы за малейшие провинности, студенты без устали делали пакости, запасшись на каникулах разнообразными говнобомбочками, чесоточным порошком и чихательными конфетками.

Филч паниковал, Дамблдор за ужином призывал к толерантности и единению, но ничего не помогало. Ситуацию в особенности накаляли семикурсники: слизеринец Маркус Флинт и гриффиндорец Оливер Вуд, заклятые враги и вечные соперники. Квиддичные команды под их началом были основными претендентами на кубок школы, и капитаны, мало того, что гоняли своих игроков до седьмого пота, так еще и старались вывести из строя игроков противника. Они подсыпали и подливали им за едой различные зелья, проклинали в коридорах и просто доводили до бешенства разнообразными дразнилками, на которые особенно велись вспыльчивые гриффы. А если еще прибавить, что в гриффиндорскую команду входили близнецы Уизли, мастера пакостей...

Словом, скучать не приходилось.

Наконец, настал день решающего матча. Если сегодня Слизерин проиграет, то у нас появится шанс...

Погода была просто замечательной: ясно, но не солнечно, безветренно и даже не холодно. Если гриффы упустят свое, я лично нашлю на виновника неотлипное заклятье, чтобы тот никогда не смог расстаться с метлой.

Трибуны разделились на два лагеря, большинство болели за Гриффиндор и только некоторые переметнулись на зеленую сторону - в частности, Гермиона, Астория и Луна болели за Драко.

Игра началась, и буквально сразу Алисия Спиннет забросила мяч в слизеринские кольца. Ее товарка, Анджелина Джонсон, вознамерилась было повторить этот трюк, но была сбита с метлы Флинтом и чудом удержалась, повиснув на руках. Мадам Хуч назначила пенальти, которое разозленная девушка выполнила просто блестяще.

Вообще мне ни разу не доводилось видеть игры грязнее нынешней: то и дело кто-нибудь из игроков спихивал противника с метлы, запускал в него бладжером, стукал битой или дергал за конечности. Казалось, матч целиком состоит из пенальти, и мне уже хотелось, чтобы Драко или Дин Томас, гриффиндорский ловец, поскорее поймали снитч.

Небеса вняли моим мольбам, и на шестьдесят восьмой минуте матча Драко победно сжал в кулаке золотой мячик, но гриффы успели забросить слизеринцам двадцать мячей, пропустив только четыре. Итак, если мы обыграем Рейвенкло (а мы обязательно обыграем Рейвенкло!), то кубок наш! Не поверю, чтобы снитчу удалось водить меня за нос дольше, чем полчаса, а уж столько-то времени Диггори продержится.

Апрель ознаменовался сразу двумя радостными событиями: мы обыграли рейвенкловцев в квиддич и папа совершил прорыв, как он утверждал, в изучении яда василиска. Ему удалось создать антидот, правда, тот погружал пациента в кому на неопределенное время. Принесенные Косолапусом мыши и крысы спали уже второй месяц подряд, и никакими усилиями не удавалось их разбудить. Впрочем, это уже был неплохой результат, и Северус был уверен в конечном успехе.

Рон совсем с катушек слетел, и вовсю фыркал на нас в школьных коридорах, даже близнецы, старающиеся его урезонить, не достигли успеха. "Ты извини его за то, что он такой придурок," - попросили меня как-то они и старались не подпускать Рона ко мне. Я слабо понимала причины такой обиды, но мириться не пыталась, виновной себя не считая. В конце-концов, ему нужнее.

Грейбек то ли выжидал, то ли попросту исчез из наших мест, и охрану из авроров сняли, чем здорово расстроили папу - Нимфадора вернулась к занятиям и не могла больше уделять ему времени. Дементоры остались и, по-моему, только стали злее - а как бы вы себя чувствовали, на голодный желудок, наблюдая за чужим пиршеством? Множество студентов, куча эмоций, а им не перепадает ни крошки. Лучше бы их убрали, чесслово, а авроров оставили, не то в один прекрасный день дементоры сорвутся с цепи и высосут кого-нибудь до смерти. Кажется, у них это называется Поцелуем...

Глава 8

Май принес с собой нетипичную для Шотландии жару, и готовящиеся к экзаменам студенты в большинстве своем занимались у озера - точнее, пытались заниматься. Кто бы мог подумать, что хогвартские стены способны так нагреваться? Папе хорошо - он сидел либо в лаборатории, либо в Тайной комнате, а мы понемножку сходили с ума от удушья. Диггори, честь ему и хвала, устраивал тренировки в шесть утра - лучше не выспаться, чем свариться заживо. Приближался финальный матч.

Двадцать пятого мая я снова стояла на квиддичном поле, сжимая в руках древко "Молнии" - как я и предсказывала, Сириус прислал мне ее, едва услышав о гибели моего "Нимбуса". Погода была жаркой, солнце просто слепило глаза и бесило игроков. Впрочем, наших соперников выбешивало еще и то, что весь Слизерин, включая декана, болел за нас и даже запасся огромными транспарантами, на одном из которых вооруженный чудовищными клыками барсук откусывал хвост льву. Что-то мне подсказывает, что МакГоннагал будет особенно лютовать на экзамене...

- Итак, мы начинаем матч "Хаффлпафф - Гриффиндор", и на поле выходят несравненный капитан Оливер Вуд и Седрик Диггори. Он новичок в этом деле, возможно, потому Хаффлпафф слил прошлую игру... - заговорил в микрофон Ли Джордан, и папа немедленно заставил его в буквальном смысле прикусить язык, а трибуны протестующе взвыли. Все прекрасно помнили, отчего мы проиграли прошлый матч.

- Игроки взлетают, и мяч сразу же оказывается у Спиннет, давай, Алисия, ты лучшая! И... Нет! Это случайность! Диггори отбил мяч метлой, но его снова перехватывает Алисия, и... О, нет! - наш отбивала "нечаянно" направил в ее сторону бладжер. Спиннет чудом увернулась, но мяч потеряла. Я зашарила взглядом по небу, не обращая больше внимания ни на комментатора, ни на игроков: я была уверена, что Седрик продержится, и намеревалась облегчить ему задачу, поймав снитч как можно раньше.

Я сказала, что позапрошлая игра была грязной? О, вы не видели этой! Жару поддавал комментатор, прямо оскорбляя и задевая наших игроков, а МакГоннагал даже не пыталась его остановить. Мадам Хуч даже подлетела к преподавательской трибуне и что-то ей втолковывала, а та лишь недовольно пожимала плечами.

Вдруг золотая искорка мелькнула слева от меня, и я в который раз возблагодарила папу за зелье орлиного зрения - иначе много бы я наиграла в очках. Грифф Дин Томас то ли тоже заметил мячик, то ли попросту полетел следом за мной, норовя

сшибить меня с метлы. Не знаю, как, но ему удавалось держаться со мной коленка к коленке и больно пихаться острыми локтями. Увидев, что мячик взмыл вверх, я задрала древко метлы, но та почему-то не набирала скорость. Оглянувшись, я увидела причину: Томас изо всех сил уцепился за прутья, удерживая метлу на месте.

- Пусти, придурок! - но он только пыхтел и помидорно краснел, что выглядело довольно забавно на его коричневой коже. Ногой я попыталась брыкнуть гада, но поздно - снитч уже был таков.

- В жизни не видела приема грязнее! - взбешенная мадам Хуч усилила голос Сонорусом и с нескрываемым удовольствием назначила пенальти. Глядя на свои кольца, я заметила вдруг у самой земли темную фигуру в знакомом дырявом балахоне. Фигура вытянула ко мне костлявые руки, но я почему-то не испугалась и бросила в нее патронусом.

- Какого черта делает Снейп? Ей померещились дементоры? - издевательски проорал Джордан. Мадам Хуч свистнула и остановила игру. Подлетев к кулем свалившейся на землю фигуре, она выпутала из черного балахона Буллстроуд и Паркинсон, отчаянно трущих глаза. Надо же, я и не подозревала, что патронус способен вызвать такую реакцию...

- Возмутительно! - вскричала мадам Хуч. - Вы пытались саботировать матч!

Папа немедленно спустился с трибун и что-то сказал слизеринкам, отчего они сразу сникли и зашагали в сторону Хогвартса. Мадам Хуч еще о чем-то поговорила с Северусом и свистнула, продолжая игру. Томас отвлекся, а я снова заметила мячик - теперь он вальяжно парил у трибун Хаффлпаффа. Надо как-то обмануть Томаса... Не раздумывая ни секунды, я резко вошла в пике и понеслась к земле, словно спрыгнув из самолета без парашюта. Томас купился и понесся за мной. Трибуны затаили дыхание, и только Спиннет не растерялась - попыталась пробить защиту Диггори, но опять потерпела поражение. Земля была буквально в локте от древка метлы, когда я резко рванула его на себя и взмыла вверх, к нашим трибунам, и схватила ничего не подозревающий мячик. Трибуны взревели, а секунду спустя Джордан орал:

- Это нечестно! Наш ловец расшибся! Аннулировать результаты!

Действительно, не успевший выйти из пике Томас лежал на земле, и к нему уже подбегала мадам Помфри.

- Тишина! - скомандовала мадам Хуч. - Снейп применила прием, в профессиональном квиддиче называемый финтом

Вронского. Не ее вина, что Гриффиндор выпустил на поле слабого игрока. Результаты засчитаны, кубок получает Хаффлпафф!

Как я не оглохла - сама не пойму. Нам орали прямо в ухо, поздравляли, качали, и едва отпустили взъерошенного Седрика забрать кубок из рук Дамблдора. Хмурые и злые на весь мир гриффы уныло плелись к школе, а на поле еще продолжалось веселье. Идти самим нам не дали - пронесли до раздевалки на руках, а потом таким же способом переправили до гостиной. Лэнни согласился аппарировать в Хогсмид за сливочным пивом, и веселье забило ключом. Оказывается, в нашу гостиную прекрасно помещаются почти три сотни человек, а преподаватели милосердно не обращают внимания на шум и визги после отбоя. Говорили потом, что расстроенная проигрышем своего факультета МакГоннагал порывалась прекратить беспорядки, но кто-то спутал ее Инкарцеро и наложил Силенцио. Нет, я подозревала папу в неуважении к старшим, но чтобы настолько... Кажется, Тонкс на него скверно влияет.

Со Слизерина сняли сто баллов, что отбросило их на предпоследнюю позицию в общешкольном рейтинге, но змей это, кажется, не слишком озаботило - они веселились со всеми. Паркинсон и Буллстроуд на две недели отстранили от занятий, так что экзамены впоследствии они здорово завалили.

Глава 9

Глава 9

Эйфория схлынула только к концу месяца. В последний школьный день, после праздничного ужина, я уже паковала чемоданы, когда в спальню влетела Гермиона.

- Что ты тут делаешь?

- Быстро! Я только что была у профессора Люпина, он собирал вещи и вдруг увидел что-то на той карте, о которой ты рассказывала, ну, карте Мародеров, и немедленно побежал к выходу из замка! Я чувствую, случится что-то ужасное! Он попросил отдать карту профессору Снейпу, а его нет в кабинете, он, наверное, в... - я быстро наложила на подругу Силенцио и выволокла из спальни. Еще не хватало, чтобы она выдала наш секрет Аббот и Миллер. Махнув Невиллу, я втащила бешено вращающую глазами Гермиону за портьеру и сняла заклятье.

- Он там, в лаборатории, а я не умею открывать дверь, ты же знаешь! - Гермионе действительно не давалось змеиное шипение. - Надо срочно ему доложить!

-Где карта? Дай сюда! - я немедленно коснулась пергамента палочкой и произнесла:

- Клянусь, что замышляю шалость! Мерлиновы кальсоны! Смотрите! - на карте точка "Ремус Люпин" двигалась к Дракучей

иве, преследуя точку "Питер Петтигрю". Что делать? Папа может не успеть!

-Невилл, - быстро приняла я решение. - Неси Северусу карту, объясни ситуацию. Герми, за мной!

Подруга даже не успела обидеться на сокращение своего имени, хотя в обычное время подобное немедленно пресекалось. Пробежав по коридорам, мы пулей вылетели на улицу и побежали к Запретному лесу, молясь, чтобы никто из преподавателей нас не заметил. Дементоров почему-то не было видно, и я решила, что охрану сняли - все равно нам завтра уезжать. "Подходящее время для нападения," - предательски шепнул внутренний голос.

- Думаешь, наша помощь понадобится профессору Люпину? - пропыхтела Гермиона.

- Не помешает, - ответила я и, подобрав сучок, слевитировала его прямо в нужный выступ на коре ивы. Дерево, как и рассказывал Сириус, прекратило махать ветвями и позволило нырнуть в узкий темный лаз под корнями.

- Темно как, - Гермиона зажгла Люмос, но я заставила ее потушить огонек и замолчать. Мало ли что нас поджидает впереди - а так у нас будет шанс подкрасться незамеченными.

Проход вел прямо в Визжащую хижину, он упирался в пол и мне пришлось прислушаться, прежде чем открыть люк - нет, в этой комнате никого не было, а вот в соседней кто-то кому-то угрожал. Осторожно откинув крышку люка, я вылезла на пыльный пол хижины и подала руку Гермионе. Вокруг царили плесень и запустение, от сухого пыльного воздуха хотелось чихать.

- ... и ты провел Грейбека в Хогвартс! Как ты мог предать нас снова, после того, как из-за тебя умерли Джеймс и Лили?!

- Ре-ремус, я никогда... Он заставил меня! - кажется, мы успели вовремя.

- Где он? - Люпин был взбешен, таким я его еще не видела. Тихонько подкравшись, мы заглянули в дверь: он держал на прицеле палочки тощего плюгавого мужичонку, одетого в дырявую мантию, чья кожа, казалось, была велика ему.

- О-он в лесу, он сумел обмануть дементоров...

- Почему он изодрал портрет гриффиндорской привратницы?

- Ду-думал, что Гарри учится на Гриффиндоре, - тут Петтигрю вдруг бросился прямо на Люпина, от неожиданности отпрянувшего назад.

- Ступефай! Петрификус Тоталус! - среагировали мы с Гермионой. Правда, мой Петрификус достиг цели и сшиб в полете полу превратившегося в крысу Петтигрю (более мерзкого зрелища в жизни не видела!), а гермионин Ступефай только слегка стукнул ни в чем не повинного Люпина.

- Гарри! Гермиона! Как вы вовремя! - Люпин с облегчением опустил палочку и пнул лежащего полукрыса. - Я бы его упустил, сволочь такую... А где Северус?

- Невилл пошел за ним, а мы - за тобой. Как видишь, вовремя, - объяснила я. Ремус согласно кивнул:

- Давайте-ка отсюда выбираться. Грейбек бродит где-то в лесу, и мне совершенно не хочется, чтобы он нас учуял.

- Учуял? Разве сегодня...

- Полнолуние? Да, - Ремус вдруг забеспокоился и стал нас подгонять, левитируя обездвиженного предателя. Что с ним такое?

- Быстро, быстро!

Мы попрыгали в люк и почти побежали, пригибаясь, к выходу. Но добраться до Хогвартса нам было не суждено - прямо у корней нас поджидал огромный оборванный мужчина, заросший густой спутанной бородой и с длинными немытыми волосами. От него исходило такое зловоние, как от нечищеного неделю гиппогриффьего стойла, и я даже закашлялась. Издав дикий рык, он прыгнул ни идущую впереди Гермиону и схватил ее, подняв высоко над землей.

- Лю-упин, - издевательски провыл он.

- Грейбек, - выдохнул Ремус. - Отпусти девочку.

- Ну почему же? Маленькая Гарри такая сладкая и вкусная... Может, поиграем? Сейчас я откушу ей ручку, а потом - ножку... Или сперва ножку, а потом ручку?

Испуганная Гермиона молча обвисла в его ручищах. Где, черт возьми, папа и Невилл?

- Отпусти ее. Ты же за мной пришел, да? Тебе нужен я, Грейбек. Я, посмевший предать твою стаю, - Люпин отбросил палочку и отошел в сторону. - Ты же давно хотел этого, да? Убить меня, отомстить за предательство? Я неправильный оборотень, я посмел окончить Хогвартс и колдовать, а теперь еще и учу детей... Ну же, отпусти девочку, Грейбек!

Луна, яркая и полная, вышла из-за туч, и Грейбек вдруг стал терять человеческие черты. Его лицо плавилось, челюсти вытягивались вперед, и он открыл рот, полный острых желтых зубов...

- Акцио, Гермиона! - кажется, Акцио скоро станет моим любимым заклинанием. Подруга пролетела разделяющие нас два метра и шлепнулась сверху, а взбешенный Грейбек накинулся на молниеносно трансформировавшегося Люпина. Я рванула Гермиону за руку и заставила отбежать в сторону, но не решилась сбежать вовсе, оставив Ремуса наедине с монстром.

Грейбек был огромным, медведеобразным и в человеческом

обличье, а в теле гигантского мохнатого волка он и вовсе пугал. Кажется, Грейбеком его прозвали не просто так - по бурому меху спины шла более светлая, почти пепельная полоса. Люпин был более естественного для волка цвета - серого, насколько позволяла различить луна, и значительно проигрывал в размерах Грейбеку. Два волка рвали друг друга, а я не могла ничего поделать - оборотню Ступефай, что слону дробина.

- Значит, это не Гарри? - провыл Грейбек, косясь на нас. Ремус молча рванул его за плечо, но был отброшен ударом меткой лапы. В один прыжок Грейбек оказался рядом с нами и сильно полоснул меня когтями по спине, заставив завыть от боли и упасть на траву. Ремус застыл, не решаясь прыгнуть, чтобы не спровоцировать Грейбека на более решительные действия.

- Не бойся, - искаженный звериной глоткой человеческий голос звучал в моих ушах похоронным звоном. - Я не стану ее кусать. Я ее лизну...

Сжаться, отползти... Противный слюнявый язык жжет раны, как огнем...

- Теперь она станет такой, как ты, маленькая Гарри... - Грейбек, наконец, оставил меня в покое и я с трудом села, увидев лежащую рядом Гермиону - бедняжка потеряла сознание. Ремус взвыл и с утроенной силой бросился на Грейбека, а я все старалась прогнать мерзкий звон в ушах.

Когда мне вдруг стало холодно, и трава покрылась инеем, я наконец сумела поднять голову и увидела знакомые силуэты в ярком лунном небе. Дементоры - не думала, что смогу обрадоваться их появлению. Грейбек тоже почувствовал их появление и затравленно взвыл, попытавшись вырваться, но Ремус удержал его и держал до тех пор, пока дементор не обхватил грейбекову морду в почти ласковом, интимном жесте. "Интересно, сколько душ у оборотня?" - отстраненно подумала я. Видимо, все же одна – по крайней мере, огонек, слетевший с губ зверя и исчезнувший под капюшоном, был один. Люпин, скуля и хромая на три лапы, сразу подошел ко мне и ткнулся мокрым носом. Я рассеянно положила руку на мокрую от крови шерсть. Грейбеково тело с глухим звуком упало на траву, но дементоры почему-то не спешили улетать. Вместо этого они неспешно приближались к нам, и я поняла, что оголодавшие твари наметили новых жертв. Ну уж нет!

Откуда-то из глубины души взметнулась черная ярость.

"Больше никто не посмеет причинить тебе вред. А если посмеет, то это будет последнее, что он сделает в своей жизни," - с кончиков моих пальцев слетел огромный серебряный ворон и кинулся на дементоров.

- Гарри! - вслед за вороном в небо взлетел пересмешник, и я почему-то решила, что это Тонкс каким-то образом оказалась рядом.

- Гарри! - не обращая внимания на волка, ко мне бросился Невилл, и досадливо отмахнулся, когда волк заворчал на него.

- Луни, - я поворошила густую шерсть на загривке оборотня, желая сказать, что Невилл свой, но тот уже и сам все понял.

- Да ты вся в крови! - отшатнулся Невилл. - Профессор!

Папа немедленно переключился с дементоров на меня.

- Эннервейт! - он упал возле меня на колени и рванул мою мантию с плеч. - Ч-черт! Куро! - я почувствовала жжение и вспомнила, что этим заклятьем лечат порезы. Невилл между тем, успешно обезьянничая, применил Эннервейт к Гермионе и Куро к Люпину, затянув его раны примерно наполовину.

- Дочка, как ты?

- Грейбек... Меня... Лапой, а потом лизнул, - говорить связно я не могла. Папа охлопал себя вокруг и вытащил из бездонных карманов пузыречек.

- Пей.

Я узнала укрепляющее, огнем растекшееся по жилам.

- Невилл, дай мантию, - от удивления тот вытаращил глаза. Я повторила:

- Невилл, дай мне свою мантию. Никто не должен увидеть мои раны.

- А, да, точно! Сейчас!

Его мантия оказалась, вполне ожидаемо, велика в плечах, зато восхитительно пахла выпечкой. Запустив руку в карман, я выудила надкусанный пирожок и с наслаждением впилась в него зубами. Пришедшая в себя Гермиона истерически хихикнула, и папа протянул ей пузыречек, выуженный из кармана. Остатки своей окровавленной мантии я сожгла Инсендио. Невилл рассеянно гладил Люпина по голове, все еще оглушенный Петтигрю валялся почти под Дракучей ивой. А от школы к нам бежали МакГоннагал, Дамблдор и бдительный Филч...

Глава 10

Объяснять все пришлось мне, предварительно налившись до ушей укрепляющими, кроветворными и тонизирующими зельями. Люпин по понятным причинам был не в состоянии, Гермиона обязательно запуталась бы, а папа не знал всей истории. Отряд прибывших на место происшествия авроров упаковал покойного Грейбека, по-прежнему полукрысиного Петтигрю (который, кстати, удачно скончался от ужаса в камере предварительного заключения - мало ли что он сумел бы наплести), и отбыл восвояси, оставив только двух сотрудников для проведения

допроса. Нас очень удачно поместили в одну комнату, так что с последующим подтверждением моих слов проблем возникнуть не должно было. Хорошо, что Девочке-которая-выжила-опять верят на слово...

Моя версия была такова: случайно увидев крысу без одного пальца, питомца одного из студентов, Люпин заподозрил, что это Петтигрю, и что именно он помог Грейбеку проникнуть в школу... Почему он решил, что Петтигрю - крыса-анимаг? Да Питер хвастался когда-то, и Ремус решил проверить догадку, не стал беспокоить аврорат - вдруг он был неправ?

Петтигрю выскользнул из школы и направился к Дракучей иве - да-да, кто бы мог подумать, что из-под ее корней ведет ход прямо в Визжащую хижину! Нет, что вы, нам неизвестно, откуда об этом пронюхал Петтигрю, но он же двенадцать лет прожил крысой, мог разузнать...

Так вот Петтигрю проник в подземный ход, Ремус за ним, ну и схватил его в Визжащей хижине. Как мы с Гермионой там оказались? Ну, смотрим - бежит профессор Люпин куда-то, просит срочно позвать профессора Снейпа, так мы за ним и побежали, по дороге Невилла встретили, а сами на помощь любимому профессору и бросились. И вовремя успели - он как раз выволок Петтигрю, успел нам рассказать, кто это, а тут Грейбек на него из-за кустов ка-ак бросится! Профессор нас защитил, с Грейбеком схватился, ну, естественно, обернулись оба, полнолуние же... И дементоры - тут как тут. Грейбека поцеловали, и нас хотели, Гермиона даже в обморок упала, да только я вспомнила, чему нас профессор учил, и патронус наколдовала. Ну да, обычный такой патронус, ворону, если кому интересно... Нет, сейчас не смогу, я тогда от страха его наколдовала, вряд ли получится повторить... Ну, а дальше профессор Снейп с Невиллом прибежали, профессор дементоров окончательно разогнал и Гермиону в чувство привел, да и Люпина подлечил... Да, именно так все и было. Почему профессор Снейп опоздал?

- Меня профессор МакГоннагал задержала, не верила, что я к нему иду, а не просто так по коридорам бегаю, - тихо вставил свои пять кнатов Невилл. МакГоннагал стремительно покраснела...

Когда потом Северус спросил, чьим же питомцем оказался Петтигрю, я припомнила разговор трехлетней давности и рассмеялась: папа попал пальцем в небо, сказав, что Хвост прячется в кроличьей норе.

- Уизли, пап. Он принадлежал Рону Уизли и отзывался на кличку Короста.

На следующий день мы отбыли домой. Спину немилосердно

жгло, и обратившийся к утру в человека Ремус подтвердил мои опасения: я уже нынешней ночью обрасту шерстью. Папа рвал и метал, злясь, слава основателям, на МакГоннагал - если бы профессор не задержала Невилла, он успел бы вовремя. Зелье, могущее обратить действие грейбековой слюны, готовилось около четырех недель, так что выходило, что мне придется пережить мохнатой два полнолуния. Не скажу, чтобы я была особо расстроена - я давно прикидывала, как мне разобраться с люпиновской проблемой, а тут такая возможность влезть в его шкуру!

Мы решили аппарировать к Сириусу - в его доме был оборудован удобный подвал. Ошарашив крестного новостью, я, наконец, отдалась в папины руки, и он смог нормально залечить мне раны. Правда, время уже было упущено, да и заживают следы от когтей оборотня плохо, так что носить платье с открытой спиной мне теперь не светит. Даже после всех папиных стараний чуть пониже лопаток у меня остались четыре длинных розовых шрама, со временем должных побелеть.

Наконец я переоделась и спустилась к Ремусу, готовая выслушать все, что он мне скажет о лохматом житье-бытье.

Люпин обнаружился на кухне. Оборотень пил чай, хотя, судя по его виду, предпочел бы огневиски.

- Это я виноват, - сказал он, стоило мне появиться на пороге.

- Ремус, - вздохнула я. - Ни в чем ты не виноват. Я сделала так, как считала нужным. Если в чем и винить тебя, так это в том, что ты сидишь сейчас с кислой рожей и всячески стараешься меня запугать.

- Я не пугаю. Просто... Я не могу представить, как ты перенесешь превращение. Это очень больно и грязно, я всегда расцарапывал сам себя до крови и бился от боли об пол головой.

- Заметно, - буркнула я, наливая себе чаю. - Вчера ты превратился молниеносно и явно безболезненно.

- Я был зол и позволил звериному взять власть над человеческим. Если бы не выпитое волчьелычное зелье, я мог бы разорвать вас с Гермионой.

- Вряд ли, - не согласилась я. Люпин рассмеялся:

- Я живу с этим двадцать два года, Гарри, и я знаю, о чем говорю. Такие как я, опасны. Нас нужно держать в клетках. Мы звери.

- Ну, я составлю собственное мнение, - решила я. - Как вообще происходит превращение?

- Ты не владеешь своим телом, - признался Люпин. - Луна зовет, и ты идешь на зов, как ни сопротивляйся.

- Может, тогда не стоит сопротивляться?

- Сдаться зверю? - горько усмехнулся Ремус. Я кивнула, он покачал головой. Вот упрямый! Раздраженно фыркнув, я встала и ушла в библиотеку. Все равно от Ремуса ничего толкового не добиться.

К восходу луны мы уже спустились в подвал. Серые бетонные стены, пол, тусклая магическая лампочка под потолком, тюфяк в углу.

- О, - Ремус вдруг спохватился. - Тюфяк один. Бери его себе. И... нам понадобится ширма.

- Зачем? Думаешь, подеремся?

- Просто когда мы будем превращаться, лучше бы снять одежду, да и потом...

- Ты стесняешься? - Ремус возмущенно покраснел, я захихикала:

- Ладно, ладно, будет тебе ширма. И тюфяк будет. Кикимер!

- Жалкая четвертькровка, позор дома Блэков... - как же я по нему скучала! Эльф с явной неохотой притащил матрасик и, невесть откуда выкопанную, бумажную ширму, разрисованную цветами сакуры.

Ремус перегородил подвал ровно пополам и я, не сдержавшись, попросила:

- Чур, не подглядывать!

Он только фыркнул. Мне отчего-то казалось, что сегодня все пройдет просто замечательно.

В блэковской библиотеке нашлось несколько книг об оборотнях, и я успела бегло просмотреть их. Большинство источников указывали на опасность и непредсказуемость оборотня, советовали держаться подальше и приводили рецепты волчьелычного зелья. Но была одна книга, написанная Селеной Блэр, в которой выкладывалась интереснейшая версия о способе преодолеть зов луны. Жаль, что она попалась мне только под вечер, и не оставалось времени как следует изучить ее.

Так вот Блэр утверждала, что многое зависит от первого превращения. Да, в некоторой степени Люпин был прав: нельзя давать зверю понять, что ты уступаешь. Но достаточно всего однажды показать, кто сильнее, незачем бороться с волком каждый раз - он и так поймет и примет к сведению.

В общем, я собиралась попросту договориться со своим зверем. Интересно, разговаривать со вторым внутренним "я" - это шизофрения? Или по магическим меркам это нормально?

Как бы там ни было, луна взошла, и я чувствовала, как откуда-то из глубин души поднимается мохнатый клубок, любопытно тычется носом (даже не метафорически) куда-то в солнечное сплетение изнутри. Я молниеносно сбросила мантию.

Судя по получеловеческому вою за ширмой, Люпин уже начал трансформацию. Собрав в кулак все мужество, я припомнила основные методики расслабления, показанные мне папой на уроках окклюменции, и постаралась вызвать в памяти образ морского простора, всегда помогающий мне.

Море-мокро-солено-нельзя пить-плохо-не нравится...

Ого, кажется, моему волчку не по душе такой образ! Тогда...

Я вспомнила Запретный лес, мощные стволы деревьев, уходящие вверх, пышные кроны, настолько тесно сплетшиеся ветвями, что умерший гигант не сможет упасть и будет стоять еще долго, поддерживаемый своими соседями. Я подумала о зеленом мхе на деревьях, о прелой листве, укрывающей мощные узловатые корни, о десятках запахов, которые мог различить мой человеческий нос - несомненно, волку это удастся гораздо лучше. Я подумала о поляне, на которой беседовали когда-то мы с папой, о том, как ее заливал солнечный свет, о том, какой яркой и мягкой была трава на ней, как стрекотал сверчок.

Лес-весело-играть-еда-хорошо...

Кажется, эту картинку для релаксации одобрили. Я захотела было сесть в позу лотоса для большего удобства, но внезапно запуталась в собственных ногах и упала на пол, удивленно взвизгнув. Открыв глаза, я удивилась еще больше: мир потерял свои краски, лампочка под потолком светила не желтым, а бело-лунным светом, красный матрац стал темно-серым, а моя зеленая домашняя мантия - светло-серой. Прямо перед глазами маячило что-то темное, и, скосив глаза к переносице, я поняла, что это мой собственный нос - черный и мокрый на вид. Осторожно, аккуратно координируя движения всех четырех лап, я встала. Было очень непривычно осознавать, что все мои конечности теперь одной длины. Сделав для пробы пару шагов, я поняла, что это несложно, и от радости подпрыгнула сразу с четырех лап. Внутри меня кто-то довольно взвизгнул, и я поняла, что и сама завизжала от удовольствия - настолько здорово было чувствовать себя в этом сильном, крепком теле. Я и на прежнее не жаловалась - укрепленное квиддичными тренировками, оно неплохо мне служило, но вот это, лохматое, было куда лучше. Интересно, влияет ли оборотничество на реакцию и скорость человеческого тела? Я бы сказала, что да - посмотреть на того же Люпина. Или на папу с крестным - у них много повадок, перенятых у анимагической формы.

Гулять-гулять-гулять-заперто-плохо...

Да, сегодня погулять не получится, а хотелось бы. Я представила себе задний двор дома в Спиннерс-энд, как здорово было бы сейчас оказаться там и покататься по траве... Стоп.

Завтра еще будет полнолуние, я обязательно уговорю папу провести эксперимент и разрешить мне погулять.

Ждать-гулять-хорошо...

Похоже, мой волк меня прекрасно понимает. Какого черта тогда Люпин не смог договориться со своим?

Визг и рычание за ширмой прекратились, и я, наконец, решилась пойти посмотреть, что там происходит.

На тюфяке, тяжело дыша, лежал совершенно измученный волк. При виде меня он виновато заскулил и завилял хвостом, силясь встать, но лапы его не держали совершенно. Я и то была ловчее после трансформации, хотя и делала это впервые. Как же он мучает себя и зверя, раз выглядит вот так!..

Интересно, как Грейбеку удавалось говорить? Из волчьей пасти вырывались только звериные звуки, как я ни пыталась. Наблюдавший за моими попытками позвать Кикимера Люпин встал, пошатываясь, и дернул зубами за свисавшую вдоль стены веревку. Чуткий слух различил, как где-то наверху звякнул колокольчик, и на полу немедленно появилась миска с парным мясом. Человеческая часть меня скривилась, волчья - возликовала и кинулась к угощению. Но, кажется, в Люпине тоже взял верх волк – он, утробно рыча, заслонил мне дорогу. Не поняла... Разве у волков принято рычать на самку? Или я пока классифицируюсь, как детеныш? А на детенышей рычать можно? Надо будет уточнить. Как бы там ни было, здесь и сейчас я не собиралась расшаркиваться и уступать. Покажем этому наглецу, кто тут большой и страшный волк!

Победить-сильнее-еда-хорошо!

Я/мы встопорщили шерсть на загривке и, утробно воя, пошли на Люпина. Тот уступать не собирался, и я-волчица на секунду замешкалась - противник сильнее и опытнее, что делать? Я-человек не задумывалась ни секунды и со всей дури шарахнула Ступефаем - мне же не нужна для этого палочка. Получилось больше похоже на выброс стихийной магии - треск, как от статического электричества - но Люпина впечатало в стенку так, как я и планировала. Я-волчица радостно рыкнула и немедленно наступила лапой на законную добычу. Мы сильнее всех в лесу! Да!

Как оказалось, волчье горло способно воспроизвести целую гамму звуков: вой, завывание, хныканье, ворчание, рычание, тявканье, лай. С их помощью я-волчица дала понять Люпину-волку, что не хочу драться, но не позволю собой командовать и готова еще раз показать, кто тут сильнее. Люпин лег не брюхо и заинтересованно-настороженно наблюдал за мной. Было очевидно, что в его лобастой башке не укладывается, как он -

взрослый самец - может вот так запросто подчиниться незрелой самке. Я примирительно фыркнула: не надо подчиняться, надо считаться. Взяла в зубы кусок мяса, отнесла в угол, оставив ему все остальное. Я-волчица недоумевала: можно ведь было забрать все, почему я-человек этого не сделала? Мы же победили... Я-человек объяснила: второй - союзник, его надо кормить. Я-волчица удовлетворенно согласилась: союзник-хорошо-противник-плохо-противник-убить-съесть. Я-человек покатилась со смеху над собственной кровожадностью, но возражать не стала. Кстати, парное мясо оказалось не так плохо на вкус, как полагал мой человеческий разум, а даже наоборот...

Глава 11

Утром я не стала ждать, пока Люпин закончит превращение. Я была очень, очень зла на него, и не хотела видеть, по крайней мере, до обеда, а еще мне жутко хотелось прочесть, наконец, книгу Селены Блэр.

На выходе из подвала меня перехватил папа, явно проведший бессонную ночь:

- Как ты? Все плохо?

- Я похожа на смертельно больную? - раздраженно огрызнулась я и тут же исправилась:

- Прости. Я злюсь на Ремуса, а срываюсь на тебе.

- Что он сделал? Он как-то обидел тебя? - возникший в дверях Сириус моментально нахмурился, и я поспешила их разубедить:

- Ничего такого, наоборот, это я его обидела - отобрала мясо и швырнула в стенку Ступефаем.

- Ступефаем? Ты же была волком... или я чего-то не понимаю? - Сириус потащил нас в столовую и кликнул Кикимера. Тот с недовольным видом накрыл на стол и исчез.

- Была, но колдовать не разучилась. Ты же в курсе, что мне не нужна палочка. Правда, это больше напоминало стихийную магию - ну, звуковые спецэффекты и все такое... Но не в этом дело, - я набросилась на омлет. В одном Люпин не соврал - жрать после трансформации хочется ужасно.

Взрослые терпеливо ждали, пока я утолю голод, и только когда я взялась за чашку с кофе, Северус напомнил:

- Так что там с Люпином?

- О... Ну, ты ведь знаешь, что у него там висит веревка, привязанная к звонку.

- Да, - подтвердил Сириус. - Кикимер каждый раз ставит миску с мясом, когда слышит звонок.

- Ну так в этот раз он тоже поставил - одну на двоих. Нет, с домовиком расправишься потом, - я увидела, что Сириус понял, в чем дело, и вознамерился наказать Кикимера за оплошность.

- Люпин на правах хозяина подвальчика и вообще Страшного-серого-волка подгреб миску себе, а я не согласилась и впечатала его в стену Ступефаем. Кстати, Сириус, ты не в курсе, как я-волчица могу восприниматься другим волком? Сколько мне лет по их меркам?

Крестный задумался, потом по-собачьи принюхался:

- Не знаю, как у волков, а мой бродяга воспринимает тебя очень неоднозначно: как почти взрослого щенка, который почему-то может оказаться опасным. Хочется одновременно и опекать, и выяснить, кто тут главный.

- А... Тогда понятно с Люпином - он решил начать со второго. В общем, я победила, но не заставляла его ползти ко мне на пузе - это ему явно понравилось. Кстати, я превратилась почти моментально и безболезненно оба раза, а он мучился около получаса.

- Да, - подтвердил Сириус. - Это всегда плохо ему давалось.

- В общем, остаток ночи мы провели каждый на своем матрасике, но при этом от него исходил такой жуткий запах вины, унижения и стеснения, что мне было некомфортно в собственном теле. Он пару раз порывался повыть на лампочку, но каждый раз так стеснялся, что обрывал себя на второй ноте. Это было ужасно, хотелось закрыть уши лапами и заткнуть нос одновременно! Он так издевается над собственным волком, что я его убить за это готова! Представляете, со зверем вполне можно разговаривать - он общается своего рода мыслеобразами, картинками, наполненными эмоциями. Дай-ка, - я взяла у папы пустой стакан, из которого он только что допил сок, и трансфигурировала во флакон. Вытащила воспоминание из головы:

- Вот, просмотрите вместе. У тебя ведь есть Омут Памяти, Сири?

Крестный только кивнул, а папа уточнил:

- Ты слила стандартное воспоминание или эмоциональное? - в отличие от обыкновенного, эмоциональный слепок воспоминания позволял забраться в голову к отдавшему его человеку, пережить ситуацию так, как воспринял и пережил ее он, а не быть посторонним наблюдателем.

- Эмоциональное, конечно. В общем, я твердо уверена: оборотничество - это своеобразный вид анимагии, которое подчиняется своим законам. Честно говоря, я теперь сомневаюсь абсолютно во всем, что написано в книгах об оборотнях. Кстати, о книгах - я тут нашла одну, показавшуюся мне толковой, и собираюсь прочитать ее прежде, чем буду вынуждена поговорить с Люпином.

Папа внимательно посмотрел на меня:

- Так мне варить зелье или нет?

Я задумалась. С одной стороны, я не смогу скрывать того, что я оборотень, когда снова вернусь в Хогвартс. А с другой - мне вовсе не хотелось убивать волчицу, испуганно скулящую сейчас внутри меня.

- Вари, - решила я. - На всякий случай. Но я выпью его только если не найду другого выхода.

Если вчера я просто бегло пролистала книгу Блэр, то сегодня я читала внимательно и понимала, что готова подписаться под каждым словом.

Селена была оборотнем. Оказалось, что ее заразили в двадцать с небольшим лет, и девушка, страстно обожающая зверей, вовсе не расстроилась. Она была уверена, что сумеет договориться со своим волком, и так и случилось. Неплохо образованная для конца пятнадцатого века, Селена изучала саму себя, анализировала свои эмоции, чувства и записывала выводы. Она хотела перевернуть представление магов о таких, как она, но явно не успела. И я собиралась выяснить, почему ее книга сохранилась только в библиотеке Блэков, а не стала достоянием общественности.

Селена подтверждала то, что я выяснила опытным путем: полное расслабление и концентрация на чем-то приятном для волка помогает избежать болезненной трансформации. Луна все равно вытащит твоего зверя наружу - так зачем усложнять ей задачу?

Подтверждала она и то, что со зверем можно договориться. На самом деле, считала Селена, человеческий разум, как более высокоорганизованный, всегда возьмет верх над звериным, и только тот, кто и в людском облике не отличается покладистым нравом, рискует в буквальном смысле слова "озвереть".

Выяснилось, что стать волколаком - неуправляемым зверем с получеловеческим разумом - можно не только злоупотребив волчьелычным зельем. До пятнадцати людских лет его действительно нельзя было принимать вообще, а после - следовало пить строго дозировано. Да, аконит не давал волку взять верх, но он же и ослаблял человека, и подросток в девяти случаях из десяти застревал в волчьем теле, постепенно сходя с ума. Волколаком мог стать и взрослый, и, как мне кажется, Люпин рано или поздно им станет - если однажды его желание перестраховаться возьмет верх над здравым смыслом. Сам по себе Люпин слаб, и стоит только ему переборщить с зельем... Надо запретить папе варить ему волчьелычное.

Грейбек был типичным волколаком - позволил зверю занять

место человека. Зато он мог перекидываться независимо от фазы Луны и разговаривать: его волк дал ему такую возможность. Он не был сумасшедшим настолько, чтобы отказаться от человеческого облика, но разум его был почти волчьим.

Селена тоже была волколаком - по меркам людей. Путем взаимопонимания она достигла того, чего и Грейбек - могла выпускать свою волчицу днем, и не в полнолуние. Но она всегда оставалась ведущей в их тандеме, и никогда не была ведомой. Для удобства я решила называть всех здравомыслящих оборотней, собственно, оборотнями, а сумасшедших - волколаками, независимо от особенностей трансформации.

Не остановившись на достигнутом, Селена сделала также историческое исследование, и пришла к ошеломляющим выводам: оборотничество по сравнению с анимагией - это как детская стихийная магия по сравнению со взрослым палочковым колдовством. Селена утверждала, что существовавшие в древние времена культы зверей - это не что иное, как поклонение природным анимагам. Для каждой местности были характерны свои животные, некоторые, как волки и крупные кошачьи, были распространены повсюду. Особенно много природных анимагов было у народов, сильнее всего почитающих древние традиции и не слишком оцивилизованных: индейцев, индийцев, африканских и австралийских аборигенов, различных северных народностей. Чем ближе к природе жила семья, тем больше была вероятность рождения у них ребенка-оборотня, и вовсе неважно было, является ли оборотнем один из родителей.

Блэр утверждала даже, что основатели Хогвартса на самом деле являлись оборотнями, и их звериные ипостаси отражены в факультетской символике, но это она, по-моему, загнула - вряд ли семьи основателей были достаточно близки к природе. Я могу поверить, что они были анимагами, но никак не оборотнями. Разве что их, как и меня, заразили, но я плохо могла себе представить агрессивного барсука или ворону.

Помимо книги "Оборотни: дар или проклятье?" после долгих поисков я обнаружила также дневник Селены, содержащий сведения, которых в книге не было. У меня начало закрадываться подозрение, подтвердившееся после прочтения примерно половины дневника - Селена была, ни много ни мало, пра-пра-пра... бабкой Сириуса. Именно она ввела моду на "астрономические" имена - раньше у Блэков в ходу были исключительно цветочные и простые человеческие имена. Так, супруга Селены звали Карлусом, а его родителей - Розой и Джеймсом. Припомнив фамильное древо Блэков, я обратила внимание на то, что покойный Джеймс Поттер приходился

Сириусу дальним родственником по линии своего отца Карлуса Поттера. Вот откуда такое совпадение...

В дневнике Селена описывала исключительно личные впечатления от пребывания в волчьем теле. Оказалось, после того, как девушка пришла к согласию с волчицей, она стала иначе воспринимать других людей. Нюх, являясь главным волчьим чувством, подсказывал Селене, каков ее новый знакомый и чего стоит от него ожидать. Она изменила - и впоследствии оказалось, что совершенно верно - свое мнение о многих родных и близких. Наконец, мужа она выбрала среди многих претендентов исключительно по запаху - как признавалась сама Селена, он был не красивее и не богаче других мужчин. Зато их брак оказался крепким, и они прожили в мире и согласии целых сто три года, судя по фамильному древу. И умерли в один день, ага...

Я сделала вывод: отныне стоит полагаться на волчье чутье.

Вопрос-жить-умереть?

Кажется, моя волчица сомневается, захочу ли я оставить ее жить. Моя решимость крепла с каждым прочитанным словом и для себя я уже давно ответила на заголовок-вопрос книги.

Жить. Однозначно жить. Я сумею избавиться от лунной зависимости, и ни один посторонний не догадается, что я именно оборотень, а не анимаг-волчица. Благо, целых два месяца впереди.

Глава 12

Привет)) Извини, что так долго.

Глава 11

Утром я не стала ждать, пока Люпин закончит превращение. Я была очень, очень зла на него, и не хотела видеть, по крайней мере, до обеда, а еще мне жутко хотелось прочесть, наконец, книгу Селены Блэр.

На выходе из подвала меня перехватил папа, явно проведший бессонную ночь:

- Как ты? Все плохо?

- Я похожа на смертельно больную? - раздраженно огрызнулась я и тут же исправилась:

- Прости. Я злюсь на Ремуса, а срываюсь на тебе.

- Что он сделал? Он как-то обидел тебя? - возникший в дверях Сириус моментально нахмурился, и я поспешила их разубедить:

- Ничего такого, наоборот, это я его обидела - отобрала мясо и швырнула в стенку Ступефаем.

- Ступефаем? Ты же была волком... или я чего-то не понимаю? - Сириус потащил нас в столовую и кликнул Кикимера. Тот с недовольным видом накрыл на стол и исчез.

- Была, но колдовать не разучилась. Ты же в курсе, что мне не

нужна палочка. Правда, это больше напоминало стихийную магию - ну, звуковые спецэффекты и все такое... Но не в этом дело, - я набросилась на омлет. В одном Люпин не соврал - жрать после трансформации хочется ужасно.

Взрослые терпеливо ждали, пока я утолю голод, и только когда я взялась за чашку с кофе, Северус напомнил:

- Так что там с Люпином?

- О... Ну, ты ведь знаешь, что у него там висит веревка, привязанная к звонку.

- Да, - подтвердил Сириус. - Кикимер каждый раз ставит миску с мясом, когда слышит звонок.

- Ну так в этот раз он тоже поставил - одну на двоих. Нет, с домовиком расправишься потом, - я увидела, что Сириус понял, в чем дело, и вознамерился наказать Кикимера за оплошность.

- Люпин на правах хозяина подвальчика и вообще Страшного-серого-волка подгреб миску себе, а я не согласилась и впечатала его в стену Ступефаем. Кстати, Сириус, ты не в курсе, как я-волчица могу восприниматься другим волком? Сколько мне лет по их меркам?

Крестный задумался, потом по-собачьи принюхался:

- Не знаю, как у волков, а мой бродяга воспринимает тебя очень неоднозначно: как почти взрослого щенка, который почему-то может оказаться опасным. Хочется одновременно и опекать, и выяснить, кто тут главный.

- А... Тогда понятно с Люпином - он решил начать со второго. В общем, я победила, но не заставляла его ползти ко мне на пузе - это ему явно понравилось. Кстати, я превратилась почти моментально и безболезненно оба раза, а он мучился около получаса.

- Да, - подтвердил Сириус. - Это всегда плохо ему давалось.

- В общем, остаток ночи мы провели каждый на своем матрасике, но при этом от него исходил такой жуткий запах вины, унижения и стеснения, что мне было некомфортно в собственном теле. Он пару раз порывался повыть на лампочку, но каждый раз так стеснялся, что обрывал себя на второй ноте. Это было ужасно, хотелось закрыть уши лапами и заткнуть нос одновременно! Он так издевается над собственным волком, что я его убить за это готова! Представляете, со зверем вполне можно разговаривать - он общается своего рода мыслеобразами, картинками, наполненными эмоциями. Дай-ка, - я взяла у папы пустой стакан, из которого он только что допил сок, и трансфигурировала во флакон. Вытащила воспоминание из головы:

- Вот, просмотрите вместе. У тебя ведь есть Омут Памяти,

Сири?

Крестный только кивнул, а папа уточнил:

- Ты слила стандартное воспоминание или эмоциональное? - в отличие от обыкновенного, эмоциональный слепок воспоминания позволял забраться в голову к отдавшему его человеку, пережить ситуацию так, как воспринял и пережил ее он, а не быть посторонним наблюдателем.

- Эмоциональное, конечно. В общем, я твердо уверена: оборотничество - это своеобразный вид анимагии, которое подчиняется своим законам. Честно говоря, я теперь сомневаюсь абсолютно во всем, что написано в книгах об оборотнях. Кстати, о книгах - я тут нашла одну, показавшуюся мне толковой, и собираюсь прочитать ее прежде, чем буду вынуждена поговорить с Люпином.

Папа внимательно посмотрел на меня:

- Так мне варить зелье или нет?

Я задумалась. С одной стороны, я не смогу скрывать того, что я оборотень, когда снова вернусь в Хогвартс. А с другой - мне вовсе не хотелось убивать волчицу, испуганно скулящую сейчас внутри меня.

- Вари, - решила я. - На всякий случай. Но я выпью его только если не найду другого выхода.

Если вчера я просто бегло пролистала книгу Блэр, то сегодня я читала внимательно и понимала, что готова подписаться под каждым словом.

Селена была оборотнем. Оказалось, что ее заразили в двадцать с небольшим лет, и девушка, страстно обожающая зверей, вовсе не расстроилась. Она была уверена, что сумеет договориться со своим волком, и так и случилось. Неплохо образованная для конца пятнадцатого века, Селена изучала саму себя, анализировала свои эмоции, чувства и записывала выводы. Она хотела перевернуть представление магов о таких, как она, но явно не успела. И я собиралась выяснить, почему ее книга сохранилась только в библиотеке Блэков, а не стала достоянием общественности.

Селена подтверждала то, что я выяснила опытным путем: полное расслабление и концентрация на чем-то приятном для волка помогает избежать болезненной трансформации. Луна все равно вытащит твоего зверя наружу - так зачем усложнять ей задачу?

Подтверждала она и то, что со зверем можно договориться. На самом деле, считала Селена, человеческий разум, как более высокоорганизованный, всегда возьмет верх над звериным, и только тот, кто и в людском облике не отличается покладистым

нравом, рискует в буквальном смысле слова "озвереть".

Выяснилось, что стать волколаком - неуправляемым зверем с получеловеческим разумом - можно не только злоупотребив волчьелычным зельем. До пятнадцати людских лет его действительно нельзя было принимать вообще, а после - следовало пить строго дозировано. Да, аконит не давал волку взять верх, но он же и ослаблял человека, и подросток в девяти случаях из десяти застревал в волчьем теле, постепенно сходя с ума. Волколаком мог стать и взрослый, и, как мне кажется, Люпин рано или поздно им станет - если однажды его желание перестраховаться возьмет верх над здравым смыслом. Сам по себе Люпин слаб, и стоит только ему переборщить с зельем... Надо запретить папе варить ему волчьелычное.

Грейбек был типичным волколаком - позволил зверю занять место человека. Зато он мог перекидываться независимо от фазы Луны и разговаривать: его волк дал ему такую возможность. Он не был сумасшедшим настолько, чтобы отказаться от человеческого облика, но разум его был почти волчьим.

Селена тоже была волколаком - по меркам людей. Путем взаимопонимания она достигла того, чего и Грейбек - могла выпускать свою волчицу днем, и не в полнолуние. Но она всегда оставалась ведущей в их тандеме, и никогда не была ведомой. Для удобства я решила называть всех здравомыслящих оборотней, собственно, оборотнями, а сумасшедших - волколаками, независимо от особенностей трансформации.

Не остановившись на достигнутом, Селена сделала также историческое исследование, и пришла к ошеломляющим выводам: оборотничество по сравнению с анимагией - это как детская стихийная магия по сравнению со взрослым палочковым колдовством. Селена утверждала, что существовавшие в древние времена культы зверей - это не что иное, как поклонение природным анимагам. Для каждой местности были характерны свои животные, некоторые, как волки и крупные кошачьи, были распространены повсюду. Особенно много природных анимагов было у народов, сильнее всего почитающих древние традиции и не слишком оцивилизованных: индейцев, индийцев, африканских и австралийских аборигенов, различных северных народностей. Чем ближе к природе жила семья, тем больше была вероятность рождения у них ребенка-оборотня, и вовсе неважно было, является ли оборотнем один из родителей.

Блэр утверждала даже, что основатели Хогвартса на самом деле являлись оборотнями, и их звериные ипостаси отражены в факультетской символике, но это она, по-моему, загнула - вряд ли семьи основателей были достаточно близки к природе. Я могу

поверить, что они были анимагами, но никак не оборотнями. Разве что их, как и меня, заразили, но я плохо могла себе представить агрессивного барсука или ворону.

Помимо книги "Оборотни: дар или проклятье?" после долгих поисков я обнаружила также дневник Селены, содержащий сведения, которых в книге не было. У меня начало закрадываться подозрение, подтвердившееся после прочтения примерно половины дневника - Селена была, ни много ни мало, пра-пра-пра... бабкой Сириуса. Именно она ввела моду на "астрономические" имена - раньше у Блэков в ходу были исключительно цветочные и простые человеческие имена. Так, супруга Селены звали Карлусом, а его родителей - Розой и Джеймсом. Припомнив фамильное древо Блэков, я обратила внимание на то, что покойный Джеймс Поттер приходился Сириусу дальним родственником по линии своего отца Карлуса Поттера. Вот откуда такое совпадение...

В дневнике Селена описывала исключительно личные впечатления от пребывания в волчьем теле. Оказалось, после того, как девушка пришла к согласию с волчицей, она стала иначе воспринимать других людей. Нюх, являясь главным волчьим чувством, подсказывал Селене, каков ее новый знакомый и чего стоит от него ожидать. Она изменила - и впоследствии оказалось, что совершенно верно - свое мнение о многих родных и близких. Наконец, мужа она выбрала среди многих претендентов исключительно по запаху - как признавалась сама Селена, он был не красивее и не богаче других мужчин. Зато их брак оказался крепким, и они прожили в мире и согласии целых сто три года, судя по фамильному древу. И умерли в один день, ага...

Я сделала вывод: отныне стоит полагаться на волчье чутье.

Вопрос-жить-умереть?

Кажется, моя волчица сомневается, захочу ли я оставить ее жить. Моя решимость крепла с каждым прочитанным словом и для себя я уже давно ответила на заголовок-вопрос книги.

Жить. Однозначно жить. Я сумею избавиться от лунной зависимости, и ни один посторонний не догадается, что я именно оборотень, а не анимаг-волчица. Благо, целых два месяца впереди.

Глава 12

Мучимый чувством вины Люпин мыкался под дверью библиотеки уже добрых два часа, не решаясь войти. Я чуяла его запах, и наконец, не выдержала:

- Ремус, я знаю, что ты там. Входи.

Он встал на пороге, ссутулившись и теребя пальцами рукав мантии.

- Гарри, я должен извиниться...

- Да, пожалуй, - согласилась я. - Ты нарассказывал мне столько ужасов, что, не вспомни я о медитации, моя трансформация могла стать такой же болезненной, как и твоя.

- А разве тебе не было больно? - удивился он.

- Ни капельки. Я превратилась практически моментально. И ты бы мог, если бы не трусил так сильно.

- Ты хочешь сказать, что я - трус? - поразился Люпин.

- Именно это я и хочу сказать. Ты - жалкий трус, боящийся своего волка.

По-моему, Люпин уже забыл, что пришел сюда извиняться.

- Ты не понимаешь, о чем говоришь! Он не мой и никогда не был моим, и вполне естественно, что я не желаю давать ему власть над своим телом!

- О, я прекрасно понимаю, о чем говорю! Я целую ночь просидела в подвале мохнатой!

- Это еще не делает тебя специалистом по оборотням!

Я резко захлопнула книгу и встала:

- Может, и так, но я знаю, что я чувствовала, и этого мне достаточно. Я швырнула тебя в стену Ступефаем, я могла бы заставить тебя ползти ко мне на брюхе и подставить шею, если бы захотела. Моя волчица дала мне силу и согласилась отступить, чтобы я ею воспользовалась, безоговорочно приняв мое главенство. А ты, воюя со своим волком, настолько себя ослабил, что позволил щенку одержать над собой верх!

- Я не хочу становиться зверем!

- А кто говорит, что для того, чтобы достичь взаимопонимания с волком, тебе нужно подчиниться или слиться с ним? Достаточно просто не мешать ему наслаждаться жизнью, и тогда он не будет мешать тебе.

- Ты не понимаешь, что я чувствую. Я становлюсь зверем, и это опасно! - гнул свое Люпин. Кажется, он меня совсем не слушал.

- Я прекрасно понимаю, что ты чувствовал! И знаю, что чувствовал твой волк - я уловила ваши эмоции, - принялась объяснять я. - Человек в тебе панически боялся выпустить зверя из-под тотального контроля, а волк всего лишь хотел оказаться на свободе, покататься по травке и попеть при луне!

- Однажды он захочет большего, - упрямился Ремус. Я вспылила и рявкнула на него в истинно папиной манере:

- Профессор Люпин, вы - непроходимый тупица! Вы убиваете своего волка, душите его, тем самым подстрекая к бунту! В один прекрасный день он действительно сорвется, и возьмет над вами верх! Но лишь потому, что тоже имеет право на жизнь, хотя бы

три ночи в месяц!

Люпин безжизненно опустился в ближайшее кресло. Я выдохнула и добавила уже мягче:

- Это как если бы ты год за годом включал посреди ночи громкую музыку, забывал закрыть кран в ванной и прыгал в своей квартире, а потом удивлялся, что сосед снизу ненавидит тебя и в один прекрасный день пришел с топором. А ведь могли бы подружиться, и вместе смотреть футбол по вечерам.

- Я больше квиддич люблю.

- Один хрен. Ремус, ну почему ты такой непрошибаемый? За все годы не смог понять того, что я поняла за одну ночь. Волк - не враг тебе. Он не хочет тебя подчинить, он просто выясняет, кто сильнее - как и любой из нас. Ты уже показал ему, кто главный, и незачем раз за разом напоминать ему об этом. Волк уже усвоил и согласился. Незачем сопротивляться притяжению луны - она все равно сильнее. Поддайся ей! Представь что-нибудь приятное, закрой глаза и дай ей сделать все по-своему!

Ремус совсем поник духом, и я решила, что сказала достаточно. Взяв книгу Блэр, я сунула ее ему в руки:

- Я нашла это вчера, но успела прочитать только сейчас. И настоятельно рекомендую изучить от корки до корки. Удачи, Луни.

Был уже поздний вечер, когда Люпин спустился к нам. Сириус и Северус, изучив мои воспоминания, согласились, что мне можно попробовать перекинуться на улице, если принять некоторые меры предосторожности. В частности, папа обещал установить магическую защиту, которая не позволит мне покинуть пределы заднего двора, а Сириус собирался составить мне компанию в анимагической форме.

- Ну что? - спросила я, увидев на пороге Люпина. Тот несмело улыбнулся:

- Я все еще не уверен, что это хорошая идея, но могу попытаться.

- Луни! - восторженно воскликнул Сириус. - Ты серьезно? Гарри, да ты умница!

Я знала, что я умница - в янтарных люпиновских глазах явственно горела надежда.

- Ну, раз уж мы тут все такие молодцы и умницы, нам стоит заняться приготовлениями, - подал голос папа, и мы немедленно отправились каминной сетью в Спиннерс-энд.

Задний двор был небольшим, но волчица во мне уже мелко перебирала лапами от предвкушения. Едва дождавшись, пока Северус установит защиту, я босиком сбежала с крыльца и улеглась на траву. Обычно я медитировала в позе лотоса, но

сейчас я переживала, как бы волчица не запуталась в ногах...

- Луна еще не взошла, - напомнил Ремус, ежась от прохладного ветерка. Он, как и я, был босым, в одной только наброшенной на плечи мантии - в отличие от анимагов, оборотни не умели превращаться в одежде.

- Я хочу попробовать обернуться без нее, - ответила я и закрыла глаза, вызывая в памяти картинку залитой солнцем лесной опушки. В отличие от прошлого раза, долго ждать не пришлось - волчица сама страстно желала выбраться наружу. Секунда, вторая - и слитный тройной вздох возвестил, что у меня получилось. Аккуратно выпутавшись из мантии, я встала на четыре лапы и отряхнулась. Оглядевшись, я увидела стоящего рядом Ремуса, сидящего на крыльце папу и Сириуса, который немедленно шагнул к нам, трансформируясь на ходу. В последний раз я видела его таким два года назад, и успела позабыть, какой он огромный и черный. Пес осторожно подходил ко мне, явно опасаясь моей реакции, но я не стала ждать и сама бодро потрусила к нему, по-детски непосредственно лизнув в нос. От неожиданности пес сел, а Ремус вдруг облегченно рассмеялся. Папа вторил ему, только в его смехе не было затаенной боли и страха. По-моему, я теперь точно знаю, кто во мне сомневался, а кто, напротив, доверял моим суждениям.

Волчица радовалась свободе и простору, и я отпустила ее: звериная часть меня немедленно начала прыгать по двору на всех четырех лапах и кататься по травке. И это было здорово!

Зависть-сожаление-надежда...

Это не были эмоции моего зверя, и я/мы удивленно обернулись. Ремус во все глаза смотрел на меня, веря и не веря одновременно. Я вопрошающе тявкнула, мол, чего ждешь, присоединяйся, и изобразила улыбку на волчьей морде. Папа потом признался, что, оказывается, волчья мимика довольно разнообразна, и улыбка у меня вполне удалась. Сириус тоже усмехнулся во всю зубастую пасть и выжидательно уставился на друга. Ремус вздохнул и лег на траву. Как я и говорила, закрыл глаза, и тут взошла полная луна. Мне немедленно захотелось попеть, но я сдержалась, чтобы не отвлекать его.

Трансформация явно шла легче, чем раньше, но не так, как при стычке с Грейбеком. Тогда он превратился моментально, а сейчас прошло около минуты, прежде чем волк неуверенно встал на шатающихся лапах и помотал кудлатой башкой. Я снова подпрыгнула на всех четырех лапах, Бродяга последовал моему примеру, и Луни не удержался: прыгнул, удивленно тявкнул и припал к земле. Выражение его морды было до того комичным, что папа не удержался и фыркнул:

- Видел бы ты себя, Люпин!

Луни обиженно рыкнул, и папа вдруг превратился в крупного черного ворона. Похоже, Бродяга неровно дышал к пернатым - он немедленно бросился ловить его, явно намереваясь повыдергать перья из хвоста. Ворон возмущенно каркнул и долбанул пса острым клювом, заставив того припасть к земле и заскулить. Ко мне ворон отнесся более благосклонно и перепорхнул поближе, позволив себя обнюхать и ткнуться носом. Смешно покачнувшись на тонких ногах, птица насмешливо глянула на меня блестящим глазом и перелетела на поручень крыльца. Луни наблюдал за нами со стороны, и мне вдруг стало любопытно: если у него и крестного есть отдельные имена для их зверей, полагается ли таковое и мне?

Интерес-вопрос-человек-имя...

Моему волчку любопытно, как зовут меня-человека?

Согласие.

Я как можно членораздельнее произнесла мысленно свое имя. Гарри. Гар-ри.

Гарррри-да-хорошо.

Волчица завиляла хвостом. Кажется, это имя пришлось ей по вкусу, и другого она не хотела.

Гарр-рри! Ррр!

Просто превосходно. Волчица прыгала и выделывала кульбиты в воздухе, на все лады вырыкивая мое имя, а потом немного успокоилась и села, уставившись на белый круглый диск.

Можно-можно-можно?

А почему бы и нет? Папа накладывал заглушающее, так что соседей я не напугаю. Волчица возликовала и запела, выводя каждую ноту. Поколебавшись, Бродяга подошел и сел рядышком, присоединяясь к концерту. Его голос был ниже и чуть более хриплым, но это только делало наш дуэт лучше. Луни не утерпел и сел с другой стороны от меня, потоптался передними лапами по траве, словно настраиваясь на общий лад. Его голос был самым низким в нашем трио, почти басовитым, и я невольно удивилась - в человеческом обличье у Ремуса голос выше, чем у крестного.

Волчице же это было неинтересно - она пела, о свободе, ветре, луне и лесе, чей образ отложился в памяти ее человеческой половины. Может, удастся уговорить двуногую как-нибудь погулять там? Было бы просто замечательно.

Двуногая мысленно засмеялась и пообещала

Глава 13

Утром мы имели сомнительное удовольствие наблюдать картину под названием "Люпин кающийся". Кажется, у кого-то сегодня ночью произошла глобальная переоценка ценностей...

Теперь Ремус с тоскливым видом бродил по дому и явно жалел, что полнолуние закончилось - иначе бы он вымаливал прощение у собственного волка. По-моему, Люпин просто привык находиться в состоянии перманентной виноватости, и я очень надеялась, что Луни избавит его от этой дурной привычки. Книга Блэр стала его Библией - он буквально наизусть ее заучил, особенно ту часть, где говорилось о разнице между настоящим волколаком и оборотнем.

Я, честно говоря, не горела желанием снова переубеждать/утешать/выслушивать Ремуса, и с чистой совестью поручила это приятное дело Сириусу, а тот немедленно уволок друга на Гриммо, опустошать винные погреба и праздновать "поистине чудесное прозрение". Папа был не меньше моего рад избавиться от депрессивного сокурсника - он буквально загорелся идеей исследовать окклюментивные способности оборотня (меня, то бишь).

Это заняло почти два месяца: оказалось, волчицу можно выдрессировать не хуже человека и приучить закрывать свой разум видением Запретного леса - на другое она не согласилась. Поначалу проникновение постороннего в ее разум порождало панику, с которой я сама с трудом справлялась, но постепенно волчица научилась мне доверять и делать то, что я говорю. Обнаружив, что странного пришельца можно изгнать или обмануть, она с энтузиазмом стала обучаться, как учится щенок. В какой-то степени она была моложе меня - год, может, полтора волчьих года, примерно соответствующих человеческим десяти-двенадцати. Она слушалась меня, поскольку я была старше и сильнее, и ни разу не прекословила, кроме случаев, когда была слишком испугана, чтобы соображать. Не знаю, как там Люпин договаривался со своим волком - мне хватало проблем с собственным, чтобы интересоваться еще и им, но, видясь иногда за ужином или обедом, я отмечала явные признаки улучшения. Он больше не мучился ложным чувством вины, и выглядел по-другому, так, словно волк наложил на него свой отпечаток: иначе двигался, иначе смотрел, и глаза его странно посветлели, будто переняли часть желтизны у зверя. Мои собственные глаза, как неоднократно замечал папа, в моменты раздражения тоже желтели, и с этим надо было что-то делать. Я подумывала купить маггловские цветные линзы, если вдруг не удастся решить проблему иным способом.

Помимо окклюменции, я училась перекидываться не в полнолуние, и это удавалось мне куда лучше, чем непонятная волчице мыслезащита. Она согласилась сопротивляться притяжению луны, но за это я пообещала проводить в волчьем

облике столько времени, сколько смогу, и это было честно - для зверя было очень сложно не откликнуться на зов того, что было сильнее и древнее его в миллиарды раз. Будь благословенна Блэр и ее исследования - благодаря ей я узнала, что селенит, обработанный в виде капли-кабошона, способен помочь купировать воздействие луны. Я немедленно обзавелась таким, и, действительно, в первый день следующего полнолуния все-таки обернулась, но в последующие две ночи смогла остаться человеком. Я радовалась, папа радовался, но больше всех радовалась моя волчица - оттого, что сумела осчастливить нас. Северус воспринимался ею как старший, наставник, не отец, но что-то очень близкое к этому понятию, и это более чем устраивало и его, и меня.

Друзья разъехались кто куда, и даже писали довольно редко, что не слишком меня огорчало - я была занята собственными "мохнатыми проблемами". Успокоив в начале лета Гермиону и Невилла, видевших, что меня оцарапали, я больше не писала им о своих делах, а решила рассказать все в школе. А может даже и раньше - Люциус достал для друзей своего сына билеты на Кубок Мира по квиддичу, который в этом году проводился в Англии. Я, Гермиона и Невилл с радостью приняли приглашение и готовились наслаждаться зрелищем из министерской ложи.

ЧАСТЬ 4

Глава 1

Кубок Мира проводился на месте осушенного магией и огражденного маглоотталкивающими чарами болота. Жалко, что вместе с водой не убрали еще и запах высохшей тины - мой чувствительный нос улавливал еще и вонь полуразложившихся болотных жителей и прелых водяных растений. Хорошо, что нам не пришлось жить здесь в палатках, как большинству болельщиков, иначе я просто не представляю, как смогла бы выдержать этот запах. Лорд Малфой достал нам самые дорогие билеты, и мы смогли прибыть непосредственно к началу, а обладателям самых дешевых билетов пришлось приехать за две недели до матча, поскольку министерство не могло обеспечить одновременное безопасное аппарирование или перемещение порталом для сотен тысяч болельщиков.

В финал вышла Ирландия и Болгария - англичане позорно продули Трансильвании со счетом триста девяносто-десять, уэльсцы проиграли Уганде, а шотландцы - Люксембургу. Сириус заявил, что этим маленьким странам просто нечем больше заняться, и они играют в квиддич круглые сутки, а папа тогда, помнится, сказал, что плохому танцору ноги мешают. Я думала, что на самом деле проблема в том, что все наши команды почти

полностью состояли из легионеров, а пришлые играют за деньги, а не за престиж. Как бы там ни было, болеть мы собирались за Ирландию - соседи, как-никак.

Стадион был просто огромным, чтобы пройти к нему, нужно было пробраться сквозь море палаток самых разнообразных форм и размеров: от индейских вигвамов до коттеджей и уменьшенных копий старинных замков. Было время завтрака: одни, украдкой оглянувшись, зажигали огонь волшебной палочкой, другие неумело и с опаской чиркали спичками, уверенные, что эта штука не сработает. Трое волшебников из Африки, одетые в длинные белые мантии, сидели, углубившись в беседу, и одновременно жарили что-то вроде кролика на ярком лиловатом огне. Неподалеку американские колдуньи зрелого возраста весело болтали, усевшись под расшитым блестками знаменем с надписью «Салемские ведьмы», который был растянут между двумя шестами. Люди сновали между палатками, разговаривали, спорили, тут и там раздавались детские визги и смех, горели костры, реяли флаги, флажки и флажочки - либо зеленые ирландские, либо красно-зелено-белые болгарские. И еще мне то и дело на глаза попадались плакаты с хмурым чернобровым парнем, в глазах которого была вселенская тоска.

- Кто это? - не выдержав, спросила я. Люциус объяснил:

- Болгарский ловец, Крам. Они возлагают на него большие надежды, но у ирландской сборной семь хороших игроков, а Крам у болгар один.

- Надо сделать ставочку, - пробормотала я, нащупывая в кармане кошелек. Папа поинтересовался:

- Тебе не хватает денег?

- Па, ничего ты не понимаешь! Это азарт! - заявила я и ткнула пальцем вправо:

- Вон, гляди, знакомая шевелюра!

Указав напоследок, что тыкать пальцем некрасиво, Северус поспешил поздороваться с Тонкс - она как представитель аврората обеспечивала порядок на стадионе. Малфой-старший спросил:

- А кто эта любопытная девица?

Я незамедлительно ответила:

- Родная племянница вашей супруги по линии изгнанной из рода Андромеды Блэк, в замужестве Тонкс.

Аристократ будто лимон съел. Двойные стандарты: пока это не затрагивает его семью, Люциус готов мириться с магглокровками, а признать родство с сестрой Нарциссы он так и не удосужился.

Народу было много и разнообразного - сюда прибыли

колдуны буквально со всего земного шара, и все они по мере скромных сил старались изобразить магглов. Некоторые экземпляры были совсем уж бесподобны - как старичок в женской батистовой ночнушке в цветочек, препиравшийся с министерским служащим по поводу своего одеяния. Тот настойчиво совал ему полосатые кальсоны и увещевал:

- Надень их, Арчи, не валяй дурака! Нельзя разгуливать в таком виде!

- Я купил это в маггловском магазине, - упрямо возражал старик. - Магглы такую одежду носят.

- Маггловские женщины их носят, а не мужчины. Мужчины носят вот это, - настаивал волшебник из министерства, потрясая кальсонами.

- Не надену! - негодовал Арчи. - Я люблю свежий ветерок вокруг интимных частей тела, так что спасибо!

С Гермионой случилась истерика от хохота, и мы поспешили уйти оттуда. На каждом шагу попадались знакомые лица — хогвартцы со своими родителями. Оливер Вуд, бывший капитан команды Гриффиндора, окончивший Хогвартс в этом году, явно забыл о проигрыше своей команды и потащил нас знакомиться с родителями, взволнованно сообщив, что принят во второй состав «Пэдлмор Юнайтед», - буквально на днях подписал контракт. Затем нас окликнул Эрни МакМиллан, наш однокурсник, а через несколько шагов увидели Чжоу Чанг, ловца из команды Рейвенкло.

- Ребята! - нас догнал Седрик Диггори в сопровождении мужчины средних лет, чье сходство невозможно было не заметить.

- Седрик! Это твой отец?

- Лорд Малфой, - поздоровался тот сперва с Люциусом, а потом перевел взгляд и на нашу компанию. - Все ваши?

- Амос, - подал ему руку аристократ. - Нет, мой только Драко. Гарриэт Снейп, Невилл Лонгботтом, Гермиона Грейнджер, - представил он нас в том порядке, в котором мы стояли.

- Гарри? Та самая, что исполнила финт Вронского на последнем школьном матче? - неподдельно заинтересовался Амос Диггори. Приятно, пикси меня возьми, когда о тебе вспоминают не в связи с Волдемортом...

- О, мистер Диггори, честно говоря, я и сама не знала, что этот трюк так называется, - смутилась я. Амос похлопал меня по плечу:

- Возможно, лет через десять мы придем посмотреть, как вам вручают Кубок Мира!

- Я так далеко не загадываю, - пожала я плечами. Амос мне

понравился, и мои чувства говорили, что ему стоит доверять. Я теперь заново оценивала своих знакомых и пока что, хвала Мерлину, оценка меня-человека и меня-волка совпадали. Кажется, я и до того неплохо разбиралась в людях.

Мы распрощались с Диггори и пошли занимать свои места в ложе, на самом верху стадиона - прекрасный будет обзор! Купив у разносчика по омниноклю каждый, мы уже поднимались вверх, когда столкнулись по пути с рыжим семейством. Наличествовали близнецы, Рон, мистер Уизли и двое, которых я не знала. Рон при виде нас как-то странно стушевался - наверное, старшие братья здорово прочистили ему мозги летом. Он попытался было спрятаться за спину отца, но Фред и Джордж выпихнули его вперед.

- Малфой, - не слишком дружелюбно поздоровался Артур Уизли.

- Уизли, - констатировал Люциус, но от оскорблений удержался. Артур, по всей видимости, искал, к чему прицепиться, но так и не нашел. Фыркнув, он полез наверх, куда-то в сторону нашей ложи. Я попросила близнецов:

- Только не говорите, что у вас места в министерскую ложу.

- Фред, - картинно вздохнул один и я принюхалась. - Мы ведь не скажем?

Второй близнец помотал рыжей лохматой головой и подтвердил:

- Не скажем. Хотя это чистая правда.

Я запомнила и его запах - больше я их никогда не спутаю. Тем временем Рон подошел к Драко и, глубоко вдохнув, отчетливо произнес:

- Извини. Я вел себя как последний засранец. Я был неправ.

Драко по-птичьи склонил голову набок:

- Рад, что до тебя, наконец, дошло... Рон.

Тот просиял и протянул руку:

- Мир?

- Мир, - согласился Драко. - Но перед остальными ты извинишься отдельно.

Рон покаянно кивнул и начал извиняться поочередно перед всеми нами, а я усмехнулась про себя: может, рыжий наконец-то научится чему-то.

Глава 2

Папа присоединился к нам, когда свои места заняли все в ложе. К счастью, мистер Уизли сидел достаточно далеко от лорда Малфоя, чтобы не поцапаться, а остальные представители семейства рыжеволосых были людьми вменяемыми и не склочными. Мы познакомились с Чарли и Биллом, старшими

сыновьями Артура: первый оказался драконологом, а второй - ликвидатором заклятий в египетском отделении Гринготтса. Малфой сел поближе к нашему и болгарскому министрам и что-то оживленно с ними обсуждал вполголоса, причем с болгарином он болтал по-французски, поскольку тот не знал английского. Бедняга Фадж вынужден был изъясняться жестами, так как кроме английского языков не знал. Наблюдать за ним было довольно забавно, тем более что болгарин явно лукавил: реплики комментатора он понимал превосходно.

Людо Бегмен, комментатор и глава департамента спорта, показался мне человечком скользким, и я передумала делать ставку, зато близнецы Уизли втайне от отца поставили все свои деньги на то, что Болгария проиграет, но Крам поймает снитч.

- Крауча не видели? - поинтересовался он между делом. - Там у Фаджа проблемы с болгарским министром, а он знает полторы сотни языков.

- Нет, - покачали мы головами. Честно говоря, я даже не знала, кто такой этот Крауч.

- Да вы что, - как из-под земли вынырнул Перси Уизли. Он в этом году окончил школу и устроился работать в министерство - судя по форменной мантии.

- Мистер Крауч знает две сотни языков, включая троллий, русалочий и гоблинский!

- Перси, тролли умеют только тыкать пальцем и говорить ""Ы-ы-ы", в разной тональности, - заявила я, увидев, как скисли остальные Уизли. - Поверь мне, я знаю, о чем говорю.

Все рассмеялись - история на первом курсе стала достоянием общественности благодаря Рите Скитер и двум громким судебным разбирательствам. Перси зашипел, как рассерженный кот, и сгинул.

- Здорово ты его, - фыркнул Джордж. - С тех пор как он устроился помощником Крауча, он только о нем и твердит. Того и гляди, объявят о помолвке.

- Знаете, чем он занимался все лето? - поддакнул Фред. - Стандартизацией толщины стенок котлов, которые импортируют в страну! Дескать, ввозимые котлы чуточку тонковаты, и количество протечек возросло на два процента!

- Да уж, - скривилась Гермиона. - Перфекционизм его погубит.

- Кто бы говорил, - ляпнул Рон и сжался, боясь, что рейвенкловка обидится и с примирением ничего не выйдет, но мы дружно рассмеялись. Гермиона покраснела, но тоже смеялась вместе с нами.

- Начинается! - дернул меня за рукав Невилл, ткнув пальцем в

сторону Бегмена. Тот приставил палочку к горлу и сказал:

- Сонорус. Леди и джентльмены! Добро пожаловать! Добро пожаловать на финал четыреста двадцать второго Кубка мира по квиддичу!

Гигантское черное табло, до того демонстрировавшее рекламу, мигнуло и высветило: Болгария - 0, Ирландия - 0.

- А теперь без долгих предисловий позвольте представить вам... Талисманы болгарской сборной!

- Талисманы? - шепнул рядом Драко. Невилл сказал:

- Интересно, что они привезли?

- Вейлы! Гарри, это вейлы, - подскочила на своем месте Гермиона. - Я о них читала! Понаблюдай за мальчишками, - доверительно шепнула она мне. Я кивнула.

На поле между тем вышли самые прекрасные женщины, которых я когда-либо видела. Их было около сотни, и они начали кружиться в завораживающем танце. Между тем волчица во мне встопорщила шерсть и глухо заворчала, словно увидела нечто пугающее.

Я перевела взгляд на сидящих в ложе и увидела, что все они повскакивали со своих мест и медленно приближались к ограждению, словно крысы, услышавшие волшебную дудочку. Один папа остался сидеть, но зачем-то закрыл глаза. Рон занес ногу, собираясь спрыгнуть вниз, и Гермиона кинулась его спасать. Драко тоже шел к ограждению, но как-то странно, рывками, будто пытался сопротивляться, а Невилл уцепился за скамейку, хотя и не мог отвести взгляда от танцующих. Я сцапала Драко за рукав и настойчиво повлекла назад, усаживая на место, и крепко сжала руку Невилла - он моментально отпустил скамейку и, встряхнувшись, словно мокрый пес, помидорно покраснел.

- Спасибо, - шепнул он. Драко продолжал вырываться, но уже слабее, и тут, на счастье, танец вейл закончился. Все ошарашено оглядывались, не в состоянии понять, чего это они вдруг повскакивали, а папа открыл глаза и недовольно произнес:

- Как контроль за магическими существами допустил подобное? Кто-нибудь мог спрыгнуть на арену!

- А? - рассеянно отозвался Рон, и Гермиона тут же просветила его:

- Вейлы - как сирены, завлекают мужчин песнями и танцем. Это колдовство, Рон, очнись!

Трибуны взорвались аплодисментами, вейл не хотели отпускать с поля, а многие, болевшие за ирландцев, лихорадочно ощипывали со своих шляп их символику.

- А теперь, - загрохотал голос Людо Бэгмена, - в знак приветствия поднимем наши волшебные палочки... Перед нами

талисманы сборной Ирландии!

В следующую секунду нечто похожее на громадную зелено-золотую комету влетело на стадион. Сделав круг, она распалась на две поменьше, каждая из которых со свистом понеслась к голевым шестам. Связывая два пылающих шара, над полем неожиданно аркой встала радуга.

Радуга угасла, светящиеся шары вновь соединились и слились, образовав на этот раз исполинский мерцающий трилистник, который взмыл в небо, завис над стадионом, и из него хлынуло нечто наподобие золотого дождя.

- Лепреконы, - скривилась Гермиона, и я, наконец, рассмотрела, что летающее чудо сделали крошечные бородатые человечки с суковатыми посохами, одетые в зеленые костюмы.

Я тут же припомнила, что лепреконы славятся своим умением делать поддельное золото, и брезгливо скинула с колен упавшую на них тяжелую монету. Похоже, большинство из здесь присутствующих знали, сколько стоит такое золото, так что подбирать монеты не спешили.

Величественный трилистник распался, лепреконы опустились на поле - на противоположную сторону от вейл - и, скрестив ноги, расселись, чтобы смотреть матч.

- А теперь, леди и джентльмены, поприветствуем - болгарская национальная сборная по квиддичу!

Матч стоило посмотреть - хотя бы для того, чтобы полюбоваться на молниеносно летающих игроков, понимающих друг друга с полуслова и легко исполняющих самые сложные полетные фигуры. Они перебрасывали мяч друг другу с такой скоростью, что Бегмен успевал назвать только их фамилии, и лишь изредка озвучить выполненное действие. Тройка ирландских охотников была просто великолепна, и я заранее представляла, как Диггори будет мучить наших ребят, пытаясь вылепить из них подобие ирландцев. Уже на десятой минуте матча они забили три мяча, но болгарская охотница изловчилась и открыла счет. Вейлы затанцевали, и все в ложе поспешно зажмурились.

- Димитров! Левски! Димитров! Иванова! Вот это да! — кричал Бегмен, шалея.

Крам был великолепен - не зря болгары так на него надеялись. Исполнив уже знакомый мне финт Вронского, он вывел из строя вражеского ловца и Бегмен объявил тайм-аут. Осмотрев ирландца, медики выпустили его на поле, но, приблизив его лицо в омнинокль, я заметила, что его глаза несколько расфокусированы.

- Линч спекся, - заявила я, наклоняясь к близнецам. - Ваша

ставка сыграет - снитча ему точно не поймать.

Пятнадцать минут пролетели в жарких схватках, и Ирландия вырвалась вперед еще на десять голов: теперь они вели со счетом сто тридцать - десять, и игра стала откровенно грязной. Злые болгары не брезговали любыми приемами, чтобы помешать противникам, а вейлы так и вовсе попытались охмурить судью. Колдомедик, заткнув уши пальцами, чтобы хотя бы не слышать волшебного пения, подбежал к нему и пнул в голень, заставив отвлечься и ввернуться к игре. Возмущенный судья тут же засвистел - ирландский отбивала намеренно запустил в Крама бладжером и разбил ему бровь. Впрочем, пенальти не помогло - вратарь зеленых знал свое дело, и лепреконы, поднявшись в воздух, сложились в глумливое "ХА-ХА-ХА"

Крам только отмахнулся от колдомедиков и взлетел повыше, отыскивая мячик, и второй раз за игру понесся к земле.

- Да! - вскричала я - на этот раз Крам действительно гнался за снитчем. Линч буквально сел ему на хвост, и я поняла, что сейчас с ним случится то же, что и с Дином Томасом.

- Он же разобьется! - ойкнула Гермиона.

- Кто, Крам? Ничего подобного! - уж в этом-то я была уверена. Действительно, болгарин легко вышел из пике и поймал снитч, а вот Линч во второй раз за игру повстречался с землей.

- Игра окончена! - объявил Бегмен, а на табло зажглись цифры окончательного счета. - Ирландия победила!

- Как победила? - не поняла Гермиона. Невилл указал:

- Смотри, у них сто семьдесят, а у болгар - сто шестьдесят очков.

- Но зачем он тогда ловил снитч?

Драко покровительственно объяснил:

- Потому, что знал - им никогда не догнать Ирландию. Он мог только закончить матч с наименьшим для своей команды разрывом.

Гермиона не нашла, что сказать, и только во все глаза смотрела на болгарского ловца. Вейлы, взбешенные неудачей, показали, наконец, свой истинный облик - их черты лица хищно заострились, на пальцах появились крючковатые когти. Рон с содроганием изучал бывших прелестниц.

- Квайетус, - шепнул Бегмен и обернулся к поджидавшим его близнецам:

- Сколько там я вам должен?

Глава 3

Войдя в "Хогвартс-Экспресс", я сделала открытие: Паркинсон не просто завидует мне - она меня панически боится. Столкнувшись с ней в коридоре, я едва не задохнулась и

опрометью кинулась в первое попавшееся пустое купе. Ее страх пах на весь поезд, он заставлял мою волчицу морщить нос и чихать где-то глубоко внутри. Если бы она могла, то стала бы тереть нос лапами, стараясь избавиться от этого запаха. Я открыла окно настежь и высунулась из него почти наполовину, чтобы хоть немного прийти в себя. Я все еще плохо это контролирую, вот черт... Надо найти способ приглушить волчьи чувства или нечто в этом роде, иначе я с ума сойду.

- Тебе плохо? - участливо спросил Невилл.

- Запахи. Слишком много запахов, - ответила я неопределенно, но он не просил уточнить. Я жадно вдыхала предгрозовой воздух. Интересно, в Хогвартсе тоже будет дождь?

...Сразу после матча мы дружной компанией аппарировали в Спиннерс-энд, папа остался внизу с Люциусом пить коньяк и играть в шахматы, а я увела друзей в свою комнату для разговора. Признавшись, что Грейбек заразил меня ликантропией в конце семестра, я объяснила, что научилась справляться со своей проблемой, но предупредила, что ни при каких обстоятельствах им нельзя позволять, чтобы моя кровь или слюна попали даже на самую крошечную их царапинку. Драко поначалу не поверил, что я смогла научиться противостоять зову луны, но я перекинулась при них, а поскольку было новолуние, им пришлось поверить...

Гермиона взмахнула палочкой и запахи, не относящиеся к нашему купе, вдруг исчезли.

- Как ты это сделала?

- Заклятье воздушного пузыря, - смущенно улыбнулась подруга. - Так лучше?

- Намного. Надолго его хватает?

- На час точно хватит, потом можно обновить.

Дверь открылась, но запахов не прибавилось. Рыжая голова Рона просунулась в купе, но тут же втянулась обратно - у нас сидел Драко. Наверное, это карма: не успели ребята помириться, как тут же поссорились опять.

...После квиддичного матча, около десяти вечера, какие-то колдуны устроили непонятно что: то ли акцию устрашения, то ли демонстрацию собственного идиотизма. Напялив белые маски и знакомые всей Англии пожирательские мантии, они строем прошлись по палаточному городку, сея панику. Смотритель-маггл был напуган ими едва ли не до смерти, и, наверное, там все-таки был кто-то из бывших Пожирателей, поскольку над местом происшествия запустили Метку. Визитная карточка слуг Волдеморта - зеленый череп с языком-змеей - заставила авроров проверять всех, кто тринадцать лет назад был уличен или хотя бы заподозрен в принадлежности к армии Риддла. Не стал

исключением и Малфой-старший. Авроры нагрянули к нему с утра, и папе пришлось под веритасерумом подтверждать, что Люциус до полуночи находился у нас в гостях. После этого они ретировались, но Артур Уизли почему-то считал, что папа соврал. Когда в этот же день мы оказались на Диагон-аллее, нелегкая принесла туда и рыжее семейство. Увидев давнего противника, Артур не сдержался и прямо с противоположной стороны улицы начал орать оскорбления, а потом перебежал к нам и с пеной у рта доказывал, что все равно добьется заключения Малфоя. Не понимаю, зачем во всеуслышание заявлять о своих намерениях? Хочешь - сделай тихонько...

Папа вмешался, попытавшись убедить Уизли в неправоте, но тот разозлился еще больше и обвинил его во вранье. Может, я бы и стерпела, но он произнес роковую фразу: "Наверное, и ты там был, предатель!" После этого я уже не сдерживалась и в самых резких выражениях высказала все, что думала. Кажется, Уизли был поражен - его куриные мозги не сообразили, что он только что обвинил отца Девочки-которая-выжила (ненавижу этот титул!) в верности идеалам Волдеморта. Сдувшись, как проколотый иголкой шарик, Уизли отступил, а Рон потом нагнал нас у мороженицы Фортескью и просил прощения вместо него. Я-то на самого Рона была не в обиде, а вот Драко, считавший, что сын за отца в ответе, даже не глянул на рыжего...

Гермиона только вздохнула, проводив взглядом Уизли, и уткнулась в какой-то фолиант. Невилл достал пирожки:

- Кто-то будет? Бабушка пекла.

- Я буду, спасибо, - у меня в последние два месяца чудовищно вырос аппетит, хотя внешне это на мне никак не отразилось. Я все еще была почти тощей - для того, чтобы называться стройной или тонкой, моей фигуре не хватало по парочке килограммов тут и там. Костлявые коленки, костлявые локти, ребра как стиральная доска, никаких вторичных половых признаков - хотя ими успели обзавестись большинство моих ровесниц. Не то, чтобы я очень переживала - скорее, недоумевала, как моему телу удается сжигать столько калорий. Что-то я не замечала, чтобы Люпин столько ел.

- Ум-м, как вкусно... Никогда бы не подумала, что твоя бабушка готовит, - единственный раз, когда я видела Августу Лонгботтом, запомнился мне надолго. Почтенная леди в шляпе с чучелом ястреба едва сдерживалась, чтобы не огреть лаковой алой сумочкой продавца во "Флориш и Блоттс", потерявшего ее заказ. Сильным, хорошо поставленным голосом она отчитала его, как ребенка, а потом обернулась к нам с таким грозным видом, что я лихорадочно начала припоминать, все ли домашнее задание выполнила.

- Она у меня крайне противоречивая натура, - согласился Невилл. - Между прочим, не знаешь, кого взяли вместо профессора Люпина?

Ремус уволился, чтобы, как он выразился, "привести в порядок собственные дела". Формулировка расплывчатая, но посвященные знали, что за ней скрывается: Люпин хотел как можно скорее достигнуть взаимопонимания со своим волком. У него перед глазами была я - яркий пример того, как все могло бы быть, если бы он с самого начала проявил к зверю хоть каплю доверия и уважения. Относясь к волку, как к врагу, двадцать с лишним лет, он сам стал для него врагом, и теперь ему предстояло приручать самого себя - да, вот такая вот лента Мёбиуса.

- Не знаю. По крайней мере, двадцать седьмого августа, когда папа бывал в Хогвартсе, никто назначен не был.

- Мы что, останемся без преподавателя? - не понял Драко. - Почему крестный больше не подавал заявление? Папа говорит, раньше он каждый год просил назначить его вести ЗОТИ.

- Думаю, сейчас ему не до этого - там, в его новой лаборатории, еще столько материала... - протянула Гермиона.

- Ну да, - согласилась я. - Не волнуйтесь, Дамблдор в самый последний момент назначит кого-нибудь... занятного. Скучать не придется.

- Это точно, - проворчал Драко. В купе заглянул Крэбб, за ним

маячил Гойл.

- О, пирожки! - обрадовались они. Невилл широким жестом предложил:

- Угощайтесь.

Ребята сели, немного потеснив Драко, и синхронным движением протянули руки к выпечке. Сопя и жуя, Гойл сообщил:

- Мы решили в этом году пробоваться на отбивал.

- Угу, - подтвердил Винсент. - Как считаете, у нас хорошие шансы?

Я прикинула: так, бывшие слизеринские отбивалы окончили школу, а кроме Винса и Грэга на их факультете нет никого такого рослого и мускулистого. Уже сейчас четырнадцатилетние парни могли сойти за семнадцати - восемнадцатилетних. Что будет дальше - я боялась представить. Два Хагрида, не иначе.

- Я бы на вас поставила, - признала я. Винс просиял:

- Спасибо! Кстати, о квиддиче: вы были на Кубке мира?

Разговор окончательно и бесповоротно перешел на тему квиддича, и я была рада, что так случилось: так было гораздо проще заглушать в себе плохие предчувствия.

А они у меня были - шрам странно вел себя в последнюю неделю, не болел, но ныл, как разболевшийся зуб. Это могло значить только одно: где бы он ни был, Волдеморт активизировался. Похоже, в этом году меня ждет сюрприз...

Сидя за пиршественным столом, мы наблюдали за распределением.

- Неужели мы когда-то были такими же маленькими? - пробормотал Невилл. Я подавила смешок: мой друг здорово вытянулся этим летом, догнал в росте меня, но был намного крепче и мощнее. Куда только девалась детская пухлость... Вот разве что только щеки остались круглыми.

- Я тебе больше скажу: Грэг и Винс когда-то были такими!

Мы дружно захихикали.

Дамблдор постучал ложечкой по кубку, вставая.

- О, сейчас будет Речь, - толкнул меня в бок Невилл. Я послушно замолчала.

- А преподавателей все еще на одного меньше, чем следует, - хмыкнул он.

- Я рад видеть вас снова в школе чародейства и волшебства Хогвартс! И у меня есть для вас два объявления прежде, чем вы начнете набивать свои желудки. Во-первых, профессор Люпин не будет вести ЗОТИ в этом году, - возмущенный ропот показал, насколько студенты любили оборотня. Черт, ему было бы приятно...

Дверь Большого зала отворилась со страшным скрипом,

совпавшим с особенно сильным раскатом грома за окном. Все потрясенно замолчали, а я удивилась: когда это двери Большого зала скрипели?

Человек в черном промокшем плаще ступил на порог и остановился, чтобы откинуть капюшон. У него оказались почти седые волосы, обрамляющие лицо львиной гривой, и ужасные шрамы, уродующие одну щеку. Левого глаза не было, его заменял странного вида искусственный - больше обычного, быстро вращающийся в глазнице. Стоило ему сделать шаг, как все смогли увидеть, что он одну ногу ему заменяет деревянная, похожая на куриную лапу. Его суковатый посох неприлично громко стучал по мрамору, когда пришелец направился прямиком к преподавательскому столу.

- А вот и вы, Аластор, - как ни в чем не бывало, поприветствовал его Дамблдор. - Вы как раз вовремя. Разрешите представить: Аластор Грюм, ваш новый преподаватель ЗОТИ! - радостно обратился он к залу. Все хранили настороженное молчание.

- Могу поспорить, он не просто так опоздал, - шепнула я Невиллу. - Решил обставить свой вход поэффектней.

- Да уж, у него это вышло куда лучше, чем у Локхарта.

- Зато Локхарт феерично выходил, - фыркнула я, и Невилл захохотал в голос, но тут же осекся под свирепым взглядом МакГоннагал. Впрочем, это не помешало ему хихикать тихонько, закрыв рот рукой - думаю, вся школа помнила, как Локхарта забирала бригада медиков из Мунго, а он пытался подергать за бороду Дамблдора и назвал гриффиндорскую деканессу букой.

- И второе объявление, - продолжал между тем Дамблдор. - В этом году квиддич отменяется.

- Как?! - хором ахнули студенты.

- Он явно придумал что-то поинтересней, - заявила я, и оказалась права.

- В этом году Хогвартс будет принимать у себя гостей из Дурмстранга и Бобатона. При поддержке Министерства Магии мы решили возродить давнюю традицию и провести Тремудрый турнир - соревнование, в котором традиционно брали участие претенденты от трех старейших магических школ. Делегации Дурмстранга и Бобатона прибудут завтра, и я прошу вас принять их погостеприимней. Ну, налетайте!

Столы покрылись кубками, тарелками, блюдами и блюдцами со всякой разной снедью, но почему-то привычные мне блюда в большинстве своем отсутствовали.

- Похоже, хогвартские эльфы решили разнообразить наше меню, - пробурчала я. Невилл с подозрением глядел на странные

бурые камни на ближайшей тарелке.

- Это что?

- Устрицы, Невилл, устрицы, - вздохнула я. - Я их как-то у Малфоев пробовала.

Открыв одну раковину специальным ножом, я продемонстрировала ему содержимое.

- Ну и гадость! - серединка моллюска больше напоминала чей-то плевок.

- Полагается высосать содержимое и сказать, что это вкусно, - назидательно сказала я. - Но ты прав, это гадость. Не верится, что кто-то может постоянно это есть.

- А это что? - теперь его заинтересовало другое незнакомое блюдо.

- Это салат в сырной корзинке. Вот это, кстати, вкусно. А это лучше не ешь, иначе Тревор от тебя сбежит.

- Почему? - не понял друг.

- От страха. Это лягушачьи лапки.

- И ты такое ела?! - поразился Невилл. Не знаю, что пугало его больше - мысль о том, что кто-то мог отрезать лягушке лапки, или о том, что их можно потом съесть.

- Ела. И пришла к выводу, что наша кухня нравится мне гораздо больше.

Моя волчица была полностью со мной согласна, и я накормила нас привычным бифштексом и картофелем. А вот воздушные пирожные оказались выше всех похвал.

Глава 4

Итак, стихи растрогали меня и в ответ я дарю вам подарок: выкладываю неотбеченный фик. По мере работы моей бесценной беты главы будут, естессно, перевыкладываться.

Поскольку сегодня после обеда мы встречали гостей, уроки сократили, и нам пришлось только отсидеть пару у Биннса и сварить с папой Напиток Живой Смерти -- он обожал после лета дать задание посложнее.

Наскоро перекусив, все желающие -- а нежелающих не оказалось -- выстроились у главного входа в две колонны. Погода была премерзкая, моросил мелкий дождичек, и мы с Гермионой бессовестно жались спинами к доброму теплому Невиллу.

-- Интересно, на чем они прибудут? -- спросила она, согревая дыханием замерзшие руки.

-- Вряд ли на метлах или "Хогвартс-экспрессе", -- сказал Невилл. -- Вообще у каждой школы обычно свой вид транспорта. Может, для них сняли антиаппарационный щит или сделали портал до Хогсмида.

-- Я вчера читала о Тремудром Турнире, -- решила поделиться

впечатлениями Гермиона. -- Знаете, почему его прекратили проводить?

-- Без понятия.

-- Число жертв возросло настолько, что общественность возмутилась.

-- Жертв? -- не поняла я. -- Они что, с драконами соревновались?

-- Ну, почти. На одном из турниров в задачу участников входило сразиться с василиском.

-- Они там в своем уме? -- поразился Невилл. -- Да нас с Гарри чудом... В общем, я хочу сказать, что не стал бы участвовать в Турнире ни за какие коврижки.

-- Я, пожалуй, тоже. Хочу хоть один спокойный год, а сейчас есть все шансы, что гости отвлекут внимание от моей скромной персоны. Пусть всяких Наследников и вообще одиозных личностей ищут среди них.

Мы ждали уже довольно долго, но ни дурмстранговцев, ни бобатонцев не наблюдалось.

-- А они не слишком пунктуальны, -- заметил кто-то в толпе, и МакГоннагал шикнула на него.

-- Там! -- закричал вдруг какой-то шестикурсник-рейвенкловец, указывая в сторону Запретного леса. По небу летело нечто большое и квадратное, стремительно увеличиваясь в размерах, а спустя пару минут стало понятно, что это гигантская карета, запряженная шестеркой огнедышащих лошадей. Конские копыта величиной с тележное колесо выворачивали огромные комья земли, пока они везли карету от опушки леса к воротам. Подбежавший Хагрид немедленно взял животных под уздцы, а Дамблдор взмахнул палочкой и наколдовал красный ковер под ноги долгожданным гостям.

Первой на землю ступила поистине великая женщина -- добрых трех метров росту. Она была обута в лаковые туфельки, и ковер пришелся как нельзя кстати -- вода неминуемо испортила бы обувь великанши. Ее большие глаза с поволокой обежали толпу и остановились на Дамблдоре.

-- Дамбледорр, -- поприветствовала она его и протянула для поцелуя ручку с унизанными превосходными опаловыми перстнями пальцами.

-- Мадам Максим, -- чмокнул предложенную конечность директор. -- Рад приветствовать вас в Хогвартсе.

-- Кагкагов уже здесь?

-- Нет, он тоже опаздывает, -- прямо эталон тактичности! Мадам Максим скривилась и поплотнее запахнула на груди тонкую шелковую мантию. Из кареты тем временем вылезло

полтора десятка подростков в таких же шелковых мантиях, но светло- и темно-голубых. Они явно мерзли и утеплялись, как сумели: кто-то закутал голову ажурным шарфом, кто-то надел две мантии -- из-под верхней, форменной, у некоторых выглядывала парадная. И почему было не предупредить людей о зверском шотландском климате?

-- Хогошо, что у Дамбледорра такой конюший, -- одобрительно посмотрела бобатонская мадам на Хагрида. -- Моим коням нужна твегдая гука.

-- Ну, -- смутился Хагрид. -- Вообще-т я преподаю, уход за магическими существами, да, но за вашими лошадками пригляжу.

-- О, -- поняла свою ошибку мадам Максим. -- Тогда я спокойна за них. В гуках такого опытного человека не стгашно оставить животных. Между пгочим, они пьют только ячменный виски.

Продрогших бобатонцев увела в замок наша профессор Спраут -- они должны были жить в специально отремонтированных комнатах Южной башни.

Дурмстранговцев мы ждали еще минут десять, но оно того стоило: прямо посреди Черного озера вдруг вспучился гигантский пузырь, с треском лопнул и на водной глади закачался самый настоящий "Летучий Голландец".

-- Они превратили корабль в портключ! -- ахнула Гермиона. Да, пожалуй, это было впечатляюще.

По трапу к нам спускалось около двадцати студентов, возглавляемых директором, одетым в роскошную серебристую шубу до пят. У него были блестящие глаза-маслины, козлиная бородка и бархатный льстивый голос, и он сразу мне не понравился.

-- Дамблдор! Как я рад вас видеть! -- заговорил он, и я увидела, какие желтые и кривые у него зубы. Неужели колдуну так сложно заняться своей внешностью?

Дамблдор между тем радостно потряс коллеге руку, будто пытался ее оторвать. Рука оказалась привинченной плотно, и в ответ крепко тряхнула директорскую.

-- Каркаров! Добро пожаловать!

В отличие от бобатонцев, дурмштранговцы оделись в добротные пушистые шубы, и терпеливо дожидались конца церемоний. Среди них я вдруг увидела смутно знакомое лицо, и мои догадки тут же подтвердились: студенты заозирались, стали перешептываться и едва ли не тыкали пальцем в Виктора Крама, болгарского ловца, который, как оказалось, еще учился в школе.

-- Я думала, он старше, -- пожала я плечами. Гермиона

пояснила:

-- Ему недавно исполнилось восемнадцать.

-- Давно ты заделалась фанаткой Крама? -- ехидно прищурила я глаза. Подруга только покраснела, но промолчала.

Наконец директора сообразили перейти в более теплое помещение и мы смогли вернуться в свою гостиную. Дурмштранговцев поселили в слизеринских подземельях, и Крам просидел там до ужина, хотя другие гости с любопытством осматривали замок. По-моему, он ненавидел фанатов лютой ненавистью и старался как можно меньше с ними общаться. Судя по глупому хихиканью особей женского полу от третьего до седьмого курсов включительно, ему предстоял исключительно тяжелый год.

К ужину прибыли еще гости: Бегмен, как глава департамента спорта, и строгого вида пожилой маг, оказавшийся Бартемиусом Краучем, главой департамента магического сотрудничества. Интересно, что помешало ему прийти на Кубок мира? Фадж не попал бы в дурацкое положение с болгарским министром, и не был бы вынужден общаться с ним на пальцах.

Бобатонцы отогрелись, размотали свои шарфы и оказалось, что все они на редкость хорошенькие, что юноши, что девушки. По-моему, некоторые из них даже вели свое происхождение от вейл, и наши студенты шеи сворачивали, стараясь рассмотреть француженок, севших за стол Рейвенкло. Дурмштранговцы оказались все, как на подбор, высокие и крепкие, их бордового цвета мантии очень напоминали мне аврорскую форму, хотя и были поцивильней. Они предпочли стол Слизерина.

Представив всем Крауча и Бегмена, Дамблдор начал пир. С содроганием посмотрев на поглощающих буйябес французов, я погрызла ногу какой-то птицы и напилась соку(апельсинового, между прочим -- тыквенный больше не гсподствовал на хогвартском столе). Десерт был представлен таким разнообразием, что у меня глаза разбежались, и захотелось попробовать все и сразу. Наконец, с праздником желудка было покончено, столы опустели, и Дамблдор поднялся для произнесения Речи.

-- Наступил торжественный миг, -- сладко улыбнулся он. -- Сейчас на ваших глазах в зал внесут Кубок Огня -- старинный артефакт, созданный для выбора чемпиона от каждой школы. Филч!

Завхоз, по такому случаю нарядившийся в траченный молью фрак, внес на вытянутых руках деревянный ларец, инкрустированный жемчугом. Он поставил его на стол перед Дамблдором. Тот трижды постучал по крышке ларца, и откинул

ее. Все затаили дыхание. Дамблдор достал деревянный кубок, не примечательный ничем, кроме синих языков пламени, наполнявших его. Поставив Кубок Огня на стол, он заговорил.

-- Кубок будет помещен в холл, и в течении суток любой желающий сможет бросить в него бумажку со своим именем и названием школы. Но я должен предупредить вас: для предотвращения несчастных случаев во время прохождения чемпионами испытаний было решено ввести возрастное ограничение. Только совершеннолетние колдуны смогут принять участие в Турнире. Чтобы ни у кого не возникло соблазна сжульничать, я проведу вокруг Кубка возрастную черту. Итак, каждый участник Турнира будет обязан пройти три испытания -- и они ни коем случае не будут простыми и легкими в исполнении. Бросая свое имя в Кубок, вы заключаете с ним магический контракт, так что трижды подумайте, достанет ли вам сил, умения и мужества пройти этим путем до конца. Обратного хода не будет.

Он вышел на середину пустого пространства между преподавательским и студенческими столами, и водрузил Кубок на принесенную Филчем высокую подставку.

-- Как думаешь, кто будет от Хогвартса? -- спросил Невилл, внимательно изучая Кубок.

-- Не знаю, -- я не могл вот так сходу назвать конкретное имя. Если брать Хаффлпафф -- то, возможно, Диггори. Других старшекурсников я знала хуже и слабо представляла, на что они способны.

-- Ну и ладно, -- пожал плечами Невилл. -- Через сутки узнаем.

В дверях я, как на зло, столкнулась с неприятным Каркаровым, выводившим своих подопечных. Волк во мне вздыбил шерсть и глухо заворчал, и я поспешно отвела глаза -- иногда мне не удавалось контролировать их цвет. Странно... Первый человек после Паркинсон, на которого я так реагирую.

-- Поттер? -- внезапно спросил Каркаров, и я с вызовом посмотрела в его бегающие глазки. Какого черта он зовет меня чужим именем?

-- Вообще-то Снейп.

-- Вы мешаете пройти, Каркаров, -- хрипло заметил кто-то позади меня. Я потянула носом воздух -- виски, шерсть и дерево.

-- Вы? -- попятился Каркаров. Грюм вышел из-за моей спины и насмешливо подтвердил:

-- Я. Посторонитесь.

Действительно, за нами уже образовалась небольшая пробка. Непочтительно подтолкнув Каркарова, я наконец смогла

присоединиться к Невиллу и Драко, жаждавшему поделиться впечатлениями от общения с гостями.

Глава 5

Первой парой был урок по ЗОТИ, и я ждала его с нетерпением. Грозный Глаз Грюм был отставным аврором, и должен был быть хорошим учителем -- по крайней мере Тонкс неплохо о нем отзывалась. Он преподавал в академии, и мне было не совсем понятно, почему он ушел оттуда и стал работать в Хогвартсе. Папа, правда, отозвался о нем как о совершенно спятившем на острожности, но я не сочла это за недостаток. Лучше перебдить, чем недобдить, правда?

Он вошел в класс подпрыгивающей походкой, когтистая деревянная лапа его громко щелкала по полу.

-- Уберите учебники, -- отрывисто скомандовал Грюм. -- Они вам не понадобятся.

Уткнувшись одним глазом в журнал, а вторым -- вставным -- оглядывая класс, он начал перекличку. Удостоверившись, что все на месте, он поднял на нас свой странный взгляд и сказал:

-- Профессор Люпин написал мне, что вы прошли гриндилоу, водяных, красных колпаков и прочих опасных тварей... Это хорошо. Но вы безнадежно отстали во всем, что касается самой опасной твари на свете -- человека. У меня есть год, чтобы подтянуть вас в области того, что один колдун может сотворить с другим.

-- А вы разве не останетесь? -- пискнула Гермиона.

-- Нет, -- усмехнулся краем перекошенного шрамом рта Грюм. -- Я тут ровно на год... Окажу любезность Дамблдору. Министерство считает, что вам рано еще знать о темных заклятьях, но Дамблдор считает иначе. Итак, заклятья. Кто из вас может сказать мне, какие темные заклятья караются наиболее тяжко?

-- Империо, -- сказал какой-то рейвенкловец. Грозный Глаз одобрительно кивнул и достал банку с тремя крупными пауками. Вытряхнув одного на стол, он поднял палочку:

-- Заклятие подвластия, подчиняющее разум другого человека. Очень хорошо. Империо!

Паук подпрыгнул, перекувыркнулся и, поджав передние пары лапок, отбил на задней паре чечетку. Раздались редкие смешки, и Грюм стукнул рукой по столу:

-- Вы думаете, это смешно? А если я проделаю то же с вами? Я мог бы заставить его заползти кому-нибудь из вас в горло! Заклятие подвластия доставило в свое время много неприятностей министерству -- попробуй определи, кто действует по своей воле, а кто -- по принуждению.

Убрав паука, Грюм выжидательно нахмурился:

-- Еще заклятья?

-- Круциатус, -- тихо сказал Невилл и до белизны в костяшках уцепился за крышку парты.

-- Твоя фамилия Лонгботтом? -- полувопросительно сказал Грюм, но не стал развивать мысль дальше. За что Невилл, несомненно, был ему благодарен. Вытряхнув следующего паука, он направил на него палочку:

-- Энгоргио! Вам надо рассмотреть все в подробностях. Круцио!

Алый луч ударил в брюшко паука и тот забился, задергался в конвульсиях. Будь у него голос, он бы вопил изо всех сил -- но я и так почти осязала волну боли и страха, идущую от членистоногого.

-- Хватит! -- Невилл был белее мела, и я крепко сжала его руку под партой, переключая внимание на себя. Грозный Глаз внял мольбам и прекратил мучения несчастного паука.

-- Еще заклятья?

Не дожидаясь, пока кто-нибудь ответит, я сказала на весь класс:

-- Авада Кедавра.

-- Авада Кедавра, -- повторил Грюм и стал сверлить меня обоими глазами сразу. Я не отвела взгляда, и он наконец сдался.

-- Кому как не тебе, Гарриэт, знать о третьем непростительном, -- усмехнулся Грюм. -- Смертельное проклятие, единственный выживший -- годовалый ребенок... Авада Кедавра! -- зеленый луч ударил в последнего паука из тройки и тот упал на спинку, поджав лапки, неподвижный и несомненно мертвый.

-- Вот так. Ни пощады, ни сожаления, ни противодействия. Авада Кедавра -- заклятье, требующее особенной мощи от выполняющего его колдуна. Даже если вы все разом нацелите на меня свои палочки и попытаетесь наложить на меня Аваду, у меня самое большее пойдет кровь из носу.

Ну, я бы не стала так уверенно заявлять об этом...

-- Все эти три заклятья являются непростительными и применение их к человеку карается пожизненным сроком в Азкабане. Я не могу научить вас противостоять двум вторым заклятьям, но вот с первым можно попробовать. Кто будет добровольцем?

-- Вы собираетесь наложить на кого-то Империо? -- поразилась Гермиона. -- Но вы же только что сказали...

-- У меня есть специальное разрешение Дамблдора использовать это заклятье в учебных целях. Итак?

Желающих не нашлось, и Грюм ткнул пальцем в первого

попавшегося. Бледный Финч-Флетчли вышел вперед и зажмурился.

-- Империо!

Повинуясь воле Грюма, Джастин влез на стол и продекламировал стишок о пушистом зайчике. Смешно не было никому.

После Джастина Ханна Аббот пела песенку, а Падма Патил танцевала.

-- Еще кто-нибудь?

Я решительно поднялась. Гермиона дернула меня за мантию, но было поздно.

-- Снейп? Отлично. Империо! Иди сюда.

Голос в моей голове настойчиво звал, просил подойти ближе, и я уже подняла ногу, но вмешалась волчица. С некоторых пор она с недоверием относилась ко всяким голосам, и уж точно не собиралась никуда идти. Этого мне хватило, чтобы сбросить наваждение.

-- Не пойду.

-- Империо! Иди сюда!

-- Я же сказала, профессор. Не пойду.

-- Империо! Сюда! -- Грюм аж затрясся от гнева, но я просто покачала головой. Он посверлил меня грозным взглядом, и неожиданно успокоился.

-- Превосходно. Может, ты объяснишь, как тебе удалось противостоять заклятию?

-- С удовольствием, -- я повернулась к аудитории. -- Все непростительные относятся к заклятиям, воздействующим непосредственно на разум объекта, и при должной концентрации возможно преодолеть их воздействие. Раньше у меня не было возможности проверить эту теорию, так что спасибо за предоставленный шанс.

-- Хочешь сказать, твоя воля оказалась сильнее моей? -- нахмурился Грюм.

-- Выходит, что так, профессор.

-- Считаешь, и Аваду можно блокировать? -- насмешливо спросил учитель.

-- Сознательно я этого пока не делала. Теоретически возможно все.

Больше он ни на кого Империо не накладывал, и весь остаток урока мы конспектировали его рассказ о классификации заклятий.

Когда он наконец отпустил нас, то подошел к Невиллу и предложил:

-- Может, останешься на чай, парень?

-- Спасибо, боюсь, профессор МакГоннагал этого не оценит, -- ответил Невилл и, прихватив сумку, сбежал из класса.

За обедом к нам подсел Рон.

-- У вас уже была ЗОТИ?

Получив утвердительный ответ, он взахлеб стал рассказывать, какой Грюм классный и как он ловко управляется с заклятьями.

-- ... и тогда он этого паука Авадой -- бац! И нету!

Я раздраженно бросила ложку, звучно плюхнув по овсянке.

-- Действительно, ловко. Бац -- и нету. Совсем нету. Нигде.

-- Ты чего? -- округлил глаза Рон, и получил ощутимый тычок в бок от Невилла. В глазах его мелькнула какая-то мысль, он охнул, уши его заалели и рыжий поспешил пересесть за свой стол.

Невилл с неодобрением глядел ему вслед.

-- Брось, -- сказала я. -- Это же Рон. Нельзя всерьез относиться ко всему, чт он говорит.

-- Проблема в том, что он сперва говорит, а потом думает, -- буркнул Невилл и сменил тему:

-- Как думаешь, многие уже бросили свои заявки в Кубок?

-- Ну, утром Каркаров привел всех своих подопечных, и мадам Максим тоже, так что остались только наши, -- припомнила я. Невилл завтрак проспал, так что строя дурмштрановцев и стайки бобатонцев не видел.

-- До вечера еще куча времени, -- он развозил по тарелке подливу, утратив аппетит после реплики Рона. -- Все желающие успеют. Ты слышала, чт близнецы Уизли угодили в Больничное крыло этой ночью? У них начался неконтролируемый рост седой бороды.

-- Переборщили со старящим зельем, -- равнодушно пожала я плечами. Наверное, их прельстил приз в тысячу галлеонов -- после Кубка мира Бегмен расплатился с ними гоблинским золотом, и оно ожидаемо растаяло к утру.

-- Смотри, погода явно улучшается, -- задрал голову к потолку Невилл. Дождик закончился, и тучи рассеялись, хотя небо еще оставалось хмурым. Можно будет сегодня ночью выбраться на прогулку -- обещания надо выполнять, особенно данные самой себе.

-- Ага.

-- В Запретном лесу должно быть хорошо.

Я недоуменно воззрилась на Невилла -- как он узнал, о чем я думаю? И то, что я прочла в его карих спокойных глазах, заставило меня отвести взгляд и промолчать.

-- Ребята! -- нас с разбегу обхватила руками за плечи Гермиона. -- Нам отменили прорицания -- Трелони нехорошо себя

чувствует. Она передала задание и просила прощения, что мы остались без очередного "познавательного" урока.

-- Здорово, -- с энтузиазмом подхватил Невилл. -- Где там задание? Давай сюда!

Гермиона обрадованно плюхнула на уже свободный от тарелок стол кипу книжек.

-- Нам нужно составить гороскоп самому себе -- на этот год.

Сперва я честно пыталась разобраться в хитросплетении символов и планет, но спустя полчаса почувствовала, что в голове моей клубится туман -- совсем как в хрустальном шаре. Зря я, наверное, оставила в этом году Прорицания -- мне и без них было бы чем заняться. Плюнув на все, я закрыла книгу и принялась вдохновенно строчить:

-- Итак, начнем, м-м-м, с Юпитера и предательства. Далее, Марс предвещает мне опасность обжечься -- чем грустнее прогноз, тем Трелони приятней. Потом... потом Венера во втором доме -- значит, мне предстоит пережить сердечную утрату. О, она оценит... Еще мне грозит опасность от воды -- влияние Нептуна, ах, шалун... Не пойду купаться в Черном озере. Сатурн повернется ко мне задом и принесет встречу со старым врагом, где мои шансы на победу будут ничтожно малы -- поскольку численный перевес будет на его стороне.

-- Гарри! -- пораженно выдохнула Гермиона, а Невилл, последовав моему примеру, немедленно дописал едва начатый прогноз. Правда он, в отличие от меня, пророчить себе ужасов не стал -- только душевные переживания и успех, в конце-концов.

Мимо нас прошествовал Седрик Диггори, прямой наводкой топавший к кубку. Под завистливыми взглядами младшекурсников он бросил бумажку в Кубок и сел с нами.

-- Зря квиддич отменили, кнопка, -- вздохнул он. Я погрызла перо и глубокомысленно заявила:

-- Зато ты уйдешь непобежденным.

Диггори мечтательно закатил глаза и вдруг засмеялся:

-- А как здорово было бы выиграть кубок школы два года подряд! Оба года капитанства.

-- Ну, может, тебе еще достанется Кубок Тремудрого Турнира. И приз в тысячу галлеонов.

-- Может, -- не стал скромничать Диггори. -- Что это, гороскоп? Ух, как мрачно, -- он положил на место мой пергамент и легонько дернул за косичку:

-- Ладно, я на урок.

-- Седрик! -- окликнула я его.

-- Что?

-- Ты не в курсе, нам не запрещено летать?

-- Да нет, не запрещено, а что?

-- Не хочу потерять форму, -- пожала я плечами.

-- Это правильно, -- кивнул он. -- Я скажу ребятам, пусть не бросают тренировки. Может, тебя выберут капитаном в следующем году.

-- Вот уж не было печали, -- пробурчала я, глядя ему вослед.

На наших глазах свои заявки бросили в Кубок гриффиндорка Джонсон и слизеринец Уоррингтон.

Глава 6

К ужину снова прибыли Крауч и Бегмен, уже в качестве судий. С ними приехала и Скитер -- в ядовито-зеленом костюме, вооруженная Принципиарным пером. Ну, сегодня она получит свою сенсацию -- одни гости чего стоят.

Когда в зал вошел Хагрид, мы пережили небольшой культурный шок -- лесничий где-то откопал коричневый маггловский костюм и навел марафет, в кои-то веки расчесавшись и подровняв бороду-веник. От него за милю шибало одеколоном, но в целом хагрид выглядел вполне презентабельно. Мадам Максим, во всяком случае, поглядывала на него весьма благосклонно.

Зал понемногу заполнялся. Я сколдовала "Темпус" -- двадцать четыре часа истекали через минут сорок с небольшим.

Наконец все расселись по своим местам и начался пир.

-- Интересно, чем закончится ухаживание Хагрида? -- Невилл наблюдал за обоими полугигантами, ворковавшими о чем-то вполголоса.

-- Ну, если он не будет мямлить и телиться -- ребенком с полцентнера весом.

Кубок выбросил пару искр, и Дамблдор поднял руку. Все застыли в ожидании, а я стиснула кулаки, болея за Седрика -- мне хотелось, чтобы чемпионом оказался наш, хаффлпаффец.

-- Кубок огня вот-вот примет решение, -- начал Дамблдор. -- Думаю, ему требуется еще минута. Когда имена чемпионов станут известны, попрошу их подойти к столу и проследовать в комнату, примыкающую к залу. -- Он указал на дверь позади профессорского стола. -- Там они получат инструкции к первому туру состязаний.

Он вынул волшебную палочку и широко ей взмахнул; тотчас все свечи в зале, кроме тех, что горели на столах, погасли. Зал погрузился в полутьму. Кубок огня засиял ярче, искрящиеся синеватые языки пламени ослепительно били по глазам. Но взгляды всех все равно прикованы к Кубку, кое-кто поглядывает на часы...

-- Осталась одна секунда, -- сказал Ли Джордан. Пламя вдруг

налилось красным, взметнулся столп искр, и из Кубка выскочил обгоревший кусок пергамента. Зал замер.

Дамблдор, протянув руку, подхватил пергамент, освещенный огнем, опять синевато-белым, и Дамблдор громким, отчетливым голосом прочитал:

-- «Чемпион Дурмстранга -- Виктор Крам».

Зал содрогнулся от грохота аплодисментов и восторженных криков. Виктор Крам поднялся с места и, ссутулив плечи, вразвалку двинулся к Дамблдору повернул направо и, миновав профессорский стол, исчез в соседней комнате.

-- Браво, Виктор! Браво! -- перекричал аплодисменты Каркаров, так что его услышал весь зал.

Постепенно шум в зале стих, внимание всех опять приковано к Кубку. Пламя вновь покраснело, и Кубок выстрелил еще одним куском пергамента.

-- «Чемпион Шармбатона -- Флер Делакур!» -- возвестил Дамблдор.

Девушка, из тех, похожих на вейл, легко поднялась со стула, откинула назад волну белокурых волос и летящей походкой прошла между столов Гриффиндора и Рейвенкло.

-- Вы только гляньте, как они расстроены! -- воскликнула Ханна, кивнув в сторону стола, где сидели шармбатонцы.

Расстроены -- слабо сказано: две девушки, спрятав лицо в ладони, плакали навзрыд. Флер Делакур удалилась в соседнюю комнату и зал опять утих. Но напряжение, казавшееся осязаемым на ощупь, усилилось. Осталось только узнать чемпиона Хогвартса.

Все опять повторилось. Огонь покраснел, посыпались искры. Из Кубка вылетел третий кусок пергамента. Дамблдор поймал его и прочитал:

-- «Чемпион Хогвартса -- Седрик Диггори».

-- Да! -- завопили все наши, вскакивая со своих мест. Другие факультеты приветствовали Седрика сдержанными аплодисментами.

-- Ура! -- орали мы все, подпрыгивая от полноты чувств. Красный и довольный Седрик поспешил присоединиться к двум другим чемпионам, а мы кричали и свистели ему вслед. Дамблдор стоял и ждал; вот наконец зал угомонился, и он, довольно улыбаясь, начал вступительную речь:

-- Превосходно! Мы теперь знаем имена чемпионов. Я уверен, что могу положиться на всех вас, включая учеников Шармбатона и Дурмстранга. Ваш долг -- оказать всемерную поддержку друзьям, которым выпало защищать честь ваших школ. Поддерживая своих чемпионов, вы внесете поистине неоценимый

вклад...

Дамблдор внезапно остановился, и все сразу поняли почему.

Кубок огня вдруг покраснел. Посыпались искры. В воздух взметнулось пламя и выбросило еще один пергамент.

Дамблдор не раздумывая протянул руку и схватил его. Поднес к огню и воззрился на имя. Повисла длинная пауза. Дамблдор смотрел на пергамент, весь зал смотрел на него. Наконец он кашлянул и прочитал:

-- «Гарриэт Снейп».

Я сидела как громом пораженная. Услышанное не укладывалось у меня в голове. Как в тумане, понукаемая Дамблдором, я встала и прошла туда, где только что скрылся Седрик.

Оказавшись в небольшой жарко натопленной комнате, я застыла у порога. Виктор Крам, Седрик Диггори и Флер Делакур стояли у камина. На фоне яркого пламени их темные силуэты выглядели до странности внушительно. Крам, ссутулившись и о чем-то сосредоточенно думая, притулился к каминной полке. Седрик заложил руки за спину и глядел на огонь. Флер Делакур, откинув назад волну белокурых волос, повернулась ко мне.

-- В чем дело? -- спросила она. -- Надо вернуться в зал?

-- Кнопка! -- обрадовался невесть чему Седрик и тут же насторожился:

-- Что случилось?

Ответить ему я не успела -- в комнату с похоронными лицами вошли Дамблдор, Крауч и Бегмен, за ними спешили разъяренные папа, Каркаров и мадам Максим.

И тут я наконец отмерла:

-- Я не бросала своего имени в кубок! -- заорала я, перекрикивая ругающихся папу и Каркарова. -- Я не желаю участвовать в Турнире! Вы же говорили, что несовершеннолетний не может стать чемпионом!

Больше всего мне хотелось взять Дамблдора за грудки и хорошенько встряхнуть, и я схватила себя за запястье, чтобы не наделать глупостей. Северус встал на мою сторону:

-- Моя дочь не будет участвовать в этом опасном для жизни предприятии!

-- Дамбледорр! -- негодовала мадам Максим. -- Она слишком маленькая! Она не смочь вынесть испытаний! -- от волнения француженка почти забыла английский.

-- Неслыханное оскорбление, -- вторил ей Каркаров. -- Ноги моей завтра тут не будет!

-- Бросте своего чемпиона, Каркаров? -- нахмурился Крауч. -- Как бы там ни было, контракт заключен, и его следует исполнять.

-- А если я откажусь?

-- Вы рискуете своей магией, юная мисс, -- поджал губы Крауч. -- Хотите стать сквибкой?

-- Я еще не уверена, что мертвая колдунья лучше живой сквибки, -- не собиралась сдаваться я.

-- Ну-ну, -- примирительно поднял руки Дамблдор. -- Гарри, ты преувеличиваешь. Смертельная опасность никому не грозит.

-- Я бы не был так уверен, -- в комнату вошел Грюм. -- Вам что, действительно неинтересно, кто бросил имя Гарри в Кубок? А ведь он, несомненно, хотел подвергнуть ее опасности -- четверокурсница не знает и половины тех заклятий, что семикурсник.

Как ни странно, это отрезвило меня. Ошибаясь на мой счет, Грозный Глаз напомнил мне, что я все-таки сильна и сведуща в колдовстве -- может, даже намного сильнее остальных чемпионов. Другое дело, что я вовсе не желала снова оказываться под прицелом журналистов и фанатов.

-- А я рассчитывала прожить год спокойно... -- тоскливо протянула я, подбираясь к папе и опираясь на него спиной. Устроители ругались, чемпионы поглядывали на меня с недоумением. Диггори медленно подошел:

-- Гарри, это правда? Кубок выбрал тебя? А я?

-- Ты чемпион Хогвартса, Седрик, все нормально, -- успокоила я его. -- Это я так, сбоку припеку, я ведь деж заявки не бросала.

-- Правда?

Я тяжко вздохнула. Северус смерил Диггори презрительным взглядом:

-- Моей дочери незачем лгать, мистер Диггори.

Реакция на решение Кубка оказалась весьма любопытной: Седрик погрузился в размышления, Крам бросал на меня сочувственные взгляды, а Флер Делакур буквально взбесилась, узнав, что будет не единственной девушкой на турнире, и устроила безобразную истерику, требуя признать меня обманщицей и немедленно отчислить из школы. Если бы взглядом можно было испепелять, то я давно осыпалась бы к папиным ногам сиротливой серой кучкой праха, а прическу мою от порчи явно спасло только присутствие преподавателей -- маленькие когтистые кулачки то и дело судорожно ссжимались, стоило только Флер глянуть в мою сторону. Видимо, не зря бобатонцы недолюбливают свою соученицу -- характерец у нее мерзейший. Прикусит язык -- еще, чего доброго, отравится...

Между тем спор разгорался все жарче. Каркаров требовал зажечь Кубок еще раз, чтобы дать возможность Бобатону и Дурмстрангу, мадам Максим собиралась подавать жалобу в

международный совет колдунов, а Грюм настаивал, чтобы проверили Кубок -- его несомненно одурачили каким-то сложным заклятьем.

Наконец они пришли к единому решению и повернулись к нам.

-- Решение Кубка опротестовать нельзя, -- подытожил Дамблдор. -- Так что тебе, Гарри, придется состязаться вместе со всеми. Причину данного... инцидента будет выяснять министерская комиссия. А сейчас, Крауч, огласите правила.

-- Первый тур проверит вашу смекалку, -- принялся за объяснения Крауч. -- Мы не посвящаем вас в то, какое испытание вам предстоит. Для волшебника крайне важно действовать смело и находчиво в неожиданных обстоятельствах. Первый тур состоится двадцать четвертого ноября в присутствии зрителей и судейской бригады. Участникам Турнира воспрещается принимать от учителей хоть какую-то помощь. Единственное оружие чемпиона -- волшебная палочка. По окончании первого тура вы получите инструкцию для второго. Учитывая затраты сил и времени для подготовки к Турниру, чемпионы освобождаются от годовых экзаменов. По-моему, это все, Альбус? -- повернулся Крауч к Дамблдору.

-- Да, все. -- Директор Хогвартса взглянул на Крауча с легким беспокойством. -- Может, Барти, вы переночуете в замке?

-- Меня ждут дела в Министерстве. У нас сейчас непростые времена.

Нас наконец отпустили. У выхода их комнаты нас пыталась подловить Скитер, но я уговорила ее подождать до завтра, прекрасно видя, что никто из чемпионов не жаждет общения с представительницей прессы. Делакур моей помощи не приняла, и отправилась беседовать с Ритой (спорю на что угодно, скоро она пожалеет об этом), а вот Крам благодарно пожал мне на прощание руку и спешно скрылся в хогвартских коридорах. Сейчас мне как никогда хотелось оказаться в тепле камина, на своем подоконнике, и я поспешно последовала за Седриком.

Несомненно, Грюм прав. Кто-то хочет меня убить, и придумал для этого поистине нетривиальный способ. Кубок могло обмануть только мощнейшее заклинание Конфундус -- но наложить его мог кто угодно в замке или даже в министерстве, имеющий соответствующий доступ. Я сразу отмела студентов -- это им не по зубам. Старые преподаватели тоже отпадали -- я слишком хорошо их изучила, чтобы подозревать. Дамблдор и Грюм -- от них я могла ожидать что угодно. Каркаров и мадам Максим -- хотя француженка вряд ли, решила моя волчица. Она пахла правильно. И Грюм пах правильно -- как тот, что не станет бить в

спину. Доверять я ему не доверяла, но на такую подлость он казался неспособен.

При виде нас с Седриком шум в гостиной смолк, и я затаила дыхание. Если Седрик сейчас...

-- Ну, чего все такие кислые? -- спросил он с порога. -- У Хаффлпаффа два чемпиона, и вдвое больше шансов на победу!

Высоко вздернув мою руку, он ослепительно улыбнулся и шепнул:

-- Как ты там в прошлом году раздобыла сливочное пиво?

Облегченно выдохнув, я послала Лэнни в Хогсмид, и веселье забило ключом.

-- Спасибо, Седрик, -- я вместе с ним принимала поздравления и раздавала дежурные улыбки.

-- Да не за что, кнопка, --усмехнулся он мне. -- Ты ведь помнишь, что превыше всего ценила Хаффлпафф?

-- Трудолюбие?

-- Дружбу, кнопка. Дружбу. И плюнь в глаза тому, кто скажет тебе другое.

Поздно ночью я наконец смогла выскользнуть из гостиной. Под мантией-невидимкой я пробралась в туалет Плаксы Миртл и спустилась в Тайную комнату, откуда по подземному ходу выбралась в лес. Обернувшись, я с упоением покаталась по траве и начинавшим опадать листьям, а потом устремилась в чащу. Я бродила там добрых несколько часов, оставив позади школу, Турнир и подозрения. Здесь и сейчас были только я и лес, и тонкий серпик луны в чернильном небе.

Глава 7

Я проснулась с рассветом под корнями вывороченной ели. Пора было возвращаться в школу.

Когда я, переодевшись, поднялась на первый этаж, в Большом зале обнаружился только Крам, в одиночестве восседавший за слизеринским столом.

-- Можно? -- спросила я, встав рядом.

-- Мошно, -- он довольно приветливо посмотрел на меня и спросил:

-- В котором часу у вас подают завтрак? У нас привыкли вставать на рассвете.

-- Наши спят до восьми -- полдевятого, -- махнула я рукой. -- Идем, я тебя кое с кем познакомлю.

-- Ты ведь Гарри, верно? -- он безропотно последовал за мной.

-- Ага. А ты -- Виктор. Победитель.

-- Что? -- переспросил он. Я пояснила:

-- С латыни твое имя переводится как "победитель". Неплохо для участника турнира.

-- А, ну да. Ты и правда не бросала заявку в кубок?

-- Я похожа на дуру? Мне четырнадцать, зачем мне состязаться с вами?

Крам предположил:

-- Деньги, слава.

-- Спасибо, мне хватает и того, и другого. Последнего даже с избытком.

Он заинтересованно глянул на меня:

-- Ты местная знаменитость?

Мы остановились у лестницы, ведущей в наши подземелья -- и кухню.

-- Скорее, мировая -- если сделать вот так, -- я подняла со лба густую челку и Виктор изумленно открыл рот.

-- Ты -- Девочка-которая-выжила!

-- А ты -- Мальчик-который-играет-в-большой-квиддич. Ненавижу это дурацкое прозвище, -- скривилась я и потащила Крама в кухню. Домовики пришли в восторг и немедленно накрыли нам стол, уставив его всякой всячиной.

-- Здесь в любое время суток посвященный может получить все, что угодно, -- я представила Крама Лэнни и попросила оказывать всяческое уважение гостю.

-- Покажешь своим, вдруг пригодится.

-- Почему ты так приветлива со мной? -- поинтересовался Крам. Я пожала плечами:

-- А почему нет? Ты не проявлял по отношению ко мне ни враждебности, ни неуважения -- в отличие от Делакур. Потому я и спасла тебя от Скитер вчера вечером, и накормила завтраком сегодня.

Крам застонал и опустил длинный нос, едва не утопив его в чашке с чаем.

-- Журналистка. Она ведь вернется сегодня?

-- Не переживай, Рита -- свой человек. Я попрошу -- и она напишет только то, что ты захочешь ей сказать. Она родственница моего лучшего друга.

Виктор просветлел лицом:

-- Я буду у тебя в долу.

-- Брось, -- махнула я рукой. -- Это не стоит внимания.

-- О, Гарри! -- к нам заглянул Диггори. Они с Виктором обменялись рукопожатиями и представились друг другу.

-- Знаешь, а ведь Гарри прошлым летом в точности повторила твой трюк с финтом Вронского, -- заметил Седрик, намазывая маслом булочку. Крам скептически поднял брови, я нахмурилась:

-- Седрик, ты преувеличиваешь. Скорость Виктора мне и не снилась.

-- Только потому, что тебе незачем развивать ее -- все наши до сих пор летают на "Чистометах".

-- Слизеринцы на "Нимбусах", -- не согласилась я.

-- А у тебя что? -- поинтересовался Виктор.

-- "Молния". Да, мой крестный очень меня любит, -- сказала я, заметив его удивление. Вообще-то "Молния" была метлой для профессионального спорта, и его удивление было закономерно.

-- Скажу по секрету: над стадионом ежегодно обновляют особые чары, чтобы не позволять игрокам развивать слишком большую скорость, -- поделился Седрик. Виктор заинтересовался:

-- У вас есть квиддичное поле?

-- Естественно!

-- Ну, у бобатонцев, например, нет, -- пожал плечами болгарин. -- Покажете, где оно? Не хотелось бы потерять форму.

-- Обязательно, -- заверил его Седрик. В дверь просунулась лисья мордочка Скитер.

-- А, вот вы где! -- обрадовалась она. -- "Пророк" уже выпустил мою статью о вчерашнем и интервью с француженкой -- ну и вредная девчонка! Теперь ваша очередь, милые, -- пропела она. -- Как замечательно: завтрак соперников, почти домашняя обстановка...

-- Рита, тебя несет, -- осадила я ее. -- Выпей чашечку кофе, полегчает.

-- Гарри, ты бессердечная, -- фыркнула она. -- Это была бы бомба!

-- Пожалуйста, пиши о Флер все, что тебе вздумается, но нас не трогай. Седрик в этом деле совершенно неискушен, а Виктора и так все достали.

-- А ты, милочка? -- осведомилась журналистка. Я послала ей самую сладкую улыбку из всех имеющихся в моем арсенале.

-- А вот со мной ты сможешь побеседовать долго и плодотворно, и я поведаю тебе, как бедненькую Гарри обманом заставили участвовать в Турнире.

-- Так ты не бросала свое имя в кубок? И не просила кого-нибудь сделать это? -- навострила уши Скитер. Я кивнула. Рита радостно потерла руки:

-- Крауч-Крауч-Крауч... Будем копать под Крауча!

Поскольку Крауча лорд Малфой не упоминал в числе полезных людей, я с чистой совестью отдала его Рите. В конце-концов он и правда виноват.

-- Покопай еще под Бегмена -- он жульничал на Кубке мира, расплачиваясь по ставкам лепреконским золотом. Подробности можешь выяснить у близнецов Уизли, они на Гриффиндоре, пятый курс. Свои варианты интервью мы отдадим тебе вечером.

А, да: побеседуй с Грюмом, он наш преподаватель ЗОТИ. Профессор расскажет тебе много любопытного о способах обмануть кубок и, уверена, выдаст штук десять догадок насчет виновника.

Рита сцапала со стола пару булочек и ускакала искать Бегмена -- на свою беду, он остался ночевать в замке и намеревался пожить тут какое-то время. Краучу повезло.

-- Лихо ты с ней, -- покачал головой Крам. -- Я так не умею.

-- Я же говорила, Рита -- свой человек. Если надо, я помогу вам обоим с интервью, -- предложила я, и мы условились встретиться в библиотеке после обеда.

Все студенты смотрели на меня настороженно, кроме хаффлпаффцев. Наверное, не выйди я к завтраку с Седриком мод ручку и не сядь с ним рядом, мне объявили бы бойкот -- совсем как на втором курсе. А так он прикрыл меня и развернул ситуацию на сто восемьдесят градусов -- уже к вечеру большинство успели поздравить нас обоих и выпросить автографы. Колин Криви и его младший брат Деннис, поступивший в этом году на Гриффиндор, так вообще преследовали нас до тех пор, пока не сфотографировали минимум раз десять. Кстати, волчице моей Колин понравился -- пусть он и бывал порой назойливым, но ощущался как предельно светлый и добрый человечек.

В статье Риты оказалось много недомолвок и вопросов, ответы на которые она обещала дать в следующем номере, а Флер журналистка выставила истеричной и завистливой глупышкой -- и, как я заметила, большинство бобатонок были весьма рады этому факту. Кажется, Делакур не пользуется у своих особой популярностью... Но не стоит ее недооценивать -- Кубок ведь выбирал достойнейших.

Наметив план интервью, я стала поджидать Седрика и Виктора. Вместе со мной сидели Невилл, Гермиона и Драко -- писали эссе для Грюма по непростительным.

Парни появились в окружении стайки поклонниц, то ли викторовых, то ли седриковых, а может, и тех и тех сразу. Уселись за наш стол и я представила Краму своих друзей (Гермиона отчаянно покраснела -- да что с ней, в самом деле?). Показав план, я согласовала его с ребятами и мы быстренько набросали для Риты свои интервью. Придется еще сфотографироваться для "Пророка" -- Рита обещала вечером привести с собой колдографа.

В окно мы видели, как мадам Максим в лаковых модельных туфельках ковыляет по косогору к сторожке Хагрида.

-- Она водит знакомство с вашим профессором? Может,

выведывает что-то? -- нахмурился Крам.

-- Хочешь, я познакомлю тебя с Хагридом, и ты сам у него все выведаешь, -- полушутя предложила я Виктору. Он только улыбнулся и снова уткнулся в пергамент со статьей.

Я перевела взгляд с него на Гермиону и мне все стало понятно. Ну-ну, Герми, ну-ну... Должна признать, что общение с леди Малфой пошло ей на пользу -- моя подруга стала приделять своей внешности куда больше чем десять минут в день. Кто знает, вдруг из этого что-то хорошее получится?

Волчица во мне с интересом подняла морду. Она такими вещами пока не интересовалась -- я уже выяснила, что у самок волков зрелость наступает в два года, но поведение Гермионы одобрила. Самка не должна навязываться, считала она. Пусть самцы дерутся, а мы тогда посмотрим, кто сильнее.

Вечером прискакала Рита, весь день успешно преследовавшая Бегмена. С ней пришел чудаковатый мужчина неопределенного возраста, вооруженный колдокамерой -- он сфотографировал нас с разных ракурсов и отправился проявлять пленку. Мы отдали обещанное и разошлись, довольные друг другом.

На следующий день мы имели удовольствие наблюдать зеленую от бешенства Флер -- она с упоением разодрала на мелкие клочочки газету с хвалебной статьей на три страницы, воспевавшей трех чемпионов турнира, проиллюстрированной великолепными фото: на них Крам выглядел суровым и могучим молодым мужчиной, Седрик -- юношей-мечтой всех девушек Англии, а я -- милой девочкой-симпатяшкой, которую хотелось погладить по головке и угостить конфетой. На нашем фоне Делакур, подловленная в тот момент, когда ей на мантию кто-то капнул соком, выглядела мегерой -- и очень четко просматривалось ее вейлинское происождение. Черты лица заострились, глаза гневно горят, ноздри раздуваются -- прелесть!

Глава 8

Жизнь вошла в свою колею, и наши гости больше не вызывали такого ажиотажа у студентов. Они вместе со всеми ходили на занятия, ели в Большом зале, смеялись, говорили и не отличались ничем, кроме цвета мантий и акцента.

Виктор и Седрик незаметно влились в нашу компанию и, по-моему, не ощущали никакого дискомфорта, общаясь с младшими. С Крамом оказалось замечательно летать -- защитные заклятья никто и не подумал обновить, и метлы разгонялись а полную скорость. У Виктора тоже оказалась "Молния" -- и в первый раз мы долго выясняли, кто же лучше исполняет финт Вронского и прочие полетные фигуры. Драко принес тот самый глаз, с помощью которого записывал реакцию Дамблдора на первом

курсе, и мы имели возможность просмотреть наш полет, сравнивая технику. Оказалось, что с моими новыми реакциями и силой я почти не уступаю Виктору -- и то только потому, что он тренируется на пять лет дольше.

Крам оказался простым и приятным в общении парнем, совершенно неизбалованным славой. Как он признался, в школе его никто не считает знаменитостью, и поблажек не делает -- это только на летних каникулах или спортивных сборах его преследуют папарацци. Если бы я не видела Виктора на квиддичном матче, никогда бы не поверила, что он занимается спортом -- у него была совершенно нетипичная для квиддичиста костлявая фигура (словно на крупных костях еще не успело нарасти достаточно мяса) и неуверенные движения. Словно на земле ему было неуютно...

Гермиона смотрела на него, как на личное божество, и я все спрашивала себя, понимает ли это Виктор. К ее чести, подруга не пыталась кокетничать или заигрывать с ним, и это выгодно выделяло ее на фоне фанаток. Виктор будет дураком, если не обратит на нее внимания.

Расследование "инцидента" с Кубком зашло в тупик: установили, что на него был наложен Конфундус, но кто это сделал, оставалось загадкой -- слишком много рук трогало ларец на пути к Хогвартсу.

Грюм продолжал изучать с нами заклятья, и был весьма доволен успехами. Неустанно напоминая о необходимости быть бдительными, он рыскал по Хогвартсу даже ночью, и мне в моих вылазках стоило большого труда не попасться. Что-то мне подсказывало, что его вставной глаз превосходно видит сквозь мантию-невидимку.

Хэллоуин прошел весело -- бобатонцы подбили всех нарядиться в маскарадные костюмы, и за ужином сидели упыри, тролли и прочая нечисть. Луна нарядилась в фиолетовую мантию, приделала на голову антеннки и утверждала, что она мозгошмыг, а Гермиона прицепила белые крылья и изображала маггловского ангела. Драко и Астория, не сговариваясь, нарядились фейри -- но первый вовсе не был рад этому обстоятельству. Он весь вечер избегал Асти и смотрел на меня тоскливым взглядом, а я дала себе обещание не оставаться с ним наедине. Ничего хорошего из этого не выйдет.

Вечером Гермиона захотела пойти со мной на мою почти ежевечернюю вылазку, и я забрала ее от гостиной Рейвенкло.

Подождав, пока я набегаюсь и обернусь в человека, подруга спросила:

-- Как считаешь, я нравлюсь Виктору?

-- Если учесть, что ты единственная девушка кроме меня, с которой он хочет общаться, то весьма вероятно.

-- Возможно, ему нравишься ты, -- заявила подруга.

-- Даже если и так, то мне нравится совершенно другой человек, -- призналась я, ложась на траву. Ноябрь выдался необычно теплым, и ночной воздух пах палой листвой. В небе зажигались звезды, и мне было хорошо, как только могло быть, учитывая ситуацию в целом.

-- Кто?

-- Неважно. Я не могу быть с ним.

-- Почему? Ты ему не нравишься?

-- Нравлюсь. Просто мы из разного круга.

-- Это Драко? -- догадалась Гермиона, и я поаплодировала ей.

-- Браво. Ты всегда была умницей. А теперь скажи, почему у меня с ним не сложится, хоть ему и до смерти хочется признаться мне в любви.

Гермиона грустно погладила меня по распущенным волосам:

-- У него есть невеста, и тебе нравится Астория. Ты не хочешь причинять ей боль, а она в Драко влюблена. А если бы не было Астории, то против тебя работает твое происхождение.

-- Совершенно верно, Гермиона.

-- Давно? -- спросила она. Я задумалась.

-- Всегда, наверное. Он понравился мне еще в первом классе, и чем больше я его узнавала, тем больше притягивалась. Он полная моя противоположность, и поэтому так меня влечет. Но я считаю, что этого недостаточно для того, чтобы бросать вызов обществу. А ты? С чемпионата?

Подруга засмеялась:

-- Да. Я увидела Виктора в небе и впервые пожалела, что не умею так летать на метле. Глядя на него, понимаешь, что небо может быть для кого-то жизнью.

-- Для него? Не для меня? -- уточнила я.

-- Нет. Ты летаешь здорово, не спорю, но небо для тебя просто хобби. Тебе больше идет ночной бег по Запретному лесу, -- в душе я согласилась с ее выводами. -- А Виктор -- словно буревестник. Эти птицы совершенно неуклюжи на земле, небо -- их стихия.

-- Да, я понимаю, -- протянула я, переворачиваясь набок и всматриваясь в гермионин профиль. Ее губы были изогнуты в грустной усмешке.

-- Что же мы такие невезучие? -- вздохнула она. Я предрекла:

-- Вот увидишь, он тебя еще на Святочный бал пригласит, и мы выберем тебе самую красивую мантию. И вы будете танцевать вальс, и все станут смотреть на тебя и завидовать, а Виктор поймет, что ты самая-самая, если до сих пор еще не понял.

-- Твоими бы устами... -- засмеялась успокоенно подруга. -- А ты?

-- И я не пропаду.

Она помолчала немного и спросила:

-- Ты знаешь, что Невилл давно влюблен в тебя?

-- Знаю. Он мой лучший друг и я очень ценю его. На самом деле, я не знаю, что бы я без него делала. Но Невилл из породы тех хороших верных парней, в которых не влюбляются. Понимаешь, о чем я?

Гермиона рассмеялась:

-- О, мне кажется, понимаю! Ты о том, что Невилл недостаточно яркий, а надежность и верность начинаешь ценить гораздо позже. Умом ты понимаешь, что Невилл лучше Драко, но сердцу не прикажешь.

-- Именно так. Именно.

Помолчав немного, Гермиона смущенно спросила:

-- А ты уже целовалась с кем-нибудь?

Меня разобрал смех:

-- Когда бы я успела? Герми, ты как скажешь иногда...

Мы еще долго секретничали о своем, о девичьем, и разошлись по спальням только около четырех утра -- благо, завтра была суббота и мы могли выспаться.

В одну из таких вылазок я услышала в лесу странные звуки. Пойдя на шум, я увидела огромный загон, вокруг которого суетились люди, а над ними возвышался... Огромный, нет, даже гигантский черный дракон выгибал змеиную шею и кричал в небо низким горловым криком. Он бил шипастым хвостом, и норовил развернуть кожистые крылья.

-- Ну, вместе! Три, четыре! Ступефай! -- драконологи совместными усилиями пытались усмирить животное. Завороженная зрелищем, я подошла настолько близко, насколько смогла, и засела в кустах, частично обернувшись, чтобы иметь возможность лучше видеть. Желтый глаз с вертикальным зрачком уставился в мою сторону, и на секунду показалось, что дракон меня видит.

-- Хагрид, назад! -- крикнул один из драконологов, и я только теперь обратила внимание, что у загона стоит Хагрид со своей французской мадам.

-- Ты же знаешь, эта выдыхает огонь на пятнадцать метров!

-- Не завидую я тому чемпиону, что будет иметь дело с хвосторогой, -- покачал головой Хагрид.

Я рассмотрелась: рядом с черной красавицей в загонах помещались еще три дракона. Один был алым, с шипастым воротником вокруг толстой шеи и почти круглым туловищем.

Второй, зеленый, напоминал диковинную зубастую птицу на мощных лапах. И, наконец, последний, серебристо-голубой, красовался огромными острыми рогами.

-- Давайте вместе усыпляющее! Ну!

-- Отключись! -- искры заклятья осыпали мощную шкуру, и дракон неуклюже рухнул на землю.

-- Мы привезли их ночью, накачали снотворным, думали, для них лучше будет проснуться в тишине и темноте, а вон оно как обернулось... С чего это они взбесились -- непонятно, -- одним из приезжих драконологов оказался Чарли Уизли, и он охотно болтал с Хагридом, пока мадам Максим неспешно прохаживалась перед загонами.

Зато я знала, что так не понравилось драконам -- запах Запретного леса, полного опасных хищников.

-- А что надо будет сделать чемпионам? -- спросил Хагрид. Чарли помялся, но ответил:

-- По-моему, просто пройти мимо дракона. Нас попросили привезти непременно самок с кладками, уж не знаю, что там организаторы задумали... Зря ты привел ее, Хагрид. Она же своей чемпионке все расскажет, нечестно выйдет. К тому же надо будет вытянуть из мешочка обьемную фигурку дракона, она сможет наощупь определить самого безопасного.

-- Ну, я просто подумал, Оливии понравится, -- простодушно пожал плечами полувеликан.

Да уж. А как понравится Флер... при мысли о том, как лощеная француженка будет сражаться с драконом, я радостно осклабилась. Могла бы -- потерла руки. За неимением рук повиляв хвостом, я потрусила к оставленной у тайного хода мантии и туфлям.

Глава 9

Сегодня должен был прибыть Олливандер для церемонии проверки волшебных палочек. Специально для этого случая я достала из сундука свою палочку с пером феникса -- не показывать же Олливандеру палочку без сердцевины.

Рита и Людо Бегмен уже ждали нас в той самой комнатке рядом с Большим залом, весьма неприязненно поглядывая друг на дружку. После статьи Скитер Бегменом занялась министерская комиссия по должностным злоупотреблениям, и он в ускоренном порядке вынужден был выплатить выигрышы всем, кто ставил на победу Ирландии. Близнецы были довольны -- им причиталось около полутора сотен галлеонов.

Вместе с нами в комнату вошли и директора. Рита немедленно подскочила к Дамблдору:

-- Как поживаете? Надеюсь, вы видели мою летнюю статью о

Международной конференции колдунов?

-- Отменно омерзительна, -- блеснул очками Дамблдор. -- Особенно меня потешил мой собственный образ выжившего из ума болтуна.

Скитер нимало не смутилась.

-- Я только хотела подчеркнуть старомодность некоторых ваших идей и то, что многие простые волшебники...

-- Был бы счастлив узнать подоплеку ваших инсинуаций, Рита, -- сказал Дамблдор, -- но боюсь, придется перенести нашу беседу на другое время. Сию минуту начнется церемония проверки палочек.

Четвертый и последний судья, Крауч, занял свое место за длинным столом рядом с мадам Максим, Рита с Принципиарным пером пристроилась у камина. Мы уселись рядком у стены, причем Флер села на самый краешек скамьи, подальше от нас троих.

-- Позвольте представить вам мистера Олливандера, -- обратился к чемпионам Дамблдор, заняв место за столом судей. -- Он проверит ваши палочки, дабы убедиться в их готовности к турнирным сражениям.

Олливандер так хорошо сливался со стеной, что я раньше его не заметила.

— Мадемуазель Делакур, начнем с вас, если не возражаете. — Мистер Олливандер вышел на середину класса.

Флер Делакур легкой походкой, рисуясь, подошла к нему и протянула палочку.

— Хм-м, — протянул Олливандер, повертел ее в длинных пальцах как дирижерскую палочку. Из палочки посыпался сноп розовых и золотых искр. Мастер поднес ее к глазам и внимательно рассмотрел. — Ясно, — сказал он спокойно. — Двадцать сантиметров, не гнется, розовое дерево. Боже милостивый! Содержит...

— Волос с головы вейлы, моей гран-маман.

— Да... да, — сказал Олливандер. — Я никогда не использовал для палочек ее волос. Слишком уж они получаются темпераментные. Но каждому свое, и если она вам подходит...

Мастер пробежал пальцами по палочке, проверяя, нет ли царапин или каких-нибудь неровностей.

— Орхидеус! — воскликнул он. Из палочки выскочил букет орхидей, которые он протянул Флер. — Мистер Диггори, ваша очередь.

Флер полетела на свое место, по пути одарив Седрика неприязненным взглядом.

— А-а, узнаю свое изделие, — заметно оживился мистер

Олливандер, беря палочку Седрика. — Прекрасно ее помню. Содержит один волос из хвоста уникального экземпляра жеребца-единорога — около двух метров в холке. Чуть не проткнул меня рогом, когда я дернул его за хвост. Тридцать пять сантиметров, ясень, хорошая упругость. Регулярно ее чистите?

— Вчера вечером полировал, — улыбнулся Седрик. Я взглянула на свою палочку — полировка потускнела, у кончика какое-то пятно. Попыталась полой мантии незаметно стереть их -- из нее сразу же посыпались золотистые искры. Черт, совсем забыла! Флер Делакур свысока глянула на меня, и я применила беспалочковую магию, приводя свое имущество в порядок.

Олливандер выпустил из палочки Седрика серебристую спираль дыма на всю комнату, остался ею вполне доволен и пригласил на середину комнаты Крама.

Виктор Крам встал, повел плечами, ссутулился и вразвалку подошел к мастеру. Протянул палочку и, сунув руки в карманы, нахмурился.

— Хм-м. Ежели не ошибаюсь, творение Грегоровича? Прекрасный мастер, хотя стиль не совсем тот, какой... Ну, это ладно...

Он поднес палочку к глазам и тщательно рассматривал ее, вертя так и этак.

— Да... саксаул и сухожилие дракона? — метнул он взгляд на Крама.

Крам кивнул.

— Толстовата, довольно жесткая, двадцать семь сантиметров... Авис!

Палочка из саксаула выстрелила как ружье, из дула выпорхнула стайка щебечущих птичек и вылетела в окно навстречу солнцу.

— Отлично, — сказал Олливандер, возвращая Краму его палочку. — Кто у нас еще остался?.. Снейп!

Я поднялась с места, прошла мимо Крама и протянула свою палочку.

— О-о! — расцвел мистер Олливандер, глаза его вдруг вспыхнули. — Я очень хорошо ее помню.

Еще бы. Я ее тоже никогда не забуду -- после того, как чуть не сожгла папин шкаф с ее помощью.

Мистер Олливандер изучал мою палочку дольше всех. Наконец пустил из нее фонтан вина и возвестил, что палочка по-прежнему пребывает в безупречном состоянии.

— Благодарю всех, — сказал стоящий за судейским столом Дамблдор. — Идите на занятия. Хотя, пожалуй, можете идти обедать, урок вот-вот кончится...

-- А снимки, Дамблдор, снимки! — заволновался Бегмен. — Всех судей и участников! Что вы скажете, Рита?

— Да, конечно. Сначала всех вместе, — она впилась взглядом в Делакур, — а потом по отдельности.

Фотографу пришлось изрядно потрудиться. Мадам Максим заслоняла всех, какой ракурс ни возьми, а ему некуда было отойти, чтобы великанша попала в кадр. В конце концов ей пришлось сесть, а все остальные встали вокруг. Каркаров наматывал на палец козлиную бородку, чтобы получился еще один завиток. Крам, привыкший фотографироваться, занял место позади, не хотел выпячиваться. Фотограф желал выдвинуть на первый план Флер, но Рита опередила его, поместив в центр меня. А когда снимок был готов, настояла, чтобы нас сняли еще и по отдельности.

Наконец нас всех отпустили, и я смогла уволочь парней в библиотеку.

-- Так что такого архиважного ты хотела нам поведать? -- спросил Седрик.

-- Сегодня ночью я гуляла в лесу... Нет, не спрашивайте, что я там делала, это не имеет отношения к делу. Главное, что я наткнулась на инвентарь для первого испытания.

-- И что же это? -- заинтересовался Крам. Я вытащила из сумки присланную Сириусом книгу -- мне пришлось спешно связаться с ним, чтобы добыть нужные сведения.

-- "Драконология", -- прочел Седрик. -- Ты серьезно?

-- Более чем. Валлийский зеленый, китайский огненный шар, шведский тупорылый и на закуску венгерская хвосторога. Привезли самок со свежими кладками, и я готова поспорить на что угодно, что в их гнездах спрячут предмет, который нам необходимо будет достать. Хагрид водил мадам Максим посмотреть на драконов, так что Делакур предупреждена. Ребята, я не хочу, чтобы вас вынесли с поля на носилках!

-- Будто мы хотим, -- проворчал Седрик. -- Что делать будем?

-- Я всю ночь изучала все, что только есть об этих породах. Все, кроме хвостороги, плюются огнем на семь метров максимум, а венгерка -- на все пятнадцать. Честно говоря, я вообще не нашла у нее слабых мест. С моей везучестью... -- протянула я. Виктор насмешливо взглянул на меня:

-- Думаешь, тебе достанется хвосторога?

-- Вполне вероятно. Итак, слабое место каждого дракона -- глаза. Хвосторогу этим не возьмешь, у нее слишком длинная шея. Еще есть уязвимое место вот здесь, -- ткнула я пальцем в изображение дракона. -- Между грудными пластинами, где главный нервный узел. Если попасть сюда, можно парализовать

дракона на минут двадцать. Вчера я видела, как к ним применяли усыпляющее заклятье, но для полного эффекта понадобились усилиия тридцати драконологов.

-- Ничего себе, -- присвистнул Крам и оглянулся на мадам Пиннс. Та только головой покачала.

-- Значит, грудь и глаза. А для хвостороги ни то, ни другое.

-- Ага, -- подтвердила я. И тут меня осенило.

-- Ребята! На каком расстоянии у вас работают Манящие чары?

Парни переглянулись, затрудняясь ответить.

-- Быстро за мной, -- приказала я.

-- У тебя есть план? -- поинтересовался Седрик.

-- Есть, -- кивнула я на бегу. -- Совершенно авантюрный, но есть. Все зависит от того, насколько хорошо вам удается Акцио.

Я привела их на квиддичное поле, где должно было состояться завтрашнее испытание.

-- И что мы тут делаем? -- недоуменно спросил Крам. -- И причем тут Акцио?

-- Сперва сконцентрируйтесь и попытайтесь призвать сюда любую вещь из вашей спальни. Живо, ребята, живо!

Они пожали плечами, но поочередно стали призывать вещи из своих сундуков. Скоро выяснилось, что Седрику не удается приманить ничего тяжелее учебника по чарам, а Виктору -- носка. Я вздохнула: придется делать все самой.

-- Ясно. Тогда вытаскивайте кого угодно, кроме хвостороги.

-- Каким образом? Почему? -- одновременно спросили ребята. Я объяснила:

-- В мешочек будут сложены обьемные фигурки драконов, хвосторогу вы легко узнаете по шипастому хвосту и длинной шее. Оставьте ее мне, я разберусь.

-- Уверена?

-- Абсолютно.

-- Нам тоже не хочется, чтобы тебя вынесли с поля на носилках, -- внимательно всмотрелся в мое лицо Крам. -- Но я уважаю твое решение и верю, что ты осознаешь, что делаешь.

Седрик молча кивнул.

Ближе к вечеру меня перехватил Грюм.

-- Снейп, -- отвел он меня в уголок. -- Насчет завтрашнего испытания...

-- Я готова, профессор. Если вы хотите что-то посоветовать -- не надо, это запрещено.

Оставив аврора с замешательстве, я ушла. Северусу и друзьям я решила ничего не говорить, чтобы не волновать их раньше времени -- кому станет легче, если они не будут спать ночью от

волнения? Все равно они ничем не помогут.

Накинув мантию, я снова подалась в лес, посмотреть на завтрашнюю противницу. Хвосторога немного успокоилась, но все еще оставалась самой тревожной из всех драконих. Она то и дело задирала морду к небу и испускала истошный вопль, несомненно желая оказаться в родном питомнике.

Всласть побродив по лесу, я вернулась в теплую постельку и крепко проспала до рассвета.

У нас уже вошло в привычку завтракать втроем на хогвартской кухне. Сегодня Виктор и Седрик были взволнованы больше обыкновенного, но старались не показывать свою нервозность.

-- Придумали, что делать с драконами?

Они синхронно кивнули и я рассмеялась:

-- Вот и отлично. Я тоже готова. Мне кажется, Делакур вытащит норвежского тупорылого -- он самый флегматичный.

-- Мы тоже так подумали и распределили: мне китайца, Седрику зеленого, -- сообщил Виктор.

-- Под мантию подбирал? -- осведомилась я. Парни переглянулись и расхохотались:

-- Да, действительно, забавно получилось.

По случаю первого тура уроки отменили, и я бесцельно слонялась по замку в сопровождении Невилла.

-- Почему ты бегаешь от Драко? -- спросил вдруг он.

-- Что? -- резко обернулась я. Он терпелво повторил:

-- Драко просил меня поговорить с тобой.

-- А Гермиону не просил?

-- Насколько мне известно -- нет. А что?

-- Просто полмесяца назад она задала мне этот же вопрос. Ладно, я, так и быть, тебе отвечу, но попрошу не передавать мои слова Драко.

-- Хорошо, -- согласился Невилл. Мы стояли на вершине Астрономической башни, откуда открывался превосходный вид на квиддичное поле, где уже устанавливали искусственные скалы для испытания. Наверное, старались сымитировать естественную среду драконов, или же попросту наворотили камней, чтобы нам было где укрыться.

-- Драко выбрал меня объектом своей первой любви. Я не имею права питать его напрасные надежды, и потому стараюсь не оставаться с ним наедине, только в компании.

-- Почему тогда ты не поговоришь с ним и не обьяснишь все, как мне сейчас?

-- Я ведь тоже живой человек, Невилл, -- я постаралась не слишком горько вздыхать, но он и так все понял.

-- Ты тоже его любишь.

-- Не люблю -- влюблена. Это разные вещи. Но ты прав, и потому я буду оттягивать разговор, как сумею -- и надеяться, что он вообще не понадобится.

Невилл не стал спрашивать, почему я так рьяно отвергаю Драко -- либо понимал, либо не хотел так глубоко лезть в душу. Вместо этого он задал совершенно другой вопрос:

-- Зачем эти камни? Словно вам придется от кого-то прятаться за ними.

-- От драконов, -- рассеянно отозвалась я.

-- Драконы?! -- поразился Невилл. -- Они с ума сошли?

-- Все будет хорошо, -- успокоила я его. -- У нас есть замечательный, просто гениальный ПЛАН.

-- Ты знала заранее? Откуда?

-- Наткнулась на драконов во время прогулки. Флер тоже в курсе, так что я решила просветить и Виктора с Седриком.

-- Правильно, -- решил Невилл. -- Пойдем, скоро начнется.

Глава 10

На трибунах яблоку было негде упасть. Драконов пока не было видно -- наверное, тянут интригу до последнего. Нас встретила МакГоннагал, отправившая меня в палатку, а Невилла -- на трибуны.

Внутри уже были Флер, Седрик и Виктор, а также Бегмен в ужасной желто-черной полосатой мантии, делавшей его похожим на гигантскую осу.

-- Гарри! -- обрадовался он. --Ну вот, все в сборе!

Я заметила, что сегодня все предпочли сменить мантии на более удобные тонкие свитера и брюки, причем Флер и тут отличилась -- ее костюм сверкал блестками, складывавшимися на спине в герб Бобатона. Сама я надела то, в чем обычно тренировалась -- спортивные брюки и олимпийку черного цвета.

-- Итак, сегодня вашей задачей будет стащить золотое яйцо у охраняющего его стража, -- радостно возвестил Бегмен, потрясая мешочком из алого шелка. -- Здесь у меня фигурки, м-м-м... стражей, с которыми вам предстоит встретиться.

-- Добрый день, -- сверкнула улыбкой Скитер. -- О, я как раз вовремя! Сид! -- фотограф втиснулся следом за ней.

Бегмен скривился, но выгонять Риту не стал. Журналистка достала Принципиарное перо и приготовилась писать.

-- Леди, прошу вас, -- сказал Бегмен, растянув горловину мешочка ровно настолько, чтобы пролезла рука Флер. Она ожидаемо вытащила точную копию шведского тупорылого с биркой номер два на шее, извергнувшую холодный огонь. Дракон был совсем как настоящий, даже двигался, переступая

неуклюжими толстыми лапами по руке француженки. Разве что не мог подняться в воздух, как ни расправлял крылья, да есть не просил.

-- Норвежский тупорылый! -- возвестил Бегмен.

-- ... бобатонская чемпионка вовсе не кажется удивленной, -- вполголоса надиктовывала Рита. -- Возможно ли, что об испытании она знала заранее?

Флер разьяренно зашипела и поспешно отошла в угол.

-- На вполне резонный вопрос журналистки мадемуазель Делякур отвечать отказалась и поспешно сбежала...

-- Делакур! Моя фамилия Делакур, -- взвилась бобатонка.

-- Ну-ну, не будем ссориться, -- примирительно поднял руки Бегмен и предложил выбирать мне. Я радостно ухватилась за эту возможность -- если кто-то из ребят вдруг решит проявить геройство, его ждет разочарование. Опустив руку в мешочек, я ощупала фигурки и выбрала самую длинношеюю.

-- Венгерская хвосторога! -- обьявил Людо, и я отошла в сторонку попозировать фотографу, ссадив дракончика на плечо.

Следующим тащил Седрик, и, как было условлено, взял себе валлийского зеленого, а Виктору таким образом остался китайский огненный шар. Фотограф защелкал своим аппаратом, снимая нас троих по отдельности и вместе, а обиженная Делакур еле согласилась сделать групповой снимок. Такими мы и вошли в историю -- гордый Крам с китайским драконом на плече сложил на груди руки, рядом я, протягивающая в горсти к зрителю хвосторогу с самым загадочным видом, подле меня улыбающийся Диггори с валлийцем, уцепившимся за свитер у него на груди, и хмурая Флер, которая в следующую секунду испуганно подавалась назад, уворачиваясь отструи холодного пламени своего норвежца.

-- По свистку судьи вы будете выходить на арену, -- возвестил Людо. -- Мистер Диггори, приготовьтесь, вы первый.

-- Удачи, -- пожелали мы с Виктором Седрику. Тот поблагодарил кивком. Бегмен ушел, оставив нас самих, и мы напряженно вслушивались в шум за полотнищем. Вот раздался громовой рев, и Седрик несколько побледнел. Я ободряюще сжала его руку. Глянув на сидящую у меня на плече хвосторогу, Седрик криво улыбнулся.

-- Подержи, -- попросил он, передавая мне своего валлийца. И вовремя -- свисток позвал его на арену. Мы услышали, как снаружи взревели зрители. Значит, Седрик уже в загоне лицом к лицу с живой копией своего дракончика.

Это еще хуже, чем я представляла, — сиди вот так и слушай. Каждую попытку Седрика подойти к дракону зрители встречали

воем, криками и улюлюканьем. Виктор замер у полотнища, Флер, как ранее Седрик, расхаживала по палатке, а от комментариев Бэгмена недолго было и с ума сойти.

— Ну! Еще чуть-чуть... мимо!!! Он идет на риск! Давай же!!! Эх! Умный ход — жаль, не сработал!

Спустя пятнадцать минут оглушительный рев возвестил, что Седрик перехитрил дракона и схватил золотое яйцо.

— Превосходно! — кричал Бэгмен. — Молодец! А сейчас оценки судей!

Но результат комментатор не назвал, наверное, судьи показали оценки только трибунам. Вновь раздался свисток.

— Осталось трое! — провозгласил Бэгмен. — Мисс Делакур, прошу!

Флер дрожала с головы до ног, у меня даже шевельнулось внутри сострадание. Где-то глубоко-глубоко внутри...

Она покинула палатку с высоко поднятой головой, сжимая в руке палочку. Я и Крам остались вдвоем.

Все началось сначала.

— Не уверен, что это мудрая тактика! — доносился веселый комментарий Бэгмена. — Близко!!! Совсем близко!!! Ну, как так можно?! Внимательней надо! Черт!!! Думал, сейчас схватит!

Три минуты, и опять взрыв аплодисментов. Значит, Флер тоже справилась. Показывают оценки, тишина... очередная овация... и третий свисток.

— Мистер Крам, ваш выход! — объявил Бэгмен.

Виктор, ссутулясь, вышел, и я осталась одна.

— Вот это дерзость!!! Здорово!!! — кричал Бэгмен. Крики его заглушил жуткий рык китайского огненного шара, трибуны стихли. — Ну и нервы! Не человек, а машина! Да!!! Он схватил яйцо!!!

Аплодисменты сотрясли воздух, как будто разбилось огромное зеркало. Крам завершил раунд, настала моя очередь. Я аккуратно ссадила драконов на стульчик и прилепила заклятьем, чтобы не сбежали.

Я ждала. Вот и свисток. Я вышла из палатки, чувствуя, как адреналин начинает струиться в моих жилах, и, пройдя пару метров под оградой, оказалась на арене.

Все предстало передо мной, как во сне. С трибун на меня смотрели сотни лиц. В другом конце арены, как огромная курица на яйцах, восседала хвосторога. Крылья полураскрыты, свирепые желтые глазки уставились на злоумышленника. Громадный чешуйчатый хвост, как у ящера, и весь в пиках, бьет по земле, оставляя глубокие, метровой длины следы. Зрители шумели невообразимо. Пришла пора действовать...

Я подняла палочку и крикнула:

— Акцио «Молния»!

И стала ждать, всеми фибрами души надеясь, боясь... вдруг чары не сработают... вдруг она не явится...

Сработало! Волчица услышала, как мчит к нам наша «Молния», со свистом рассекая воздух, запрыгала от нетерпения. Бэгмен что-то крикнул, но я уже ничего не слышала... и зачем!

Перекинула ногу через метлу и взлетела. И ничего страшного. Просто еще один матч по квиддичу. Матч с очередным соперником — хвосторогой. Да, противник ужасен, но он мне по зубам. Волчица согласно зарычала, скалясь.

Сверху вниз глянула на кладку яиц, вон оно, золотое, блестит на фоне серых. Сохранности ради, все лежат между передних лап драконицы, сейчас не выглядящей особенно устрашающей.

— Отлично, — скомандовала я себе. — Тактика отвлечения... Вперед!

Я воша в пике, приблизилась на безопасные двадцать метров и резко вильнула в сторону -- как я и думала, струя пламени ударила в то место, где должна была оказаться моя метла со всадницей. Рыча от злости, хвосторога взлетела, и длинная цепь потянулась,разматываясь, за ней. Прикинув, что цепь не может быть настолько длинной, чтобы достать до трибун, я полетела в сторону ближайшей и зависла над головами восторженных зрителей, просчитывая траэкторию.

Хвосторога не стала гнаться за мной, села обратно, расправила крылья и накрыла ими кладку. Значит, вот так, да? Ну, мы тебя сейчас позлим...

Я принялась выписывать в воздухе петли и закладывать бочки, мельтеша у хвостороги перед глазами и успешно уворачиваясь от языков пламени. Кошачьи желтые глаза наливались кровью, и она не выдержала, взлетела, рыча, наверное, ругалась по-драконьи и явно собиралась отогнать меня от своих сокровищ.

Не теряя времени зря, я кинула метлу в штопор и понеслась прямиком на гнездо, на лету схватила яйцо и успела взлететь прежде, чем драконица приблизилась на опасное расстояние. Главное было не дать ей плюнуть в меня огнем, проносясь так близко, но это была вынужденная мера -- иначе многотонная туша не отвернула бы и раздавила собственную кладку.

Трибуны взревели, Бегмен что-то выкрикивал, но я не слушала: найдя взглядом бледного от волнения папу и сидящих рядом с ним Тонкс, Ремуса и Сириуса, я послала им общий воздушный поцелуй.

Снизившись, я попала в руки МакГоннагал, которая молча

указала мне на судейскую трибуну.

-- Судьи оценивают чемпионов по десятибалльной шкале, — пояснила она.

Первая судья — мадам Максим — подняла в воздух палочку. Из нее выскочила длинная серебристая лента и нарисовала большую цифру восемь. Зрители зааплодировали, а я подумала, что бобатонская директриса снизила мне оценку, чтобы продвинуть Флер.

Следующим был Крауч. Он дал мне девять баллов. Все ясно -- наверное, никому десять не поставил.

Дамблдор тоже очертил в воздухе девятку. А этот-то чего? Зрители ликовали еще пуще.

Людо Бэгмен поставил все десять.

Каркаров был последним. Помедлив, он взмахнул палочкой, и серебристая лента приняла очертания цифры четыре.

— Четверка?! — заорали с трибун. — Гнусный судьишка! Краму все десять выставил!

Но я только махнула рукой. Да пусть Каркаров хоть ноль ставит!

Покидала арену я в отличном настроении. Я жива, все живы -- вот что главное, а баллы -- ерунда.

У выхода меня перехватили друзья, и Рон поспешил рассказать, как справились остальные.

-- Ты была самой лучший! Седрик сперва запульнул в валлийца заклятьем, но тот увернулся, и тогда он применил заклятие трансфигурации и превратил камень в собаку. Хотел отвлечь на нее внимание дракона. Хорошая идея и почти сработала: яйцо-то он схватил, но дракон в последний момент предпочел собаке человека и обжег его. К счастью, Диггори успел отпрыгнуть. Эта Флер применила какие-то чары, сумела погрузить дракона в транс. Он оцепенел, но вдруг всхрапнул, и из пасти вырвалось пламя. Кофта Флер вспыхнула, но она залила огонь водой из волшебной палочки. Крам, не поверишь, ему даже в голову не пришло взлететь! Но, наверное, он второе место займет. Он каким-то заклятием засветил дракону прямо в глаз. Все было хорошо, только чудище заметалось от боли и передавило половину настоящих яиц. Виктору из-за этого снизили баллы.

Мы вошли в палатку, где уже сидели остальные участники. Кофта Флер и вправду была прожжена, а у Седрика одна сторона лица была густо намазана оранжевой противоожоговой мазью.

— Молодец, Гарри, — улыбнулся он.

— И ты молодец, — улыбнулась я в ответ.

— Вы все молодцы! — ворвался в палатку Людо Бэгмен, на

седьмом небе от счастья, как будто лично отнял у драконицы яйцо. — Я хочу вкратце изложить дальнейшие планы. До второго тура почти три месяца. Он состоится двадцать четвертого февраля в девять тридцать утра. Но за это время вам будет о чем подумать. Взгляните на золотые яйца, которые у вас в руках, видите, они открываются... вот петельки. Внутри яйца ключ ко второму заданию. Он поможет вам подготовиться. Все ясно? Уверены? Тогда отдыхайте!

Глава 11

Мы решили держаться втроем, и разделиться только в финале -- ведь в правилах не было сказано ничего о том, что участникам нельзя обьединяться, а три головы все же лучше, чем одна. Яйца мы попытались открыть сегодня же вечером, на праздновании нашей общей победы в гостиной Хаффлпаффа, куда по такому случаю снова сошлись все дурмстранговцы и наши друзья с других факультетов. Честь первой потянуть за петельку выпала мне как даме.

Едва яйцо раскрылось, как раздался жуткий вой, и все немедленно заткнули уши. Обеими руками захлопнув скорлупу, я облегченно вздохнула.

-- Какого черта? -- выразил Виктор нашу общую мысль.

-- Оно внутри полое, -- сообщила я. -- Так что подсказка -- этот визг.

-- Может, вам предстит сразиться с баньши? -- предположил Энтони Голдштейн.

-- После драконов-то? -- насмешливо глянул на него Терри Бут. -- Слишком мелко. Откройте другие, вдруг там что-то еще?

Но остальные два яйца также были пусты, и орали так же противно.

-- У нас есть время до февраля, -- пожала я плечами. -- Давайте праздновать!

Все с энтузиазмом откликнулись на мое предложение.

Поздней ночью, выходя на ежедневный моцион, я увидела проходящих по коридору папу и Тонкс. Северусова рука лежала на ее талии, и он что-то негромко рассказывал ей на ушко. Я припомнила, что фиолетововолосая аврорша присутствовала в качестве зрителя на состязании, и поздравляла меня потом в числе прочих желающих. Что ж, совет да любовь...

На следующий день пришли трудовые будни, и мы отправились на Уход к Хагриду. С наступлением холодов он стал выдавать лошадям мадам Максим двойную порцию виски, и это здорово отвлекало -- конюшня источала такие пары, что студенты попросту пьянели. А трезвая голова была нам ой как нужна -- мы работали с очередным шедевром животно-, а точнее,

монстроводчества -- соплохвостами. Это были те саые очаровательные зверушки, что скреблись когда-то в ящике, но теперь их было не узнать: очаровашки вымахали до трех метров, покрылись непробываемым панцирем и обзавелись устрашающей коллекцией из клешней, жвал, присосок на пузе и скорпионьего хвоста, из-под которого раз в минуту вылетало пламя, проталкивающее монстра вперед сразу на полтора-два метра. Мало того, что в начале учебного года мы выясняли опытным путем, что изволят кушать эти зверушки: жабий фарш, флобберчервей, тараканов или муравьиные яйца, так теперь Хагрид вдруг решил, что зверушки заскучали! Он, недолго думая, надел на них поводки и раздал нам по тварюшке, сказав выгуливать на тыквенной грядке за сторожкой. Тащась за бронированной зверушкой, я мрачно думала, что было бы лучше для всех передавить эту гадость во младенчестве, пока кто-то не покалечился.

На предсказаниях Трелони ожидаемо напророчила мне скорую гибель, а травология, на которой мы выдавливали гной бубонтюберов, довершила так здорово начавшийся день. Я даже подумала, что предпочла бы снова повстречаться с хвосторогой...

Дни шли за днями, я все так же избегала Драко, гуляла в лесу, учила уроки, летала с ребятами на квиддичном поле и почитывала регулярно присылаемые мне Ремусом книжечки из сириусовой библиотеки. Сам Сириус писал, что у него все просто прекрасно, что он наконец-то встретил женщину своей мечты и подумывает о женитьбе. Ремус о своей личной жизни не распространялся, но крестный упоминал, что тот не всегда ночует на Гриммо и порой явственно пахнет женским парфюмом, так что у него явно все было в порядке. Папа так вообще каждые выходные исчезал на целый день, возвращаясь непривычно умиротворенным, и даже перестал ежеминутно поносить устроителей турнира -- хоть после первого задания он и верил в то, что я справлюсь, но все же оставался возмущен до глубины души и волновался за меня. Он одобрил наше решение объединиться, только советовал не доверять всему, что будет исходить от Каркарова. По его словам, дурмстрангский директор был Пожирателем и очень себе на уме -- ради своей выгоды с легкостью мог пожертвовать и мной, и Крамом, и уж тем более Седриком. Я задумалась, не он ли в свое время заколдовал Кубок огня -- уж слишком рьяно он потом протестовал против моей кондидатуры и порывался ехать домой.

За две недели до Святочного бала, который должен был состояться в канун Рождества, началась настоящая истерия. Конечно, студенты и раньше ходили по школе, странно

присматриваясь друг к другу, но успели составиться считанные пары, и теперь каждая девушка буравила взглядом каждого встречного парня, настороженно выжидая. Ко мне то и дело подкатывал кто-нибудь из мальчишек, даже младшекурсники, и приглашал на бал, но я всем отказывала, не желая оказаться на весь вечер в распоряжении какого-нибудь смутного типа. Рон пригласил Ромильду Вейн, красивую блондинистую гриффиндорку (правда, мозгов у нее было маловато, зато на Рона она смотрела с обожанием). Седрик ангажировал рейвенкловку Чжоу Чанг, узкоглазую экзотическую красавицу, а Луна Лавгуд каким-то образом очаровала слизеринца Блейза Забини. Крэбб и Гойл, недолго думая, пригласили близняшек Патил и теперь, обрадованные неожиданной удачей, все свободное время разучивали танцы, не желая ударить в грязь лицом. Отличились близнецы Уизли -- они поочередно пригласили одну и ту же девушку, Анджелину Джонсон, а она, слегка подивившись забывчивости Фреда (или Джорджа -- не уверена, что девушка их различала), соглсилась. Когда все выяснилось, ребята здорово посмеялись, и приняли оригинальное решение -- идти втроем.

Гермиона с затаенной надеждой поглядывала на Крама, но тот почему-то медлил. Наконец он отвел меня в уголок и спросил, как я считаю, согласится ли Гермайони (так он выговаривал ее имя) пойти с ним на бал. Я вздохнула, покрутила пальцем у виска и сообщила, что она с сентября только об этом и мечтает. Окрыленный Крам убежал, а спустя четверть часа Гермиона порхала по Хогвартсу, провожаемая удивленными взглядами -- никто и подумать не мог, что Виктор пригласил "зубрилу и заучку".

Оставались без пары (из наших) только я, Невилл, Драко и Астория. Я не понимала, чего Невилл ждет -- неужели он рассчитывает, что я приму приглашение Драко, которое вот-вот последует? Но я не собиралась приглашать его сама, хотя некоторые девушки так и делали -- как Джинни Уизли, нагло захватившей Терри Бута. Не знаю, действительно ли ей нравился Терри, или же она просто хотела попсть на бал, ведь младшекурсники могли пойти только если их приглашал старшекурсник.

Наконец час икс настал, и Драко, выловив меня и Невилла в библиотеке, спросил:

-- Гарри, ты пойдешь со мной на бал?

Глядя прямо в прозрачные серые глаза и стараясь не разреветься, а твердо ответила:

-- Нет. Не пойду.

-- Почему? -- удивился тот. Я собрала всю волю в кулак и

сказала:

-- Потому, что не хочу.

Глаз отмечал совершенно посторонние вещи: что сегодня у Драко очень светлая голубая, почти белая рубашка с берилловыми запонками, придающая голубоватый оттенок его глазам, что его школьная мантия слегка подпалена на левом рукаве -- сегодня снова были соплохвосты, что узел на его галстуке слегка ослаблен, хотя обычно он не позволяет себе небрежности в одежде. Все, что угодно, только не обиженно-неверящий взгляд, прожигающий насквозь.

-- Хорошо, -- сказал он и ушел, а Невилл легонько пожал мою руку. Этим же вечером папа вызвал меня к себе.

-- Знаешь, кто только что у меня был? -- спросил он с порога.

-- Очевидно, посетитель, -- устроилась я в кресле. Северус хмыкнул.

-- Да уж, очевидней некуда. У меня был Невилл. Лонгботтом, -- уточнил он, будто в школе был еще один Невилл. -- Он спросил, позволю ли я ему пригласить на Святочный бал мою дочь.

-- И что ты ответил? -- заинтересованно спросила я.

-- Что позволю. По-моему, весьма оригинальный молодой человек, и воспитан в превосходном старинном духе. Так что я даже не стану предостерегать тебя и рассказывать о птичках и пчелках.

-- Тем более, что о птичках и пчелках нам на втором курсе поведала доктор Грейнджер, и ты любезно послал ей за это коробку шокошаров с мороженым, -- засмеялась я. Северус улыбнулся:

-- Вот именно. Так что -- развлекайтесь. Между прочим, я пригласил Тонкс.

-- А разве бал не будет закрытым, только для своих?

-- Нет, каждый приглашенный может при желании привести одного гостя, -- сообщил папа. -- Вот я и воспользовался. Как она тебе, кстати?

-- Тонкс? Да кому она может не понравиться? -- искренне удивилась я. -- Ты будешь полным дураком, если упустишь ее.

Северус присел на подлокотник моего кресла.

-- Иногда мне кажется, что я предаю память Лили, -- тихо поведал он. Я осторожно дотронулась до его руки:

-- А я так не считаю. Тонкс замечательная, и это хорошо, что ты с ней. Когда любишь и любим, есть за кого держаться и бороться, -- добавила я, думая о своем.

-- Что ты знаешь об этом, ребенок? -- грустно спросил папа. Я прижала его руку к щеке.

-- Знаешь, я много думала об этом, -- призналась я. -- Старый

интриган прав в одном: любовь -- огромная сила. Воспоминанием о тебе я вызываю патронуса, и уверена, что погибла бы в конце лета, не узнай, что ты -- мой отец, и не полюби я тебя так сильно. Мне просто нечем было бы напитать своего Защитника. Когда я узнала о пророчестве, увидела воочию Волдеморта на квирреловом затылке, я страшно перепугалась и только знание того, что мне есть за кого бороться, придало мне сил. Я не боюсь смерти. Мне наплевать на магическое сообщество в целом. Но за свою семью, за своих близких я буду драться до конца. И когда придет время, покончу с нависшим над нами дамокловым мечом.

Папа долго молчал, а потом резким движением притянул меня к себе и прошептал в макушку:

-- Я не знаю, что бы я без тебя делал.

-- Всего лишь третировал студентов и потихоньку превращался в старого брюзгу, -- засмеялась я.

-- И то верно. Иди, там тебя, небось, Лонгботтом дожидается.

Когда я влетела в гостиную, то сразу заметила Невилла, восседавшего в моем любимом кресле у камина.

-- Гарри, я... -- начал было он и замялся.

-- Я только что от папы, -- помогла я ему. Невилл как-то странно, пятнами, покраснел. Я продолжила, радостно улыбаясь: -- И да, я пойду с тобой на бал!

У меня, Гермионы и Астории, приглашенной Драко, оставалось всего два выходных, когда мы могли пойти в Хогсмид купить платья. Вообще-то можно было заказать наряды совиной почтой, но я предпочитала лично щупать ткань и мерить одежду, а Гермиона пребывала в совершеннейшей прострации от счастья и могла что-нибудь напутать с заказом. Асторию мы прихватили с собой в качестве третьего судьи.

В Хогсмиде располагались два превосходных магазина готового платья, где можно было также сделать индивидуальный заказ, а также неплохой ювелирный и обувной магазины. Естественно, сперва мы выбирали платья. В первой лавочке все было слишком ярким и вызывающим, а все мы собирались надеть нечто классическое. Так что мы ушли, тем более что в глубине магазинчика хозяйка помогала застегнуть кислотно-оранжевую короткую мантию Панси Паркинсон, а Буллстроуд с чем-то бутылочно-зеленым наперевес ждала своей очереди.

-- Добро пожаловать, милые! -- радушно встретила нас средних лет женщина, похожая на мадам Малкин, во втором магазинчике. Мы переглянулись -- вот здесь нам понравилось.

-- О, и вы здесь! -- приветствовала нас Чжоу Чанг, забирая пакет с нарядом, из которого выглядывал краешек чего-то черно-изумрудного. -- Ну, удачи вам!

С упоением перебирая самого различного покроя парадные мантии и платья, мы не заметили, как пролетело четыре часа. Хорошо, что мы вышли из школы ранним утром, иначе рисковали опоздать и быть пойманными Филчем -- в тайну подземных ходов Астория не была посвящена.

Наконец я выбрала для себя черное платье в стиле ампир, сшитое из легчайшего шелка, в темноте искрящегося мириадами звездных пылинок.

-- Пыльца из крылышек малайских светлячков, -- пояснила хозяйка. -- Для таинственного полумрака Святочного бала -- самое то.

Мантия Астории была словно сшита из лунных лучей или соткана из нитей селенита -- если бы из камня можно было сделать нить. С ее белыми волосами и синими глазами оно гармонировало превосходно, и должно было понравиться Драко, нарочито простое и эффектное.

Дольше всего мы провозились с платьем для Гермионы -- та была весьма придирчива и критиковала абсолютно все. И тут мне попалось кроваво-красное платье из матовой ткани, ложащейся красивыми складками и в точности соответствовавшее цвету парадной мантии Виктора -- все дурмстранговцы, как оказалось, должны были одеться в одинаковую парадную одежду. А еще мне пришла в голову интересная мысль, которой я решила по возвращению в школу немедленно поделиться с Седриком и Виктором.

Потом мы посетили обувной магазин, а в конце -- ювелирный, где выбрали Гермионе и Астории подходящие украшения. Себе я взяла только селенитовые сережки, составившие гарнитур с камнем у меня на шее -- его я не собиралась снимать ни в коем случае. Не хватало перенервничать и омохнатеть прямо в зале, тем более что бал совпадал с полнолунием.

Оставшиеся до Рождества дни прошли быстро -- никто из преподавателей и не думал давать нам послабление. Грюм, например, закатил контрольную по всему пройденномму материалу, а папа, наверное, задумал его переплюнуть и задал контрольную по противоядиям. В качестве практической части он пообещал лично отравить каждого каким-нибудь "интересненьким" ядом, чтобы мы сами определили, чем это таким нас попотчевали и сварили себе противоядие. И с совершенно серьезным видом заявил: кто, дескать, практическую часть не сдаст, на бал не пойдет. Говорят, Майкл Корнер из Гриффиндора даже спросил, почему.

Глава 12

В день бала Хогвартс охватила настоящая лихорадка. Те, у

кого был партнер, наводили марафет, те, у кого партнера не было, спешно его искали. Даже преподаватели поддались общему настроению: профессор Флитвик в порыве чувств пригласил Трелони и теперь судорожно размышлял, зачем он это сделал, мадам Хуч разгуливала в парадной черно-белой мантии подстать желто-черному наряду Бегмена, папа с самого утра усвистал к Тонкс(интересно, удастся ли ей засунуть его не в черную мантию? Вряд ли.), а за МакГоннагал с недвусмысленным намерением на наглой рыжей морде повсюду следовал мой Косолапус. По-моему, все-таки больше издевался...

Администрация школы, обуреваемая желанием поразить гостей из Бобатона и Дурмстранга, проявила небывалую изобретательность. Замок никогда еще не выглядел так нарядно. Нетающие сосульки свисали с перил мраморной лестницы, традиционные двенадцать елок Большого зала увешаны светящимися желудями, живыми ухающими совами из чистого золота и другими волшебными игрушками. Рыцарские доспехи пели рождественские гимны. А Пустой Шлем радостно призывал: «О, чистые души, стекайтесь во храм...» К сожалению, он помнил только половину этого гимна. Завхоз Филч раз десять извлекал из доспехов Пивза, откуда тот между гимнами распевал песни собственного сочинения и весьма скабрезного содержания.

Гермиона и Астория страшно нервничали, я застала их в Большом зале уже в шесть утра и была вынуждена в качестве превентивной меры вывести всех своих на воздух. Сказав, что раньше полудня в Хогвартс не отпущу, я затеяла игру в снежки, и скоро все и думать забыли о предпраздничном волнении.

В час пополудни мы ушли готовиться, а ровно без четверти восемь я в сопровождении Невилла поднялась в холл. Там уже яблоку негде было упасть, мантии всех фасонов и расцветок пестрели в глазах, и мы с радостью откликнулись на зов МакГоннагал, собирающей вместе все чемпионские пары.

Нас кружным путем отвели в уже знакомую комнатку рядом с Большим залом и обьяснили, что мы должны будем чинно войти в зал после того, как остальные рассядутся. Ожидая приглашения, я присела на подлокотник кресла, и от нечего делать стала рассматривать остальных.

Делакур пришла с Роджером Дэвисом, капитаном рейвенкловской квиддичной команды, смазливым голубоглазым блондином. Она явно выбирала ему мантию, или же дала предельно четкие инструкции -- оба они были наряжены в серо-стальной атлас. Седрик был в бархатной черной мантии, а Чжоу -- в узком длинном платье из черного атласа, с рукавами-фонариками и высоким воротником, вышитом по краю зеленой

ниткой. На ее собранных в тяжелый узел черных волосах сидел зеленый валлийский, вытащенный Седриком из мешочка при жеребьевке -- в этом и состоял мой маленький план. Гермиона и Виктор были в алом, и аккуратные зигзагообразные локоны подруги также украшал сидящий сбоку дракон -- китайский огненный шар. И, наконец, Невилл был во фраке, с белоснежной рубашкой под ним и угольно-черной венгерской хвосторогой, вместо бутоньерки уцепившейся за лацкан воротника. Чешуя драконицы поблескивала синевой, и она довольно жмурилась, когда Невилл почесывал ей надбровья. Герми говорила, чтобы я тоже приладила дракона к прическе, но я отказалась -- во-первых, хотела просто распустить волосы и не делать никаких причесок, а, во-вторых, по моему замыслу с драконами должны были прийти не чемпионы, а их спутники.

Флер явно корила себя за то, что столь блестящая мысль не пришла в голову ей самой, и крайне неодобрительно взирала на Дэвиса, а тот, ничего не замечая, пялился на нее во все глаза.

Когда все наконец уселись по местам, МакГонагалл зашла за нами и велела следовать за ней. При нашем появлении весь зал захлопал, и заместитель директора повела нас к большому круглому столу в дальнем конце, за которым сидели судьи.

Стены зала серебрились инеем, с темного, усыпанного звездами потолка свисали гирлянды из омелы и плюща. Длинные обеденные столы исчезли, вместо них — сотня столиков, каждый человек на десять. На столиках уютно горели фонарики.

Дамблдор, возглавлявший судейский стол, встретил нас сияющей улыбкой, Каркаров смотрел на Крама и Гермиону как Драко на соплохвоста. Людо Бэгмен в полосатой желто-черной мантии, только расшитой золотыми звездами, громко аплодировал вместе со всеми. Мадам Максим, сменившая черную атласную униформу на свободную мантию из легкого светло-лилового шелка, тоже вежливо хлопала. Не было только мистера Крауча. Вместо него пятым за столом судей важно восседал Перси Уизли в темно-синей с иголочки мантии. Остальные места предназначались для нас.

Мне довелось сесть сбоку от Перси и немедленно выслушать потрясающую новость -- его назначили личным помощником мистера Крауча и в данный момент он представлял его на нашем балу.

— А почему он сам не пришел? —полюбопытствовала я.

— Боюсь, мистер Крауч болен и болен серьезно. Ему нездоровится с самого Кубка мира по квиддичу. Ничего удивительного, сильное переутомление! Да и годы не те, хотя голова все еще светлая. Великий человек! Но Министерство на

Чемпионате мира потерпело фиаско, вдобавок его очень расстроила домовуха Винки, так, кажется, ее зовут. Мистер Крауч, конечно, ее выгнал, но остался без прислуги, а это... э-э... ему трудно, сам понимаешь, возраст. Хозяйство с ее уходом разладилось. А тут на нас свалился этот Турнир, тяжелые последствия Чемпионата мира, да еще эта Скитер со своим Принципиарным пером... Он, бедняга, заслужил тихое Рождество дома. Я рад, что у него есть человек, на кого можно положиться и оставить вместо себя.

Я припомнила -- действительно, что-то такое было, связанное с домовухой Крауча. Кажется, ее нашли радом с местом, где наколдовали Метку, и в руках ее была палочка.

Гермиона и Виктор негромко разговаривали, не обращая внимания на соседей.

-- У нас тоже есть замок, — услышала я, — не такой болшой и комфортабельный, как ваш, всего четыре этажа. И очаги мы топим только для колдовства. Но территория наша больше и красивей, правда, зимой день совсем короткий, а ночь длинная, мало времени любоваться. Зато летом мы долго летаем над озерам и горами...

— Эй, Виктор, — рассмеялся Каркаров, но глаза его оставались холодные и пустые, — смотри не скажи чего-нибудь лишнего, как бы твоя очаровательная собеседница не нашла к нам дорогу.

Дамблдор улыбнулся, и в глазах у него запрыгали искорки смеха.

— У тебя, Игорь, все тайны да тайны. Можно подумать, ты не любишь гостей.

— Мы все, Дамблдор, печемся о своих владениях. — Каркаров оскалил желтые зубы. — И ревностно оберегаем вверенные нам очаги знаний. Мы по праву гордимся, что никто, кроме нас, не знает все их секреты, и мы бдительно храним их. Разве не так?

— А я, Игорь, не стал бы утверждать, что знаю все секреты Хогвартса, — добродушно ответил Дамблдор. — Не далее как сегодня утром отправился я в туалет, свернул не туда, и очутился в прелестной, совершенно незнакомой комнате с превосходной коллекцией ночных горшков. Позже я вернулся получше осмотреть ее, а комнатка-то исчезла. Я, конечно, все равно ее отыщу. Возможно, она доступна только в полшестого утра, а может, когда полнолуние или когда слишком полный мочевой пузырь.

Я нагнулась, скрывая смех -- это же надо ляпнуть такое за столом, при гостях! Мада Максим была полностью со мной согласна и с неодобрением покосилась на директора.

Тем временем Флер Делакур, изящно повернув голову в сторону своего кавалера, в пух и прах разносила убранство замка.

— П'госто убожество! — обвела она взглядом искрящиеся инеем стены Большого зала: как и все французы, она безбожно картавила. — У нас во дво'гце Т'гапезную ук'гашают ледяные скульпту'гы. Они не тают и пе'геливаются всеми цветами 'адуги. А какая у нас еда! А хо'г лесных нимф! Мы едим, а они поют. И в холлах никаких ужасных 'ыца'гей без головы. А поп'гобуй залети в Шармбатон полте'гейст, его выгонят с т'геском, вот так! — Флер с силой хлопнула по столу ладонью.

Роджер Дэвис глядел на полувейлу затуманенным взором. Восхищение его было так велико, что он вряд ли ее слышал, пронося вилку мимо рта.

— Конечно! — стукнул он по столу, как только что Флер. — Да! С треском!

Я глянула в зал -- за ближайшим столиком обнаружился Хагрид, усиленно перемигивающийся со своей ненаглядной Оливией, едва возвышающийся над столом Флитвик с Трелони, выглядевшей на удивление прилично в бирюзовой мантии -- она наконец собрала в пучок свои серые растрепанные волосы и сменила очки на пенсне. МакГоннагал в мантии из зеленой шотландки беседовала с мадам Хуч, рядом с ними сидели наша профессор Спраут, мадам Помфри, остальные преподаватели и Филч, тайком совавший под стол лакомые кусочки своей Миссис Норрис.

Папа отыскался за столом у самой стены, ожидаемо одетый в черное -- но, кажется, с серебоистой вышивкой по вороту. Рядом с ним сидела Тонкс в мантии под цвет волос, и Сириус, обнимающий яркую пышную блондинку, в которой я с удивлением узнала Риту Скитер.

-- Смотри, -- толкнула я локтем Невилла. -- Скоро Рита станет и моей родственницей тоже.

-- Где? Ого, -- поразился он. -- Она же на девять лет старше...

-- Разве возраст помеха любви? -- возразила я. Рита выглядела просто замечательно в желтой мантии, и я от души пожелала им с крестныс счастья. Уж Рита-то его теперь не выпустит из своих цепких лапок.

После ужина Дамблдор встал и пригласил всех последовать его примеру. Взмахнул волшебной палочкой: столы отъехали к стенам, образовав пустое пространство. Еще один взмах, и вдоль правой стены выросла сцена—с барабанами, гитарами, лютней, виолончелью и волынкой.

На сцену вышел ансамбль «Ведуньи», встреченный восторженными рукоплесканиями. У ведуний были длинные

растрепанные волосы, черные мантии нарочито порваны и потерты. Ведуньи разобрали инструменты, фонарики на столах погасли, и мы поднялись со своих мест.

По традиции первым танцем был вальс. Выйдя в центр зала, я встала напротив Невилла и положила одну руку ему на плечо, а вторую крепко сжала. Хорошо, что мы оба умели танцевать -- вон, Флер таскала за собой Дэвиса по всей площадке, а он то и дело наступал ей на подол, глядя коровьими глазами и поминутно извиняясь.

После первого тура вальса к нам сали присоединяться остальные пары. Хагрид топтался с мадам Максим, Макгоннагал -- с Дамблдором, и вся школа с нескрываемы удивлениес смотрела на папу, ведущего свою партнершу с совершенно непроницаемым выражением лица. Близнецы эпатировали публику, одновременно танцуя с единственной партнершей; они были в совершенно одинаковых темно-синих мантиях, а Анджелина -- в бирюзовой.

Медленную грустную мелодию сменила веселая и зажигательная, и мы танцевали до тех пор, пока я не протерла подошвы атласных бальных туфелек. Выйдя в сад, я починила их Репаро и залюбовалась ночным небом -- сегодня на нем не было ни тучки, и оно было совсем как мое платье: черное и мерцающее. Невилл присоединился ко мне с двумя стаканами сока:

-- Там Хагрид со своей мадам так растанцевался, что того и гляди все столы посшибает. А Виктор с Гермионой и профессор Снейп со спутницей куда-то запропастились. Да, тебя Драко повсюду ищет. Побеседовать хочет.

Я замотала головой:

-- Не хочу с ним беседовать. Давай посидим тут, пока бал не закончится.

Невилл сколдовал Темпус и согласился:

-- Давай. Полчаса осталось.

С ним было так здорово просто молчать, что я не заметила, как отзвучала последняя мелодия. Когда настала пора идти в гостиную, я сказала:

-- Ты иди, а я немножко еще погуляю.

-- Хорошо, -- и Невилл, не задавая лишних вопросов, ушел.

Он нашел меня в галерее, ведущей к совятне -- хотя я специально пошла сюда в надежде немного побыть одной и привести мысли в порядок. Даже не стала заходить в спальню за мантией, предпочла наколдовать согревающие чары.

Вот уж кого я сегодня вечером не хотела видеть, так это его... Проклятое везение.

-- Ты от меня бегаешь, -- как всегда, Драко был прямолинеен

со мной. -- Стараешься не оставаться со мной наедине.

-- Бегаю, -- подтвердила я. И что же мне с тобой делать, проницательный ты наш?

-- Зачем?

-- Я... Я не эмпат, Драко, но я слишком хорошо умею читать лица. Молчи -- я все знаю. И знаю, что ничего хорошего из этого не выйдет.

Мне показалось, что он вовсе не был удивлен моему заявлению. Сел на перила рядом и просто спросил:

-- Почему?

В этот момент он напоминал мне ребенка, у которого отняли конфету -- такая же детская обида сквозила в его серых глазах. От кого угодно, но от Драко, нашего практичного и дальновидного Драко, я такого не ожидала. Захотелось рассмеяться и заплакать одновременно. Что ж ты мне душу рвешь, неужели действительно сам не понимаешь?

-- Драко, чувства не имеют никакого значения в нашем случае. У тебя есть Астория, есть обязательства перед ней и твоей семьей

-- Плевал я на Асторию! Нас обручили в младенчестве! Я тебя люблю, а не Асторию! -- Драко сорвался на крик. Положив руку ему на плечо, я произнесла как можно мягче:

-- Я знаю. Подумай сам, кроме магического контракта, вас связывает также происхождение, воспитание, образ жизни... Я никогда не войду на равных в ваш круг.

-- Ты -- Девочка-которая-выжила! Никто не посмеет и слова сказать против тебя! -- горячо возразил он, тряхнув головой. Всегда безупречная прическа рассыпалась, Драко раздраженно сдул с глаз челку.

-- Сейчас -- не посмеют. А потом? Когда со всем будет покончено, и жизнь войдет в свою колею, вам с отцом придется заново налаживать связи с аристократами, а моя слава не вечна... Да, я найду способ выполнить пророчество и покончить с Волдемортом, но через пять-десять лет память об этом сгладится. И тебе все чаще станут напоминать, что я -- четвертькровка, что папина бабушка -- испанка, и вообще Мерлин знает, сколько чего в моей крови понамешано... Ты не думаешь о будущем, Драко. Ты не думаешь, что почти грязнокровная жена и полукровные дети -- это совсем не то, что тебе нужно.

Он так беспомощно посмотрел на меня, что я почувствовала себя последней сволочью на свете.

-- И ты совершенно напрасно говоришь, что тебе плевать на Асторию. Не отрицай, ты ей симпатизируешь -- а это уже неплохое начало. Если ты возьмешь на себя труд узнать ее

поближе, то поймешь, что она настоящее маленькое чудо.

-- А ты? -- ревниво взглянул на меня Драко. -- Кого ты приглядела для себя? Может, Уизли -- чтобы сделать мне еще больнее?

Я отвернулась и сглотнула, пытаясь не дать воли предательским слезам. Ну зачем, зачем ты так?

-- Я не хочу делать тебе больно. Если бы хотела -- то дала бы напрасную надежду. Я пыталась свести к минимуму наше общение, ограничить все только дружбой, но ты ведь не понимаешь намеков... Или не хочешь понимать.

-- Таких -- не хочу.

Мы долго сидели молча, глядя на свои тени на сером мраморе галереи -- сегодня было полнолуние, и огромный серебряный диск, казалось, занимал полнеба.

-- Я хотел пригласить тебя на танец, но ты сбежала.

Спрыгнув с перил, я подала ему руку:

-- Пригласи сейчас.

Он соскочил и встал напротив, бережно сжав мою ладонь:

-- Без музыки? -- ехидно-печальный голос уже больше был похож на голос моего друга, чем на голос того несчастливого влюбленного, что сидел рядом со мной минутой раньше.

-- Я, конечно, не претендую на лавры Селестины Уорбек, но... Вальс?

Он улыбнулся самими краешками губ и кивнул, кладя левую руку мне на талию.

-- Tonto el que no entienda
Cuenta una leyenda
Que una hembra gitana
Conjuro a la Luna hasta el amanecer... -- эта печальная песня почему-то вспомнилась мне прежде других. Я закрыла глаза и вся погрузилась в ощущение мягких теплых рук, холодного воздуха галереи и лунного света, казалось, пронизывающего меня насквозь. Если бы можно было закупорить мгновение, остановить время -- я сделала бы это, не задумываясь. К сожалению, это было неподвластно даже Мерлину...

--... Luna quieres ser madre
Y no encuentras querer
Que te haga mujer
Dime luna de plata
Que pretendes hacer
Con un nico de piel
Hijo de la luna....

Открыв глаза, я утонула в прозрачном, словно родниковая вода, взгляде Драко. В его глазах сейчас читалась целая гамма

чувств: любовь, боль, щемящая нежность-тоска и безмерное желание сделать меня счастливой -- пусть и ценой собственного счастья. Он решил, что я буду несчастна с ним, что буду страдать от осуждения людей его круга... Пусть. Если это ему поможет -- пусть. В конце-концов, я отказалась от него по той же причине -- желая защитить, желая ему счастья. Он со временем полюбит Асторию, ее невозможно не полюбить, и будет счастлив... И все мои близкие и дорогие люди будут счастливы -- я костьми лягу, но исполню пророчество, чтобы когда-нибудь по дорожкам Малфой-мэнора бегали маленькие белокурые и синеглазые дети, а у меня появился вредный братик-метаморф.

Я смотрела на Драко, стараясь запечатлеть в памяти его черты, словно навек прощалась -- и в какой-то степени так и было. Мы оба сейчас прощались с тем, что и не начиналось -- просто не имело права начаться.

--Y en las noches que haya luna llena
Sera porque el nico este de buenas
Y si el nico llora
Menguara la luna
Para hacerle una cuna
Y si el nico llora
Menguara la luna
Para hacerle una cuna....*

Волшебство закончилось. Я вздохнула и внезапно охрипшим голосом произнесла:

-- Только одно я могу позволить себе украсть у Астории.

Его губы оказались мягкими и неловкими, но такими ласковыми, что одна слезинка все-таки скатилась у меня из-под ресниц. Мы целовались под полной луной, ставя точку в этой истории, чтобы завтра сделать вид, будто ничего не было, и продолжать жить, как жили...

Когда я вернулась в гостиную, в кресле у камина меня ждал Невилл.

-- Драко нашел тебя, -- догадался он. Я кивнула:

-- Нашел. Мы наконец поговорили.

Подойдя к креслу, я села прямо на пол в ворох своих пышных юбок. Уткнулась лбом в колени Невилла:

-- Паршиво себя чувствую. Словно меня на кусочки разломали. Знаю, что сделала все правильно, но все равно совесть мучает.

Он положил руку мне на голову, погладил:

-- Пройдет.

-- Пройдет, -- я внаглую перебралась к нему на колени, и Невилл ошеломленно замолк.

-- Пройдет, если рядом будешь ты. Я уже говорила это Драко, и говорю теперь тебе: пусть я не умею чувствовать других, но я прекрасно читаю по глазам. И знаю, что чувствуешь ты ко мне, хотя и не могу пока ответить тем же...

Он несмело обнял меня, а я прижалась к его груди и спрятала лицо в воротнике его рубашки, как любила прятать в воротник папиной мантии. Но у папы теперь есть Тонкс... а я возьму себе Невилла. В конце-концов, он уже третий год об этом мечтает.

-- Я буду с тобой, -- прошептал он мне. -- Всегда.

* Песня группы Mecano "Hijo de la Luna"

Глава 13

Не могу сказать, чтобы в наших с Невиллом отношениях что-то кардинально переменилось с тех пор, как я официально объявила себя его девушкой. Разве что он получил полное право брать меня за руку, когда ему вздумается, и обнимать. Ни один студент не выразил своего удивления -- по-моему, они и так считали нас парой, разве что засомневались в последнее время, когда к нашей компании примкнули Седрик и Виктор.

Папа никак не прокомментировал изменение невиллового статуса -- он уже сказал все, что имел, перед Святочным балом. На следующий день вышел "Ежедневный пророк" с эксклюзивными колдографиями со Святочного бала, так что, по-моему, уже вся Англия знала о сердечных предпочтениях своих героев. Нам-то ничего, а вот Гермионе пришлось несладко: вопиллеры и письма, начиненые бубонтюберовым гноем(и это только самое безопасное из того, что попадалось!), стали прилетать к ней с завидной регулярностью. Недолго думая, Гермиона завела магический почтовый ящик, содержимое которого раз в день аккуратно уничтожала, и таким образом обезопасила себя от покушений извне. А хогвартским фанаткам мешал сам Виктор -- он следовал за Гермионой по пятам, так что поймать ее наедине можно было только в кабинке туалета: там, гду не мог присутствовать Крам, всегда был кто-нибудь из нашей компании.

Загадка с яйцом прояснилась случайно: Седрик вспомнил прочитанную когда-то статью в "Придире" о русалках, и окунул яйцо в воду. Чем черт не шутит? Вдруг эти визги действительно превратятся в пение под водой?

Черт не шутил, и Луна неделю не могла съесть конфеты, которые мы все натаскали ей в знак благодарности. Бывает, оказывается, польза и от "Придиры", не только пирожки заворачивать.

Вой, если нырнуть в ванну и открыть яйцо, превращался в незатейливую песенку:

Ищи, где наши голоса звучать могли бы,
Но не на суше — тут мы немы, как рыбы.
Ищи и знай, что мы сумели то забрать,
О чем ты будешь очень сильно горевать.
Ищи быстрей — лишь час тебе на розыск дали
На возвращение того, что мы украли.
Ищи и помни, отправляясь в этот путь,
Есть только час, потом пропажи не вернуть.

Ну вот, просто замечательно. Они, значит, упрут у нас что-нибудь потихоньку, а мы ищи. Да еще и никаких гарантий на возврат. Интересно, можно ли подать на устроителей в суд за воровство? Три года Азкабана, между прочим...

Нырять в Черное озеро в феврале -- до такого могли додуматься только Крауч с Бегменом. Придется запастись перечным и мужеством -- от одной только мысли о холодной водичке пробирала дрожь.

Втроем мы долго гадали, что бы такое у нас могли стянуть, о чем нам придется сильно горевать, но так и не пришли к единому выводу. Лично я не была привязана ни к едной вещи, кроме разве что палочки, а памятное мамино кольцо постоянно носила на шее. У Виктора вообще не было с собой никаких личных вещей, кроме писчих принадлежностей и метлы, а Седрик заявил, что у него, пожалуй, стащат любимого плюшевого медвежонка -- как он потом без него уснет? Посмеявшись, мы стали решать другую проблему: как просидеть под водой час, не выныривая. Виктор сразу заявил, что у него способ имеется, только для нас с Седриком не подойдет, и посоветовал уже известное мне заклинание воздушного пузыря. Я отдала право воспользоваться им Седрику, а сама решила поискать способ пооригинальней.

Выход нашел Невилл: притащил книжку по гербалогии и ткнул пальцем в картинку с жаброслями. Те гарантировали -- в зависимости от количества -- от получаса до семи часов под водой плюс в бонус русалочий хвост и перепонки между пальцев рук. Интересно, как с перепонками, удобно палочку держать?

За то время, что оставалось до второго испытания, свою помощь мне успели предложить Грюм, Бегмен и папа -- но первым двум я отказала сходу, а Северуса попросила не поднимать шум, когда он обнаружит пропажу кое-чего из своей кладовки. Папа фыркнул и обещал не поднимать -- если взятое не будет ядовитым или запрещенным к использованию несовершеннолетними.

Хагрид наконец наигрался соплохвостами и привел на занятие единорогов: самца и самку с детенышем. Приятное разнообразие после обжиающе-жаляще-кусучих тварей -- даже

если пытается наколоть тебя на острый рог.

Незаметно подкралось четырнадцатое февраля. Погода как нельзя лучше подходила для прогулок, потому неудивительно, что все студенты, кому было позволено, подались в Хогсмид. Мы с Невиллом тоже сперва поткнулись туда, но обилие знакомых лиц заставило нас переменить свое решение. Немного побродив по улицам, мы убедились, что студенты наводнили все пабы и кафе, начиная заведением мадам Паддифут и заканчивая мрачным баром "Кабанья башка", где собиралась весьма сомнительная публика.

-- А давай вернемся, -- предложил Невилл. -- Я покажу тебе одно замечательное место.

Заинтригованная, я согласилась. Интересно, действительно ли в хогвартских окрестностях есть место, до сих пор не виденное мною?

Мы пошли к школе короткой дорогой, которую знали немногие студенты, поскольку шла она через самую чащу, а там порой бывало небезопасно. Зато так путь сокращался вместо сорока минут до двадцати -- если, конечно, не плестись нога за ногу.

Невилл сперва шел по тропинке, а потом попросил меня закрыть глаза и свернул куда-то направо, прямо в сугробы. Уцепившись за его руку, я медленно продвигалась вперед, с любопытством вынюхивая, куда же меня ведут. Пахло лесом, снегом и немножко водорослями. Запах воды становился все сильнее, и я заключила, что Невилл ведет меня к Черному озеру.

Он поставил меня в строго определенное место и, обхватив руками за талию, немножко подвигал в стороны -- очевидно, ища самый выгодный ракурс для обещанного места. Наконец мне разрешили открыть глаза, и я ахнула: он привел меня на крутой берег незамерзающего озера, прямо напротив виднеющегося вдали замка. Морозный воздух просто звенел, снег ярко искрился на солнце, огромные деревья стояли, будто великаны в песцовых шубах и шапках. Дурмштранговский корабль, неподвижно стоящий на якоре, был сегодня особенно похож на "Летучий Голландец" -- снег и сосульки на мачтах, отражающие солнечные лучи, напоминали огни Святого Эльма, палуба и бока обросли инеем.

-- Волшебно, -- я не находила слов, чтобы описать свой восторг. Взвизгнув, я упала на снег, утянув с собой Невилла. Всласть набарахтавшись в сугробах, мы сделали по снежному ангелу путем укладывания на спину и махания руками-ногами. Невиллов ангел вышел лучше -- он был в брюках и коротком полушубке, а я -- в мантии и длинном плаще, подбитым

медвежьим мехом.

Глядя в ультрамариновое небо, я чувствовала себя легче пушинки. Казалось, еще немного -- и я взлечу без метлы.

-- Я услышал от профессора Спраут, что когда-то на берегах Черного озера рос редчайший Helichrysum minor, эндемик, больше нигде не встречается, и я пошел посмотреть, действительно ли он выродился. Ой, прости, тебе, наверное, неинтересно...

Я перекатилась на живот и оказалась с Невиллом лицом к лицу.

-- Ну почему же неинтересно? Бессмертник малый, входит в состав многих универсальных антидотов а также лекарственных зелий... Папа сетовал, что его крайне сложно достать. Значит, он рос тут? Наверное, студенты повыдергали.

Невилл засмеялся:

-- Рон советовал, чтобы я ни в коем случае не говорил на свидании о гербалогии.

-- Слушай его больше, -- возмутилась я. -- Он тебе еще не то посоветует. Небось, повел свою Ромильду в кофейню мадам Паддифут, подарил букет роз и накормил шоколадными пирожными.

-- А разве это плохо? -- удивился Невилл.

-- Это банально, -- заявила я. -- На меня подобное впечатления не произвело бы. Так что я с удовольствием послушаю о бессмертнике.

Он улыбнулся и послушно продолжил:

-- Так вот я обошел все озеро по периметру, и на этом берегу наткнулся на малюсенький пятачок этих самых бессмертников. Их, конечно, придется долго размножать, прежде чем удастся полностью возродить популяцию, но дело того стоит. Сейчас я тебе кое-что покажу.

Невилл встал и отошел к покрытой снегом березке. Присев на корточки, он осторожно расчистил от снега маленький участочек земли и навел на него палочку. Тихонько шепча себе под нос слова заклинания, он водил палочкой над землей, и, повинуясь волшебству, на ней вырастала молодая трава. Зачарованная невиданным доселе зрелищем, я медленно подошла и опустилась на колени напротив Невилла. Недели проходили для травы в считанные секунды, и вот она уже поднялась сантиметров на пятнадцать. Среди зелени был один стебелек темно-зеленого цвета, опушенный серебристыми паутинно-тонкими волосками. Тонкие узкие листья тоже были опушены, а на верхушке стебелька распускалась цветочная корзинка. Сами цветы оказались шариками величиной с ноготь на мизинце, лепестки-чешуйки плотно прилегали к серединке. Волчица осторожно

подступила к поверхности, словно всплыла из глубин моего тела, и медленно повела носом: цветок пах солнцем и летом, пряный запах слегка горчил на языке.

Я встретилась глазами с Невиллом, и он шепнул:

-- Твои глаза сейчас не желтые и не зеленые -- и то, и другое вместе. В общем, я потому и хотел показать тебе эти цветы -- они совсем как твои глаза. Такие же красивые.

Кто еще сумеет так оригинально сделать комплимент?Держу пари, одна девушка из сотни слышит в свой адрес такое...

-- Спасибо, -- прошептала я, и впервые за долгое время почувствовала, что я действительно освободилась от Драко. -- Ты даже не представляешь, что ты сейчас для меня сделал.

Невилл сорвал бессмертник и осторожно заткнул пышное соцветие в волосы над моим левым ухом.

Мы долго сидели молча на берегу озера, глядя на Хогвартс. Не нужны были никакие слова, никакие действия -- только ощущение теплоты от его ладони, сжимающей мои пальцы.

Двадцать четвертого февраля я вместе с остальными чемпионами стояла на деревянном помосте и злилась. Дамблдор долго и пространно вещал о возрождении традиций, потом Людо Бегмен разглагольствовал о том, как здорово, что все мы здесь сегодня собрались, потом нас долго и нудно наставляли, напоминая правила: никакой помощи от преподавателей, только палочка, бла-бла-бла... Хотелось превратиться и пооткусывать всем судьям носы. Так, ради собственного извращенного удовольствия.

Куда-то с утра пораньше запропастился Невилл, и Виктор не мог найти свою ненаглядную Гермиону, так что мы друг друга понимали, и хотели как можно скорее покончить с испытанием. Что там у нас в озере, русалки и гриндилоу? Может, водяные. И Гигантский кальмар -- существо почти мифическое, но исправно отпугивающее младшекурсников от водных глубин. А теперь нам предстоит нырять в эти самые глубины и сама не знаю где искать сама не знаю что.

Не делал меня добрее и тот факт, что нас сперва заставили раздеться, а уж потом начали произносить речи -- я была бы не прочь постоять в теплой мантии, но ее уже унесли куда-то вместе с вещами остальных. Так что мы стояли у всех на виду, облаченные в одни только купальные костюмы, и мерзли. Особенно Флер, вырядившаяся в расшитый бисером маггловский купальник. Зато ее рассматривали куда пристальней, чем нас.

Наконец Бегмен прокричал заветное:

-- Сонорус! — его голос тут же понесся через озеро к высоким трибунам, возведенным на берегу для зрителей.

-- Ну, что ж, наши участники готовы ко второму испытанию. Начнем по моему свистку. За час они должны найти то, что у них отобрали. Итак, на счет три: раз... два… три!

Холодный неподвижный воздух огласил пронзительный свист, трибуны взорвались криками и рукоплесканьями.

Я с облегчением сунула в рот скользкий комок жаброслей и разжевала. По вкусу они напоминали сырую капусту, а по консистенции -- резину. Так, теперь нырять...

Вода была ледяная, и в первую секунду мне показалось, что я шагнула в огонь -- но в следующую секунду жабросли, будь они благословенны, начали действовать. Шею справа и слева будто ножом полоснуло, и от неожиданности я пустила пузыри -- вот, наверное, судьи перепугались! Зачесалось между пальцами рук, ноги свело вместе и скрючило, а в следующую секунду я уже являлась счастливой обладательницей хвоста и покрывшей все тело, кроме головы и кистей рук, чешуи. Что интересно -- черной. В волчьей ипостаси я тоже была черной, видимо, цвет волос определял и масть зверя. Или, в данном случае, рыбы.

Я разинула рот в беззвучном хохоте. Как же здорово! Рисуясь, я стремительно вынырнула на поверхность и, сделав кувырок в воздухе, в туче брызг вошла под воду.

Так-с, ну и где моя пропажа? Если слудовать логике -- на глубине, где-нибудь поближе к центру озера. Вильнув хвостиком, я поплыла в нужном направлении, легко рассекая толщу воды.

Тишина давила на уши. Вода у дна была мутная, и видела я теперь метра на полтора вокруг. Подо мной расстилался удивительный мутный пейзаж, новые виды словно выскакивали из темноты, по мере того, как я быстро плыла вперед. То вырастали целые леса черных трепещущих водорослей, то широкие илистые луга с редкими валунами. Я заплывала все ниже и ниже, к середине озера, широко раскрыла глаза и старалась заглянуть подальше, туда, где за серой пеленой воды смутно маячили тени.

Маленькие серебристые рыбки стрелами проносились мимо. Раз или два мне казалось, что впереди меня поджидает чудище, но, подплыв ближе, я обнаруживала либо почерневшее бревно, либо ком водорослей. Других участников турнира, русалок с водяными, гриндилоу и — к счастью — Гигантского кальмара видно не было.

Картина подо мной сменилась, теперь, насколько хватало глаз, внизу простиралась долина светло-зеленых водорослей высотой фута в два, казавшихся переросшей травой. Я смотрела вперед, не мигая, стараясь различить, что ждет впереди, по очертаниям в полутьме.В воде нюх не мог мне помочь, и

оставалось полагаться только на зрение. Вдруг кто-то схватил меня за руку. Обернувшись, я увидела гриндилоу. Маленькое, рогатое водное чудище вылезло из водорослей, крепко схватило длинными пальцами и оскалило острые клыки. Из зарослей появились еще два гриндилоу, схватили меня за волосы и потащили ко дну.

Я шарахнула по ним Релассио и гриндилоу вместо искр из кончика палочки обдало кипятком. Красные то ли от злости, то ли от кипятка гриндилоу выпустили мои волосы и я, извернувшись, смачно хлестнула их хвостом. Нечисть взбулькнула и устремилась в водоросли.

Дальше мне пришлось проплыть над целой долиной черного ила, от сильных движений хвоста поднимавшимся мутной тучей и закручивавшимся маленькими смерчиками. Наконец я услышала обрывок русалочей песни из золотого яйца:

Ищи, где наши голоса звучать могли бы,

Но не на суше — тут мы немы, как рыбы...

Поплыв быстрее, я вскоре оказалась в подводной деревушке. Сложенные из камней домики, некоторые окружены водорослевыми садами, цепные гриндилоу у своих конурок...

-- Минуло полчаса -- спеши, скорей пропажу забери, -- пропели мне в лицо две русалки, вынырнув из дверей ближайшего домика. Они ни капли не напоминали рисунок из книги -- разве что наличием хвоста. Грязно-бурые волосы, похожие на ленты водорослей, бесцветные глаза навыкате, широкие безгубые рты, костлявое тело -- русалку от тритона можно было отличить только по длине волос и наличию/отсутствию остро заточенного копьеца из чего-то, напоминающего рыбью кость.

Русалки выплывали из своих домиков и следовали за мной, любопытно рассматривая мой хвост и перепончатые, как у них, руки.

Я проплыла в самый центр подводного поселка, и увидела на площади группу(стайку? косяк?) местных жителей. Когда я приблизилась, они расступились (расплылись?), и я чуть дар речи не потеряла.

Прямо передо мной возвышались четыре шеста, к которым за ногу были привязаны погруженные в странное состояние Невилл, Гермиона, Чжоу и Роджер Дэвис. Их глаза были закрыты, легкие не дышали, и, если бы это было возможно, я бы сказала, что они стали жертвами отраженного взгляда василиска. Прогнав прочь страшную ассоциацию, я подергала за веревку -- крепкая, зараза. Скользкая, наверное, из водорослей свита. Чем бы отрезать? Режущего заклятья, кроме Сектумсемпры, изобретенной папой, я

не знала, а Сектумсемпра отрезала бы не только невиллову, но и гермионину веревку, а это будет не по правилам. Плюнув на условности, я перегрызла веревку -- на вкус она оказалась гораздо гаже жаброслей -- и, схватив Невилла в охапку, стрелой вынырнула на поверхность.

Трибуны взревели -- я оказалась первой. Стоило только мне всплыть, как Невилл очнулся и едва не ушел под воду от неожиданности.

-- Гарри? Что с тобой? -- надо же, его больше волнует, что со мной, нежели тот странный факт, что мы находимся посреди озера.

-- Жаброслии, -- пробулькала я. Вполне членораздельно, между прочим.

-- Я не умею плавать, -- вспомнил вдруг Невилл и я, засмеявшись, поднырнула под него так, чтобы он лег на мою спину.

-- Держись! -- отсюда до помоста было метров двести, и я проплыла их так быстро, как могла, уподобившись дельфину, спасающему утопленника.

Зрители рукоплескали, мадам Помфри уже бежала к нам с одеялами и полотенцами.

-- Браво, Гарри! -- Бегмен, как всегда, фонтанировал энергией. -- Вылезай к нам!

-- Спасибо, у меня еще действие жаброслей не закончилось. Так что я в водичке посижу.

Медиведьма немедленно высушила мокрого, как мышь, Невилла и напоила его Перечным зельем. Укутавшись в одеяло, он сел на край помоста и свесил ноги, а я высунулась из воды по пояс и откинула назад мокрые волосы.

-- Ты такая красивая, -- мечтательно произнес Невилл. -- И мокрая. Тебе не холодно?

-- Не-а. Что ж так долго никто не всплывает? -- до окончания состязания осталось всего пятнадцать минут. -- Я сплаваю, посмотрю, как там дела.

Тут на поверхность, кашляя, всплыла Флер -- без Роджера -- и по-собачьи забултыхала к берегу. Я мигом оказалась возле нее и помогла доплыть до помоста, а пребывающая в шоке девушка кашляла и отрывисто говорила о страшных гриндилоу.

-- Надо поднять мальчика, -- обеспокоенно сказал Дамблдор, и Перси немедленно встал на колени, зашлепал рукой по воде, подзывая русалок. Не став ждать, чем закончится дело, я ушла под воду. Мне вдруг стало совершенно ясно -- если не вытащить Дэвиса, он так и останется у подводных жителей, те скормят его гриндилоу или сами сьедят за праздничным столом.

На русалочьей площади все так же покачивались три оставленных мною тела. Одновременно со мной туда подплыл Седрик, чья голова была заключена в серебристый пузырь. Он показал мне большой палец и сказал одними губами: "Я заблудился". Вместе мы подплыли к шестам и он, взмахнув палочкой, освободил Чжоу. Я махнула рукой: плыви, мол, а он спросил: "А ты?". Одними губами я сказала: "Дождусь Виктора." Седрик кивнул и стал всплывать на поверхность.

Виктор появился минут пять спустя, и я едва не приняла его за подводного монстра -- он частично превратился в акулу, и только босые ноги в спортивных шортах выдавали его. Он

попытался перекусить веревку, но его челюсти были не приспособлены для такого тонкого предмета (он скорее перекусил бы пополам Гермиону), и мне пришлось второй раз жевать противную водоросль. Потом я подплыла к Дэвису, освободила его и собиралась всплывать, но воинственно потрясающие копьями тритоны вовсе не собирались выпускать меня. Я вынула палочку и дала понять, что настроена серьезно. Хвосатые презрительно забулькали в ответ и попытались ткнуть в меня копьями. Разозлившись, я расчистила себе дорогу Ступефаем и парой мощных гребков вынесла нас на поверхность.

Дэвиса я на себе не катала, а просто отбуксировала к помосту и с облегчением поняла, что час как раз истек. Я взобралась на дощатый настил и выпрямилась уже вполне человечной, в спешно накинутом на меня Невиллом одеяле -- при превращении я растеряла всю свою одежку.

Дамблдору наконец удалось подозвать русалку, и сейчас они гневно переговаривались, причем русалка злобно тыкала в мою сторону пальцем и потрясала костлявым кулаком. Сильно дернув напоследок директора за бороду, она в туче брызг нырнула под воду.

Судьи долго совещались и наконец Бегмен обьявил результат. Мне, как вернувшейся первой, дали пятьдесят очков -- уж тут-то придраться было не к чему. Седрика, вернувшегося вторым, оценили в сорок семь, а Крама -- сорок пять очков. Флер же, не выполнившая задания, но "продемонстрировавшая отменное заклинание воздушного пузыря", удостоилась двадцати пяти баллов.

Глава 14

Невилл потом рассказал мне, как все было: их рано утром привели в директорский кабинет и, ничего не обьяснив, заколдовали, пообещав только, что все будет хорошо. Ничего себе "хорошо" -- подвергнуться опасности быть сожранными русалками и прочей подводной живностью!

На следующий день вышел "Пророк" -- Рита не зевала и даже сумела поговорить с каким-то тритоном, так что произошедшее в озере было описано максимально точно. Разве что о моей помощи Виктору и Седрику не было ни слова -- вышло, будто я попросту ждала, пока они освободят своих пленных и в последнюю минуту забрала Дэвиса. Интервью с тритоном приводилось полностью: он сетовал, что в Черном озере так давно никто не тонул, и злился, что я прямо у них из-под носа забрала такого замечательного, "вкусного" колдуна. Кажется, русалки верили, будто можно перенять чужую силу -- стоит только сьесть кусочек мяса. "Все будет хорошо", да?

А еще через день Невиллу пришло письмо. Рыжая бровастая сова села ему на плечо и больно ущипнула за ухо, протягивая лапку.

-- Это от бабушки, -- он выронил вилку и поспешно отвязал послание. По мере прочтения его лицо становилось все задумчивей, взгляд то и дело перебегал с письма на меня и обратно.

-- Что? -- не выдержала я.

-- Она хочет с тобой познакомиться. Желает, чтобы я привел тебя в "Три метлы" на ближайших выходных.

-- Так в чем проблема? Будем знакомиться, -- решила я и уткнулась в свежий "Пророк". -- "Таинственное исчезновение сотрудницы Министерства". Та-ак, а почему я не в курсе? "Берта Джоркинс, сотрудница аврората, исчезла еще в конце лета, но министерство скрывало сей вопиющий факт от простых граждан. Как стало известно нашему корреспонденту, мисс Джоркинс выполняла особое поручение главы аврората Шеклболта. В последний раз ее видели в гостинице, в маленьком городке на юге Албании, но дальше ее след теряется. Официальная версия министерства не выдерживает критики: чиновники утверждают, будто опытного аврора(а мы не сомневаемся, что за порядком в нашей стране следят только опытные люди) попросту расщепило при аппарации."

Я сложила газету и задумчиво прознесла:

-- Кажется, у меня будет встреча не только с твоей бабушкой. Что-то я совсем расслабилась, раз нахожусь в информационном вакууме.

Августа Лонгботтом оказалась именно такой, какой я ее себе представляла: властной, своевольной и безмерно обожающей своего внука. Вопреки опасениям Невилла, мы нашли с ней общий язык, и миссис Лонгботтом даже пригласила меня погостить у них на летник какникулах. И, может, я даже воспользуюсь ее приглашением.

Вторая встреча была не столь радостной. Лорд Малфой, любезно согласившийся подбросить мне фактов, ввел меня в состояние крайней тревожности.

Я не знала, как увязать все факты в одну картину, но и по отдельности они мне нравились мало. В конце лета пропадает Берта Джоркинс, не последнее лицо в аврорате. На Чемпионате мира кто-то устраивает пожирательскую акцию -- и заклинание "Морсмордре", вызывающее Черную метку над местом преступления, оказывается выпущено из палочки, найденной в руке домовухи Крауча. Это притом, что домовым эльфам магическое законодательство вообще запрещает пользоваться

палочками. Как ни странно, никаких санкций арест домовухи не повлек -- Крауч по-прежнему остается на своем посту и судит Тремудрый Турнир. Более того, расследование в отношении Винки вообще прекратили -- после того, как Крауч дал ей одежду. Незадолго до Рождества Крауч заболевает -- настолько, что сейчас он не выходит из дому вообще, а его служебные обязанности исполняет Персиваль Уизли. Расследование по делу о Кубке Огня, заколдованном неизвестным, тоже проводилось крайне неохотно -- лишь после того, как Малфой нажал на все доступные рычаги, аврорат соизволил проверить Кубок на наличие заклинаний.

Люциус катастрофически терял позиции. Более того, он не понимал, почему это происходит. У него создалось впечатление, что некто неуловимый дергает за ниточки, имея конечной целью парализовать работу министерства. Малфой и Фадж, каждый по мере своих сил, старались собрать воедино рассыпаающийся механизм, но это было все равно что бороться с ветряными мельницами. Никаких тяжелых нарушений или должностных преступлений, за которые можно было бы наказать -- только халатность и небрежность. Не та дата в отчете, не тот номер в приказе, не та буква в фамилии назначенного сотрудника -- и горы, горы макулатуры растут, погребая под собой чиновников. Казалось, будто какой-то странный вирус заразил все министерство, а лекарства не действовали.

Тучи сгущались, но я не могла сообразить, над чьей головой они прольются дождем -- и ограничится ли только им. Возможен ведь и град...

Когда меня в конце марта вызвал для серьезного разговора папа, я уже была предупреждена. Наверное, поэтому я не слишком запаниковала, когда Северус расстегнул манжету на левой руке и показал мне запястье с Меткой -- обычно едва различимый рисунок потемнел раза в два, и ему не хватало самой малости, чтобы называться черным.

-- Он набирает силу. Такой Метка не была даже на твоем первом курсе, -- бесцветно проговорил папа.

-- Думаешь, все случится в этом году?

-- Вероятно. Каркаров уже готов при первой необходимости бросить своих студентов и сбежать. Ему есть чего бояться -- он сдал всех, кого мог, в свое время, и большая половина заключенных в Азкабане сидит там благодаря ему.

-- А ты не свидетельствовал? -- полюбопытствовала я. Северус медленно застегнул манжету. Он всегда носил одежду с длинным рукавом, таким, чтобы полностью закрывал Метку.

-- Нет. Не пришлось.

-- Но твое положение не лучше, -- невесело улыбнулась я. --

Все знают, чей ты отец.

-- Я в безопасности в Хогвартсе, -- положил мне руку на плечо папа. -- Здесь меня может настигнуть его зов -- но не более того.

Вспомнив, что говорил мне папа о Метке, я почувствовала озноб -- через эту маленькую татуировку можно было не только позвать, но и наказать своего вассала -- высосав досуха его магию, жизненную силу, душу.

-- Люциус говорил со мной вчера вечером. Его метка тоже потемнела. Сейчас он перенастраивает родовые чары вокруг поместья так, чтобы никто не мог войти без приглашения главы семейства.

-- Боюсь, это не поможет. Он вассал Реддла -- а, значит, тот имеет право без спросу входить в его дом.

-- Он знает. Он только хочет свести к минимуму опасность -- чтобы никто из Пожирателей не смог заглянуть в гости.

Папа предлжил мне чаю, и я с удовольствием вдохнула запах мяты. Отпила глоточек, посмаковала.

-- Он склонен к театральным эффектам, -- сказал Северус. -- Я боюсь, что на третьем испытании случится что-то дурное.

Я вспомнила составленный для Трелони гороскоп и кисло усмехнулась:

-- Я уверена, что все будет хорошо.

-- Я боюсь за тебя.

-- Знаю. Не надо. Все будет хорошо, -- повторила я, обнимая папу, и отмечая мимоходом, что уже достаю ему макушкой до подбородка. -- Все будет хорошо...

На следующий день меня вызвал директор. Предвкушая мармелад и лапшу на ушах, я назвала гаргулье пароль и оказалась в кабинете. Он опять был захламлен, и я удивилась проворности, с которой Дамблдор натаскал сувениров взамен конфискованных Малфоем.

-- Ну, Гарри, как тебе живется?

-- Вашими молитвами, -- не удержалась я. -- Все просто замечательно, особенно Турнир -- столько новых впечатлений!

-- Ты ведь не принимаешь помощи от кого-нибудь из преподавателей или устроителей? Не все их намерения могут оказаться честными, -- сверкнул младенчески-чистым взглядом Дамблдор. -- Я хотел бы показать тебе кое-что. Ты уже имела дело с Омутом Памяти?

-- Нет, -- соврала я, не моргнув глазом. -- А что это?

Директорский Омут был украшен рунами по ободу и инкрустацией из сапфиров и рубинов. Насколько я разбиралась в рунах и магической минералогии, смысловой нагрузки украшения не несли.

-- В этом Омуте можно просмотреть чужие воспоминания. В данном случае -- мои.

Он вытянул из виска серебристую нить и поместил ее в чашу.

-- Наклонись над Омутом и погрузи лицо в воспоминание, -- велел он. Я так и сделала, и оказалась сидящей на скамье в среднем ряду амфитеатра. Внизу, в центре, на привинченном к полу кресле сидел Каркаров -- еще не седой, одетый в рваную грязную мантию. Его ноги и руки опутывали цепи. Захлебываясь от страха, он говорил и говорил, а у меня волосы поднимались дыбом от описания преступлений, совершенных Пожирателями. Лестранжи, Долохов, Руквуд -- их преступления проходили у меня перед глазами нескончаемой чередой, пахнущей кровью и болью.

Каркарова увели, последнее, что он успел поведать -- деяния Малфоя-старшего и Снейпа. На скамье подсудимых его сменяли Пожиратели, один за другим. Не было только папы и Люциуса -- они уже были оправданы, как узнала я из реплик Дамблдора, сидящего рядом со мной как зритель, и Бартемиуса Крауча, представителя обвинения. Предпоследним место в кресле занял Людо Бегмен, узнанный мною с превеликим трудом. Он был, не в пример нынешнему, мускулист и строен, и нос его еще не был расплющен бладжером -- до назначения в министерстве Бегмен был профессиональным квиддичным игроком.

Бегмена оправдали.

Последними были четверо: юноша лет восемнадцати-двадцати, светловолосый и светлоглазый. Он был напуган так, как никто из его предшественников, и трясся в своем кресле как студень. Вторым был худощавый средних лет колдун, чьи губы только нервно подергивались, третьим -- плотный мужчина, глядящий на Крауча пустыми глазами. Четвертой была черноволосая женщина, сидящая в своем кресле, как на королевском престоле. Ее лицо напомнило мне Сириуса, и я решила, что это его кузина Беллатрикс.

Крауч поднялся и посмотрел на заключенных. Лицо его исказила лютая ненависть.

— Вас доставили в Совет по магическому законодательству, — громко и ясно произнес он, — чтобы вынести приговор. Вы обвиняетесь в преступлении, гнуснее которого...

— Отец, — крикнул юноша, — отец... пожалуйста...

— ... этот зал еще не слышал. — Крауч повысил голос, чтобы заглушить слова сына. — Мы выслушали свидетельства, доказывающие вашу вину. Вы все обвиняетесь в том, что похитили мракоборца Фрэнка Лонгботтома и подвергли его заклятию Круциатус. Вы думали, что он знает, где находится ваш исчезнувший хозяин, Тот-Кого-Нельзя-Называть...

— Отец, я в этом не участвовал! — еще громче крикнул прикованный к креслу юноша. — Клянусь тебе! Не отправляй меня опять к дементорам...

— Вы также обвиняетесь в том, — надрывал голос мистер Крауч, — что, не узнав ничего от Фрэнка Лонгботтома, вы подвергли заклятию Круциатус его жену Алису Лонгботтом. Вы намеревались вернуть власть Тому-Кого-Нельзя-Называть, чтобы продолжать сеять зло, чем вы, без сомнения, занимались, пока ваш хозяин был в силе. И я прошу присяжных...

— Мама! — воскликнул юноша. Хрупкая маленькая волшебница, сидевшая рядом с мистером Краучем, билась в рыданиях. — Мама! Останови его! Мама, это не я, клянусь, это не я!

— И я прошу присяжных, — крикнул Крауч во всю силу легких, — тех, кто как я, считают пожизненный срок в Азкабане заслуженным наказанием, поднять руки.

Присяжные единогласно поддержали обвинителя. Зрители захлопали, на их лицах застыло мрачное торжество. Юноша, срываясь на визг, крикнул:

— Мама, нет! Я не делал этого, не делал! Я ничего не знал! Не отправляйте меня туда!

Дементоры влетели в зал. Трое взрослых узников поднялись с кресел; Беллатрикс, взглянув на Крауча из-под тяжелых век, воскликнула:

— Темный Лорд вернется, Крауч! Можете запереть нас в Азкабане! Мы и там будем ждать его! Он освободит нас и осыплет милостями! Мы одни остались ему верны! Старались найти его!

Светловолосый юноша пытался вырваться из рук дементоров. Но весь зал, и даже я, чувствовал — дементоры высасывают из него силы. Со скамей неслись насмешливые выкрики, многие вскочили на ноги. Беллатрикс быстрым шагом вышла из зала, а юноша все продолжал неравную борьбу.

— Я твой сын! — крикнул он, бросив умоляющий взгляд на Крауча. — Я же твой сын!

— У меня нет сына! — Голос Крауча перекрыл все остальные звуки, глаза почти вылезли из орбит. — У меня нет сына! — повторил он.

Худенькая волшебница захлебнулась рыданиями и обмякла без чувств в кресле. Крауч, казалось, этого не заметил.

— Уведите их! — крикнул он дементорам, брызжа слюной. — Уведите немедленно, и пусть они там сгниют!

Вынырнув из воспоминания, я покачнулась и ухватилась за стол. Зачем он мне все это показал? Чего хотел добиться?

-- Иди, Гарри. Ты предупреждена.

Глава 15

За ночь перед третьим испытанием на квиддичном поле вырос лабиринт. Изгородь из плотных темно-зеленых кустов поднималась на три метра, и у него был только вход -- выхода не предполагалось. За завтраком я получила кучу открыток с пожеланиями удачи -- точно такие же пришли и остальным чемпионам, разве что кучка Флер была куда как поменьше. Седрик и Виктор поочередно поймали мой взгляд и показали большие пальцы -- мол, готовы и в отличном настроении. Экзамены закончились, и от каникул нас отделяло только третье испытание, так что сегодня в зале царило необычайное оживление: все готовились праздновать независимо от результатов.

-- Снейп! Всех участников просят после завтрака собраться в известном вам месте, -- уведомила МакГоннагал.

-- Зачем это? -- не понял Невилл. -- Обычно вас инструктируют непосредственно перед испытанием, а оно только вечером. Я пожала плечами и вслед за Седриком пошла в комнату рядом с Большим залом.

-- Гарри! -- угодила я прямо в лапы Сириуса. -- Это невозможно! Ты стала еще выше со Святочного бала! Хватит уже, прекращай, -- засмеялся он.

-- Гарри, рад тебя видеть, -- улыбнулся Люпин.

-- Ремус! -- я беззастенчиво повисла у оборотня на шее. -- Прекрасно выглядишь! Давно пора, -- намекнула я на явное примирение с животной половиной. Ремус молча оттянул ворот и показал крупный селенит-кабошон на плоской светлой цепочке.

-- Правда? -- обрадовалась я. Оборотень кивнул. --Это же просто здорово!

-- Конечно, получается через раз, но это уже значительный прогресс, -- улыбнулся мне Люпин. -- Я твой должник.

-- Брось, -- махнула я рукой. -- Это подарок.

Оглядевшись по сторонам, я увидела, что Флер щебечет по-французски с парой волшебников, держащих за руки маленькую белокурую девочку. Наверное, сестра. Виктор, до того беседовавший по-болгарски с крючконосым колдуном и смуглой колдуньей, подозвал меня:

-- Гарри! Иди к нам!

Я взяла Ремуса и Сириуса и подошла к нему, знакомиться с викторовыми родителями. Цветана, его мать, неуловимо напоминала Гермиону -- такая же маленькая и женственная, с огромными черными глазами. Седрик тут же присоединился к нам с уже знакомым мне отцом Амосом и матерью Ровеной. Рита Скитер вертелась рядом то ли на правах будущей родственницы

со стороны моего крестного, то ли на правах журналистки, и я, пользуясь случаем, отвела ее в сторонку.

-- Что слышно в министерстве?

Рита помрачнела:

-- Плохо. Очень плохо. Пропадают бумаги, боюсь, и до людей дело дойдет. Сотрудники запуганы, разобщены. Если сейчас они не обьединятся, мы окажемся на грани кризиса. О, Сири! -- она явно не имела что добавить.

Ровным счетом то же самое писал мне лорд Малфой. Я не знала, что делать -- если мыслить глобально. А если локально -- то сегодня нужно покончить с турниром. Министерство день потерпит.

До самого вечера мы водили своих родных по Хогвартсу, Сириус рассказывал байки о своем мародерском прошлом, мы знакомили их с друзьями и одноклассниками. Когда начало темнеть, нас позвали на к лабиринту.

Зрители и судьи заняли свои места, и от меня не ускользнуло то, что сегодня вместо Крауча был Фадж. Видимо, Перси посчитали слишком мелкой сошкой.

К нам и комментатору Бегмену подошли Хагрид и профессора МакГонагалл, Грюм и Флитвик. У профессоров на шляпах, у Хагрида на спине кротового жилета светились большие красные звезды.

— Мы будем патрулировать снаружи, — сообщила участникам состязания профессор МакГонагалл. — Если кто-нибудь попадет в беду и почувствует, что требуется подмога, пошлите в воздух сноп красных искр, и мы незамедлительно придем на помощь. Все ясно?

Чемпионы кивнули.

— Тогда вперед! — весело скомандовал Бегмен четверым патрульным.

— Удачи, Гарри, — шепнул Хагрид, и патрульные разошлись в разные стороны, каждый на свой пост вокруг лабиринта. Коснувшись палочкой горла, Бэгмен тихо произнес:

— Сонорус!

И тут же его усиленный волшебством голос разнесся по всему стадиону:

— Леди и джентльмены, третье и последнее состязание Тремудрого Турнира начинается! Разрешите мне напомнить вам турнирное положение участников на сегодняшний день! Первое место делят между собой мистер Седрик Диггори и мисс Гарри Снейп, оба — школа «Хогвартс», у каждого восемьдесят пять очков!

Крики, гром аплодисментов разбудили птиц в Запретном

лесу, и они с тревожным гомоном поднялись в темное ночное небо.

— На втором месте мистер Виктор Крам, институт «Дурмстранг», восемьдесят очков! — снова гром аплодисментов. — И на третьем месте — мисс Флер Делакур, академия «Бобатон»!

— Итак, Гарри и Седрик, начнете по моему свистку! — пророкотал Бегмен. — Три... два... один...

Он резко свистнул, и мы с Седриком устремились внутрь лабиринта.

Высоченная живая изгородь бросала на дорожку черную тень. То ли изгородь была чересчур густой, то ли была заколдована, но звуки стадиона тут же стихли, стоило нам вступить во тьму лабиринта. Мне даже показалось на миг, что я под водой. Я вытащила палочку, сколдовала Люмос — и услышал, как Седрик произнес позади то же самое.

Мы прошли вместе метров двадцать и оказались у развилки. Глянули друг на друга.

— Разделимся, — сказала я, свернув влево. Седрик пошел направо.

Бэгмен снова дунул в свисток. Значит, в лабиринт вошел Виктор. Надо спешить. Выбранная мною дорожка казалась совершенно пустынной. Я повернула вправо и прибавила шагу, подняв палочку над головой, чтобы свет от нее падал как можно дальше. Впереди было по-прежнему пусто.

Вдалеке снова прозвучал свисток Бегмена: значит, все чемпионы внутри лабиринта.

Мне все время казалось, что за мной кто-то следит. Небо все темнело и темнело, и тени сгущались в лабиринте. Рука устала, и я стряхнула шарик Люмоса себе на кончик остроконечной шляпы -- вот, гораздо лучше.

--Указуй, -- шепнула я палочке, и та послушно указала на правую дорожку на очередной развилке. За спиной что-то прошуршало, и я уловила запах Седрика прежде, чем тот выскочил на дорожку у меня за спиной.

-- Хагридовы соплохвосты, -- пожаловался он, демонстрируя прожженную мантию. -- Еле отбился.

Он исчез за поворотом, а я передумала идти направо -- лучше сверну потом, на параллельную дорожку. Так я и сделала, и тут же оказалась перед высокой фигурой, скользнувшей ко мне. Дементор! Откуда тут дементор?

-- Экспекто Патронум! -- расцветающий посреди зимы бессмертник, карие глаза, мягкая улыбка...

Серебристый лохматый пес прыгнул на дементора и прошел

сквозь него, заставив дрогнуть и испариться. Я рассмеялась, касясь бесплотного носа -- значит, теперь ты такой?

Налево... Направо... Направо... Тупик. Указуй! Направо... Еще раз направо...

Прямо за кустами слева раздался леденящий хохот и крик. Я уже слышала такой хохот на Кубке мира, и не долго думая, крикнула:

-- Бомбарда Максима!

В ограде проделало огромную дыру, сквозь которую я увидела обезоруженного Крама, лежащего на земле, и наступающую на него Флер в образе вейлы-гарпии.

-- Флер! -- окликнула я, но та не обернулась.

-- Гарри, она под каким-то заклятием! -- крикнул Виктор и француженка взмахнула палочкой:

-- Авада Кедавра!

Только хорошая реакция спасла Крама от смерти. Он перекатился на бок и зеленый луч ударил в пяти сантиметрах от его головы.

-- Экспеллиармус! Ступефай! Петрификус Тоталус! -- полувейлу отнесло к изгороди и ощутимо приложило о землю. Не в силах пошевелиться, она только злобно на меня глядела немигающим взглядом. Я подобрала ее палочку и сунула в свою кобуру.

-- Что с бою взято, то свято, -- Виктор, кряхтя, поднялся с земли. -- Так у нас говорят. Где моя палочка? -- заоглядывался он.

-- Акцио палочка Виктора, -- скомандовала я и в следующую секунду протянула ее Краму.

-- Спасибо. Даже не поцарапалась. Гарри, ты мне жизнь спасла, -- Виктор вдруг встал передо мной на колени. -- Я признаю свой долг перед тобой.

-- Я принимаю твой долг и позову на помощь, если ты будешь мне нужен, -- серьезно сказала я. -- Пойдем дальше вместе?

-- Пожалуй, -- согласился Виктор. -- Мне попались акромантулы.

Он выпустил сноп алых искр из своей палочки, чтобы наблюдатели могли забрать Флер.

-- Мне -- дементор, -- поведала я, снова применяя заклятье компаса и устремляясь сквозь пробоину и направо.

-- Дементор? И ты справилась?

-- Я умею вызывать патронуса. Ого, смотри! -- прямо перед нами расстилалось болото. Ровно посередке спиной к нам стоял Седрик, обернувшийся на мой голос.

-- Ребята! Я застрял!

-- Заметно. И что, никак? -- поинтересовался Виктор.

-- Меня кто-то держит за ноги, -- пожаловался Диггори.

-- Наверное, болото, -- усмехнулся Крам.

-- Нет, -- помотал Седрик головой. -- Руки. Не приближайтесь!

Я глянула вниз -- из трясины к нам тянулись костлявые руки, судорожно сжимавшиеся в предвкушении. Отпрыгнув, я налетела спиной на Виктора.

-- Ай! -- крикнул вдруг Седрик и ушел в болото по колено. Не раздумывая, я скомандовала:

-- Акцио, Седрик! -- и мы повалились на твердую землю неаккуратной кучей.

-- Слезьте с меня, -- прохрипел откуда-то снизу Виктор. Мы повиновались и расползлись по разные стороны Крама.

-- Вы обьединились? -- полюбопытствовал Седрик.

-- Ага, -- кивнула я. -- Давай с нами.

-- С превеликим удовольствием. Черт, ботинки в болоте остались.

Болото сыто чвакнуло и превратилось в сухую землю, но я чувствовала запах жирной тины под дерном.

Дальше мы пошли вместе и хорошо сделали: еще дважды нам попадалось такое же болото, на первый взгляд неотличимое от сухой земли. С помощью левитирующего заклятья мы поочередно перенесли друг друга через опасный участок и недоуменно переглянулись -- преодолеть его без посторонней помощи не представлялось возможным.

Так мы и шли: я впереди, за мной Седрик и Виктор -- замыкающий. Один раз на нас набросился соплохвост, метко подбитый Петрификусом Седрика -- он попал в мягкое брюхо, незащищенное панцирем.

По моим расчетам, от центра лабиринта нас отделяли всего два поворота. За первым из них нас поджидала сфинкс.

Львиное тело, человеческая голова с клыками и рыжей гривой волос, сложенные за спиной крылья, хвост в коричневой кисточкой на конце нервно хлещет по бокам.

-- Вы близки к цели. Отгадайте загадку и идите.

-- А если не отгадаем?

-- Тогда я поужинаю, -- облизнулась сфинкс. -- Итак, слушайте:

Мой первый слог проворней всех слывет по праву
Он очень быстр на руку, ногу и расправу;
Второй мой слог есть плод окружности решений
Ее с диаметром законных отношений.
Мой третий слог — абстрактно названный мужчина
Ни цвета кожи, ни фамилии, ни чина.
Сложив их вместе, существо ты образуешь,

Какое ты скорей умрешь, чем поцелуешь.

-- Я скорее умру, чем поцелую Дамблдора, но это не ответ, -- буркнула я.

-- Так, значит, первый слог быстр, то есть скор... так-так.. -- зашептал себе под нос Седрик.

-- Абстрактно названный мужчина... — пробормотал Виктор. — Мужчина, мужчина, он...

-- Пи! Число пи, -- осенило меня. -- Ответ на твою загадку -- скорпион!

-- Пи? -- спросил Виктор. Я отмахнулась:

-- Гермиона тебе обьяснит.

Сфинкс села и аккуратно обернула хвост вокруг лап.

-- Девочка пусть пройдет, -- решила она. -- Одна загадка -- один человек.

-- Загадай еще, -- потребовала я, но сфинкс с убийственной логикой заявила:

-- Не хочу загадку. Хочу есть.

-- Соплохвоста на тебя нету, -- буркнул Седрик. Сфинкс заинтересовалась:

-- А что такое соплохвост?

-- Это трехметровый, покрытый панцирем и очень вкусный зверь, которого очень трудно поймать. И он совершенно не умеет разгадывать загадки.

-- А у вас есть парочка? -- облизнулась сфинкс и переступила лапами. Я обрадованно махнула рукой в сторону:

-- Да, по дороге сюда мы нашли несколько.

Сфинкс улыбнулась и мявкнула:

-- Идите.

Взмахнув орлиными крыльями, она улетела.

-- Ставлю на соплохвоста, -- облегченно выдохнул Седрик и мы свернули за последний угол.

Метрах в трехста от нас на подставке сиял льдисто-хрустальный Кубок.

-- Красивый, -- решила я.

-- Бери его, -- хором сказали Виктор и Седрик.

-- Нет. Мы возьмем его вместе, -- твердо заявила я. -- Мы вместе прошли лабиринт, и заслужили право назваться победителями в равной степени.

Неспешно подойдя к подставке, мы смотрели на Кубок.

-- Обратно тем же путем? -- ни к кому конкретно не обращаясь, спросил Виктор.

-- Я думаю, Кубок зачарован как портключ. Надо коснуться всем вместе. На счет три. Раз! -- мы вытянули руки над Кубком. -- Два! Три!

Рывок в районе пупка, калейдоскоп перед глазами, вращающийся Кубок прямо перед носом...

Глава 16

Мы упали на землю и ощутимо приложились всеми выступающими частями тела.

--Это не квиддичное поле, -- Седрик поднялся первым и подал мне руку.

-- Это вообще не Хогвартс, -- заметила я.

-- Это кладбище, -- мрачно заключил Виктор. Ему повезло больше всех -- для приземления Крам выбрал мякую свежую могилку и только чудом не расшиб голову о крест.

-- Турнир закончился, это уже не часть задания, -- покачал головой Седрик, осматриваясь. Луна освещала все вокруг, вырисовывая заброшенную церквушку метрах в пятиста, бесчисленные кресты и паятники. На холме неподалеку стоял красивый особняк, окна которого не светились. Вниз по склону спускалась темная фигура в мантии, несущая в руках странный сверток, похожий на младенца. Не сговариваясь, мы выставвили перед собой палочки.

-- Кто-нибудь умеет аппарировать? -- поинтересовался Виктор.

-- Нет, -- отозвались мы с Седриком.

-- Замечательно, -- коротко хохотнул Крам. -- Идеи?

-- Портшлюсы, я полагаю, вы создавать тоже не умеете, -- нервно облизнул губы Седрик. Я не успела ответить -- закутанная в мантию фигура успела приблизиться достаточно, чтобы мы услышали леденящий душу голос:

-- Убей лишних!

Без слов мы бросились врассыпную и схоронились за надгробиями. Зеленый луч Авады ударил там, где только что стоял Крам.

-- Опять, -- хмыкнул он.

И тут мой шрам буквально взорвало болью. Скорчившись, я хватала ртом холодный воздух и отчаянно собирала воедино свои мысли, чтобы запереть эту неправильную, неестественную боль.

Мои руки скребнули по земле и я мимо воли выкатилась на открытое пространство.

Глаза заметили надпись на надгробии, за которым я только что пряталась: "Том Реддл". Неужто папаша Волдеморта? Следующие слова подтвердили мою догадку:

-- Кость отца, без ведома взятая, плоть слуги, отданная добровольно, кровь врага, взятая насильно... Ты поможешь мне обрести тело -- а взамен я убью тебя быстро.

-- Мечтай, -- выдохнула я и вытянула руку к лежащему

неподалеку Кубку:

-- Акцио!

-- Каэдо! -- вместе со мной крикнул неизвестный мне волшебник и мою руку полоснула острая боль. Что-то горячее полилось мне на пальцы, сжавшиеся вокруг ножки Кубка.

-- Ко мне! -- заорала я, поднимаясь и бросаясь за надгробие. Виктор и Седрик, слава Мерлину, повиновались и упали рядом.

-- Хватайтесь за Кубок! Портус!

Уже знакомая круговерть вынесла нас к месту, о котором я успела подумать -- ко входу в лабиринт. И -- да! -- нас снова крепко приложило о землю.

-- Ни слова о случившемся, -- предупредила я. -- Потом обьясню.

К нам уже бежал Людо Бегмен, вопящий во всю глотку:

-- Беспрецедентно! Такого еще никогда не бывало! Впервые в истории Тремудрого Турнира у нас не один, а три победителя!

Мадам Помфри спешно залечила мою руку и осмотрела других участников на предмет травм. Кроме многочисленных синяков, таковых не обнаружилось, и на поволокли на воздвигнутый здесь же пьедестал. Я запомнила только, как Седрик применил умножающее заклятье и Кубков стало три, как пораженный Фадж стоял с мешочком галлеонов, не зная, кому его вручить и наконец сунул Краму как ближестоящему. Как орали и вопили зрители, и фейерверки взлетали в воздух бесчисленными птицами и цветами. Как папа судорожно схватился за левую руку и глянул на меня огромными глазами, а я одними губами шепнула: "Потом." Как ко мне сквозь толпу протолкались друзья, и как я с облегчением повисла на Невилле...

Когда нас наконец отпустили в Хогвартс, я первым делом вымылась всласть и переоделась. В гостиной уже вовсю шло празднование, Виктор и Седрик справились прежде меня и теперь тонули в толпе фанатов. Стоило только мне появиться, как кто-то заорал "Качать!" и нас подхватили десятки рук, подбрасывая к потолку.

Безумство длилось часов до двух-трех ночи, покуда утомленные студенты не расползлись по своим кроваткам, а кто не дополз -- тот устроился прямо на ковре. В гостиную тихонько пробрался папа.

-- Вы уже закончили?

-- Да, пожалуй.

-- Я должен поговорить с Гарри.

-- Да, пап. Мне нужно всем кое-то обьяснить.

Передислоцировавшись в папин кабинет, я рассказала, что произошло в лабиринте и на кладбище. Виктор и Седрик,

удовлетворившись моими обьяснениями (Волдеморт вернулся, его слуга заколдовал Кубок, чтобы получить меня), ушли спать. Уходя, Крам забрал с собой Гермиону, и она шепнула на прощание:

--Потом поговорим.

Остались только Драко, Невилл, я и Северус.

-- Малфой-мэнор! -- папа бросил в камин горстку летучего пороха. Огонь окрасился зеленым.

-- Люциус! Иди к нам.

Вышедший из камина аристократ был изрядно пьян.

-- Отец! -- бросился к нему Драко. Поддержав, усадил в свободное кресло.

-- Гарри, -- приветствовал меня Люциус. -- Вас можно поздравить?

-- Спасибо, Люциус, -- растерянно поблагодарила я. -- Что с вами такое случилось?

-- Со мной случился Лорд. Он возродился сегодня ночью, вы знали?

-- Подозревала. Я оставила достаточно своей крови на том кладбище.

-- Вы там были? Не повезло. Он собрал нас всех, и подверг профилактическому Круцио -- некоторых дважды. Обьявил, что восстал из мертвых, и что теперь все будет как прежде. В его ближайших планах -- свободить из Азкабана заключенных!

Я поняла, что он боится возвращения Беллатрикс. Он говорил мне о ней как о законченной психопатке, и вот теперь Беллатрикс будет на свободе.

-- Это все чертов Крауч! Он нашел его в забытых Мерлином трясинах Албании, он привез его сюда и нашел способ вернуть тело, --зашептал Люциус.

-- Крауч?

-- Барти Крауч-младший.

-- Отец ведь засадил его в Азкабан!

-- И он же освободил. Мать упросила его. Они пришли на свидание, и мать заменила Барти в камере, выпив Оборотное, а он вышел, выпив Оборотное тоже. Дементоры слепы, они не увидели подмены, а потом миссис Крауч умерла, и ее похоронили на тюремном кладбище. Барти держали под Империусом, но он сумел сбежать при попощи домового эльфа.

-- Винки, -- вздохнула я. Иногда преданность у домовиков доходила до абсурда.

-- Он сбежал в начале лета, он убил авроршу и узнал о Кубке мира по квиддичу и Тремудром Турнире. Это он устроил акцию устрашения. Это его палочка была в руках у домовика. Он стал

держать отца под Империо, как тот держал его, и ходил вместо него на работу. Он заколдовал Кубок Огня. Он бросил твое имя, вписав несуществующую школу вместо Хогвартса -- так, что ты оказалась единственной претенденткой. Кубок ведь не умеет считать до трех! -- хрипло рассмеялся аристократ и продолжил:

-- Лорд позвал нас к себе и я не посмел нарушить приказ. Мне досталось и за тебя тоже, Северус, -- он укоризненно посмотрел на папу. -- Ты теперь у нас мишень номер два -- сразу после дочери. Мне удалось убедить его в своей лояльности -- пока что. У меня все валится из рук. Я ничего не могу поделать. Министерство, Лорд... Он приказал держать все в тайне. Он не готов выступить открыто. Что нам делать?! -- возопил он. Я наколдовала стакан воды и выплеснула аристократу в лицо. Мокрые белокурые пряди прилипли к щекам, он уставился на меня удивленно, но почти трезво. Папа воспользовался моментом и сунул в его руку кубок с каким-то зельем.

-- Пей.

-- Фу, гадость какая, -- поморщился Люциус, выпив. -- Что это?

Он явно протрезвел, и я заговорила, тихо и отчетливо:

-- Вы всеми силами будете подчеркивать, что готовы убить меня и Северуса в любой момент. Вы даже будете настаивать сделать это лично -- или поручить Драко. Реддл не согласится -- он никогда не откажется от удовольствия сделать это лично. Таким образом вы будете в безопасности и сможете продолжить работать с Фаджем. Папа отныне будеть перемещаться только с помощью аппарации -- каминную сеть можно перенаправить. А если он вынудит вас принимать окончательное решение -- тогда и будем решать.

-- У вас сеть план? -- с надеждой спросил Люциус.

-- Будет, -- пообещала я. -- И завтра утром вы мне поможете его составить.

Глава 17

Я подозреваю, что наш план во многом напоминал план самого Реддла: затаиться, выжидать, собирать информацию и делать вид, будто мы все довольны сложившимся положением и не собираемся его менять. Люциус, услышав четкие инструкции, обрел почву под ногами и удалился к себе в мэнор вполне уверенным в себе и в завтрашнем дне. Друзья тоже успокоились -- конечно, им ведь не грозит непосредственная опасность... А вот папа остался хмур и зол на весь мир. Почему он злился -- понятно. Как мог прошляпить Дамблдор и многочисленные соглядатаи, что на Кубок наложено не то заклятье? А вот почему он хмурился -- неясно.

-- Северус, что тебе еще не нравится?

-- Мне не нравится, что моя дочь все еще связана с этим красноглазым уродом. И я стараюсь себя убедить, что в достаточной мере обучил ее окклюменции, чтобы эта связь не стала роковой. Если Лорд... Если Реддл о ней узнает, то не преминет испытать на прочность твой разум, подбрасывая видения казней и пыток, а посмотреть там было на что.

-- Мы найдем способ разорвать связь, -- уверенно заявила я. -- А до того я всеми силами постараюсь себя не выдать. Обещаю не лазить в мозги Реддлу и перед сном очищать разум, -- подняла я правую руку в жесте клятвы. Лицо папы немного разгладилось.

-- Хорошо, что ты осознаешь опасность. А твои друзья? Я сейчас не о тебе, -- жестом усадил он вскинувшегося было Невилла. -- Ты-то на удивление хорошо овладел окклюменцией. Драко я тоже учил лично. Я об Уизли и Грейнджер, и тех девочках-рейвенкловках -- сколько они знают?

-- Луне и Астории мы не рассказывали ничего лишнего, я уверена.

-- Остаются эти двое. Уизли я не учил, могу попытаться, но вряд ли это будет разумно -- он довольно безалаберный юноша. А Грейнджер окклюменция не далась -- что странно, ведь ей обычно удается все. Как защитить ее, если кто-то попытается ее допросить... -- папа не закончил. Махнув рукой, он вызвал домовика и попросил кофе, да побольше. Я поддержала: сегодня ночью все мы спали слишком мало для полноценного отдыха. Подумалось о Дамблдоре:

-- Северус, а ведь директор наверняка пронюхает о возвращении Реддла.

-- Если уже не пронюхал, -- подал голос Невилл из глубокого кресла, в которое спрятался с ногами(с недавних пор папа стал позволять ему эту вольность, ранее доступную только мне).

-- Что ты имеешь ввиду? -- резко спросил Северус. Невилл пожал плечами:

-- Одно из двух: либо он был в курсе и позволил Кубку перенести вас на кладбище, либо он не столь всеведущ, каким пытается казаться, и тогда он в одинаковом положении со всеми непосвященными -- узнает о Реддле только когда будет уже поздно.

Я согласилась:

-- Мысль верная. Как бы нам проверить, был ли он в курсе наложенных на Кубок чар? Может, домовики смогут что-то разузнать?

-- Лэнни! -- скомандовал Невилл.

-- Мистер Невилл, сэр! -- Лэнни явно оторвали от уборки -- у

него в правой руке была метелка из перьев.

-- Лэнни, у нас к тебе очень важное дело, -- начала я. -- Помнишь, ты рассказывал мне о нехорошем ученике Реддле, открывшем когда-то Тайную комнату?

-- Как не помнить, мисс Гарри!

-- Этот ученик потом вырос и стал Волдемортом.

Уши домовика испуганно прижались.

-- Ты знаешь, что он долгое время считался мертвым. Вчера ночью он ожил, и нам нужно знать, что об этом известно директору. Если ты услышишь какой-либо разговор о Реддле, Томе, Волдеморте, Лорде, Темном лорде или Том-кого-нельзя-называть, -- перечислила я все возможные имена врага, -- Пожалуйста, дай нам знать.

Лэнни задумался. Спустя минуты две-три он отмер и склонил голову набок:

-- А господин директор мочь говорить о нехорошем колдуне "Он"?

-- Вполне, -- переглянулись мы. Лэнни торжественно заявил:

-- Директор не спал всю ночь, он сидел в кресле и смотрел на какой-то украшение у себя на шее, и приговаривал: "Как он мог вернуться? Неужели это правда? Так невовремя, так невовремя..."

Я с чувством произнесла:

-- Лэнни, ты нам очень помог! Я даже не знаю, как мне благодарить тебя.

Домовик раздумывал не больше пары секунд:

-- У нас на кухне работает новая домовуха. Он постоянно плакать и говорить, что ей не нравится тут и что она хочет в семью, чтобы следить за настоящим волшебным домом. Ей не нравится Хогвартс, он слишком шумный и большой. Может, вы могли бы взять ее себе?

Папа поморщился:

-- У нас уже есть Добби. Одного домовика вполне достаточно для нашего дома. Может, предложить ее Блэку?

-- Кикимер ее заклюет. Невилл, может, твоя бабушка согласится?

Глаза Лэнни с надеждой посмотрели на Невилла. Тот задумался.

-- Даже не знаю. Бабушка очень требовательная и старомодная. Если она похожа на Кикимера -- ну, я не имею ввиду этих его заморочек насчет чистокровности, -- прибавил он. -- Тогда она согласится. А если она такая же странная, как ваш Добби -- пусть Ремус возьмет ее себе. Он ведь собирается покупать дом, не так ли?

Лэнни предложил:

-- Пусть мистер Невилл сам познакомится с Винки! -- и с звучным хлопком исчез.

-- Винки? Это не эльф ли Крауча? -- поинтересовался папа.

-- Она самая, -- подтвердила я. В этот момент появился Лэнни с домовухой в ободранном вафельном полотенце. Ее выпученные глаза были серо-голубыми, голову украшал хохолок серых волос, а без единой морщинки кожа указывала на то, что домовуха очень молода -- по их меркам едва вышла из подросткового возраста. Хотя она наверняка была старше папы раза в два, а то и три -- домовики живут долго, дольше волшебников.

-- Госпожа, -- ее глаза уставились на меня. -- Господа, -- обежали они поочередно папу и Невилла. Домовуха упала на колени:

-- Возьмите меня к себе!

К кому именно она обращалась, было непонятно. Мне захотелось прояснить некоторые моменты в истории с Барти Краучем-младшим.

-- Винки, расскажи нам, как Краучу-младшему удалось сбежать?

Домовуха осеклась и упрямо сжала губы.

-- Винки виновата. Винки не выполнить приказа хозяина. Винки послушаться младшего хозяина и тот обмануть Винки. Но Винки не может говорить плохо о хозяевах, пусть хозяева и выгнать Винки. Так что Винки молчать, пусть даже ей придется всегда мыть полы в Хогвартс, да-да.

Она упрямо покачала головой и Лэнни пояснил:

-- Винки ни за что не расскажет вам ничего о прежних хозяевах. Ни один домовик не станет рассказывать такое.

-- А ты? -- с интересом уставился на него папа. -- Роазве ты не нарушил только что этот вош кодекс домовячьей чести, когда говорил о Дамблдоре?

Лэнни улыбнулся, а я объяснила:

-- Дамблдор ему не хозяин. Лэнни и остальные хогвартские эльфы подчинялись бы как хозяину только потомку основателей -- но ввиду его отсутствия их хозяин сам замок.

Северус только удивленно поднял бровь -- видно, ему захотелось расспросить Лэнни подробнее, но сейчас надо было решить вопрос с Винки.

-- Хорошо, -- сказала я, обращаясь к ней. -- Мы не будем тебя расспрашивать о Краучах. Но нам интересно, всякому ли хозяину ты готова служить. К себе мы тебя не возьмем -- у нас уже есть домовик, а дом слишком маленький, чтобы работа нашлась вам двоим. А вот у Невилла домовика нет, -- указала я на своего парня. Винки немедленно подскочила к нему и молитвенно

сложила маленькие ручки:

-- Господин Невилл взять Винки! Господин не пожалеть! Винки все-все уметь делать!

Невилл смущенно кашлянул:

-- Я почти все время живу в школе, и тебе придется жить с моей бабушкой Августой Лонгботтом. Так что тебе придется понравиться ей, а не мне.

Винки затрясла головой:

-- Винки сделать все, чтобы почтенная леди остаться довольна!

-- Тогда я позову тебя, когда буду дома.

Оба эльфа исчезли, а Невилл с облегчением вздохнул:

-- Она кажется нормальной. Бабушке понравится, что Винки не желает обсуждать прежних хозяев.

-- Вот и прекрасно, -- подытожил папа. -- Идите, собирайтесь. Я аппарирую вас по домам как только вы будете готовы.

Решив не спорить с Северусом насчет "Хогвартс-экспресса", мы ушли собираться и прощаться с друзьями.

Клятвенно пообещав писать друг другу, проводили к кораблю Виктора -- Каркаров отбывал сразу после завтрака, пригрозив оставить опоздавших здесь и предоставить им добираться самим. У Гермионы глаза были на мокром месте -- вряд ли они с Виктором теперь скоро увидятся. Разве что на каникулах, и то сомнительно -- у квиддичистов не бывает каникул или выходных, по крайней мере фиксированных, а Крам после школы собирался заниматься именно квиддичем.

Помахали вслед бобатонской карете -- здесь уже не торопилась уезжать мадам Максим, томно вздыхая и глядя на Хагрида, а подопечные то и дело дергали ее, желая как можно скорее оказаться дома. Флер так вообще залезла в карету с самого утра и не высовывала оттуда заплаканного лица. Наложенный на нее Империус сняли (видно, Крауч решил подстраховаться и убрать моих соперников, чтобы Кубка коснулась именно я), и теперь француженка была шокирована тем, что едва не стала убийцей.

Отбыли на запряженных фестралами каретах хогвартцы. Диггори собирался поступать в высшее аврорское училище, и я обещала как-нибудь познакомить его с Тонкс. Папина пассия уже выпустилась и с этого года стала полноценным сотрудником нашего доблестного аврората, и мы очень рассчитывали на нее как на источник сведений о внутренних делах министерства.

И, наконец, папа аппарировал нас по домам, сперва Невилла, а потом и меня с Косолапусом под мышкой. Коту аппарирование не очень понравилось -- он еще долго фыркал и потряхивал

рыжей лобастой башкой, отходя после перемещения.

Дом, милый дом. Надлежало встретиться за обедом с крестным, Ритой и Ремусом, рассказать, что произошло, призвать к "постоянной бдительности" -- благословен будь Хмури за поистине крылатую фразу.

И, конечно же, перелопатить блэковскую библиотеку и найти способ обезопасить разум Гермоны от любопытства директора.

ЧАСТЬ 5

Глава 1

Лето пролетело быстро. Способ был найден -- старинный ритуал, позволяющий оградить мысли и воспоминания. Его мы провели незамедлительно. Был и побочный эффект -- теперь Гермионе придется забыть об анимагии, чтобы второе сознание не разрушило выстроенную защиту, но она и не собиралась изучать это искусство, так что не огорчилась.

Свой день рождения я отпраздновала в доме Невилла: тихо, по-семейному, за чаем с тортом. Его бабушка оказалась действительно старомодной и, как ни странно, папа поддержал ее начинание -- так что теперь у меня на пальце красовалось скромное кольцо-обещание, символ нашей с Невиллом помолвки. Я не противилась -- для себя я уже все решила перед памятным Святочным балом, а вот Невилл казался очень удивленным, словно мое решение стало для него неожиданностью. У него даже руки подрагивали, когда он надевал мне на палец тонкий платиновый ободок с искоркой-алмазиком. Вообще-то должно было быть серебро, но в силу своей периодической мохнатости я не могла прикасаться к этому металлу, и в последний момент успела трансфигурировать материал кольца -- иначе оно здорово обожгло бы не кожу, а почтенная Августа оказалаь посвящена в мою маленькую тайну. Как-нибудь в другой раз...

После нашей помолвки Невилл стал вести себя довольно странно. Он впадал в задумчивость, постоянно смотрел на меня непонятным взглядом и даже попросил позволения почитать книгу Блэр об оборотнях -- хотя я и так пересказала ему все, что прочитала.

Я уже было собралась поинтересоваться, в чем дело, когда загадочное его поведение обьяснилось -- хотя и не тем способом, на который я надеялась.

Это произошло восьмого августа, когда мы возвращались из маггловского кафе -- там было превосходное мороженое, да и находилось оно достаточно близко к дому, чтобы папа не беспокоился. Мы как разсвернули на нашу улицу, как вдруг сумрак стал сгущаться, а температура снизилась почти на десять градусов за минуты две.

-- Какого пикси? -- Невилл снял с себя куртку и накинул мне на плечи, оглядываясь по сторонам.

-- Похоже на тот случай в поезде, -- неуверенно сказал он. -- Ну, с дементорами.

Я пропомнила: да, действительно, тогда иней покрыл стекла и погасли все лампочки.

-- Дементоры охраняют Азкабан, -- не менее неуверенно произнесла я, не спеша доставать палочку. Невилл ткнул пальцем в сторону моего дома:

-- Вон они! -- и правда, посреди дороги опустилась черня фигура, отрезая нам путь. Я обернулась -- вторая точно такая же преградила нам путь к отступлению. Задрав голову, я удостоверилась, что сверху парят еще с полдесятка тварей.

-- Хочется верить, что они тут просто так пролетали, -- нервно заметил Невилл, доставая палочку из рукава. Я последовала его примеру:

-- Это было бы слишком хорошо, чтобы оказаться правдой. Так, я наколдую Патронус, и мы немедленно бежим к дому.

-- Здесь живут магглы, -- напомнил Невилл. -- Дементоров они не видят, но Патронуса заметят. Ты нарушишь Статут.

-- Плевать, -- начала было я, но тут ближайший дементор спикировал ко мне и я разом обмякла, утратив волю к сопротивлению. Вспомнилось кладбище, и резкая боль в руке, и кровь, обжигающая пальцы -- кровь, что помогла возродить Волдеморта...

-- Экспекто Патронум! -- выкрикнул Невилл, и я с вялым удивлением увидела, как с кончика его палочки срывается серебристая волчица. Вялость и апатия тут же отступили, и я немедленно присоединилась:

-- Экспекто Патронум!

Мой собственный серебристый пес, беззвучно лая, накинулся на дементоров. Совместными усилиями двум патронусам удалось их прогнать, покуда мы изо всех ног бежали к калитке, под купол защитных чар.

-- Значит, волчица? -- спросила я, отдышавшись. Невилл кивнул:

-- Я подозревал, что он может оказаться таким.

-- Подозревал? Ты впервые смог призвать патронуса?

-- Да. На занятиях у Ремуса мне удавалось только облачко, -- напомнил он, но сейчас его интересовало другое:

-- А у тебя разве был пес? Ты говорила, ворон...

-- Был ворон, -- призналась я. -- Но с тех пор как я вызываю патронуса воспоминанием о редчайшем Helichrysum minor, эндемике, не встречающемся нигде кроме хогвартских

окрестностей...

Невилл только рот раскрыл:

-- Значит, я ассоциируюсь у тебя с собакой, -- уточнил он чуть позже со смехом. Я кивнула:

-- Верным, храбрым защитником.

Он порывисто обнял меня и признался:

-- Я боялся, что ты передумаешь.

-- Патронус не врет, -- прошептала я ему в ухо.

-- А если я не понравлюсь твоей волчице?

-- Ты уже ей нравишься, -- засмеялась я, вовсе не горя желанием выпутываться из обьятий: Невилл довольно редко позволял себе такие изъявления чувств.

Нашу идиллию прервали самым безобразным образом. В раскрытое окно гостиной влетели две рассерженных совы, сбросили нам в руки по письму с печатью министерства и улетели, зло ухнув на прощание.

"Уважаемая мисс Снейп!" --гласило оно.

"Согласно имеющимся у нас сведениям, сегодня в девять часов двадцать три минуты вечера в населенном маглами районе Вы использовали заклинание Патронуса.

За это грубое нарушение Указа о разумном ограничении волшебства несовершеннолетних Вы исключены из Школы чародейства и волшебства «Хогвартс». В ближайшее время представители Министерства явятся к Вам по месту проживания, с тем чтобы уничтожить Вашу волшебную палочку.

Ваше личное присутствие ожидается на дисциплинарном слушании в Министерстве магии 12 августа в 9 часов утра.

С пожеланием доброго здоровья, искренне Ваша

Муфалда Хмелкирк.

Сектор борьбы с неправомерным использованием магии.

Министерство магии."

Очевидно, в письме Невилла было то же самое, потому что он вдруг побледнел и прошептал:

-- Бабушка.

Да уж, почтенная Августа вряд ли примет министерских с распростертыми обьятьями. Я думала, как мне быть: Северуса нет дома, да и вряд ли он мне чем-то помог бы. Сириус и Ремус тоже, лорд Малфой пока не должен открыто высказывать свои предпочтения. Дамблдор... пожалуй, он не отказался бы от возможности сделать меня своей должницей, но от подрастерял позиции: его вынудили уйти из Визенгамота и из Международной конфедерации магов, так что реальной власти и влияния у него было маловато.

Бросив в камин горсть порошка, я произнесла:

-- Редакция "Ежедневного Пророка", -- и сунула голову в пламя. Связалась я удачно -- Рита была там и быстро ответила на вызов, выслушала и пообещала разобраться, а пока ни в коем случае не отдавать палочки, а Невиллу -- не возвращаться домой.

В томительном ожидании прошло полчаса -- и за эти полчаса в нашу дверь дважды стучали с требованием открыть. Мы не открывали, сидя тихо, как мыши под веником. Наконец в окно постучались еще две совы.

"Уважаемая мисс Снейп!

В дополнение к нашему письму, отправленному приблизительно сорок две минуты назад, сообщаем Вам, что Министерство магии отменило свое решение о немедленном уничтожении Вашей волшебной палочки. Вы можете сохранить ее до дисциплинарного слушания, назначенного на 12 августа, когда и будет принято официальное решение.

Министерство согласилось отложить до этого времени также и решение вопроса о Вашем пребывании в школе. Вам, таким образом, надлежит считать себя временно исключенным, вплоть до окончания расследования.

С наилучшими пожеланиями, искренне Ваша

Муфалда Хмелкирк.

Сектор борьбы с неправомерным использованием магии.

Министерство магии."

-- Ф-фух, -- выдохнул Невилл, и тут одновременно на ковер из камина шагнула его рассерженная бабушка и папа с Тонкс вошли в прихожую.

-- Невилл Лонгботтом! Объяснись-ка! -- потребовала она. -- Почему меня беспокоят авроры, ищущие моего внука, словно преступника?

-- Гарри? Что случилось? -- не понял папа. Вместо ответа мы протянули им свои письма, а потом изложили всю историю.

-- Вот ведь сволочи! -- выругалась Тонкс. Августа покосилась на нее:

-- Согласна с вами, Нимфадора, хотя юной леди не пристало выражась свои эмоции подобным способом. Ну ничего, они у меня попляшут!

Забрав письма, адресованные Невиллу, она откланялась. Дора с интересом глядела ей вслед:

-- И что она предпримет?

-- Пойдет к Рите, -- вздохнул Невилл. -- Что же еще?

На следующий день мы имели удовольствие прочитать сенсационную статью Риты "На Девочку-которая-выжила натравили дементоров!"

Содержание было еще круче. Там было и о юном нареченном,

вынужденном делать работу авроров и спасать свою невесту под угрозой лишения колдовской палочки, и о нерадивых министерских служащих, которые отказались комментировать происшествие, а потом и вовсе заявили, будто никаких дементоров в Спиннерс-энд не было, а были лишь двое безответственных подростков. Прошлась Рита и по ответственным за Азкабан -- ведь предполагается, что дементоры контролируются министерством, так в чем же дело? Неужели оно утратило контроль над этими порождениями тьмы? Азкабанское начальство отрицало и клялось, что все дементоры под контролем, и тогда Рита на закуску выдала ошеломляющий вывод: дементоров на нас натравил кто-то из министерства.

-- Зря она через строчку называет тебя моим женихом. Это подставляет тебя под удар, -- покачала я головой, возвращая газету Невиллу. Тот кисло улыбнулся:

-- Это все бабушка. Уверен, она лично просила Риту сделать на этом акцент -- чтобы утереть нос своим приятельницам. Они всегда утверждали, что я тюфяк и что ни одна девушка не... Ну, в общем, она добилась своего -- теперь каждая собака знает о нас. -- он кинул "Пророк" на журнальный столик, как что-то крайне мерзкое. Я немедленно перебралась из кресла к нему на колени -- в последнее время мне почему-то постоянно хотелось к нему прикасаться. Обняла за шею:

-- Ничего страшного. Это и так не было ни для кого секретом, так что при желании можно было обо всем узнать.

Невилл потер лоб.

-- Ты права, просто она так выпячивает это... Удивлен, что в статье нет фото твоей руки крупным планом. С кольцом, -- он мягко пожал мою кисть, поднес к губам и поцеловал.

-- Кстати, о кольце. Ты обратил внимание на Риту? Ну, когда мы виделись в последний раз? У нее на пальце был большой перстень с изумрудом, а обычно она носит полудрагоценные камни.

-- Думаешь, она дожала твоего крестного?

-- Не дожала, так дожимает, -- хихикнула я.

Глава 2

Утром двенадцатого августа Рита Скитер встретила нас в атриуме Министерства лично. Она выбила для нас разрешение воспользоваться каминной сетью -- и хорошо, поскольку, как мне было известно, рядовые сотрудники добираются на работу путем смывания себя в унитаз в общественном туалете. Фу, гадость...

Августа настояла на своем присутствии, Северус, естественно, хотел быть там тоже, так что впятером мы ступили на мраморные плиты атриума из высокого, украшенного лепниной камина. В

центре зала мы увидели фонтан, представлявший собой золотую скульптурную группу крупней, чем в натуральную величину, в центре круглого бассейна. Самая высокая из фигур изображала благородного чародея, взметнувшего в воздух волшебную палочку. Вокруг него стояли красивая волшебница, кентавр, гоблин и эльф-домовик. Последние трое смотрели на волшебницу и чародея снизу вверх, с обожанием. Из концов волшебных палочек, из наконечника стрелы кентавра, из острия гоблинской шляпы и из ушей эльфа били сверкающие струи, и журчание воды примешивалось к хлопкам трансгрессии и к шороху бесчисленных подошв. Сотни волшебников и волшебниц большей частью по-утреннему хмурых, шли к дальнему концу атриума, где виднелись золотые ворота.

— Туда, — сказала Рита, и мы подошли к стойке, за которой сидел пожилой колдун в министерской форме. Он неодобрительно покосился на репортершу в зеленой вырви-глаз мантии (к слову, изумруд на пальце Риты странным образом сочетался с ее мантией), но дело свое выполнил беспрекословно. На маленьких латунных весах он взвесил наши палочки (я взяла ту, что с пером феникса) и выдал значки, которые надлежало прикрепить к мантии. На знечке было нописано наше имя и цель прибытия в министерство. После этого мы загрузились в первый же лифт и поехали к месту проведения слушания. Лифт дергало немилосердно, он устремлялся то вправо, то влево, то вверх, и мы с непривычки то и дело заваливались в стороны, толкая министерских служащих, добирающихся на работу.

— Уровень седьмой. Отдел магических игр и спорта, включающий в себя штаб-квартиру Британско-ирландской лиги квиддича, Официальный клуб игроков в побрякуши и Сектор патентов на волшебные шутки.

Дверь лифта открылась, мы увидели неопрятный коридор, вкривь и вкось оклеенный плакатами, рекламирующими разнообразные команды по квиддичу. Ехавший в лифте волшебник с охапкой метел не без труда выбрался из кабины и двинулся по коридору. Дверь захлопнулась, лифт, дергаясь, стал подниматься дальше, и женский голос объявил:

— Уровень шестой. Отдел магического транспорта, включающий в себя руководящий центр Сети летучего пороха, Сектор контроля за метлами, Портальное управление и Трансгрессионный испытательный центр.

Дверь снова открылась, и пять или шесть человек вышло; в кабину между тем влетело несколько бумажных самолетиков. Они стали медленно и бесцельно кружить над головами пассажиров. Все они были бледно-фиолетовые, и вдоль кромки

каждого крыла шел штамп: «Министерство магии».

— Просто служебные записки из отдела в отдел, — тихо объяснила нам Скитер. — Раньше использовали сов, но грязь была невероятная...

Пока лифт, дребезжа, ехал дальше, служебные записки мотались вокруг лампы, свисавшей с потолка кабины.

— Уровень пятый. Отдел международного магического сотрудничества, включающий в себя Международный совет по выработке торговых стандартов, Международное бюро магического законодательства и британский филиал Международной конфедерации магов.

Когда дверь открылась, в нее над головами у выходящих вылетели две служебные записки, но несколько новых влетело. Они принялись носиться вокруг лампы, создавая впечатление, что она горит неровно, вспышками.

— Уровень четвертый. Отдел регулирования магических популяций и контроля над ними, включающий в себя подразделения зверей, существ и духов, Управление по связям с гоблинами и Консультационное бюро по борьбе с вредителями.

— Разрешите, — сказал волшебник с огнедышащим цыпленком в коробке и вышел. За ним последовала стайка служебных записок. Дверь снова с лязгом захлопнулась.

— Уровень третий. Отдел магических происшествий и катастроф, включающий в себя Группу аннулирования случайного волшебства, штаб-квартиру стирателей памяти и Комитет по выработке объяснений для маглов.

На этом этаже лифт покинули все, кроме нас и волшебницы, читавшей длиннющий пергаментный свиток, конец которого лежал на полу. Пока тряская кабина поднималась дальше, оставшиеся служебные записки по-прежнему парили вокруг лампы. Потом дверь открылась, и голос объявил:

— Уровень второй. Отдел обеспечения магического правопорядка, включающий в себя Сектор борьбы с неправомерным использованием магии, штаб-квартиру мракоборцев и административные службы Визенгамота.

— Прибыли, — сказала Рита и вывела нас наружу.

-- Мисс Скитер! -- кинулся к нам молоденький служащий, я его вспомнила -- окончил школу в позапрошлом году. Бентон, Баттон -- нечто в этом роде.

-- Я уж было думал, вы не получили мою сову!

-- Не получала, -- нахмурилась Рита.

-- Как же так? -- побледнел служащий. -- Я же... Они изменили время и место проведения слушания! В восемь, в старом зале номер десять...

-- Спасибо, Баттон, -- Рита резко развернулась и загнала нас обратно в лифт. -- Это вопиюще! -- возмутилась она. -- Они обязаны уведомлять об изменениях не позднее чем за сутки!

-- Почему они вообще измении время? -- нервно поинтересовалась Августа.

-- Понятия не имею. Но хорошо, что вы догадались прибыть заранее.

-- Это Гарри додумалась, -- сказал папа, и я заработала одобрительный взгляд Скитер.

-- Я предполагала, что мы можем столкнуться с неожиданными затруднениями, -- пожала я плечами.

Лифт между тем несся вниз, и Рита раздраженно жала на кнопки, не давая ему остановиться и подобрать других волшебников -- было уже пять минут девятого.

Наконец мы спустились в сырое подземелье, живо напомнившее мне о Тайной комнате, и почти бегом побежали к залу заседания. Перед залом Рита остановил папу и Августу:

-- Нам, к сожалению, туда нельзя.

Мы с Невиллом, взявшись за руки, шагнули в приоткрытую тяжелую дверь.

Как я ни старалась владеть собой, я задохнулась от изумления. Просторное подземелье, в которое мы вошли, было мне до ужаса знакомо. Я не просто видела его раньше — я побывала в нем, когда заглянула в Омут памяти Дамблдора. У меня на глазах супругов Лестрейндж приговорили здесь к пожизненному заключению в Азкабане.

Стены, сложенные из темного камня, были тускло подсвечены факелами. Справа и слева от нас вздымались ряды пустых скамей, но впереди, где скамьи стояли на возвышении, на них темнело много человеческих фигур. Сидящие вполголоса переговаривались, но как только за нами закрылась массивная дверь, в зале воцарилась зловещая тишина.

— Вы заставили нас ждать, — проговорил холодный мужской голос.

— Прошу прощения, — нервно сказал Невилл. — Я... мы не знали, что время изменили.

— Визенгамот в этом не виноват, — возразил голос. — Утром к вам была послана сова. Садитесь.

Невилл перевел взгляд на стоящие посреди зала кресла с цепями на подлокотниках. В Омуте памяти я видела, как эти цепи ожили и опутали подсудимого. Каждый наш шаг по каменному полу отдавался громким эхом. Когда мы осторожно опустились на краешек сиденья, цепи угрожающе звякнули, но обвивать нам руки не стали. Чувствуя себя, прямо скажем, неважно, я подняла

глаза на сидящих перед нами.

Их было человек пятьдесят, и на всех, насколько мы могли видеть, были мантии сливового цвета с искусно вышитой серебряной буквой «В» на левой стороне груди. Все смотрели на нас сверху вниз — одни чрезвычайно сурово, другие с откровенным любопытством. Это что, ради нас собрали полный состав Визенгамота? Вот это честь...

Посреди переднего ряда сидел Корнелиус Фадж, министр магии. Слева от Фаджа я увидела дородную волшебницу с квадратным подбородком и очень короткими седыми волосами. В глазу у нее поблескивал монокль, и выглядела она довольно-таки устрашающе. По правую руку от Фаджа сидела другая колдунья, но она так далеко откинулась на спинку скамьи, что лица не было видно.

— Очень хорошо, — сказал Фадж. — Обвиняемые явились — наконец-то. Можно начинать. Вы готовы? — крикнул он кому-то из сидящих.

— Да, сэр, — откликнулся сбоку услужливый голос, который был мне знаком. Перси, брат Рона, сидел на самом краю переднего ряда. Держа наготове перо, Перси сквозь стекла роговых очков смотрел на лежащий перед ним пергамент.

— Дисциплинарное слушание от двенадцатого августа объявляю открытым, — звучно провозгласил Фадж, и Перси тотчас начал вести протокол. — Разбирается дело о нарушении Указа о разумном ограничении волшебства несовершеннолетних и Международного статута о секретности Гарриэт Джин Снейп, проживающей по адресу: графство Большой Манчестер, Манчестер, Спиннерс-энд, дом номер тринадцать, и Невиллом Арктурусом Лонгботтомом, проживающим по адресу: графство Норфолк, Грейт-Ярмут, Джордж-стрит, дом номер семнадцать. Допрос ведут: Корнелиус Освальд Фадж, министр магии; Амелия Сьюзен Боунс, глава Отдела обеспечения магического правопорядка; Долорес Джейн Амбридж, первый заместитель министра. Секретарь суда — Персиваль Игнациус Уизли. Подсудимые, у вас есть защитник?

Мы уже обсудили этот вопрос с Люциусом, поэтому я встала и заявила:

-- Согласно Хартии о правах подсудимые могут сами представлять свои интересы в суде, если имеют достаточную квалификацию.

-- Уж не считаете ли вы себя достаточно квалифицированной, мисс? -- нагнулась вперед женщина, сидевшая справа от Фаджа. У нее было совершенно круглое лицо, дряблая обвисшая кожа и бесцветные глаза навыкате, а сидящий на макушке черный

бархатный бант, завязанный на мелких коротких кудерьках цвета мокрой мыши, создавал впечатление мухи, сидящей на жабе.

-- Считаю, мисс.. миссис?

-- Долорес Джейн Амбридж, -- недовольно представилась она. У нее был странно неподходящий обьемистому телу голосок маленькой девочки, звонкий и тоненький.

-- Согласно школьной программе, со второго по четвертый курс включительно в школе "Хогвартс" нам преподавали магическое право попрограмме подготовки, достаточной для того, чтобы занимать должность помощника судьи в случае успешной сдачи экзаменов. Я все три года получала стабильное "Превосходно", в чем вы можете убедиться, затребовав мой табель.

-- Мнение школьных учителей не может считаться авторитетным в данном случае, -- пискнула Амбридж.

-- В таком случае вам сперва надлежит в отдельном порядке пригласить на министерское освидетельствование нашего преподавателя по праву, вынести решение о его способности или неспособности определять уровень подготовки студента, и только потом принимать решение о том, разрешено ли мне защищать себя и мистера Лонгботтома.

-- Хватит, Долорес, -- вмешалась сидящая слева от Фаджа. -- По-моему, мы только что убедились, что юная мисс Снейп прекрасно может себя защитить. И мистера Лонгботтома тоже. Вы согласны на такого защитника, мистер Лонгботтом?

-- Да, -- сказал Невилл.

Перси педантично скрипел пером, занося в протокол все реплики. Надо будет потом вытребовать копию для Риты, ей понравится...

Члены Визенгамота вовсю перешептывались и ерзали; успокоились, только когда Фадж снова заговорил.

— Так, — сказал он, шурша пергаментами. — Хорошо. Итак, обвинение. Да.

Он извлек из лежащей перед ним стопки нужный лист, набрал побольше воздуха и стал читать:

— «Подсудимым вменяется в вину нижеследующее: то, что они сознательно, намеренно и с полным пониманием незаконности своих действий восьмого августа нынешнего года в девять часов двадцать три минуты вечера произнесли заклинание Патронуса в населенном маглами районе, что нарушает статью «С» Указа о разумном ограничении волшебства несовершеннолетних от тысяча восемьсот семьдесят пятого года и раздел тринадцатый Статута о секретности, принятого Международной конфедерацией магов». Вы -- Гарриэт Джейн

Снейп? -- уставился он на меня, будто впервые видел.

-- Да, -- подтвердила я.

-- А вы -- Невилл Арктурус Лонгботтом?

-- Да, -- отвечал Невилл.

-- Вы согласны с обвинением?

-- Да, -- хором ответили мы. Фадж даже рот разинул от неожиданности. Наверное, не ждал, что мы так легко согласимся. Но я не собиралась его радовать:

-- В статье седьмой Указа говорится, что в исключительных обстоятельствах применение волшебства допускается. Под понятие исключительных обстоятельств подпадают, в частности, ситуации, когда имеется прямая угроза либо жизни применяющего волшебство лица, либо жизни других присутствующих волшебников, волшебниц или маглов...

— Мы знакомы с седьмой статьей, спасибо! — крикнул Фадж.

— Конечно знакомы, — учтиво сказала я. -- Тогда вы согласитесь, что зашита принападении дементоров вполне под нее подходит.

-- Дементоры? Наглая ложь! Детская выдумка, попытка оправдаться! -- хлопнул ладонью по столу Фадж. Я поразилась тому, с каким энтузизмом он меня топил: похоже, Люциус совсем перестал его контролировать.

-- Согласно Хартии о правах суд может рассматривать воспоминания в Омуте Памяти как свидетельские показания.

-- Воспоминания? -- пискнул Фадж. -- У нас нет времени рассматривать какие-то воспоминания!

-- Следует ли рассматривать это как отказ о рассмотре улик, непосредственно относящихся к делу? -- вкрадчиво осведомилась я. Члены Визенгамота заперешептывались, одобрительно поглядывая на меня.

Амбридж хотела было что-то сказать, но Амалия Боунс ее опередила.

-- Суд рассмотрит ваши доказательства, если они будут предоставлены лично вами и прямо сейчас. Принесите Омут Памяти!

Перси поспешно вскочил со своего места и скрылся. Я припомнила, что писал Рон -- его старший брат больше не общался с семьей, предпочтя карьеру.

Он обернулся минут за пятнадцать, притаскал большую золотую чашу и установил на треногу. Первым воспоминание слил Невилл. Члены Визенгамота подходили к Омуту группами по пять человек и рассматривали его буквально минуту. Просмотревшие сразу начинали перешептываться и осуждающе коситься на Фаджа и Амбридж. Когда воспоминание просмотрела

Амалия Боунс, то вытщила из глаза свой монокль и уставилась на нас:

-- Поразительно! Телесный патронус в пятнадцать лет!

-- Дело не в том, насколько впечатляющим было это волшебство, — брюзгливо проговорил Фадж. — И если разобраться, то чем более впечатляющим оно было, тем хуже — ведь школьники сделали это на глазах у магглов!

Он просмотрел воспоминание одним из первых, и теперь явно старался придумать, как бы меня потопить. Когда все просмотрели невиллово воспоминание, я слила им свое.

-- Если бы хоть один дементор оказался в Манчестере, я думаю, министерство знало бы об этом! -- заявил Фадж, когда все уселись на свои места. Я с радостью ухватилась за предоставленную возможность:

-- Тогда, я думаю, мне стоит подать жалобу соответствующим службам и просить инициировать расследование того вопиющего факта, что, вопреки заверениям министерства, семь или восемь дементоров оказались в населенном магглами районе и напали на нас.

-- Дементоры находятся в Азкабане, юная мисс, и делают то, что от них требуется. Они под полным министерским контролем! -- звонко и сердито провозгласила Амбридж. Фадж только кивнул согласно.

-- Тогда, я думаю, стоит спросить, кто в министерстве имеет достаточно полномочий для того, чтобы натравить дементоров на двух школьников, -- вкрадчиво предложила я.

-- Мне на одну секундочку, -- с фальшивой улыбкой пропела Амбридж. -- Совсем малюченькую секундочку почудилось, будто вы, юная мисс, осмелились предположить, что кто-то в министерстве решил натравить на вас дементоров?

Я прищурилась:

-- Воспоминания нельзя подделать -- это факт. Восьмого августа в Спиннерс-энд оказались семеро дементоров -- это тоже факт. И если вы по-прежнему утверждаете, что дементоры подчиняются исключительно приказам министерства, вполне логично будет заключить: именно министерство приказало им напасть на нас.

-- Это возмутительно! -- воскликнула Амбридж.

-- Возмутительно? -- переспросила я. -- Что именно? Защищать себя от смерти вопреки Статуту? Или делать логические выводы, не устраивающие вас, мисс... миссис? Амбридж. Вы выдвинули обвинение -- мы предоставили доказательства в качестве защиты.

-- Вы смеете обвинять министерство!

Я мягко заметила:

-- Я никого не обвиняю, а всего лишь прошу инициировать служебное расследование. А также мне хотелось бы поинтересоваться, на каком основании министерство приняло решение об уничтожении наших палочек до слушания, и о нашем исключении из Хогвартса, хотя такие вопросы решает исключительно совет попечителей? Действия министерства были незаконны -- и, на наше счастье, отыскался человек, сумевший напомнить ему об этом.

Фадж закашлялся:

-- Законы можно изменить! -- ляпнул он. Я подняла бровь в стиле папы:

-- Вот как, господин министр? Складывается впечатление, что вы уже их изменили -- поскольку Хартия не предусматривает рассмотрения дела о колдовстве несовершеннолетних полным составом Визенгамота.

Пока Фадж в пылу спора не наговорил лишнего, Боунс прогудела:

-- На голосование выносится вопрос о виновности мисс Снейп и мистера Лонгботтома. Кто считает их виновными, поднимите руки!

"За" проголосовали двенадцать из пятидесяти, включая Фаджа и Амбридж, и я постаралась их запомнить.

-- Кто против? -- подняла руку Амалия. Вслед за ней подняли руки все остальные волшебники.

-- Оправданы по всем пунктам, -- резюмировала Боунс.

Я подошла к Перси и потребовала копию протокола.

-- А тебе зачем? -- зыркнул он.

-- На память.

-- Не положено! -- рявкнул Фадж.

-- Вообще-то, согласно положению номер восемь Хартии, подпункт три дробь один... -- начала я, и Фадж, побагровев, махнул рукой:

-- Копируй!

Перси с явным неудовольствием повиновался. Невилл скромненько попросил:

-- И мне тоже.

Это был перебор. Беззвучно разевая рот, Фадж осел на скамью, чуть не придавив возмущенно пискнувшую Амбридж. Перси злобно ткнул Невиллу его копию и мы, еле сдерживаясь от смеха, вылетели за дверь.

Глава 3

Двадцатого августа пришло письмо из Хогвартса. Открыв конверт, я без особого удивления вытряхнула на ладонь осиного

цвета значок.

-- Па, я -- староста! -- провозгласила я, спускаясь в лабораторию и усаживаясь на свободный стул.

-- Замечательно, -- отозвался он, капая какую-то жидкость на лист баньяна. Лист скукожился и покраснел.

-- Ядовито. Все еще василиск?

-- Он самый. Никакого прогресса, топчусь на месте. Что там еще?

Я заглянула в письмо:

-- Два новых учебника. — «Общая теория заклинаний» для пятого курса Миранды Гуссокл и «Теория защитной магии» Уилберта Слинкхарда.

-- Слинкхарда? -- поразился папа. -- Этого идиота? По нему только дошколят учить!

-- Видимо, наш новый преподаватель ЗОТИ так не считает. А что, правда, плохой учебник?

-- Его писал второй Локхарт, -- буркнул папа. -- Видимо, мне опять придется вас учить.

Мне почему-то пришли на ум десятки моих однокурсников, которых уж наверняка никто не научит ничему полезному.

-- Тебя проводить на Диагон-аллею?

-- А? -- переспросила я, вертя в пальцах значок: большая желтая "С" поверх черного барсука на желтом же поле. -- Нет, спасибо, я к Невиллу. Миссис Лонгботтом хотела пойти с нами.

-- Ну-ну, -- пробормотал папа. -- Купи мне три унции волоса единорога, только из гривы и непременно кобыльего.

На Диагон-аллею мы попали только после обеда -- Августа пригласила на утренний чай полдесятка подруг, и мы с Невиллом вынуждены были сидеть в этом старушатнике, прилежно отвечая на их вопросы. Невилла, кстати, тоже назначили старостой.

Проходя мимо кафе Фортескью, я заметила близнецов Уизли. Они шушукались с каким-то подозрительного вида типом на углу Диагон и Ноктюрн-аллей. Извинившись, я покинула своих спутников и подошла разузнать последние новости.

-- ...десять галлеонов за все? -- недовольно препирался с ними тип. Близнецы напирали:

-- Десять, Мундунгус, десять блестящих галлеончиков!

-- А риск? Двадцать, и ни кнатом меньше.

-- Хей, ребята! -- окликнула я. Названный Мундунгусом тип вздрогнул и едва подавил порыв сбежать.

-- О, Гарри! Гус, свои, -- успокоил его Фред. -- Гарри наш спонсор, все нормально.

После победы в турнире я решила вложить заработанные деньги в дело близнецов Уизли -- после окончания школы они

собирались открыть магазин волшебных приколов, их товары уже пользовались спросом среди студентов. Всякие батончики-блевончики и конфетки-кровь-из-носу здорово помогали сбегать с уроков, и уже приносили прибыль, так что я прибавила к выигрышу немного своих денег и стала полноправным третьим партнером в их будущем бизнесе. Даже пару идей подкинула -- с Лживо пишущим пером, перевирающим смысл написанного, и клейкой омелой -- двое оказавшихся под невинным растеньицем будут вынуждены поцеловаться, иначе не отлипнут от пола под ним. Фишка в том, что омеле были абсолютно неинтересны пол, возраст, социальный статус и привлекательность несчастных жертв.

-- Смотри, что нам Флетчер принес, — сказал Джордж, показывая мне горсть сморщенных черных стручков. Хотя они лежали совершенно неподвижно, из них доносилось тихое дробное постукивание.

— Ядовитая тентакула, — объяснил Джордж — Нужна нам для Забастовочных завтраков, но она занесена в класс С и не подлежит продаже, поэтому раздобыть ее не так-то просто.

— Ну так что, Гус, десять галлеонов за партию? — спросил Фред.

— А трудов-то мне каких стоило ее достать, — заныл Флетчер, и дряблые мешки под его налитыми кровью глазами отвисли еще ниже. — Как хотите, парни, двадцатник — и точка. Ни кната не сбавлю.

— Он шутник у нас, — сказал Фред.

— Это точно. Самая пока что смешная его шутка — шесть сиклей за сумку перьев нарла, — подхватил Джордж.

— Смотрите в оба, — предостерегла я. -- Тут Грюм шастает, ищет кого-то.

Флетчер беспокойно оглянулся.

— Твоя правда, — проворчал он. — Ну ладно, ребята, десять так десять, если по-быстрому.

— Молоток, Гарри! — восхищенно сказал Фред, когда Мундунгус опустошил карманы в подставленные ладони близнецов и поспешно двинулся в сторону Ноктюрн-аллеи.

-- Да ладно, -- махнула я рукой. -- Что у вас новенького?

-- Рона назначили старостой. Представляешь?

-- Меня и Невилла тоже. Миссис уизли, небось, рада-радехонька?

-- Как же, четвертый староста в семье, -- скривился Джордж. -- Пообещала ему на радостях новую метлу и парадную мантию.

-- Малыш Ронни будет засыпать, трогательно зажав значочек в потном кулачке, -- просюсюкал Фред, и мы рассмеялись.

-- Ну ладно, Гарри, нам пора, -- распрощался Джордж и утянул брата в аптеку. Не иначе, за ингредиентами.

Я побежала догонять Невилла с бабушкой -- они как раз входили в мастерскую мадам Малкин.

-- Миссис Лонгботтом!

-- Молли! Рада тебя видеть! -- в лавке обнаружились Молли Уизли с Роном и Джинни. Рон как раз стоял на табуретке, наряженный в темно-вишневую с искрой мантию, и мадам Малкин с помощницей подкалывали ему рукава.

-- Мой младшенький стал старостой, -- похвастала миссис Уизли. Августа гордо подбоченилась:

-- Мои тоже!

-- Твои? -- переспросила Молли, а Джинни взвизгнула и сцапала меня за руку:

-- Так это правда? Поздравляю! Мам, смотри, как здорово: Гарри обручена!

Августа задрала нос еще выше, Молли кисло улыбнулась и пробормотала поздравления, а мы с Невиллом переглянулись и усмехнулись понимающе: похоже, Августа переплюнула-таки Молли.

Две помощницы мадам Малкин подошли к нам и стали помогать выбирать новые мантии: как ни прискорбно было сознавать это, но я все еще росла. Хотя для пятнадцати лет сто семьдесят сантиметров -- это, кажется, самую малость чересчур. Себе я быстро подобрала школьную мантию из готового, праздничного же смотреть не стала -- лучше в Хогсмид схожу. Августа же заставила Невилла встать на табурет рядом с Роном, тут же занявшего его беседой о своей новой метле, и стала примерять на него одну мантию за другой. Невилл, как послушный внук, не сопротивлялся, хотя то и дело закатывал глаза. Джинни дернула меня за рукав:

-- А ты почему не участвуешь? Или тебе все равно, во что он одет?

-- У миссис Лонгботтом хороший вкус, -- пожала я плечами. -- Я никогда не видела, чтобы Невилл одевался неподходяще.

Джинни фыркнула:

-- И тебе совсем-совсем ничего не хочется в нем изменить?

Я непонимающе глянула на нее:

-- Но это же будет не Невилл, разве нет? И потом, что менять? Одежду? Прическу? Мне все нравится.

-- Да? -- озадаченно уставилась на меня Джинни. -- Так ты считаешь его красивым?

-- Ну причем тут это? -- искренне удивилась я. -- Это же Невилл! Как он может быть красивым или некрасивым?

-- Да или нет? -- настаивала она. Я задумалась. Пристально поглядела на Невилла, стараясь быть критичной. Так, ласковые карие глаза, мягкие светло-каштановые волосы, в которые так приятно зарываться пальцами, искренняя улыбка... Стоп-стоп. Джинни просила исключительно из соображений внешней красоты, не внутренней. Начнем сначала. Карие глаза. Красивые, большие. Густые темные ресницы. Это тоже красиво. Темные брови почти срослись на переносице, как у Крама... стоп, причем тут Крам? Пусть его Гермиона оценивает. Длинный прямой нос, почти такой же длинный, как был в молодости у папы, пока Сириус не постарался... Полные губы, румяные щеки, круглый подбородок, родинка на шее, почти рядом с ухом. Волосы вьются, доходят примерно до плеч, неровная рваная стрижка -- или это он так оброс? Никогда не обращала внимания.

-- Да, -- решила я. -- Красивый.

Джинни фыркнула опять:

-- Это Невилл-то? Да он на вид сдобный, как булочка! Длинноносый и оброс, как бобик.

-- И ничего он не сдобный, -- запротестовала я. -- Хочешь сказать, что он толстый? Как он может быть сдобным, если каждый день вместе со мной тренируется?

-- Ну, -- немного растерялась Джинни. -- Может, и не толстый, но у него щеки круглые.

-- И что? -- не поняла я. Джинни пояснила:

-- Просто ты со своей внешностью могла себе кого угодно отхватить. А выбрала Невилла, которы невзрачный тютя и вообще твоя тень.

-- Джинни, -- заявила я. -- Мы сейчас поссоримся. Какая такая у меня внешность?

-- Эффектная. Глазищи -- во! В пол-лица. Волосы чернющие, скулы!

Я покрутила пальцем у виска:

-- И что, что скулы? У Невилла скул нету, что ли?

-- Есть. Только они за щеками прячутся.

-- Да что ты прицепилась со своими щеками! -- вспылила я. -- Будто в парне главное -- это щеки!

-- А что? -- заморгала глазами Джинни. Я, не задумываясь, ответила:

-- Главное -- чтобы воспоминанием о нем ты смогла вызвать патронуса.

Тут кто-то обнял меня со спины, и я от неожиданности ойкнула. Августа Лонгботтом стояла, плача, слезы текли по ее морщинистым щекам.

-- Что с тобой, ба? -- подошел к нам Невилл, на ходу

застегивая мантию -- оказывается, они успели закончить примерку, пока мы тут спорили. Миссис Лонгботтом молча обняла и его тоже, а потом повернулась ко мне и обьяснила:

-- Так когда-то и Алиса сказала про моего Фрэнка.

-- Как? -- не понял Невилл. Августа молча расплатилась за покупки и вывела нас на улицу, оставив семейство Уизли в лавке. Только там она обьяснила:

-- Я когда-то была против того, чтобы Фрэнк женился на твоей маме. Думала, как же, такая красавица и умница -- не пара моему Фрэнку. Он же звезд с неба никогда не хватал. Злилась поначалу, все его отговаривала, но они все по-своему сделали. А уже на свадьбе я услышала, как подруга спрашивает Алису, мол, что ты нашла в Фрэнке? Он же серый, как мышь. А твоя мама и отвечает: "Зато патронуса я вызываю, вспоминая наше первое свидание."

Я помидорно покраснела, а Невилл шепнул мне на ухо:

-- Helichrysum minor, -- и счастливо засмеялся, обнимая меня за талию.

Глава 4

В купе старост мы зашли последними. Сперва мы долго устраивали багаж, стараясь не помять невиллову Мимбулус мимблетонию карликовую -- та же мимблетония, но маленькая и умеющая плеваться вонючим соком, стоит только дотронуться до нее чем-то острым или попытаться сжать слишком сильно. Потрясное растение, вот бы еще цветы на нем вывести и посадить вместо ограды...

Там уже сидели остальные старосты: Гермиона и Энтони Голдштейн от Рейвенкло, Рон и Лаванда Браун от Гриффиндора, и Драко с Паркинсон от Слизерина.

-- Наконец-то, -- буркнула Пенелопа Кристалл, староста школы. Я припомнила, что она одно время встречалась с Перси. -- Вы опоздали на пять минут.

-- Кошмар какой, -- закатил глаза Рон. Я была с ним полностью согласна.

Пенелопа шикнула на рыжего, и скучно рассказала инструкции. Школьников надлежало стеречь и наставлять, преподавателям помогать, патрулировать коридоры с десяти ло одиннадцати вечера и вообще быть каждой бочке затычкой. По приезду в школу взять у нее, Пенелопы, расписание для своего факультета, и скопировать каждому ученику, а также не забыть о пароле для гостиной -- их, оказывается, мог назначить староста.

Потом она прогнала нас патрулировать поезд, и наградила напоследок тяжелым взглядом "я-вижу-тебя-насквозь".

-- Пароль в нашу гостиную стоит у тебя на багажной полке, --

решила я. Невилл поднял брови:

-- Думаешь?

-- Уверена. Звучно и нетривиально.

Когда мы вошли в свое купе, вместо оставленной приглядывать за вещами Ханны Аббот там обнаружилась Луна. Сегодня она щеголяла ожерельем из пробок от сливочного пива, а палочку заткнула за ухо. Как обычно, она читала вверх ногами "Придиру".

-- Привет, -- рассеянно глянула она на нас. Мы синхронно кивнули.

-- А Ханна ушла. Твое растение плюнуло в нее чем-то неприятным, когда она хотела поставить рядом клетку с совой, -- сказала она Невиллу.

-- Видимо, посчитало, что совиный клюв довольно опасен, -- я сняла растеньице с полки и водрузила себе на колени. Серое, похожее на кактус, оно было покрыто бугорками и здорово смахивало на невиллового Тревора -- наверное, потому жаб воспылал к нему горячей любовью и сидел исключительно в горшке с мимблетонией. Вот и сейчас глянул на меня настороженно: что, мол, делать собралась? Осторожно погладив пальцем один из бугорков, я добилась тихого ""фр-р-р".

-- Ой, как интересно! -- Луна даже газету отложила, достала перо и потянулась пощекотать растение. Тревор глухо квакнул, растение булькнуло.

-- Смешное какое! -- рейвенкловка сунула в раскрытый рот мимблетонии конфету. Растение чавкнуло и требовательно пискнуло, разевая пасть пошире. Глядя на него, Тревор и себе раскрыл рот -- авось чего перепадет.

-- Только мясом не корми, -- предупредила я. Луна кивнула:

-- Ага. А нас закрыть хотели.

-- Кого -- вас? -- не поняла я.

-- "Придиру". Из министерства приходили. Сказали, что мы ведем незаконную коммерческую деятельность. И что какие-то важные бумажки, которые нам нужны, уже негодны, так что придется нас закрыть. А папа сказал, что раз он не может продавать свою газету, то будет раздавать ее даром. А министерские почему-то сильно разозлились и ушли. Даже на чай не остались.

-- Действительно, почему? -- пробормотал Невилл. Я поставила горшок на колени Луны и улеглась на сидение, согнув ноги -- иначе уже не помещалась. Уютно устроив голову на коленях Невилла, я прикрыла глаза и задремала. Прошлая ночь выдалась неспокойной: Сириус затеял вечеринку, провожали нас в Хогвартс и заодно отмечали выигранное судебное

разбирательство. Под конец он по секрету признался, что Рита переезжает к нему на Гриммо -- дескать, оттуда до редакции "Пророка" ближе. Можно подумать, она пешком ходит...

Спала я почти до самого Хогсмида -- когда пришло время патрулировать вагоны, Невилл просто аккуратно встал и пошел один, решив меня не будить. Когда я проснулась, оказалось, что к нам успели присоединиться Гермиона и Рон -- они вполголоса обсуждали летние новости.

-- Доброе утро, спящая красавица! -- дернул меня за косу Рон. -- Тебя близнецы зачем-то искали. Они что, втянули тебя в эту авантюру? Мама все лето их гоняла, кричала, что это занятие недостойно мужчин семейства Уизли.

-- Иногда мне кажется, что твоя мама совершенно не любит деньги, -- я потянулась и зевнула. Гермиона прищурилась:

-- А ты, значит, любишь?

-- Скажем так: я отношусь к ним с большим пиететом. В детстве меня слишком часто попрекали куском хлеба, так что я мечтала вырасти и поскорее начать зарабатывать самой. Когда я узнала о наследстве, у меня прямо камень с души свалился -- я уже было решила, что мне придется пользоваться милостью фонда для неимущих.

-- Значит, деньги -- не цель?

Я поняла, что подруга немного зациклилась. С ней это бывало: прочитает какую-нибудь книгу, вынесет основную идею и давай вызнавать точку зрения окружающих на эту проблему. Так уже было с домовиками -- хорошо, что ей вовремя обьяснили, что для их освобождения ничего нельзя сделать в принципе, а то развернула бы целое движение вроде "Свободу угнетенным". Так получилось и с оборотнями -- когда подруга узнала, что Люпин не мог найти официальной работы, она собиралась подавать какие-то петиции или жалобы в министерство, собирать подписи, но мы ее с грехом пополам остановили, обьяснив, что оборотни предпочитают скрываться в лесах и надо начинать не с министерства, а с самих оборотней. Беседовать с вожаками стай Гермионе в голову почему-то не пришло, и проблема мохнатых так и осталась нерешенной.

А теперь вот ей в голову стукнула какая-то очередная гениальная идея насчет денег. Ну-ну...

-- Признайся, что ты успела прочитать на каникулах?

Уши Гермионы запылали:

-- Ты так хорошо меня знаешь... Я читала Маркса. Ребята сказали, что это глупости! -- Гермиона возмущенно засопела. Я припомнила, что там писал Маркс по поводу денег и кивнула в знак солидарности:

-- Именно. Именно глупости.

-- Ну вот!

Я застонала. Вот заклинит же ее на какой-то бредовой идее! От необходимости продолжать дискуссию меня избавило приближение станции.

-- О, нам пора! -- схватилась Гермиона. -- Нужно первыми успеть в школу, Пенелопа обещала взять расписание...

-- Они нашли друг друга, -- буркнул Рон, выволакивая свой и гермионин чемоданы из купе.

-- О, нет! -- простонала я, обернувшись в сторону преподавательского стола.

-- Что? О, нет! -- повторил мой вопль Невилл, обернувшись туда же. По правую руку от Дамблдора сидела Амбридж в отвратительно-розовой пушистой кофте поверх такой же розовой мантии. На ее кудерьках дрожал пышный бант того же горячо нелюбимого мной цвета.

-- Пусть это будет шутка, -- взмолилась я. -- Единственная свободная вакансия -- должность преподавателя ЗОТИ.

-- А вдруг она -- мастер дуэли? -- неловко пошутил Невилл. Я мученически глянула на него, и парень замолчал. Только вздохнул и потрепал меня по плечу, разделяя мою печаль.

Макгоннагал внесла Сортировочную шляпу, опустила ее на колченогий табурет и выжидательно замерла.

В стародавние дни, когда я была новой,
Те, что с целью благой и прекрасной
Школы сей вчетвером заложили основы,
Жить хотели в гармонии ясной... -- начала Шляпа свою песню.

Чем дольше она пела, тем меньше мне нравилось ее сочинение.

Но сегодня я вот что скажу вам, друзья,
И никто пусть меня не осудит:
Хоть должна разделить я вас, думаю я,
Что от этого пользы не будет.
Каждый год сортировка идет, каждый год...
Угрызеньями совести мучась,
Опасаюсь, что это на нас навлечет
Незавидную, тяжкую участь.
Подает нам история сумрачный знак,
Дух опасности в воздухе чую.
Школе «Хогвартс» грозит внешний бешеный враг,
Врозь не выиграть битву большую.
Чтобы выжить, сплотитесь — иначе развал,
И ничем мы спасенье не купим.
Все сказала я вам. Кто не глух, тот внимал.

А теперь к сортировке приступим.

Зазвучали аплодисменты, но слышны были также и глухие перешептывания: многие обратили внимание на странную песню. Неужели Шляпа и впрямь что-то чувствует?

-- Бывало ли раньше такое, что Шляпа предостерегала студентов? -- спросила я у проплывающего мимо Толстого Монаха, нашего факультетского привидения. Тот остановился, воровато глянул на МакГоннагал и доверительно шепнул:

-- Безусловно. Шляпа чувствует опасность, как и все мы. Нечто страшное нависло над магическим миром, не только над школой. Но центр -- центр здесь... -- привидение вдруг внимательно вгляделось в мое, потом в невиллово лицо.

-- Да вы и так все знаете, -- протянул Монах. -- Зачем тогда спрашивать?

Он облетел стол и устроился на скамейке рядом с второкурсниками. Мы с Невиллом переглянулись и, пожав плечами, стали смотреть на первокурсников. После сортировки, в ходе которой Хаффлпафф пополнился на семь девочек и девять мальчиков, начался пир. Амбридж не столько ела, сколько рассматривала студентов, и мне было весьма неуютно под ее пытливым взглядом.

Наконец Дамблдор встал и начал свою ежегодную речь.

-- Теперь, когда мы начали переваривать этот великолепный ужин, я, как обычно в начале учебного года, прошу вашего внимания к нескольким кратким сообщениям, — сказал он. — Первокурсники должны запомнить, что лес на территории школы — запретная зона для учеников. Некоторые из наших старших школьников, надеюсь, теперь уже это запомнили (близнецы Уизли обменялись ухмылками). Мистер Филч, наш школьный смотритель, попросил меня — как он утверждает, в четыреста шестьдесят второй раз — напомнить вам, что в коридорах Хогвартса не разрешается применять волшебство. Действует и ряд других запретов, подробный перечень которых вывешен на двери кабинета мистера Филча.

У нас есть изменение в преподавательском составе. Я с удовольствием представляю вам профессора Амбридж, нашего нового преподавателя защиты от Темных искусств.

Прозвучали вежливые, но довольно вялые аплодисменты -- никто не ожидал ничего хорошего от новой преподавательницы -- уж слишком "говорящий" был ее внешний вид.

-- Отбор в команды факультетов по квиддичу будет происходить...-- директор умолк и с недоумением посмотрел на профессора Амбридж. Поскольку стоя она была лишь ненамного выше, чем сидя, все не сразу поняли, почему Дамблдор перестал

говорить. Но тут снова послышалось ее негромкое «кхе, кхе» и стало ясно, что она поднялась на ноги и намерена держать речь.

-- Профессор Амбридж хочет сказать нам пару слов, -- ласково промолвил Дамблдор и приглашающе разведя руки, сел, уступая ей внимание зала.

— Благодарю вас, директор, — жеманно улыбаясь, начала Амбридж, — за добрые слова приветствия.

Она еще раз мелко откашлялась — «кхе, кхе» — и продолжала:

— Как приятно, доложу я вам, снова оказаться в Хогвартсе! — Она опять улыбнулась, обнажив мелкие острые зубки. — И увидеть столькообращенных ко мне счастливых маленьких лиц!

Я прилежно оглядела зал, но счастливых лиц что-то не приметила. Наоборот, все были неприятно удивлены тем, что к ним обращаются как к пятилетним.

— Я с нетерпением жду знакомства с каждым из вас и убеждена, что мы станем очень хорошими друзьями!

Студенты начали переглядываться, некоторые с трудом подавляли смех.

— Я согласна с ней дружить только до тех пор, пока мне не придется позаимствовать у нее кофточку, — шепнула Бесси Ханне, и обе они беззвучно захихикали.

Профессор Амбридж снова издала свое «кхе, кхе», но когда она опять заговорила, восторженного придыхания в голосе уже почти не слышалось. Он звучал куда более деловито. Слова были скучными и как будто вызубренными.

— Министерство магии неизменно считало обучение юных волшебников и волшебниц делом чрезвычайной важности. Редкостные дарования, с которыми вы родились, могут быть растрачены впустую, если их не развивать и не оттачивать бережными наставлениями. Древние навыки, которые выделяют волшебное сообщество из всех прочих, должны передаваться из поколения в поколение — иначе мы потеряем их навсегда. Беречь, приумножать и шлифовать сокровища магических познаний, накопленные нашими предками, — первейшая обязанность тех, кто посвятил себя благородному делу преподавания.

Тут профессор Амбридж сделала паузу и легонько кивнула коллегам, ни один из которых на этот знак внимания не ответил. Профессор МакГонагалл так сурово нахмурила темные брови, что стала похожа на хищную птицу, и обменялась многозначительным взглядом с профессором Спраут. Папа молча взирал на коллегу с выражением крайнего отвращения. Амбридж между тем в очередной раз кхекхекнула и заговорила дальше:

— Каждый новый директор Хогвартса привносил в трудное

дело руководства этой древней школой нечто новое, и так оно и должно быть, ибо без прогресса нашим уделом стали бы застой и гниение. Однако прогресс ради прогресса поощрять не следует, ибо большая часть наших проверенных временем традиций в пересмотре не нуждается. Итак, необходимо равновесие между старым и новым, между постоянством и переменами, между традицией и новаторством потому что иные из перемен приносят подлинное улучшение, в то время как другие с течением лет выявляют свою ненужность. Точно также некоторые из старых обычаев подлежат сохранению, тогда как от тех из них, что обветшали и изжили себя, следует отказаться. Сделаем же шаг в новую эру — в эру открытости, эффективности и ответственности, сохраняя то, что заслуживает сохранения, совершенствуя то, что должно быть усовершенствовано, искореняя то, чему нет места в нашей жизни.

Она наконец села. Дамблдор скупо похлопал, многие преподаватели всего раз или два сомкнули ладони.

— Благодарю вас, профессор Амбридж, за чрезвычайно содержательное выступление, — сказал директор с легким поклоном. — Итак, я продолжу. Отбор в команды по квиддичу будет происходить...

-- Как тебе речь? -- обратилась я к Невиллу. Он потряс головой, словно отгоняя назойливую мошку.

-- Честно -- вода водой. Я так и не понял, что она имела ввиду.

-- Министерство нашло способ вмешиваться в школьные дела, и Амбридж тут вовсе не затем, чтобы учить нас. И это очень, очень плохо.

Дамблдор закончил, и все стали подниматься со своих мест.

-- Первокурсники, -- спохватилась я и, встав, призывно замахала руками:

-- Ау! Малыши! Хаффлпафф, первый курс, все ко мне!

Невилл поддержал меня и, словно две наседки, мы повели детей к гостиной кратчайшим путем, стараясь показывать им ориентиры -- чем скорее они запомнят дорогу, тем лучше.

Заставив каждого по два раза повторить пароль, мы запустили мелкоту в гостиную и усадили в кружок возле камина: предстояло знакомство и разделение подопечных между старшекурсниками. В свое время Бри, моя старшая подруга, здорово помогла мне разобраться в школьной жизни, чем, полагаю, существенно облегчила жизнь старостам -- представляю, какой кавардак творился бы у тех в головах, если бы каждый первокурсник шел со своими проблемами к ним.

Пожалуй, стоит предложить другим старостам ввести у себя

такую же традицию.

Когда я наконец добралась до своей комнаты, то обнаружила Ханну и Бесси все еще не спящими. Они болтали о летних каникулах и оклеивали стены комнаты плакатами с изображением Крама и Седрика.

-- О, Гарри! Как каникулы?

-- Не очень, -- призналась я. -- На нас с Невиллом дементоры напали.

-- Так в "Пророке" писали правду? -- поразилась Ханна. -- Мама говорит, газетам нельзя верить.

-- Тому, что пишет Скитер -- можно.

-- И вас правда судили полным составом Визенгамота, как взрослых преступников? -- округлила глаза Бесси.

-- Правда, -- подтвердила я.

-- Ну надо же!

Я наколдовала Темпус и страдальчески застонала -- десять часов, пора на патрулирование. Первый день в роли старосты, и уже хочется малодушно забиться под кровать. То ли еще будет...

Глава 5

Утром, идя в Большой зал на завтрак, я наткнулась на объявление:

"Греби галлеоны граблями!

Твои расходы давно превышают доходы?

Хочешь разжиться золотишком?

Свяжись с Фредом и Джорджем Уизли! Мы предлагаем нетрудную несметрельную и почти безболезненную работу с неполным рабочим днем (всю ответственность несет нанимающийся)."

-- Ну это уже ни в какие ворота! -- заявила подошедшая Гермиона. -- Рон! Уйми своих братьев!

-- А что плохого ои делают? -- привычно спросил рыжий, останавливаясь. Его со всех сторон облепили первокурсники, и он с явной неохотой остановился поговорить. Видимо, ему еще дома надоело выслушивать материнские замечания, и теперь он стремился побыстрее отделаться от Гермионы.

-- Рон! -- положение спасла Анджелина Джонсон, подлетевшая к нему со скоростью "Молнии". -- Мне нужно расписание седьмого и пятого курсов. Я теперь новый капитан команды по квиддичу, и до понедельника должна сдать мадам Хуч расписание тренировок.

Я спохватилась, что мне тоже надо было бы заняться этим -- после Тремудрого Турнира, когда мы праздновали в нашей гостиной, Седрик торжественно представил меня как свою преемницу, и ни единого голоса против не услышал. Так что мне

надо или приниматься за работу, или спешно искать нового капитана хаффлпаффской команде.

Наскоро перекусив, я поспешила на урок к Биннсу, где исчеркала пергамент возможными схемами. Невилл занимался первокурсниками, за что я была ему весьма благодарна -- чем скорее я разберусь со спортсменами, тем лучше. О, дохлый Мерлин! Нам ведь еще испытания на нового вратаря проводить!

В общем, на урок к Амбридж я пришла совершенно не в боевом настроении, что спасло Хаффлпафф от потери баллов, а меня лично -- от взыскания.

Когда мы вошли в класс ЗОТИ, Амбридж уже сидела за учительским столом.

На ней была та же, что и вчера вечером, пушистая розовая кофточка, макушку увенчивал черный бархатный бант. Жаба, как есть жаба.

В классе все старались вести себя тихо: профессор Амбридж была пока что величиной неизвестной, и никто не знал, насколько строгим ревнителем дисциплины она окажется.

— Здравствуйте! — пропела она, когда студенты расселись по местам.

Несколько человек пробормотали в ответ:

— Здравствуйте.

— Стоп-стоп-стоп, — сказала Амбридж. — Ну нет, друзья мои, это никуда не годится. Я бы просила вас отвечать так: «Здравствуйте, профессор Амбридж». Ещё раз пожалуйста. Здравствуйте, учащиеся!

Здравствуйте, профессор Амбридж! — проскандировал класс.

— Вот и хорошо, — сладким голосом пропела профессор Амбридж. — Ведь совсем нетрудно, правда? Волшебные палочки уберем, перья вынем.

Услышав это, многие обменялись угрюмыми взглядами. Ни разу еще интересный урок не начинался с приказа убрать волшебные палочки. Я молча засунула свою в сумку и вынула перо, чернила и пергамент. Амбридж, наоборот, достала из сумки волшебную палочку, которая была необычно короткой, и резко постучала ею по классной доске, где тут же возникли слова:

"Защита от Темных искусств. Возвращение к основополагающим принципам."

— Отмечу для начала, что до сих пор ваше обучение этому предмету было довольно-таки отрывочным и фрагментарным. Не правда ли? — сказала профессор Амбридж, повернувшись к классу лицом и аккуратно сложив руки на животе. — Постоянно менялись учителя, и не все они считали нужным следовать какой-либо одобренной Министерством программе. Результатом, к

сожалению, явилось то, что вы находитесь гораздо ниже уровня, которого мы вправе ожидать от вас в год, предшествующий сдаче СОВ.

Вам, однако, приятно будет узнать, что эти недостатки мы теперь исправим. В нынешнем учебном году вы будете изучать защитную магию по тщательно составленной, теоретически выверенной, одобренной Министерством программе. Запишите, пожалуйста, цели курса.

Она опять постучала по доске. Слова, которые на ней были, исчезли, и взамен появилось:

"ЦЕЛИ КУРСА:

1. Уяснение принципов, лежащих в основе защитной магии.

2. Умение распознавать ситуации, в которых применение защитной магии допустимо и не противоречит закону.

3. Включение защитной магии в общую систему представлений для практического использования."

Пару минут в классе раздавался только шорох перьев о пергамент. Когда все списали три поставленные Амбридж цели курса, она спросила:

— У всех ли есть экземпляры «Теории защитной магии» Уилберта Слинкхарда?

По классу пробежало глухое утвердительное бормотание.

— Мне кажется, надо попробовать еще разочек, — сказала профессор Амбридж. — Когда я задаю вопрос, ответ я хотела бы слышать в такой форме:

«Да, профессор Амбридж» или «Нет, профессор Амбридж». Итак: у всех ли есть экземпляры «Теории защитной магии» Уилберта Слинкхарда?

— Да, профессор Амбридж, — хором ответили ученики.

— Хорошо, — сказала Амбридж. — Теперь попрошу вас открыть пятую страницу и прочесть первую главу — «Основы для начинающих». От разговоров можно воздержаться.

Амбридж отошла от доски и, сев за учительский стол, стала наблюдать за классом своими выпуклыми жабьими глазами.

Это было еще хуже, чем у Биннса -- уже на третьей строке меня начало клонить в сон, а на четвертой я попыталась пальцами придержать веки, стремящиеся навстречу друг дружке. Рядом со мной Невилл рассеянно крутил перо в руке, не замечая, что уже испачкал половину пальцев чернилами. Гермиона свой экземпляр «Теории защитной магии даже не открыла. Подняв руку, она сверлила глазами профессора Амбридж.

Я не могла припомнить случая, чтобы Гермиона отлынивала от предписанного педагогами чтения, да и вообще чтобы она воспротивилась соблазну открыть какую бы то ни было лежащую

перед ней книгу. Я сделала вопросительное лицо, но она еле заметно покачала головой, давая понять, что не намерена вступать в разговоры, и продолжала пристально смотреть на профессора Амбридж, которая столь же упорно глядела в другую сторону. Ткнув локтем Невилла, я указала ему на Гермиону, но спустя еще несколько минут мы были уже не единственными, кто уставился на Гермиону. Глава, которую нам велено было читать, оказалась такой нудной, что все больше и больше народу вместо того, чтобы продираться сквозь «Основы для начинающих», принималось наблюдать за молчаливыми стараниями Гермионы привлечь к себе внимание Амбридж.

Когда больше половины класса уже смотрело не в книгу, а на Гермиону, профессор Амбридж решила, что не может больше делать вид, будто ничего не происходит.

— Вы хотите задать вопрос по поводу главы, милая моя? — спросила она Гермиону, как будто только что ее заметила.

— Вопрос, но не по поводу главы, — ответила Гермиона.

— Видите ли, сейчас мы читаем, — сказала Амбридж, обнажив мелкие острые зубки. — Все прочие неясности мы можем разрешить с вами в конце урока.

— Мне неясны цели вашего курса, — сказала Гермиона. Амбридж вскинула брови.

— Ваше имя, будьте добры.

— Гермиона Грейнджер.

— Видите ли, мисс Грейнджер, цели курса, как мне кажется, должны быть совершенно понятны, если прочесть их внимательно, — нарочито ласковым голосом сказала Амбридж.

— Мне они непонятны, — отрезала Гермиона. — Там ничего не говорится об использовании защитных заклинаний.

Последовала короткая пауза, во время которой многие студенты, наморщив лбы, перечитывали три цели курса, все еще остававшиеся на доске.

— Об использовании защитных заклинаний? — повторила профессор Амбридж с малюсеньким смешком. — Что-то я не могу представить себе ситуацию в этом классе, мисс Грейнджер, когда вам понадобилось бы прибегнуть к защитному заклинанию. Или вы думаете, что во время урока на вас кто-то может напасть?

— Мы что, не будем применять магию? — громко спросил Терри Бут.

— На моих уроках желающие что-либо сказать поднимают руку, мистер...

— Бут, — сказал Терри, выбрасывая руку в воздух.

Амбридж, чуть расширив улыбку, повернулась к нему спиной. Гермиона вскинула руку.

— Да, мисс Грейнджер. Вы хотите еще что-нибудь спросить?

— Хочу, — сказала Гермиона. — Не в том ли весь смысл защиты от Темных искусств, чтобы научиться применять защитные заклинания?

— Вы кто у нас, мисс Грейнджер, эксперт Министерства по вопросам образования? — спросила Амбридж все тем же фальшиво-ласковым тоном.

— Нет, но...

— Тогда, боюсь, ваша квалификация недостаточна, чтобы судить, в чем состоит «весь смысл» моих уроков. Новая учебная программа разработана волшебниками постарше и поумнее вас. Вы будете узнавать о защитных заклинаниях безопасным образом, без всякого риска...

— Ну, и какой от этого толк? — громко спросил Бут. — Если на нас нападут, то совсем не таким образом, не безо...

— Руку, мистер Бут! — пропела Амбридж. Терри немедленно вскинул руку, но профессор от него уже отвернулась.

-- Ваше имя? -- спросила она, поворачиваясь к Падме.

-- Падма Патил. Я согласна с Терри: если на нас нападут, то уж никак не безопасным образом.

-- Вы ожидаете нападения во время моего урока? Я скажу раз и навсегда, чтобы не возникало недопонимания: мои предшественники, бывшие, мягко говоря, не совсем компетентными, познакомили вас с заклинаниями, которые слишком сложны для вашей возрастной группы и потенциально представляют смертельную опасность. Вас запугали, внушая, будто вам следует со дня на день ждать нападения Темных сил. По мнению Министерства, теоретических знаний будет более чем достаточно для сдачи вами экзамена, на что, в конечном счете, и должно быть нацелено школьное обучение... Да, мисс Патил?

-- Разве на экзамене по защите от Темных искусств не будет ничего практического? Мы не должны будем показать, что умеем применять контрзаклятия и тому подобное?

— При хорошем владении теорией не будет никаких препятствий к тому, чтобы вы под наблюдением, в экзаменационных условиях использовали некоторые заклинания, — либеральным тоном сказала профессор Амбридж.

— Без всякой практики, без тренировки? — спросила Падма с недоумением. — Правильно я вас поняла, что первый раз, когда нам позволят применить заклинания, будет на экзамене?

— Повторяю: при хорошем владении теорией...

— Какая польза от этой теории в реальном мире? — громко подал голос Бут.

Профессор Амбридж взглянула на него.

— Здесь у нас школа, мистер Бут, а не реальный мир, — сказала она мягко.

— Значит, нас не будут готовить к тому, что нас ожидает вне школы?

— Ничего страшного вас там не ожидает, мистер Бут.

— Да неужели? — спросил Терри. -- А как насчет дементоров?

-- Это мисс Снейп рассказала вам такую чепуху? -- елейным тоном осведомилась Амбридж. Терри насупился:

-- Я читал в "Ежедневном Пророке"...

-- Вам стоит меньше верить газетам! Десять баллов с Рейвенкло!

-- За что? -- не выдержал Невилл, как ни дергала я его за рукав. -- За правду?

-- Мистер Лонгботтом, если не ошибаюсь? Вы все еще настаиваете на своих абсурдных заявлениях? -- Амбридж начинала закипать. Невилл заявил:

-- И ничего они не абсурдны! Если бы мы в суде не доказали свою правоту, то сейчас не сидели бы здесь! У меня сохранилась копия протокола, в которой черным по белому написано: оправданы по всем пунктам. Если мы врали, почему нас оправдали?

-- Взыскание, мистер Лонгботтом! -- пискнула Амбридж. -- Сегодня в пять вечера! Потрудитесь зайти ко мне в кабинет!

-- За что? -- ошеломленно спросил Бут, не ожидавший, что его вопрос произведет такой фурор.

-- За подрыв дисциплины и препирательство с преподавателем, мистер Бут. Желаете последовать примеру мистера Лонгботтома?

Терри замолк. Амбридж удовлетворенно сложила ручки на пузе:

-- Замечательно. Итак, страница пятая, глава первая. Класс, читаем!

За обедом все, у кого в этот день успел пройти урок по ЗОТИ, рвали и метали. Все сошлись в едином мнении: преподавателя хуже Амбридж школа еще не знала. Больше никто не решился столь открыто заявлять о своем недовольстве у нее на уроке, но недовольны были все.

Кипя от праведного негодования, я на зельях сделала то, чего со мной не случалось еще никогда: забыла положить один из ингредиентов и запорола зелье.

-- Гарри, останься, -- попросил меня папа, когда все выходили.

-- Что с тобой? -- спросил он, когда мы остались одни. Я раздраженно вычистила свой котел.

-- Амбридж.

-- Новая преподавательница? Да, она не сахар...

-- Не сахар? Да она Невилла оставила после уроков только потому, что он предложил принести протокол судебного заседания и доказать, что нас оправдали, установив, что дементоры в Спиннерс-энд были!

-- Гарри, -- мягко сказал папа. -- Разве вы не слышали ее речь?

-- Слышали. Но она настолько открыто заявляет, что... В общем, я поняла: вести себя тише воды, ниже травы и не прекословить. Но разве я могу проконтролировать других? Во всяком случае, не сейчас, -- исправилась я. -- Потом, когда недовольство достигнет пика, я обязательно что-нибудь придумаю.

-- Умница, -- папа мягко привлек меня к себе и поцеловал в лоб. Я вздохнула и ощутила, как из меня постепенно уходит раздражение.

-- Беги, -- кышнул меня папа. -- У тебя теперь хлопот выше Астрономической башни. Обязанности старосты, капитана квиддичной команды, подготовка к СОВ...

-- Твоя правда, -- скривилась я и пошла искать остальных квиддичных капитанов, чтобы согласовать время тренировок.

Глава 6

Пятый курс, как и предрекал папа, оказался крайне сложным. Домашних заданий задавали в два раза больше, и вкупе с остальными обязанностями спать мне приходилось едва ли шесть часов в сутки. Преподаватели, как один, талдычили о важности СОВ как об экзамене, определяющем нашу будущую профессию, и напирали на то, что именно их предмет является важнейшим и нужнейшим. Особенно трудно приходилось мне и Гермионе -- мы так до сих пор и не определились не то что с будущей профессией, а даже с направлением, и оставили для изучения все возможные предметы, отказавшись только от прорицаний и маггловедения.

Невилл уже давно определился -- он хотел углубленно изучать травологию и зелья как тесно связанную с ней дисциплину, Рон отдал свое сердце квиддичу и хотел стать спортивным комментатором, а Драко ждал семейный бизнес.

Остальные пятикурсники тоже бегали с ошалелыми глазами, пытаясь втянуться в ритм учебы, и уже не столь остро реагировали на выпады Амбридж. Признаться, я сама подумывала, что все обойдется одним взысканием -- на нем Невилла попросту заставили писать строчки. Но беда пришла, откуда не ждали.

По моей просьбе Рита составила на Амбридж досье, и то, что

я в нем прошла, мне очень и очень не понравилось. По всему выходило, что это именно она составиа и протолкнула законопроэкт об оборотнях, благодаря которому Ремус до сих пор не может получить работу. Именно ей принадлежит авторство закона об ограничении количества великанов -- после войны с Волдемортом, когда некоторые племена выступили на его стороне, великаны оказались, мягко говоря, не в фаворе. В прошлом году Амбридж агитировала отловить и навесить бирки всему водяному народу -- похоже, она ненавидела все магические меньшинства и старалась усложнить им жизнь, как могла.

Скитер утверждала, что против Хогвартса готовится какой-то законопроект, но не могла сказать, в чем именно он заключается. По добытым ею сведениям, он был призван максимально подчинить школу министерству и опутать по рукам и ногам лично Дамблдора. Оказалось, Фадж потому и прислал Амбридж в качестве преподавателя, что не хочет, чтобы мы изучали ЗОТИ. Боится, как бы мы не свергли правительство. Это какой вывихнутый мозг мог придумать подобную ересь! Просто Реддл не желает, чтобы нынешние школьники смогли защититься -- когда он опять предпримет попытку захватить власть.

Новости не заставили себя долго ждать. В один прекрасный день на нас с первой страницы "Пророка" глянуло жабье лицо Амбридж. Заголовок под фотографией гласил:

"Министерство проводит реформу образования

Долорес Амбридж назначена на пост генерального инспектора".

-- Вы видели? -- Гермиона подлетела к нашему столу и ткнула пальцем прямо в лицо Амбридж. -- Это невообразимо!

Я стала читать вслух:

-- «Вчера вечером Министерство магии приняло неожиданную меру, издав декрет, предоставляющий ему беспрецедентный контроль над Школой чародейства и волшебства «Хогвартс».

"Последнее время министр с растущим беспокойством следил за деятельностью Хогвартса, — сообщил нам младший помощник министра Перси Уизли. — Нынешнее решение принято в связи с озабоченностью родителей, считающих, что школа движется в нежелательном направлении“.

За последнее время это не первый случай, когда министр Корнелиус Фадж использует новые законы для совершенствования образовательного процесса в Школе волшебства. Не далее как 30 августа был принят Декрет об образовании № 22, согласно которому в случае, если нынешний директор не в состоянии подыскать кандидата на преподавательскую должность, Министерство само подберет

подходящего человека.

"Именно так и получила назначение в Хогвартс профессор Амбридж, — заявил вчера вечером Уизли. — Дамблдор никого не нашел, и в результате министр назначил Амбридж. Выбор чрезвычайно удачный. Коренным образом изменилось обучение защите от Темных искусств, а кроме того, министр обеспечен теперь текущей информацией о том, что на самом деле происходит в Хогвартсе."

Этой последней функции Министерство придало официальный характер своим Декретом об образовании № 23, учреждающим должность генерального инспектора Хогвартса.

"Это очередной решительный шаг министра в его стремлении остановить то, что многие считают упадком Хогвартса, — заявил Уизли. — Инспектор уполномочен инспектировать работу коллег-преподавателей, с тем чтобы поддерживался высокий уровень учебного процесса. Этот пост был предложен профессору Амбридж в дополнение к ее преподавательским обязанностям, и мы рады, что она согласилась."

Родители учеников Хогвартса восприняли этот шаг с энтузиазмом.

„Узнав, что деятельность Дамблдора поставлена под объективный контроль, я испытал большое облегчение, — заявил вчера вечером в своем уилтширском особняке мистер Люциус Малфой. — В последние годы многие из нас, кому небезразличны судьбы наших детей, были обеспокоены отдельными эксцентричными решениями Дамблдора, и мы рады услышать, что Министерство намерено отслеживать ситуацию в школе".

К числу этих эксцентрических решений, безусловно, относятся спорные кадровые назначения, о которых уже писала газета; так, были зачислены в штат оборотень Римус Люпин, полувеликан Рубеус Хагрид и страдающий паранойей бывший мракоборец «Грозный Глаз» Грюм.

Широко ходят слухи, что Альбус Дамблдор, в прошлом Верховный чародей Визенгамота и президент Международной конфедерации магов, уже не в состоянии выполнять обязанности руководителя престижной школы «Хогвартс».

„Считаю, что назначение генерального инспектора — первый шаг к тому чтобы Хогвартс получил директора, которому мы можем полностью доверять, — заявил вчера вечером осведомленный сотрудник Министерства".

В знак протеста против учреждения должности инспектора старейшины Визенгамота Гризельда Марчбэнкс и Тиберий Огден подали в отставку.

„Хогвартс школа, а не филиал учреждения Корнелиуса

Фаджа, — сказала мадам Марчбэнкс. — Это очередная возмутительная попытка дискредитировать Альбуса Дамблдора“.

(Подробно о предполагаемых связях мадам Марчбэнкс с подрывными организациями гоблинов — на стр. 17)».

-- Теперь понятно, как нам досталась Амбридж. Фадж провел этот декрет и навязал ее! И еще дал ей право инспектировать других преподавателей! — Гермиона часто дышала, у нее блестели глаза. — Невероятно! Безобразие!

-- Жду не дождусь, когда она заглянет к папе, -- фыркнула я. -- Амбридж даже не поймет, откуда что прилетело.

Невилл гонял по тарелке горошину.

-- Почему мне кажется, что это начало конца? -- внезапно спросил он. Гермиона поперхнулась соком:

-- Начало конца? Ты чего?

-- А того, -- разозлился Невилл. -- Неужели никто не видит, что это не просто попытка отобрать власть у Дамблдора? Он не просто старикан, он -- символ для многих магов. Отбери у них этот символ -- и что останется?

Гермиона недоуменно поморщилась:

-- Ты утрируешь. Символ -- это Гарри.

Я сжала ладонь Невилла:

-- Не утрирует. Стоит Дамблдору растерять свои позиции, как все вспомнят, что мне пятнадцать, и что я всего лишь студентка. Это должно было случиться позже, гораздо позже -- хотя бы после моего совершеннолетия. Тогда я смогла бы влиять на людей, разговаривать с ними на равных. Что они видят сейчас? Подростка. А подростка не станет слушать ни один взрослый -- закон подлости, согласна, но с ним ничего не поделаешь. Сейчас я могу рассчитывать только на сверстников, а на них надежды мало. Весь мой план полетел псу под хвост, и Невилл прав: это начало конца. Единственное, что мы можем -- это выйти из ситуации с наименьшими потерями.

-- Но надо же что-то делать! -- Гермиона воскликнула так громко, что за соседним столом начали заинтересованно оборачиваться. Я жестом показала ей быть потише.

-- Надо что-то делать, -- зашептала подруга. -- Нужно, чтобы люди узнали правду. Что Он вернулся. Тогда они...

Я выразительно покрутила пальцем у виска.

-- Где я возьму доказательства? Хочешь, чтобы все решили, что у меня едет крыша? Потому-то я и молчу, и ты молчи: мы будем ждать.

-- Чего? -- вскипела Гермиона, но я поднесла палец к губам:

-- Тш-ш. Иначе сниму баллы за неподобающее поведение. Мы ждем бунта -- чтобы затем его возглавить.

Глава 7

Никто из нас не присутствовал, когда Амбридж проводила инспекцию на уроках Трелони и Хагрида -- нам рассказали об этом позже старшекурсники. По их словам, Трелони напророчила ей жуткую смерть в зубах монстра, а Хагрид не преминул попытаться исполнить пророчество -- когда Амбридж пришла к нему, то наткнулсь сперва на Клыка, умудрившись наступить бедной псине на хвост и вызвать продолжительную бурную истерику, а потом и на моего Косолапуса -- тот рьяно бросился защищать приятеля. На закуску пушистая розовая кофточка инспектора пострадала от результатов жизнедеятельности

соплохвоста, так что вряд ли Хагрид ждет положительный результат проверки.

Зато поприсутствовать при проверке папиных преподавательских способностей посчастливилось мне, Невиллу и Драко, а Рону и Гермионе достались Трансфигурация -- и МакГоннагал.

Итак, стоило нам занять свои места и разжечь огонь под котлами, как Амбридж лебедем вплыла в аудиторию. Вернее, попыталась. Держа голову неестественно-важно, она задрала нос к потолку и, само собой, не заметила порожек. Споткнувшись, госпожа инспектор упала на четвереньки, а по классу пополз тихий смешок.

-- Вы в порядке, профессор? -- деланно-участливо осведомилась я -- наша с Гермионой парта была ближе всего к двери.

-- С-спасибо, милочка, все прос-сто замечательно, -- прошипела, отряхиваясь, Амбридж. -- Профессор Снейп, я желаю посмотреть, как вы ведете занятие.

-- Милости прошу, -- ласково приветствовал ее папа. Знающим его близко такой тон сказал бы, что Северус не на шутку зол. Сам факт того, что их, преподавателей с многолетним стажем, подвергают проверке, был для всех профессоров Хогвартса просто унизителен. Тем более что большинство из них имели не одну научную степень и при желании могли бы зарабатывать на жизнь написанием статей. Я впервые задумалась, так ли уж нужна была эта работа папе. Сотрудничал бы с европейскими учеными, получил грант на исследования от министерства -- не нашего, так иностранного, они на Метку не смотрели бы.

Амбридж важно заложила руки за спину:

-- Как давно вы преподаете в Хогвартсе?

-- Четырнадцать лет, инспектор, -- скрестил руки на груди папа.

-- Очень хорошо. Придерживаетесь ли вы рекомендаций министерских методистов при составлении учебного плана?

-- Непременно. Сейчас у нас как раз по плану изучение свойств нового зелья. Класс, к следующему уроку я жду свитки с вашими выводами. Рецепт на доске.

Все поспешно зашуршали пергаментами и заскрипели перьями, списывая рецепт. Я едва сдерживалась, чтобы не захихикать -- сегодня папа выбрал для нас зелье, использующееся в колдомедицине для выявления аллергии. И я уже догадывалась, что произойдет дальше...

-- Имеете ли вы какую-либо степень в области зельеварения?

-- непонятно зачем валяла дурака Амбридж, выясняя общеизвестный факт. Северус терпеливо отвечал:

-- Я Мастер зелий, инспектор.

-- А как давно вы получили это звание? -- допытывалась Амбридж. Папа поднял глаза к потолку и беззвучно зашевелил губами, будто подсчитывал.

-- Четырнадцать лет, пять месяцев и два дня, инспектор. Точнее, увы, не скажу.

-- Но ведь сперва вы подавали заявление на должность преподавателя ЗОТИ? И продолжали подавать каждый год, не так ли? -- полюбопытствовала Амбридж, что-то быстро чиркая в блокноте. Северус подтвердил:

-- Подавал. Директор посчитал, что как зельевар я пригожусь школе куда больше, и я оставил бесплодные попытки пять лет назад.

-- Когда ваша дочь таким чудесным образом нашлась, -- обличающе указала на меня кончиком пера Амбридж. Северус зацитировал скучным тоном:

-- "Положение двенадцатое, подпункт первый: частная жизь любого сотрудника или ученика школы Хогвартс не подлежит обсуждению и вмешательству."

-- До тех пор, пока она не мешает ему выполнять свои обязанности, -- отчеканила Амбридж.

-- Что-то я такой поправки не заметил, -- рассматривая собственные ногти, уведомил Северус. Амбридж фыркнула и, развернувшись, шагнула к ближайшему котлу. Ей не повезло: за первые парты папа обычно садил невнимательных учеников, за которыми был нужен постоянный присмотр. Вот и сейчас в котле Эрни Макмиллана бурлило нечто зеленое, мало напоминающее качественное зелье для выявления аллергии. Интересно, на какой стадии онуспел его испортить? Столько разных вариаций...

Эрни, увидев рядом Амбридж, отшатнулся, котел фыркнул и метко плюнул в нее зеленой жижей. Соприкоснувшись с мантией, жижа зашипела и проела ее насквозь, явив взору учеников поддетое под нее платье мерзкого розового цвета в белый горох.

-- Безобразие! -- возмутилась Амбридж. Папа поддержал:

-- Именно! Я ведь лично передавал вам из рук в руки брошюрку о правилах поведения в лаборатории! Нельзя отвлекать другого зельевара, иначе недолго и взрыв спровоцировать! Тем более если зелье так нестабильно, вот, гляньте, оно совершенно не того цвета. На этой стадии оно должно быть как у мисс Аббот, к примеру, -- папа широким жестом указал на котел Ханны. Та побелела от страха, а Амбридж машинально последовала за папой и послушно глянула на "превосходный" образчик зелья,

щедро вдохнув пары.

-- Инспектор! -- картинно воздел руки к потолку папа. -- Я же только что говорил! Правила безопасности! Нельзя вдыхать пары приготовляемого... Инспектор?

Брезгливо потыкав носком туфли лежащую на полу Амбридж, папа скомандовал:

-- Бут, отлевитируйте инспектора в Больничное крыло.

-- А... -- заикнулся было Терри, красноречиво указывая на недоваренное зелье.

-- Разрешаю позаимствовать результаты у товарищей. Да идите вы, Бут, все равно меньше "Превосходно" никогда не получаете, в самом деле...

Терри горько вздохнул и аккуратно очистил котел, а потом легким взмахом палочки подцепил Амбридж на Левикорпус и повлек к мадам Помфри.

Еще неделю после того происшествия госпожа инспектор чихала от самых безобидных вещей: пыльцы в теплицах, когда проверяла профессора Спраут, пыли от книг, когда заглянула к профессору Синистре и Вектор, птичьих перьев -- несчастная расчихалась на уроке Чар у первоклашек, традиционно практиковавших Вингардиум Левиосу. Но самое интересное произошло, когда Амбридж пожаловала к МакГоннагал: чиханье началось в почти стерильно чистом классе безо всяких растений и птиц. Стоило гриффиндорской деканессе подойти поближе, как на Амбридж нападал безудержный чих. Прогнусавив в платочек: "Вы, наверное, держите кошку. У меня на них, оказывается, аллергия", инспектор оскорбила МакГоннагал в самых лучших чувствах. Срезав Амбридж всего парой слов, заместитель директора водворила ее на заднюю парту и сморкающаяся в платок представительница министерства просидела там весь урок, не в силах даже рта раскрыть.

Отослав в министерство отчет о проверке, Амбридж придумала новую гадость. В один прекрасный день на доске объявлений у Большого зала мы увидели огромный лист, закрывавший висевшие тут ранее напоминания Филча о запрещенных в школе вещах, расписания тренировок и занятий различных кружков и команд, списки потерянных и найденных вещей.

"ПРИКАЗ ГЕНЕРАЛЬНОГО ИНСПЕКТОРА ХОГВАРТСА

Все ученические организации, общества, команды, кружки и клубы настоящим упраздняются.

Организацией, обществом, командой, кружком и клубом считается регулярно собирающаяся группа из трех и более учеников.

За разрешением на реорганизацию обращаться к генеральному инспектору (профессору Амбридж).

Никакие организации, общества, команды, кружки и клубы учеников не могут существовать без ведома и санкции генерального инспектора.

Всякий ученик, уличенный в принадлежности к организации, обществу, команде, кружку или клубу, не санкционированным генеральным инспектором, будет исключен.

Основанием, настоящего приказа является Декрет об образовании №24.

Подписано: Долорес Джейн Амбридж, генеральный инспектор."

-- Так это что, квиддич отменяется? Нам ни за что не дадут разрешения, -- ошарашенно смотрела на объявление Анджелина Джонс. Ее гриффы успели примелькаться Амбридж настолько, что не вылезали из глубокого минуса по очкам и почти все время проводили на отработках.

-- Уверена, что не вам одним, -- хмуро сказала я. Идти на поклон к этой розовой жабе? Фу! А придется...

Не откладывая дела в долгий ящик, я направила свои стопы к ее кабинету.

-- Да-да, -- сладкий голосок возвестил, что госпожа инспектор у себя.

Я вошла и с удивлением увидела распивающих чай Паркинсон и Амбридж.

-- Мисс Снейп, какая приятная неожиданность, -- заулыбалась Амбридж. -- Зачем пожаловали?

-- Я только что из холла, ознакомилась с вашим приказом, профессор. И немедля поспешила к вам, чтобы получить разрешение на реорганизацию для своей квиддичной команды.

--Вот оно что! -- обрадовалась Амбридж. -- Вы -- капитан квиддичной команды Хаффлпаффа, верно? Тогда вам следует составить список участников, и я подумаю, что мы с вами можем сделать в данном случае.

Вежливо выпроводив меня за дверь, эти две с... Нехорошие женщины принялись вполголоса обсуждать что-то забавное. Не меня ли часом?

Ну, ничего, я тебе плешь проем, а разрешение ты мне выдашь!

Составив список основного и запасного состава с указанием курса, полного имени и должности игрока, я понесл его Амбридж.

Та приняла и потребовала расписание наших тренировок. Я принесла.

Тогда она попросила составленное каждым игроком лично

заявление о том, что он желает продолжить свои занятия спортом. Я предоставила их ей.

Амбридж захотелось ознакомиться с табелями и текущими оценками хаффлпаффских квиддичистов -- я обежала всех преподавателей и принесла.

Тогда она указала мне на то, что двое игроков имеют "Отвратительно" по трансфигурации. Я пошла на прием к МакГоннагал, напомнила, что у Джонсон неисправленный "Тролль" по зельеварению и выменяла у нее два "Выше ожидаемого" на одно "Удовлетворительно".

Жабообразная захотела характеристику на каждого игрока. Это стоило мне двух часов мармеладопоедания и разглагольствований на тему высшего добра. Прикидывая, не будет ли ярким примером торжества высшего добра художественно размазюканная по стенке Амбридж, я отнесла ей характеристики.

За эти последовали: разрешение от родителей или лиц, их заменяющих, на занятие квиддичем для своих чад, и справка от мадам Помфри, что никаких противопоказаний мои квиддичисты не имеют. Заверенная приглашенный специалистом из Мунго, да...

И справка от мадам Хуч -- что спортинвентарь находится в надлежащем виде и не станет причиной несчастного случая на поле.

Когда Амбридж сложила все принесенные мной справки в пухлую папочку и сказала зайти за разрешением завтра, я ушам своим не поверила. Что еще задумала эта... личность?

А ларчик просто открывался: назавтра, помахивая подписанным разрешением, Амбридж мне с прискорбием заявила, что все мои бумажки утеряны безвозвратно -- видать, домовик с уборкой переусердствовал. Так что разрешение пока у нее полежит, а "вы, миленькая, быстренько все справочки по-новой соберите, и разрешение ваше."

Надо было видеть ее лицо, когда я достала из сумки папку с копиями справок, и жизнерадостно улыбнулсь:

-- Вот! У меня еще есть, если потеряется и эта -- не страшно!

Разрешение мне дали, и я поспешила обрадовать команду, пока жаба еще чего не придумала.

Глава 8

Народное недовольство крепло с каждым днем. Амбридж не выдала-таки разрешения на реорганизацию гриффиндорской квиддичной команды, чем настроила против себя весь ало-золотой факультет во главе с деканом, и умудрилась узреть что-то крамольное в клубе "Плюй-камни", так что теперь ее тихо

ненавидели все первокурсники (те, кто не боялся). Единственный, кто поддерживал инспектора -- сквиб Филч, котоому наконец-то разрешили применять розги. Ему даже удалось заполучить для наказания трех старшекурсников, но потом отчего-то свалился с лихорадкой, а остальные профессора с дивным единодушием отказались применять телесные наказания даже под угрозой лишения зарплаты.

Тем не менее почва была подготовлена, и в один прекрасный день в "Башке борова" собралась компания заговорщиков. Вообще-то я была категорически против того, чтобы в собрании участвовали младшекурсники, но для братьев Криви сделала исключение -- эти ни за что не проболтаются. Правда, приносить с собой фотоаппарат я Колину все же запретила. Так, на всякий случай.

Первыми пришли мы с Невиллом и заняли большой столик в самом темном уголке: обычное дело для юных влюбленных, не так ли? Мы действительно приятно провели полчаса, пока не появились Драко и Астория. Помахав нам, они заказали по сливочному пиву и присоединились. Теперь на глазах у хмурого трактирщика любезничали уже две парочки, и опять-таки ничего предосудительного в этом не было. Я была уверена, что Амбридж хотя бы из чистого любопытства насовала в каждую кафешку по шпиону -- надо же знать, чем дышат студенты. И не ошиблась: совсем скоро неподалеку сел невзрачный тип в потертой мантии, до того незаметный, что аж подозрительно. Он явно старался подслушать, о чем мы говорим, но я легким движением руки повысила концентрацию огневиски в его желудке, и совсем скоро тип сладко уснул, уткнувшись лбом в столешницу.

После Астории и Драко в течении часа к нам сползались студенты. Было их немного, но масштабным собрание и не планировалось. Рон, Лаванда, Гермиона, близнецы Уизли, с двух сторон обнявшие Анджелину Джонсон, Джинни с нынешним кавалером Дином Томасом и бывшим Майклом Корнером, Луна и Блейз Забини, Падма и братья Криви с совершенно щенячьими счастливыми глазами, Крэбб с Гойлом, Терри Бут, Энтони Голдстейн, Захария Смит, Ханна Аббот и Ли Джордан, вечный пособник близнецов в их милых шалостях.

-- Итак, -- повела собрание Гермиона. -- Мы собрались сегодня здесь для того, чтобы обсудить ситуацию, сложившуюся в школе. Можно говорить спокойно, нас никто не подслушивает.

Я для уверенности навела чары помехи -- теперь случайный посетитель был бы уверен, что за нашим столиком продолжают любезничать две парочки.

-- А что ее обсуждать? Пакостная ситуация, -- буркнул Корнер.

-- Нам СОВ сдавать, мы с начала семестра за палочку и не брались. Я, наверное, уже и боггарта не заколдую.

-- Вот затем-то мы и здесь. У нас есть предложение: создать клуб, разумеется, тайный, для изучения ЗОТИ

-- Идея, конечно, хорошая, -- побарабанил пальцами по столу Дин. -- А кто нас учить будет? И где мы найдем место для тренировок?

-- Учить вас буду я, -- заявила я. -- И место укажу тоже я.

Как-то, беседуя с Лэнни, я упомянула о комнате, полной ночных горшков -- и, к моему огромному удивлению, эльф не рассмеялся. Он заявил, что такая комната и вправду существует -- только в ней не горшки, а сложные чары, позволяющие обнружить за дверью именно искомое. Дамблдор искал горшок -- и получил горшок. А если бы он пожелал, скажем, мармеладу -- его бы засыпало лимонными дольками с ног до головы. Чудное помещение носило название Выручай-комната, и находилось на третьем этаже, рядом с гобеленом, изображающем историческое событие: троллий балет.

-- Ты? -- недоверчиво фыркнул Корнер.

-- Я. Я могу научить вас всему, что будет на экзамене -- и не только СОВ, а и ТРИТОН.

-- Откуда такая уверенность?

-- Меня учили профессор Люпин и Снейп, и я была прилежной ученицей. Наверное, ты читал газеты: и я, и Невилл умеем вызывать телесного патронуса, а это высшее колдовское умение.

-- Покажи, -- потребовал Корнер. Я начиала злиться: какого черта Джинни притащила этого недоверчивого клоуна?

-- Я не буду развлекать тебя ярмарочными фокусами, Корнер. Не веришь -- выход там, -- ткнула я палцем в сторону двери. Он стушевался и замолк.

-- Значит, ты говоришь, что сможешь научить нас защите, -- Захария Смит пристально вгляделся в мое лицо. -- А каким образом мы обезопасимся от Амбридж?

-- Комната, в которой мы будем заниматься, зачарована. После того как ее порог переступит последний член нашего будущего сообщества, она закроется и не пропустит никого ни внутрь, ни наружу -- до окончания занятия. Также у меня есть предмет, с помощью которого я могу определить, каким путем вам будет безопасно добраться до своей гостиной. О собраниях вы будете узнавать с помощью чар, придуманных Гермионой, -- глаза присутствующих обратились к рейвенкловке, и та смущенно зарделась.

-- Каждый из нас носит в кармане мелочь, -- пояснила она,

для наглядности демонстрируя нам блестящий медный кнат. -- На ребре монетки есть цифры -- год чеканки. Так вот, стоит председателю клуба назначить собрание и зачаровать собственную монетку, как на вашей проявится дата и время. Монетка нагреется, и вы будете оповещены.

-- Здорово, -- восхитились близнецы, и, погремев мелочью, выложили на стол по сиклю каждый. -- Наверное, неважно, какую монетку заколдовывать? Давайте все заколдуем разные, чтобы не так заметно было. Кто за?

Все немедленно приялись выкладывать на стол монетки, а Падма спросила:

-- Разве нам не стоит составить список или нечто в этом роде?

-- Ты что? -- возмутился Бут. -- Чтобы он попал в руки Амбридж? Ну уж нет!

-- Совершенно верно, Терри. Я вовсе не хочу лишиться поста старосты, -- поддержал его Голдстейн. -- Но нам стоит проголосовать за того, кто возглавит наш, м-м-м... клуб.

-- А разве это будет не Гарри? -- удивилась Джинни. Энтони пояснил:

-- Может, кто-то против? Надо узнать сейчас, потом будет поздно, -- он вопрошающе уставился на Корнера. Тот смутился и пробормотал:

-- А что я? Я за Гарри.

-- Кто еще за? -- спросила я, и все подняли руки. -- Единогласно. Отлично! Гермиона, заколдовывай!

Подруга занесла над кучкой монет палочку и зашептала заклятие.

-- А как мы будем называться? -- спросил Колин. -- Нужно название, оно есть у любого клуба.

-- "Министерство -- маразматики", -- тут же выдал Фред.

-- "АнтиАмбридж", -- поддержал его ДЖордж.

-- Нет, -- помотал головой Криви. -- Ты что, так в школе и скажешь? Нас моментльно обнаружат. Надо что-то простое и безобидное.

-- Нет ничего безобиднее морщерогого кизляка, -- изрекла Луна, рассматривая свой сикль. -- Пожалуй, проверчу в нем дырочку...

-- Ну, кизляком я зваться не согласен, -- фыркнул Джордж. -- Может, мозгошмыгом лучше?

Всех охватило дурацкое веселье:

-- И под этим гордым названием мы войдем в историю!

-- Мозгошмыги выжрут мозги Амбридж!

-- Там нечего жрать! Одна труха!

-- Мозгошмыги не питаются человеческим мозгом, они лишь

пагубно на него влияют...

-- Тихо! -- прикрикнула я, стараясь не расхохотаться. -- Кто за это название?

Корчась от смеха, все присутствующие подняли руки.

-- Все знают гобелен на третьем этаже, тот, где Варнава Вздрюченный учит троллей танцевать? -- спросила я. Народ покивал головами. -- В назначенное время рядом с ним появится дверь. О точном времени я сообщу через монетки, смотрите, не потеряйте.

-- Итак, -- подвела черту Гермиона. -- Первое собрание клуба "Мозгошмыг" можно считать оконченным!

Не откладывая дела в долгий ящик, я решила назначить собрание "Мозгошмыгов" на вторник. Да и то сказать, после пяти часов студенты все равно расползались по гостиным -- после дурацкого приказа Амбридж все боялись даже за библиотечным столом больше чем по двое сидеть.

Рядом с гобеленом я поставила караулить Гермиону: если кто-то поинтересуется, что это она в коридоре торчит -- скажет, что исследует историческую и художественную ценность данного произведения ткаческого искусства. Герм такая, ей поверят...

Сама комната приобрела вид просторного класса, отдаленно напоминающего кабинет ЗОТИ: с развешанными по стенам плакатами, изображающими разнообразных монстров целиком и в разрезе, с учебными пособиями и манекенами для отработки заклятий. Правда, парты были заменены на удобные кресла по количеству участников, расставленные по кругу. Сперва комната поставила их полукругом, напротив "учительского", но я решила переставить, взяв за основу постулаты рыцарей Круглого стола. Все достойны, все равны... Нашим должно понравиться.

Понемножку сошлись студенты. Как я и думала, Падма привела Парвати, но больше пополнения не было. Ну и хорошо -- иначе как с такой оравой справиться? И так целых двадцать пять человек, если не считать меня.

Рассевшись по креслам(некоторые личности предпочли обьединить три кресла в одно и усесться вместе, но это частности), все выжидательно посмотрели на зачинщика -- то бишь, на меня. Дескать, давай, показывай свои фокусы. Ну, я решила их не разочаровывать: сходу запустила патронуса и позволила пару минут восторженно поахать, глядя на резвящегося здоровенного пса цвета луны.

-- А нас научишь? -- пискнула восторженно Лаванда. Я снисходительно прищурилась:

-- Это довольно-таки простое заклятье: никаких специфических движений палочкой, никаких формул. Просто два

слова -- "Экспекто Патронум!"

-- В чем же прикол? -- спросил Фред, наблюдая, как его рука проходит сквозь моего пса.

-- Прикол, как ты говоришь, в том, что патронус -- это эмоция определенной силы. Произносить заклинание необходимо, вспоминая некое событие из своего прошлого, которое имеет для вас особое значение. Патронус питают сильные положительные эмоции: страсть, любовь, радость... Потому и вызвать его могут в основном люди постарше, успевшие пережить сколько-нибудь значимые события. Первый полет на метле и первое "Отлично" тут вряд ли помогут, самое большее -- вызовут туманное облачко.

Колин Криви подпрыгнул от нетерпения:

-- А можно попробовать?

-- Можно, -- разрешила я. Гриффиндорец аж зажмурился от предвкушения:

-- Экспекто Патронум!

Из кончика его палочки вырвалось легкое серебристое облачко.

-- Замечательно! -- искренне похвалила я. -- Для первого раза просто превосходно. А, да, еще: воспоминание не обязательно должно быть чисто счастливым. Может, оно вызывает у вас чувство защищенности, собственной значимости, превосходства -- что угодно, лишь бы со знаком "плюс".

-- А каким воспоминанием пользуешься ты? -- полюбопытствовала Лаванда.

-- Это личное, прости.

-- А от чего зависит форма патронуса? -- спросила Анджелина. Я разъяснила:

-- Это может быть потенциальная анимагическая форма мага -- ее, кстати, можно вычислить путем сложных арифмантических и астрологических расчетов. Если вызывающий патронуса искренне любит -- может быть животное или птица, ассоциирующаяся у него с любимым человеком.

-- Как у тебя? -- догадалась Анджелина. Я усмехнулась:

-- Как у меня. И, наконец, может быть животное, чем-то важное для тебя: домашний любимец, который был у тебя в детстве, или о котором ты всегда мечтала, зверь, восхищающий тебя своей красотой, умом или силой.

Анджелина понимающе кивнула и погрузилась в какие-то размышления, а Энтони Голдстейн поинтересовался:

-- А мы сможем научиться анимагии?

Я пообещала:

-- Мы сделаем необходимые расчеты, я принесу все имеющиеся у меня книги, но вы должны пообещать, что не

попытаетесь превратиться без присмотра кого-либо из взрослых. Сама я плохо разбираюсь в данном вопросе, и боюсь, что вы застрянете между формами, или, того хуже, не сможете вернуть человеческий облик. Я... я попрошу профессора МакГоннагал или профессора Снейпа уделить нам пару часов для этой цели, но это случится еще нескоро.

-- Хорошо, -- согласился Энтони, а остальные молча покивали головами.

-- Теперь пара организационных вопросов. Невилл, Гермиона и Драко будут помогать мне вас учить, так что прошу всех поделиться на три групы.

Я и мои друзья-помощники покинули свои кресла и вышли на середину свободного пространства, а остальные стали совещаться, делясь на семерки. Я думала, что девушки, которых у нас было как раз на одну группу, пойдут к Гермионе, но Анджелина захотела остаться с близнецами, а Астория -- с Драко, так что в итоге Герми достались Патил, Криви, Бут, Голдстейн и Джинни с Лавандой. Астория, Луна, Блейз, Ханна, Захария и Дин с Майклом обступили Драко, а остальные -- Невилла.

-- Итак, сегодня мы с вами не станем учить ничего нового, а просто повторим старое и определим, за что нужно взяться в первую очередь...

Как оказалось, мои "Мозгошмыги" вполне достойно изучали ЗОТИ. Конечно, не сверх программы, и недочеты имелись, но в целом все было очень и очень неплохо. Исключение составлял только Деннис Криви -- он ведь был третьекурсником, самым маленьким в нашей компании, так что и знал, соответственно, меньше всех. Хотя и он меня удивил -- оказалось, Колин летом давал ему почитать свои книги, так что в скором времени Деннис должен был сравняться с остальными.

Естественно, упор я решила сделать на темах, которые были вынесены в список обязательных для сдачи СОВ и ТРИТОН, но изредка все же перемежала их чем-нибудь интересным и непривычным, вроде того же патронуса. Кстати сказать, выпустить серебристый дымок из палочки получилось у всех, а вот вещественный патронус получился только у Астории -- красивый такой зверек вроде ласки или хорька(а как различить, если шкурка серебристая?), да еще у Луны получались разного размера плотные шарики. Мы долго спорили, не стоит ли считать их полноценным патронусом, но все-таки сошлись во мнении, что уж вызывающий-то должен знать, что такое он вызвал, а сама Луна шарики не опознала.

Амбридж между тем зверствовала еще пуще. Ввела комендантский час, набрала Инспекционную дружину -- отряд,

собранный для обеспечения порядка. Стоит ли говорить, что в него немедленно вошли все "благонадежные", с ее точки зрения, "Мозгошмыги"? Прятаться нужно на самом видном месте! Бут, Гойл, Крэбб, сестры Патил и Дин Томас исправно докладывали нам о делах Амбридж, а заодно и отвращали ее цепкий взгляд от Выручай-комнаты. Вне всяких сомнений, если бы не наши лазутчики, Амбридж непременно узнала бы о подозрительных отлучках тех, за кем ей приказано следить. А так вне Выручай-комнаты мы всячески демонстрировали свое непрятие Инспекционной дружине, и, соответственно, в сговоре нас никто не подозревал.

Дамблдор тоже не давал мне скучать: постоянно зазывал на чай и усиленно обрабатывал, вещая о Добре и Зле, я уже устала высказывать ему свою лояльность, честное слово...

Глава 9

Я не знала, каким образом Дамблдору стало известно о возвращении Реддла. Он неоднократно допрашивал меня о случившемся в Лабиринте, но я стояла на своем: втроем схватились за Кубок, втроем перенеслись куда было положено. А насчет полученной раны я сказала, что это последствия встречи с цапучими руками -- мол, порезалась случайно. Может, и зря я не упомянула о кладбище, но тут уже сработало мое упрямство: зачем давать старику какие-то сведения, все равно он не поделится со мною сделанными выводами. Со стороны это, полагаю, здорово напоминало ситуацю, как если бы я бродила в темноте с коробком спичек, а Дамблдор -- с факелом, но обьединяться ни в какую не хотели. Что ж, побродим в темноте -- тем более, что оборотни привыкли полагаться на нюх.

Приближалось Рождество, и, полагаю, Амбридж очень хотелось бы оставить студентов в Хогвартсе -- но школьный устав был непреклоненна этот счет. Мадам инспектор попробовала было назначить некоторым взыскания на каникулах, но Дамблдор со сладкой улыбочкой напомнил, что все взыскания могут быть отработаны в следующем семестре. Так что из Хогвартса уехали все, даже те, у кого не было первоначально таких планов. Студенты, которые по каким-то причинам не могли поехать домой, напросились в гости к друзьям, и школа опустела. Полагаю, Филч был счастлив -- как же, никто не топает грязными ногами, никто не бегает по коридорам... Хотя с приходом Амбридж в школе установилась небывалая тишина -- наказание за беготню или шум следовало незамедлительно, и не всегда адекватное степени вины. Баллы летели, как осение листья, на отработки Амбридж не скупилась, так что уже к октябрю Хогвартс превратился в какой-то филиал Азкабана. По-маггловски, в

колонию для малолетних преступников. Впору в школу Св. Брутуса переименовывать... Амбридж отменила Святочный бал и этим, по-моему, немного утешилась.

Как бы там ни было, студенты медленно, но верно приходили в нужное мне состояние. "Мозгошмыги" учились, я исподволь подбрасывала им мысли о непонятном состоянии министерства и ситуации в стране, и ребята начинали понимать: неладно в датском королевстве. Выводы напрашивались сами: кто-то пытается отстранить Дамблдора и перехватить руководство над школой, притом меняя учебную программу так, чтобы в случае чего ученики не смогли оказать сопротивления. Первыми додумались близнецы, на одном из собраний так и заявившие: очевидно, готовится какой-то переворот, причем сместить собираются не только Дамблдора, а и Фаджа -- и таким образом, чтобы старшее поколение не смогло выразить протест.

-- Все правильно, -- тихо сказала Гермиона, но все ее прекрасно расслышали. -- В Англии готовится революция. Здесь, в Хогвартсе, мы -- заложники, обеспечивающие революционерам лояльность наших родителей. Нас ничему не учат, чтобы в решающий момент мы не смогли защититься и покорно делали то, что от нас потребуется.

Замершие в своих креслах "Мозгошмыги" переводили взгляд с нее на меня. Первой не выдержала Лаванда:

-- Но надо же что-то делать! Почему мы ничего не делаем?

-- Мы делаем, -- не согласилась я. -- Думаете, мы просто учим вас ЗОТИ? Как бы не так! Да, СОВ и ТРИТОНы важны, но куда важнее в решающий момент повернуть все в свою пользу. Я не могу сказать, когда это случится -- но к тому моменту каждый из вас будет готов взять на себя руководство группой студентов, которые вместе составят армию оппозиции.

-- Армия студентов? Бред! -- фыркнул Майкл Корнер. Я встала:

-- Думаешь, я шучу? Я с уверенностью заявляю, что ты, Майкл, уже в состоянии победить на дуэли среднестатистического взрослого колдуна. Дальше -- больше. "Мозгошмыги" обучат других, и вместе мы составим силу, с которой стоит считаться.

-- Гарри, ты считаешь, дойдет до открытого противостояния? -- робко спросила Лаванда, дергая Майкла за рукав мантии. Я коротко кивнула:

-- Непременно. Я хотела бы сказать, что все обойдется без крови, но не могу. Тот, кто затеял все это, не будет расшаркиваться и переубеждать, он попросту устранит неугодных.

-- ОН вернулся? -- зажав рот ладошкой, прошептал Деннис Криви.

-- Да.

Это короткое слово упало, как камень, погребя под своим весом всех присутствующих.

-- Думаю, к лету об этом уже будет обьявлено официально. Раньше он не покажется Фаджу, а моим заявлениям никто не поверит.

-- Я и сейчас не верю, -- буркнул Майкл. Невилл зыркнул на него исподлобья:

-- Ну и не верь. Тебя никто ни к чему не принуждает. Ты можешь просто учиться ЗОТИ, и не участвовать в наших обсуждениях.

-- Так и сделаю, -- заявил Майкл, и пообещал:

-- Я никому не скажу о том, что слышал. Для меня "Мозгошмыги" -- не будущая армия, а просто учебный кружок, извините.

Рождество мы провели на Гриммо -- большая гостиная прекрасно вместила всех гостей. Я была бы рада пригласить к нам Гермиону, но та принимала у себя долгожданного гостя -- Виктор выкроил время между сборами и захотел познакомиться с ее родителями. Кажется, у него это все серьезно, а Гермиона у нас вообще отличается редкостным постоянством.

Сириус и Рита объявили о помолвке, и назначили свадьбу на конец июня -- как раз к окончанию учебного года. Это, пожалуй, была первая хорошая новость за последние четыре месяца.

Огромная елка, Кикимер в алом колпаке, гирлянды и подарки настроили меня на редкостно благодушный лад. Казалось, что имеет знчение только здесь и сейчас, а министерство, Хогвартс и весь мир казались бесконечно далекими и неправдоподобными. Пока было возможно, мы, взявшись за руки, гуляли по Манчестеру, сидели на скамейках в парке, кормя голубей, пробовали разные сорта пирожных в многочисленных кофейнях, и старались не говорить о школе -- только о нас. В Хогвартсе не оставалось места на романтику и прогулки при луне -- если не считать мои ночные вылазки для поддержания хорошего настроения вольчей половины. Невилл не мог часто сопровождать меня -- иначе попросту не высыпался бы.

Я всегда считала себя крайне практичной и трезво мыслящей особой, но в эти на редкость хорошие солнечные январские деньки хотелось буквально прыгать и скакать, словно волчья моя половина каким-то образом влияла на человеческую. Я резвилась, как ребенок, подбила Невилла примкнуть к какой-то шумной ватаге детишек и поиграть в снежки, а потом, поджав ноги,

уселась на собственное пальто и сьехала с горки. Заразившись моим весельем, и Невилл хотел было скатиться, но поскользнулся, и проделал путь книзу на пузе. Хорошо, хоть сам не пострадал.

А долгими вечерами мы сидели у камина и пили горячий шоколад, рассказывая друг дружке слышанные в детстве сказки и целуясь. Иногда я ловила себя на мысли, что, будь на месте Невилла кто-то другой, я вряд ли отделалась бы просто поцелуями -- но мой робкий сэр Галахад* был само терпение. То ли меня торопить не хотел, то ли сам не торопился -- но результат меня более чем устраивал. Не то, чтобы я была против, колдовское сообщество вообще было дивно терпимым в вопросах интимной жизни, но я придерживалась мнения, что все должно быть не просто по взаимному согласию, а по взаимному желанию. Наверное, я просто не доросла пока.

В первых числах января, гостя у Лонгботтомов, я вместе с Невиллом и его бабушкой отправилась проведать Фрэнка и Алису. Раньше Невилл никогда не просил меня пойти с ним, но в этот раз почему-то предложил, а я согласилась.

Приемное отделение выглядело по-праздничному уютно: хрустальные шары, освещавшие больницу, окрасились в красный и золотой цвет и превратились в огромные сияющие рождественские игрушки; во всех углах искрились елки, усыпанные волшебным снегом, обвешанные сосульками, и каждая была увенчана золотой звездой.

Отделение болезней от заклятий располагалось на пятом этаже, и первым, кого мы там встретили, оказался Локхарт. Ну да, он ведь сам на себя наложил Обливейт, вполне логично, что он попал сюда.

-- О, я вижу, вы хотите получить мой автограф? -- просиял он. Медсестра с веночком из блестящей мишуры в светлых волосах поспешила к нам:

-- Простите, он снова сбежал! Мистер Локхарт, пожалуйста, пойдемте со мной, у меня есть ваше любимое печенье...

Проводив Локхарта до палаты, она вернулась к нам.

-- Он сильно скучает. Никто не приходит навестить его, вот он и выходит в коридор, бедняжка. Порывается раздавать автографы, мне кажется, это уже заметный прогресс... Но я вас совсем заболтала. Прошу, -- она открыла Аллохоморой одну из палат и провела нас внутрь.

-- Зачем вы запираете? -- спросила я.

-- Чтобы одни ациенты не мешали другим, конечно. Ну, оставлю вас.

Палата была маленькой, двухместной, и видно было, что ей

всячески старались придать сходство с комнатой в обыкновенном доме. Цветные занавеси на окнах, лоскутные яркие одеяла, цветы на подоконнике -- но белые больничные стены и стандартные металлические кровати выдавали. Родители Невилла были непохожи на тех веселых жизнерадостных людей, которых я видела на колдографиях в его доме. Фрэнк, рослый и крепкий кудрявый мужчина, от которого сын унаследовал волосы и стать, превратился в тощего испуганного почти старика, с ногами усевшегося на кровати и настороженно глядящего на нас. Я чуяла его страх, бесконечный, огромный страх, словно я стояла перед ним с окровавленным топором и намеревалась сделать шаг по направлению к Фрэнку.

-- Он боится незнакомцев, -- тихо сказала Августа, глядя на сына. Села рядом, и, дотянувшись, погладила по голове. Тот немного расслабился.

Худая изможденная женщина с совершенно седыми волосами и огромными карими глазами, напротив, с интересом подошла посмотреть на меня. Несколько раз вопросительно перевела взгляд с меня на Невилла.

-- Папе досталось больше, -- пояснил тот. -- Мама знает, кто я, и бабушку узнает.

Алиса потянулась погладить Невилла, и тот осторожно обнял ее. Костлявая рука перебирала его волосы, бескровные губы напевали мелодию без слов, в которой я узнала колыбельную.

-- Мама, это Гарри, -- Невилл подвел ее ко мне. Взял мою руку, ту, что с кольцом, вложил в ее тонкие пальцы. -- Она моя невеста, -- попытался объяснить он. Алиса кольцом заинтересовалась, поскребла ногтем, потом неожиданно подняла голову и улыбнулась мне, так искренне и солнечно, что у меня дух перехватило.

Обняв меня, она снова замурлыкала свою колыбельную.

-- Мама поняла, -- радостно воскликнул Невилл, а Августа украдкой вытерла слезу. Я вполне разделяла ее чувства и в свою очередь прилагала огромные усилия, чтобы не заплакать. Неужели им совсем нельзя помочь? Кажется, я уже знаю, что я буду делать в свободное время -- изучать принцип действия Круциатуса.

Алиса между тем одаривала меня и сына нехитрыми сокровищами: фантиками от конфет и карточками от шоколадных лягушек. Мне досталась Диллис Дервент, ему -- Годрик Гриффиндор.

-- Ты похож на маму, -- тихо сказала я Невиллу. Алиса улыбнулась мне и погладила по руке, словно поняла, о чем я. А может и поняла -- кто знает.

Невилл отошел к отцу, а я тихо шепнула на ухо Алисе:

-- Я буду любить его и заботиться о нем. Обещаю.

А сама подумала, что сделаю все, чтобы вернуть Невиллу хотя бы мать -- вряд ли бедному Фрэнку еще можно помочь.

* Сэр Галахад -- один из рыцарей Круглого стола, воплощение целомудрия.

Глава 10

Ничто не может длиться вечно. Каникулы закончились, мы возвратились в школу и снова попали под власть Амбридж. Та лютовала пуще прежнего, дошло до того, что инспекторша взяла за обыкновение звать к себе на чай студентов и допрашивать, подливая Веритасерум -- чтобы узнать, кто чем дышит. Полетели головы: нелояльным запретили писать домой и пользоваться палочкой вне класса. Старостам предписывалось по окончанию занятий отбирать палочки у провинившихся и хранить у себя до следующего утра, отдавая после завтрака. Все это не добавило Амбридж популярности, но открыто выступить против нее никто не решался. Близнецам пришлось туго -- желающих купить блевальные батончики и конфетки-кровь-из-носу было мало, поскольку в учебное время коридоры опутывались сигнальными чарами, и все, не имеющие права находиться там, подвергались ее пристальному вниманию.

Две недели спустя всех потрясло ужасное известие: из Азкабана сбежали заключенные. Цвет пожирательской компании: Лестранжи, Руквуд, Долохов, МакНейр... Полагаю, Люциус был очень рад снова увидеть давних соратников. Как ни странно, никаких особых мер для задержания беглецов министерство не предпринимало. Как призналась нам Тонкс, их искали настолько вяло, будто сбежавшие были карманными воришками. Никаких тебе дементоров, никаких аврорских постов -- только листовки в витринах магазинов.

Когда меня вызвал для разговора Дамблдор, я уже примерно представляла, о чем пойдет речь. Действительно, стоило мне предстать пред его ясные очи, как тот указал мне на кресло и изрек:

-- Ты должна быть очень осторожной, Гарри!

-- Да, директор, -- покорно отвечала я, прихлебывая чай. -- Скажите... Вы думаете, они попытаются вернуть... Его? -- в голосе строго дозированный страх и надежда на то, что ответ будет отрицательным. Ну-ка...

-- Нет, Гарри.

Вздох облегчения -- и немедленно ужас в круглых глазах, когда Дамблдор произносит:

-- Он уже вернулся.

Я даже позволила себе уронить на пол чашку с чаем -- так, чтобы пролитая жидкость не попала на мои новые замшевые ботиночки. Дамблдор едва заметно скривился, наверное, в сотый раз пожалел о том, что когда-то имел неосторожность подвести под пророчество такого глупого ребенка, как я.

-- Пока что он собирает силы. Я предполагаю, что во время последнего испытания, когда ты была ранена, кому-то из его слуг удалось заполучить твою кровь -- и провести ритуал воскрешения.

-- Он жив столько времени? Почему вы мне не сказали? -- немного гриффиндорского возмущения. Дамблдор поцокал языком:

-- Гарри, Гарри... Я не хотел спешить и пугать тебя прежде времени. Тебе не следует беспокоиться: здесь, в школе, тебе ничто не угрожает. Я просто хочу, чтобы ты была осторожна, когда окажешься вне ее стен. Было бы замечательно, если бы ты осталась здесь на летних каникулах.

-- Но, может, авроры до тех пор поймают сбежавших, -- пролепетала я таким голосом, что мне самой стало противно.

-- Увы, Гарри, мы больше не можем быть уверенными в лояльности министерства. Начинаются трудные времена, и я не могу сказать, сколько времени у нас есть, прежде чем... Волдеморт решит сделать решающий шаг.

-- Господин директор! -- я вскочила с кресла. -- Что же нам делать?

-- Успокойся, Гарри. Прежде всего тебе нужно учиться. Неужели ты думаешь, что мы просто оставим тебя один на один с Волдемортом? Ты -- наш символ, наша надежда.

-- Наша? -- глуповато переспросила я. Дамблдор прищурился:

-- Думаю, Северус рассказывал тебе об Ордене Феникса.

Я кивнула:

-- Он упоминал, что... Директор, Орден до сих пор существует?

Дамблдор снова поморщился и подтвердил:

-- Конечно, существует. Сейчас мы делаем все возможное, чтобы собрать необходимую информацию. К сожалению, после публичного признания тебя своей дочерью профессор Снейп не может продолжать шпионить для Ордена - а ты, несомненно, знаешь, что именно это он делал в первую войну.

А мне ни капельки не жаль, представьте себе...

-- Если бы нам удалось заполучить другого Пожирателя, вхожего в приближенный круг, это очень облегчило бы нам задачу, -- закинул пробный камешек Дамблдор. Я притворилась валенком:

-- Но кто же согласится на такой риск? Папа говорил, что все

они -- страшные люди! И им уж точно незачем переходить на нашу сторону.

Директор возвел очи горе и явно упомянул про себя Мерлина и Моргану. А потом терпеливо, как маленькому ребенку, повторил:

-- Я думал о приближенном. Втором после твоего отца человеке, которому доверял Волдеморт.

Я сделала заинтересованное лицо.

-- О Люциусе Малфое.

-- Ой, что вы, директор! Он отказал папе от дома и закрыл ему доступ к камину! Не думаю, что он согласится помогать. Драко с начала учебного года смотрит на меня, как на пустое место, хотя мы и дружили раньше... Мне кажется, что теперь они жалеют о прошлом, и ни за что не стали бы водиться с нами, имей возможность вернуть время вспять.

Именно "водиться" -- это слово произвело неизгладимое впечатление на Дамблдора. Я всегда полагала, что только маленькие девочки употребляют такие словечки, и для пущего эффекта старательно разгладила на коленях юбку. Если бы была помладше, то еще и ногами поболтала бы, но, увы, сделать вид, что мои ступни не достают до пола, не получалось. По-моему, Дамблдору понравилось -- иначе с чего бы он так скоро отпускал меня?

Интересно, неужели он всерьез рассматривал Люциуса как возможного шпиона? Или полагал, что мне удастся его уговорить? Надо будет рассказать Люциусу, пусть посмеется...

Больше директор не пытался поговорить со мной на эту тему, зато папу он обрабатывал с упорством и настойчивостью гоблина. Будь на месте Северуса человек с менее устойчивой психикой, то он уже давно сделал бы все, что от него потребовали -- лишь бы остаться в покое.

Между тем новости, которые сообщал нам Люциус, были неутешительными. Риддл медленно, но верно подминал под себя министерство -- и ни мы, ни Орден Феникса не могли помешать ему никоим образом. Фадж, будь он неладен, не желал признавать очевидного и страстно желал лишь одного: подольше остаться министром. Так что он закрывал глаза на безобразную работу подчиненных и требовал лишь одного -- чтобы все они делали вид, будто все идет самым лучшим образом, хотя сейчас британский магический мир больше всего напоминал мне молодящуюся старушку, стоящую одной ногой в могиле, но все еще румянящую щеки. Пол-Азкабана на свободе -- а министр дает благотворительный бал. Непонятно куда исчезают люди -- а министр пожимает плечами и рапортует, что в этом году гораздо

больше наших сограждан решили выехать за границу.

По-моему, столкнувшись нос к носу с Волдемортом, Фадж решит, что это переодетый актер, нанятый Дамблдором для его дискредитации.

Как бы там ни было, а повлиять на ситуацию не было возможности. Не предьявишь же восставшего из метрвых Риддла всем и каждому, вызывая всенародное возмущение и вынуждая потребовать отставки Фаджа...

Наше счастье, что захват министерства не был для Риддла первостепенной задачей. Гораздо больше его сейчас интересовало нечто, лежащее в зале пророчеств в министерстве. Люциус говорил, что Риддл уже все мозги себе вывихнул, пытаясь придумать, как заполучить это нечто. Дамблдор никогда не говорил, сколько пророчеств было сделано касательно Риддла, но я полагала, что одним дело не обошлось -- если уж наш любезный директор что-то делал, то делал это с размахом. Подозреваю, что Трелони изрекла еще одно-два подходящих случаю пророчеств, терпеливо дожидающихся своего времени в подвалах министерства, чтобы быть обнародованными в нужный момент. Вот интересно: если пророчество касается меня и Риддла, то ему придется как-то выманить меня в министерство и заставить взять пророчество с полки. Я как-то полюбопытствовала, каким образом охраняются пророчества -- и оказалось, что только тот, кого оно касается напрямую, сможет отличить нужное ему от тысяч стоящих рядом на полках. А перебирать все подряд -- тут никакой жизни не хватит.

По всему выходило, что Риддл постарается выманить меня в зал пророчеств -- или не утерпит и явится туда лично. Хотя первый вариант не исключал второго...

Я подозревала, что кто-то из моих близких, находящийся не в Хогвартсе, может быть использован в качестве приманки, а потому предупредила всех, кто подпадал под эту категорию. Так глупо подставляться я не собиралась, так что придется Тому явиться за нужным пророчеством лично. И тогда-то Фадж не сможет игнорировать проблему -- на магический отпечаток ауры Риддла заколдованы все охранные сети министерства, и они завопят в голос, стоит тому ткнуться хотя бы в Атриум.

Глава 11

Результаты проверки, проведенной Амбридж, принесли свои плоды. Хагрид и Трелони были уволены, и если полувеликан все еще оставался хранителем ключей и лесничим Хогвартса, то несчастная гадалка должна была покинуть замок. Амбридж лично с нескрываемым удовольствием левитировала ее старенький порыжевший чемодан, выбрав время, когда все возвращались с

обеда. Несомненно, ей хотелось, чтобы при изгнании гадалки присутствовало как можно больше зрителей. Сибил шла сзади, было хорошо заметно, что ноги ее почти не слушаются. Бах!

-- О, мисс Трелони, прошу прощения! -- Амбридж изобразила смущение. -- Я так неловка...

Чемодан упал и раскрылся, являя миру пестрые шали и заплатанные мантии, хрустальный шар выкатился из вороха одежд и остановился у моих ног. Трелони бросилась подбирать свое добро, несколько учениц помогали ей. Лаванда Браун и Парвати Патил не скрывали своих слез -- они искренне любили чудаковатую профессоршу.

-- Что здесь происходит? -- поинтересовался Дамблдор.

-- Мисс Трелони больше не работает в Хогвартсе, -- уведомила Амбридж, брезгливо подпинывая кончиком розовой туфельки выпавшую из чемодана перчатку. -- Так что вполне закономерно, что она покидает школу.

-- Ваших полномочий недостаточно, чтобы прогонять кого-либо откуда-либо, -- нахмурился Дамблдор. -- Сибил, вы никуда не едете. Возвращайтесь в свои комнаты.

Еще бы. Если он сейчас упустит Трелони, то она достанется Волдеморту, и он узнает, что на самом-то деле никакого пророчества не было!

Между тем Трелони, сбивчиво благодаря и кланяясь, подхватила чемодан и, кое-как попихав в него вещи, поспешно ринулась обратно в свою башенку. Я подобрала шар и решила отдать попозже, когда она успокоится -- несмотря ни на что, мне было жаль Сибил. Пусть они и была ужасной преподавательницей и никчемной прорицательницей, но в этом не было ее вины. Дамблдор заставил ее саму поверить в то, что женщине удалось увидеть будущее -- пусть и единожды. Неудивительно, что такая впечатлительная натура тотчас возомнила себя наследницей Кассандры и принялась вещать о всякой чепухе. Если кто и виноват в случившемся, так это Дамблдор. Так пусть теперь несет ответственность за ее судьбу.

Впрочем, директор себе не изменил, сумев извлечь из ситуации наибольшую пользу. На освободившееся место он нанял некоего Фиренце, весьма колоритного кентавра соловой масти. Амбридж рвала и метала, но поделать ничего не могла -- право нанимать преподавателей было только у директора. Фиренце не признавал гадания на хрустальных шарах и кофейной гуще, зато был без ума от астрологии -- так что теперь все желающие могли всласть налюбоваться ночным небом. В этом году я отказалась от прорицаний, поскольку нагрузка и так была достаточной, и судила о Фиренце только по отзывам моих соседок. Ханне и Бесси

он понравился, в отличие от тех же Парвати и Лаванды: они как были, так и остались верными поклонницами Трелони и частенько заходили к ней попить чаю.

Наблюдая за Фиренце в Большом зале, я подумала, что стоит озаботиться привлечением на свою сторону его сородичей. И заодно поинтересоваться политическими взглядами оборотней. Интересно, Люпин поддерживает отношения с кем-нибудь из стаи Запретного леса? Впрочем, проворачивать подобное дельце под носом у Амбридж было рисковано, и я решила озаботиться этим на каникулах -- а пока с помощью того же Люпина собрать сведения.

Пока Ремус работал за меня, я работала за колдомедиков. Изучив все, что только нашлось в библиотеке школы и крестного о Круциатусе, я решила обратиться к папе.

-- Ты решила состязаться с ведущими специалистами в области колдомедицины, ребенок? -- спросил он, когда я изложила суть проблемы. Естественно, он был прекрасно осведомлен о состоянии невилловых родителей, но считал, что облегчить их участь попросту невозможно.

-- Нет ничего невозможного, -- твердо возразила я. -- Если ты чего-то не умеешь, то только потому, что не взял на себя труд научиться. Если ты чего-то не знаешь -- это не означает, что таковой информации не существует.

Папа сдался:

-- Какого рода помощь тебе нужна?

-- Я хочу знать сам механизм действия заклятья и все о техниках, используемых аврорами для преодоления его действия. Думаю, Тонкс сможет рассказать об этом, но я не могу покинуть Хогвартс, чтобы с ней встретиться. Да и время -- у меня его элементарно не хватает.

Я действительно выматывалась, как никогда. Уроки, квиддичная команда (матчи не проводились, поскольку разрешение получили только мы и слизеринцы, но тренировки никто не отменял), "Мозгошмыги", дополнительные занятия с папой и теперь еще и исследование Круциатуса -- мне удавалось поспать хорошо если шесть часов в сутки. Странное дело: я была благодарна Грейбеку за то, что теперь мое тело куда выносливей человеческого. А унаследованная от папы способность отдыхать за достаточно малое количество времени позволяла не беспокоиться об умственной усталости.

Уже через три дня после нашего с папой разговора Тонкс прислала мне письмо с описанием психотехник и примечанием, что она показала Северусу, как именно их нужно применять. Самым ценным было то, что возле каждого описания стояла дата,

когда данная техникавпервые была применена для тренировки рядовых авроров -- это здорово упрощало задачу. Дело в том, что я предположила: Фрэнк и Алиса попросту продолжают использовать одну из этих техник, отгораживаясь от мира. Возможно, слишком длительное воздействие заклятья спровоцировало своеобразную потерю времени, и потому-то они не смогли самостоятельно прекратить абстрагироваться от окружающих. Вероятно, Алиса, как менее пострадавшая, пыталась это сделать -- но сумела лишь частично, ровно настолько, чтобы узнать сына и мать. Вряд ли при этом она сознавала, сколько им лет или сколько лет ей самой.

Итак, судя по датам, только две психотехники применялись аврорами в то время. Я не верила, что Лонгботтомы оказались совсем беззащитны -- в конце-концов, оба они были членами Ордена Феникса, и отдавали себе отчет, на что идут.

Первая техника предлагала сконцентрироваться на какой-либо посторонней задаче: мысленно считать, вспоминать стихотворения, петь песенки. Это отвлекало мозг от боли, помогало переключиться, но было сложно выполимым заданием: не многие способны декламировать Шекспира, воя от боли. Вторая техника была проще в исполнении, но опасней: предлагалось раствориться в испытываемых болевых ощущениях, перестать осознавать себя как личность. Сложность заключалась в том, чтобы потом собрать себя воедино, воссоединить из обломков и осколков.

Я уже сейчас могла сказать, что Алиса использовала первую, а Фрэнк -- вторую технику. И мои опасения подтверждались: я не смогу помочь мистеру Лонгботтому. Что-то в нем еще осталось от прежней личности, но это были куски, разрозненные куски. Их можно собрать в кучу, но некоторые из них потеряны безвозвратно, и прежним Фрэнк никогда не будет. И непонятно, что именнопострадало из того, что составляло когда-то Фрэнка Лонгботтома: его личность или его память. Во втором случае можно было надеяться на выздоровление и восстановление дееспособности, в первом -- разве что на выход из полуживотного состояния, в котором он находился сейчас.

Связавшись с Августой Лонгботтом, я изложила ей свои размышления и попросила затребовать историю болезни сына и невестки. Старая леди немедленно удовлетворила мою просьбу и пообещала держать все в тайне от Невилла -- обе мы понимали, что неудача обернется для него огромным потрясением. Какое счастье, что у меня такой покладистый любимый! Ему можно сказать, что ты занята делом, о котором пока не можешь расказать, и он поверит. И даже не станет настаивать на том,

чтобы узнать подробнее, и не будет подозревать невесть в чем, просто кивнет и скажет: "Хорошо, Гарри." Впрочем, я бы тоже не стала пытаться силой раскрыть секрет Невилла, буде таковой у него появился бы. Наверное, все дело в доверии -- а его у нас всегда было с избытком.

В истории болезни был длиннющий перечень зелий и снадобий, которыми пользовали Лонгботтомов, и упоминание о трех неудачных попытках привести их в сознание с помощью легиллеменции. Штука в том, что никто из действительно высококлассных легиллементов не занимался подобной проблемой -- хотя бы потому, что все они находились на службе Волдеморта. Магия разума считалась темным искусством, ведь мастер своего дела мог безо всякого Империо держать под контролем других колдунов -- и зачастую нескольких сразу. Н-да, вот уж действительно, проще обьявить магию разума запретным искусством, нежели ввести в школах обязательный курс изучения защитных техник. А ведь простейшая из них -- "я тучка, тучка, тучка" -- доступна даже первоклашке! Нет, я решительно отказываюсь понимать этих людей!

Ознакомившись с историей болезни Лонгботтомов, папа презрительно фыркнул и сказал, что до сих пор был уверен в высоком профессионализме колдомедиков Св. Мунго, но теперь его уверенность пошатнулась. В самом деле, неужели нельзя было пригласить для консультации иностранных специалистов? В том же Дурмстранге никогда не занимались глупостями вроде разделения магии на запретную и разрешенную, и половина выпускников могла потягаться со специалистами Св. Мунго -- даже те, кто и не помышлял о том, чтобы связать свою жизнь с колдомедициной.

Вся штука была в том, что ему раньше никогда не приходилось иметь дело с психически неполноценными людьми, и Северус не мог заранее спрогнозировать, как откликнется их разум на вторжение извне. Последствия могли быть самыми неожиданными, особенно для неумелого врачевателя.

О, если бы мне додуматься до этого раньше! Мы могли бы найти специалиста за рубежом -- но сейчас Фадж ужесточил пропускной контроль, и ни за что не допустит въезда в страну колдуна, о котором известно точно, что он мастер ментальной магии. Углядит в этом происки врагов, прямой подкоп под его кресло...

Придется обходиться своими силами, но это опять-таки на каникулах -- одним днем тут явно не обойдешься.

Северус отговаривал меня, уверенный в том, что ничего не удастся -- в лучшем случае, а в худшем я сама поселюсь в

соседней с Лонгботтомами палате. Я и сама здорово боялась окунаться в неполноценный разум, но рассудила, что уж я-то ни за что не спутаю реальность с вымыслом, и найду силы, чтобы не заблудиться в перевернутом мире Алисы и Фрэнка. А если не найду, то позаимствую у волчицы -- уж она-то крепко стоит на земле всеми четырьмя лапами. Звери не знают, что такое фантазии, для них реально только то, что можно увидеть или унюхать, они никогда не перепутают здесь/там и сейчас/вчера/завтра.

Глава 12

Несмотря на надзор госпожи инспекторши и все ее попытки превратить нашу жизнь в ад, все шло своим чередом. Пожалуй, я бы могла назвать этот год самым спокойным за все время моей учебы в Хогвартсе: ни тебе василисков, ни драконов, ни шекспировских страстей. Волдеморт тихонько вожделел пророчество, Амбридж -- директорское кресло, Фадж -- второй срок, а я -- каникулы. Не для отдыха, нет, просто во время учебного года я была связана по рукам и ногам, а действовать следовало как можно быстрее, пока краткий период затишья не сменился бурей.

В начале июня, когда все усиленно готовились к СОВ и ТРИТОНам, дело наконец-то стронулось с мертвой точки. Я уж было решила, что получится спокойно завершить учебный год, но жестоко ошибалась.

Итак, за ужином в Большой зал влетела незнакомая мне рыжая сова и сбросила прямо мне в руки письмо. Рывок -- и я в странном зале со множеством стеллажей, уставленными прозрачными шарами вроде хрустальных, но мутными и белесыми внутри. Первой мыслью было "Какого черта? На территории Хогвартса портключи не действуют!", а второй "Зал пророчеств!"

Значит, Риддл нашел способ обойти хогвартскую защиту и теперь ожидает, что я из любопытства возьму шарик со своим пророчеством, а тут-то его приспешники меня и возьмут: тепленькую, с шариком в руках. План, конечно, так себе, буквально пестрит дырами, но, видимо, риддловские мозги и сами весьма напоминают швейцарский сыр. Что ж... Мне, в общем-то, и самой любопытно, что там Дамблдор внушил Сибил Трелони. Только как я найду нужный?

"Меня, меня", -- захныкал кто-то совсем рядом, я аж подскочила от неожиданности. Что -- меня? "Возьми меня!" Очень интересно!

При ближайшем рассмотрении оказалось, что хнычет пыльный шарик на на полке чуть повыше моей макушки. Он не

был никак обозначен, и я в который раз задалась вопросом, каким образом сами сотрудники министерства различают пророчества. Наверное, просто складируют на полки и забывают -- вон, пыль лет десять никто не протирал, всепаутиной заросло...

Немножко помедлив, я цапнула шарик с полки и тут же услышала:

-- Умничка, моя маленькая девочка! А теперь отдай шарик тетеньке!

Пятеро Пожирателей в черных мантиях обступили меня со всех сторон, отрезая пути к бегству. Жадная ручонка с когтистым маникюром тянулась ко мне, вторая такая же держала меня под прицелом палочки. Еще четыре палочки смотрели мне в лоб, причем одна из них, с инкрустацией в виде змеиной головы, была хорошо мне знкома. Ах, как непредусмотрительно! В общем, я сделала то, что сделала бы на моем месте среднестатистическая девчонка: картинно закатив глаза, рухнула в обморок.

-- Ступефай! -- слитный вопль четырех пожирательских глоток потряс зал пророчеств. Беллатрикс -- а я решила, что это была имено она -- решила быть оригинальной и завопила:

-- Круцио!

Логично, что все пожирательские заклятья либо ушли "в молоко", либо попали в своих же: Люциус корчился от Лестранжевского Круцио, сама Белла, слегка оглушенная Ступефаем, отлетела к стеллажу и теперь ошалело мотала головой, поднимаясь, а на спину ей градом сыпались и разбивались пророчества. Призрачные фигуры в пыльных балахонах наперебой вещали, спеша изложить свое предсказание, и здорово мешали ей целиться -- так что следующее "Круцио" ушло в стеллаж, в свою очередь сшибив около сотни шариков. Я же, не мешкая, откатилась под прикрытие ближайшего шкафа и, практически заползя под нижнюю полку, заорала:

-- Экспеллиармус!

Удачно так заорала: три из пяти пожирательских палочек прилетели ко мне, в том числе и беллина. Не теряя времени, я по-пластунски поползла под следующий стеллаж -- и вовремя, поскольку Лестранж поспешила отобрать у кого- то палочку и уже орала мне вслед:

-- Авада Кедавра!

-- Фурункулюс Максимус! -- за что люблю это заклятье, так это за красочность и действенность. Фиг подержишь палочку пупырчатыми руками, а щиты в бою выставляют перед действительно опасными проклятьями. И -- да, да! -- Беллатрикс попалась! Жаль, что на ней все еще был капюшон: зрелище ее рук, покрытых сочащимися гноем нарывами, было поистине

незабываемо.

-- Брать живьем! -- скомандовал Люциус, и передо мной выросла фигура в черном. Капюшон был отброшен, и я узнала Долохова, одного из беглецов, известного убийством Гидеона и Фабиана Прюиттов, братьев Молли Уизли.

-- Сектумсемпра! -- заорала я, наставляя на пожирателя сразу четыре палочки. Эффект был потрясающим: он буквально взорвался кровью, забрызгивая все вокруг, но я не стала ждать продолжения и. встав, побежала к выходу(по крайней мере, я надеялась, что выход именно там, куда я бегу).

-- Взять ее! Нотт, бери палочку Долохова! Белла, не делай этого!

Что именно не должна была делать Белла, я так и не узнала. Опрометью выскочив за дверь, я очутилась в круглом зале с кучей совершенно одинаковых дверей -- их было никак не меньше дюжины. Вскочив в первую попавшуюся, я оказалась в кромешной темноте, где медленно и величаво плыли планеты -- модель Солнечной системы. Планеты -- это, конечно, здорово, но мне бы действующий камин со щепоточкой летучего порошка...

-- Вот она! -- заорал пожиратель, стоило мне высунуть нос за дверь.

-- Коллопортус! -- ответила я, ныряя обратно.

-- Аллохомора! -- пока он отпирал дверь, я успела схватить в обе руки по спутнику (в левую -- Фобос, в правую -- Деймос), и, стоило ему вскочить внутрь, со всей дури шарахнула ему по башке. Выпрыгнув за дверь, я немедленно вскочила в следующую, и оказалась в комнатке, где в громадном аквариуме плавали монструозного вида мозги. Да где же этот чертов выход? Мозг потянулся ко мне щупальцем, напоминающем кинопленку, и я поспешила покинуть помещение.

-- Указуй! -- одна из дверей засветилась алым. Не раздумывая, я рванула ее на себя и оказалась в коридоре. Надо уносить ноги, и поскорее, пока сам Риддл сюда не нагрянул...

Тощая фигура выросла передо мной, стоило мне оказаться в Атриуме. Где же чертова кавалерия? Неужели министерство никто не охраняет?

-- Гарри, -- шелестящий голос заставил меня мысленно вздыбить шерсть. -- Отдай мне пророчество -- и ты умрешь быстро и безболезненно.

От бега у меня пересохло в горле, потому я просто подняла левую руку (в правой у меня по-прежнему были четыре палочки) и показала Волдеморту интернациональный неприличный жест.

-- Авада Кедавра! -- задохнулся от злости тот, но меня уже не было на месте. Подскочив к камину, я метнула в него горсть

летучего пороха и скороговоркой пробормотала:

-- Хогвартс, кабинет Альбуса Дамблдора!

Правда, я не успела ничего сказать, поскольку вынуждена была уворачиваться от очередного заклятья Риддла, но Дамблдор быстро сориентировался и выпал из камина как раз вовремя, чтобы принять своей хилой старческой грудью полновесный волдемортовский Ступефай. Из камина один за другим вывалились папа, Невилл, Фадж, Амбридж, Тонкс, Рита и Ремус, буквально на пятки им наступали несколько авроров в форменных мантиях и Сириус. Волдеморт зашипел, как масло на сковородке, и рванул к себе подбежавшую было Беллу. Обнажив руку с Меткой, он ткнул в нее палочкой, попав, видимо, по фурункулу -- Лестранж волком взвыла и упала на колени. С легкими хлопками стали появляться одетые в черное фигуры, и один из авроров кинулся обратно в камин --надеюсь, за подмогой.

События последующих десяти минут слились для меня в пестрый калейдоскоп: вот Сириуса обезоруживает кто-то из пожирательской компании и он, ничтоже сумняшеся, оборачивается здоровенным Гримом, откусывая тому загребущую лапу.

Вот Ремус звонко клацает зубами над ухом Беллатрикс и связивает ее Инкарцеро.

Рита каким-то образом забралась на кентавра и сидит, обозревая поле битвы подобно полководцу, а в руках у нее Принципиарное перо и блокнот.

Фадж пищит, отбиваясь от странного вида лиан, наколдованных пожирателями, а трансфигурированная Амбридж шустро стремится к бассейну, боязливо поквакивая (ну, не удержалась я!).

Дамблдор, прекратив изображать умирающего лебедя, красочно сражается с Волдемортом, играючи отбивая его атаки -- впрочем, и Риддл не лыком шит, так что бой идет на равных.

Северус и Невилл, встав со мной спина к спине, отбивают атаки пожирателей (кажется, нам досталось по двое-трое на каждого), Тонкс и авроры (теперь я видела, что их двое) изображают такой же треугольник в противоположном углу Атриума.

И тут -- та-да-да-дам! -- прибывает кавалерия в виде отряда авроров, и пожиратели аппарируют с Риддлом во главе, бросив своих раненных и убитых.

По итогам недавних событий: арестовано шесть и убито трое пожирателей, с нашей стороны обошлось без потерь (если не считать Амбридж, которую -- вот печаль-то! -- так и не смогли расколдовать). Фадж смещен, на его место назначен бывший

глава аврората Скримджер, а "Ежедневный Пророк" объявил во всеуслышание, что Тот-кого-нельзя-называть вернулся.

Оказалось, что Фадж издал директиву, предписывающую Дамблдору перенастроить охранные чары школы на Амбридж -- неудивительно, что мне прислали портключ.

В Хогвартс для охраны студентов отрядили взвод авроров, посещения Хогсмида так и не разрешили, а на станции "Хогсмид" и вокзале "Кингс-Кросс" установили антиаппарационные купола.

После экзаменов все разъехались по домам, и я знала из разговоров студентов, что не все из них возвратятся в Хогвартс -- многие уезжали, не поверив заверениям министерства. Ужасы прошлой войны были еще живы для большинства колдунов и колдуний.

Я же наконец вздохнула с облегчением: теперь можно заняться делами.

Глава 13

Вернувшсь домой, я сразу окунулась в водоворот событий. Сириус и Рита вовсю готовились к свадьбе, невеста довела до истерики мадам Малкин, требуя от нее какую-то совершенно уж невозможную мантию, а жених все никак не мог решить, где следует прощаться с холостяцкой жизнью -- на Гриммо или же в заказанном ресторане. Рита высказывалась в пользу Гриммо, Сириус же считал, что приглашать гостей сюда не стоит -- слишком уж орет портрет матушки при входе, еще испугает кого-то больно нервного. Так что нелегкое бремя выбора они по молчаливому согласию возложили на меня, и после недолгих раздумий я поручила близнецам Уизли утихомирить портрет миссис Блэк, а Риту повела к маггловскому портному. Результатом стали неотлипное заклятье на шторке, закрывающей портрет, и умопомрачительное платье-мини лимонного цвета с черной отделкой -- Рита решила отдать дань хогвартскому прошлому и нарядиться в цвета своего факультета. Впрочем, Сириус не отставал и, насколько мне было известно, выбрал костюм в гриффиндорском стиле -- ему помогали близнецы, так что я внутренне приготовилась к худшему. Папа отзывался обо всей этой катавасии исключительно неодобрительно, но на прощальную вечеринку перед свадьбой все-таки пошел. Подозреваю, для того, чтобы иметь потом удовольствие пересматривать воспоминания о ней в Омуте памяти -- Сириус забавно обнимал школьный кубок по квиддичу от тысяча девятьсот семьдесят восьмого года, выигранный Гриффиндором, почему-то называл Ремуса Сопливчиком, а папу -- Джеймсом, и клялся, что всегда будет их помнить. Потом увидел близнецов Уизли, попросил налить ему еще огневиски, чтобы "вон того

веселого парня стало еще больше", и, вспомнив мародерское прошлое, предложил забраться на кухню и поменять местами соль и сахар. В ответ на резонное замечание Ремуса, что кухня его собственная, и пробираться нет никакой нужды, ответил, что вообще-то имел ввиду кухню Малфоя -- дескать, пусть гостящему у него Волдеморту будет невкусно. Откуда Сириус взял, что Риддл имено у Люциуса -- непонятно. Впрочем, вывихи пьяного мужского сознания вряд ли бывают логичными. Вообще судя по рассказам папы вечеринка была более чем веселой, но воспоминание он мне так и не показал, а Невилл, когда я его начала расспрашивать, помидорно покраснел и сказал, что пообещал Сириусу быть немым, как могила. "Для хорошего некроманта это не проблема," -- подумала я, но решила не акцентировать на этом внимания. Пусть у мальчиков будут свои маленькие тайны.

Мы же в тесной девичьей компании аппарировали в маггловский ночной клуб (Тонкс предлагала стрип-бар, но потом покосилась на меня и отчего-то умолкла). Рита не слишком умела просто дружить, все больше использовала людей для своих репортерских делишек, так что на девичник были приглашены только я, Тонкс, и пара сотруднц "Ежедневного Пророка". Они с явной завистью косились на ритино кольцо и вздыхали о том, что "потрясающе обходительный и галантный кавалер" вскоре будет потерян для общества.

На следующее утро я стала свидетельницей того, как Сириус с отпечатавшимся на щеке уголком подушки слезно выпрашивает у папы антипохмельное, а всклокоченный Ремус в почему-то волчьем обличии задом выползает из-под лестницы, таща за шкирку упирающуюся бабенку в алой мантии. Бабенка, малость обшарпанная и здорово обслюнявленная, оказалась журналисткой из конкурирующего с "Пророком" издания, решившей сделать эксклюзивный репортаж о мальчишнике. На ее беду, Сириус мигом вспомнил сказку о Красной шапочке, и уговорил Ремуса "слегка пошутить". Каким образом репортерша оказалась в доме на Гриммо, никто уже не помнил, но по степени ее пожеванности определили, что кто-то явно принес ее в зубах. Возможно, как потенциальную закусь -- больно уж она дрожала и заикалась.

Отправив бабенку восвояси, все стали дружно помогать Кикимеру наводить порядок, после восьмого разбитого бокала наконец позволили мне вызвать Добби, а Невиллу -- Винки, и отправились одеваться: через каких-нибудь четыре часа должны были прибыть гости.

Рита, прихорашиваясь перед зеркалом (желтая коротенькая фата выглядела поистине феерично!), вдруг вспомнила, что это

же ее собственная свадьба, и она не сможет разорваться надвое, чтобы одновременно и с гостями любезничать, и диктовать Принципиарному перу, и впала в самое настоящее уныние. Видя, что дело пахнет керосином, и невеста почти готова отменить торжество, мы с Тонкс поднапряглись и выдали на-гора потрясающую в своей простоте и гениальности идею: пусть Рита воспользуется хроноворотом и поприсутствует на своей свадьбе в двух качествах. Обрадованная Рита немедленно ускакала с Скримджеру клянчить хроноворот (лично я полагаю, что скорее все-таки требовать, нежели просить), а мы вздохнули с облегчением и наконец смогли заняться собственным туалетом.

Рита решила одеть подружек невесты в цвета Хаффлпаффа, так что мы с Нимфадорой щеголяли светло-желтыми платьями с черными поясами, а Дора даже удосужилась сменить цвет волос на непроглядно-черный -- думаю, папа будет в восторге. Шафером Сириуса был Ремус, и он с самого утра радовал нас пунцовым костюмом и алым жилетом в веселенькую золотую полосочку, тогда как сам Сириус нарядился в слепящую взгляд золотую рубашку с золотым же кружевным жабо, и алый костюм, который прямо кричал о гриффиндористости своего владельца. Фред и Джордж были одеты дорого и со вкусом, как преуспевающие бизнесмены, и только их шевелюры яростно пламенели, портя имидж. Папа же, как всегда, не изменил излюбленному черному. Он полагал этот цвет исключительно подходящим для всех случаев жизни, от крестин до похорон, и был в чем-то прав... Хотя я, пожалуй, не смогла бы всю жизнь проходить только в черном.

Вернулась Рита, но не наша, а другая, из будущего, одетая в кислотно-салатовую длинную мантию и вооруженная пергаментом с пером. Она гордо продемонстрировала нам обручальное кольцо с огромным, на весь сустав, ярким сапфиром (точь-в-точь как глаза дорогого Сири!) и заняла наблюдательный пост на лестнице, на площадке между первым и вторым этажами.

Впорхнула вторая Рита, еще незамужняя, о чем-то возбужденно затрещала сама с собой и унеслась проверять, готов ли зал для приема гостей. Еще вчера при помощи пятого измерения мы расширили гостиную до невообразимых размеров и именно в ней собирались принимать гостей. Слава Мерлину, Рита не капризничала по поводу не того оттенка бежевого или чересчур узких/широких/длинных/коротких лент, украшавших стены. Розы, фрезии и хризантемы тоже вполне устроили ее и цветом, и количеством, пристальное внимание привлекли только карточки с именами гостей. Поменяв местами несколько штук, она ускакала довольная донельзя, а я, подойдя к столу, убедилась, что по гениальному ритиному замыслу

предполагалось посадить рядом особ, относящихся друг к дружке сс максимальной неприязнью. Видимо, журналистская душонка Скитер жаждала сенсаций.

Наконец часы пробили полдень, и первые гости появились на пороге. Самыми пунктуальными оказались Малфои -- жаль, что под оборотным. Нарцисса во что бы то ни стало желала присутствовать на свадьбе новообретенного кузена, и Люциусу пришлось идти к папе на поклон -- узнай Риддл, что он пришел в гости к предателю крови и бывшему фениксовцу, одной авадой Малфой не отделался бы. Так что Люциус и Нарцисса изображали пожилую супружескую пару, родственников со стороны ритиной тетушки, а Драко досталось обличье ее троюродного племянника. Почему-то со спины племянник был здорово похож на Невилла, хорошо, что мантии были разного цвета -- я как пить дать ошиблась бы.

А дальше гость пошел косяками: от сотрудников до всяческих важных министерских шишек и фениксовцев. Компания подобралась разношерстная, гости в ожидании церемонии разбрелись по залу и Принципиарному перу нашлось достаточно работы. Интересно, Рита возьмет интервью у себя? А у Сириуса? "Мистер Блэк, как вы чувствуете себя в роли мужа?" -- "Превосходно, миссис Блэк-Скитер, лучше не бывает..."

Накладывать брачные узы должна была Августа Лонгботтом как старейшая ритина родственница, поскольку у Сириуса кроме двоюродных сестер родни не было. Вообще церемония бракосочетания в магическом мире очень напоминала процесс заключения Нерушимой клятвы (по сути, являясь одной из ее разновидностей) и требовала присутствия уважаемого в обеих собравшихся породниться семьях колдуна или колдуньи. Это по традиции, а по закону скрепить такую клятву мог любой совершеннолетний маг, так что молодые парочки вовсю пользовались этим, если их семьи были против.

Наконец Августа взошла на специально возведенный для этой цели помост и взмахом палочки добилась тишины. Сказав приличествующие случаю слова ("Мы собрались здесь, дабы проводить в последний путь," и далее по тексту), она попросила Сириуса и Риту подняться к ней и взяться за руки. В отличие от Нерушимой клятвы брачная связывала обе руки пары, уж не знаю, почему... Поклявшись любить и хранить верность друг дружке вечно, брачующиеся с удивительно поглупевшими от умиления лицами поцеловались, а Сириус надел на пальчик Риты то самое сапфировое колечко. Рита-два немедленно толкнула локтем фотографа, чтобы тот не забыл запечатлеть столь знаменательный момент.

Когда с официальной частью было покончено, гости со вздохом облегчения устремились к накрытому столу и дружно зачавкали. После какого-то там по счету выпитого бокала тут и там начали вспыхивать ссоры, и Рита-два металась от одного гостя к другому, пользуясь моментом, чтобы записать выданные спьяну и со зла секреты. В следующую минуту я поймала себя на мысли, что мантия-то у Риты была салатовая, а не индиговая, и поняла, что Рит у нас уже целых три -- видимо, одна с таким количеством гостей не справлялась, а вторая не собиралась жертвовать возможностью и привилегией принять поздравления и полюбезничать с новеньким мужем.

Ближе к вечеру Фред и Джордж с загадочными лицами притащили несколько огромных коробок, в одной из которых оказались шарахнутые Конфундусом садовые гномы, поющие серенады хриплыми голосами, а в остальных -- всевозможная продукция из магазина ""ВВВ". Наверное, они решили таким образом убить двух зайцев: и праздник оживить, и волшебные вредилки разрекламировать. Благо фотограф не преминул запечатлеть меняющиеся после употребления Забастовочных завтраков лица и тела гостей.

А ближе к полуночи, когда большинство гостей разошлись и остались только самые близкие, мы портключом переместились на северное побережье Ирландии, ритину родину, и битый час упражнялись в пускании фейерверков над морем. Особенно хорош был Китайский огненный шар близнецов, пролетевший совсем низко над нашими головами, и невиллов подсолнух(как доложила разведка, любимый ритин цветок), за несколько минут прошедший путь от крохотного мерцающего зернышка до огромного яркого цветка и, впоследствии, снова россыпи мерцающих зерен.

После этого Сириус аппарировал молодую жену на Гриммо, а мы остались встречать рассвет и наслаждаться чудесной звездной ночью, наколдовав себе по теплому пледу.

Глава 14

Делу время, а потехе час: беседу с Маркусом, альфой стаи Запретного леса, никто не отменял.

Ремус по моей просьбе подготовил мне всю возможную информацию об обычаях оборотней, я проштудировала еще раз книгу Селены Блэр и в назначенное время мы аппарировали на опушку Запретного леса. Резонно рассудив, что на четырех будет быстрее, чем на двух, мы разделись каждый за своим кустом и, уменьшив свертки с одеждой до нужного размера, с ними в зубах потрусили к оборотничьему селению.

Вы знали, что милях в семи от Хогвартса в Запретном лесу

начинается горный кряж? Я не знала. Оборотни жили в пещерах, очень живописных, но, несомненно, не слишком уютных. Эдакая резервация без водопровода и отопления, подарок от альбусовых щедрот. Вот интересно, это у него дар такой, или со временем научился: выдавать за щедрое пожертвование то, от чего с радостью избавляешься? Представляю, как это выглядело: "Маркус, я дарю тебе и твоей стае превосходные пещеры, только в них немножко обитают мантикоры, но я уверен, вы подружитесь..."

Стае оборотней пришлось сперва выжить мантикор из пещер, а уж потом вселяться самим. Вряд ли после такого гостеприимства они жаждут иметь дело с Дамблдором -- зато могут благосклоннее отнестись к его оппонентам.

Примерно через час неторопливого бега спустя мы наконец достигли пещер. Нет, я, конечно, представляла себе волчью резиденцию по-всякому, но уж никак не ожидала, что вокруг нее будет высоченный частокол. Хотя логично -- если в полнолуние они и самые свирепые хищники в лесу, то в остальное время превращаются в обыкновенных людей, и вовсе не все из них обладают волшебными способностями. На самом деле, колдунов среди них примерно треть, возможно, даже меньше, и почти все весьма плохи в ЗОТИ -- любой из получивших хотя бы "хорошо" на ТРИТОН достаточно опытен, чтобы не дать оборотню укусить себя. Так что от порождений Запретного леса маленькие волчки спасаются, как могут, и высокий забор -- совсем не плохое средство, особенно если около двух сотен метров перед ним освободить от растительности (для лучшего обзору).

Добежав до ворот, Люпин как-то по-особенному провыл, и ему открыли двое высоких молодых парней: один был магом, поскольку нацеливался волшебной палочкой прямо в лоб Ремусу, а второй, маггл, держал наготове суковатую дубинку. Я скромно держалась позади, как и положено порядочному волку-подростку. Переглянувшись, парни заявили:

-- Мы не имеем права пропустить в селение волкодлаков, даже если у вас назначена встреча с Маркусом.

Ремус молча встряхнул сверток с одеждой, обернулся и моментально накинул мантию.

-- Мы не волкодлаки.

-- А она? -- спросил парень с дубинкой. Тот, что с палочкой, молча таращился на Ремуса, из чего я заключила, что маггл незнаком с особенностями оборотневой физиологии. Недавно укушенный или просто плохой ученик? Вот волшебник, тот сразу понял, что это было контролируемое превращение -- на восьмой лунный день. Да-да, теперь в селении пойдут разговоры, и

Маркусу не удастся умолчать о причинах нашего визита, даже если очень захочется.

-- И я, -- хрипло проговорила я, оборачиваясь. Ремус поспешно набросил на меня мантию -- я вовсе не собиралась устраивать стриптиз. Огорошенные волчки пропустили нас внутрь и направили к пещерке у самого подножия. Кряж изобиловал дырами, как швейцарский сыр -- так обычно выглядит обрывистый берег, в котором селятся ласточки. Пожалуй, чем выше, тем больше было нор -- там суше и безопаснее.

Идя, мы ловили на себе заинтересованные взгляды местных жителей, но заговорить с нами никто не пытался -- даже совсем маленькие дети сторонились чужаков, не говоря уже об их родителях. Думаю, именно так выглядели средневековые викинги: добротная, далеко не новая одежда, чинимая с тщанием и украшенная всеми доступными средствами, никаких украшений, кроме самых дешевых, грубые башмаки, разнообразные накидки и безрукавки из выделанных звериных шкур... Очевидно, не только Ремусу было сложно зарабатывать себе на жизнь.

Между прочим, сведения Хагрида здорово устарели -- здесь никак не может быть двадцать оборотней. Почти сотня, не меньше -- судя по обилию запахов, улавливаемых моим чутким носом, и размеру селения.

Нужная нам пещера, очевидно, была неким аналогом тронного зала. Небольшая, почти идеально круглая, довольно сухая и благоустроенная: никаких тебе сталлактитов-сталлагмитов, как в пещерах под Хогвартсом, пол посыпан беленьким песочком... Уютненько, в общем. Хотя я предпочла бы нормальный дом -- не люблю, когда темно и над головой нависает нечто вроде пары сотен тонн камня. Должно быть, привет из прошлого -- моя кладовка весьма напоминала нору.

Маркус оказался невысоким жилистым мужчиной с коротким ежиком абсолютно седых волос. Он восседал на своеобразном троне, сделанном из искусно украшенного резьбой пенька, и держал в руках символ своей власти -- белый жезл из бедренной кости кого-то крупного и наверняка(в прошлом) опасного. Не удивлюсь, если это была мантикора. На шее Маркуса было ожерелье из разнокалиберных клыков, одежда же состояла из шерстяной безрукавки и штанов самого затрапезного вида, зато щедро украшенных кропотливо выполненной вышивкой.

Рядом с ним прохаживалась блондинка в ярком алом платье, черты ее лица были довольно резкими и хищными. Почему-то она мне не понравилась...

-- Почему ты не приветствуешь своего альфу, Люпин? --

осведомилась она.

-- С каких пор Элис говорит за тебя, Маркус? -- поинтересовался Ремус. Маркус не обратил внимания на это замечание:

-- Отвечай на ее вопрос.

-- Я не признаю твоего главенства, Маркус.

-- Очень хорошо. А твоя спутница? Маленькая волчица, она признает меня сильнейшим?

-- Не признаю, -- выступила я вперед. -- Здравствуй, Маркус, альфа клана Запретного леса, -- оборотничьи кланы звались по месту обитания.

Маркус наклонил голову в знак приветствия:

-- Здравствуй, маленькая волчица. Значит, ты принадлежишь к стае Ремуса?

-- Почему я должна принадлежать к чьей-то стае? Я сама по себе, Ремус сам по себе. Но мы не за этим пришли. У нас есть предложение, Маркус. Щедрое предложение.

-- Бесплатным бывает только сыр в мышеловке, -- фыркнула Элис. Я усмехнулась:

-- А я и не говорила, что мой сыр -- бесплатный. Друго дело, что цена будет приемлема для вас.

-- Говори за себя! -- вызверилась Элис. Маркус положил руку ей на плечо и заставил сесть.

-- Как тебя зовут, маленькая волчица?

-- Мое имя Гарриэт, и я хочу научить вас сопротивляться зову луны. Ремус теперь умеет оборачиваться по собственному желанию -- и не боится однажды не удержать в узде собственного зверя.

Маркус как-то странно на меня поглядел:

-- Почему ты решила, что это заинтересует меня?

-- Тебя, может, и не заинтересует. А твоих людей? -- прищурилась я. -- Сколько из них наносят себе увечья во время превращения, пытаясь не выпустить волка наружу? А сколько среди них детей?

Элис зашипела:

-- Нас не интересуют предложения колдунов!

-- Ты забываешься, -- тихо сказал ей Маркус, но женщина немедленно притихла и присмирела.

Его глаза обратились на меня:

-- Как я могу быть уверен, что ты не соврешь?

-- Я дам Нерушимую клятву. Но взамен ты пообещаешь мне помощь.

-- В чем?

-- В борьбе против Волдеморта.

Ну вот, я сказала это. В разговоре с оборотнями не рекомендуется юлить или рассуждать витиевато -- иначе тебя попросту выставят за дверь и попросят зайти попозже.

-- Волдеморрт, -- именно так это прозвучало из уст Маркуса. -- Он восстал из мертвых? Я слышал, его убил ребенок.

-- Тем ребенком была я. Теперь от меня ожидают повторения подвига, но я не могу бороться с его армией.

-- Затем и нужны оборотни, -- понятливо кивнул Маркус. -- Но в обычное время мы не противники Пожирателям Смерти.

-- Я научу вас перекидываться безболезненно, по собственному желанию, и оставаться в любом из обличий как угодно долго. Взамен каждый обученный даст клятву, что не использует свои способности против меня. Те же из них, кто захочет выразить свою благодарность, пусть присоединяются к моим сторонникам.

-- Хочешь иметь ручных оборотней, девочка? -- нахмурился Маркус. Я покачала головой:

-- Как я могу заставить вас сделать что-то против вашей воли? Будь у меня злые намерения, разве пришла бы я к вам вот так открыто, имея за спиной только Ремуса?

-- Вот именно! -- воскликнула Элис. -- Здесь только Люпин и ты! Мы можем задержать тебя силой, пока ты не выдашь свой секрет!

Я насмешливо посмотрела на нее и блондинка поспешно прибавила:

-- Селение накрыто антиаппарационным куполом, вы не сможете сбежать. Маркус, ну скажи им!

Маркус хранил молчание. Я прямо-таки видела, как шевелятся извилины в его голове, обдумывая все возможные варианты.

Наконец он решил:

-- Я не стану давать тебе ответ сейчас, Гарриэт. Я должен подумать.

-- Пришли ответ совой, Маркус, -- бросила я, разворачиваясь и идя к выходу. Люпин что-то негромко сказал ему, но я уже не раслышала. Злость душила меня, хотелось вернуться и хорошеноко оттрепать Элис -- если бы не она, Маркус был бы куда сговорчивее. Неужели он сглупит и откажется? Я бы на его месте приняла помощь, тем более предложенную так открыто и почти бескорыстно. Неужели он подумал, что я рассчитываю бросить против Пожирателей всю его стаю, включая детей и стариков?

Ремус догнал меня уже у ворот. Молча положил руку на плечо, прощально кивнул страже. Мы прошли до конца антиаппарационной зоны и он переместил меня в Спиннерс-Энд: сюда мы могли прийти только пешком, зато обратные координаты для аппарации Люпину были отлично известны.

Глава 15

Неопределенность с оборотнями меня несколько расстроила, так что я твердо решила во что бы то ни стало добиться успеха хотя бы с Лонгботтомами. Августа забрала их обоих домой, под тем предлогом, что вот уже много лет состояние ее сына и невестки не улучшается. Колдомедики не особо протестовали, взяли с нее расписку, что старая леди берет на себя ответственность за дальнейшую судьбу больных и перевезли чету Лонгботтом в дом Августы. Невилл не знал о переменах -- заручившись поддержкой Нарциссы, я устроила ему экскурсию в ботанический сад, принадлежащий немецкой коллегии гербологов, и он в совершеннейшем восторге решил остаться в Гамбурге "еще на недельку", пока не изучит все экспонаты хотя бы поверхностно. Этот сад вообще-то был режимным объектом, но связи и деньги могут многое...

Северус тоже был не в курсе, иначе с него сталось бы запретить мне подобные эксперименты или же попробовать самому заняться этим. Но доверить ему Алису (решено было начать с нее) я не могла: кто лучше знает женщин, я или он?

Августа была целиком и полностью со мной согласна. Вместе с ней мы выработали некую поведенческую линию, которой я должна была придерживаться, войдя в контакт с разумом Алисы. Упор делался на древнейший из инстинктов -- материнский. Раз уж Алиса использовала в качестве психотехники пение колыбельной, и узнавала впоследствии Невилла, то именно сын должен был быть тем якорем, что еще привязывал ее к реальности.

Непосредственно перед процедурой Августа предлагала напоить Алису зельем сна-без-сновидений, но я отказалась -- мне нужна была несмазанная картина. Дождавшись, пока больная уснет, я тихонечко прокралась к изголовью ее постели и уселась на поставленный позади кровати табурет. Вообще-то большинство легиллементов используют методику "глаза-в-глаза", им необходим зрительный контакт для проникновения в чужой разум, но я собиралась сделать большее -- и предпочла контакт тактильный, поместив ладони на виски Алисы.

-- Что бы ни случилось, не влезайте между нами, иначе я могу нечаянно затянуть вас в нашу связку, -- предупредила я ранее Августу, и та предпочла остаться за дверью до тех пор, пока я ее не позову. Тем лучше.

Палочка была мне не нужна, и я, прошептав формулу, осторожно скользнула в разум Алисы.

...Молодая женщина с короткой стильной стрижкой, одетая в доашнюю мантию неопределенного, серо-голубого цвета, укладывала спать ребенка. Странный, грязно-алый туман клубился у ее ног, все, кроме колыбели, тонуло в тумане жемчужно-белом.

-- Баю-баю-баюшки, прискакали заюшки...

Я подошла поближе -- женщина меня не замечала. Попробовав обойти ее с другой стороны колыбели, я увидела, что это Алиса, молодая и хорошенькая. Ее огромные карие глаза с любовью смотрели на пухлого румянощекого младенца, сосавшего собственный большой палец. Ребенок потянулся во сне и сбросил одеяльце, и тонкая рука Алисы протянулась к нему, наводя порядок. Довольно улыбнулась и снова стала качать колыбель:

-- Баю-баю-баюшки...

Ребенок потянулся, сбросил одеяльце, Алиса поправила его и качнула колыбель... Стоп. Она что, делает это снова и снова, не понимая, что повторяет только что совершенное движение? В отчете колдомедика-легиллемента не было об этом ни слова! Хотя, если уж на то пошло, в отчете был указан только двуцветный туман, и не было никакой колыбели или самой Алисы.

-- Алиса! -- позвала я ее. Женщина не обратила на меня ровно никакого внимания.

-- Алиса! -- тряхнула я ее за плечо.

-- Тш-ш! Мне нужно уложить ребенка! -- ее карие глазищи пылали праведным негодованием.

Я покачала головой:

-- Это не твой ребенок, Алиса! Тебя обманули!

Она испуганно глянула в колыбель -- но там лежала лишь пухлощекая кукла, наряженная в голубую рубашечку.

-- Где мой сын?! -- взвизгнула женщина. -- Ты украла его!

Она попыталась ударить меня, но наткнулась на мягко пружинящую стену. Я мягко улыбнулась:

-- Не я. Его украла Беллатрикс Лестранж -- помнишь такую?

Лоб Алисы сморщился от попытки припомнить.

-- Н-нет, -- покачала она головой. -- Я не отдавала ей Невилла. Лестранжи -- злые, они поддерживают Того-кого-нельзя-называть. Почему ты говоришь, что она украла Невилла, Лили?

Я невольно вздрогнула: неужели я настолько похожа на мать, что Алиса спутала меня с ней, несмотря на цвет волос?

-- Я не Лили, -- поспешила я разуверить ее. -- Но я ее подруга. Лили не смогла прийти и послала меня, чтобы я привела тебя к Невиллу.

-- Ему нужна мама! -- воскликнула Алиса. -- Моему мальчику нужна мама, он никогда без меня не засыпает! Где он?

Осторожно взяв женщину за руку, я посмотрела ей в глаза:

-- Сколько тебе лет, Алиса?

-- Я... -- ее лицо скривилось. -- Не помню. Голова болит. Меня прокляли?

Ее глаза беспомощно уставились на меня.

-- Да. Ты помнишь Фрэнка? Августу?

-- Августа печет к ужину яблочный пирог, а Фрэнк скоро придет с дежурства, -- ответила, просияв, Алиса. Я вздохнула:

-- Понимаешь, это все Лестранж. Ты знаешь сказку о Спящей красавице?

-- Это маггловская? -- нахмурилась она. -- Прости, Лили, я не... ой, ты же не Лили. Как тебя зовут?

-- Я Гарри, -- рассмеялась я. -- Глупо вышло, правда? Забыла представиться.

Алиса рассмеялась в ответ и я с облегчением увидела, что напряжение покинуло ее.

-- Принцесса укололась иголкой и уснула волшебны сном, а вместе с ней уснул и ее замок. Когда ее наконец разбудили, было уже поздно -- старые король и королева умерли.

-- Кто ее разбудил?

-- Прекрасный принц, конечно. Но твой прекрасный принц тоже уснул -- и потому здесь я. Я должна разбудить тебя, чтобы ты помогла мне разбудить его.

-- Фрэнк? Я не совсем понимаю... Сколько она проспала? Я имею ввиду Спящую красавицу.

-- Сотню лет, но не волнуйся -- ты спишь гораздо меньше.

Алиса снова заглянула в колыбель -- от куклы во все стороны

расползалась черная гниль.

-- Теперь ты понимаешь, что я имела ввиду? Злая колдунья хотела, чтобы ты никогда не проснулась.

-- Что же мне делать? -- беспомощно спросила женщина.

-- Уцепись за меня и крепко держись.

Думаю, подобное падение и не снилось кэрроловской Алисе: мы летели на дно колодца, а мимо проплывали картины из прошлого, позаимствованные мною из памяти Августы. Нужно было отмотать для Алисы время вперед, вплоть до того момента, как Лестранжи ворвались к ним в дом.

Невилл размахивает ложкой и счастливо заливается смехом, залепив кашей кувшин с молоком, Алиса улыбается и взмахом палочки ликвидирует последствия...

Невилл деловито распаковывает подарки к первому своему дню рождения и ахает, когда из коробки начинают вылетать яркие пузыри. Алиса смеется и ловит их, пузыри лопаются с громким треском...

Невилл нечаянно разбивает папину чашку и ревет от огорчения, Алиса бросается его успокаивать, склеивает злополучную посудину и демонстрирует сыну. Плач моментально стихает...

Невилл отчаянно не желает надевать на прогулку желтые ботинки и Алиса перекрашивает их в ярко-синие...

На каждой последующей картинке Невилл чуточку старше -- сейчас ему примерно год и четыре месяца, и он идет в гости к бабушке -- сам, как большой. "Дом Августы Лонгботтом," -- говорит Алиса, бросая в камин порошок, мальчик делает шаг вперед и следом за ним идет Августа...

Следующую сцену я взяла из дела Лестранжей -- хорошо, когда твоя будущая мачеха работает в аврорате. Беллатрикс орет: "Где Темный Лорд?", ее палочка направлена в сторону Фрэнка. Тот бледнеет и закрывает жену собой. "Круцио!"

-- Нет, Фрэнк! Фрэ-енк! -- выстанывает Алиса и я повелительным тоном говорю:

-- Спи! -- замечая, что туман окончательно рассеялся, и жемчужный, и алый, и кошмарное повторяющееся видение осталось где-то вверху, у открытой пасти колодца. Вместо кучи хвороста моя Алиса падает на перину, и я вместе с ней. Шепчу формулу и выныриваю на поверхность, тряся головой и судорожно вдыхая-выдыхая.

Алиса глубоко и спокойно спала, я знала, что сейчас ей снится залитый солнцем ромашковый луг -- я сама навеяла такой сон. Ее лицо показалось мне куда более спокойным, чем до моего вмешательства.

-- Августа, -- позвала я, выглядывая в коридор. Старая леди встрепенулась и отошла от подоконника.

-- Гарри! Я так волновалась! Прошло уже больше трех часов!

-- Надо же, я могла поклясться, что не больше пятнадцати минут! Думаю, утверждать что-либо еще рано, нужно дождаться, пока она проснется. Я погрузила ее в глубокий сон, это должно пойти ей на пользу.

Сцепив в замок пальцы, Августа предложила:

-- Может, разбудить ее?

-- Не надо. Я вернула ей память вплоть до дня... трагедии. Это могло оказаться довольно травмирующим... Да наверняка и оказалось! Лучше подождать, чтобы все случилось само собой.

-- Тогда... чаю? Ты выглядишь не слишком хорошо.

-- Чаю, -- согласилась я. Проходя в столовую, я мельком глянула в зеркало, висящее в прихожей. Да уж... Волосы растрепаны, под глазами синячищи -- похоже, я потратила куда больше сил и магии, чем предполагала. Чай определенно будет кстати...

Глава 16

Когда я проснулась, Алиса еще продолжала спать. Я же говорила, что восстанавливаюсь быстрее среднестатистического колдуна, спасибо папе и Грейбеку...

Так что я успела размяться, позавтракать и поговорить по каминной сети с Невиллом -- он собирался вернуться через пять дней и привезти мне в подарок замечательнейшую Мимбулус Мимблетонию Аурелиум, с прекраснейшими золотистыми цветами размером с кулак. Наверняка и зубки окажутся соответствующими...

-- Гарри, ты не представляешь, какая она замечательная!

-- О, думаю, что представляю... Разве может мимблетония быть не замечательной? Кстати, папа слезно просил не поливать больше растения в Тайной комнате зельем ускоренного роста -- они захотели есть и попытались добраться до его консервированного василиска.

-- Не буду, -- мило покраснел Невилл. -- Как там твое таинственное дело?

-- Продвигается, -- туманно ответила я и глянула на часы: примерно полчаса до пробуждения Алисы.

-- Ну, тогда до потом, -- попрощался Невилл. Мы с ним всегда так прощались -- никогда нельзя сказать наверняка, когда увидишься, особенно если оба имеют привычку внезапно соскучиваться.

Послав любимому воздушные поцелуй, который тот поймал и положил в кармашек, я встала с колен и направилась в Алисину

комнату. Думаю, будет лучше, если она увидит первой меня, а не состарившуюся Августу.

-- Она выглядит такой умиротворенной, -- шепнула мне миссис Лонгботтом, глядя на невестку.

-- Она скоро проснется. Думаю, вам лучше уйти -- ведь Алиса пока не знает, сколько лет прошло.

-- Да-да, ты права, -- Августа поспешно удалилась. Я же села так, чтобы, открыв глаза, женщина сразу увидела меня, и принялась ждать.

Наконец веки Алисы затрепетали, и еще сонный взгляд уставился в потолок. Тень узнавания забрезжила в карих глазах:

-- Августа? Ой, кто вы? -- она увидела меня и даже привстала слегка на локтях. Я мысленно прыгала от радости: она разговаривала!

-- Алиса, доброе утро.

-- Д-доброе утро... Я думала, что нахожусь в доме моей свекрови, простите... Гарри? Вы -- Гарри?

-- Да, -- подтвердила я. Женщина смущенно улыбнулась:

-- Вы мне снились, и так странно... Невилл. Там еще был Невилл и Фрэнк... О, Мерлин великий! Это случилось на самом деле! -- она рывком села и потребовала:

-- Расскажите, что случилось! Лестранжи и другие пожиратели, их поймали? Где мой сын? И муж?

-- Успокойтесь, Алиса, я сейчас вам все расскажу. Но, может, сперва позавтракаете?

-- К пикси завтрак! Я желаю знать, где мои муж и сын! И кто вы вообще такая?

Я примирительным жестом подняла ладони:

-- Успокойтесь. Помните, в вашем сне я говорила о Спящей красавице? Как вы думаете, сколько времени прошло с визита в ваш дом незабвенной мадам Лестранж?

Алиса глянула за окно:

-- Тогда был ноябрь, листья почти облетели... Какой сейчас месяц? Июнь? Июль?

-- Июль. Сегодня второе июля тысяча девятьсот девяносто шестого года.

Женщина потрясенно замерла. Я наколдовала ей водички и заставила выпить почти силой.

-- Вы же мне врете? -- жалобно спросила она.

-- Хотелось бы. Увы, Невиллу скоро исполнится шестнадцать. Уверяю вас, он жив, здоров и почти счастлив. А вот ваш муж болен, но к нему мы вернемся позже. Думаю, мне стоит рассказать вам о том, что вы пропустили.

Алиса горько покачала головой:

-- Мой мальчик вырос без меня... Я все пропустила, все!

-- Не все, -- упрямо возразила я. -- На вашу долю еще достанет. Итак, начнем с самого начала. Как вам известно, меня зовут Гарри. Гарриэт Джин Снейп.

-- Снейп?

-- Да. Я дочь Лили Эванс и Северуса Снейпа.

-- Лили ведь была замужем за Джеймсом? -- наморщила лоб Алиса. -- Не могло же у нее быть двух дочерей по имени Гарриэт? Ты... вы...

-- Ты, -- ободряюще кивнула я.

-- Ты родилась в один день с Невиллом, я правильно помню?

-- Да. Мы очень дружны с вашим сыном, и давно празднуем двойные дни рождения.

-- Постой, -- вдруг вспомнила Алиса. -- Сейчас мир? Все закончилось?

-- Давайте я расскажу все по порядку, -- улыбнулась я. -- Постараюсь кратко.

Женщина кивнула и я продолжила.

-- Итак, как вам известно, Джеймса и Лили убили. После их смерти меня подбросили моей тетке, маминой сестре, где я жила до одиннадцати лет. В это время в магическом мире все успокоилось, оставшихся пожирателей переловили и посадили в Азкабан, наступило полное затишье. Когда мне пришло письмо из Хогвартса, я в числе прочего отправилась в Гринготтс, и нашла неотправленное письмо, из которого следовало, что моим отцом был не Поттер, а Северус Снейп. В "Хогвартс-экспрессе" я познакомилась с Невиллом, и впоследствии мы оба попали на Хаффлпафф, чему я очень рада. На нашем первом курсе произошла первая попытка Волдеморта восстать из мертвых -- он ведь тогда не умер, а лишь развоплотился. Мы с Невиллом и еще двумя нашими друзьями помешали этому. Примерно в это же время был оправдан мой крестный Сириус Блэк -- не знаю, застали ли вы это событие, но его в свое время обвинили в предательстве Поттеров и убийстве магглов. Потому-то я и попала к тетке -- ведь крестный не мог стать моим опекуном... На втором курсе была открыта Тайная комната -- вы наверняка знаете эту легенду, ну, о жутком монстре, принадлежащем Салазару Слизерину и убивающем магглокровок. Опять-таки с помощью Невилла мне удалось убить монстра и все закончилсь счастливо. На третьем курсе из Азкабана сбежал оборотень Грейбек -- и Невилл спас мне жизнь, вовремя приведя помощь. Как видите, ваш сын вырос очень смелым и верным другом, Алиса... На четвертом курсе у нас в школе проводили Тремудрый Турнир, и вышло так, что чемпионов оказалось четыре -- я была

четвертой, лишней. Один из бывших пожирателей сделал так, что мне пришлось участвовать. В ходе последнего испытания (кстати, выиграли турнир сразу трое -- я, еще один хогвартский студент и дурмстранговец) меня обманом перенесли в Годрикову лощину, где ранили и использовали мою кровь в ритуале, необходимом для возвращения Волдеморта. Но я успела сбежать, и почти не пострадала. Я никому, кроме близких, не сказала, что Волдеморт возродился -- мне никто не поверил бы. И, наконец, в конце пятого курса, то есть в начале прошлого месяца, Волдеморт выдал себя, когда попытался заставить меня забрать кое-что из зала пророчеств в министерстве. Итак, на сегодняшний день в стране объявлена полная боевая готовность, авроры патрулируют все людные места, а Волдеморт где-то в тихом месте собирает силы для удара. Скоро опять будет война, -- закончила я.

Алиса долго молчала, и наконец спросила:

-- Так много нехороших новостей... Неужели не случилось ничего хорошего?

-- Почему же? Если брать отдельных личностей, то им живется очень даже неплохо. Невилл сейчас в Гамбурге, изучает тамошний ботанический сад коллегии гербологов. Он увлекается всяческими растеньицами, чем причудливей, тем лучше. Подождите, вот увидите его Мимбулус Мимблетонию!

Женщина улыбнулась:

-- Какой он?

-- У него фигура отца, -- улыбнулась в свою очередь я. -- Эдакий высоченный шкаф. Но ваши черты лица и глаза. Он очень добрый и отзывчивый, даже не знаю, умеет ли он по-настоящему ненавидеть... Думаю, нет. Он хорошо учится, но не слишком любит спорт. Впрочем, иногда он приходит на квиддичную тренировку, так, за компанию со мной -- я ловец и капитан команды. Он смелый и честный, понимающий, трудолюбивый... В общем, он... -- махнула я бессильно рукой. -- Он Невилл. Не знаю, как еще сказать. Мы обручены, -- закончила я ни к селу, ни к городу.

Алиса рассмеялась:

-- Ты любишь его! -- торжествующе заявила она. -- Ты любишь моего сына.

-- Ну да, -- растерялась я. -- Это так заметно?

-- Очень.

Женщина пристально изучила мои черты лица и заявила:

-- Хорошо, что ты ему встретилась.

Потом она о чем-то подумала и помрачнела:

-- Нас с Фрэнком пытали Круциатусом. Все это время мы находились в Мунго?

-- Да, -- не стала скрывать я. -- После этого Рождества Невилл впервые повел меня к вам. Я увидела вас и решила сделать все, чтобы помочь. Видите ли, Северус обучил меня легиллеменции, и я подумала, что могу попытаться -- и вышло ведь! Невилл будет счастлив.

-- Столько лет прошло... -- повторила Алиса. -- Я, должно быть, не узнаю себя в зеркале. А Фрэнк? Он-то помнит меня совсем девчонкой... Я ведь была всего на три года старше Лили.

-- Здесь Августа, -- сказала я. -- Впустить ее?

-- Да, конечно, -- снова оживилась Алиса.

-- Но потом вы обязательно позавтракаете, -- шутливо пригрозила я ей пальцем. -- Теперь я ваш доктор, меня надо слушаться.

Алиса лукаво улыбнулась, и я увидела, как в ее карих глазах загораются живые искорки.

Не знаю, чего там понарассказывала своей невестке Августа, но, когда я принесла поднос с гренками и куриным бульоном, Алиса смотрела на меня как на святую. Накормив будущую свекровь (с ума сойти! Свекровь!), я оставила ее отдыхать, незаметно навеяв на нее легкую дремоту. Примерно к полудню она проснулась, и я попотчевала ее общеукрепляющим зельем, а потом препроводила в ванну и поручила заботам Винки -- сама Алиса была еще слаба, а от моей помощи решительно отказалась, смущаясь. Поскольку мы с ней были примерно одного роста, я принесла из дому свою мантию, густо-синюю с голубой отделкой, и напомнила себе как можно скорее зайти к мадам Малкин -- Алисе нужен полный гардероб.

Нормальная еда, зелье и продолжительные водные процедуры сделали свое дело: теперь Алиса не выглядела тяжелобольной, скорее, уверенно идущей на поправку. Конечно, волосы ее так и остались седыми, и худоба никуда не делась, но появился живой блеск в глазах и уверенность в движениях. Я предполагала дать ей больше времени, чтобы прийти в себя, но тут уже она настояла -- узнав, что через пару дней вернется Невилл, Алиса захотела как можно скорее попытаться излечить Фрэнка.

У него явно не было такого якоря, как у Алисы -- у мужчин гораздо более слабый истинкт отцовства. Так что я решила делать ставку на его любовь к жене и матери, и уж потом -- к ребенку.

Я ввела в транс саму Алису и аккуратно направляла ее, помогая искать то, что осталось от личности Фрэнка. Больше всего это было похоже на собирание паззла -- и многих кусочков не хватало. Цветной калейдоскоп то и дело норовил закрутить меня или Алису, но я держалась со всех четырех лап и держала ее -- в буквальном смысле слова, сперва обхватив руками за пояс, а

потом и уцепившись волчьими зубам за мантию. Думаю, после всего Алиса непременно поинтересуется, что это за анимагическая форма такая.

Хорошо, что я прибегла к помощи Алисы -- самой мне этот паззл было не сложить ни в жизнь. Но даже ей не удалось сделать это до конца: многие кусочки были попросту уничтожены.

Когда мы закончили, я была мокрой как мышь, и не держалась на ногах. С помощью Августы я доковыляла до кровати и провалилась в сон без сновидений, как в темный колодец. Мысль, с которой я засыпала, была "Все напрасно."

Проснулась я как-то рывком, резко сев на постели. Наверное, мне все же что-то приснилось, но я не помнила, что именно.

-- Гарри! -- вскинулась Алиса. Она, оказывается, сидела рядом со мной, караулила.

-- Что с ним? -- спросила я сходу. Женщина покачала головой:

-- Он умер. Не перенес вмешательства.

-- Это моя вина, -- я отвернулась к окну, будучи сейчас не в состоянии смотреть Алисе в глаза.

-- Глупости, -- заявила Августа, входя в комнату. За ней шествовала Винки, неся поднос с чаем и какими-то бутербродами. -- Ты сделала ровно вполовину больше от того, на что я рассчитывала. Вернула Невиллу мать.

-- Но убила отца.

Знакомые шаги заставили меня съежиться, словно щенка в предвкушении выволочки. Но вместо обвинений и упреков в самонадеянности я услышала:

-- Глупая. До чего же ты у меня глупая.

Невилл крепко обнял меня, усевшись сзади, и заставил повернуться ко всем лицом.

-- Ты спасла маму. Ты рисковала собой, пытаясь спасти отца... Ты в курсе, что ты проспала почти пятнадцать часов кряду? Мы хотели вызывать колдомедиков, но мистер Снейп проверил тебя и сказал, что все будет хорошо.

-- Он был здесь? Он знает?

-- Да. И тебя еще ждет разговор с ним. Он не знает, что ему делать: то ли гордиться тобой, то ли отшлепать, как маленькую, и поставить в угол носом.

Почему-то от этого невинного замечания я разревелась, как маленький ребенок. Невилл молча гладил меня по спутанным после сна волосам, и мгновение спустя я поняла, что меня обнимает уже не только он, но и Алиса с Августой.

Я ошиблась, и цена моей ошибки -- жизнь человека.

Больше я ошибок не допущу.

ЧАСТЬ 6

Глава 1

Август ознаменовался несколькими событиями: я наконец-то перестала расти, перестав поставлять Сириусу поводы для шуточек, а Волдеморт, несомненно, в честь наступающего первого сентября, зачем-то обрушил Брокдейлский мост. Погибли двадцать три маггла, девять выжили, но получили тяжелые травмы. Дементоры оставили Азкабан, где, в общем-то, и охранять стало нечего, и теперь по всей Британии клубился густой туман -- неизменный свидетель их размножения. Магический мир был в состоянии тихой паники, министерские сбились с ног, устраняя и маскируя последствия деятельности Пожирателей. Стали пропадать люди, волдемортовские приспешники убили Эммелину Вэнс и Амелию Боунс, тем самым обезглавив отделы обеспечения магического правопорядка и (?). Наша преподавательница маггловедения Чарити Бэрбидж тоже исчезла, и почему-то никто не торопился занять ее место в Хогвартсе.

Люциус довольно неаккуратно поставлял мне сведения о деятельности Риддла -- он все еще был под подозрением, как запятнавший себя дружбой с предателем. Обычно он присылал патронуса, красивого пушистого лиса, и тот в двух словах рассказывал о текущем положении дел. Новости были неутешительными: на стороне Риддла собирался выступить великаны, и оборотни обдумывали его предложение. Люциус не уточнял, с какой стаей имел дело Риддл, но Маркус наверняка получил его предложение и теперь мне только оставалось надеяться, что он решит вопрос в мою пользу. Наверняка Риддл предложил ему нечто вроде легализации оборотничества и свободной охоты на магглов...

Также, по сведениям, полученным от патронуса, несколько выпускников Хогвартса приняли Метки, а ближе к Рождеству планировалось еще одно посвящение, на этот раз для старшекурсников Слизерина. Думаю, Паркинсон будет в первых рядах -- сейчас ее отец занимал видное положение при Риддле, в частности, принимал его у себя в гостях. Узнав, что резиденция Волдеморта не в Малфой-мэноре, я испытала какое-то иррациональное чувство облегчения, и даже не оттого, что так Драко и Нарцисса были в большей безопасности. Я просто не могла представить, как Риддл живет в одной из красивых гостевых комнат мэнора, гуляет (чем Салазар не шутит!) в оранжерее и нюхает нарциссины розы. Это казалось кощунством...

После скромных, тихих похорон Фрэнка Алиса почти до конца августа уехала на Ривьеру. Августа и Невилл, конечно, присоединились к ней, звали и меня, но я решила отказаться. Я

все еще остро чувствовала свою вину за смерть Лонгботтома-старшего, к тому же считала, что семье нужно побыть вместе. Я, конечно, тоже была почти частью их семьи, но все же, все же...

К тому же мне было чем заняться: одни папины исследования чего стоят! Ему никак не давалось противоядие от яда василиска, и Северус подключил меня к своей работе, рассудив, что одна голова -- хорошо, а две еще лучше, особенно если вторая смотрит свежим взглядом. Тонкс, как оказалось, тоже порой предлагала довольно любопытные идеи, но она сейчас была загружена работой выше головы и не могла принимать участия в работе. Авроры работали на износ, приходя домой только для того, чтобы отоспаться -- и в связи с этим Нимфадора как-то незаметно переселилась к нам в Спиннерс-энд. Она сперва заходила после работы, чтобы увидеть папу, оставалась на чай и в большинстве случаев попросту засыпала в мягком кресле с недоеденным бутербродом в руке. Тогда папа брал ее на руки и, шепотом ругаясь, нес в спальню, а наутро Тонкс смешно суетилась и оправдывалась перед матерью, пылающей праведным гневом. Гнев миссис Тонкс отсвечивал зеленым, изливаясь на дочь из камина, а главной претензией было то, что скоро она забудет, как выглядят родители, и вообще, с какой стати она ночует не дома? Пресекая утренние скандалы, папа предложил Доре переехать, и самолично трансфигурировал для нее шкаф из табуретки. В своей, между прочим, комнате.

В общем, невзирая на повисшее в воздухе ощущение надвигающейся опасности, в нашем доме были свои маленькие радости; я даже успела успокоиться и морально подготовиться к шестому курсу.

А вечером тридцать первого августа к нам в дверь постучали.

-- Нарцисса? -- я поднялась из подвала, чтобы встретить гостя, поскольку папа был слишком увлечен работой. Дора же сегодня заступила в ночное дежурство.

-- Добрый вечер, Гарриэт.

Женщина была непривычно бледна и сжимала руки до хруста в суставах. Я взяла у нее мокрый плащ и поспешно проводила в гостиную, попросив Добби сделать чаю.

-- Может, вина? -- предложила я, глядя на нервничавшую леди Малфой. Та молча покачала головой и невидящим взглядом уставилась на пламя в камине.

-- Что случилось? Вам нужна я или Северус? -- спросила я. Женщина закусила губу, посмотрелана меня взглядом затравленного зверя и хрипло проговорила:

-- Неважно. Думаю, вы введете его в курс дела, если сочтете за необходимое.

-- Безусловно. А вот и чай, -- Добби сервировал маленький столик между нашими крестами и Нарцисса вздохнула, вдыхая ромашково-пряный запах чая. Сбор номер четыре, успокаивающе-расслабляющий, собранный мною лично из трав Запретного леса.

Взяв маленькую чашечку в ладони, женщина сперва погрела о нее руки, а потом отпила маленький глоточек и заговорила:

-- Лорд недоволен Люциусом. Он не доверяет ему, и, соответственно, Драко. Думаю, кто-то из хогвартских студентов доложил ему, что вы с моим сыном были довольно дружны эти пять лет. Теперь он желает проверить Драко.

-- Он дал ему неприятное задание? -- догадалась я. Нарцисса медленно кивнула и уцепилась за чашку так, словно та была спасательным кругом.

-- Он... сказал, что дает задание для всех хогвартских студентов, в будущем желающих получить Метку. А быть сыном пожирателя и не желать войти в их круг...

-- Смертный приговор, -- закончила я за нее. Нарцисса невидяще уставилась в чашку, словно узрев там Грима из чаинок. Собравшись с силами, она продолжила:

-- Если Драко выполнит задание, его приговорят к Поцелую дементора. Если не выполнит -- его убьет Лорд.

-- Что же ему поручили?

-- Убить Дамблдора и провести Пожирателей в Хогвартс, -- уронила Нарцисса. Я потрясенно замолчала. Вот это заданьице для неофитов! Если сам Риддл боится открытой дуэли со стариком (чего скрывать, маг он по-прежнему сильный), то каковы шансы у шести-семикурсников?

-- Сколько еще человек будут пытаться выполнить это задание?

-- Двое. Теодор Нотт и Персефона Паркинсон.

Мои мысли заработали в бешеном темпе. Драко не станет и пытаться, это очевидно -- он не сможет себя заставить убить человека. Нужно сделать вид, будто он занят решением проблемы, потянуть время. Кстати, о времени:

-- Риддл назвал конечный срок?

-- Да. Май.

Нарцисса внезапно глянула прямо мне в глаза:

-- Что было в пророчестве, Гарриэт? Лорд так отчаянно старался его заполучить, что после провала в Министерстве жестоко наказал всех, кто там был. Особенно не поздоровилось тем, кого вы обезоружили -- Беллатрикс до сих пор лечится от заклятий.

Я порадовалась про себя, что палочка Люциуса не пополнила собой мою коллекцию.

-- Все то же. Честно говоря, не понимаю, зечем оно понадобилось Риддлу -- Северус рассказал ему все услышанное. Разве что вторая часть: тогда отец не дослушал и сообщил только, что ребенок, рожденный в семье тех, кто трижды бросал вызов Волдеморту, будет обладать силой, достаточной для победы. Вторая же часть гласит, что один из нас обязательно должен убить другого -- но это, думаю, и так было понятно.

Нарцисса кивнула:

-- Действительно, глупо вышло. Если бы он еще и знал, что пророчество фальшивое... Гарриэт, вы ведь найдете способ помочь моему сыну? Прошу вас!

-- Найду, -- твердо пообещала я. -- Дать вам Нерушимый обет?

Нарцисса качнула головой:

-- Я вам верю. Вам -- верю.

Она резко встала и попрощалась:

-- Мне пора. Спасибо за все, Гарриэт. И... берегите себя.

После ее ухода я спустилась в лабораторию и поведала папе об убийственном поручении Реддла.

-- Он всегда славился умением подбирать наказания, -- буркнул Северус, потирая свою Метку. Сразу после возрождения Лорда он начал пить на редкость гадостное, но действенное зелье, купирующее воздействие Метки. Это не лучшим образом сказалось на его характере, зато мешало Лорду свести его с ума с помощью предусмотренных на этот случай чар.

-- Но в мои планы не входит подставлять Драко под его палочку.

-- Безусловно. Какие будут предложения?

-- Тянуть время. Инсценировать пару неудачных покушений, свалить на меня их срыв.

-- Ты удивительно спокойна, как для человека, выслушавшего подобные известия. Разве ты не понимаешь, что случится, если Дамблдор умрет?

Я бесцеремонно уселась на разделочный стол и стала болтать ногами.

-- Понимаю. Охранные чары завязаны на директора, если он умрет, рухнет все: антиаппарационный щит, магглоотталкивающие чары, Фиделиус -- в общем, весь комплекс заклинаний. Слава Мерлину, к ним не относятся цементирующие чары, иначе Хогвартс превратился бы в общую могилу.

-- И ты еще шутишь! -- рассерженно запустил поварешкой в стену Северус. Я успокаивающе погладила его по плечу:

-- Я серьезна, как никогда. Все будет хорошо, папа, вот увидишь. Мы обязательно что-то придумаем.

-- Мне было бы легче, услышь я мало-мальски подходящий

план.

Я подумала и согласилась:

-- Хорошо. По поводу покушений: подложим яду в лимонные дольки, подсунем заклятое барахло для коллекции, натянем веревку посреди коридора, тобы шею свернул... А насчет чар -- я перенастрою их на себя, Лэнни поможет мне, я уверена. Хотя бы те из них, что сейчас не используются -- в свое время Слизерин предусмотрел, чтобы только владеющий парселтангом смог активировать защиту. Остальные можно будет завязать на тебя или МакГоннагал после смерти Дамблдора, если усилия Паркинсон или Нотта увенчаются успехом. А провести в Хогвартс Пожирателей можно будет, скажем, после отбоя -- ученики будут в своих гостиных, а авроры начеку. Можно показать им один из мародерских тайных ходов.

Папа как-то резко обмяк, словно шарик, из которого выпустили воздух. Он внимательно посмотрел на меня и сказал:

-- Сделаем, как ты предлагаешь.

Глава 2

Левитируя сундук на багажную полку, я зацепила гермионину сумку и нечаянно вывалила все ее содержимое.

-- Ой, прости, пожалуйста, -- мы с ней наперебой кинулись собирать разбросанные по купе вещи.

-- Вот, это тоже твое, -- Невилл протянул рейвенкловке брошюрку "КАК ЗАЩИТИТЬ СВОЙ ДОМ И СЕМЬЮ ОТ ТЕМНЫХ ИСКУССТВ", изданную по заказу министерства магии. Они разослали такие всем семьям, где были колдуны.

-- Редкостное убожество, -- отозвалась Гермиона. Невилл кивнул:

-- Как вам пункт четвертый: "Договоритесь об условных знаках с друзьями и родственниками, чтобы исключить возможность использования их облика Пожирателями смерти при помощи Оборотного зелья"? Мама говорит, что, будь она Пожирателем, то не стала бы дожидаться, пока ей зададут контрольный вопрос, а быстренько накладывала Империо.

-- Министерство делает, что может, -- не согласилась я. -- Другое дело, что может оно немногое. Остальные советы вполне годятся для среднестатистического колдуна.

-- Можно к вам? -- заглянул в наше купе Рон Уизли. Я приглашающим жестом указала на сидение возле Гермионы, которое сейчас занимал мой Косолапсус. Рон с величайшей осторожностью поднял своенравного кота и, сев, водрузил его себе на колени.

-- Читали "Пророк"? -- спросил он.

-- Какой именно выпуск? -- поинтересовалась Гермиона.

-- Тот, где сказано, что Министерство учреждает несколько новых отделов. Паника нешуточная, но больше всего возмущает то, что всякие дельцы из Ноктюрн-аллеи стараются нажиться на страхах рядовых магов. Папа назначен главой отдела выявления и конфискации поддельных защитных заклинаний и оберегов.

-- А чем они там занимаются? -- поинтересовался Невилл.

-- Понимаешь, сейчас все так напуганы Сам-Знаешь-Кем, и вот то тут, то там предлагают на продажу всякую всячину, которая якобы может защитить от Сам-Знаешь-Кого и от Пожирателей смерти. Ну, ты и сам можешь представить: так называемые охранные зелья, которые на самом деле состоят из старой подливки с добавлением гноя бубонтюбера, инструкции к защитным заклятиям, от которых у творящего заклятие отваливаются уши... Иногда попадаются и очень нехорошие вещи. На днях папа конфисковал коробку проклятых вредноскопов, их почти наверняка подсунул кто-то из Пожирателей смерти.

-- Стервятники, -- отозвалась Гермиона, поглаживая кота.

-- К примеру, какой-то идиот буквально два дня назад пустил в продажу метаморф-медали. Стоит повесить такую медаль на шею, и сможешь менять свою внешность по желанию. Сто тысяч обличий всего за десять галеонов!

— А на самом деле что происходит, если ее наденешь?

— Чаще всего человек просто приобретает неприятный оранжевый оттенок, но некоторые вдобавок еще и обрастают щупальцами. Как будто в больнице Святого Мунго без того мало забот!

— Как раз такую штуку Фред и Джордж могли бы посчитать веселым розыгрышем, — нерешительно сказала Гермиона. — Ты уверен...

— Конечно, я уверен! — сказал Уизли. — Ребята не стали бы ничего подобного устраивать в такое время, когда отчаявшиеся люди ищут защиты!

-- Как у них дела? -- спросила я, будто Фрэд не присылал мне письмо только вчера.

-- О, просто замечательно! Купили магазин на Диагон-аллее, продают всякие приколы и волшебные шутки, как и хотели. Переехали из "Норы", теперь живут на втором этаже над магазином. А, еще новость: наш Билл женится.

-- На ком? -- любопытно глянула я на Рона. Кажется, Билл -- это старший, с хвостиком и серьгой в ухе. Ребята не писали мне о семейных делах, все о бизнесе -- то ли не посчитали нужным, то ли попросту забыли.

-- На Флер Делакур, они познакомились в Египте в прошлом году. Мама против, она считает, что они слишком мало знакомы.

-- Типичный случай, -- заявила Гермиона. -- Смутное время, люди не знают, что ждет их в будущем и стараются жить настоящим. Влюбляются, женятся, заводят детей...

Рон кивнул:

-- Мама с папой поженились, когда Тот-кого-нельзя-называть пришел к власти в прошлый раз. Говорят, ее родители были не в восторге, и долго не давали согласия, так они взяли и сбежали.

-- Поймали рыбку в мутной водичке, -- хмыкнула я. Лично мне это казалось идиотизмом: жениться, а потом враз овдоветь? Какая тогда уж разница, были вы женаты или нет?

-- Лавка Олливандера закрыта, -- вспомнил вдруг Рон. -- Я заходил к Фреду и Джорджу, так на Диагон-аллее половина магазинов не работает.

-- Думаешь, он уехал? -- с сомнением произнесла Гермиона.

-- Хорошо, если так. Его могли забрать Пожиратели, -- нахмурилась я. -- Им палочки нужны, и еще как...

-- Ага, -- хохотнул Невилл. -- Ты ведь обожаешь разоружать своих противников.

Ребята засмеялись, напряжение немного схлынуло. Невилл достал сверток с бабушкиными пирожками и мы дружно потянулись к свежей выпечке.

-- У меня к вам будет серьезный разговор, -- сказала я, прожевав первый кусок. -- Сегодня вечером приходите в Выручай-комнату, скажем, часам к девяти.

-- Это касается... -- взглянул на меня выжидательно Рон.

-- Именно. Знаете, кто будет нашим новым преподавателем ЗОТИ? -- сменила я тему. -- Мой крестный Сириус.

-- Блэк? Он, наверное, будет не хуже Грюма, -- решила Гермиона.

-- Думаю, так и будет.

-- А что с "Мозгошмыгами"? -- поинтересовался Рон. -- Занятия прекращаются?

-- Отчего же? -- недоуменно спросил Невилл. -- Мы можем продолжать изучать ЗОТИ, только уже легально.

-- А я бы не стала афишировать наши занятия, -- заявила Гермиона. -- Думаю, сейчас в Хогвартсе полно шпионов, будущих Пожирателей. И Паркинсон -- первая.

-- Гермиона права, -- подтвердила я. -- Что делать с "Мозгошмыгами", решим вечером.

Дверь купе отъехала в сторону и в проеме возникла Луна. Ее взъерошенные волосы украшал венок из чертополоха, в ушах качались сережки-редиски.

-- Вот вы где, -- обрадовалась она и подмигнула Косолапсусу. Сев возле Рона, она почесала кота за ушком и сообщила:

-- Знаете, многие ученики решили перевестись за границу. Интересно, принимают ли там результаты СОВ? Было бы неприятно заново сдавать экзамены.

-- Ага, -- согласился Рон. -- У тебя сколько СОВ?

-- Девять, -- отозвалась Луна. -- Я не сдала прорицания.

-- И у меня девять, -- кивнул Невилл. -- А у Гарри с Гермионой по одиннадцать, все "превосходно".

-- Ого! -- поразился рыжий. -- Я еле шесть наскреб, и то две "удовлетворительно". Вы что, на все факультативы записались?

-- Ну да. Лично мне было бы обидно что-то упустить, -- мы с Гермионой понимающе переглянулись. Рон изобразил удушение, а Луна только усмехнулась мечтательно.

-- А кто перевелся? -- спросила я. Луна пожала плечами:

-- В основном младшекурсники. Из наших ровесников -- только Нотт, он слизеринец, и Кормак Маклаген.

Значит, Нотт решил не выполнять поручение Риддла. Это упрощает задачу...

-- Драко такой бледный, -- ввернула Луна. -- Похоже, его здорово беспокоят мозгошмыги.

Рон что-то неразборчиво пробурчал. Да уж, что-что, а мозгошмыги в этом году будут беспокоить не только Драко. Интересно, каким образом станет выполнять поручение Паркинсон?

После того случая с гиппогрифом Персефона присмирела. Не задирала больше ни меня, ни любого из моего окружения, даже в прошлом году, когда состояла в Инспекционной дружине Амбридж. Да, старалась шпионить, да, придиралась к любой мелочи -- но специально подлянок не делала и не оскорбляла на словах. Думаю, она наконец повзрослела и поняла, что мне ее подковырки -- что слону дробина.

Поезд прибыл на станцию, мы дружно выгрузились и сели в карету. Фестралы косили на нас лиловыми глазами, и на секунду мне показалось, что крылатые лошади рады нас видеть. Наверное, встреться мне сейчас голодная мантикора, то и она показалась бы воплощением радушия -- до того не терпелось оказаться в Хогвартсе. Не знаю, почему я так успела привязаться к этому старинному замку, к его бесконечным коридорам и лестницам, запутанным лабиринтам классных комнат и острым шпилям башен. Мне всегда казалось, что Хогвартс обладает сознанием, если угодно, разумом -- только мыслит совсем не человеческими категориями. Для него студенты -- вроде мошкары, копошащейся в его бездонном чреве, но мошкары любимой. Нет, не так: Хогвартс -- добродушный дедушка, благосклонно взирающий на шалости внучат, дергающих его за бороду.

Как всегда, прибывших встречал Пивз, плевался через трубочку жёваной бумагой и распевал обидные песенки. Филч провожал каждого ученика злым взглядом -- казалось, он нюхом чует всевозможные приспособления для шалостей, купленные в магазине близнецов Уизли, но устав школы не предусматривал обыска ее учащихся. А в том, что Филчу очень этого хотелось бы, я не сомневалась.

Сидя за столом, я беззастенчиво рассматривала сокурсников: мальчики здорово выросли, некоторые даже заусатели, девушки, кажется, стали больше краситься и многозначительно поглядывать на противоположный пол. Сириус за преподавательским столом оказался буквально под обстрелом любопытных глаз. Лаванда Браун еще больше осветлила волосы, Ромильда Вейн отчего-то решила завить обычно прямые локоны... Кажется, тех, кого не коснулись эти изменения, можно было пересчитать по пальцам одной руки. Даже угрюмая обычно Буллстроуд как-то особенно удачно постриглась и преобразилась, превратившись в почти хорошенькую. Я даже поймала себя на мысли, что сейчас Миллисент выглядит даже лучше Паркинсон, несмотря на дорогую мантию и бриллиантовые серьги той. Невольно дотронувшись до собственной мочки, я нащупала скромные сережки, купленные еще в первом классе. Надо же, никогда не обращала внимания. Может, и себе подарить что-нибудь эдакое, скажем, на рождество? Только камни поменьше, чтобы в глаза не бросались.

После распределения, проходившего как-то по-особенному тихо (даже жизнерадостный Гриффиндор рукоплескал своему пополнению довольно жиденько), Дамблдор обьявил пир. Обстановка была непривычно тревожной -- любая новость, любая тема для обсуждения рано или поздно затрагивала ситуацию в стране. Наконец угнетающе-торжественная часть закончилась, и директор встал, чтобы сказать речь.

-- Нашим новым ученикам — добро пожаловать, наших старых учеников — с возвращением! Вас ожидает еще один год обучения волшебству. Школьный смотритель, мистер Филч, просил меня объявить о категорическом запрете на любые шуточные товары, приобретенные в магазине под названием «Всевозможные волшебные вредилки».

Желающие играть в команде своего факультета по квиддичу, записывайтесь у капитанов команд, как обычно. Кроме того, нам требуются новые комментаторы, желающие пусть записываются у деканов.

В этом году мы рады представить вам нового преподавателя. Профессор Блэк будет вести у вас ЗОТИ в этом году. Далее... Как

известно всем присутствующим в этом зале, лорд Волдеморт и его сторонники снова действуют в открытую и собирают силы.

При этих словах Дамблдора молчание сделалось натянутым, как струна. Я оглянулась на Паркинсон. Та, не глядя на Дамблдора, удерживала в воздухе вилку при помощи волшебной палочки, как будто речь директора школы не заслуживала её внимания.

— Мне хотелось бы всячески подчеркнуть, насколько опасна сложившаяся ситуация и насколько важно, чтобы каждый из нас заботился о безопасности Хогвартса. Магическая охрана замка за лето была усилена, у нас появились новые, более мощные средства защиты, но тем не менее все мы, и ученики, и преподаватели, должны быть крайне осторожны и не допускать ни малейшей беспечности. Поэтому я прошу вас, в целях безопасности соблюдайте все ограничения, о которых будут говорить вам учителя, пусть даже это покажется вам обременительным, и в особенности строго выполняйте правило о запрете ученикам выходить после отбоя из своих спален. Заклинаю вас — если заметите что-нибудь необычное или подозрительное в замке или за его пределами, немедленно сообщайте об этом кому-либо из преподавателей. Я верю и надеюсь, что вы будете постоянно помнить о своей безопасности и о безопасности других учеников.

Голубые глаза Дамблдора обвели взглядом зал, и он снова улыбнулся.

— Но сейчас вас ждут уютные, теплые постели, какие только можно пожелать, и главная ваша задача на данный момент — хорошенько выспаться перед завтрашними уроками. А потому давайте скажем друг другу: «Спокойной ночи! Пока!»

Как всегда, с грохотом начали отодвигаться скамьи, сотни учеников потянулись из Большого зала по своим спальням.

Я, как староста, должна была проследить за первокурсниками и озаботиться тем, чтобы завтра все получили расписания. Отправив Невилла к профессору Спраут за паролем, я повела малышей в гостиную, не преминув напомнить о встрече в Выручай-комнате.

Глава 3

В этом году раздача расписаний несколько усложнилась, поскольку шестикурсники должны были сперва показать профессору Спраут свои результаты СОВ, дабы та убедилась, что они имеют право брать для углубленного изучения выбранные предметы.

Невилл твердо решил в будущем связать свою жизнь с гербалогией, записался, помимо того, на ЗОТИ и чисто для

количества взял еще зелья. Я же не была столь уверена и потому записалась на все, что было можно, добавив к своему списку древние руны, трансфигурацию, чары, арифмантику и прорицания -- я собиралась попасть в группу к Фиренце, у него можно было всласть поваляться на травке, слушая странные толкования о передвижениях планет. Здорово расслабляет, кстати.

С самого утра ко мне стали подходить желающие попробоваться в квиддичную команду, даже некоторые первоклашки интересовались, так что я просто оставила в гостиной чистый лист, на котором просила записывать свои фамилии всех желающих.

Первым уроком сегодня у нас было ЗОТИ, и я подмигнула Сириусу за завтраком, собираясь как следует раскритиковать его преподавательские способности: кто бы мог подумать, что самый дерзкий из Мародеров вернется в Хогвартс в качестве профессора?

Должна признать, свой выход Сириус обставил довольно эффектно. Классная комната была оформлена в темных тонах, на всех вертикальных повехностях висели плакаты, иллюстрирующие действие всевозможных проклятий, под потолком плавали свечи. Сириус возник на пороге класса бесшумно, как призрак, молча прошел к своему столу и уселся на него, беспечно болтая ногой. Со своими черными волосами и аристократически-бледной кожей он был похож на вампира -- но вампира дружелюбного. Даже, я бы сказала, веселого.

-- Итак, за время учебы у вас сменилось пять преподавателей, что не могло не сказаться на качестве вашего обучения, -- начал он. -- Удивлен, что вы сумели мало-мальски наскрести знаний для сдачи СОВ -- впрочем, это свидетельствует в вашу пользу. Первым делом мы займемся систематизацией и повторением изученного ранее материала. Темные искусства, — говорил Сириус, — многочисленны, разнообразны, изменчивы и вечны. Бороться с ними — все равно что сражаться с многоголовым чудовищем. Отрубишь одну голову — на ее месте тут же вырастает новая, еще более свирепая и коварная, чем прежде. Это битва с противником, непостоянным, неуловимым, вечно меняющим обличья, и уничтожить его невозможно. Следовательно, ваша защита, — чуть громче продолжал он, — должна быть такой же изобретательной и гибкой, как те Искусства, которые вы тщитесь одолеть.

Я и не думала, что Сириус может быть таким серьезным и говорить так увлекающе. Он казался полностью поглощенным своим предметом, и ничем не напоминал моего разгильдяя-

крестного.

-- Думаю, подавляющее большинство из вас незнакомы с невербальными чарами. Кто скажет мне, в чем их преимущество? Невилл?

-- Противник не знает заранее, чем вы атакуете, разве что догадается по характерному для данного заклинания движению палочкой, -- ответил Невилл. -- Но можно выбрать такое заклинание, которое легко спутать с другим, и противник выставит не то щит.

-- Отлично. Пять баллов Хаффлпаффу, -- кивнул Сириус. -- Сейчас вы разделитесь на пары и попробуете атаковать друг друго невербально, проговаривая словесную часть сглаза мысленно. На первый раз разрешаю шептать.

Он попросил нас встать и при помощи палочки сдвинул все парты и скамейки к стенам, освобождая место. В прошлом году я лично обучила практически половину здесь присутствующих автоматически ставить щитовые чары, и многие сумели научиться накладывать их невербально, так что сейчас Сириус щедро награждал "мозгошмыгов" баллами. Наконец он скомандовал:

-- Достаточно! Вижу, что из вас выйдет толк. Итак, сейчас я попрошу вас припомнить то, чему вы обучались ранее -- мы устроим небольшую контрольную в виде схватки. Разделитесь на две команды и по моему сигналу атакуйте.

Наверное, было немного нечестно использовать невербальные подножки, но мне так хотелось выиграть, что я не удержалась. К концу занятия на ногах остались только я и Терри Бут, за что были награждены десятью баллами каждый и отпущены восвояси.

За дверью меня поджидала Ханна Аббот -- она вручила мне перевязанное ленточкой письмо и умчалась, бросив на ходу, что это от Дамблдора.

"Дорогая Гарри," -- гласило оно. "Я бы хотел встретиться с тобой сегодня после уроков. Скажем, часов в восемь. У меня есть вкусные лакричные тянучки."

-- Причем тут лакричные тянучки? -- нахмурилась Гермиона.

-- Это пароль для гаргульи, -- догадалась я. -- Ну и дурацкий же! Что ему от меня надо?

На зельях оказалось, что растяпа Эрни, сидевший за соседней с моей партой, ухитрился забыть купить учебник. Я вообще была очень удивлена, когда оказалось, что он решил их изучать -- мне казалось, он не слишком ладит с пестиком и ступкой.

-- Что, Макмиллан? -- бросил папа, увидев его поднятую руку.

-- Я забыл учебник, сэр, -- обреченно простонал тот.

-- Лучше бы вы голову свою забыли, -- беззлобно махнул рукой папа. -- От нее гораздо меньше проку, нежели от учебника.

Возьмите в том шкафу, -- указал он в сторону стеллажей с ингредиентами.

Эрни пошарил на нижней полке и выбрал среди кипы учебников тот, в котором хотя бы не отсутствовала половина страниц. Радостный, он вернулся к своему котлу и только раскрыл его, как тут же скривился: все страницы книги оказались исчерканы и исписаны чернилами. Я тронула его за плечо:

-- На, возьми мой. Потом купишь новый и отдашь.

-- А ты?

-- Разберусь.

Макмиллан торопливо, пока я не передумала, сунул мне книгу и взял мой учебник. Мне-то что -- я хоть сейчас могу по памяти приготовить любое зелье из описанных у Либациуса Бораго, а вот Эрни придется попотеть.

Кроме меня, Невилла и Эрни, в классе сидели еще десять человек, почти все из "Мозгошмыгов": Драко, Блейз, Терри Бут, Гермиона, Энтони Голдстейн, Захария Смит. Еще трое рейвенкловцев и Паркинсон завершали картину. Папа тем временем указал на четыре котла, в каждом из которых булькало зелье.

-- Ну, кто из вас сможет сказать мне, что это за зелья?

Я со скучающим видом оглядела класс -- Невилл, Драко и Гермиона подняли руки, остальные сдели молча, как мыши.

-- Мистер Малфой? -- поднял бровь Северус. -- Скажите нам, что в первом котелке?

-- Это Веритасерум, зелье без вкуса, цвета и запаха. Принявший его человек не сможет солгать.

-- Отично. Пять баллов Слизерину. Далее, мисс Грейнджер?

-- В третьем котле оборотное зелье, -- сказала подруга. -- Если добавить в него чей-то волос и выпить, то можно на час полностью превратиться в этого человека. Насчет второго я не уверена, но мне кажется, что это....

-- Стоп-стоп, достаточно. Пять баллов Рейвенкло. Мистер Лонгботтом, что во втором котле?

-- Амортенция, сэр. Я сужу по характерному металлическому отливу и спиралеобразному пару. Сильнейшее приворотное зелье, оно пахнет для каждого по-разному. От него не существует противоядия, и только истинно влюбленный сможет пересилить его действие.

-- Великолепно, десять баллов Хаффлпаффу. Кто скажет, что в четвертом котле? Никто? -- он пытливо глянул на меня. -- Мисс Снейп?

Я повнимательнее пригляделась к зелью цвета расплавленного золота. Что-то такое я встречала в

"Сложносоставных зельях" Лукреции Борджа...

-- Феликс Фелицис? -- предположила я. -- Из всех известных зелий у него одного такой характерный цвет... Хотя нет, есть еще молодильное зелье, но некоторые ингредиенты для него входят в список запрещенных к продаже.

-- Замечательно. Да, это Феликс Фелицис, более известный как жидкая удача. А сейчас откройте свои учебники на пятой странице и попытайтесь приготовить Напиток живой смерти. Тот, кто приготовит сносное зелье, получит в награду флакончик жидкой удачи -- доза рассчитана на двенадцать часов.

Интересно... Раньше папа не награждал студентов, хотя, разумеется, приготовившие удачное зелье были вольны унести его с собой. Но чтобы вот так вот, ни за что... Он явно задумал какую-то штуку.

Открыв учебник, я сперва застыла, немо таращась на страницу, а потом рассмеялась вполголоса.

-- Что вас так рассмешило, мисс? -- немедленно подошел ко мне папа. Я перевернула пару страничек -- на обложке изнутри мелким убористым почерком значилось: "Собственность Принца-полукровки".

-- О, -- усмехнулся Северус краешком рта. -- Вижу, вам достался небольшой привет из прошлого. Ну-ну.

Я снова хихикнула:

-- Оказывается, использовать учебник вместо блокнота и исправлять авторов -- это в некотором роде семейная традиция.

-- Пожалуй, -- согласился папа и напомнил:

-- Напиток живой смерти. У вас осталось пятьдесят минут до окончания урока.

Оглядевшись по сторонам, я обнаружила, что все уже поглощены делом. Драко с лихорадочной скоростью резал корень валерианы, Паркинсон с не меньшим энтузиазмом пыталась нарезать дремоносный боб -- тот отскакивал от лезвия ножа и норовил укатиться под стол. Закрыв книгу, я начала по памяти набирать ингредиенты -- Напиток живой смерти приготовить совсем несложно.

К тому моменту, как Северус приказал перестать помешивать, нормальное зелье вышло только у меня с Невиллом и у Драко -- тот явно не зря был крестником Мастера Зелий. Мне стало интересно, каким образом папа будет определять достойнейшего, и тот провозгласил:

-- Поскольку у мисс Снейп и мистера Лонгботтома было преимущество в виде близкого родственника-зельевара, то Феликс Фелицис достается мистеру Малфою.

Ишь ты, как выкрутился. Подчеркнул свою обособленность от

Драко и заодно подкинул ему флакончик удачи в качестве утешения. Вон, бедняжка даже приободрился, зато Паркинсон скривилась, будто лайм сожрала. Поделом тебе!

Вечером я направилась к Дамблдору. Назвав гаргулье пароль, я вознеслась на движущейся винтовой лестниице прямо в его кабинет и не успела оглядеться, как уже сидела в креслице с чашкой чаю в одной руке и пирожным в другой.

-- Гарри! Как я рад тебя видеть! -- провозгласил Дамблдор так, будто не присутствовал сегодня за обедом. -- Нас ждет серьезный разговор. Скажи мне, в книгах из библиотеки твоего крестного ты не встречала упоминаний о хоркруксах?

Я собой горжусь. Я даже не подавилась и не показала, насколько меня удивил его вопрос. Изобразив вежливую заинтересованность, я отпила глоточек чаю и спросила:

-- А что это такое?

Дамблдор сложил пальцы домиком.

-- Это наитемнейшие предметы, порождения злобного, извращенного сознания черных магов, позволяющие заключить кусочек души в некое материальное вместилище. Я уверен, что в свое время Волдеморт сделал несколько таких вещиц, что позволило ему впоследствии возродиться. Дневник, попавший некогда в руки Джинни Уизли, был именно хоркруксом. Если Волдеморт умрет до того, как будут уничтожены остальные хоркруксы, то сможет рано или поздно вернуться к жизни.

-- Как же их уничтожить? -- я с некоторым усилием сумела побледнеть и изобразила дрожь -- даже немного чай пролила.

-- Так, как сделали вы с мистером Лонгботтомом: яд василиска способен разрушить частицу заключенной в предмет души. Адский огонь -- он тоже подходит для этой цели. Когда хоркруксов не останется, Волдеморт превратится в простого человека с искалеченной психикой, победить которого не составит большого труда.

Ну да, ну да... Будто без хоркруксов Риддл разучится вести дуэль или распустит своих Пожирателей! Вы пытаетесь ввести меня в заблждение, о светлейший!

-- Сколько же хоркруксов может быть у Волдеморта? -- потрясенно спросила я. Дамблдор задумчиво сказал:

-- Том всегда отличался большой любовью к символам. Число семь обладает большим магическим значением, так что, полагаю, именно семь хоркруксов были его изначальной целью. Один ты уничтожила. Осталось шесть.

-- Так много... -- протянула я. -- А что это может быть?

-- С самого детства Том отличался также любовью к собирательству трофеев... -- начал Дамблдор, и в течении

последующих двух часов мне с помощью Омута памяти были продемонстрированы множество воспоминаний, щедро приправленных догадками и рассуждениями. Ничего принципиально нового я не узнала, зато подтвердила свои собственные мысли: Реддл использовал в качестве материала для хоркруксов реликвии, оставшиеся от Основателей. Я предполагала, чт это будут весьма ценные предметы, Дамблдор же только указал, какие именно. Итак, медальон Слизерина, ранее принадлежавший матери Риддла, кольцо Певереллов, бывшее у его дяди Морфина, чаша Хельги Хаффлпафф, что-то от Гриффиндора и Рейвенкло. Также старик был уверен, что седьмой осколок души Риддл поместил в свою змею Нагини. Он отпустил меня перед самым отбоем, оставив наедине с множеством вопросов.

Забравшись в свое любимое кресло у камина, я поджидала Невилла, собираясь отправиться на совместное патрулирование коридоров. Он знал о хоркруксах -- я сочла правильным рассказать все еще перед помолвкой, и мне настоятельно требовалось поделиться новостями хоть с кем-то.

-- Значит, он полагает, что неизвестные хоркруксы сделаны из реликвий Гриффиндора и Рейвенкло? Мне кажется, он слишком презирал Гриффиндор и не стал бы делать хоркрукс из, скажем, меча его основателя.

-- Я тоже так считаю. Тем более что седьмой хоркрукс -- это я, и Дамблдор должен по крайней мере догадыватьсяоб этом.

Невилл помрачнел:

-- Он просто не хотел тебя пугать. Значит, остается что-то от Рейвенкло... Стоит поискать в библиотеке жизнеописание Ровены.

Глава 4

В первые же выходные старшекурсникам разрешили пойти в Хогсмид. Вряд ли это было оправдано с точки зрения безопасности, но вот для поддержания морального духа годилось весьма и весьма. Настроения в школе царили прямо-таки упаднические, все бродили, как сомнамбулы, немного оживляясь разве что на ЗОТИ -- Сириус обожал устраивать практические занятия. Даже на квиддичной тренировке ребята летали сонными мухами, а про отбор в команду я вообще молчу: казалось, все претенденты сроду метлы в руках не держали. К пятнице мы лишились близняшек Патил -- их родители спешно эмигрировали на родину, в Бомбей. У многих студентов тоже было чемоданное настроение, и если так пойдет дальше, то скоро в спальнях станет совсем просторно...

Лепил мелкий дождик, и я надвинула капюшон так низко, как могла. Засунув левую руку в свой, а правую -- в невиллов

карман, я с мстительным удовольствием глядела на тех, кому такой привилегии не полагалось. Студенты передвигались короткими перебежками от магазина к магазину, норовили шмыгнуть в тепло и погреться. Все кафешечки буквально кишели ими, и когда нам захотелось выпить по чашке чего-то горячего, то -- о, ужас! -- оказалось, что место есть лишь в ужасном слащавом заведении мадам Паддифут. Огромная полупрозрачная витрина позволяла разглядеть пустые и занятые столики, неясной тенью двигалась сама мадам -- слоновьих форм женщина с высветленными кудерьками и длинными болтающимися серьгами в ушах. С сомнением глядя на украшенную купидонами вывеску, Невилл сказал:

-- Мы ведь не станем долго засиживаться, правда?

Я согласно промычала и решительно дернула на себя позолоченную ручку.

Внутри было... пастельно. Много, очень много оттенков розового и кремового, позолота, лепнина, запахи благовоний (вот интересно, кому первому пришо в голову обозвать всяческие ароматизаторы благовониями? Вонь она и есть вонь!). Хихикающие парочки, как по команде, уставились на нас и замолчали. Я царственным жестом повела рукой: мол, продолжайте, продолжайте, и позорно сбежала за столик в самом углу кофейни, наполовину спрятанный под багроволистой монстерой. Сняв мокрый плащ, я посушила его заклинанием и аккуратно повесила на резную спинку стула.

-- Ужас какой, -- огляделась я по сторонам. Девушки получали удовольствие, любезничая со своими несчастными половинами, а парни все как один краснели и явно мечтали оказаться где-нибудь в заведении вроде "Башки борова", выпить сливочного пива и закусить нормальным сандвичем.

-- Ага, -- в отличие от меня Невилл глядел на несчастную перекрашенную монстеру. -- Наверное, добавили в почву киноварь или охру...

-- Брось, -- сказала я. -- Обычное красящее заклинание.

-- Они так вредны для листьев, -- покачал головой он и оживился:

-- А вот и меню!

Надушенные розовые свитки подлетели к нам и развернулись, осыпав дождиком из радужных блесток. Стряхнув большую их часть со своей новенькой темно-фиолетовой мантии, я наконец поинтересовалась, чем нас предполагают угостить.

-- Каппучино, горячий шоколад, кофе с молоком... А несладкое здесь что-нибудь подают? -- проворчала я. -- Например, шоколад с перцем чили -- как раз для такой погоды, как

нынешняя.

-- Шоколад с добавкой орехов, корицы, ликера, коньяка и даже рома, -- уведомил Невилл, прочитав маленькое примечание под этой строчкой в меню. -- А вот перца нету, увы. Трансфигурируешь.

-- Стоило становиться Избранной, если я не могу получить нормального шоколада, -- проворчала я и ткнула пальцем в добавку "мускатный орех". -- И ромовую бабу, пожалуй.

-- Мама рассказывала, что папа сделал ей предложение именно здесь.

-- Можно было догадаться, -- кивнула я. -- Мадам Паддифут гордится тем, что половина предложений руки и сердца была сделана именно в ее заведении. Потому-то тут и амуры повсюду.

Летающий поднос доставил наш заказ, и горячий шоколад немного примирил меня с действительностью. Пусть без чили, но он был в меру сладким, а ромовая баба -- пышной и мягкой, так что, перекусив, я откинулась на спинку стула и благодушно оглядела зал. Заметив знакомую морковную шевелюру, я хотела было окликнуть его, но тут дверь открылась и в кафе вошли новые посетители. Я легонько постучала носком сапожка по ботинку Невилла:

-- Смотри, сейчас будет представление!

Наш славный гриффиндорский вратарь нещадно гонял всех кавалеров Джинни, то ли считая их слишком неудачными вариантами, то ли саму Джинни -- слишком маленькой. И вот сейчас несчастный Захария Смит попадется под горячую руку мирно сидевшему с Лавандой Рону...

-- Ты что здесь делаешь? -- возопил Рон в лучших традициях испанской драмы. Джинни независимо тряхнула рыжими кудрями:

-- Я имею такое же право приходить сюда, как и ты!

-- Нет, не имеешь! Тебе всего пятнадцать!

-- Ты только на год старше!

-- Вот именно, на целый год!

Они орали так самозабвенно, что даже не заметили саму мадам Паддифут, выросшую прямо за спиной Джинни. Она вежливо, но твердо выпроводила скандалистов вон, попросив больше не нарушать "приятную романтическую атмосферу" ее заведения.

-- Теперь Рону достанется, -- фыркнул Невилл. -- Лаванда ему никогда не простит.

Он доел свой тирамису и мы покинули сие вместилище розовых соплей, слюней и восторженных вздохов, предпочтя пойти погреться в книжный магазин. Собственно, именно здесь у

нас была назначена встреча с Ритой -- она обещала узнать все, что только можно, касательно артефактов и просто ценностей, оставшихся после Ровены Рейвенкло.

Миссис Блэк-Скитер вид имела поразительно цветущий и свежий -- замужество определенно пошло ей на пользу. Рита даже стала выглядеть гораздо моложе своих лет, о чем я честно ей сказала. Кокетливо поправив модную короткую стрижечку, Рита улыбнулась:

-- Спасибо, Гарри. Ты тоже здорово поменялась со времени нашей последней встречи, м-м-м, округлилась, что ли?

Я молча усмехнулась: еще бы, аппетит-то у меня остался прежний, хоть я и перестала расти ввысь. Так что у меня были все шансы перестать напоминать жердь ходячую...

-- К делу, Рита. Что ты там нашла?

-- Все драгоценности Ровены Рейвенкло хранятся в ее личном сейфе в Гринготтсе. Единственная исчезнувшая вещь -- диадема, согласно преданиям, придававшая ума тому, кто ее надевал. Диадема исчезла в одно время с дочерью Ровены Еленой, и ее женихом бароном Майгелем. Молва утверждает, что влюбленная девушка выкрала диадему по наущению жениха, и впоследствии была им убита, а Майгель скрылся в неизвестном направлении. Мне лично не совсем понятно, почему за столько столетий диадема не всплыла ни на аукционах, ни в частных коллекциях -- уж наверняка заполучивший подобную жемчужину стал бы хвастаться ею направо-налево.

-- А если не направо-налево, то уж одному-двум доверенным лицам точно показал бы, -- уточнил Невилл, а я только кивнула молча.

Выслушав последние сплетни и новости, мы распрощались с Ритой и пошли обратно в замок, собирать семейный совет. К нему была допущена и Гермиона, как девушка начитанная и башковитая, так что я сперва посвятила ее в тайну нашей с Дамблдором беседы, а уж потом изложила ритины новости.

-- Значит, Риддл каким-то образом сумел разыскать диадему, -- решила Гермиона. -- Гринготтские сейфы слишком надежны. Итого: один уничтоженный крестраж и шесть целых, из них один всегда под рукой, а остальные еще отыскать надо.

-- Не шесть, а пять, -- поправила я. -- Крестраж используется волшебником для того, чтобы после смерти вновь вернуть себе тело, так что он истратил один в конце моего четвертого курса. Знать бы еще, который.

-- Ну, явно не чашу -- он оставил ее на хранение Беллатрикс, а та в то время сидела в Азкабане, -- начал загибать пальцы Невилл. -- И не остальные ценности -- думаю, он спрятал их не

менее надежно. Мне кажется, он воспользовался тем, что было у него под рукой -- своей змеей.

-- Она сослужила ему плохую службу, -- хмыкнула я.

-- Почему? -- не поняла Гермиона.

-- Ну как же: он поселил кусочек своей души в живое существо, тем самым нарушив технологию изготовления крестражей. Не зря ведь в книгах описывается только способ поместить осколок души в предмет -- последствия могут оказаться непредсказуемыми. В воспоминаниях, показанных светлячком, его облик постепенно приобретал все больше сходства со змеиным. Думаю, после первого крестража -- дневника, он создал второй -- Нагини, а впоследствии при манипуляциях с чашей, диадемой, кольцом и медальоном все больше терял человеческий облик. Не используй он змею -- остался бы просто полусумасшедшим, а так стал еще и уродом.

-- Сейчас нас не слишком интересует порядок создания крестражей. Гораздо интереснее, где он мог их спрятать, -- веско уронил папа.

-- Один крестраж он точно спрятал здесь, в Хогвартсе, -- решил Невилл. -- Ты рассказывала, что он пришел просить место преподавателя -- но мне что-то не верится, что он действительно рассчитывал его получить.

-- Точно! Ему нужен был предлог, чтобы наведаться в Хогвартс! -- воскликнула Гермиона. -- Он ведь явно считал школу самым защищенным местом на земле, помимо Гринготтса, конечно.

-- Если бы я хотела спрятать что-то в школе, куда бы я пошла? -- спросила я сама себя, медленно дрейфуя к окну. Мне так лучше думалось -- в движении. Тоже, между прочим, папина черта, как и книгоописывание. Только Северус движется по комнате порывисто, а я медленно, словно крадучись.

-- Я бы пошла туда, куда гарантированно не заходит никто из преподавателей, в место, известное мне одной... Если бы мы не обыскали Тайную комнату от и до, я решила бы, что он спрятал кестраж именно там. Хотя вряд ли у него было достаточно времени для того, чтобы открыть Тайную комнату. Это должен быть совершенно простой тайник, причем на пути от директорского кабинета до входа, поскольку было бы подозрительным, пойди Риддл гулять по школе...

-- Выручай-комната! -- выпалила Гермиона. Северус заинтересованно глянул на нее:

-- Что это за комната такая?

-- А разве Гарри не рассказывала?

-- Нет, -- покачала я головой. -- Я забыла. Выручай-комната -- это помещение, становящееся тем, в чем ты нуждаешься: лабораторией, классом, кладовкой, гостиной... Предположение гермионы не лишено смысла: Выручай-комната находится на полпути к выходу из школы, возле гобелена с Варнавой Вздрюченным, и сунуть в нее крестраж было бы делом пары минут.

-- Так чего же мы стоим? -- папины глаза алчно заблестели. -- Кыш, кыш!

Он выгнал нас в коридор и резво потопал прямиком на третий этаж, к гобелену. Мы едва поспевали за ним, до того шустро перебирал Северус длинными ногами. Наверное, студенты думали, что нас постигла какая-то страшная кара -- по крайней мере, с пути они убирались со скоростью звука.

Добежав до гобелена, папа резко развернулся и уставился на меня:

-- Ну?

Я мысленно почесала в затылке и произнесла:

-- Мне нужна комната, где спрятан крестраж.

В гладкой стене появилась дверь с круглой медной ручкой. Папа осторожненько потянул ее на себя и сунул в щель длинный нос.

-- Сколько же тут хлама, -- присвистнул он. -- Риддл наверняка был не единственным, кому срочно требовалось что-то спрятать.

Следом за ним мы просочились в комнату, рядом с которой и дамблдоров кабинет не валялся. Здесь и правда было МНОГО вещей. Шкафы, полки, полочки и тумбочки были битком набиты книгами, свитками, перьями, ботинками, часами, игрушками, сломанными и целыми, метлами, старой одеждой, всевозможными лабораторными приборами и котлами -- в общем, всем, что только можно найти в сундуке у школьника.

-- И как мы найдем крестраж? -- уныло пробормотала Гермиона. -- Ладно, мои полки слева.

-- Герми, ты мыслишь неконструктивно, -- фыркнула я. -- Акцио, крестраж!

Разворошив кучу хлама, ко мне устремилось нечто, напоминавшее украшенный камнями обруч. Машинально поймав его, я удовлетворенно вздохнула: осталось только уничтожить.

-- Какая красивая, -- заметила Гермиона.

Не знаю, что красивого может быть в позеленевшем от времени слегка гнутом обруче с мутными камешками -- видимо, я не ценитель. Может, раньше диадема и вправду была красивой,

но это было тысячу лет назад.

-- Выходим, -- скомандовала я. Оказавшись в коридоре, я закрыла дверь и сконцентрировалась, представляя, во что должна трансформироваться Выручай-комната. Дверь исчезла, а затем появилась снова -- цельнометаллическая, с крепким засовом.

-- Что это? -- непонимающе уставился на меня Невилл. Гермиона и папа молча ждали моих действий.

Я открыла дверь и знаком приказала всем оставаться на месте. Заказанная мною комната была маленькой и пустой, с каменными стенами и полом. Положив диадему в центр комнаты, я вышла и оставила только маленькую щелочку. Глядя в нее одним глазом, я выкрикнула:

-- Адеско Файр! -- и мигом захлопнула дверь: контролировать адское пламя я еще не умела.

Глава 5

Погода была ужасная. Проливные дожди шли уже без малого месяц, и квиддичное поле превратилось в непролазную трясину. Игроки ходили мрачнее тучи, капитаны злились. Все, кроме меня: я и раньше-то не особо любила квиддич, а теперь и подавно не хотела тратить на него время. Только объективность удерживала меня от того, чтобы передать свой пост кому-то другому -- я знала, что лучше меня на эту роль никто не подойдет. Тренировки мы проводили, наложив тройное изолирующее заклинание на одежду и голову, но плотная пелена дождя все равно здорово мешала, к тому же прутья метел отсыревали и ухудшались их полетные качества. Первый в этом сезоне матч Хаффлпафф -- Гриффиндор был, пожалуй, самым долгожданным за последние несколько лет: ало-золотые вновь выходили на поле после долгого перерыва(ни на четвертом, ни на пятом курсе мы не играли) и я даже попросила своих охотников не слишком налегать на их вратаря -- ведь в прошлом году у ребят не было возможности тренироваться. Семикурсница Анджелина Джонсон, капитан гриффиндорцев, ходила мрачнее тучи -- заранее готовилась к провалу. Я однажды понаблюдала за ее игроками и пришла в ужас: команда не сыграна, каждый тянет одеяло на себя, а в итоге выходит пикси знает что. Большая часть игроков вообще только в этом году прошли отбор, и Энджи не зря переживала -- такие могут и в свое кольцо забить. Хотя, к чести Рона Уизли, вратарем он был хорошим, и брал примерно девять мячей из десяти. Если он так сыграет на матче, то счет не окажется разгромным -- а в том, что наша команда победит, я не сомневалась. Интересно, кто будет комментатором? Ли Джордан выпустился...

Но квиддич волновал меня постольку поскольку. Нужно было

что-то решать с Драко -- он становился бледнее день ото дня и сторонился нас, даже Астория жаловалась, что жених старается не видеться с нею. В принципе, это было несложно -- Драко то отсиживался в спальне, то занимал Выручай-комнату.

Я уже было собралась поймать его в коридоре, обездвижить и наконец поговорить, когда он попался мне сам, и в таком виде...

Я шла от папы, и, проходя мимо туалета Плаксы Миртл, услыхала неясные звуки, похожие на всхлипы. Вне всякого сомнения, будь я обычным человеком, то прошла бы мимо и ничего не заподозрила. Но... в воздухе пахло страхом, отчаянием и болью, и кто-то рыдал там за дверью, зажимая себе рот руками и не желая, чтобы его нашли.

Сперва я подумала, что это какая-нибудь глупая девчонка, которую бросил парень или нечто в этом роде. Но потом принюхалась и в следующую секунду, открывая дверь, уже знала, кого я там увижу.

Драко сидел на подоконнике, кутаясь в великоватую для него мантию(он и так не отличался богатырским телосложением, но с начала учебного года умудрился потерять еще пяток фунтов), и давился собственными слезами, а Миртл молча парила рядом и пыталась погладить его по голове, утешая.

-- Ну, расскажи мне, что тебя мучает? -- говорило маленькое привидение, и я испытала порыв благодарности к давно умершей девочке. Привидения вообще редко проявляли интерес к делам живых, и тем более редко могли посочувствовать им.

-- Ты мне не поможешь... -- выдавил Драко. -- И я не могу сделать то, что мне приказали, Миртл, так что я труп, я чертов гребаный труп, который дышит и ходит на уроки! Он убьет меня, точно убьет, я просто не смогу выполнить то, что должен!

Миртл вздохнула и предприняла еще одну обреченную на провал попытку погладить Драко по голове.

-- Драко, -- позвала я тихонько. Он повернул ко мне голову и пустым голосом сказал:

-- Ты не должна была входить.

Я в два шага оказалась рядом с ним и сделала то, что не удавалось Миртл -- прижала его идиотскую альбиносовскую башку к себе. Он попытался оттолкнуть меня, но я плач совершенно его вымотал и парень был сейчас не сильнее котенка.

-- Ну что ты за придурок такой, Драко Малфой! За каким хреном тебе нужны друзья, если ты не рассказываешь им, что тебя гложет? Я пытаюсь перехватить тебя и поговорить, а ты прячешься, как последний трус! Я уже собиралась послать тебе сову с письмом, дурья башка! Нарцисса мне все рассказала, идиотина ты белобрысая, я обещала помочь тебе и помогу, даже

если мне придется сделать это силой!

Плечи Драко обмякли.

-- Ты все знаешь, -- прошептал он.

-- Знаю, -- подтвердила я. -- И про тебя, и про Паркинсон, и про сбежавшего Нотта -- про всех. Я... стоп! Нарцисса что, ничего тебе не сказала?

Он молча помотал головой.

-- Ну и семейка, -- ошарашенно произнесла я. -- Значит, она решила, что я сама тебе расскажу о нашем с ней разговоре, а ты все это время от меня прятался, потому что не хотел посвящать меня в подробности задания Риддла... Замкнутый круг.

Драко отстранился и, плебейски шмыгнув носом, вытер глаза рукавом мантии. Я одним движением пальцев привела в порядок его растрепанную прическу и убрала припухлости под глазами. Стало намного лучше.

-- Итак, -- я уселась на подоконник напротив Малфоя. -- Раз уж мы здесь одни, то тут и поговорим. Что до второй части твоего задания: скажешь, что нашел тайный ход, но он завален и ты разбираешь завал без помощи магии -- кладка слишком нестабильна, чтобы колдовать. Что же касается первой... Скажем, ты просто выжидаешь, покуда не будет разобран завал, а потом просто собираешься пустить в спину директора Аваду. Когда будешь докладывать, прими Феликс Фелицис -- не зря же папа давал его тебе.

-- Но в конце-концов все раскроется, -- обреченно прошептал Драко.

-- Не раньше, чем в конце учебного года, а до той поры еще куча времени. Мало ли что может случиться с Риддлом, с директором и со всем миром. А вдруг завтра нашу планету метеорит протаранит?

Бескровные губы Драко тронула улыбка.

-- Спасибо. Ты как-то так ловко все по местам расставила...

-- Да, я такая. А теперь ноги в руки, Орхидеус из палочки и шагом марш просить прощения у Асти. Бедная девочка извелась вся, одни глаза остались. И на будущее: никогда не скрывай от нее свои проблемы, иначе ничего хорошего из этого не выйдет. Астория -- девочка умная, она тебе живо мозги на место вправит.

-- Понял, -- усмехнулся Драко и спрыгнул с подоконника. -- Спасибо, что ты есть, Гарри.

Матч отменили. Вместо этого вся школа погрузилась в траур -- гриффиндорка Кэти Белл умерла в Больничном крыле, пролежав в магической коме три дня. Ее родителям даже не хотели показывать тело дочери, но мать, служившая в невыразимцах, вскрыла гроб каким-то хитрым заклятьем, чтобы в

следующую секунду завыть раненым животным -- вместо красивой шестнадцатилетней девочки на нее смотрела выпученными глазами сморщенная седая мумия. Из Кэти словно высосали жизнь, и вряд ли это оказалось безболезненным процессом -- на ее кровати в Больничнм крыле были Заглушающие чары.

Кэти возвращалась из Хогсмида, веселая, хохочущая. На школьном дворе она вдруг споткнулась и выронила бывший у нее в руках сверток -- а в следующую секунду взлетела в воздух, крестообразно раскинув руки и жутко вопя. Длинные черные волосы ее разметал неощутимый для других ветер, глаза смотрели невидяще и страшно. Подбежавшая профессор Синистра не нашла ничего лучше, нежели обездвижить девочку и переправить в Больничное крыло. Злосчастный сверток остался лежать на земле, и хорошо, что подруга Кэти додумалась отлевитировать его МакГоннагал -- коснись она его, и Хогвартс прощался бы с двумя ученицами.

Я была уверена, что заклятое ожерелье предназначалось Дамблдору, и что отнести его Кэти заставила Паркинсон. Угрозой ли, просьбой ли, или наложив Империо -- неважно, но именно она была ответственна за смерть Белл. Я не могла сдать ее Дамблдору -- до Риддла непременно дошло бы известие о том, что я знаю о его приказе. Подставлять под удар Драко я не собиралась.

Пока гриффы искали и натаскивали другого ловца, наша команда обыграла с разгромным счетом Рейвенкло и стала готовиться к матчу со Слизерином. Ребята ходили кислые, и я уже не знала, что предпринять, но тут Флитвику в голову пришла блестящая идея -- возродить Дуэльный клуб. Со времен Локхарта о нем никто и не вспоминал, а тут вдруг маленький профессор решил, что научить студентов дуэльному мастерству -- именно то, что нужно. Сириус поддержал его, и оказался прав: отчаянно переживающие за свою безопасность ученики ухватились за его идею руками и ногами. Больше половины хогвартцев записались в первый же день, к концу же третьего на длинных свитках, пришпиленных к доске обьяв в гостиной каждого факультета, красовались имена всех без исключения хогвартских студентов. Сириус и Флитвик не ожидали такого энтузиазма, и попросили помощи у старост и старшекурсников -- самим им никогда бы не управиться с такой оравой, а остальные преподаватели либо были слишком мало знакомы с боевыми искусствами, либо заняты. В частности, папа все свободное время проводил в лаборатории, доводя до ума противоядие от яда василиска. Я по праву им гордилась: за неполных четыре года изобрести такое сложное противоядие -- это самый настоящий подвиг. Шутка ли: зелье

состояло из без малого двух сотен компонентов, каждый из которых нужно было собирать в определенной местности и в определенное время. Для зелий вроде перечного ингредиенты годились любые, но вот с более сложными приходилось повозиться. Начисто лишенная творческого таланта в области зельеварения, я буквально преклонялась перед людьми, сумевшими догадаться, что для Напитка живой смерти, например, папоротник следует рвать только под сосной и на пятый лунный день. Нет, сварить зелье по рецепту я могла, и могла сообразить, как его модифицировать -- но создать что-то с нуля я была не в состоянии. Наверное, это такой же талант, как музыкальный слух или голос.

Так что я занималась тем, что помогала профессорам в Дуэльном клубе: студенты, лучшие в ЗОТИ на своих курсах, стали инструкторами, одинаково радуясь возможности заработать баллы для факультета и научиться чему-то новому. Что примечательно, от занятий не отлынивал никто, и я тешила себя надеждой, что доведенные до автоматизма заклинания в свое время помогут студентам не растеряться в случае опасности и хотя бы отступить без потерь -- а если еще и с ущербом для противника, то я буду просто счастлива.

Глава 6

Дамблдор в этом году частенько отлучался из школы, и его место за столом в Большом Зале обычно пустовало. Старик не звал меня к себе для разговора, да и вообще, насколько мне было известно, почти ни с кем не беседовал. По сути, директором сейчас стала МакГоннагал, и я уже прикидывала, каким бы способом завязать защиту на нее -- если со светлячком что-то случится. В Тайной комнате я в свое время нашла библиотеку Слизерина и описанный в одной из книг защитный ритуал, проведенный основателями. Вступая на свою должность, свеженазначенный директор должен был повторить его, тем самым замкнув защиту на себя -- но хитромудрый Салазар учинил штуку в своем стиле: та часть ритуала, за которую был ответственен он, произносилась на парселтанге. Уж не знаю, с каковой целью это было сделано(не мог же он, в самом деле, надеяться на то, что впоследствии пост директора будут занимать лишь змееусты?), но факт оставался фактом: защита Хогвартса была неполной. Я всегда недоумевала, почему антиаппарационный щит представляет собой купол, а не сферу -- можно ведь спокойно забраться в одну из многочисленных пещер под Хогвартсом и сделать подкоп. Мне также было любопытно, почему нет плана школы -- даже директор не знает всех ее потайных ходов и комнат. Разобравшись в тонкостях ритуала, я

поняла, в чем суть. Завершенный, он давал непроницаемую антиаппарационную сферу и позволял при должной концентрации вызывать перед внутренним взором четкую карту каждого этажа. Более того, директор мог попросту волевым усилием превратить школу в неприступную крепость, только ПОЖЕЛАВ не впускать и не выпускать никого из нее. Домовые эльфы стали бы его глазами и ушами, докладывая обо всех подозрительных происшествиях, Выручай-комната по первому требованию предоставляла бы продукты -- в случае осады. Да что я, можно было даже превратить замок в гигантский портключ и попросту переместиться вместе с ним хоть к черту на рога, оставив врагам на растерзание сторожку и Гигантского кальмара. Да, сэр Салазар, подгадил ты потомкам...

Жаль, что я не могла перекинуть дамблдорову часть защиты на папу или МакГоннагал прямо сейчас -- обязательным условием была смерть или добровольное отречение прежнего хранителя. Я сделала, что могла -- прочла салазарову часть заклинания, тем самым беря на себя часть хранительского бремени. Защита стала самую капельку мощнее, и в случае чего у нас появился шанс продержаться до прихода авроров: я могла теперь активировать спящие со времен основателей ловушки и поддерживать антиаппарационный щит в течении получаса. Немного, но... на большее рассчитывать не приходится.

После неудачного покушения Паркинсон ходила задумчивая, Драко прилежно имитировал разбирание завала на пятом этаже(медленно, ручками, по камушку... и неважно, что его Рон еще на третьем курсе разгреб), а я, грызя ногти от нетерпения, ждала развития событий. И дождалась на свою голову...

Рождественские каникулы я решила провести в школе. У папы его лаборатория, Тонкс(ха-ха!) дежурит в Хогвартсе, Сириус с женой укатил в теплые края... Невилл предлагал погостить у него, но я отказалась, сославшись на гору дел -- на самом деле я просто все еще боялась смотреть в глаза Августе и Алисе. Хотя дел действительно хватало: футы ненаписанных эссе, горы непрочитанных книг...

В школе осталось совсем мало учеников: я, Рон, Паркинсон и трое первокурсников. Интересно, почему это Персефона не уехала домой? Боится предстать пред светлы риддловы очи? Рон же остался из-за безобразной ссоры с родителями -- те, кажется, считали, что карьера квиддичного игрока не для него.

Поскольку людей было мало, мы теперь столовались вместе с преподавателями. Было несколько непривычно садиться напротив МакГоннагал, но я постаралась не обращать на это внимания.

Это случилось именно двадцать пятого декабря, во время

праздничного ужина. Находившийся в прекрасном расположении духа Дамблдор закрыл глаза на то, что эльфы поставили на стол бутылки с вином, и немало обрадованный этим обстоятельством Рон немедленно наполнил свой кубок.

-- Только не переусердствуй, -- предостерегла я его. Рон, по своему обыкновению нахомячив полный рот еды, только что-то промычал невнятно и отхлебнул из кубка.

Сперва я решила, что он просто подавился, еще и мысль досадная мелькнула: вот к чему приводит отсутствие манер. Направив на схватившегося за горло парня палочку, я буркнула:

-- Анапнео! -- но тот продолжал судорожно хватать ртом воздух и медленно синеть.

-- Папа! -- завопила я, лихорадочно шаря по карманам. Утром у меня в кармане лежал безоар, это точно... Драный Мерлин! Я же переодевалась к ужину!

-- Вино отравлено! -- Северус уже был рядом, пытался влить в рот Рону какое-то зелье, но я вдруг отчетливо поняла: поздно. Мимолетный взгляд, брошенный на Паркинсон, показал: слизеринка вовсе не удивлена, скорее, недовольна. Как же, снова промашка...

-- Он мертв, -- сказала я, кладя руку на плечо папы. Тот резко отбросил пустой пузырек и осторожно опустил тело Рона на пол.

Все стояли соляными столбами, покуда я не опустилась на одно колено и не закрыла удивленно распахнутые голубые глаза.

-- Надо послать сову Молли, -- первым заговорил Дамблдор.

-- И в аврорат, -- устало опустилась на стул МакГоннагал. Дамблдор молча щелкнул пальцами, и с легким хлопком у стола появился хогвартский эльф.

-- Откуда вы взяли вино, которое сейчас стоит на столе? -- ровным тоном спросил он. Эльф захлопал глазами:

-- У мадам Розмерты, сэр, отличное медовое вино...

-- Где оно хранилось?

-- Как всегда, в подвальчике под кухней, там еще с десяток бутылок...

-- Доставьте их все в лабораторию профессора Снейпа, и все бутылки со стола тоже. Северус...

-- Я займусь ими.

Сообщение Уизли Дамблдор доставил лично, и спустя час возвратился с Артуром, Молли, близнецами и Джинни. Я ждала их прибытия в холле, и первой встретила растерянный взгляд Артура, буквально прибитого страшной новостью. Шальные глаза Молли искали сына, она еще не верила до конца, ожидая, что это окажется только дурацкая шутка. Фред с Джорджем вопросительно посмотрели на меня, и я коротко кивнула. Увидев

мой кивок, Молли коротко охнула и стала оседать на мраморные плиты.

-- Мама! -- кинулись поднимать ее близнецы, а я поспешно нашарила в кармане пузырек с успокоительным -- теперь я по примеру папы буду носить в карманах целую аптечку.

С грехом пополам напоив Молли зельем, я поручила Джорджу отлевитировать ее в больничное крыло -- завтра истерика будет не такой острой.

-- Где он? -- мистер Уизли сжимал кулаки так сильно, что костяшки пальцев побелели. Джинни судорожно цеплялась за Фреда, ошалело мотая головой. Я нашарила еще один пузырек и протянула ей:

-- Отпей половину, тогда не уснешь. Мистер Уизли, нам сюда.

Тело Рона перенесли в комнатку, где когда-то собирались чемпионы Тремудрого турнира. Ярко горели свечи, бросая блики на странно-умиротворенное лицо рыжего, и только не свойственная ему бледность свидетельствовала о том, что Рон не спит. Коричневые веснушки стали еще заметнее на белой коже.

Сдвинув брови, Фред смотрел на младшего брата, а Артур как сел рядом с ним на стул, так и не встал до тех пор, пока не настало время переодевать тело и помещать в гроб.

Старшее поколение Уизли оказалось неспособным позаботиться о похоронах, и заниматься всем пришлось МакГоннагал, мне и Джинни с братьями. Узнав о случившемся, свою помощь предложили и дамы Лонгботтом, но единогласным решением было постановлено не допускать их до приготовлений -- этой семье хватило и своей трагедии. Обе женщины до сих пор носили глубокий траур по Фрэнку, и взваливать на их плечи еще и это было бы нечестным.

"Любимый сын, брат, друг" -- скромная надпись на могильной плите. Вот и все, что осталось от жизнерадостного шестнадцатилетнего парня, полного планов на будущее.

-- Я так разозлилась на него, -- шептала белыми губами Молли, глядя на свежий холмик. -- Сказала, глаза б мои его не видели. Мой мальчик так и ушел, думая, что я ненавижу его...

-- Молли, -- заставила я ее отвернуться. -- Он очень любил вас и понимал, что на самом деле вы вовсе не имели ввиду того, что сказали. Он остался в школе не потому, что злился на вас, а потому, что знал: скоро вы пересердитесь и помиритесь с ним.

-- Вы дружили, -- всхлипнула Молли. -- Он сказал, что я назвала квиддич игрой для идиотов? Он был сильно обижен?

-- Сперва -- да, -- не стала скрывать я. -- Но это же Рон, он быстро вспыхивает и так же быстро успокаивается... Успокаивался. За ужином он уже предвкушал, как станет

разворачивать подарки, и гадал, какого цвета свитер вы ему связали на этот раз.

-- Значит, он не злился? -- как-то детски спросила Молли.

-- Нет, -- уверенно заявила я. -- Рон любил вас и знал, что и вы его любите. Не сомневайтесь.

Во всех бутылках, купленных у мадам Розмерты, оказался быстродействующий яд. Установить, когда именно и с чьей помощью он попал туда, не представлялось возможным. Если бы Дамблдор не разрешил студентам пить алкогольные напитки на рождественском пиру, Рон был бы жив. А сам он и, более чем вероятно, кто-то из преподавателей -- мертвы. Глупая случайность, зигзаг удачи.

Я снова промолчала о роли Паркинсон во всей этой истории, поклявшись себе рано или поздно разобраться с ней лично. А что грозило ей в случае моего признания? Ровным счетом ничего, как и после истории с проклятым ожерельем. Мне не с чем пойти в суд.

Глава 7

Сразу после рождественских каникул на доске обьявлений в холле появился листок, гласивший, что скоро начнутся занятия по трансгрессии, которые настоятельно рекомендуют посетить тем, кто вэтом году станет совершеннолетним, и собирается получать лицензию.

Почти все наши сокурсники записались, и уже в первую пятницу министерский инструктор ждал нас в Большом зале. Дамблдор снял с него антиаппарационные чары на час, и должен был снимать каждый раз, когда проводилось занятие.

Министерский инструктор оказался маленьким бесцветным человечком по имени Уилки Твикросс, сильно смахивающим на одуванчик. Он довольно доходчиво обьяснил основные правила аппарации и уже на первом занятии перешел от теории к практике. Немногим "счастливчикам" удалось аппарировать частично: Сьюзен Боунс оставила позади ногу, а Драко -- полшевелюры и брови. У меня ничего не получилось, но я не особо расстроилась -- до экзамена еще целых пять месяцев.

-- Такое неприятное ощущение, -- передернула плечиками Сьюзен, усаживаясь за парту перед нами. -- Словно в животе все в узелок завязывается.

-- Ты никогда раньше не аппарировала? -- спросила я.

-- Нет, -- покачала головой Сьюзен. -- А ты?

-- Мне частенько приходилось аппарировать в паре. Но, честно говоря, я не заметила никаких особенных ощущений.

-- А у меня голова кружится, -- подал голос Невилл, выкладывая на парту свитки и учебник по трансфигурации.

-- Наверное, это индивидуально, -- решила я. -- Вообще большинство волшебников предпочитают пользоваться каминной сетью, и, думаю, не в последнюю очередь из-за неприятных ощущений при аппарации. Было бы интересно заняться этой проблемой.

-- Вот и займись, -- бросила Сьюзен. -- Какое-нибудь зелье, или заклятье -- это сразу стало бы популярным.

-- А что, -- усмехнулась я. -- Может, и займусь. Стану великой изобретательницей...

Меня прервала вошедшая в класс МакГоннагал. При всей моей нелюбви к чересчур строгой и предвзято относящейся к папе гриффиндорской деканессе, я уважала ее как замечательного педагога. Почему-то все заклинания я схватывала на лету, а у трансфигурированных мною предметов никогда он оставалось черт предметов трансфигурируемых.

Одарив меня неодобрительным взглядом -- вчера наконец прошел матч Хаффлпафф-Гриффиндор, и моя команда выиграла с разгромным счетом -- женщина поднялась на кафедру и сказала:

-- Сегодня мы повторим пройденный материал. Мисс Снейп, напомните нам, по какому принципу осуществляется превращение неживого в живое?

Вот кошка драная, знает же, что отвечу, но все не оставляет попыток посадить меня в лужу. Думаю, будь я дочерью Джеймса Поттера, то мне сходило бы с рук даже откровенное незнание предмета. Но мне посчастливилось родиться дочерью Снейпа, а на эту фамилию у нее аллергия. Интересно: она преподавала в школе, когда здесь учился папа -- может, он ей консервную банку на хвост привязал? Надо будет спросить.

Встав, я без запинки оттарабанила формулу, правило и все исключения -- с первого курса я заучиваю материал назубок, иначе у МакГоннагал нельзя. Продемонстрировала превращение чернильницы в сову и села.

-- Два балла Слизерину, -- кисло молвила замдиректора. Ну да, ну да, а гриффам, небось, все десять дала бы. Впрочем, когда это со мной по справедливости поступали?

-- Вот зараза, -- буркнул Невилл, но я только философски пожала плечами:

-- Она просто хочет Кубок домов.

-- Пусть он ей приснится, -- его чернильница обросла перьями, но не более того. Раздраженно взмахнув палочкой, он заставил посудину подпрыгнуть и вылить свое содержимое на спину Сьюзен Боунс.

-- Невилл! -- подпрыгнула та, и я поспешно произнесла очищающее заклятье.

-- Как тебе удалось? -- поинтересовалась я. -- Это же чернильница-непроливайка.

-- Что поделаешь -- талантливый человек талантлив во всем, -- развел руками Невилл.

После урока МакГоннагал попросила меня задержаться.

-- Вас хотел видеть директор Дамблдор, -- она неодобрительно поджала губы, словно мы там невесть чем собирались заниматься. -- Сахарные перья.

-- У меня еще чары, -- уведомила я. МакГоннагал поджала губы:

-- Значит, пойдете сразу после чар.

И что же это понадобилось светлейшему прямо сейчас?

-- Меня к директору, -- бросила я Невиллу, дожидавшемуся меня под дверью.

-- Сейчас?

-- После чар. Увидимся за ужином, -- Невилл решил не брать чары на изучение для уровня ТРИТОН и сейчас у него было свободное время. Впрочем, вряд ли он станет проводить его праздно -- скорее, пойдет в теплицы или к своим питомцам в Тайную комнату.

-- Хорошо, -- кивнул он. -- Смотри, не ешь много мармелада -- аппетит пропадет.

-- Аппетит у меня пропадает не от сладкого, а от самого вида дражайшего директора, -- буркнула я, сворачивая в нужный коридор.

У двери уже толпились ученики, в основном обсуждая сегодняшнее занятие по аппарации. Почти никому из них не приходилось аппарировать в паре, и они гадали, сильно ли это отличается от того, чему учил нас сегодня Твикросс. На возможность исчезать и появляться по собственному желанию возлагались большие надежды, особенно радовались те, кому семнадцать исполнялось до конца мая -- в начале июня в Хогсмиде должен был состояться экзамен по аппарации, не сдавшим же или не успевшим отметить совершеннолетие нужно было явиться для получения лицензии в министерство.

Зашла речь и о Хогвартсе. Некоторые мечтательно глядели в потолок и говорили, как замечательно было бы, если бы можно было трансгрессировать до Хогсмида и обратно, прикупив по пути бутылочку сливочного пива.

Особенно размечтался Симус Финниган, и я решила его немного просветить, пока парень не успел натворить ерунды.

-- Ты разве не знаешь, что Хогвартс накрыт антиаппарационным щитом? -- спросила я. Симус пожал плечами:

-- Ну и что? Я думал, нельзя трансгрессировать в самом

Хогвартсе.

Покрутив пальцем у виска, я осведомилась:

-- А почему тогда преподаватели, если им нужно куда-то, пользуются каминной сетью?

-- Потому, что не любят трансгрессию, нет?

Вокруг с интересом прислушивались к нашей дискуссии. Я обвела взглядом студентов и поняла, что никто из них не представляет себе четко, что такое антиаппарационные чары. Ну, ладно...

-- Антиаппарационный щит представляет собой непроницаемую для мелких частиц органики субстанцию. Вы никогда не задумывались, почему в Хогвартсе даже возле Черного озера нет мошек, только комары?

Все дружно покачали головами. Я вздохнула и продолжила:

-- При аппарации тело волшебника распадается на мельчайшие частицы, размером не более двух миллиметров, и за доли секунды собирается воедино в другом месте. Если ты недостаточно четко представляешь себе координаты места назначения -- это полбеды, ты просто окажешься в максимально к нему приближенном, разброс обычно составляет от пары футов до десяти миль. А вот если ты недостаточно четко представляешь себе свое собственное тело, то бишь мало смотришься в зеркало -- возникают расщепы. Именно потому Сьюзен и оставила позади собственную ногу, а Драко -- брови. Так вот, об антиаппарационном щите. Он -- своеобразная сеть, задерживающая частицы тела волшебника при аппарации. Если попытаться аппарировать сквозь него, тебя попросту размажет тонким слоем, как брошенный о стену помидор.

-- Тогда почему мы спокойно проходим сквозь него?

-- Да потому, дубина, что ты большой, -- влепила подзатыльник Симусу Сьюзен Боунс. -- Гарри же обьяснила: все создания больше комара свободно проходят сквозь щит.

-- Ух, -- потер затылок Финниган. -- Так выходит, что внутри самого Хогвартса аппарировать можно?

-- Да, но я не советовала бы.

-- Почему?

-- Хотя бы потому, что ты не можешь знать, не стоит ли на том месте, куда ты собираешься, кто-то из студентов или преподавателей. Вот возьмешь, и аппарируешь ногой в миссис Норрис!

-- И что будет?

-- Срастешься с ней в месте соприкосновения -- это раз, и попадешь на вечную отработку к Филчу -- это два.

-- Замечательная лекция, -- пропищал сзади Флитвик. Ой, а я

и не заметила его появления!

-- Десять баллов Хаффлпаффу. А теперь все в класс, сегодня мы проверим ваши успехи в одновременном использовании двух и более заклятий.

Нам нужно было наколдовать струйку воды из палочки, и одновременно сделать так, чтобы она исчезала, едва касаясь твердой поверхности. Симус от избытка впечатлений так взмахнул палочкой, что окатил Флитвика, как из брандспойта.

-- Нет нужды так размахивать, -- сердито пропищал профессор, высушивая себя. -- Сядьте и напишите пятьдесят раз: "Я колдун, а не бабуин с волшебной палочкой".

Симус виновато покраснел, а с интересом наблюдавшие за происшествием студенты покатились с хохоту.

После занятия я торопливо побежала к Дамблдору, попросив Симуса отнести мою сумку в гостиную Хаффлпаффа -- как назло, никого из моего факультета на глаза не попадалось. Впрочем, "мозгошмыги" традиционно знали пароли от всех гостиных, кроме рейвенкловской -- там статуя сфинкса на входе каждый раз задавала новую загадку.

Гаргульи снова безропотно пропустили меня, винтовая лестница вознесла в круглый кабинет. Сегодня Дамблдор был какой-то странный, слишком уж блестели его глаза, да и походка стала чересчур бодренькой для стошестнадцатилетнего, или сколько ему там. Может, в "Сладкое королевство" новый вид всевкусных драже завезли? Со вкусом ваксы?

-- Девочка моя, мне удалось напасть на след одного из крестражей!

Улет. Иди и уничтожь, что ли... Или я сама должна его доставать?

-- Я уже рассказывал тебе, дитя мое, что Том был склонен к символизму. Он превращал в крестражи предметы, обладающие собственной историей, и прятал их в места, которые считал недоступными для других волшебников. Он создавал вокруг себя ореол исключительности, избранности... И это очень помогло мне в поисках.

Ну да, ну да. Вот если бы мне понадобилось создать крестраж, я бы сделала его из ржавой консервной банки, и зарыла где-нибудь в саду. Реликвии -- это так банально! Если хотите стать Чорным властелином, бойтесь банальщины больше, чем толпы светоносных героев. Кстати, насчет крестражей...

-- Директор, а почему вы решили, что крестражей именно семь? Ведь в нумерологии число три обладает...

-- Мне удалось заполучить воспоминание человека, от которого Том узнал о крестражах, -- по-моему, Дамблдору не

терпелось поговорить о каком-то конкретном, найденном им крестраже, но он не отказался просветить меня на интересующую меня тему. -- Если кратко: Том спрашивал, что случится, если отделить от своей души семь кусков.

-- Это ужасно, -- сказала я искренне. -- Делить душу на куски... Интересно, а те части души, что остаются в крестражах, они чувствуют что-нибудь?

-- Не знаю, Гарри. Зато знаю, где искать второй крестраж, -- улыбнулся Дамблдор. Не второй, вовсе не второй, а очень даже и четвертый. Но я вам этого не скажу.

-- Когда Том был еще совсем ребенком, приютских детей отправляли пожить в деревне месяц-другой. Там-то он и нашел место, где полюбил прятаться вдали ото всех. Мне посчастливилось найти детей, восптывавшихся вместе с Томом, и заполучить их воспоминания. Теперь я знаю, где спрятан крестраж. Пойдешь со мной?

А я-то вам зачем? Вот уж не было печали...

-- Да, конечно! -- подпрыгнула я от нетерпения, мысленно проклиная нездоровый энтузиазм директора. Помнится, незабвенный Локхарт с подобным энтузиазмом представлял нам пикси...

Дамблдор живенько вскочил и сунул мне в руки баночку с летучим порохом:

-- Сейчас мы отправимся в "Три метлы", а оттуда аппарируем. Ну, готова?

-- А профессора Снейпа предупредить? -- заикнулась я. -- У меня занятие...

-- Мы ненадолго, -- отмахнулся старикашка и шагнул в зеленое пламя, не оставляя мне выбора. Глянув на свою обувь, я выругалась, благо директор услышать уже не мог. Новенькие лодочки из мерцающего атласа(двадцать галлеонов за пару!), не предназначенные для ходьбы по улице! Я их сегодня и надела-то потому, что все занятия были в замке -- если мне нужно в теплицы, я обуваюсь попрактичней. И мантия на мне школьная, а за теплой бежать некогда... Чтоб ты провалился со своими затеями, маразматик старый!

Рассерженно плюнув, я бросила в камин щепотку порошка и назвала адрес.

Вынесло меня прямиком в спину дражайшему директору -- что, не догадался отойти? Зато от неожиданности хоть лимонной долькой подавился, и то радость. С чувством стукнув старика по спине кулаком, я осведомилась:

-- И куда теперь?

-- Ап-парируем, -- сдавленно прокашлял Дамблдор, цапнул

меня за руку и вывел через черный ход на задний двор, попутно подмигнув Розмерте. И что сие значит? Есть еще порох в пороховницах, не все песок сыпется?

На улице было прохладненько. Хотя для марта в Шотландии -- даже тепло, я бы сказала. Но простыть в мои планы не входило, и я наскоро наложила согревающие чары. Дамблдор поежился и аппарировал, цепко держа мою руку, а я только взмолилась молча, чтобы это приключение закончилось как можно скорее.

Глава 8

Мы оказались на пустынном унылом берегу то ли моря, то ли океана. Вдали возвышались скалы, увенчанные одинокой сосенкой, порывистый ветер катил грязно-белые барашки волн к покрытому крупной галькой берегу.

-- Сюда привозили приютских детей, -- сказал Дамблдор. -- Там, за скалами, находится маленькая рыбацкая деревушка, в ней и жили сироты, дыша морским воздухом и любуясь волнами.

Было бы чем любоваться... да у меня от подобного пейзажа уже к вечеру депрессия бы началась. Бедные детки.

-- Нам туда, -- указал Дамблдор в сторону скал. Он бодро зашагал к скалам и спустя пару минут уже карабкался вверх, вынуждая меня следовать за ним. Мысленно ругая его во все заставки, я полезла вверх, цепляясь пальцами за мокрые камни и вбивая носки туфель в расщелины. О том, во что превратится моя обувь, я старалась не думать.

Наверху было еще гаже, чем внизу. Ветер норовил схватить за мантию и низвергнуть прямо в бурлящую пучину волн, скала оказалась усеянной трещинами, которые то и дело приходилось перепрыгивать.

Дамблдор подошел к самому краю и ткнул пальцем вниз:

-- Видишь?

-- Нет, -- честно ответила я. Если у старика дальнозоркость, я не виновата. Светлячок хмыкнул и просветил:

-- Там находится тоннель. Во время отлива он хорошо виден.

"Так какого лысого Мерлина мы делаем тут в прилив?!" -- мысленно завопила я. Но это же Дамблдор! У него совершенно непостижимый ход мыслей!

-- Нам нужно проплыть по тоннелю до пещеры, -- старикашка взял палочку в зубы, вдохнул поглубже и ласточкой сиганул с обрыва. Подивившись про себя оригинальности хода, я наложила на себя чары непромокаемости и воздушного пузыря, сунула палочку в кобуру и тоже прыгнула. Нет, если он все же захлебнется, став жертвой собственного склероза, я буду хохотать очень громко...

Под водой я едва различала серебристую мантию и

развевающиеся волосы директора. Он плыл с приличной для его возраста скоростью, и я поспешила нагнать старикашку -- вдруг еще спасать придется?

Вплыв в тоннель, я стала хвататься за скользкие стены, помогая себе продвигаться вперед, и довольно скоро вынырнула в огромной пещере, освещаемой одиноким даблдорским Люмосом. Старик выглядел неважно -- сухой, правда, но дышал Дамблдор тяжело и то и дело кашлял. Увидев мой воздушный пузырь, он на секундочку выпучил глаза, но в следующий момент справился с собой и сказал:

-- Да, это то самое место.

-- Какое?

-- Место, где Волдеморт спрятал один из крестражей. Видишь ли, это место имело для него особое значение. Маленький Том любил водить сюда неугодных ему сверстников и пугать, показывая небольшие магические фокусы -- он в то время искренне полагал себя исключительным. Гораздо позже, оказавшись в Хогвартсе, он испытал жуткое разочарование, и приложил все усилия к тому, чтобы действительно стать исключительным.

-- Обрести власть над смертью, -- кивнула я. Ну да, типичное поведение и психология недолюбленного ребенка: нужно показать, что он лучше, и тогда кто-нибудь обязательно полюбит и заберет из ненавистного приюта.

-- Здесь совершалось волшебство, -- крючковатый нос старика словно принюхивался, хотя лично я никакого особенного запаха не ощущала. Йодистый запах водорослей, соли и немного тины -- ничего больше.

Он подошел к стене, на вид совершенно неотличимой от остальных, и стал ощупывать ее, бормоча под нос слова заклятья. Я узнала заклинание, позволяющее обнаружить скрытый проход или дверь. Направив палочку на чем-то полюбившийся ему кусок стены, Дамблдор послал в нее луч белого цвета, и тот на мгновение обрисовал тонкой светящейся чертой контур арочного проема. Ну, давай, открывай теперь, или ты не догадываешься, чем запечатал ее Риддл?

Дамблдор молча резанул себя палочкой по ладони и прижал окровавленную руку к камню. Вот умница, все правильно: чем еще мог запереть дверь помешанный на бессмертии темный маг? Только кровью. И сделано это было для того, чтобы ослабить нечаянно забредшего сюда волшебника, претендующего на чужое добро.

Арка снова замерцала и камни внутри контура растворились в воздухе, открывая проход. Джентльменски жестом Дамблдор

предложил мне войти первой. Да три "ха-ха" два раза! Это что, машинальный жест: пропустить даму вперед в клетку ко льву? Я изобразила замешательство, и директор, словно опомнившись, шагнул в проем сам.

Мы стояли в огромной пещере со слабо фосфоресцирующими стенами, покрытыми, как стены пещер под Хогвартсом, светящимися лишайниками. Посреди пещеры раскинулось озеро с такой непроглядно-черной водой, что я ни за какие коврижки не рискнула бы нырнуть в него. В центре озера был крохотный островок с чем-то напоминающим грибоподобный каменный столик, на котором стояла похожая на Омут памяти широкая чаша.

-- Не касайся воды, -- предупредил меня Дамблдор.

Вообще-то и не собиралась. Увязая в песчаном полу каблуками, я двинулась вслед за директором вдоль берега озера. Он напряженно вглядывался в воду, пока не издал торжествующий возглас:

-- Вот и она!

Наклонившись, Дамблдор потянул за невидимую веревку, и на поверхность всплыла утлая лодчонка, бока которой густо облепили ракушки. Дамблдор шагнул прямо в нее, и я последовала за ним, опасливо подобрав полы мантии. Лодчонка немедленно отчалила, без нашей помощи плывя к островку, и спустя две минуты уже ткнулась носом в берег.

-- Там крестраж? -- зачарованно спросила я, пытаясь разглядеть хоть что-то на дне чаши, наполненной смутно знакомым зеленоватым зельем.

-- Именно, -- торжествующе провозгласил Дамблдор и произнес осушающее заклятье. Ничего не произошло. Тогда он попытался наклонить чашу, но она словно приросла к столику, а, может, и вообще изначально являла собой одно целое с ним. Старик уже немного раздраженно поднес к поверхности воды руку, но, казалось, в дюйме от поверхности его пальцы наткнулись на невидимую преграду. Тогда он наколдовал стакан и попробовал зачерпнуть немного зелья -- и это ему удалось. Правда, выливаться из стакана жидкость не хотела ни в какую.

-- Очевидно, зелье предназначено для питья, решил Дамблдор. -- Твое здоровье! -- и решительно выхлебал первый стаканчик.

Понаблюдав за тем, как его плющит и таращит, я громко вздохнула, трансфигурировала из пуговицы шумовку и попросту пошарила ею на донышке чаши. Дамблдор с выпученными от удивления глазами наблюдал за моими манипуляциями. Подцепив что-то твердое, я потянула ручку шумовки на себя и в

следующую секунду торжествующе опустила на подставленный платок обгорелое нечто, ранее бывшее медальоном Слизерина.

-- По-моему, кто-то постарался до нас, -- констатировала я.

-- Открой его, -- попросил Дамблдор. Попытавшись подцепить пальцами крышку и ощупав медальон на предмет скрытых пружин, я наконец прибегла к последнему средству -- прошипела на парселтанге "Откройся". Клочок пергамента выпал из медальона, и я машинально его поймала в футе от земли.

-- "Темному Лорду," -- начала читать я. -- " Я знаю, что умру задолго до того, как ты прочитаешь это, но хочу, чтобы ты знал — это я раскрыл твою тайну. Я нашел крестраж и уничтожил его Адским пламенем. Я смотрю в лицо смерти с надеждой, что когда ты встретишь того, кто сравним с тобою по силе, ты уже снова обратишься в простого смертного.

Р.А.Б."

-- Ну вот, -- пожала я плечами. -- Кто-то сумел добраться до крестража и уничтожить его, облегчив нам жизнь. Это же здорово, правда? -- невинно похлопав глазками, я уставилась на старика. Тот молча указал мне в сторону лодчонки.

Оказавшись на берегу, я с наслаждением вдохнула свежий воздух и в следующую секунду шепотом ругнулась -- правой туфли как не бывало, подошву ноги больно кололи камешки. Видно, утонула где-то по пути. Да, неблагодарное это дело - крестражи искать, затратное... Сбросив заодно и левую туфельку, я уцепилась за локоть Дамблдора и секунду спустя уже стояла на заднем дворе "Трех метел". Старик выглядел совсем плохо, и я невольно подумала, что, выпей Дамблдор все зелье, в школу я доставила бы хладный труп. Если, конечно, он вообще не расщепился бы к мерлиновой бабушке на мельчайшие кусочки.

-- Нам нужно срочно найти профессора Снейпа, -- бросила я на ходу. -- Вы можете идти?

Вместо ответа директор беспомощно опустился на скамейку и вытянул дрожащие ноги.

-- Ладно, допустим, -- пробормотала я и скомандовала:

-- Акцио, метла Розмерты!

Древний одр, именуемый метлой, был из породы первых "Чистометов". Его давно следовало продать музею, но Розмерта хранила метлу за стойкой, не иначе, из сентиментальных побуждений. Память о прабабушке, или нечто в этом роде...

Усадив впереди себя старика, я с трудом заставила метлу оторваться от земли. Вне всяких сомнений, лететь самостоятельно Дамблдор сейчас не мог.

Взлетев выше деревьев, я с трудом подавила недоуменный возглас: над Астрономической башней зеленела Черная Метка.

Вот, кстати, интересно: почему метка черная, если на самом деле она зеленая? Что за глупые мысли лезут мне в голову, когда мои друзья-любимые в опасности?

Пронесшись над зубчатой оградой верхней площадки, я легко спрыгнула на холодный камень. Дамблдор кулем свалился следом. Накинув на него мантию-невидимку(еще убьет кто-то по чистой случайности, вот пичалька-то будет!), я поспешила спуститься вниз, откуда доносились невнятные выкрики и грохот.

Триста сорок восемь ступенек ведут на смотровую площадку Астрономической башни. Когда лезешь туда под покровом ночи, чтобы вволю нацеловаться под звездным небом, их и есть триста сорок восемь. А когда бежишь вниз, надеясь успеть пустить парочку заклятий в напавших на школу Пожирателей, их вдруг становится вдвое больше.

Едва не сломав себе ноги, я слетела в полутемный коридор и сразу же наткнулась на кого-то высокого, в черном плаще, но явно не папу и не Сириуса.

-- Сектумсемпра! -- заорала я, выбросив в его сторону правую руку. Кстати, когда колдуешь с помощью руки, направляя в сторону противника раскрытую ладонь, порезов от Сектумсемпры впятеро больше. Но это так, к сведению.

Пожиратель забулькал перерезанным горлом и упал на пол лицом вверх. Маска слетела, и я узнала человека, виденного однажды в Омуте памяти -- это он наряду с Беллатрикс и Краучем обвинялся в применении заклятья "Крициатус" к Лонгботтомам.

Мимолетно порадовавшись, я понеслась дальше, легко вписываясь в крутые повороты. Навстречу мне попались два перепуганных рейвенкловца, и я на бегу втолкнула их в стенную нишу за доспехами, приказав:

-- Сидеть тихо!

Дальше я с разбегу промчалась рямо по луже крови, чудом не поскользнувшись, и, резко затормозив, вернулась обратно -- мне показалось, что я увидела рыжие волосы. Джинни? Нет, не Джинни, какая-то маленькая хаффлпаффка, кажется, второй курс. Пощупав пульс, я уверилась, что девочка жива и наспех произнесла заживляющее заклятье.

-- Эннервейт!

Малышка застонала и попыталась сесть, протягивая ко мне ручонки.

-- Гарри, -- узнала она меня. Пошарив по карманам(после случая с Роном я никогда не ходила без пары десятков пузырьков с зельями, а уж универсальное противоядие вообще носила в уменьшенном виде на цепочке), я вытащила кроветворное и укрепляющее, порадовавшись, что не потратила последнее на

Дамблдора. Элли нужнее... Ее ведь Элли зовут?

-- Пей, малышка, уже все хорошо.

Девочка покорно выпила все и я на руках перенесла ее в пустой класс.

-- Когда все закончится, я за тобой приду.

Так, кого бы мне еще спасти? Бежим дальше, видим МакГоннагал, резво скачущую напротив Пожирателя, и успевающую бросаться в него заклятьями. Не знала, что она так умеет...

-- Петрификус Тоталус!

-- Спасибо, мисс Снейп.

-- Обращайтесь, -- пропыхтела я, заворачивая за угол. А там, в галерее, целое побоище. Северус и Сириус отбиваются от трех противников, Луна и Блейз вдвоем силятся одолеть Беллатрикс, бравые авроры, охранявшие Хогвартс, загоняют своих оппонентов в уголок. Ба, и Флитвик тут -- и как мастерски орудует палочкой, значит, слухи не врут, и в молодости он действительно был большим забиякой и превосходным дуэлянтом. Хотя, если подумать, он -- полугоблин, а гоблины вообще существа кровожадные, недаром мы об их восстаниях целых пять лет у Биннса слушали.

Не успела я и оглядеться, как все было кончено. Беллатрикс с утробным хохотом сиганула в окошко, кинув напоследок в Блейза что-то мерзкого бурого цвета, остальные Пожиратели были оглушены или убиты.

-- Гарри! -- кинулись ко мне Сириус и папа. -- Ты в порядке?

-- В полном, -- отмахнулась я. -- Какого черта тут случилось? Луна!

Лавгуд склонилась над упавшим Блейзом и тормошила его, все больше бледнея.

Северус мигом подскочил к нему и провел палочкой.

-- Он мертв, мисс Лавгуд.

Я молча подняла плачущую Луну на ноги, пошарила в кармане и напоила зельем сна-без-снов. Ничего лучше мне в голову не пришло.

Сириус так же молча подхватил девочку на руки и понес по направлению к башне Рейвенкло.

-- Они напали внезапно, просто появились из какой-то комнаты в школе, и стали прорываться к кабинету Дамблдора... Кстати, где он? -- поинтересовался папа.

-- Валяется на Астрономической башне. Выпил какое-то вызывающее галлюцинации зелье и мне пришлось транспортировать его в Хогвартс. Услышала шум драки и решила пока оставить там, чтобы никто не убил мимоходом.

-- Нужно забрать его оттуда.

Папа направился к башне, попутно продолжа рассказ:

-- Авроры сумели оглушить двух, когда вдруг навстречу им с ужина стали идти ученики. Пожиратели ранили некоторых из них, но нам удалось заманить их в эту галерею. Остальные преподаватели и старосты повели детей прятаться.

-- Я убила Лестранжа, -- сказала я, когда мы оказались перед его трупом. Папа только кивнул молча и перешагнул тело.

-- Где Невилл и остальные?

-- С Невиллом и Драко все в порядке, их не оказалось в первых рядах. Это же было у башни Рейвенкло.

Я заметила оговорку.

-- А с кем не все в порядке? С кем? -- я резко остановилась посреди лестницы, загородив проход. Северус отвел глаза:

-- Мисс Грейнджер в суматохе столкнули с лестницы.

-- Но она ведь поправится, -- нахмурилась я.

-- Она разбилась насмерть, -- глухо промолвил папа и я с коротким вздохом вбила кулак в стену.

-- Ну почему?! Почему дороге мне люди умирают?! И так нелепо, так по-дурацки...

Он молча притянул меня к себе и погладил по спине:

-- Это жизнь, ребенок. Во время войны многие умирают, и ты не можешь спасти их всех. Ты можешь попытаться -- но ты ведь не всесильна.

-- А что тогда я могу?

-- Зато ты можешь отомстить.

-- Говорят, месть ничего не дает, -- всхлипнула я. -- Не возвращает мертвых.

-- Как это -- ничего? А чувство удовлетворения? -- возмутился папа. -- Только мстить надо быстро, не культивируя в себе злобу и ненависть -- вот это действительно разрушает душу.

-- Спасибо.

Я наконец оторвалась от отцовской мантии и была готова идти дальше. Я подумаю об этом после, а пока еще есть дела, которые нужно сделать немедленно.

Например, подлатать старикашку и забрать Элли из пустого класса.

-- Между прочим, почему ты босиком? -- обратил внимание папа. Я глянула на свои ноги в подранных грязных колготках и трансфигурировала из разодранного надвое платка пару тапок. Сойдет...

Глава 9

Казалось, у меня дежавю -- воющая от горя мать, постаревший разом на десяток лет отец... Грейнджеры прибыли в Хогвартс на

следующий день после нападения, через камин Дамблдора, и нам с Асторией, как ближайшим подругам, выпала сомнительная честь и удовольствие собрать вещи Гермионы и упаковать их. Пара капель успокоительного и полстакана огневиски творят чудеса -- вскоре Грейнджеры были в состоянии адекватно воспринимать действительность.

-- Как это случилось? -- спросила ее мать. Ответила я, одновременно укладывая в сундук аккуратно сложенную мантию.

-- Вы ведь видели наши лестницы. Они двигаются, и порой сложно удержаться, особенно если спешишь и передвигаешься бегом.

-- Это был несчастный случай, так сказал нам директор, -- прижал к глазам платок мистер Грейнджер.

-- Да, -- я не стала говорить о нападении на школу и панике. -- В случившемся нет ничьей вины -- только глупая случайность.

-- Я всегда говорила ей, что не нужно так носиться по лестницам, -- всхлипнула миссис Грейнджер. -- Помнишь, как летом она сломала ногу?

Ее муж только молча кивнул. Я оставила сундук и подошла к сидящей на кровати женщине. Присела рядом, взяла ее руки в свои:

-- Миссис Грейнджер, все очень любили Гермиону. Она успевала не только отлично учиться, но и помогать другим, и нам очень ее не хватает. Я никак не могу свыкнуться с мыслью, что ее нет -- Герми была моей ближайшей подругой, я знала ее шесть лет. Я не представляю, что вы чувствуете сейчас, но пожалуйста, перестаньте себя казнить. Вы ни в чем не виноваты. И постарайтесь поменьше плакать -- ребенок будет плохо спать.

-- Какой ребенок? -- непонимающе глянула на меня Джин. Я удивилась:

-- А вы не знали? Вы беременны, скоро месяц.

Мистер Грейнджер ошеломленно уставился на жену:

-- Джинни?

Та покачала головой:

-- Гарриэт, откуда вы знаете?

-- Я же ведьма, -- пожала я плечами. -- Я вижу.

На самом деле я уловила особый запах, так начинают пахнуть все беременные. Рита, одна семикурсница из Гриффиндора -- наверное, какой-то гормон или как там его, я не сильна в маггловской науке.*

Джин недоверчиво спросила:

-- Правда?

-- Правда. Можете заглянуть к нашей медиведьме, или проверитесь в своей клинике, но я уверена на сто процентов.

Лицо Джин стало медленно разглаживаться, даже, я бы сказала, повеселело.

-- Вы верите в реинкарнацию? -- спросила я. -- Кто знает, вдруг душа Гермионы вернется в этом ребенке.

-- Да, вы правы. Надеюсь, это девочка, -- прошептала Джин, и с нежностью положила руку на еще плоский живот.

Мы дособирали вещи и проводили Грейнджеров в холл, где уже ждал Флитвик и МакГоннагал. Многие ученики пришли проститься с Гермионой, и миссис Грейнджер снова заплакала, видя, что ее дочь действительно будут помнить.

-- Пора, -- Флитвик левитировал гроб, направляясь к выходу, но я остановила его:

-- Миссис Грейнджер нельзя аппарировать, она ждет ребенка. Каминная сеть.

-- Да, разумеется, -- МакГоннагал отвела женщину к себе в кабинет, а мистер Грейнджер, подхватив сундук, направился за Флитвиком.

Я немедленно стала спускаться в слизеринские подвали -- в этот момент там собирали вещи Блейза, а папа беседовал с его матерью. Удивительная жещина, кстати: семь раз выходила замуж, но единственным мужчиной, которого она на самом деле любила, был ее сын. Яркая, экзотическая красотка с чуть раскосыми синими глазами и черными волосами, она отдаленно напоминала мне Сириуса, и я ничуть не удивилась, узнав, что она его четвепоюродная сестра или что-то в этом духе. Семейное древо Блэков большое и раскидистое, кого только не найдешь в густой листве... Даже Крэббы и Гойлы каким-то боком родня Блэкам, так что можно говорить, что все полу- или чистокровные маги в какой-то степени родственники по Блэкам. Одни мы с папой, как белые вороны -- Принцы с Блэками не породнились ни разу.

Белвина Гамп(отец Блейза был то ли третьим, то ли чевертым мужем неунывающей вдовы) в сотый раз переспрашивала, как именно погиб ее сын. Папа в сотый раз отвечал, а я, увидев такую картину, предложила:

-- Я видела, как это случилось. Могу отдать вам воспоминание, миссис Гамп.

Наколдовав хрустальный флакончик, я поместила в него серебристую нить, и отдала блейзовой матери. Та сухо поблагодарила и наконец ушла, а Северус обессиленно откинулся на спинку кресла.

-- Вы хоть нашли то, что искали? -- вчера мы не успели побеседовать, до утра выхаживая Дамблдора и успокаивая перепуганных студентов. Я лично переходила от спальни к

спальне, и твердила, как заведенная: "На нас напали, но авроры схватили всех Пожирателей, и теперь нам ничего не грозит, точно-точно, честно-честно".

-- Нашли. Только его успел уничтожить кто-то до нас. Еще и послание для Риддла оставил, мол, так и так, не обессудь, разгадал я твою тайну, уничтожил крестраж и надеюсь, что ты однажды останешься без этих своих хитрожопых штукенций наедине с большим и страшным колдуном. Короче, голым на морозе.

-- Гарри, -- поморщился от моего тона и выражений папа. Я молча пдошла к шкафу и нашла флаконч ик с успокоительным, глотнула полпузырька:

-- Прости, я сейчас не в себе. Столько всего свалилось, и эти смерти... За полгода уже пять. Боюсь подумать, что будет завтра.

-- То же, что и вчера, ребенок. Жизнь, во всех ее проявлениях.

Я сдавленно застонала. Жизнь, чтоб ее...

А мне еще Краму письмо писать. Да будь оно все проклято!

-- Паркинсон починила Исчезательный шкаф.

-- Это еще что за зверь? -- спросила я Асторию, накалывая на вилку кусок бифштекса. Мой СЧЕТ к этой вертлявой сучонке рос, и я собиралась в скором времени заставить Персефону по нему платить.

-- Парный артефакт. Два шкафа, соединенных магией, входишь в один -- появляешься в другом. Хогвартский стоял сломанным в Выручай-комнате. Она может становиться местом для хранения ненужных или испорченных предметов.

Астория здорово изменилась после того, как Драко все ей рассказал. Стала намного увереннее и взрослее, даже ландышевая ее хрупкость куда-то пропала. Не совсем, конечно, но все же...

Почему-то эти изменения меня вовсе не радовали, даже наоборот. Асти всегда была бля меня воздушной феей, которую следует оберегать и защищать, и казалось несправедливым, что ей пришлось столкнуться с грубой реальностью. Примерно так же я чувствовала себя, глядя на Нарциссу с красными от слез глазами, приходившую умолять меня помочь ее сыну.

-- Драко, как только узнал об этом, так сразу разломал хогвартский шкаф в щепочки и сжег. Я ни разу не видела его таким, -- покачала головой Асти. -- Я не знаю, чем ему помочь.

-- Просто будь рядом, -- пожала я плечами. -- Когда Невилл рядом, мне это очень помогает.

Мы с Асторией сидели на кухне -- ни ей, ни мне отчего-то не спалось. Встретив рейвенкловку в Большом зале, я предложила пойти в гости к домовикам, заодно и позавтракать. Ушастые были рады нашему появлению, живенько налили по чашке чернющего

кофе, которого за столом не подавали, и поставили перед Асти тосты и джем, а передо мной большой бифштекс с картошкой.

-- Он не любит меня так, как ты любишь Невилла, -- покачала головой Астория. Я вопросительно глянула в ее светлые глаза.

-- Невилл для тебя -- один из трех китов, на котором держится твой мир. Он, профессор Снейп и профессор Блэк -- вот самые дорогие и родные для тебя люди, -- пояснила рейвенкловка. -- Три столпа. Убери один из них -- и ты закачаешься, как камень над пропастью.

Я задумалась и медлено кивнула: да, это так, именно эти три человека стали для меня тем, что я звала семьей. Были и другие: Ремус, погибшие Гермиона и Рон, Августа, близнецы Уизли, и так далее, но эти уже входили в список друзей.

-- У Драко тоже есть три столпа, -- вздохнула Астория. -- Его родители и профессор Снейп. Я же для него всегда была другом, навязанной невестой, которую он никогда не выбрал бы по своей воле.

-- Чушь, -- заявила я. -- Драко любит тебя.

-- Как друга, -- упрямо мотнула головой Астория. -- Да, он собирается на мне жениться, и станет честно исполнять супружеские обязанности, но в нем нет и тени того чувства, с которым лорд Малфой смотрит на свою жену.

-- Их брак тоже был договорным, -- припомнила я. -- Видимо, чувства пришли со временем.

-- Не думаю, что он меня полюбит. Драко может испытывать ко мне дружеское расположение, благодарность, страсть -- но не любовь, -- гнула свое Астория. -- Его сердце уже кем-то занято, но он слишком хорошо скрывается, чтобы я поняла, кем. А в легиллеменции я не сильна, -- вымученно усмехнулась девушка. Я раздраженно бросила вилку.

-- Не пори чепухи, Асти! Драко тебя любит, и точка. И скажи мне на милость, зачем тебе понадобилось имя его предполагаемой возлюбленной?

-- Я знала бы, чего мне не хватает, и попыталась бы измениться.

Я даже плюнула со зла. Нет, я, конечно, могла бы сказать, чего ей не хватает -- шрама на лбу, так его разэтак...

-- Еще скажи, волосы перекрасила бы, лицо подправила... Глупости это, Асти. Вот мой папа: он до сих пор любит маму, но в то же время ни для кого не секрет, что он встречается с Тонкс. И Тонкс не меняет цвет волос на рыжий, не переквалифицируется на колдомедика -- а моя мама училась именно на колдомедика, чтобы ты знала! -- и не готовит папе завтраки. Она носит фиолетовую шевелюру, ловит преступников и бьет тарелки, но

папа любит ее -- хоть она совершенно непохожа на маму.

Любовь бывает разная. И в одном сердце, особенно в сердце мужчины, может умещаться несколько разнообразных любовей. Другое дело, если ты эгоистично желаешь быть одной-единственной -- но тут уже я тебе ничего не смогу посоветовать. Могу только утешить: магический брак не предоставляет возможностей для измены.

Асти глядела на меня, как на святую. И сделала неожиданные выводы:

-- Ты так говоришь, будто на по собственному опыту знаешь.

-- Ну, знаю, -- буркнула я.

-- Значит, ты любишь двоих? Или даже троих? -- загорелись весельем ее глаза. -- А кого еще, кроме Невилла?

Я не могла сказать ей правду. Оставалось только солгать, и я произнесла, честно глядя в голубые глаза Асти:

-- Седрика Диггори. Он очень красив, но я скорее восхищаюсь им как произведением искусства. Вот и Драко наверняка просто восхищается кем-то издали, не рассматривая всерьез возможности связать с ней свою судьбу.

Она просияла и, чмокнув меня в щеку, убежала, а я осталась сидеть, ковыряясь в тарелке.

Сама того не подозревая, Асти подняла из глубины моего сознания то, что я силилась затолкать как можно глубже.

Я все еще любила Драко.

Как несбыточную мечту.

Как память об ушедшем детстве.

Как, черт возьми, мужчину, от которого у меня мурашки по коже.

Я выскочила из кухни, как ошпаренная, и влетела в гостиную.

-- Гарри! -- окликнул меня Невилл, уже сидящий в нашем кресле. -- Ты уже проснулась? Я думал...

-- Да, -- пересекла я комнату и порывисто обняла своего нареченного. Честно ли -- думать об одном, а переносить чувства на другого? Начхать.

-- Что ты... -- я бесцеремонно уселась к Невиллу на коленки и вовлекла его в длинный страстный поцелуй.

-- Гарри, стоп, -- с некоторым трудом отстранился он, глядя на меня расфокусировавшимся взглядом.

-- У-у-у, это было горячо, -- присвистнул Макмиллан, спускаясь от мальчишечьих спален. Невилл жарко покраснел, я же, наклонившись, прошептала ему на ухо:

-- Сегодня после отбоя в Выручай-комнате.

Таинственный Р. А. Б. оказался братом Сириуса.

Регулус Арктурус Блэк.

Будучи Пожирателем, одним из ближнего круга, Регулус пронюхал о крестражах, и сумел уничтожить один из них, разочаровавшись в своем лидере. Да и кто бы не разочаровался в таком безумце? Сириус допросил Кикимера с пристрастием, и тот сознался, что когда-то Риддл одалживал его у Регулуса, привел в страшную пещеру с плавающими в озере мертвецами(вот что там скрывалось -- инфери! Хорошо, что мы с ними не столкнулись.), и заставил пить ужасное зелье, от которого у домовика начались жуткие видения. А потом "хозяин Регулус" заставил Кикимера провести его в ту самую пещеру, и, выпив зелье, приказал домовику возвращаться домой. Затем он, очевидно, поджег медальон на дне чаши Адским огнем, вложил внутрь записку и был убит инфери. Не самая легкая смерть. Хотя, возможно, он еще сумел пустить себе в висок Аваду. Странный способ закончить жизнь -- я бы на его месте нашла с дюжину других вариантов освободиться от власти змеемордого. Но, видимо, Блэк -- птица гордая, сбежать ему семейный кодекс чести запрещает... Да, у Блэков есть такой кодекс, толстая книга в кожаной обложке, написанная выцветшими чернилами. Без малого две тысячи страниц, регламент на все случаи жизни: на ком жениться, как называть детей, в какой позе спать... Сириус обожает делать из ее страниц самолетики -- все равно они отрастают заново. Надо бы мадам Пинс подсказать такие чары, а то она вечно стонет, что студенты растерзали на шпаргалки очередную книгу.

Папа доработал противоядие. Испытания на мышах и домовиках(шучу, шучу!) прошли удачно, так что в ближайшее время будет уничтожен еще один крестраж, а я, вполне вероятно, избавлюсь от своего шрама, коий постоянно прикрываю густой челкой, ибо нефиг пялиться.

Невилл после Выручай-комнаты то и дело мечтательно уплывает за пределы разума, даже на любимой гербалогии слушает вполуха и норовит погладить то меня, то ядовитую тентакулу. Смешной.

А Паркинсон пока выплачивает мне проценты -- загремела в Больничное крыло с чесучим фурункулезом. Месть не ахти какая, лично я бы предпочла переломать ей все кости по одной, да так и оставить(Сириус на Рождество подарил мне занимательную книжицу -- "Как выжать сок из мандарина, или триста ртидцать три китайских пыточных проклятия"** Хотя, я полагаю, мне хватило бы собственной фантазии и режущего заклинания.). Тешу себя тем, что мопсячье лицоПаркинсон пострадает еще больше -- фурункулы расчесывать нельзя во избежание образования невыводимых шрамов, а зуд невыносимый. Вообще, я собиралась обезвредить ее еще в начале семестра, уложив в Больничное

крыло эдак на полгода, но хитрая девка нигде без пары телохранителей не появлялась, а позволить себе удовольствие расправиться заодно и с ее псами я не могла. Начнутся разбирательства, поднимется вонь, и я лишусь свободы действий.

Крэбб и Гойл, с начала лета мучимые выбором: семья или друзья, отдали наконец предпочтение последним. Папаши-Пожиратели пока не были осведомлены, но я видела мрачную решимость в глазах парней, и знала, что они в решающий момент будут на нашей стороне.

Я чувствовала повисшую в воздухе опасность, становясь все более уверенной в том, что все решится еще до конца третьего семестра. Остался всего один крестраж; Риддл, чем бы он ни был занят, явно назначил на конец мая нечто грандиозное -- и желает к тому времени обезвредить Дамблдора. Нынешнее проникновение в школу -- это так, разведка боем. Теперь он наверняка осведомлен обо всех защитных заклинаниях -- сириусова кузина Беллатрикс постаралась. Знает, что защита не полная, знает, что держится она на одном-единственном человеке, и может сделать соответствующие выводы. С помощью ли Паркинсон, или без нее, но Дамблдор -- не жилец. И его труп даже не успеет остыть, как Риддл нападет на школу.

И всем нам мало не покажется.

* Предполагается, что оборотневый нос Гарриэт учуял ХГЧ -- хорионический гонадотропин человека, гормон, выделяемый эмбрионом. Аптечные тесты на беременность реагируют именно на него. Кажись, со второй недели:)

** Изобретение не мое, нагло своровано у Svengaly, за что прошу прощения и взамен рекламириую фики "Стакан воды" и "Вода в стакане" - супер, просто супер!

Глава 10

Зелье было похоже на газированную воду: прозрачное, шипучее и лишенное запаха. Опыт проводили в папиной лаборатории, из наблюдателей присутствовали Сириус, Северус и Невилл, а Тонкс караулила дверь, чтобы никто не забрел ненароком. Можно было и заклинанием запереть, но мне что-то не хотелось пугать ее видом своего корчащегося от боли тела -- а такое тоже могло случиться. Кто знает, что чувствует живой крестраж, когда убивают заключенную в него часть души?

Итак, перед нами стояла задача: найти в моих мозгах частицу Риддла, изолировать ее и направить под удар василискового яда. Как это сделать, мы слабо представляли, но другого варианта не было: извлечь иным способом кусочек души мог лишь создатель крестража, а Риддл вряд ли оказал бы нам такую любезность. Был еще один способ -- подставиться под его Аваду второй раз в

жизни, чтобы большая часть души убила меньшую, но предсказать последствия не мог никто. Может, я встала бы, отряхнулась и пошла дальше, а Риддл остался бы лежать трупом. Может, наоборот -- он выжил, а я -- нет, и осколок риддловой души остался единоличным хозяином моего тела. Тогда, с моими-то силой и способностями, мы получим двух Темных лордов -- и миру придет каюк, ибо ни один из них не будет полноценным и вменяемым. А могли вообще погибнуть мы оба, но это будет пиррова победа, согласитьесь...

Яд же был предпочтительней -- даже в случае неудачи часть души Риддла попросту останется во мне, а сама я буду немедленно напоена противоядием.

План был таков: папа с помощью легиллеменции найдет во мне Риддла, а я в это время буду сидеть тихо-тихо, сжавшись в крошечный комочек, на дальних задворках разума, и безропотно позволю Тому одолжить мое тело. Тогда Северус наложит на него Империус и заставит выпить яду -- а после вольет в бездыханное тело противоядие. Невилл и Сириус должны были проследить за тем, чтобы я-Риддл не успел сделать ничего с папой, а сам папа по неосторожности не капнул себе на пальцы яду -- и, в случае казуса, немедленно дать противоядие и ему тоже.

-- Ну, не будем тянуть, -- я уселась в кресло и постаралась расслабиться, пока меня связывали с помощью Инкарцеро. Петрификус тоталус тут не подходил -- он сковывал все мыщцы, а мне еще предстояло глотать.

-- Легиллеменс! -- произнес папа, направляя на меня палочку, и я постаралась облегчить ему задачу, раскрыв свой разум нараспашку, но не обрушивая на него каскада из мыслей, воспоминаний и знаний. Если можно так выразиться, папа скомкал все, что было нажито непосильным умственным трудом за последние пятнадцать лет, и оставил только события и память до первого ноября тысяча девятьсот восемьдесят первого года. Мне немедленно захотелось на ручки и яблочного соку. Тогда папа так же аккуратно отделил мое сознание до тридцать первого октября того же года, и я провалилась в пустоту. Сока уже не хотелось, но на ручках посидеть я бы не отказалась -- в пустоте было темно и неуютно. Чтобы не запаниковать, я повторяла про себя рецепт Феликс Фелициса -- надо было нам перед экспериментом напоить им всех участников. Интересно, куда папа определил потом котелок с зельем? А с любовным зельем? Хо-хо, Паркинсон в объятиях Филча будет смотреться феерично! А Дамблдор с Трелони? А МакГоннагал с моим Косолапсусом? А...

Додумать я не успела. Свет резко ударил по глазам, и я

поспешно зажмурилась. Открыв левый глаз едва наполовину, я поинтересовалась:

-- Уже все? Так быстро?

-- Быстро? Ты почти два часа в себя не приходила, -- сдавленным голосом просипел Невилл. Я поняла, что уже не сижу, а лежу, на трансфигурированном из кресла диванчике, а на полу возле меня сидит Невилл и держит мою руку, как утопающий -- брошенную ему веревку.

-- Где остальные?

-- Ругаются, -- неопределенно махнул рукой в сторону двери Невилл. -- Профессор Блэк вопил, что профессор Снейп убил собственную дочь, а профессор Снейп назвал его идиотом, не могущим отличить спящего человека от мертвого.

-- Значит, все получилось? -- спросила я. Вместо ответа Невилл наколдовал мне зеркало, и я послушно в него посмотрелась: шрам исчез, как не бывало.

-- Ух, здорово! Только придется накладывать иллюзию, иначе узнавать перестанут, -- улыбнулась я. Отдав зеркало Невиллу, я начала вставать:

-- Ладно, идем, обрадуем профессоров, пока они там до дуэли не доругались.

Едва я переступила порог папиного кабинета, Сириус заломил руки и патетично воскликнул:

-- Гарри!

Нет, у него, конечно, и в мыслях не было смешить меня, но эффект вышел именно таким. Северус тоже усмехнулся, и крестный немедленно вызверился:

-- Чего ржешь, Нюнчик? Рад, что в Азкабан не загремишь?

Папа не удостоил его ответом.

Глава 11

Нужно было что-то делать с крестражем, спрятанным в сейфе Лестранжей. Я очень надеялась на Нарциссу, но как крайний вариант уже обдумывала даже проникновение в банк под личиной Беллатрикс, благо у меня где-то ее палочка валялась. Впрочем, на дворе был март, и у меня оставалось еще два с половиной месяца до того, как назначенный Риддлом для Драко срок истечет и нужно будет предпринимать явные и решительные действия. На ближайшие выходные у меня была назначена встреча с леди Малфой в Хогсмиде, и заодно я собиралась повидать Ремуса -- он занимался обучением оборотней Маркуса. Альфа стаи Запретного леса прислал мне письмо еще в начале сентября, и согласился на сделку: мой представитель учит их контролировать звериную сущность, а они по первому требованию предоставляют нам боеспособный отряд для защиты или сражения. Ремус был не в

восторге от необходимости жить в стае, но он слишком хорошо понимал, что я сама не могу обучать волков. Если бы я не была столь заметной личностью, и была в состоянии отсутствовать в Хогвартсе хотя бы по два-три часа ежедневно... Но я все постоянно была на виду, да и свободного времени у меня было ровно столько, чтобы сделать домашние задания и перебрситься парой слов с друзьями-родными.

Вспоминая безвозвратно ушедшие туфли, я зашнуровала полусапжки из драконьей кожи(вот не стану больше носить непрактичную обувь, этому Дамблдору не знаешь, что взбредет в голову в следующую секунду!) и, подхватив сумку, вышла из спальни. Хорошо быть старостой: у меня уже второй год своя комната, пусть маленькая, но совершенно отдельная ото всех. Я могу хоть на голове ходить, и никто не скажет, что пора спать.

Внизу у самых ступенек уже маячил Невилл -- видимо, ему не терпелось поздороваться, а чары не позволяли подняться. Лестница, ведущая в спальни девочек, была заколдована, и мгновенно превращалась в лед, стоило лишь особи мужеского полу ступить на нее. Что интересно, коты ходили свободно... Надо будет уточнить, что за чары. Да, хоть старостам и доверяли, но не настолько, чтобы позволить жить совсем уж отдельно -- если за обычными студентками присматривали соседки, то за старостами -- заколдованная лестница.

-- Я знаю, как нам его достать! -- выпалил Невилл.

-- Кого? -- полюбопытствовала я, легкомысленно съезжая по перилу прямо в объятия нареченного. Он подхватил меня на руки и легонько покружил:

-- Крестраж, который лежит в сейфе Лестранжей. Мы будем шантажировать гоблинов!

От неожиданности я потеряла дар речи.

-- Чем? -- наконец смогла выговорить я. Карие глаза Невилла горели от предвкушения какой-то проделки.

-- Мечом Годрика Гриффиндора.

-- Э? -- я оказалась способна только на вот эту вот маловразумительную реплику.

Невилл немедленно утащил меня в наше кресло, усадил себе на колени и зашептал прямо в ухо, щекоча дыханием:

-- Меч Годрика Гриффиндора в свое время был создан гоблинами. А у них очень интересное понятие о сделках подобного рода. Гоблины искренне полагают, что после смерти волшебника вещь, купленная им у них, должна быть возвращена им же, а не передана по наследству. С их точки зрения, маги совершили кражу, оставив меч Гриффиндора у себя, а не возвратив гоблинам.

-- То есть, ты предлагаешь мне утащить меч Гриффиндора из директорского кабинета и предложить гоблинам обчистить сейф их клиентки в обмен на возвращение реликвии? Ты хоть понимаешь, что это по меньшей мере нечестно?

-- Конечно, -- в глазах Невилла плясали смешинки. -- Конечно, это нечестно -- особенно если учесть то, что меч связан особыми чарами с Распределяющей шляпой, и истинный гриффиндорец всегда сможет вытащить его из нее.

Я вздохнула:

-- Что ж, кажется, пришла пора проверить, действительно ли наш светлейший -- воплощение всех гриффских качеств.

В наш авантюрный план мы решили никого не посвящать. Чем меньше народу знает -- тем выше вероятность быть непойманными. Мы же собирались довести уверенность процентов до девяноста девяти. С половиной, пожалуй.

Самый простой путь зачастую и самый очевидный. Невилл предлагал наложить Империо на гаргулью, чтобы та пропустила нас в кабинет без пароля, и взломать защитные чары. Я забраковала этот план: мне совершенно неизвестно, как подействует первое непростительное на живую статую, напичканную волшебством по самую завязку, и я отнюдь не горела желанием ставить эксперименты. Тем более, что я не могла предварительно проверить это на ком-то другом.

Тогда Невилл предложил влететь в кабинет Дамблдора на метле и просто разбить стеклянную витрину, но я сочла это решение неконструктивным. Нет, в самом деле: так разве что безрассудный лев поступит, но уж никак не осторожный барсук.

-- Мы пойдем по пути наименьшего сопротивления, -- усмехнулась я. -- В моем плане не задействованы ни мантия-невидимка, ни моя новенькая метла(Сириус продолжал баловать меня новейшими моделями метел на Рождество и день рождеия, и я не то, чтобы очень возражала...), ни какое-либо колдовство. Я просто попрошу одного старого друга помочь мне. Идем!

Я спрыгнула на пол и ринулась в сторону кухни. Никогда не перестану удивляться странному привратнику в это царство обжорства: нужно пощекотать бочок нарисованной груши на огромном и на редкость уродливом натюрморте, вторую справа.

-- Лэнни!

-- Мисс Снейп? Подать вам завтрак? -- Лэнни уже обернулся к столику, чтобы налить мне кофе, но я остановила его:

-- Мы не за этим. Лэнни, у нас к тебе дело.

Утащив домовика в уголок, я наложила звукоизолирующие чары и спросила:

-- Ты ведь можешь трансгрессировать в любое место?

-- Да, если только там не стоят специальные чары, -- уши домовика встали торчком, как у почуявшей дичь собаки. Глаза уже азартно горели, предвкушая необычное задание.

-- А на кабинете директора они есть?

Эльф презрительно фыркнул:

-- Он вряд ли знает о существовании таких чар. Непроницаемый для домовиков щит ставят с помощью чар на крови, а директор Дамблдор никогда не применял чар из тех, что запрещает министерство! Лэнни считает, что директор Дамблдор поступает глупо! -- домовик с вызовом глянул на меня, и я улыбнулась. Я хорошо знала Лэнни, и остальных домовиков -- благодаря ему, и вполне представляя себе их психологию. С их точки зрения, хороший хозяин -- сильный хозяин, имеющий твердые убеждения и принципы. Волдеморт -- плохой хозяин, потому, что безумен и неоправданно жесток. Дамблдор -- плохой хозяин, потому, что отрицает одну из сторон магии, тем самым заведомо ослабляя себя. А вот меня они слушались с удовольствием, уж не знаю, почему...

-- Ты сможешь трансгрессировать в его кабинет и забрать оттуда меч Гриффиндора?

Эльф только усмехнулся:

-- Скажите, когда -- и Лэнни это сделает.

-- Ты должен знать, что здесь могут появиться министерские

работники и приняться вас допрашивать, и директор прикажет вам отвечать правдиво, -- предупредила я. Лэнни досадливо поморщился:

-- Лэнни уже говорить вам, мисс Гарриэт, директор не может приказывать эльфам Хогвартса. И, кроме того, чтобы услышать правильные ответы, нужно уметь задавать правильные вопросы, -- он назидательно поднял длинный тонкий указательный палец. -- Так мисс Снейп и мистер Лонгботтом хотят кофе?

Мы не стали отказываться.

Дело было за малым: переговорить с гоблинами.

Я обратилась к единственному знакомому гоблину, Грипхуку, тому самому поверенному, усомнившемуся когда-то в законности моего наследования Поттерам. Попросту написала ему письмо и отправила школьной совой, предполагая совершенно резонно, что гоблины как никто будут заинтересованы в секретности данной операции.

Невилл не ошибся: гоблины среагировали быстро, ответ я получила в тот же день, и уже вечером выбралась по тайному ходу на опушку Запретного леса. Грипхук с горящими, как угли, глазами, уже ждал меня в условленном месте.

-- Если это какая-то идиотская шутка, мисс Снейп, то свои деньги вы будете хранить дома в бабушкином чулке, -- обличающе ткнул он в мою сторону длинным пальцем. -- Ни одно отделение "Гринготтс" с мире не предоставит вам сейф даже за двойную плату.

-- Я поняла ход ваших мыслей, Грипхук, -- невежливо прервала его я. -- И смею вас заверить, что я действительно могу отдать вам меч, сделанный когда-то для Гриффиндора вашими мастерами.

Гоблин довольно осклабился: думаю, ему понравилось выражение "сделанный для Гриффиндора". Это указывало на то, что я и впрямь считаю меч принадлежащим гоблинам, а не людям.

-- И что же вы хотите взамен? -- скосил он на меня черный хитрый глаз. Несомненно, он сейчас просчитывал всю выгоду от ситуации и пытался придумать, как бы меня облапошить. Ну-ну...

-- Одна из ваших давних клиенток незаконно завладела несколькими старинными артефактами, и мне бы очень хотелось вернуть их настоящему владельцу, -- прищурилась я. Грипхук насторожился:

-- И чем же могу помочь вам я?

-- Мне нужно, чтобы вы осмотрели ее сейф. Если указанные артефакты там -- принесите их мне, и получите меч. Честный обмен.

-- Вы пытаетесь толкнуть меня на преступление? Заставить опорочить честь клана Гринготтсов? -- невзирая на слова, гоблин отнюдь не казался оскорбленным или рассерженным, так что я ухмыльнулась и доверительно произнесла:

-- Но ведь и я не могу вернуть вам меч законным путем. Думаю, вы в курсе, что он хранится в кабинете директора Хогвартса, и тот отнюдь не жаждет с ним расстаться. Так что меч будет добыт тем же путем, что и интересующие меня артефакты. Смею также заверить вас, что все будт совершенно конфиденциально.

Грипхук прищурился:

-- И откуда мне знать, что вы меня не обманываете, мисс Снейп?

-- Я дам Непреложный обет.

Такого еще не бывало -- чтобы колдун согласился дать гоблину Непреложны обет, и я отлично знала это. И решила на этом сыграть, да.

-- Насколько мне известно, Непреложный обет должен быть засвидетельствован третьим лицом, -- заявил гоблин. -- Кто будет нашим связующим?

-- Лэнни! -- домовик появился с характерным хлопком. Гоблин от неожиданности потерял дар речи.

-- Домовой эльф? -- прохрипел он наконец.

-- А почему нет? Они тоже обладают магией, -- пожала я плечами. -- Не вижу причин, по которым мой друг не смог бы стать связующим.

-- Замечательно, -- схватил мою руку Грипхук, и Лэнни направил указательный палец в нашу сторону.

-- Клянешься ли ты, Гарриэт Джин Снейп, передать в руки Грипхуку из клана Гринготтс реликвию, известную под названием меча Годрика Гриффиндора, в обмен на кольцо рода Слизерин и чашу Хельги Хаффлпафф, или же одну из названных вещей?-- начал он. Эльф был преисполнен важности и осознания собственной значимости -- как же, впервые связующим в Непреложном обете выступает представитель его племени! Даже легкое косноязычие куда-то подевалось, хотя Лэнни всегда говорил лучше, чем любой другой домовик.

-- Клянусь, -- ответила я. У гоблина глаза на лоб полезли, когда Лэнни сказал, что за вещи меня интересуют. Впрочем, руки он не отнял.

-- Клянешься ли ты, Грипхук из клана Гринготтс, передать Гарриэт Джин Снейп кольцо Слизерина и чашу Хельги Хафлпафф взамен на меч Годрика Гриффиндора?

-- Клянусь.

-- Клянешься ли ты, Грипхук из клана Гринготтс, в том, что, в случае нахождения в сейфе Беллатрикс Лестранж обоих названных предметов, а именно кольца и чаши, передашь оба их Гарриэт Джин Снейп, не пытаясь утаить один из них?

-- Клянусь, -- эта поправка не особо понравилась гоблину, но он глянул на меня с уважением -- видимо, он тоже подумал о том, о чем и я. Если в сейфе один предмет -- я отдам меч, если два -- тоже, так зачем платить больше? К счастью, подозрительность и осторожность меня еще не покинули, и я подстраховалась.

Нитка цвета лунного серебра опутала наши руки, чтобы в следующий момент исчезнуть.

Лэнни довольно улыбался, Грипхук досадливо морщился и лихорадочно соображал, не прогадал ли. Вдруг с меня можно было стребовать больше, чем один несчастный мечик? А может, у меня под кроватью еще пара десятков гоблинских изделий валяется? Прощаясь, он только буркнул:

-- Я пришлю вам сову.

Он трансгрессировал с хлопком, чем-то похожим на звук трансгрессии эльфов, но гораздо звучнее. В который раз поражаюсь странной, за уши притянутой причине гоблино-магических войн: ну нафига им палочки? Они же и так чуть ли не с колыбели осознанно колдуют, а магам еще учиться надо...

Глава 12

Несколько дней спустя, в воскресенье, я со смешанным чувством удовлетворения и огорчения смотрела на чашу Хельги Хаффлпафф. С одной стороны, хорошо, что у нас в руках еще один крестраж, а с другой -- жаль, что в сейфе Беллатрикс не оказалось еще и кольца.

Мы с Грипхуком встретились в Хогсмиде, я отдала ему меч, а он мне -- чашу, и разошлись, весьма довольные друг другом. Невилла с чашей я отправила к папе, а сама поспешила в "Башку борова", на встречу с Нарциссой. Купив себе порцию глинтвейна(погода здорово испортилась, лепил мокрый снег и завывал ветер), я уселась за столик в самом темном углу паба. Долго ждать не пришлось -- на скамейку напротив меня скользнул неприметный парень лет двадцати и глянул на меня знакомыми голубыми глазами.

-- Это не оборотное, -- констатировала я. Нарцисса покачала головой:

-- Это просто слепок чужого образа. Мое тело не изменилось, просто вы видите не то, что должны бы.

Она продемонстрировала мне медальон на витой цепочке:

-- Старинный артефакт. Хорош тем, что на носящего не действуют чары выявления истинного облика.

-- Действительно, хорош, -- согласилась я. -- А теперь к делу. Что хотел сообщить мне ваш муж?

-- ОН ищет какую-то палочку. Олливандер сидит в наших подземельях, его недавно перевезли из подземелий Паркинсонов, и состояние здоровья старика вызывает опасения. Я, конечно, подлечила его в меру моих способностей, но я никогда не была сильна в лечебной магии. Месяц назад ОН добрался до Грегоровича, но и от него не добился желаемого -- Люциус получил приказ разыскать всех мастеров волшебных палочек, кому больше ста лет, или же тех, кто продолжает семейную традицию. ОН считает, что с искомой палочкой станет непобедим, -- Нарцисса казалась очень испуганной. Я поспешила ее успокоить:

-- Леди Малфой, я не думаю, что волшебное умение зависит от палочки. Вспомните, ведь даже обладатели легендарной Бузинной палочки были не всесильны.

Нарцисса встрепенулась:

-- А если ОН ищет именно ее? Бузинную палочку? Вы, может, не знаете, но эта сказка основывается на реальных событиях...

-- Как раз я -- знаю хорошо. Видите ли, Сириус -- мой крестный, а один из трех братьев, Игнациус Певерелл -- дальний предок Блэков, чью родословную я выучила не хуже вас. Я знаю, о чем говорит семейное предание: не было никакой встречи на мосту, были лишь три брата-колдуна, величайших гениев своего времени, может, не обладающих большой магической силой, зато имеющих отличную фантазию. Они создали предметы, о которых мечтали: палочку, усиливающую пущенное ею заклятье в сотни раз, камень, создающий высококачественных инфери, и мантию-невидимку. И мне прекрасно известно, что единственный из трех предметов, не передающийся по наследству -- это палочка, поскольку еще ни один из ее владельцев не умер своей смертью. Кадм Певерелл был зарезан ночью, во сне, лучшим другом. Тот, в свою очередь, вызвал на дуэль более искусного мага и пропустил заклятье -- палочка еще не все, нужно и умение.

-- У НЕГО умения хватает, -- Нарцисса была настроена скептически. -- Если ОН действительно ищет Бузинную палочку...

-- То искать будет еще долго. Нарцисса, я догадываюсь, у кого она. И, поверьте, Риддлу придется постараться, чтобы достать ее, -- когда-то давным-давно, еще на первом курсе, получив в подарок мантию Джеймса Поттера, я заинтересовалась степенью правдивости сказки о трех братьях. Драко и Гермиона помогли мне разобраться в хитросплетениях древних родословных, и выяснилось, что Игнациус Певерелл -- дальний родич Блэков, мантия передавалась по мужской линии и последним ее

владельцем действительно стал Джеймс Поттер -- получив от отца, чьей матерью была некая Дори Блэк. Что до кольца, то Антиох Певерелл, так живо интересующийся инфери, передал его своей дочери для внучка Салазара, чей дальний потомок, полусквиб Меропа, спуталась с магглом Томом Риддлом, родив от него сыночка.

-- А палочка? -- поинтересовалась Нарцисса. Я задумалась: стоит ли делиться с нею выводами, сделанными еще на первом курсе? Все-таки она находится слишком близко к Риддлу, и кто знает... Впрочем, стоит. Душевное спокойствие Нарциссы стоит известной доли риска, а в случае чего...

-- Я расскажу вам, -- решила я. -- И, полагаю, вы сами решите, стоит ли доверять подобную информацию Люциусу. Если он, не приведи Мерлин, впадет в немилость к Риддлу, то сможет выкупить за нее свою жизнь и жизнь своих близких -- но в то же время не стоит давать Риддлу понять, что вы знаете истинную цель ваших поисков.

Леди Малфой кивнула:

-- Он нестабилен и непоследователен. Я очень рада, что Люциус больше не является его правой рукой -- иначе, скорее всего, Лорд жил бы в нашем доме.

Я понимающе покачала головой: не пожелаю никому жить под одной крышей с Риддлом. Ну, а Паркинсон, все лето проведшая с пожирательской компанией -- заслужила. О, она еще не то заслужила...

Сложив пальцы рук домиком, я стала делиться с Нарциссой своими соображениями.

-- Итак, Бузинная палочка. Нам удалось проследить ее историю примерно до тысяча девятьсот первого года -- некто Джесси Фишер, вор по призванию и по профессии, принес ее к скупщику краденого. Скупщик приобрел палочку по обычной для такой вещи цене и отнес своему другу, мастеру волшебных палочек, чтобы тот изучил ее свойства и выставил на продажу. Мастер впервые столкнулся с подобной палочкой. В книгах не было упоминания о том, в чем именно заключалась странность -- но лично я полагаю, что у палочки не было сердцевины, ведь сказка говорит нам лишь о том, что Смерть отломила веточку бузины, а о том, что она вложила внутрь -- ни слова. Суть в том, что никто из известных мастеру коллег по цеху не делал ничего подобного. Мастер не продал палочку, посчитал занятной диковинкой. Он возместил другу ее стоимость, а через несколько лет подросла его дочь. Маленькая Эва была настоящим разочарованием для своего отца: никаких проявлений стихийной магии, в перспективе -- клеймо сквиба и, если не повезет вырасти

красавицей, то и не слишком удачное замужество, если не судьба старой девы. Ведь наш мастер был человеком небогатым и не мог дать за дочерью приличного приданого. В общем, однажды, когда дочь оказалась среди стеллажей в лавке отца, та самая странная палочка каким-то чудом попала в ее маленькие ручки. Сноп искр, ребенок в восторге, отец -- в еще большем восторге, как же: его дочка вовсе не сквибка! В общем, маленькая Эва вполне успешно выучилась на цветочницу и держала собственный магазинчик, а впоследствии вышла-таки замуж, и удачно -- за папиного коллегу, преуспевающего мастера волшебных палочек. То ли и вправду злой рок преследовал владельцев Бузинной палочки, то ли это было стечением обстоятельств, но вскоре поле свадьбы Эва умерла от ножа уличного грабителя, а палочка перекочевала в ящик стола безутешного вдовца. Году эдак в тысяча девятьсот тридцатом безвестный воришка залез через окно в дом Грегоровича(а безутешного вдовца звали именно Грегоровичем), и похитил палочку. А через год все услышали о Геллерте Гриндевальде, великом темном маге, собравшем большую армию сторонников и установившего свой режим в нескольких странах.

Нарцисса сделала большие глаза:

-- Гарриэт, вы намекаете на то, что нынешний владелец палочки...

Она не договорила, жестом предложив мне продолжать. Я кивнула:

-- Намекаю. Итак, Альбус Дамблдор, величайший волшебник современности, которого боится сам Темный Лорд. Что известно обывателю о Дамблдоре? Только то, что написано на карточке от шоколадной лягушки: "открыл двенадцать способой применения драконьей крови, известен своими трудами по алхимии в соавторстве с Николасом Фламелем". В школе Дамблдор был лучшим учеником -- Рита Блэк-Скитер по нашей просьбе раскопала много интересных подробностей о его житье-бытье. Но после выпуска Дамблдор головой ушел в науку, и занимался той же алхимией, а в алхимии, как вам хорошо известно, сила волшебника не играет никакой роли. В ту пору никто не говорил о Дамблдоре, как о сильном волшебнике -- его знали как УМНОГО, а это отнюдь не то же самое. А вот карточка от шоколадной лягушки утверждает обратное -- и действительно, после тысяча девятьсот сорок пятого года Дамблдор стал сильнейшим, величайшим и далее по тексту. Он убил Гриндевальда -- и, заметьте, тянул с этим до последнего, явно не будучи уверенным в совбственной силе -- и удовольствовался скромным постом преподавателя трансфигурации в Хогвартсе. А трансфигурация -- наука, в которой имеет значение опять-таки

умение и знание, а не сила. Думаю, он просто не желал повторения судьбы предыдущих владельцев палочки и поступал мудро, не хвастаясь ею направо-налево. Полагаю, даже сейчас он -- не слишком умелый дуэлянт. Но, тем не менее, Риддлу не светит победить старика: тот увертлив, как ящерица. Так что Бузинная палочка недостижима для Риддла, и лишь считанные люди знают -- или догадываются -- о том, кто ее нынешний владелец. Для остальных эта палочка -- сказка, вымысел.

Леди Малфой потрясенно кивнула:

-- Ваша история выглядит убедительной. Гарриэт, я даже не знаю, что сказать...

-- Тогда не говорите ничего, -- пожала я плечами. -- И еще одно, Нарцисса: если вам станет известно что-либо о третьей реликвии, кольце Антиоха Певерелла, то, пожалуйста, скажите мне об этом. Но ни в коем случае не расспрашивайте сами -- это слишком опасно и может дорого вам обойтись.

Женщина кивнула и поднялась:

-- Пожалуй, мне пора.

Рассеянно проводив взглядом Нарциссу, я поболтала в кружке недопитый глинтвейн. Да, в свое время эта история потрясла и меня. Собственно, я не рассказала Нарциссе всех добытых Ритой подробностей: ни об убийстве Гриндевальда, ни об отношениях, связывавших его и Дамблдора. Они ведь были соседями, Геллерт и Альбус, и дружили долгое время, вместе отыскивая секрет бессмертия -- считалось, что человек, владеющий всеми тремя Дарами Смерти, станет не только непобедим, но и будет жить вечно. Вполне вероятно, что Бузинная паллочка действительно продлила жизнь своему владельцу -- ведь продолжительность жизни действительно зависит от силы мага. В сорок пятом, когда Дамблдор убил Гриндевальда, ему было шестьдесят четыре -- и уже тогда он выглядел седовласым белобородым стариком. Разве что волосы и борода были не в пример короче. С тех пор Альбус не изменился, так что можно смело говорить о благотворном влиянии палочки -- поскольку философский камень тогда еще был у Фламеля, и возможности получить чудодейственный эликсир у Дамблдора было мало. Впрочем, это не столь важно. С палочкой ли, без нее ли -- Дамблдор не всесилен, и рано или поздно моя месть его настигнет.

Римус уселся за мой столик легко и непринужденно, как человек, которому нечего опасаться. Чокнулся с моей кружкой бутылочкой сливочного пива и улыбнулся во все тридцать два острых зуба:

-- Как жизнь молодая?

-- Бывало лучше, бывало и хуже -- смотря с чем сравнивать, -- пожала я плечами. -- Осталось уничтожить последний крестраж -- и это хорошо. Риддл привез в Англию великанов -- и это плохо.

-- Это точно известно? -- слегка нахмурился Римус. Я кивнула:

-- Да. Дамблдор попытался отрядить Хагрида на переговоры, но тот быстро вернулся -- он застал момент, когда целое племя горных великанов переместили портключами в лес за поместьем Гойлов. Пожиратели, осуществлявшие переброску, обсуждали место назначения, говорили, что Запретный лес был бы предпочтительнее, но с тамошними оборотнями сложно договориться. Из чего я заключила, что стая Маркуса как минимум решила придерживаться нейтралитета.

Люпин отпил пару глотков, задумчиво заглянул в горлышко бутылки.

-- Не знаю, как стая, -- сказал он наконец, -- а Маркус намерен выступить на нашей стороне. А что, Дамблдор уже делится с тобой такими подробностями? Ордену о великанах ничего неизвестно.

-- Просто орденцы не ходят на субботние чаепития к Хагриду, -- усмехнулась я. -- А что, стая Маркуса не поддерживает?

-- Есть там пара оборотней, которые мутят воду и призывают оставить колдовские разборки колдунам, -- хмыкнул Римус. -- Хотя по мне -- это еще пустяки, было бы гораздо хуже, если бы в стае оказался предатель.

-- Да уж... Как дела с обучаемыми?

-- О, весьма и весьма! -- обрадовался вопросу Римус. -- Особенно хорошо получается у тех женщин, которые имеют детей -- им приходилось в свое время смириться с волчьей половиной настолько, чтобы превращение не спровоцировало выкидыш. И молодые: те еще не успели увериться, что быть оборотнем -- зло. А вот остльных приходится убеждать, ломать стереотипы и учить находить общий язык с волком. Зверь ведь не доверяет тому, кто много лет держал его взаперти и не давал свободы. Кто ненавидел его...

Лицо Ремуса на мгновение помрачнело, и я знала, о чем он подумал -- о собственном отношении к волку, о собственной ненависти и страхе. Мужчина как-то по-звериному встряхнулся и глянул на меня:

-- Знаешь, оборотни теперь в неоплатном долгу перед тобой. Другой бы на твоем месте взыскал должок как можно быстрее.

-- Мне нужно, чтобы оборотни пришли ко мне по своей воле, -- упрямо покачала я головой. -- Из должников плохие союзники. Кто поручится, что они не обернутся против волшебников?

Найдутся среди них те, кто посчитает плату за помощь вымогательством, и оборотни охотно пойдут за подстрекателями, поскольку действительно не привыкли видеть добро и бескорыстие от нас, колдунов.

-- Может, и так, -- склонил голову набок Римус. Он явно считал, что мне стоило назначить плату, но не стал спорить. В конце-концов, это решать только мне.

-- Маркус просил передать, что приведет к тебе своих волков -- если останется вожаком. А если нет -- то придет сам.

-- Думаешь, дойдет до бунта? -- поинтересовалась я. Римус неопределенно повел бутылкой:

-- Вполне вероятно. Я считаю, Маркусу бросят вызов -- и наилучшим моментом будет тот, когда нам понадобится их помощь. Не мытьем, так катаньем, но они добьются своего -- стая не успеет вовремя, оборотни останутся в стороне.

Я отрицательно покачала головой:

-- Не думаю, что Маркус допустит это. Если подобный вариант развития событий очевиден для тебя, то для него и подавно. Сколько лет он вожак? Лет двадцать пять? Вряд ли за такое время он впервые сталкиваетя с угрозой собственной власти. Думаю, его слова о том, что он приведет волков, если останется вожаком -- всего лишь перестраховка.

-- Хочется в это верить, -- пробормотал Ремус. -- Мне бы не хотелось, чтобы оборотни перегрызлись. Могут пострадать невинные...

-- Ха, Ремус, да ты, никак, нашел себе кого-то! -- ухмыльнулась я, не преминув поддеть бывшего учителя. В отличие от многих своих сверстников, я не испытывала ровным счетом никакого пиетета к старшим.

Оборотень не обиделся и не смутился, а только мечтательно прищурился:

-- Она само совершенство... Снежно-белая от носа до кончика хвоста, с глазами цвета липового меда... Хелен. Ее имя Хелен, и она не зря носит имя той, по чьей вине пала Троя.*

-- О, Ремус, как все запущено... -- протянула я, посмеиваясь. -- В любом случае -- поздравляю. Что ж, беги к своей красавице, она небось заждалась. Привет Маркусу.

Люпин ушел. Он здорово поднял мне настроение, и вовсе не тем, что передал обещание Маркуса поддержать нас. Нет, я радовалась, что он Ремус наконец счастлив, а значит, в эти смутные времена есть место и для любви, и для надежды. В одном прав Дамблдор: любовь -- огромная сила, и человек, неспособный любить, обречен на провал. Вот только старик полагает, что любить нужно всех и сразу, а в этом-то и состоит

ошибка. Нельзя объять необъятное, нельзя любить весь мир, если ты всего лишь человек -- можно только пытаться, и истратить всю жизнь на бесплодные попытки. Бесплодные -- потому, что нельзя любить абстракцию. Тогда это и не любовь уж вовсе. Я, к примеру, люблю Ремуса как дядюшку, и потому постараюсь в меру своих скомных сил облагодетельствовать оборотней -- но это вовсе не значит, что я люблю их всех. Среди них попадаются весьма неприятные личности, как Грейбек, пусть сгноят дементоры его душу. Вот интересно, кстати, куда девается душа, выпитая дементором?

Так вот, о любви. Ни один из живущих на свете, смею утверждать, не подошел и близко к тому, чтобы возлюбить все человечество скопом. Просто потому, что не смог узнать все человечество. Я не говорю сейчас о христианских и мусульманских пророках, и прочих религиозных людях -- я слишком мало знакома с этим явлением. Я говорю о простых смертных, к коим принадлежу. Любой человек, оказывая помощь некому сообществу, некой группе, оказывает помощь прежде всего конкретному члену этой группы. К примеру, у человека, перечисляющего деньги в фонд помощи бродячим животным, стоит перед глазами трогательный цуцик из ближайшей помойки. У мецената, помогающего детдому, всплывает в памяти собственное сиротское детство.

Дамблдор хочет, чтобы я сражалась с Риддлом за все магическое сообщество. Уверена, он убедил себя в том, что сам когда-то вышел против Гриндевальда, руководствуясь именно этой благой целью, а вовсе не постыдным желанием заполучить один из Даров Смерти.

И я буду бороться с Риддлом -- но только потому, что хочу нормальной жизни для своих близких. На остальных мне, по большому счету, плевать с Астрономической башни. Но, коль так сложились обстоятельства, спасем и остальных.

*Все знакомы с историей Елены и Париса? Ежели нет -- позор вам и срочно читать "Илиаду". Хотя бы в кратком пересказе.

Глава 13

Оставался последний крестраж -- и пять дней до конца мая. Двадцать шестого числа в полдень я сидела на подоконнике и занималась совершенно бессмысленным делом -- расстреливала Пивза жеваной бумагой из коктейльной трубочки. Трубочка была припасена еще с завтрака, а что до бумаги, то мне подвернулся уродливый маггловский блокнот, в незапамятные времена подаренный мне кем-то из плохо меня знающих. Может, соседки по комнате, может, кто-то из сокурсников -- друзья никогда бы не подарили мне розовое чудо с надушенными страницами и

блестящей обложкой. Неважно. Словом, я нашла уродцу достойное применение и теперь Пивз, надежно спеленатый чарами, вычитанными в какой-то старой книженции, злобно верещал, суля мне страшные кары. Я припомнила дождик из чернил трех- или четырехгодичной давности, испортивший гермионину блузку, и запулила комочком бумаги прямо в нос полтергейсту.

Будь я красноглазым маньяком с манией величия, куда бы я запрятала кольцо?

Риддл помешан на символизме. Риддл -- коллекционер в душе, но он собирает преступления, оставляя себе на память сувениры как свидетельства о них. Какое преступление может быть связано с кольцом? Какое место?

Мимо меня прошли двое студентов, не обратив ровным счетом никакого внимания ни на Пивза, ни на мою скромную персону. Обрывок их разговора заставил меня насторожиться:

-- ... там, откуда все началось! Это же так просто!

И тут меня осенило. Это же так просто: спрятать кольцо там, откуда все началось, спрятать его в доме своего отца или своей матери!

Вскочив с подоконника, я расстреляла Пивза целой очередью из комочков и чуть ли не вприпрыжку кинулась к Дамблдору. Он что-то в последнее время загрустил, наверное, крестражи больше не находятся... И с чего бы это?

Не знаете, нет?

Сперва я заглянула к папе за паролем -- старый наверняка уже сменился. При виде моей озаренной мордашки папа даже соизволил улыбнуться, отчего несчастные студенты(а сейчас как раз был урок, Северус стращал второй курс Рейвенкло и Гриффиндора) впали в ступор.

Пароль, как обычно, был сладким -- "Берти Боттс". Гаргулья беспрекословно пропустила меня, и я увидела дикую картину: Дамблдор, откинувшись на спинку кресла, задумчиво созерцал потолок. Его ноги в полосатых ало-зеленых носках были задраны на стол, а рука то и дело ныряла в огромное ведерко с вышеупомянутыми конфетками. Длинная борода была заброшена за спину(очевидно, чтобы не мешала еть варенье -- вазочка с ним стояла тут же, на столе, рядом с чайным сервизом), очки сьехали набок... "Оставь меня, старушка, я в печали..."

-- Кхе-кхем! -- вполне достоверно изобразила я кашель памятной всем нам Амбридж, не к ночи будь помянута. Дамблдор немедленно подпрыгнул, рассыпал "Берти Боттс" и, поскользнувшись на конфетке, чувствительно приложился пятой точкой о пол. Сделав вид, будто я ничего не заметила, и

деликатно отведя глаза в сторону, я заявила:

-- Я знаю, где искать один из крестражей! Риддл совершенно точно должен был спрятать кольцо там, где все началось -- в доме матери, или же в доме своего отца.

Дамблдор от неожиданности снова навернулся, и в бесплодной опытке схватиться за что-то утащил за собой в свободное падение кресло, вазочку с вареньем и заварничек. Чашка с недопитым чаем угрожающе звякнула о блюдце, но устояла.

-- Интересная мысль, -- пробормотал старик, отплевываясь от заварки и одновременно счищая рукавом варенье с очков. Абрикосовое, м-м-м... Я бы не отказалась.

Вспомнив наконец, что он -- колдун, а не хухры-мухры, его светлейшество взмахнули палочкой и убрали погром. Потом, покряхтывая, встали и сунули ноги в туфли.

Пользуясь случаем, я глянула на его палочку -- ничего особенного, совершенно прямая, без узоров, из светлой древесины. Интересно было бы в руках подержать...

-- Скажите, директор, ведь Риддл разыскал своих родичей? Он не мог не разыскать их, раз так был увлечен идеями об избранности чистокровных! Он должен был интересоваться собственным происхождением!

Дамблдор не испугался моего энтузиазма и, приняв величественную позу, начал вещать:

-- Разумеется, Том отыскал их. И Риддлов, и Гонтов. Риддл ведь был одержим своей родословной. Да оно и понятно — Риддл вырос в сиротском приюте и, естественно, стремился узнать, как он туда попал. Он тщетно пытался найти какие-либо следы Тома Реддла Старшего — на щитах Зала Славы, в списках прежних старост школы, даже в книгах по истории волшебства. В конце концов ему пришлось смириться с мыслью, что его отец никогда в Хогвартсе не учился. Думаю, тогда-то он и отказался от прежнего имени, выдумал лорда Волдеморта и занялся исследованием материнской линии. Риддл мог опереться на одно-единственное имя — Марволо. От приютского начальства он знал, что так звали отца его матери. После долгого изучения старых, посвященных родословным волшебников книг он выяснил, что у рода Слизерина существуют потомки. В шестнадцатилетнем возрасте, летом, он оставил сиротский приют, в который всегда возвращался на каникулы, и отправился на поиски своих родственников Гонтов. От дяди он узнал свою историю, и воспылал ненавистью ко всем ее участникам. Старик Марволо, его дед по матери, был уже мертв к тому времени, но вот семейство Риддлов по-прежнему жило в своем красивом доме на

холе, и пьяница-дядя еще здравствовал. Он расправился с ними, убив Риддлов и заставив своего дядю поверить в то, что это совершил он. Несчастный Морфин Гонт был осужден на пожизненное заключение в Азкабане. У меня есть его воспоминание, вот, взгляни сама.

Опять воспоминание... Ну ладно, давай свой Омут.

Я оказалась внутри жалкой лачуги, такой грязной, будно ее обитатели сроду не слыхали о венике и мокрой тряпке. На столе вперемешку с грязной посудой лежали гниющие обьедки, пол был земляной, с выбитыми тут и там ямами. Пустые бутылки стояли и лежали на всех горизонтальных поверхностях, закопченная печка явно не топилась несколько лет. Живущие в лачуге пауки в меру своих скромных сил пытались прикрыть убожество плотной паутиной, но это не слишком-то им удалось. Единственным источником света были лунные лучи, с трудом проникающие в лачугу сквозь мутное оконное стекло.

Хозяин хижины, до того заросший спутанной бородой и волосами, что лица было не разобрать, храпел в кресле у печки. В одной руке у него была палочка, в другой -- нож. Скрипнула дверь, и на пороге появился красивый юноша, в которо я сразу узнала молодого Риддла.

-- Ты! -- вскинулся спавший секунду назад хозяин лачуги и ринулся выпроваживать гостя.

-- Стой.

Он замер, как вкопанный, не добежав всего два-три шага.

-- Где Марволо?

-- Умер. А ты -- ее сын, сын Меропы, -- хрипло прокашлял Морфин, а это был именно он. -- Ты говоришь на парселтанге.

-- Говорю, -- Том с нескрываемым отвращением обвел взглядом жалкое дядино обиталище и осведомился:

-- За кого ты меня принял?

-- За маггла. Того маггла, что на холме живет. Моя дура-сеструха с ним спуталась, думала, женится на ней. Как же! И сама сгинула, и медальон унесла. Потаскуха! Грязная потаскуха!

Вглядевшись в лицо Тома, Морфин заявил:

-- А ты -- выродок, сын потаскухи и маггла! Где медальон?

-- Империо, -- ответил Риддл, как-то лениво поднимая палочку.

Меня окутало мраком и выбросило из воспоминания.

-- Вот, -- удовлетворенно резюмировал Дамблдор. -- Видишь? Он тогда впервые применил непростительные. Сперва Империус, а потом и Аваду. Так что твое предположение кажется мне не лишенным смысла. Хотя вряд ли кольцо спрятано в доме Риддлов -- он слишком презирал магглов и все, что с ними связано.

-- Наверное, -- согласилась я. -- Значит, нам стоит проверить дом Гонтов. Вы ведь возьмете меня с собой, правда?

Дамблдор испытующе глянул на меня, я изобразила собачью преданность и покорность. Едва ли хвостиком не повиляла. То-то старикан бы удивился, отрасти я хвост... Чего доброго, еще помер бы от избытка чувств.

-- Правда, -- наконец сказал он.

Я изобразила восторг.

Глава 14

Деревушка называлась Литтл-Хэнглтон, и была она маленькой, бедной и полностью маггловской. Как сообщил мне Дамблдор, Гонты были единственные колдуны, жившие тут когда-либо.

Дом Риддлов возвышался над всеми остальными домами, как Хагрид -- над простыми людьми. Холм, на котором он был построен, торчал сбоку от деревушки, словно прыщ на носу подростка. И, полагаю, точно так же не доставлял радости: слухи о доме на холме ходили самые ужасные. Тот факт, что обитателей его нашли однажды мертвыми с гримасой ужаса на лице, дал пищу многочисленным слухам, вплоть до утверждений, что Риддлы занимались оккультизмом. Как бы там ни было, желющих влезть в дом и хорошенько там все перетряхнуть не находилось. Единственное, что сделали жители Литтл-Хэнглтона -- заколотили крест-накрест окна и двери, полагая, что таким образом зло, обитающее в доме, до них не доберется.

Сразу за домом был запущенный донельзя сад, в котором давным-давно не осталось никаких культурных растений -- бедняжки не выдержали неравного боя с сорняками. Крапива в мой рост, репейник с репьями размером с яйцо -- одного этого было бы достаточно, чтобы отбить у желющих охоту лезть в проклятый дом. А за садом было то самое кладбище, на котором мы с ребятами оказались в ходе последнего испытания Тремудрого Турнира. Да, вот отсюда спустился Крауч со свертком в руках, а вон за теми надгробиями мы прятались от летящих в нас заклинаний...

-- Видишь? -- спросил Дамблдор, указывая чуть в сторону от кладбища. Там начиналось болото, поросшее низким кустарничком, а рядом с дорогой виднелось нечто, напоминающее человеческое жилище.

-- Дом Гонтов, -- сказал светлячок. -- В неприглядном местечке они жили, правда? Старый Риддл все хотел купить у них землю, чтобы не портили вид из окна.

-- Это они-то? -- переспросила я. -- А то, что у него из окон болото и кладбище видать, не считается? Халупа Гонтов

оскорбляла его чувство прекрасного?

Дамблдор не ответил, только глянул на меня испытующе и жестом предложил спускаться к болоту. Я сразу же наложила водоотталкивающие чары на свои сапожки, а вот у светлейшего в туфлях вскорости захлюпало. Интересно, он просто забывчивый такой или же просто непредусмотрительный? Вероятно, мелочи жизни вроде пиявок в носках его не волнуют.

Хижина оказалась нетронутой, очевидно, старые антимаггловские чары еще работали. Покосившаяся, похожая на подгулявшего пьяницу, добирающегося домой держась за забор, она выглядела так, будто ждет незадачливого прохожего, планируя рухнуть ему на голову, как только тот окажется в достаточной близости.

Впрочем, впечатление было обманчивым -- кроме антимаггловских, на лачугу были наложены еще и мощные связующие чары, так что в таком неприглядном виде она могла простоять еще сотню-полторы лет. Наверняка Риддл постарался...

На разбухшей от сырости двери висел скелет змеи, щетинившийся множеством выбеленных солнцем ребер.

-- Вот тебе и парселтанг, -- пробормотала я. Дамблдор поднес руку к ручке двери, но тут скелет изогнулся и чувствительно тяпнул его за палец. С коротким вздохом старик подался назад, а я машинально прошипела:

-- Выплюнь!

Скелет послушался.

-- Вероятно, это было нечто стража порога, -- директор рассеянно сунул укушенный палец в рот. -- Мне повезло, что за столько лет в нем уже не осталось яда.

А уж мне-то как повезло! Вот спутничек-то, так и норовит найти приключение на свою голову! Грифф, он и в старости грифф: то зелье неведомое в рот тянет, то суется в хижину, хозяева которой практиковали черную магию -- и при этом не проверяет строение на возможные ловушки.

-- Пропусти нас, -- прошипела я змее и решительно взялась за ручку. Мой волчий нюх говорил, что внутри только пыль и плесень, а чутье утверждало, что там таится нечто опасное. В крайнем правом углу... ну да. Согласно воспоминанию Морфина Гонта, там находится печка. Бросил перстень в засаленный горшок? Сейчас посмотрим.

-- Фу-у... -- брезгливо подобрав полы мантии, я перешагнула порог. Грязь и запустение царили здесь. Паукам наконец удалось поработать вволю, так что толстый слой пыльной паутины не хуже белых простыней покрывал мебель и полки. Дамблдор достал палочку и стал водить ею в воздухе, вычерчивая какие-то

знаки: я узнала начало ритуала по выявлению сокрытого и дальше не смотрела. Тихонько, чтобы не мешать, я подошла к бурой от грязи печке. Там и вправду стояли чугунки и горшки, но у моей волчицы просто вставала дыбом шерсть на загривке, когда я смотрела на один из кирпичей. С изображением не то спирали, не то змеи, выцарапанной на нем.

-- Э-э, директор? -- позвала я. -- Я нашла его.

-- Что? -- ритуал был прерван немедленно, светлячок резво подскочил ко мне и вперил взгляд в кирпич. -- Так просто?

-- Все гениальное -- просто, -- не удержалась я.

-- Да-да, -- если он меня и слышал, то смысла слов явно не уловил. Полностью поглощенный находкой, он выстукал кирпичи вокруг помеченного и убедился, что тайник именно за ним. С помощью палочки он аккуратно вытащил кирпич и бесстрашно(гриффиндорец -- это диагноз!) сунул руку в открывшуюся дыру. На его счастье, ловушек там не было, и рука вернулась целой и невредимой. И с колечком в кулаке.

Как у него горели глаза! Словно два фонаря, право слово!

-- Ты... ты знаешь, что это за кольцо? -- дрожащим голосом вопросил Дамблдор.

-- Кольцо Салазара Слизерина, -- послушно ответила я.

-- Это кольцо Антиоха Певерелла, кольцо с Воскрешающим камнем! -- провозгласил его светлость и... сунул указательный палец прямо в колечко. Я испуганно отскочила назад, наткнувшись на стол, и хорошо сделала -- вся фигура Дамблдра осветилась на миг призрачным светом, и старик вскричал:

-- Ариадна! Призываю тебя!

Навеное, Риддл наложил какие-то чары на кольцо -- иначе с чего бы вместо мертвой дамблдорской подружки в комнате материализовался самый что ни на есть разинферистый инфери мужеска полу? Впрочем, Дамблдор отчего-то решил, будто это и впрямь Ариадна, и упал перед ней на колени:

-- Сестра!

А, так это ему сестрицу приспичило увидеть?

-- Ариадна! Простишь ли ты меня когда-то?

-- Идем со мной, -- пробасил инфери, протягивая Дамблдору гниющую руку. Директор уже был потянулся к загребущей ручонке, как я решила вмешаться. Нет, в самом деле, мне еще домой возвращаться, а лицензии на аппарирование у меня пока нету -- хоть я и научилась это делать более чем хорошо.

Вскинув палочку, я выкрикнула:

-- Адеско файр!

С тех пор как я уничтожила адским пламенем крестраж, у меня было достаточно времени для тренировок, так что теперь я

могла не только вызывать его, но и контролировать, ограничивая определенным участком. Сейчас горел инфери, и... О, мерлиновы кальсоны!

-- Арадна! Нет! -- Дамблдор ринулся обнимать горящего покойника.

-- Ступефай! -- отреагировала я и впечатала старика в противоположную стенку. На голову ему упал ком паутины, с ветхого потолка посыпался всякий сор.

-- Ты-ы! -- провыл он. -- Ты убила Ариадну!

Он уже поднимал свою палочку, но я была быстрее.

-- Экспеллиармус!

Первый из Даров оказался в моей руке. Ничего особенного, палочка как палочка...

Дамблдор явно собирался броситься на меня с голыми руками, но я бросила в него Петрификусом и он живо успокоился. Протянутые руки так и остались торчать вверх, когда он упал на спину, и я без труда могла разглядеть кольцо на указательном пальце правой. И зловещего вида черноту, шустро расползавшуюся из-под кольца по пальцу и дальше по руке.

Непечатно выругавшись, я скороговоркой забормотала все диагностические чары, которые только знала. забравшись одной рукой в карман, я нашарила пузырек общеукрепляющего, и остановилась, не донеся его до сжатых стариковых губ. На месте Риддла я бы предусмотрела подобное развитие событий и наложила на кольцо такие чары, чтобы незадачливому вору ничего не помогало, а только усугубляло ситуацию.

Что-то я такое читала, в книге о старинных родовых проклятьях, что-то о черном высохшем трупе, оставшемся от грабителя... Тьма египетская! Ну да! Им еще фараонские гробницы защищали! Гораздо позже, веке эдак в восемнадцатом, придумали заклятье, позволяющее снять проклятие, и тогда-то фараонские гробницы сильно пострадали от нашествий грабителей, археологов и просто любопытных. Как же там...

Усилием воли вызвав в памяти нужную страницу, я забормотала:

-- Ab nigra ad alba, ab principium ad finem. Hominem abyssum invocat: aqua currit et debere currere ut currere solebat. Jus primatum: suum cuique tribuere. Esse innoxis miseram hominem, hoc loco do vitae. Sic volo, sic jubeo, sit pro ratione voluntas!*

Ничего. А, там еще было движение палочкой, как же... Вот, зигзаг, петля и "Уруз".

Вырисовывая в воздухе знаки, снова зашептала:

-- Ab nigra ad alba, ab principium ad finem. Hominem abyssum invocat: aqua currit et debere currere ut currere solebat. Jus

primatum: suum cuique tribuere. Esse innoxis miseram hominem, hoc loco do vitae. Sic volo, sic jubeo, sit pro ratione voluntas!

Чернота остановилась. Но полностью не убралась. Что-то такое было в примечании, что-то о половой принадлежности снимающего и накладывающего чары. Кажется, они должны быть одного пола, в противном случае проклятье только останавливается, но со временем снова расползается по всему телу.

Скорее, скорее к папе! Но прежде...

-- Вингардиум Левиоса!

Перстень задергался, слетел с черного пальца и, описав дугу, шлепнулся на пол.

-- Адеско файр!

Вспышка, вой -- и нет крестража. Оправа распалась надвое, Воскрешающий камень лежит невредим. Полагаю, именно оправа и была крестражем, на ней же лежало проклятье тьмы египетской -- сам камень несет в себе слишком сложную магию, чтобы к ней могло быть добавлено еще что-то. Подняв щербатый кусок черного минерала, я задумчиво глянула на рисунок, вырезанный на нем: треугольник и вписанный в него круг, разделенный пополам вертикальной чертой. Символ трех даров.

Пора возвращаться, нужно отвести Дамблдора к папе, чтобы тот снял проклятье. Старик нам еще нужен, хотя бы для того, чтобы держалась школьная защита.

-- Фините Инкантатем! -- он застонал и заворочался, пытаясь подняться. Голубые глаза смотрели невидяще, руки искали опору. Как мне ни было противно, но пришлось позволить ему опереться на меня -- иначе Дамблдор попросту упал бы.

-- Гар-ри... Я... Ап-парируй к школе... -- прохрипел он.

-- Ну уж нет, -- заявила я и стала припоминать правила аппарирования тяжело больных. Вывела старика на улицу, приобняла поперек талии:

-- Шагаем, и-раз, и-два, и-три... Аппарейт!

Мы даже не расщепились. Как удачно! Я аппарировала нас на кромку леса, у самого начала антиаппарационного купола. Еще фут -- и нас можно было бы соскребать в спичечный коробок, но нам повезло. Чертова удача! Почему это не работает по желанию? Я бы пожелала, чтобы Дамблдор не надевал кольца, или чтобы неизвестная мне его мать не роняла сына головкой о пол... Поскольку только умом скорбный мог так тупо попасться в ловушку.

Или пожелала бы, чтобы вот прям сейчас Риддлу на голову упал кусок потолка в доме Паркинсонов, избавив нас тем самым от множества проблем. Или... а, что загадывать.

* От черного к белому, от начала до конца. Человек взывает к бездне: нельзя изменить природный ход вещей, каждый должен получать свое. Вот обиженный невинно человек: возвращаю ему жизнь. Мое слово, мое право, мой приказ!

Глава 15

Кляня свою удачу на чем свет стоит, я довела Дамблдора до замка. Хоть бы нам навстречу никто не попался...

Мерлиновы подштанники! Помогая директору спуститься в папину лабораторию -- это было куда как проще, нежели подниматься в директорский кабинет, я уловила краем глаза мелькнувшую в коридоре тень. Опять кто-то бродит после отбоя...

-- Северус! -- гаркнула я, стукнув ногой по двери, и папа немедленно выскочил посмотреть, кто это такой наглый мешает ему работать.

-- Гарри? Альбус? -- он в два счета переместил Дамблдора в кресло и отрывисто спросил:

-- Что это?

-- Он надел на палец кольцо Гонтов. Мне удалось стянуть его, не прикасаясь, но рука, как видишь... Это не яд, а проклятье, и я не могу снять его -- нужен маг одного пола с оставившим проклятье. Я смогла только остановить его, но через час-полтора процесс возобновится. Сейчас нужно накачать его укрепляющими, чтобы из ушей полилось, а то еще окочурится в процессе.

Директор находился в полубредовом состоянии, ему становилось все хуже и хуже прямо на глазах -- губы обметало белым, глаза норовили закатиться под лоб, из горла вырывались неясные хрипы.

-- МакГоннагал позови, -- бросил папа. -- Не хватало еще, чтобы меня в убийстве обвинили.

Я молча наколдовала патронуса и отправила к замдиректора. Спустя минуту в камине полыхнуло пламя и одетая в клетчатый халат МакГоннагал ступила на ковер. Она явно только что переоделась после рабочего дня, но еще не ложилась -- идеальный узел черных с проседью волос находился в полном порядке.

-- Что случилось? -- встревоженно спросила она, обращаясь к Северусу. Тот молча переадресовал вопрос ко мне. Я начала обьяснять:

-- Больше двух лет директор занимался поисками темных артефактов, оставленных Волдемортом. Ему удалось найти и с моей помощью обезвредить один из них, а при попытке уничтожения второго произошел несчастный случай. Очевидно, поддавшись притяжению артефакта-кольца, Дамблдор надел его, за что и поплатился. Сейчас мы попытаемся снять проклятье, но в случае смерти Дамблдора вам придется срочно взять на себя его

обязанности.

-- Как же так... Альбус... Но я и так делаю все, что должна, -- не поняла МакГоннагал. Она покосилась на папу, с лихорадочной быстротой изготовляющего какое-то зелье и обновременно вливая другое в рот директора.

-- Я имела ввиду, что вам придется завязать на себя охранные чары Хогвартса. Оставлять школу без защиты сейчас смерти подобно. Вы должны знать, как это делается.

-- Но я не знаю, -- прошептала женщина, бледнея.

-- Как не знаете? -- потрясенно переспросила я.

-- Альбус знает, он... -- не договорила МакГоннагал.

-- Он вряд ли будет сейчас в состоянии обьяснять тонкости проведения ритуала. Мне известны только общие принципы, но я не буду наобум связывать вас с замком.

-- Почему? Я готова рискнуть, -- шагнула ко мне профессор. Северус хмыкнул:

-- Минерва, не порите чушь. Вы осознаете, что сейчас происходит? Школа, а с нею и полторы сотни студентов вот-вот останутся без защиты, и как вы считаете, сколько времени пройдет, прежде чем Волдеморту станет об этом известно? Он спит и видит, как бы провести сюда своих людей и взять в заложники детей, тем самым связав по рукам и ногам их родителей.

-- Я немедленно оповещу министра, -- решила МакГоннагал, доставая палочку. Я кивнула и обратилась к папе:

-- Готов?

-- Готов. Минерва, пошлите весть Ордену Феникса -- я уверен, они откликнутся быстрее министерских. Гарри, показывай, что делать.

Я плавно взмахнула палочкой, показывая движение: зигзаг, петля и руна "уруз".

-- Не переставая, черти вот это и повторяй за мной, не отрывая глаз от директора. Ab nigra ad alba, ab principium ad finem. Hominem abyssum invocat: aqua currit et debere currere ut currere solebat. Jus primatum: suum cuique tribuere. Esse innoxis miseram hominem, hoc loco do vitae. Sic volo, sic jubeo, sit pro ratione voluntas!

Отославшая патронусов МакГонналаг ревностно следила за нашими действиями. Нашептывая латинскую формулу, я видела ее боковым зрением -- женщина старалась даже не дышать.

Наконец директор перестал хрипеть, и я опустила палочку.

-- Все, папа, мы сделали, что могли.

Северус пощупал пульс Дамблдора и поднял рукав мантии, обнажая руку: зловещая чернота пока застыла на месте, но не

пропала.

-- Что? -- не выдержала гриффиндорская деканесса.

-- Нам не удалось. Организм слишком ослаблен. Ему ведь уже давно перевалило за сотню...

Она вдруг вперила в меня пронзительный взгляд:

-- Мисс Снейп, откуда вам известно это проклятье? И вообще... -- нервным жестом взмахнув рукой, МакГоннагал замолчала и приняла из рук Северуса стакан воды.

-- Моя дочь все эти годы старательно изучала как светлые, так и темные искусства, -- сухо уведомил он. -- Вы знали, что согласно пророчеству Гарриэт -- единственная, кто может убить Волдеморта? Не могла же она сидеть, сложа руки, и надеяться на удачу!

-- Гар-ри-эт, -- прохрипел Дамблдор, открывая глаза. Я метнулась к нему:

-- Директор! Вы должны помочь профессору МакГоннагал провести защитный ритуал! Хогвартс в опасности!

-- Н-не помню... -- слабо махнул он рукой, и я зло стукнула кулаком по подлокотнику его кресла. -- Ты притворялась... Все это время...

-- Разумеется, я притворялась! -- не помня себя от злости, заорала я. -- Как только узнала, что вы подчистили память маме и папе, сфабриковали пророчество и играли моей судьбой, как заправский шахматист!

-- Высшее благо... -- начал было Дамблдор, но я перебила его:

-- Вот только не надо о высшем благе! Вы видели, что один из ваших учеников ступил на кривую дорожку и ничего не сделали, чтобы перевоспитать его -- или хотя бы обезвредить, когда он вырос достаточно, чтобы начать убивать! И не говорите, что ничего не замечали -- не поверю!

-- Боги всегда грешат... определенной оригинальностью мышления, -- криво усмехнулся Дамблдор. Я мельком оглянулась -- папа крепко держал замдиректора, не давая ей помешать мне.

-- Вы не бог, -- жестко сказала я. -- Вы заигрались. Да вы хоть осознаете, что умираете, оставляя школу без защиты? Как только пропадут укрепляющие стены чары, Хогвартс превратится в обыкновенный старый замок с толстыми, но отнюдь не неуязвимыми для тарана стенами!

-- Ученики... Вы все хорошо показали себя... в Дуэльном клубе... И Орден Феникса... -- глаза директора снова закатились.

МакГоннагал издала невнятный возглас. Мне же захотелось вбить очки в переносицу этому непроходимому идиоту -- какой, к черту, Дуэльный клуб? Отправлять детей воевать?! По моему плану, мы должны были дождаться авроров и организованно

отступить! Фа-ак...

-- Проснитесь! -- тряхнула я за плечо старика. -- Пошлите патронуса Скримджеру -- вам он поверит!

-- Я н-не...

Силой вложив в руку Дамблдора палочку, я сама взмахнула его рукой и попыталась вызвать патронуса. Легкое серебристое облачко возникло, чтобы лопнуть мыльны пузырем.

-- Крестный! -- распахнув дверь, в лабораторию влетел Драко. -- Я видел, как Паркинсон бежала к Запретному лесу!

Длинно и непечатно выругавшись, я бегом направилась к двери:

-- Нам следует немедленно начать эвакуацию. Соберите всех преподавателей в Большом зале, а я позабочусь о студентах.

Разослав вперед себя патронусов, я помчалась будить хаффлпаффцев, приказав Драко и папе заняться слизеринцами. Все "мозгошмыги" сейчас получат приказ немедленно разбудить и привести в Большой зал своих софакультетчиков, а уж там мы первым делом отделим агнцев от козлищ и спровадим подальше всех малышей и старшекурсников из пугливых.

Спали далеко не все -- в гостиной еще сидели человек пятнадцать, готовили уроки.

-- Гарри! Что стряслось? -- вскочил при моем появлении Невилл.

-- Началось, -- бросила я. -- Буди мальчиков, гони в Большой зал.

Сама я метнулась в женские спальни, бесцеремонно распахивая все двери. Сонные студенты нехотя поднимались, напяливали на себя одежду и топали, куда приказано -- видимо, мой бешеный вид казался им достаточно убедительным. Пару раз в коридорах мне попадались преподаватели, тоже подгоняющие отстающих. Дежурившие сегодня авроры, уже предупрежденные о более чем вероятном нападении, заняли позиции у окон и оглядывали кромку Запретного леса. Когда студенты и преподаватели в полном составе собрались в Большом зале, и с недоумением стали коситься на МакГоннагал, ожидая обьяснений, вместо нее заговорила я.

-- Над нами нависла угроза нападения. Директор очень болен, и защита замка ослабела. Тот-кого-нельзя-называть уже знает об этом и вскорости прибудет сюда, чтобы захватить замок. Эвакуация начинается немедленно! Разбейтесь на группы согласно спискам Дуэльного клуба и следуйте за своими инструкторами.

-- Мы не пойдем, -- помотал головой какой-то грифф. -- Если на Хогвартс готовится нападение, мы станем защищать его.

-- Глупцы! -- крикнула я. -- Вы не выстоите против Пожирателей! Скоро тут будут авроры, и...

Открылась дверь, Северус подобно летучей мыши пересек зал и шепнул мне на ухо:

-- Альбус мертв. Скримджер прислал сообщение, что авроры нужны на западе -- там буквально только что совершено нападение на маггловский городок.

-- О, Мерлин, -- простонала я. Неужели непонятно, что это лишь отвлекающий маневр? Сейчас авроры разбросаны по всей стране, и можно без труда захватить министерство и школу -- вместе или по очереди. Студенты шушукались и гудели, обсуждая ошеломляющие новости, то один, то другой заявлял о своем желании остаться.

-- Тишина! -- прикрикнула МакГоннагал. -- Мисс Снейп права: немедленно начинается эвакуация! Делайте, что вам велено!

-- Мы совершеннолетние! Вы не имеете права приказывать нам!

-- Совершеннолетние могут остаться, -- махнула я рукой и внутренне воя от предчувствия беды. -- Но все остальные должны уйти!

Это было похоже на день открытых дверей в сумасшедшем доме: мельтешащие тут и там студенты под чутким руководством "мозгошмыгов" направлялись к тайным ходам и переправлялись в различные укромные места, о которых только мы смогли подумать: свои дома и дома преподавателей, защищенные Фиделиусом, даже мой собственный дом и Малфой-мэнор, гду удивленная Нарцисса в срочном порядке приказала домовикам варить какао, и побольше.

В какой-то момент один за одним стали прибывать члены ОФ, с которыми я была шапочно знакома по свадьбе Сириуса. Августа и Алиса коротко обняли меня и отправились вместе со всеми проверять, не остался ли кто-то из несовершеннолетних в спальне. Тонкс, невыспавшаяся и встревоженная, пыталась через камин убедить Скримджера в исключительности положения, Люпин аппарировал к оборотням, а Хагрид ушел в лес в попытке поговорить с кентаврами.

-- Они идут! -- истошно завопила Сьюзан Боунс, облюбовавшая подоконник. Все выглянули в окна -- под неверным светом спадающей луны виднелись неясные черные силуэты, возникающие на кромке леса и медленно приближающиеся к замку. Я сперва не могла понять, что не так с некоторыми из них -- но Луна рядышком прошептала:

-- Они привели великанов, -- и я почувствовала, как встают дыбом тонкие волоски у меня на загривке. Великаны... Стены

Хогвартса им не преграда.

-- Нет! -- почти выкрикнула я и резанула себе левую ладонь. Оставляя кровавый отпечаток на хогвартской стене, я зашептала слова активации той части защиты, что была завязана на меня. Я буквально чувствовала, как натягиваются невидимые нити заклинания, опутывая всю школу -- но, Салазар, какими же тоненькими они были!

На ослабевших ногах я добралась до ближайшего стула и опустилась на него.

-- У нас час, -- сказала я МакГоннагал. -- Через час, может, меньше, Хогвартс останется без защиты. Хорошо бы до этого времени убедить Скримджера прислать авроров.

Глава 16

Томительные минуты ожидания тянулись густой патокой. Казалось, мы, как мухи, застряли в ней и не можем выбраться. Мы бесконечно слали патронусов всем, кому только можно -- камины в целях безопасности я закрыла. Скримджер не отвечал.

В какой-то момент я обратила внимание, что на открытом пространстве перед Хогвартсом прибавилось народу, в частности, около полусотни дементоров, похожих на пугала в своих тряпках.

Громадный клуб черного дыма упал с небес и превратился в высокого тощего человека без маски. Впрочем, его лицо и так мертвенно белело при свете луны.

-- Министерство пало, Скримджер убит! -- раздался громовой голос, и мне послышался стук сухих комьев земли о крышку гроба.

-- Выдайте мне девчонку, и никто не пострадает!

Кто-то за моей спиной нервно хихикнул и пробормотал:

-- Свежо предание...

-- Неужели они смогут причинить вред детям? -- выстонала МакГонагал, закрывая лицо худыми руками. Я только сейчас заметила, какие старчески-тонкие у нее руки, каждую жилочку видно. В обычное время гриффиндорская деканесса ни за что не показала бы своей слабости, но сейчас она была буквально разбита -- сперва словами Дамблдора о том, что дети вполне могут сражаться со взрослыми, а теперь и словами Риддла -- что эти самые взрослые всерьез собрались драться с детьми. С ее студентами, которым она не далее как несколько часов назад ставила "троллей" и задавала сочинение в фут длиной.

Я пыталась сосчитать Пожирателей. Выходило много, непростительно много -- не меньше, чем по трое-четверо на каждого. А у нас аж сотня защитников, из которых половина -- школьники. Будь ты проклят, Альбус Дамблдор, гори в аду вечно!

Обернувшись, я посмотрела на нашу "армию": остались почти

все семикурсники, большая часть шестикурсников и несколько сумевших затеряться в толпе младшекурсников, среди которых я с бессильной злостью узнала обоих братьев Криви. Молли и Джинни, полные мрачной решимости, вглядывались в темноту за окном, Сириус расхаживал взад-вперед, как лев в клетке.

-- Если мы не собираемся сдаваться, то нужно нападать немедленно, пока я еще могу попросить помощи у замка, -- тихо сказала я. Стоявшая рядом со мной Августа согласно кивнула:

-- Да, Гарри. Веди нас.

Легко сказать -- веди! Окинув взглядом стоящих передо мной людей, я приказала:

-- Разделитесь на пары и тройки так, чтобы взрослые оказались со студентами. Прикрывайте друг другу спины. Их вчетверо больше -- так что не рассусоливайте, бейте на поражение. Кто может -- используйте даже непростительные, сейчас наша задача -- выжить.

Защитники разделились, как им было приказано, и я скомандовала десяти группам идти на башни и в крытые наружные галереи, прикрывать остальных сверху, а оставшихся повела к двери. Конечно, на галереи отправились самые слабые, в основном девушки и те из юношей, у когореакция была помедленней.

Глянув на сверкающие доспехи, стоявшие вдоль стен, я хлопнула в ладоши и приказала:

-- Хогвартс в опасности! Выполняйте свой долг!

Металлическое бряцание десятков кованых сапог свидетельствовало о том, что все пустотелые рыцари сошли со своих постаментов и приготовились отражать нападение. Кто-то за моей спиной тихо ахнул, но я не обратила внимания. Вновь раздался голос Риддла, усиленный Сонорусом:

-- Сдавайтесь!

Я мановением руки распахнула двери и не нашла ничего лучше, чем во всю усиленную заклинанием глотку заорать:

-- Хер тебе!

Плохой лозунг, но верный по своей сути.

Все смешалось в кучу: кони, люди... Правда, к коням можно было условно причислить только Фиренце, но он повсюду успевал, метаясь туда-сюда с Флитвиком на спине. Ход обоснованный -- малютку профессора неминуемо затоптали бы, а так он эдаким наполеоном разбрасывал направо-налево заклинания, оправдывая свою славу непревзойденного дуэлянта.

Я видела как из разбитого окна спикировали одна за другой каменные гаргульи, охранявшие кабинет Дамблдора, и кинулись в самую гущу схватки, прикрывая студентов от вспышек заклятий

своими огромными крыльями.

Из башни, в которой обитала Сибил Трелони, с удивительной меткостью вылетали приправленные магией хрустальные шары, попадая точнехонько в пожирательские головы.

Серебристые патронусы метались над полем битвы, отгоняя от своих владельцев дементоров.

Я рассылала заклятья из принадлежавших Блэкам книг направо и налево, лихорадочно выискивая взглядом своих, и мой взгляд то и дело выхватывал различные картины сражения.

Тонкс дергает на себя Джинни, заставляя ее увернуться от заклятья, и тут же располосовывает Сектумсемпрой грудь Пожирателю.

Крэбб и Гойл, забыв пропалочки, дружно бьют в челюсть своих противников, и те оседают на землю пыльными мешками.

Дэннис Криви, младший из братьев, нелепо взмахивает руками и с донельзя удивленным видом падает на землю, в груди, напротив сердца, у него дыра размером с мой кулак.

Драко, выхватив в толпе знакомое лицо, с боем прорывается к матери и втягивает ее в защитный круг, образованный им самим, Сириусом и Гойлом.

Длинные волосы Астории, попав под режущее заклятье, медленно падают наземь, а сама она, побледнев, зажимает рукой длинный порез на ключице.

МакГоннагал создает из земли устрашающего вида големов и отправляет их в толпу Пожирателей, те наконец догадываются наколдовать воды и големы оседают кучами грязи.

Люциус посылает Аваду в спину какому-то бывшему соратнику и, отшвырнув пожирательскую маску и плащ, встает спина к спине с Кингсли...

С башен и галерей неслись вспышки заклятий, сражающиеся на земле тоже не подкачали, и первая волна Пожирателей была отброшена.

Но их все еще оставалось больше трех сотен, черных фигур на краю леса, накрытых мощным щитом, выжидающих и не вступающих в битву. Верные псы ждали команды хозяина, подвывая от предвкушения.

-- Сдавайтесь сейчас и я пощажу вас! -- снова посулил Волдеморт, и какой-то аврор, закричав в исступлении:

-- Умри! -- бросил в него Аваду.

-- Я рсцениваю это как отказ, -- холодно уведомил Волдеморт, закрываясь от заклятья каким-то сторонником, и дал отмашку. К нам устремились все оставшиеся Пожиратели и я отчетливо поняла: это конец. Если сейчас не произойдет чуда, через полчаса-час мы все будем лежать вот на этой сырой земле.

Тем не менее я хрипло заорала и взмахнула палочкой, призывая отступить ближе к школе, под защиту ее стен.

Пожиратели тоже явно не стремились оставлять нас в живых -- зеленый луч Авады был, наверное, доминирующим среди пестрой радуги их заклятий. Старинные семейные заклятья, общеизвестные и широко распространенные пользовались равным успехом, самые неизобретательные защитники швырялись в нападающих тяжелыми предметами с помощью левитирующего заклятья. Великаны, добравшись до Хогвартса, начали ломать стены и пытаться обрушить галереи: их общими усилиями была немедленно уничтожена Астрономическая башня и галерея, ведущая к совятне. Их почти не брали заклинания, только глыбы камня, левитируемые на большой скорости.

Нас было непростительно мало, и становилось все меньше -- я видела, как то один, то другой защитник падал, сраженный пожирательским заклятьем. В тот миг, когда я уже решила, что все потеряно, мое чуткое ухо уловило топот множества копыт, и табун кентавров с луками в руках вылетел из леса. Они врезались в самую гущу схватки, топча копытами Пожирателей и выхватывая из толпы защитников. То один, то другой взлетал на широкую спину и, приноровившись, слал заклятья одновременно со стрелами своей "лошадки".

Хагрид ринулся сражаться с великаном, и я вдруг поняла, какой же он на самом деле маленький -- Рубеус приходился самому низкорослому из них по пояс.

Но даже с кентаврами нас оставалось вдвое меньше. Отчаянно мечась под вспышками, я почти молилась, чтобы Маркус откликнулся на мой зов. Неужели все было впустую? Где же тогда хотя бы Ремус?

Волки все же пришли. Серой в лучах луны волной они выкатились из леса, молча напав на Пожирателей со спины. Их было много, наверное, все боеспособные мужчины и женщины стаи, и я мысленно возликовала: теперь перевес на нашей стороне!

Дезориентированные и напуганные Пожиратели сдавали позиции, начали понемногу убегать, аппарируя, и я поспешно накрыла поле битвы антиаппарационным щитом, почти истощив свой магический резерв. Плевать, надо будет -- перекинусь, но ни одна сволочь не должна уйти! Когда несколько попытавшихся аппарировать Пожирателей упали наземь в виде кровавых ошметков, другие поняли, что нужно искать границу, и попытались бежать в сторону леса, но оборотни преследовали их по пятам, как овчарка -- овец, и загоняли в общую кучу. С их появлением битва стала гораздо кровавей -- волки, не мудрствуя

лукаво, перекусывали шеи, отгрызали конечности(в первую очередь палочкосодержащие), вспарывали острыми когтями животы и ломали ударом мощной лапы хребет.

Единственный вопрос не давал мне покоя: где же Реддл? Но мне было некогда над ним размышлять, и, уверенная в том, что он прячется где-то поблизости, я продолжала методично истреблять попадающихся на глаза Пожирателей. Я не была знакома ни с кем из них лично, так что совесть меня не мучала -- даже если это чей-то отец, брат или сын, то он пришел сюда затем, чтобы убивать. Убивать таких же отцов, сыновей и братьев.

Бой подходил к своему логическому концу. Считанные Пожиратели оставались на ногах, в основном это были приближенные из внутреннего круга. Беллатрикс сражалась с семейством Лонгботтомов, отец Паркинсон отбивался от Люпина, папе тоже явно достался кто-то из старых знакомцев, поскольку они еще и переругиваться успевали...

Подбежав к Беллатрикс, я запустила ей в спину Авадой и упала на землю, уворачиваясь от брошенного Августой заклятья.

-- Ты ее убила! -- ахнула Алиса и поспешно помогла мне подняться.

-- И очень хорошо, -- удовлетворенно произнесла я, пиная тело Лестранж носком сапожка. Это я что, всю битву на каблуках пробегала? Надо же, даже не заметила. Только сейчас я обратила внимание на то, что многие защитники красовались в пижамах или халатах. Ну точно, день открытых дверей в дурдоме...

-- Как мало нас осталось, -- пораженно огляделась Августа, опираясь на плечо Невилла. Действительно, потери были огромные. Почти все авроры погибли -- они все старались защитить порученных им студентов, из самих же студентов остались в живых хорошо если каждый третий -- они отчаянно бросались в бой, особенно пылкие гриффы. Оставшиеся в живых хлопали друг дружку по плечам, обнимались, рыдали, узнавая в лежащих на земле телах вчерашних соседов по парте. Августа поманила к себе Алису:

-- Помоги мне дойти до Большого зала. Не хочу садиться на землю.

Мы с Невиллом остались одни, и он неуверенно спросил:

-- А где Волдеморт?

-- Не знаю, -- пожала я плечами. Может, я ошибаюсь и он сбежал под шумок, решив, что своя шкура дороже мести? Усилив голос Сонорусом, я приказала:

-- Осмотрите все тела! Сносите раненых в Большой зал, что можно, залечивайте на месте. Пожирателей не добивать, глушить Петрификусом и складывать отдельно!

Нервно хохотнув, Невилл оглянулся на Беллатрикс, глядящую в небо безумными даже в смерти глазами.

-- Ну, эта-то гарантированно мертва.

-- Ну, она же не Девочка-которая-выжила, -- усмехнулась я, и тут Невилл вдруг стал заваливаться на меня, даже не пытаясь устоять на ногах. Не понимая, какого черта происходит, я выставила вперед руки и едва успела поймать его и опустить на землю. Удивленные темные глаза смотрели как-то невидяще...

-- Невербальная Авада Кедавра, -- похвастался Риддл, подходя поближе. Он походя наколдовал вокруг нас непроницаемый купол и, улыбаясь, сказал:

-- Ты и я, Гарриэт. Здесь и сейчас. Я знаю, твои силы на исходе -- ты слишком много вложила в антиаппарационный купол. Колдовство такой мощи поражает.

Голоса доносились до меня как сквозь мутную толщу воды.

"Гарри!" -- кричал кто-то в отчаянии, пытаясь пробить наколдованную сферу.

"Гарриэт!" -- вторил ему другой голос.

"Невилл!" -- слитный вопль двух женщин заставил меня ошалело потрясти головой.

Невилл умер. Невилл -- умер?!! Как такое вообще возможно? Это же Невилл, он был со мной всегда, как же я без него? Я же не умею без него!

-- Экспеллиармус! -- палочка вылетела из моего заднего кармана, и Риддл с видимым удовольствием переломил ее пополам.

-- Что за? -- он неверяще поднес палочку к глазам, чтобы удостовериться -- она цельная, без сердцевины. -- Что это за палочка? -- потрясенно спросил он. Наверное, решил, что сломал знаменитую Бузинную палочку -- в той ведь, судя по всему, сердцевины тоже не было. Но ты ошибаешься, Риддл, Бузинная палочка у Дамблдора, в его старой мертвой руке, и ты никогда ее не увидишь -- трупы незрячи. А ты сейчас будешь труп.

Безумно захохотав, я обернулась и метнулась к Риддлу смазанной черной тенью, опрокидывая, рвя, кусая...

А потом облизала окровавленную морду и завыла дико и страшно, не глядя в карие глаза, из которых ушла жизнь.

С треском лопнула сфера, вокруг меня забегали, засуетились люди, но я не видела их. Молча я ушла в лес, и никто из них не сделал попытки меня остановить.

Эпилог

Я аппарировала прямо к крыльцу, и чуть не опрокинула дурацкого садового гнома, подаренного Луной на прошлое Рождество. Нет, вообще-то гном был очень милым, в красном

костюмчике, ботинках с пряжками и колпаке, и в руках у него был настоящий старинный фонарь, внутрь которого можно было помещать огонь, но сегодня меня раздражало буквально все, потому-то и ни в чем не повинный гном казался дурацким.

А все дело в дате. Двадцать шестого мая, в наиболее празднуемый день в магической Британии, мне приходилось выдерживать четыре часа банкета плюс раздача автографов и пресс-конференция. Кингсли предлагал перенести конференцию на двадцать седьмое, но я возопила: "И изговнякать себе еще один день? Благодарю покорно!" Так что раз в год я отбывала обязаловку и была свободна остальные триста шестьдесят три дня.

Нынешний праздника победы не стал исключением. Умопомрачительно дорогая мантия, высокие каблуки(и плевать с Астрономической башни, что так половина присутствующих мужчин ниже меня!), сложная прическа и два часа на макияж. Героиня должна выглядеть соответственно, тем более если это единственный день в году, когда прессе дозволено ее фотографировать. Нет, для Риты и Колина я делаю исключения, но других папарацци в обычное время ждет штраф и запрет на занятие любимым делом. И разбитая колдокамера. Должны же быть какие-то плюсы в моем звании Народной-и-любимой-спасительницы-всея-Британии!

Произнесла душещипательную речь, заклеймив всех мечтающих о мировом господстве, призвала к толерантности и терпимости(может, начать на маггловских гей-парадах подрабатывать?), напомнила, какая нехорошая штука -- война и объявила минуту молчания в честь безвременно ушедших. Когда пятнадцать лет назад подвели итог разрушениям, трупам и тэ дэ, оказалось, что жертвами Риддла стали в общем и целом триста двадцать восемь человек. Из них -- сорок девять студентов Хогвартса, сто двадцать три аврора и восемнадцать министерских работников. Остальные -- мирные жители. Эта война оказалась кровавее прежней (даже если не учитывать того, что жертв-маглов в список не включили), когда большинство жертв удалось вылечить, а бои носили в основном характер стычек ПСов с аврорами и фениксовцами.

Кто-то умный предлагал даже сделать на территории Хогвартса кладбище, но Северус с МакГоннагал уперлись руками и ногами, придя в ужас от одной только мысли, что дети будут учиться рядом с могилами. Подозреваю, что гриффиндорская деканесса упиралась из благих и высокоморальных побуждений, но вот папа -- из чисто меркантильных. Ну, посудите сами: примерно пятьсот ребят, каждый со своими тараканами в голове,

свежекупленной палочкой в кармане и решимостью тут же опробовать ее в деле. И целое кладбище, ну и что, что геройское, а в библиотеке -- масса интересных книг... надо продолжать? В общем, Северус решил, что инфери из бывшего ученика не обрадует его, и предложил раздать трупы безутешным родственникам, ограничившись на территории школы только мемориальной доской.

Честно говоря, лично я ему за это очень благодарна. Потому что похороны Невилла я еще пережила, а вот коллективные похороны сорока девяти соучеников явно не пошли бы на пользу моей и так расшатанной детской психике. Это для кого-то все сорок девять погибших могут оставаться цифрами статистики, а для меня они -- вчерашние соученики, чьи имена я никогда не смогу забыть.

Хватит с меня и того, что я ежегодно прохожу по "местам боевой славы", вызывая в памяти события тех дней, когда все были еще живы и здоровы, а величайшей неприятностью считалось попасться Филчу, возвращаясь с полуночного свидания.

...Здесь нашли окаменевшего Джастина Финч-Флетчли, прозванного "Тридцать три несчастья" -- с ним постоянно что-то случалось, и в последний раз парню не повезло, когда подраненный Пожиратель уже в Большом зале ухитрился свернуть ему шею.

Вот класс ЗОТИ. Когда-то Ремус, которого сразило заклятье неизвестного, учил меня здесь вызывать патронуса.

К этому подоконнику меня когда-то оттеснили Гойл и Крэбб, чтобы нескладно пробурчать: "Ну, это... Ты теперь наша. Обращайся, если чё." Ребята тоже лежат на кладбище, расположенном на одной из полян Запретного леса, а Драко назвал своих сыновей-двойняшек Винсентом и Грегори.

Здесь Колин знакомил меня со своим братом Деннисом. Денни погиб, а Колин выгорел дотла, колдуя, и теперь способен лишь на простейший Люмос...

Первый месяц после Битвы я провела в лесу. Меня тогда здорово выручила Тонкс -- приняв мой облик, метаморфиня терпеливо отвечала на вопросы, благо, в Битве она участвовала и была введена папой в курс всех наших дел. И на церемонии прощания с погибшими тоже была она -- я в это время скулила брошенным волчонком в пещере Хелен, волчицы из стаи Маркуса, ставшей последней в череде пассий Ремуса Люпина. Думаю, если бы их отношения не прервались, едва начавшись, то Хелен стала бы его женой -- до того она подходила Луни.

Если бы не Хелен, я не знаю, чем бы все для меня закончилось. Именно она нашла меня в лесу, когда я забилась

под выворотень сразу после убийства Риддла, привела к себе и заставила отправить весточку папе. Именно она терпеливо выслушивала сперва мои сбивчивые рассказы о том, какой хороший был Невилл и как я его любила, а потом выла со мной дуэтом, помогая выплакать горе.

Хелен же и сказала банальную, но так необходимую мне фразу: "Теперь ты должна жить, чтобы его смерть не оказалась напрасной." Она и сама продолжала жить, отгоревала положенное и через две недели уже спуталась с каким-то голубоглазым волчком. Хотя сына впоследствии все же назвала Ремусом.

Вот и я не замкнулась в себе, не принесла обет молчания/безбрачия/всех оставшихся Пожирателей убиения. По последнему пункту -- пусть этим занимаются те, кому по долгу службы положено, а несчастного шестнадцатилетнего ребенка оставьте в покое, будьте так любезны. По первым двум -- вряд ли Невиллу стало бы легче от того, что я похоронила себя заживо. Единственное, что я год после того носила лишь черное и не снимала кольца. Зато ровно через год я одела мантию в цвет глаз и положила колечко в шкатулку, перевернув эту страницу навсегда.

Экзамены в тот год все сдавали в июле, после того, как была отремонтирована школа, а результаты СОВ и ТРИТОН получили, как обычно, в августе -- комиссии пришлось ударно поработать, но никто не жаловался. Все старались как можно скорее пустить жизнь по накатанной колее, и на фоне общей суматохи и неразберихи мне удалось наловить с пуд рыбки в мутной водичке. Самая главная моя рыбка, я бы сказала даже, Гигантский кальмар -- Люциус Малфой в роли министра магии. Кингсли жутко обиделся, что я его не поддержала, и что он стал всего только вторым заместителем, но я чихать хотела на его обиду. Шеклболт мне никто, а Малфой -- проверенный и умеющий держать слово союзник. Вторая рыбка, размером с сома -- первый заместитель министра, Алиса Лонгботтом. Финт ушами, согласна -- просто вспомнилось, что в свое время Алиса работала в аналитическом центре ОФ, а сейчас ее надо бы занять чем-то, и желательно часов на шестнадцать в сутки, чтобы некогда было горевать о сыне. Ну, и так, всякая мелкая рыбешка: протащила Закон о Волшебных Расах(гоблины, оборотни, кентавры и вейлы), основательно подправила список запрещенных чар и зелий, внеся все показавшиеся необходимыми поправки и заставила пересмотреть образовательную программу, за основу взяв дурмштранговский список изучаемых предметов. С ума сойти, у них невербальные чары на втором курсе учить начинают, и есть спецкурс по магии разума!

Еще раз земной поклон Хелли -- благодаря ей я собрала себя из осколков всего за месяц, и смогла на гребне волны собственной славы провернуть все эти аферы, пока еще не стала кем-то вроде свадебного генерала. Потом, год спустя, меня вряд ли стали бы слушать, даже будь я хоть трижды героиня и не заимей я большую мохнатую лапу в министерстве. Тот же Кингсли мягко указал бы мне на то, что я всего лишь вчерашняя выпускница, и отправил восвояси, и, захоти я сделать карьеру в министерстве, то начинала бы младшим помощником старшего заместителя начальника какого-нибудь отдела.

Правда, о политике я и не помышляла, твердо решив посвятить себя медицине, и после окончания школы пошла в ученики к целительнице Мелиссе Уртике, славящейся тем, что женщина умела буквально все. Вот не хотел человек специализироваться только на последствиях неправильно наложенных заклятий или спасать только жертв косоруких зельеваров. Я, собственно, тоже, так что Уртика добросовестно обучала меня в течении восьми лет, я не менее добросовестно училась, и сейчас, в свои двадцать семь, была весьма востребованной специалисткой. И высокооплачиваемой -- хотя в моем сейфе денег и так было предостаточно, особенно после того, как близнецы стали импортировать свои изделия на континент (я все еще была их деловым партнером). Они обьявили себя моими пожизненными должниками за то, что я уболтала папу сотрудничать с "УУУ", и регулярно консультировала их на предмет побочных эффектов при испытаниях очередного сврхпродаваемого шедевра.

Итак, праздник закончился, и можно наконец спокойно усесться в любимое кресло перед камином, вдоволь поностальгировать, напиться маггловского кофейного ликера, чтобы из ушей закапало, и уснуть, а утром проснуться и не вспоминать о двадцать шестом мая целых триста шестьдесят три дня.

Гнома аккуратно поправить, наколдовать свежий огонек в его фонарик(старый что-то тускловат), разбросать по прихожей туфли, закинуть на трюмо мантию. Завтра уберу, а может, попрошу Добби, хотя ему сейчас работы хватает -- Северус, как обычно, с головой ушел в работу, Дора одна управляется с мелким, а руки у нее всегда жили отдельной от разума жизнью. Надо бы заглянуть к ним завтра, Тедди что-то покашливал... Или показалось? Вот правду говорят, целитель в малейшем чихе сенную лихорадку подозревает.

Хотя Тедди недавно опять вечером в саду до росы гулял, вполне мог простудиться. Не брат, а капелька ртути -- недаром

родился в июне. Близнецы, они и есть Близнецы -- то шустрый сверх меры, то вдруг у папы с полки книгу стащит, засядет в уголочке и читает. Нет, не зелья для начинающих, а "Некрономикон". Что из него вырастет -- страшно подумать, но Хогвартс мне уже жалко. То, что может взбрести в черноволосую головенку братишки, даже чешуйчатому не снилось.

Он родился восемь лет назад, когда Северус стал работать в Хоге на треть ставки (хоть как он ни говорил, что ненавидит преподавать, а подготовку студентов к ТРИТОН вести не отказался) и всерьез занялся изобретательством, а Тонкс внезапно решила, что хватит с нее аврората и заявила, что собирается посвятить остаток жизни воспитанию маленького Снейпика, а лучше двух. Хватило и первого -- Дора порой с ног сбивалась, гоняясь за малолетним пакостником. Хотя, надо отдать мальчишке должное: он никогда не пакостил чисто из любви к искусству, всегда оказывалось, что его действия носят исследовательский характер. Вот бы его бурную энургию, да в нужное русло...

Завернувшись в плед, я откупорила бутылку и лениво щелкнула пальцами, разжигая камин. Этот дом я построила сразу после совершеннолетия, в Запретном лесу, на полпути от Хогвартса к волчьему поселку. Хотя после принятия Закона о Волшебных Расах оборотни уравнивались в правах с волшебниками и их детям, наделенным колдовской силой, разрешили поступать в Хогвартс, большинство из стаи Маркуса предпочли остаться жить на старом месте. Конечно, теперь пещеры было не узнать. Великая наука -- трансфигурация!

Оборотни-магглы занимались выращиванием и поставкой в аптеки лекарственных трав, разводили крупов и другую мелкую живность. Оборотни-маги смогли устроиться на работу. Община Маркуса была в Британии самой большой и процветающей, что неудивительно -- каждый второй в ней носил звание участника боевых действий, но и другие общины потихоньку благоустраивались, перенимая их опыт. Главное было сломать стереотип, показать, что опасными делают оборотней сами волшебники -- когда загоняют их в своеобразные резервации и лишают возможности работать, чтобы банально прокормить семью. Рита с огромным удовольствием взялась за создание нужного имиджа: серии статей на тему "бедные, обиженные волчки" с колдографиями домашней утвари и оборотневских ребятишек в рванье хватило для того, чтобы магическому сообществу стало стыдно. А потом Рита написала о кентаврах, как о величайших толкователях движения звезд и планет, предсказавших едва ли не каждое событие времен

Противостояния(так окрестили весь период от возрождения Риддла до его смерти), и толпы экзальтированных дамочек забросали министерство письмами, в которых просили открыть нечто вроде академии прорицателей и ведуний, с преподавателями-коняшками. Читала я те, якобы, пророчества -- ересь полнейшая: "Марс особенно ярок в Венере, Сатурн в двенадцатой позиции к Юпитеру"... По-моему, кентавры просто довольно остроумно пошутили, выдав свою "Камасутру" за сборник предсказаний, но... "Меня обманывать не нужно, я сам обманываться рад".

В общем, открыли эту самую академию, заодно и кентавров в правах с магами уравняли, чтобы можно было их официально на работу нанимать. Вместе с кентаврами проскочили и оборотни, а гоблины и вейлы -- это так, впридачу, чтобы им не обидно было. Зато я теперь почетный гоблин, а вейлы каждый год приглашают меня на свой жутко секретный праздник Ста Королев. Здорово, да? Подобной чести еще не удостаивался никто из смертных. Да что я, гоблины даже не берут с меня денег за пользование сейфом! А это для них куда более весомое изъявление расположения, чем какое-то звание. Что до меча Годрика Гриффиндора, то Грипхук обнаружил-таки чары, связующие меч и Шляпу, но с меня взятки были гладки: я свою часть сделки выполнила, а что умолчала о некоторых нюансах -- так это по гоблинским меркам даже почетно. Обмануть гоблина -- не каждому колдуну удастся... В общем, чары сняли, а меч так и находится в розыске.

Да, что интересно, палочки они себе так и не покупают. Вот уж впрямь, было бы желание подраться, а повод всегда найдется.

Так вот о доме: пока я доучивалась в Хогвартсе, дом в Спиннерс-энд устраивал меня весьма и весьма. Но после выпускного я заявила Северусу, что хочу свой собственный, и отправилась присматривать местечко в Запретном лесу. Запретный лес -- это уже не территория школы, так что покупка земли и стройка там не запрещена, хотя преподаватели все же предпочитают Хогсмид или другие города/села -- оригиналов вроде меня, желающих поселиться в потенциально опасном месте, до сих пор не находилось.

Милая чиновница из отдела землеустроения оформила все бумажки и поклялась молчать -- вот еще толпы репортеров перед домом мне не хватало! Все та же библиотека крестного подсказала подходящие чары, и я возвела свой дом, как основатели -- Хогвартс, из магии и подручных средств. Трансфигурировала себе строительный камень, доски, черепицу и тэ дэ, соединила с помощью магии, и получила замечательный

крохотный домик, с одной спальней, гостиной, кухней и ванной -- никого в гости я не собиралась звать, а на семейство не рассчитывала. Если я когда-нибудь и выйду замуж, то тогда уж точно в лесу жить не буду. Папа сперва поворчал немножко, что я всегда была и буду его дочерью, и вовсе необязательно переезжать куда-то, но потом понимающе посмотрел мне в глаза и просто попросил наведываться почаще. Собственно, я и наведывалась -- каждый день к завтраку, поскольку готовить с утра мне было лень, а у папы был Добби. Получалось, будто мой дом -- это попросту продолжение дома в Спиннерс-энд.

Вообще после войны все ринулись жениться, рожать детей, и теперь в Хогвартсе намечался небывалый аншлаг. Первой станет Береника Грейнджер, за ней Гидеон Уизли, последний сын Молли и Артура (вот героическая женщина!)и Ровена Диггори получат пригласительное письмо, а там подтянутся дети других студентов, что тоже почти все обзавелись семьями сразу после школы -- вдвоем легче забыть ужасы прошлого. Или втроем -- близнецы Уизли, едва выписавшись из Мунго(Джордж лишился уха, а Фред обзавелся безобразным шрамом во всю щеку), сделали предложение рук и сердец своей обожаемой Анджелине. Та предложение приняла и немедленно переехала на Диагон-аллею, в маленькую квартирку над магазинчиком "УУУ". Даже Колин наконец уговорил Луну выйти за него замуж. Он почти стал сквибом после Битвы, но не унывал -- все равно собирался заниматься колдографией, а в этом деле много магии не нужно. Шесть лет он проработал бок-о-бок с Лавгуд в редакции "Придиры", а потом наконец добился своего: сперва стал папой, а потом и мужем. Луна у нас всегда отличалась оригинальностью.

Женился и Драко, двое его синеглазых сыновей-двойняшек с пеленок мечтают попасть на Слизерин. Лет до пяти они были частыми моими пациентами -- Асти не смогла доносить их до срока, слабенькие и хилые мальчики так и притягивали к себе разнообразные болячки, так что, можно сказать, я стала для них ангелом-хранителем. Мчалась по первому зову, хоть посреди ночи, сбивала температуру, сидела у кроваток до утра. Ирония судьбы: погибшие в Битве Гойл и Крэбб, в честь которых были названы мальчики, всегда отличались просто-таки богатырским здоровьем. Во время ночных бдений мы с Асторией сдружились, как когда-то с Герми. Конечно, ей я не рассказывала многих своих секретов, но все же ближе подруги у меня, пожалуй, и не было.

Отчего-то складывалось так, что всех своих мужчин я меряла по Драко и Невиллу, потому-то до сих пор и не обзавелась мужем, а только шлейфом из брошенных кавалеров. Дольше всех продержался один из маркусовых оборотней -- два года, ровно до

того момента, как решил, что уже достаточно приручил меня и может диктовать свои правила. Нет, не для того я восемь лет училась, чтобы вот так вот запросто бросить свою работу и воспитывать выводок ребятишек. К тому же материнский инстинкт своей волчицы я довольно успешно переносила на пациентов, и никаких неудобств по этому поводу не испытывала. Хотя иногда вспоминала "незлым тихим словом" того, по чьей вине моя жизнь сложилась так, как сложилась.

Каждый год двадцать шестого мая я прохожу по почти незаметной тропинке в глубь леса, туда, где белеет простой мраморный саркофаг. На нем нет ни надписей, ни дат -- все и так знают, кто лежит под тяжелой плитой.

Альбус Брайан Вульфрик Персваль Дамблдор.

Он был человеком, но искренне считал себя богом.

Безумец.

После окончания войны я много раздумывала над причинами странного поведения старика, и пришла к выводу, что всему виной послевоенный синдром. Он вовсе не играл, он просто боялся стать старым, ненужным. Понять его можно, а вот простить...

Пусть прощает Бог, а если говорить так грешно, то я с радостью буду гореть в аду за свои слова.

Простить Дамблдору -- выше моих человеческих сил.